

АТЛАНТИДА

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ

ДМИТРИЙ
ВОРОНИН

ЕВГЕНИЙ
МАЛИНИН

ЮЛИЯ
ОСТАПЕНКО

ЭЛЕОНОРА
РАТКЕВИЧ

АЛЕКСЕЙ
ФОМИЧЕВ

ДЕНИС
ЮРИН

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

АТЛАНТИДА

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

АТЛАНТИДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО **ас†** . ТРАНЗИТКНИГА

МОСКВА 2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
А92

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 27.10.05.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 31,92. Тираж 15 000 экз. Заказ 2903.

Атлантида : [сб.]. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига,
А92 2006. — 604, [4] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-033166-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-1167-0 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9578-2752-5 (ООО «Транзиткнига»)

Мастера отечественной фантастики приглашают вас в путешествие
по мирам!

Мирам, уже давно вам полюбожившимся, — и мирам, с которыми вам
еще предстоит познакомиться...

Мирам далекого и недалекого будущего — и мирам фэнтези и
литературных легенд, классических и не очень...

Среди этих миров есть добрые — и жестокие, страшные — и
откровенно СМЕШНЫЕ.

Но в каждом из этих миров СТОИТ ПОБЫВАТЬ!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В. Васильев, 2006

© Д. Воронин, 2006

© Е. Малинин, 2006

© Ю. Остапенко, 2006

© Э. Раткевич, 2006

© А. Фомичев, 2006

© Д. Юрин, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2006

ISBN 985-13-5841-X (Харвест)

Владимир Васильев NO PAST

(цикл «Ведьмак из Большого Киева»)

Ночь лилась на площадь, густая, словно патока. Сразу с нескольких сторон — «дынц-дынц-дынц!» — доносилась музыка. Такое впечатление, что одинаковая. А, возможно, и нет — Геральт не вслушивался в голоса модных нынче медоголосых певичек, кукольно раскрашенных и патологически безмозглых. Спасибо, что в такт попадают, да не фальшивят: раньше и такие на сцене встречались. В раннем детстве вирг все уши оттоптал, не иначе.

Площадь была огромна — говорят, самая просторная в Большом Киеве. Говорят, даже не только в Киеве — Европа, мол, тоже по этой части отдыхает. Вполне возможно, Геральт не мог припомнить площадей, превышающих размерами эту.

Вообще-то здесь, в Харькове, ему нравилось. Особенно сейчас, летом. Нет той одуряющей жары, которая свойственна южным районам Большого Киева — Мариуполю, Каховке, Николаеву, Одессе. Ночь шепчет и обволакивает, хоть на палец наматывай. Если бы не иллюминация — мерцали бы звезды, а так их почти не видно. Большинству киевлян они казались редкими и тусклыми искорками в небе, но Геральт видел звезды лучше остальных живых, причем не только глазами.

Возможно, на настроение Геральта влиял и тот факт, что Арзамас-16 испытывал внезапное финансовое благополучие:

после одного странного дельца Геральт заработал кредит от какой-то финансовой группы (название сразу же забылось за необходимостью) и в ближайшие несколько лет киевские ведьмаки могли спокойно заниматься настоящей работой, не ввязываясь в сомнительные предприятия и не оглядываясь на размер гонорара. В иные времена Геральт вряд ли стал бы бездельничать в Харькове так долго, давно нанялся бы, благо предложения за последние дни поступали. Но глянувшись они Геральту дурно пахнувшими и грязноватыми. Один заказчик-орк явно был наркоманом, ведьмак моментально унюхал аптеку, даже опознал по запаху препарат, которым орк травился. Второе приглашение подразумевало скорее стычку с живыми, чем с опасными механизмами, а в такие дела ведьмаки и в тугую годину старались не ввязываться.

Но времена, слава жизни, стояли вовсе не тугие, поэтому скользкие предложения Геральт с чистым сердцем отклонял. Никуда настоящий заказ от него не уйдет, следует просто ждать.

И он ждал. Третью неделю.

Далеко за полночь ведьмаку надоело гулять по бескрайней, уставленной десятками и сотнями палаток-наливаек площади. Толпа заметно поредела, многие переместились в близлежащий парк, даже музыка кое-где поутихла.

«Хорошо, что у меня номер окнами не на площадь, а во двор, — подумал Геральт довольно. — А то и просыпаться пришлось бы под «дынц-дынц-дынц»».

Обогнув последний перед гостиницей ряд палаток, Геральт неспешно направился к одному из входов. Он не захотел блуждать внутри здания, большого и, как водится, обладающего достаточно запутанной системой коридоров, галерей, лестниц и переходов. Пошел ко входу непосредственно в свой корпус. Для этого пришлось свернуть в арку, которая в это время суток утопала в густой тени.

Не обладающий ночным зрением живой тут, безусловно, ослеп бы на какое-то время.

Но только не ведьмак.

В арке его поджидали четверо.

Геральт остановился; двое преградили путь, третий и четвертый возникли за спиной, отрезая дорогу к бегству.

Впрочем, бежать Геральт и не подумал. Он остановился, полуобернулся, так чтобы держать в восприятии всех четверых, и замер.

— Коллега, — негромко сказал один из четверки. — Нам позарез нужны тридцать гривен.

Кажется, это был человек. И трое других вроде бы тоже люди. В темноте они видели хуже Геральта и хуже орков, это понять было несложно по широко открытым глазам и еле заметным неуверенным движениям головы — просто они поджидали в этой арке довольно давно и с грехом пополам успели привыкнуть к темноте.

Геральт медленно сунул руку в карман куртки, вынул три десятки, на ощупь отделив их от других купюр, и протянул говорившему. Молча.

Тот взял деньги — рука незнакомца чуть-чуть промахнулась мимо бумажек, но едва коснувшись их сгибом пальцев, незнакомец вывернул ладонь и сграбастал добычу в кулак.

Возникла заминка. Похоже, четверка не ожидала, что им отдадут деньги вот так, просто и безропотно. Геральт чуть ли не физически чувствовал, как в крови их бурлит адреналин.

Грабители пришли сюда настроенными на драку или стрельбу. Без сомнений. Тридцать гривен были просто предложением, зацепкой. А Геральт драться не стал и тем самым спутал нападавших карты.

Неизвестно чем бы это все закончилось, но тут с улицы неожиданно свернул автомобиль, разогнал аспидную тьму галогенной морсью фар, замедлился и полез в арку, будто крыса в нору. То ли арка была узкой, то ли автомобиль чересчур широким — он едва не задевал за стены растопыренными зеркалами. Библикнул, а секунду спустя поршнем вытеснил Геральта вместе с четверкой грабителей во внутренний дворик гостиницы.

Вход в корпус сиял метрах в десяти, да и во дворике было не в пример светлее, нежели в арке. Геральт успел вовремя сузить зрачки, а вот нападавших галогенки явно ослепили. Поэтому, не теряя времени попусту, ведьмак бесшумно переместился к крыльцу, уже в дверях оглянулся и в следующий миг оказался в вестибюле. Как он и ожидал, бандиты следом сунуться не решились.

Поднявшись в номер, Геральт проверил окна и замки на двери — вроде бы никто к ним не прикасался. О вещах и говорить нечего, на случай воришек у любого ведьмака имелись весьма неприятные секреты.

— Козлы, — пробурчал Геральт в пространство, заперся и побрел в ванну отмокать.

Примерно через полчаса, уже засыпая на свежих простынях, он подумал, что продолжение ночного приключения вряд ли заставит долго ждать.

И не обманулся. Правда, Геральта не разбудил ни стук в дверь, ни ранний телефонный звонок — ведьмак проснулся сам, ближе к полудню. В окно заглядывало голубейшее небо и слышалось отдаленное «дынц-дынц-дынц» на площади. Над Харьковом полыхал очередной летний день.

Визитную карточку, подсунутую под дверь, Геральт заметил сразу, едва вышел в тесную прихожую. Светлый прямоугольник отчетливо выделялся на фоне грязно-коричневого паркета.

Осторожно присев, Геральт вслушался. За дверью определенно никого не было — чье-либо присутствие ведьмак определил бы без труда. Карточку подсунули давно, наверное, утром.

Геральт протянул руку, взял визитку и поднес к глазам.

«Гис Гиларди», — прочел он.

Помимо имени на визитке имелся только номер телефона, судя по префиксу — мобильного. А на обороте размашистым почерком уверенного в себе живого было выведено:

«Нуждаюсь в услугах опытного ведьмака. Никакого криминала. Оплату гарантирую. Звоните в любое время».

И — такая же размашистая роспись.

Геральт пригляделся. Послание было написано перьевой ручкой; визитка нигде не продавилась и не оцарапалась, следовательно, незнакомый пока Гис Гиларди пользовался дорогой и качественной ручкой, например, «Венталом». Бумага тоже была дорогая, матовая и плотная. В дизайне визитки чувствовался сдержанный солидный стиль — никаких завитушек и бесполезностей, все строго и подчеркнуто функционально, но вместе с тем увесисто и непререкаемо.

Хмыкнув, Геральт отнес визитку на журнальный столик, а сам направился куда и собирался — умыться.

Посвежевший и в благодушном настроении, Геральт вскоре оделся, развернул на столе ноутбук и вошел в сеть.

«А пробью-ка я по базе этот номерочек, — решил ведьмак. — Может, и лишнее оно, да не повредит. Уж точно».

В универсальной базе напротив указанного номера красовалась лаконичная пометка: «Информация конфиденциальна».

— Ага, — пробурчал Геральт и полез на опорный ведьмачий сайт. Там базы были посolidнее, благо закрытые от посторонних.

Не прошло и двух минут как Геральт прочел содержимое всплывшего окошка:

«Гис Гиларди. Предприниматель. О сферах деятельности данных нет».

— О как, — с некоторым разочарованием вздохнул Геральт. — Данных нет... Впрочем, ладно. Позвоню. И впрямь похоже на настоящее дело.

Быстренько свернув ноутбук и сунув в карман мобильник, Геральт тщательно активировал защиту вещей и покинул номер, не позабыв и сторожевые волоски в дверях.

Последнее время подобные предосторожности, увы, стали весьма актуальными.

Внизу, в центральном вестибюле, который выходил непосредственно к запруженной живыми площади, Геральт набрал указанный на визитке номер.

— Алло! Господин Гиларди? Я получил вашу визитку. Да, я готов встретиться и обсудить. Когда? Да хоть сейчас, я как раз иду завтракать в «Бункер». Да, в здании университета. Ничего, студенты — народ мирный и незлобивый, хе-хе! Узнаёте меня? Добро, займу целый столик и никого не стану пускать! До встречи.

Вернув мобильник на законное место, Геральт вежливо кивнул портье и вышел на улицу.

В «Бункере» он успел отдать должное салатам, первому и второму (на завтрак Геральт последнее время любил похлебать какого-нибудь супчика) прежде чем появился тот, кого ведьмак ждал. Вычислить господина Гиларди было нетрудно: в тол-

пе студентов он выделялся так же явственно, как если бы он вздумал придти сюда голым.

Внешность Гиларди однозначно свидетельствовала о присутствии в нем эльфийской крови; скорее всего потенциальный заказчик был квартироном и скорее всего четвертинку старшей крови завещала ему мать-полуэльфийка. Столь низкая доля эльфийского начала делала его парией в глазах чистокровных эльфов и вызывала лютую зависть в среде обычных людей. Полуэльфы, квартироны и метисы всего лишь с восьмой частью эльфийской крови жили заметно дольше людей, почти так же долго, как орки или вирги. Этого было вполне достаточно, чтобы короткоживущие, коих в Большом Киеве насчитывалось преобладающее большинство, глядели на метисов косо и пребывали во всегдашней готовности пырнуть ножом удачливого киевлянина смешанной расы, одарить его пулей или просто тупо толкнуть под колеса случившегося рядом мирного грузовика.

Гиларди выглядел ненамного старше большинства посетителей «Бункера» (эльфийская кровь молодит), но одежда его и манеры делали квартирона чужим среди студенческой вольницы. Геральт же, невзирая на почтенный для студента возраст, выглядел тут завсегдатаем: лысина с татуировкой, потрепанные джинсы, футболка с немыслимым трафаретом на спине (Геральт и сам не понимал, что за каракули там изображены), гномьи ботинки на рифленой подошве... Словом, студент студентом из разряда вечных пользователей академа.

Квартирон был облачен в не очень уместный здесь полуспортивный костюм, дорогой и довольно стильный. Он производил впечатление обеспеченного живого, а это для Геральта было слаще музыки: богатый заказчик интереснее нищего.

Геральт не спешил обозначать присутствие: он любил некоторое время понаблюдать за потенциальным клиентом. Потом и работаете легче, проверено. Однако Гиларди не позволил долго изучать себя: довольно быстро он вычислил ведьмачью лысину и уверенно направился к облюбованному Геральтом столику.

— Добрый день, — поздоровался квартирон.

— Здравствуйте, — нейтрально отозвался Геральт.

В его голосе не сквозило ровным счетом ничего — ни приязни, ни любопытства, ни подобострастия. Кажется, квартрона это смутило. Во всяком случае, именно после обмена приветствиями он допустил первую и, как выяснилось позже, последнюю заминку.

Когда пауза стала неприличной, Геральт все же нарушил собственный принцип не высказывать заинтересованности в заказе. Вообще-то он мог смело бездельничать и дальше, в Арзамасе-16 дела шли неплохо и на незапланированный отпуск там стопроцентно посмотрели бы сквозь пальцы. Но Геральту, говоря начистоту, надоело бездельничать. Опыт и наметанный глаз подсказывали, что дело будет как минимум необычным — это вам не полуживые драндулеты по окраинным гаражам гонять.

— Садитесь, что ли, — сказал ведьмак, кивая на единственный свободный стул (остальные растащили студенты, а этот Геральт нарочно сберег).

Гиларди, порывисто двигаясь, сел и почти сразу оглянулся с характерным выражением лица.

— Официантов здесь нет, — миролюбиво сообщил Геральт, перехватив взгляд.

— Что же мне сделать, чтобы заказать пива? — негромко спросил кварталерон.

— Пива здесь не подают, — ведьмак пожал плечами. — Это университет. Вон там можно взять кофе или чаю. Кстати, кофе недурен, невзирая ни на что.

— Жизнь с ним, с кофе. — Гиларди поморщился. — Давай-те лучше о деле. Только... я не хотел бы разговаривать здесь. Как-то тут народу... многовато. Я вижу, вы уже позавтракали. Не прогуляться ли нам по парку?

— Прогуляться, — не стал отказываться Геральт. — Компот только допью.

В парке тоже было полно народу, но, как ни странно, Геральт и кварталерон довольно быстро нашли уединенную лавочку в стороне от оживленных аллей. Неподалеку на обширной детской площадке пасли визжащих от счастья чад несколько не менее счастливых мамаш.

— Итак, — принялся излагать Гиларди, — я нуждаюсь в услугах ведьмака.

— Я догадался, — усмехнулся Геральт. — Рассказывайте.

— Нужно проникнуть... в одно место.

— В банк? — с иронией поинтересовался ведьмак.

— Нет, — Гиларди остался серьезен. — Я знаю, что ведьмаки в такие игры не играют. Мне нужно попасть в смартхаус, настоящий дом-крепость.

— У смартхаусов, в которые возможно войти, обыкновенно бывают хозяева.

— Этот пока хозяина не имеет.

— Что же вам понадобилось внутри? — решил уточнить Геральт. Мотивы заказчика он всегда пытался выяснить более или менее точно — от этого, как правило, становилось понятно до какой степени можно рисковать собственной шкурой, отрабатывая нелегкий ведьмачий хлеб.

— Там моя дочь, — признался Гиларди. — Она вошла внутрь и не может выйти. Дом ее не выпускает.

— А подробнее? Как она оказалась в смартхаусе?

— Я планировал занять один из смартхаусов, — сказал Гиларди. — Понятное дело, решил сначала осмотреться, походить вокруг, а уж потом связываться с центром приручения. Во время осмотра Мелисса отошла в сторону, я даже не заметил как. Потом позвонила по мобильному и сказала, что пойдет в кафе недалеко от квартала смартхаусов, мы условились встретиться там. Я бродил некоторое время по кварталу; потом заметил Мелиссу на балконе третьего этажа одного из смартхаусов, не того, который я намеревался заказать к приручению, другого. Она махала мне рукой и смеялась. Помню, я тогда рассердился — соваться в неприрученный смартхаус казалось мне глупостью. Потом Мелисса скрылась в доме, а спустя четверть часа от нее пришло сообщение... вот оно.

Гиларди подал Геральту мобильник.

«Papa, ya ne mogu vyiti!!!! Pomogi mne!» — прочел Геральт. Он поманипулировал кнопками, листая подробности.

— Сообщение отправлено через сеть, а не с телефона, — добавил он спустя несколько секунд.

— Да. Смартхаус стал глушить сотовую связь, наверное, в тот же момент, когда активировалась защита и выйти за периметр стало невозможно.

Геральт задумчиво поглядел в небо.

— А почему вы обратились ко мне, а не в центр приручения? Смартхаусы — это их профиль, в конце концов.

— Я обращался, — глухо проговорил Гиларди. — Они отказали. Точнее, они не гарантировали, что войдут туда быстро и что дочь моя в итоге уцелеет. Поэтому я и решил обратиться к вам.

— Н-да. Час от часу не легче... Как давно это произошло? Я имею в виду несчастье с вашей дочерью.

— Позавчера.

— Она выходила после отправки сообщения на балкон?

— Да, один раз. Я поговорил с ней, велел найти какое-нибудь безопасное место и сидеть там.

— В активированном на оборону смартхаусе нет безопасных мест для не-хозяев. Вы должны это знать.

— Я знаю, — пробормотал Гиларди и уронил лицо в сложенные лодочкой ладони. — Я не сомневаюсь, что она еще жива. Вы можете войти туда и спасти ее?

— Не уверен, — честно признался Геральт. — Все-таки это не основная моя специальность. Что же до шансов, то шансы есть всегда, главное умело ими воспользоваться. Пожалуй, я возьмусь. Но в одиночку соваться в смартхаус... чревато.

— Мои люди помогут вам.

Геральт задумался. Конечно, лучше было вызвать на помощь кого-нибудь из коллег — Эскеля или Ламберта. Или Кой-она. А лучше всего — сразу всех. Но иди знай когда они смогут прибыть в Харьков!

— Ладно, — скрепя сердце согласился ведьмак. — Надеюсь, ваши подручные не полные болваны. Где они?

— Тут неподалеку. В гостинице.

— «Харьков»?

— Что, простите?

— В какой гостинице? «Харьков»?

— Нет, в «Мире». Это две остановки на метро...

— Я в курсе. Пойдемте, время дорого. Кстати, а смартхаус где расположен?

— За Салтовкой. Надо ехать на машине, прирученный транспорт туда не ходит.

— Ну так поехали!

Рожи подручных Гиларди не выглядели знакомыми, но Геральт этих молодчиков сразу узнал. Было их четверо и именно они облегчили карманы ведьмака на тридцать гривен вчерашней ночью.

Но ни один из них не был ошеломлен или обескуражен повторной встречей с жертвой. Напротив.

— Ага! Вот и наш супер-пупер истребитель чудовищ! — насмешливо сказал тот, который заправлял в этой сомнительной компании. Выделить вожака в четверке было несложно: вчера именно он говорил и принимал деньги; он же первым открыл рот и сегодня.

Геральт холодно улыбнулся, но не успел ничего сказать.

— Заткнись, Шоб! — велел Гиларди своим подручным и вернулся к Геральту. — Кстати. В самом деле... Почему вы вчера просто отдали деньги? Или тридцать гривен для вас ничто?

— Вы вздумали меня проверить? — поинтересовался Геральт, хотя ответ был очевиден.

— Признаться, да. Но ваша реакция оказалась настолько нестандартной, что я только уверился в правильности выбора. Итак... почему вы отдали деньги? Вы же ведьмак, могли бы просто перестрелять нападавших и все.

— Мог бы, — подтвердил Геральт, пожимая плечами. — Но они просили тридцать гривен, а каждый патрон стоит десятку. Их было четверо. Считать умеете? Кстати, ставлю вас в известность, что гонорар, каким бы он ни был, повышается на триста гривен. За наглость.

— Чего-чего? — вскинулся было Шоб.

Мгновение спустя Шоб лежал на полу, а во рту его пребывал ведьмачьего пистолета.

— За каждый выстрел накину еще по сотне. Теперь мне выгодно стрелять — я-то плачу всего по десятке за патрон.

Двое из дружков Шоба сунулись было на помощь, но скорости им явно не доставало. Геральт выключил их рукояткой пистолета, размашисто и показательно, после чего вернул ствол к зубам Шоба, причем Шоб не успел даже дернуться.

— Господин Гиларди! — сказал Геральт с легкой полуугрозой-полупредупреждением в голосе. — Не советую продолжать эти глупые экзамены. Если я не стал связываться со всякой швалью вчера, сие отнюдь не означает, что я так поступаю всегда.

Он сгреб Шоба за шкирку, поднял экономным движением руки и швырнул в объятия квартерона.

— А шваль свою держите в узде, пожалуйста. За ваш счет мне стрелять не зазорно.

Гиларди брезгливо отпихнул Шоба в сторону кресла.

— Вы действительно ведьмак, — сказал Гиларди с явственным видимым облегчением. — Слава жизни, я не ошибся.

— А были сомнения?

— Были. Впрочем, это неважно. Я компенсирую вам все моральные издержки, в том числе вчерашнее недоразумение. Только помогите мне.

— Аванс — пять тысяч гривен, — заявил Геральт. — После чего я наведу вас к смартхаусу и оглашу всю сумму, за которую я согласен вам помочь. Подписываем контракт, вы перечисляете сумму. Я вам помогаю. Понятно?

— Более чем. Я согласен.

— Пять тысяч, — Геральт протянул левую руку, потому что правая была занята пистолетом.

Гиларди вынул пухлый бумажник и отсчитал требуемую сумму. Купюры были бесстыдно крупные, новенькие и хрустящие. Кроме того, они оказались самыми что ни на есть подлинными — чувствительные ведьмачьи пальцы с легкостью распознавали фальшивки при первом же касании. Тут был не тот случай — на счастье Гиларди и его бандитской когорты.

— Адрес смартхауса!

— Я вас отвезу, — сказал Гиларди.

— Хорошо. Но поедem без этих, — Геральт кивнул на частично бессознательную группу поддержки и спрятал деньги в карман джинсов.

— Как скажете, — безропотно согласился кварталер. — Как скажете...

Смартхаус выглядел как обыкновенный коттедж посреди многих подобных. Был он на редкость ухоженным — чистеньким-красивеньким, черепица краснеет, стены покрашены, лужайки подстрижены. Игрушка, не дом. Разумеется, обнесен внушительным забором, по верхней кромке которого тянется оборонительная лента. Небось под током, во-первых, и снабжена датчиками, во-вторых. А выглядит вполне мирно, как украшение. Хотя — не колючей же проволокой дорожное жилье опутывать? Смартхаус, не тюряга или ошестинившийся на живых дикий заводик. Эта порода домов росла будто специально для всяких толстосумов, элитно-фильдеперсовая, действительно похожая на дорогую детскую игрушку. К смартхаусам и отношение было в целом снисходительное — ну разве может обитаемый или даже дикий дом так выглядеть? Да никогда.

Геральт смартхаусов побаивался и предпочитал обходить их стороной. Начинка там была сложная, причем постоянно и самопроизвольно менялась и модифицировалась, а толковой информации об охранных системах смартхаусов в сети встретить до сих пор никому из ведьмаков не довелось — так, жалкие несистематизированные обрывки. Причем смартхаусы вовсе не представляли собой классические дома-убийцы — у них изначально имелась система распознавания «свой—чужой», которая никогда не ошибалась. Вопрос состоял лишь в том, чтобы система сочла тебя своим. Услуги редких умельцев из числа магистров приручения в высшем свете всегда были нарасхват, ибо в корректно прирученном смартхаусе действительно жилось комфортно и безопасно.

Но в прирученном смартхаусе ведьмаку делать нечего — аксиома, не нуждающаяся в уточнениях. В неприрученном же — и подавно.

«Подфартило мне, жизнь заberi», — подумал Геральт с неожиданной досадой. Он даже начал жалеть, что ввязался в подобное дело. Но аванс лежал во внутреннем кармане куртки, а значит назад пути не было.

Площадка на несущей опоре была крохотная; где-то над головой пел в и без того громко гудящих проводах шальной ветер. Внизу расстился квартал смартхаусов — близко, как на ладони. Геральт вновь поднес бинокль к глазам.

Да, так и есть, балконная дверь приоткрыта. Говорит ли это о чем-нибудь? Вряд ли. Но по крайней мере не противоречит рассказу Гиларди.

Вынув из рюкзака ноутбук, Геральт слинковал его с биноклем и принялся писать рабочий ролик, периодически масштабируя изображение на важных деталях. Уже сейчас было понятно, что готовиться придется долго и основательно — смартхаус только снаружи имел четыре полосы обороны. И это лишь те, которые Геральт распознал сразу.

Если девчонка не будет душить и не полезет куда не следует — у нее есть шансы уцелеть. Смартхаус не закрывает доступ к санузлу, как правило ближнему к заблокированной жертве, и даже порционно выдает пищу и воду из специального запаса. Главное, чтобы она не запаниковала и не отчаялась. Значит, перво-наперво нужно передать ей короткие инструкции, размышлял Геральт, спускаясь по лесенке с опоры. Рюкзак с ноутбуком, биноклем и прочей ведьмачьей утварью прочно утвердился за спиной.

Ронять вещички с высоты Геральт не собирался.

Гиларди ожидал внизу, у автомобиля.

— Ну что? — оживляясь спросил он.

— Посмотрел, — отозвался Геральт. — Поедемте.

Гиларди уселся за руль, но смотрел при этом на Геральта — неотрывно и пристально. Его ухоженный минивэн сам прекрасно знал что делать и куда ехать.

— Не томите, Геральт, — умоляюще обратился к нему Гиларди. — Я очень люблю свою дочь... Можете представить, как ково мне сейчас.

— Не буду я ничего представлять, — скучным голосом отозвался ведьмак. — Войти туда наверняка можно, это несомненно. Однако это потребует некоторого оборудования и специальных тренировок. Откровенно говоря, к вашим молодчикам во главе с Шобом у меня нет ни малейшего доверия.

— Они сделают все, что потребуется, я гарантирую, — горячо воскликнул Гиларди. — Жизнь заberi, я им столько плачу, что они должны исполнять любой мой каприз! Чем они, собственно, и заняты, ежедневно и еженощно.

Геральт хмуро глядел на дорогу.

— Господин Гиларди, — тихо и безжалостно сказал он. — Когда мы пойдем туда, в смартхаус, я должен быть уверен, что моя спина надежно прикрыта. Только в этом случае остаются шансы вернуться, а значит — выручить вашу дочь. Вы все еще настаиваете на участии в деле Шоба и компании?

— Да. Поверьте, они, может показаться, не слишком башковиты, но уж в отсутствии исполнительности мне еще не приходилось эту четверку упрекать.

— Нет, господин Гиларди, — жестко заявил Геральт. — Шобу и компании я свою спину не доверю. Поэтому со мной пойдете вы.

— Я? — выдохнул заказчик с таким неподдельным ужасом в голосе, как будто ему предложили броситься вниз головой с Сырецкой башни.

— Вы. Если вы и впрямь так любите свою дочь, лучшего напарника мне не сыскать. А если замыслили какую-нибудь гадость — мы останемся там вдвоем и уж тогда-то я позабочусь, дабы последние ваши часы оказались... запоминающимися.

Гиларди отвернулся и сидел так, хмуро глядя в лобовое стекло, неправдоподобно долго.

— Мне понадобится кое-что, я составлю список, — добавил Геральт, когда коричневая громада гостиницы «Харьков» замаячила впереди. — Окончательная сумма гонорара составит сорок тысяч гривен.

— Я согласен, — глухо сообщил Гиларди, немного подумав. — И с гонораром, и с участием.

— По рукам.

Минивэн вписался в плавный поворот перед самой большой площадью Большого Киева. Геральт отрешенно улыбался, мыслями пребывая там, в смартхаусе. Умном и предельно механизированном доме.

Подвал был сырой и промозглый, даже не верилось, что наверху сейчас солнечное лето, а дожди если и случаются — то

шумные, озорные и недолгие. Отсюда мнилось, будто миром властвует ноябрь со всеми вытекающими из него осадками, безграничным серым унынием неба и всего, что под небом.

— Пошел, — отрывисто скомандовал Геральт и запустил секундомер.

Гис Гиларди, облаченный в черный обтягивающий комбинезон, послушно соскользнул с едва заметного выступа под потолком и крадучись метнулся вдоль стены. Прошла всего неделя, а в его движениях появился неоспоримый намек на ведьмачью ловкость, стремительность и скрытую силу.

Перепрыгнув через незаметное глазом живого препятствие (контур его был начертан мелом на полу), Гиларди втиснулся в щель между стеной и обернутыми теплоизоляцией трубами отопления.

— Джа! — негромко, но отчетливо сказал он в переговорник. Это означало, что настал черед Геральта.

Ведьмак переместился к очередному укрытию раза в два быстрее новоявленного напарника.

— Джа!

Гиларди покинул щель и двинулся дальше вдоль шероховатой и влажной стены. У самого угла, прижавшись к бетонной плите лопатками и затылком, он медленно осел на корточки, а в следующую секунду приподнял ствол винтовки, отсекая возможную атаку из бокового прохода.

Вообще-то в смартхаусе вряд ли следовало рассчитывать на атаку из бокового прохода. Но Геральт прекрасно знал, что манипуляции оружием обостряют внимание, а вот это в напичканном ловушками месте было как раз необходимо. До зарезу. Поэтому требовал с Гиларди действий по полной программе. А тому ничего не оставалось, кроме как подчиняться.

— Джа!

Оказавшись у противоположного угла Геральт точно так же сполз спиной по бетону и снял с пояса баллончик с аэрозолем. Почти невидимая струя с шипением вырвалась из распылителя и сразу стало заметно, что основной проход перегорожен четырьмя красными лучами сторожевого устройства. Лучи были расположены так, что ни протиснуться между соседни-

ми, ни подлезть под нижний, ни перепрыгнуть через верхний не смог бы даже ведьмак.

Гиларди помнил, что ему делать, но до сигнала Геральта даже не подумал шелохнуться. Зато когда увидел сигнал, в два счета сделал все, чему его учили: перестал целиться в проход, откинул сошки и включил лазерный прицел. Ведьмак указал сторону, где располагались приемники. К несчастью, приемники располагались неудобно, не в том проеме, куда недавно целился Гиларди, а в противоположном, непосредственно за углом. Гиларди едва не сунулся за угол без команды, но вовремя спохватился и вопросительно поглядел на ведьмака. Тот кивнул, хотя и не сразу, лишь спустя несколько секунд.

Гиларди высунулся (ровно настолько, чтобы увидеть куда упираются сторожевые лучи), затем аккуратно пристроил сошки у самого угла и медленно повел стволом винтовки. Палец на спусковой крючок он не клал, поскольку стрелять не собирался. Красная точка лазерного прицела упала на матово-черный квадратик приемника. Точка не была неподвижной, как кругляш от сторожевого луча, она слегка подрагивала, но уверенно оставалась в пределах квадратика.

Квартерон многому научился за последние дни.

— Джа! — сказал он.

Ведьмак тут же стек на грязный пол и пополз через основной проход. Нижний из красных лучей лизнул его спину, но ничего страшного не произошло: не зазвенел пронзительно тревожный звонок, не замигало освещение — подвал оставался тихим и на вид заброшенным. Миг — и ведьмак привалился к противоположной стене, уже за проходом и невидимой без специального аэрозоля сторожевой решеткой. Нашарив на поясе большой пистолет, тоже с лазерной насадкой, он в свою очередь прицелился. Упор ведьмаку не требовался: красное пятнышко в пределах приемника почти не двигалось.

— Джа!

Гиларди закрепил сошки под стволом, отключил прицел, прижал винтовку к груди и, как учил Геральт, пару раз перекатился через спину. Сторожевой луч лизнул и его, но снова ничего страшного не приключилось. Вот и спасительная стена...

— Джа... — с облегчением сигнализировал Гиларди.

Он еще не научился отцеживать эмоции из своих реплик, он шел по охраняемой зоне как обычный живой — испытывая то страх перед очередным препятствием, то радость от успешного преодоления оногo. Это ведьмак оставался бесстрастным, как машины, которым обычно противостоял.

Но у ведьмака и опыта было не в пример больше.

— Финиш, — сказал Геральт и без малейшей опаски поднялся на ноги.

Он пересек проход, нимало не смущаясь решетки охранных лучей: подвал был всего-навсего наспех подготовленным учебным полигоном, а лучи, понятное дело, бутафорскими. Однако недавно испытанный Гисом Гиларди страх все равно оставался самым что ни на есть подлинным: на ошибки ведьмак реагировал таким стылым взглядом, от которого хотелось тут же провалиться сквозь бетонные плиты. Геральт ведь не лгал: ошибка на тренировке означает смерть в смартахause. А напарник нужен ведьмаку только для движения вперед, вернуться он почти наверняка сумеет и в одиночку.

— Почти хорошо, — констатировал ведьмак; в его устах это было едва ли не высшей из похвал. — Хотя возишься, конечно, очень долго.

Здесь, в подвале, Геральт просто и безапелляционно переходил на «ты», ибо такова была его манера наставничества. За пределами подвала ведьмак вновь становился вежливым, хотя и знающим себе цену наемником и к работодателю обращался предельно корректно и исключительно на «вы».

— На сегодня, пожалуй, хватит, — добавил ведьмак, стаскивая через голову эластичную сбрую с реквизитом.

Гиларди устало вздохнул. Наверное, на лице его отразились некоторые потаенные мысли, ибо ведьмак насупил кожу на том месте, где у нормальных живых помещаются брови, и требовательно спросил:

— Что?

Помедлив несколько мгновений, квартерон утер рукавом лоб и задал действительно мучивший его в последние несколько дней вопрос:

— Зачем после каждого перемещения приседать? Потому ведь теряется добрая секунда...

— Затем, — буркнул Геральт недовольно. — Ты главное делай, что говорят, и молчи. Все, закончили.

На «вы» Геральт перешел только на улице, перед посадкой в машину. Казалось, здесь, при свете дня с квартероном общается совершенно другой живой, чем там, в сыром и уютном подвале.

— Кажется, вы хотели мне еще что-то сказать, господин Гиларди? — осведомился ведьмак, теперь — сухо и бесстрастно.

— Что? А... да.

— Так говорите.

Гиларди неуверенно поджал губы — к мгновенным переменам в поведении ведьмака он до сих пор не мог привыкнуть — но все же объяснил:

— Я... я беспокоюсь. Время идет, прошла уже целая неделя... А мы все тренируемся.

— Чтобы соваться в смартхаус и года тренировок будет мало, — изрек ведьмак. — Но, кажется, я вас понимаю. Вы беспокоитесь за дочь?

— Конечно, беспокоюсь!

— Я наводил справки. Один орк провел во встревоженном смартхаусе девятнадцать лет, прежде чем его случайно освободили. Вашей дочери ничего не грозит, если она не натворит глупостей, а от этого мы ее недвусмысленно предостерегли. О проблеме пищи и гигиены я вам уже неоднократно рассказывал, в смартхаусе смертоносен только внешний периметр. Жилой же сектор скорее напоминает комфортабельную тюрьму. Сколько раз еще нужно это повторить, чтобы вы перестали доносить меня подобной ерундой?

Гиларди уставился в пол.

— Если бы у вас были дети... — начал он, скрипнув зубами.

— У меня нет детей и никогда не будет, и вы знаете почему, — холодно прервал его Геральт. — И если вы прекратите демонстрировать отцовские чувства, вы меня крайне обяжете. Я восприму только то, что послужит делу, за которое я взялся. Я гарантирую результат, а вы не морочите мне голову эмоциями. Это последнее предупреждение, господин Гиларди, за следующий срыв я назначу денежный штраф. И буду повышать его за каждый очередной срыв. Вам ясно?

— Ясно, — буркнул Гиларди и почти без сил откинулся в кресле минивэна.

— Вот и прекрасно. Следующая тренировка завтра в семь. Поехали.

— Стоп! — свистящим шепотом скомандовал Геральт, и Гиларди послушно застыл посреди подвала с поднятой ногой. В голове его не отразилось ни единой мысли. На команды ведьмака он теперь реагировал без участия головы — на голых, недавно вколоченных рефлексах. Шла середина третьей недели тренировок.

— На пол! — рывкнул Геральт, сам тоже падая.

Гиларди рухнул в лужу, подняв не так уж много брызг. В падении он задержал дыхание и зажмурился — кому охота наглотаться отвратительной вонючей жижи? И глаза от нее жжет невыносимо...

Ведьмак лежал в такой же луже чуть правее. Гиларди неожиданно осознал, что почти не интересуется причиной, по которой Геральт заставил его изображать свинтуса в грязеище.

Над затылком с жутковатым шелестом что-то пронеслось, аж волосы шевельнулись — не поймешь, от испуга или близкого движения. Начинало помалу шуметь в голове: организму хотелось дышать.

— Вдох! — примерно через полминуты позволил ведьмак.

Гиларди чуть приподнял голову, выдохнул-вдохнул и снова плюхнулся лицом в грязь.

— Вперед ползком! — не унимался ведьмак.

Хорошо: когда ползешь можно более или менее нормально дышать. Гиларди продвинулся метров на шесть вперед, как вдруг локти его потеряли опору, и он окунулся во все ту же жижу передней частью тела, чуть не по пояс. Это было столь же неожиданно, сколь и неприятно. Растопырив ноги, кварталон попытался удержаться от того, чтобы не погрузиться полностью. Частично это получилось; вдобавок спустя пару секунд крепкая рука ведьмака сграбастала его за поясной ремень и вынула из нехстати подвернувшейся на пути ямы.

— Поздравляю, — бесстрастно сообщил Геральт. — Ты труп. На исходную.

Гиларди нехотя встал в полный рост. С лица и одежды текло. Вонюща стояла — муха сдохнет. Мучительно хотелось содрать с себя грязную одежду и послать все к вирговой бабушке — этот промозглый подвал, изматывающие тренировки, неумолимого ведьмака... Которому, кстати, хоть бы хны: такой же чумазый, но спокойный. Жизнь заberi, ему хорошо, он всю жизнь в подобном дерьме, ему не привыкать!

— Я сильно сомневаюсь, что в смартхаусе нам встретятся вонючие лужи, — буркнул Гиларди, собираясь тем не менее покорно брести к точке старта.

Ведмак не ответил. Впрочем, Гиларди заранее знал ответ, и знал прекрасно: дело, мол, не в грязище, а в том, что ловушки невидимы. И ведь самое обидное — ведьмак совершенно прав.

— Отставить, — неожиданно окликнул квартерона Геральт и впервые перешел на «вы» тут, в подвале. — Пожалуй, хватит с вас, господин Гиларди. Чиститься, мыться, ужинать и отдыхать. Завтра сделаем пробный заход.

— Что? — Гиларди в первый момент не сообразил, куда клонит его мучитель.

— Завтра пойдем в смартхаус. Прощупаем. Тренировать вас дальше бессмысленно.

— Почему? — недоуменно спросил квартерон, с ужасом понимая, что за последнее время заметно отупел.

— Вы достигли первого потолка, любезнейший. Чтобы его сломать, нужно тренироваться еще месяца два-три, тогда снова наметится прогресс. Но у нас нет столько времени. Полагаю, в тренировках больше нет ни смысла, ни нужды. Пойдем, как есть, авось прорвемся...

— То есть как это — авось? Вы что, не уверены в результате? — промолвил Гиларди, растерянно опуская винтовку.

— Когда имеешь дело со смартхаусом, уверенным быть ни в чем невозможно, — ведьмак резко пожал плечами и сплюнул под ноги. — Да не дрейфьте, господин Гиларди. Если ваша дочь туда вошла, войдем и мы. Главное — понять, как потом выбираться. Все. На выход.

И, пресекая дальнейшие расспросы, направился к лестнице. Гиларди коротко ругнулся и побрел следом.

У входа в подвал дождался грузовик с фургоном, а рядом на лавочке сидел приятель Шоба по имени Зурз и читал газету. В фургоне был оборудован душ и мини-прачечная с сушилкой — с некоторых пор Гису Гиларди обрыдло ездить через полрайона грязным и вонючим, а назавтра надевать заскорузлый после вчерашнего комбинезон. Отбросив газету, Зурз побежал заводить двигатель, ибо грузовик был стар и ленив и заводился только если его как следует напинать.

— Что ж, — философски заметил Гиларди себе под нос. — Будем надеяться, что с грязью покончено хотя бы на сегодня.

Утро выдалось неожиданно туманным, и Гис Гиларди поневоле ежился, залегши в росистой траве. Ведьмак уполз вперед и что-то сосредоточенно выгадывал из розового куста, то и дело поднося к глазам странный бинокль — совсем крошечный, меньше театрального, зато с загадочным шнурком сбоку. Шнурок заканчивался необычного вида штекером. Гиларди не слишком шурупал в науке-технике, но представлял, что штекер должен к чему-нибудь подключаться, вот только к чему? Однако спрашивать ведьмака не возникало ни малейшего желания.

Они подобрались к смартхаусу с востока — скорее всего затем, чтобы взошедшее солнце не мешало ведьмачьим наблюдениям из куста. А может быть, и еще по каким-то таинственным соображениям лысого спеца по укрощению враждебной машинерии. Приехали они еще затемно, а как небо начало светлеть — ползком преодолели границу квартала, которую являл полосатый шлагбаум на цепи (закрытый) и все так же, на пузе и локтях, долго полировали газон между двумя заборами.

Смартхаусы, само собой, не стояли вплотную — каждый был окружен обширной территорией, где располагалось много что: сады, теннисные корты, бассейны, лужайки для пикников, легкие ангары всякой мелкой машинерии. Напротив, за соседним забором, воздвиглась грибообразная вышка, на которой в самом центре площадки торчала толстая труба телескопа, сопряженная с навороченным по самое не могу креслом. Чуть дальше, Гиларди знал, на лужайке одного из смартхаусов располагался суший детский рай — всякие качели-ка-

русели, горки, миниатюрные замки и даже карликовая железная дорога, неизвестно прирученная или дикая.

Кусты снежно-белых роз располагались как раз напротив забора того самого смартхауса, в котором томилась Мелисса Гиларди. Забор в этом месте выглядел совершенно так же, как и в любом другом: высота та же, оборонительная лента по верху, через каждые семь метров — высокие штыри, видимо, с какими-то датчиками. Интересно, как Геральт собрался штурмовать забор? У Гиларди на этот счет не имелось ни одной стоящей идеи.

Наконец ведьмак убрал бинокль в чехол при поясе и коротко отсигналил рукой: «Ко мне!»

Гиларди пополз. Привычно и ловко, хотя всего несколько недель назад и подумать не мог, что станет ползать, будто ворюга или боевик из какого-нибудь алчного клана.

— Давай следом, — тихо скомандовал Геральт и выполз из куста.

«Шахнуш тодд! — подумал Гиларди в замешательстве. — Это же розы! Там колючек больше, чем на вокзале карманников! Как он там вообще может находиться?»

Куст Гиларди, конечно же, обогнул, но дальше полз точно за Геральтом. До забора оставалось еще порядочно, когда ведьмак вдруг остановился и принялся шарить перед собой руками. А потом, к невероятному удивлению Гиларди, вынул прямоугольный кусок газона словно доминошку из сплошного слоя таких же, плотно друг к другу пригнанных, и пристроил рядом с собой. Открылось продолговатое отверстие, ведущее куда-то вниз.

— Что это? — шепотом спросил квартерон, подползая ближе.

— Дренажная система, — пояснил Геральт не слишком охотно и искоса поглядел на часы. — А заодно штольня, кабельная и водопроводная. И еще шланги для полива там протянуты.

«Так-так, — подумал Гиларди. — Похоже, забор штурмовать мы вообще не будем. Вот она, ведьмачья непредсказуемость в действии».

— Гляди вон туда, — велел Геральт, указывая на один из штырей за забором, почему-то не на ближайший, а на сосед-

ний с ближайшим справа. — Если он развернется вон той хреновиной, похожей на клюв, в нашу сторону — пихни меня.

— Пихнуть?

— Да. Просто пихни кулаком куда попало.

— Ясно.

Штольня была узковата, тем не менее ведьмак ужом вполз в нее, потом сдал назад, так что как раз под вскрытым участком оказалась его задница. В другой ситуации Гиларди бы, пожалуй, отодвинулся подальше, даже, может быть, сплюнул бы в сердцах. А сейчас он просто лежал рядом с прямоугольной дырой в газоне, чуть выше ведьмачьей задницы, и неотрывно глядел на указанный клюв близ макушки штыря.

Прошло минуты две, не больше. Ведьмак шевельнулся, задница из виду пропала, зато появилась спина, а потом и голова. Так же, ужом, Геральт выбрался на газон, тщательно приладил вынутый кусок газона на место и просигналил: «Уходим тем же путем!»

Гиларди этого не ожидал, но послушно пополз вперед: согласно сценарию отхода первым отступал именно он.

До самой границы квартала и даже дальше ведьмак больше не командовал ничего, так что они добрались к грузовичку у самой опоры быстро и без событий.

— На сегодня все, — сообщил ведьмак кратко. — С места не трогаемся, можете мыться и досыпать.

— А...

— А я погляжу кое-чего, — ответил ведьмак, исчезая в фургоне.

Когда Гиларди разоблачился и полез в душ, ведьмак как был, в полном снаряжении, сидел в своем закутке над слабо отсвечивающим экраном ноутбука.

На следующее утро все повторилось сызнова — с той лишь разницей, что к исходу второй минуты пребывания ведьмака в штольне клюв на штыре развернулся в их сторону. Пришлось ткнуть Геральта кулаком в зад.

— Отлично, — приглушенно пробубнил ведьмак из штольни. — Уходим.

Гиларди опять растерялся, поскольку полагал, что сегодня они заберутся дальше, но не спорить же с ведьмаком?

Возвращение к грузовичку от вчерашнего не отличалось ни одной мелочью. И над ноутбуком ведьмак колдовал точно так же — долго и самозабвенно.

Зато на третий день начались сюрпризы. Когда кварталон с Геральтом приползли на знакомое место, оно оказалось не таким уж и знакомым.

Исчезли розовые кусты, а за забором появился дополнительный штырь с клювом, точно напротив места, где ведьмак два дня подряд лазил в штольню.

Гиларди поглядел на полоску свежеуложенного газона. Кому понадобилось пересаживать розы? Кстати, вон они где теперь, заметно левее и куда ближе к забору. Н-да. Сплошные загадки с этим смартхаусом.

Ведьмак тем временем обнажил вход в штольню и просигналил: «Ко мне!» Гиларди пополз.

— Давай вниз, — тихо сказал Геральт. — Головой туда, но так, чтобы я потом оказался впереди.

Гиларди со всеми мыслимыми предосторожностями влез в штольню и, извиваясь будто мотыль, сдвинулся в нужную сторону. Черные змеи кабелей матово отсвечивали, а в проложенном вдоль стены желобе тихо пели водопроводные трубы.

Следом за кварталоном в штольню забрался и ведьмак, аккуратно закупорив за собой вход. Фрагмент газона снизу выглядел точь-в-точь как пластиковый поддон — собственно, трава в этом поддоне и произрастала.

— Фонарик, — напомнил Геральт и пополз вперед.

«За последние дни я куда большее расстояние прополз, чем прошел, — рассеянно подумал Гиларди, работая локтями. — Постепенно превращаюсь в червя... Так, все, посторонние мысли прочь!»

Организм послушно впал в состояние тренировки, только на этот раз все препятствия будут настоящими. Если, конечно, ведьмак опять не решит вернуться с полдороги.

Не решил.

Штольня вела в подземное помещение, граничащее с подвалом смартхауса. Гиларди не видел, что происходит там, впереди, ведьмак загораживал. В непосредственной близости от лица кварталона наблюдались в основном рифленые подошвы

ведьмачьих ботинок — Гиларди знал, что такую обувь обожают и активно носят гномы-угледобытчики.

Ведьмак чем-то приглушенно лязгал, и все молча. Нормальный живой на его месте матерился бы сквозь зубы, точно. Но ведьмак лишь сопел от натуги, не более. Когда лязг прекратился, ведьмак прополз еще немного вперед и пропал из виду; Гиларди успел зафиксировать, что он ушел влево от штольни.

Прошло минуты две — тишина неприятно давила на уши. Гиларди на мгновение показалось, будто он как в детстве нырнул на дно пруда и залег среди водорослей, поджидая пока из-за коряги выберется здоровенная золотистая рыбина, которую старшие приятели называли Блямбой.

И вдруг Гиларди действительно увидел Блямбу: она величественно всплыла в поле зрения и странно дернулась, очень похоже на жест-приказ ведьмака: «Ко мне!»

Квартерон затряс головой, отгоняя наваждение. Какая еще Блямба? Это ведьмак его зовет!

Штольня вливалась в камеру размером три на три метра и высотой в метр. Геральт, скрючившись, сидел на корточках слева от прямоугольной дыры, из которой в данный момент выбирался Гиларди. Перед ведьмаком на бетонном полу лежала густая металлическая сетка в керамической раме — ячейки были столь малы и часты, что язык не поворачивался называть ее решеткой. Ранее сетка перекрывала вход в штольню (или, скорее, выход из штольни в камеру). Как Геральт ее выкорчевал, осталось загадкой; если он пользовался какими-либо инструментами, к моменту появления Гиларди ведьмак успел все спрятать.

Подобные сетки виднелись и в стенах справа и слева: камера представляла собой колодец кабельной и водопроводной развязки. Четвертая стена, прилегающая к смартахусу, была выполнена в виде цельной бронированной двери, а все коммуникации уходили прямо в нее, то ли вмурованные, то ли вплавленные непосредственно в массив левой створки — кабели сверху, водопроводные трубы под ними. Сколько Гиларди не напрягал зрение, он не смог разглядеть на двери каких-либо запоров, замков — даже отверстия для ключа не имелось.

Сплошной металлический монолит, только едва заметная, тоненькая, как волосок, рисочка в месте смыкания створок.

«И что дальше? — подумал кварталерон. — Удиви меня, ведьмак. Только не возвращайся на исходную со словами: «На сегодня хватит».

Впрочем, Геральт возвращаться явно не собирался. Он выудил откуда-то из многочисленных карманов крошечный ноутбук размером чуть больше ладони и подключил к нему короткую техническую штуковину в виде шнура с присоской на одном конце и штекером на другом. Штекер, понятное дело, пошел к мини-ноутбуку, присоску ведьмак с тихим чмоканием прилепил к двери, прямо на броню. Затем он подсоединил и напялил портативные наушники. Чего он там собирался выслушивать — осталось загадкой. Минуты три Геральт сосредоточенно ждал, изредка тыкая пальцем в экран бука — похоже, экран был сродни клавиатуре, приборчик реагировал на прикосновения изменением картинки. Гиларди тоскливо подумал, что до сих пор неверно оценивал уровень ведьмачьих познаний. Ведьмаки использовали куда более сложную науку и технику, чем он ожидал. Впрочем, сейчас это было в куда большей степени плюсом.

— Плохо дело, — прошептал Геральт вскорее. — Магнитный замок. Ну, ничего, ничего...

Он вызвал на экран какую-то сложную схему, стянул наушники и положил ноутбук на пол.

— Ждем, — объявил ведьмак, приваливаясь к стене. — Я могу уснуть, если появится зеленое окошко — разбуди. Если что-нибудь еще произойдет — тоже буди, хотя я скорее всего и сам проснусь.

Гиларди кивнул, тоже усаживаясь поудобнее.

Через минуту Геральт уже спал, свесив голову на плечо. Дышал он размеренно и можно даже было подумать — безмятежно. Но Гиларди успел изучить ведьмака достаточно хорошо, чтобы понимать: за кажущейся безмятежностью кроется взведенная пружина, уж в чем в чем, а в этом не стоило сомневаться ни секунды.

Время тянулось издевательски медленно. Могло показаться, что наверху уже подходит к концу очередной день, но стрел-

ки часов уверяли: всего девять утра. Приборчик ведьмака трудолюбиво что-то перебирал, в нижнем правом углу экрана с калейдоскопической быстротой менялись циферки. Ведьмак спал, Гиларди бдил. Периодически казалось, что кварталон тоже вот-вот уснет, но тренировки сказывались: что-то внутри не позволяло отключиться, подталкивало: «Не спи! Не спи!»

В девять сорок восемь ноутбук высветил обещанное зеленое окошко. Цифры в углу экрана застыли на ничего не проясняющей комбинации 1704295036. При всем желании Гиларди не мог соотнести этот цифровой код с фразой о магнитном замке, но раз Геральт на что-то надеялся, запуская процесс перебора кодов, значит, смысл в этом какой-то имеется. Скрытый, непонятный, непостижимый, но от этого не менее весомый и ценный.

Ведьмак проснулся сам. Жизнь его знает как — наверное, уловил изменение ритма дыхания напарника, ведьмаки на подобные штучки горазды. Гиларди действительно сначала задержал дыхание при виде зеленого окошка на матрице ноутбука, а потом еле слышно фыркнул и задышал чаще, чем прежде.

— Ага, — тихо сказал Геральт, мгновенно переходя от сна к бодрствованию. — Быстро. Не такой уж ты и смарт, хаус... Зелен еще!

Несколько минут ведьмак увлеченно солировал на крохотной клавиатурке, время от времени переходя и на экранчик, потом тщательно, без суеты, хотя и быстро, свернул свои манатки и рассовал по карманам.

— Уходим! — сообщил он невозмутимо. — Давай вперед!

«Шахнуш тодд! — мысленно выругался Гиларди, полезая в штольню. — Интересно, к зиме закончим?»

Он даже не успел задаться вопросом, каким образом ведьмак пристроит на место защитную сетку. Тем не менее сетка вскоре оказалась где положено, а Геральт, как и кварталон — головой вперед — двинулся по узкому и низкому лазу, полируя животом и без того глянцевую изоляцию кабелей.

В фургончике ведьмак по обыкновению велел Гиларди отсыпаться, а сам переоделся в джинсу и укатил в город, сообщив лишь, что вернется к вечеру.

Только раздеваясь, Гиларди почувствовал, что сильно устал. Вроде бы особо сложных физических упражнений сегодня не случилось, однако усталость была явственной и увесистой, как пудовая гиря в тренажерном зале. И еще он подумал, что ведьмаки должны иметь нервы толщиной с корабельный трос — жить под постоянным нервным давлением и не сойти с ума умудряются только они. Ведьмаки.

Наверное, поэтому они и не причисляют себя к живым.

Наутро Геральт с квартероном вновь сидели в тесной камере перед широкой и низкой бронированной дверью. Как и вчера ведьмак прилепился к броне присоской и колдовал над ноутбуком, только на этот раз никаких цифр не подбирал. А еще к броне был прилеплен странного вида диск, с виду металлический. Наверное, он был магнитным, потому что держался на двери сам собой и не падал. Да и про магнитный замок Геральт накануне вскользь заикался, так что скорее всего диск действительно был непростой.

Колдовал ведьмак сравнительно недолго — минут сорок, не больше. А потом в двери что-то негромко щелкнуло и она приоткрылась — совсем чуть-чуть, на пару сантиметров — ровно настолько, чтобы можно было запустить в специальную нишу пальцы и потянуть правую створку на себя.

Ведьмак так и сделал. Он отворял дверь осторожно и медленно, словно опасался, что едва проем станет достаточно широким — изнутри кто-нибудь тут же окатит камеру-предбанник губительной струей из огнемета. Гиларди неожиданно живо представил себе это: из щели вдруг вырывается ярко-оранжевый огненный язык, разгоняет полумрак, затянутая в черное фигура ведьмака становится в пламени еще более черной; ведьмак вспыхивает, нелепо суча руками, но не кричит...

Квартерон резко потрянул головой. Проклятое воображение! Кстати, а ведь случись такое — ведьмак действительно и не пикнет, умрет молча. А еще вернее — и не умрет вовсе, а как обычно вывернется, что-нибудь мгновенно выдумает или выкинет. Наверняка в его богатом техническом арсенале что-нибудь предусмотрено и на такой пожарный (во всех смыслах) случай.

В повисшей почти абсолютной тишине тихо-тихо пискнул стартовавший секундомер.

«Начали!» — просигналил ведьмак и пшикнул в проем аэрозолем. Так и есть: сторожевые лучи. Только не горизонтальные, а вертикальные, и не четыре, а восемь. Чтобы протиснуться, придется блокировать сразу два, иначе никак.

Секунд пять Геральт изучал охранную систему. Излучатели явно были вмонтированы в верхнюю притолоку, а приемные датчики располагались на полу. Поманив квартерона пальцем, ведьмак отобрал у него винтовку, активировал прицел, сел на корточки у среза закрытой створки и привалился к ней плечом, одновременно наведя красную точку на второй от правой стены датчик. Повернул голову, взглянул на Гиларди — мол, понял? Вот так надо. Гиларди кивнул — понял, мол. Не дурень.

Винтовка вернулась к нему, и квартерон занял позицию у закрытой створки, присев на корточки, точь-в-точь как перед этим ведьмак. Тот тем временем добыл из набедренного кармана некую похожую на пластилин дрянь и скатал ее в небольшой шарик. Упаковку от этого «пластилина» Геральт спрятал в карман, а не выбросил — Гиларди это машинально отметил.

Вскоре к потолку у двери был прилеплен пистолет Геральта, прицел которого нейтрализовал крайний правый датчик. Для верности ведьмак проверил проход — поводил, перекрывая крайние два луча, ножом. Система безопасности молчала.

«Держи!» — скомандовал Геральт жестом.

Гиларди скосил глаз на крохотный квадратик приемного датчика. Алая точка прицела едва заметно дрожала в каком-то полуметре от ботинка, не дальше. По виску квартерона сползла крупная капля пота — тренировки тренировками, а перед лицом реальной опасности он мгновенно взмок. Однако тренировки свое все же сделали: руки, невзирая ни на что, практически не дрожали.

«Внимание! Я пошел!»

Ловко и быстро Геральт скользнул в щель; было похоже, будто он переступил через достаточно высокое, минимум по колено, препятствие. Занес одну ногу, нащупал опору и пожуравлиному вынул вторую. Миновав «решетку» он тут же раз-

вернулся и жестом приказал Гиларди подать винтовку. Гиларди сосредоточенно выполнил приказ, проследив за тем, чтобы не перекрыть луч прилепленного к потолку пистолета. Несколько секунд — и Геральт навелся на второй датчик.

— Джа! — прошептал он. Понятно почему вслух: не до жестов, руки заняты.

Обливаясь потом и страхом квартерон изо всех сил вжался спиной сначала в край двери у самых петель, потом проелозил по притолоке, высоко пронося над датчиками ноги и стараясь не смотреть на красный луч перед самым лицом. Было трудно, макушка скребла низкий потолок, а полусогнутые ноги норовили разъехаться, но разве был у него выбор? Пришлось сдюжить...

Лишь когда ведьмак ткнул ему в руки винтовку, Гиларди понял, что он уже в смартхаусе. Что охранный система пройдена.

Геральт тем временем просунул руку между вторым и третьим лучом, отлепил пистолет и втянул на свою сторону. Движения ведьмака были отточены и выверены, словно у сложного заводского механизма при конвейере.

После этого Геральт коротко огляделся, просигналил квартерону: «К стене!» и указал к какой именно. Гиларди с готовностью и немалым облегчением присел на корточки, прижался спиной к пластику, которым были обшиты стены в подвале смартхауса. И лишь после этого тоже позволил себе окинуть взглядом диспозицию.

Подвал был просторен и по большому счету пуст: у одной из стен помещался высокий цилиндрический бак с трубой наверху. Труба уходила в потолок. На боку бака виднелись несколько разнокалиберных циферблатов, черная ручка-регулятор и несколько кнопок, расположенных по мнению Гиларди беспорядочно. Пара труб потоньше тянулась от бака в стену.

В углу, поодаль от бака, стоял шкаф с потускневшим зеркалом на фасаде; одна дверь шкафа была приоткрыта и на нее кто-то набросил не очень чистый брезентовый плащ, словно бы для просушки. Рядом, шагах в двух от шкафа в сторону центра подвала, примостилась низкая колесная тележка наподобие тех, на которых зимуют речные лодки и катера. Резина на колесах была худая, растрескавшаяся, а кое-где даже висящая

неопрятными лохмотьями. Довершал картину аккуратно уложенный штабель рыжей черепицы, точно такой же, какая покрывала крышу смартхауса. Середина подвала оставалась свободной, хоть на роликах кататься. Лестница на первый этаж располагалась по диагонали от места, где затаились вторгшиеся живые. Была она деревянной и красивой, с резными перильцами и отшлифованными до блеска ступенями — по крайней мере ступени отражали льющийся сверху рассеянный свет. И еще лестница выглядела очень маняще, словно говоря: «Вот же я, приди и поднимись, добро пожаловать!»

Но ни один ведьмак на подобные призывы, понятное дело, не купится ни в жизнь.

Гиларди покосился на Геральта с внезапно проснувшимся интересом. Тот отошел к стене и высился рядом с присевшим на корточки квартероном. Долго и придирчиво ведьмак изучал обстановку, вертел головой, всматривался, вслушивался, разве только не приняхивался. А может, и обоняние в дело пустил, пойдя их разбери, ведьмаков... Напрямик к лестнице Геральт не пойдет, это было понятно. На тренировках он неоднократно твердил: «Никогда не ходи через центр помещения, там ты уязвим со всех сторон! Вся охрана завязана на центр, ходить же нужно вдоль стенок, по столам, по шкафам...» Скорее всего сейчас ведьмак выбирал вдоль каких стен направиться — мимо штабеля черепицы или же мимо бака, шкафа и тележки.

Выбрал он черепицу. Снова присел и жестом велел Гиларди идти к штабелю. Именно идти, а не ползти. Квартерон прямо с корточек и стартовал — просеменил, согнувшись в три погибели, и снова присел уже рядом с ржим кубиком из черепицы. Будь сейчас очередное занятие — наверняка пришлось бы держать под прицелом лестницу.

Геральт двинулся иным путем, налево от бронированных дверей, к баку. Он без помех добрался до пустого угла, на миг задержался там и уже собрался идти дальше, но тут бак вдруг ожил — там что-то негромко ухнуло и секундой позже равномерно загудело — так могло бы гудеть внезапно вспыхнувшее пламя. Стрелка на крайнем слева циферблате шевельнулась, переползла из левого положения в среднее и там застыла.

У Гиларди в первый момент внутри все похолодело и оборвалось. Но секунды шли, бак ровно гудел, Геральт с посеревшим, как у мумии, лицом стоял в углу, а в остальном подвал продолжал пребывать в сонно-спокойном состоянии.

Когда Гиларди снова поглядел на Геральта, лицо у того уже приобрело нормальный оттенок. Быстрым шагом ведьмак миновал бак и задержался между ним и тележкой; при этом ведьмак несколько отдалился от стены. Возможно, именно это сыграло роковую роль, возможно, нет. Но так или иначе сверху вдруг отчетливо шелкнуло, на потолке, доселе однообразно-белом, вдруг прорезались длинные продольные и поперечные линии и на ведьмака упала сетка. Крупноячеистая, зато с грузами по периметру. Она отстрелилась от потолка одновременно со вторым звуком, похожим на хлопок сработавшего пиропатрона.

Ведмак даже успел среагировать — метнулся к стене. Но сетка все равно накрыла его, самым краем. Грузы словно креслица карусели завертелись вокруг туловища, и Геральт в мгновение ока был опутан ими, ни дать ни взять — муха в паутине.

Впрочем, Гиларди быстро убедился, что ведьмака изловить не так-то и просто. Падая, Геральт оттопырил согнутую в локте руку, тем самым отвоевав пространство для манипуляций. Да, ноги ведьмака и левую руку сетка практически обездвигила, но правой он все еще мог действовать. Чем и не замедлил воспользоваться.

Вопреки ожиданиям, Геральт добыл не нож, а бокорезы, способные перекусывать самую прочную проволоку. Наверное, сетка была особенная и обычный нож ее просто не брал. Потеряв полторы минуты времени, ведьмак вернул свободу. Гиларди отметил, что лицо его сделалось злым и еще более решительным.

К этому моменту бак уже уgomонился — Гиларди впопыхах даже не отследил когда. В подвале снова стало тихо. Даже не верилось, что пару минут назад тут что-то происходило. Однако на полу между баком и тележкой валялась обезвреженная ловчая снасть, а на потолке четко просматривалась сеть продольных и поперечных желобков и вскрывшиеся небольшие камеры для грузиков.

Квартерон глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Раз, другой, третий. Сердцебиение неплохо бы и унять... да только не желало оно, окаянное, униматься: в груди бухало, казалось, на весь смартаус.

Геральт откатился под стеночку, в угол. Теперь он располагался ближе всего к шкафу.

«Ко мне, в обход слева», — скомандовал он квартерону. Невзирая на произошедшее, жесты ведьмака были точны и уверенны. У Гиларди на месте Геральта точно дрожали бы руки.

Мимо дверей и невидимой (аэрозоль уже осел) охранной решетки, вдоль стеночки до угла; здесь поворот на девяносто, затем перебежка к баку. Гиларди на всякий случай приготовился, что тот снова ухнет и загудит, но не тут-то было: проклятая железка осталась безмолвной и не шевельнула ни одной стрелкой ни на одном циферблате. Последний рывок — и Гиларди вжался спиной в стену рядом с ведьмаком.

— Смотри, — прошептал ведьмак квартерону в самое ухо. — Нас вынуждают пройти к лестнице единственно возможным путем — между шкафом и тележкой. Понимаешь что это означает?

«Что?» — взглядом спросил Гиларди.

— В шкафу что-то есть, — сказал Геральт, играя желваками на скулах. — К бою.

Пальцы квартерона коснулись цевья винтовки спустя секунду. На ствол, надо полагать, предстояло взять шкаф. Гиларди прицелился и замер. Даже руки дрожать перестали — напряжение достигло некоего порогового предела, страх притупился, остались сосредоточенность и вера, вера в себя и в опыт ведьмака. В себя, разумеется, во вторую очередь.

Геральт некоторое время паялся на шкаф, недоверчиво, исподлобья. Потом привстал на цыпочки, огладил себя по бокам — видимо, проверял все ли снаряжение как следует пригнано и пристегнуто — и вдруг в два скачка запрыгнул на тележку.

Вторая дверь шкафа, доселе закрытая, с грохотом слетела с петель. Гиларди выстрелил — раз, другой. Звук саданул по ушам; пули явно угодили во что-то металлическое. Нечто, неприятно напоминающее железного паука, выпрыгнуло из шкафа, на миг застыло, оглушенное пулями, а в следующее мгнове-

ние ведьмак сдернул с полуоткрытой створки навешенный плащ и набросил его на вылезшую из укрытия дрянь. Гиларди с перепугу чуть не стрельнул еще раз, но вовремя спохватился: недолго было попасть и в ведьмака.

А тот навалился на изловленного паука, подмял его, сунул руку с пистолетом куда-то вниз, в складки плаща и пальнул четыре раза подряд. Не успело эхо выстрелов затихнуть, как под плащом громко и явственно вжикнуло, а Геральт тут же как ни в чем не бывало встал.

«Стоп!» — просигналил он на всякий случай и взялся за край плаща. Потянул.

«Это» действительно было похоже на паука и еще немножко — на осьминога, обитающего в громадном аквариуме центрального зоопарка, куда Гиларди часто возил дочь, когда она была маленькая. Осьминог всегда производил впечатление существа печального и меланхоличного, невзирая даже на жутковатый клюв и не менее жутковато выглядящие ряды присосок на щупальцах.

Металлическая тварь не выглядела ни печальной, ни меланхоличной. Пол-«головы» у нее было разворочено, причем словно бы изнутри — наружу торчали острые рваные края, обрамляющие дыру размером с куриное яйцо. Формой дыра тоже походила на то же яйцо — эдакий неправильный овал, один край длиннее и острее. Лапы-манипуляторы, без присосок, но тоже вполне жутковатые на вид, бессильно вытянулись по направлению к тележке. Длинный ус-антенна, сломанный примерно посередине, исчезал под полой плаща.

Полюбовавшись, ведьмак снова набросил плащ на железное чудовище, а затем поманил напарника. Конечно же, на языке жестов.

Гиларди подошел, стараясь не приближаться к тому, что скрывалось под брезентом.

— Не бойся, — враз раскусил квартерона Геральт. — Он больше не опасен.

— А кто это?

— Робот-эспер. Спасибо, что охранный, а не боевой.

— А в чем разница? — поинтересовался квартерон, не очень надеясь на ответ. Однако ведьмак почему-то разоткровенничался:

— У этого шокер. А у боевого или пулемет, или лазер.

— Промышленный? — с уважением справился Гиларди.

Ведьмак поглядел на него заинтересованно. Оценивающее так. В самом деле, Гиларди проявил знание того, чего ему знать было в общем-то не положено.

— Боевой, — буркнул ведьмак и отвел взгляд.

Гиларди вдруг подумал, что выскочи сейчас из шкафа еще один робот, их можно было бы взять тепленькими. Однако ведьмак, видимо, знал, что никто оттуда не выскочит. Ведьмак пристальнейшим образом изучал нижнюю часть лестницы, почему-то с расстояния в пять шагов. Подумывая — а не отползти ли к стене и не присесть ли? — кварталон принялся озиаться, соображая, где будет безопаснее. Пока он озираясь, Геральт успел вернуться к шкафу и заглянуть внутрь.

— Ух ты, — тихо сказал он с таким значением, что кварталону сразу расхотелось линять под стеночку.

Он приблизился к Геральту и выглянул из-за плеча.

— Да это нифига не шкаф! — изумился Гиларди шепотом, хотя после недавней пальбы соблюдать тишину было в общем-то смешно.

— Истинно так, — подтвердил ведьмак. — Это не шкаф. Это лифт.

Перевел взгляд на кварталона и улыбнулся — едва заметно, кривовато:

— И это просто здорово!

— Почему?

— Да какая тебе разница? — буркнул Геральт, внимательно разглядывая внутренности «шкафа», хотя глядеть там, по большому счету, было не на что: двустворчатая дверь вместо задней стенки и единственная кнопка в стене справа от двери.

— Хочу знать... — угрюмо сказал Гиларди. — Чем лифт лучше лестницы? Кроме удобства, разумеется.

— Увидишь, — отрезал ведьмак и нажал на кнопку вызова, тотчас подсветившуюся красным.

Вообще-то Гиларди ожидал, что ведьмак снова будет осторожничать, достанет свой микроноутбук, примется вынюхивать-выслушивать хитрые механизмы лифта... Ан нет: просто вызвал лифт, и все.

Наверху загудело — тихо, утробно, но как-то солидно и незлобиво, что ли. Надежно и весомо. Сразу стало понятно, что едет за ними не разболтанное угрибище, как в блочных девятиэтажках трущоб — изрезанное ножами и загаженное чем попало, от паскудных граффити до налепленных комочков жвачки и мусора на полу.

Гудение оборвалось, мелодично тренькнул звоночек, и две пары створок плавно ушли в стену. Лифт был и правда роскошен: в нем имелся даже пуфик. Панели дорогого дерева, напротив дверей зеркало во весь рост, на стене современный пульт с доброй дюжиной кнопок... причем, к уровням привязаны только пять из них: подвал, три этажа и площадка на крыше. Остальное — навороты, большей частью необязательные.

Геральт вошел в лифт первым, подозрительно поглядел на зеркало и повернулся к нему спиной. Гиларди тоже вошел — места тут легко хватило бы человек на десять. Пожалуй, в лифте с успехом разместилась бы и небольшая легковушка, если бы сумела протиснуться в дверной проем.

— Какой? — спросил квартерон, потянувшись к кнопкам. — Первый?

Ведьмак неожиданно схватил его за руку чуть выше запястья и покачал головой: не смей, мол.

Озадаченный Гиларди застыл, недоумевая — что ведьмак замыслил?

Секундой позже он понял: а ведь Геральт прав. Охранные системы смартхауса наверняка наиболее свирепы именно на первом этаже и направлены на штатные входы. Логичнее подниматься, скажем, на второй этаж и затем спуститься — лестницу смартхаус тоже отслеживает, но явно ведь не так пристально, как основной вход! И, потом, сам ведь рассказывал ведьмаку: Мелиссу он в последний раз видел на балконе третьего этажа. Третьего!

Впрочем, ведьмак не собирался ехать ни на второй этаж, ни на третий, ни на крышу. Более того, он вообще не собирался ехать на лифте.

Двери оставались открытыми секунд пятнадцать; так и не дождавшись команды к движению, лифт затворил их. Тотчас потускнело освещение — надо же, Гиларди и не знал, что в

пустом лифте основной свет гаснет, остается подслеповатая дежурная лампочка на панели управления.

Ведьмак задрал голову и принялся рассматривать потолок, декорированный квадратными плитами с вычурным рельефным узором.

— Ступенька, — тихо скомандовал он, не отрывая взгляда от потолка.

Команда была прекрасно знакома квартерону: он закинул винтовку на плечо и сложил ладони лодочкой, одновременно прижав их к правому бедру. Ведьмак встал на лодочку действительно будто на ступеньку и дотянулся до потолка. Без труда снял одну из плит, потом соседнюю. Добыл из кармана отвертку и принялся откручивать саморезы — шляпки саморезов отблескивали в темноте, когда между пальцев ведьмака на них падал неяркий свет лампочки.

Какая-то минута, и в потолке лифта зияла сквозная квадратная дыра, сквозь которую были хорошо видны натянутые тросы, стена лифтовой шахты и жгут из нескольких толстых кабелей, тянущийся куда-то вверх. Вниз Геральт ничего, кроме вынутых плиток облицовки не сбросил; люк он, видимо, пристроил сверху на кровле лифта. Давление на ладони на миг возросло, ведьмак уцепился за край дыры, подтянулся, и вылез наружу.

— Давай за мной, — прошептал он.

Гиларди подал ведьмаку винтовку, подпрыгнул, уцепился за край и тоже влез в дыру.

Стоять на крыше лифта было дико и непривычно; чуть выше, где-то между вторым и третьим этажом, в шахте также имелась аварийная лампочка. Тусклая и вдобавок выкрашенная в зеленый цвет, поэтому аварийка одновременно и темень разгоняла, и по глазам не била. На самом верху над головами смутно угадывались большие колеса с направляющими — тросы тянулись как раз к ним. А из одной стены шахты, той, что из лифта, была квартерону не видна, проросли металлические скобы — ровненький рядок, образующий лестницу наподобие пожарных. На старых домах такие попадались по всему Большому Киеву, любой киевлянин в детстве и юности непременно лазил по ним. Гиларди в этом смысле не был исключением:

лазил, причем с большой охотой, лет до двадцати—двадцати пяти, пока его не обуяли занятия поинтереснее.

Геральт вручил квартерону винтовку, ухватился за ближайшую скобу и полез наверх. Сноровка, с которой он это проделал, недвусмысленно свидетельствовала о том, что и ведьмак в свое время лазанья по пожарным лестницам не чурался. Да и профессия обязывала как никак: неуклюжему ведьмачить не светит.

Они поднялись до дверей на третьем этаже. Ведьмак уцепился одной рукой за трос, на котором висел лифт; левой ногой уперся в лестничную скобу. Гиларди затруднился бы описать позу, принятую Геральтом: тот напоминал не то паука в центре вековых тенет, не то воздушного гимнаста на трапеции перед исполнением особо трудного кульбита. На деле ведьмак всего лишь дотянулся до какого-то механизма чуть левее и выше одной из створок, покопался там рукой и — о, чудо! — с тихим гулом створки разъехались. Не целиком, примерно наполовину. Но в образовавшуюся щель уже можно было с успехом протиснуться. Еще немного гимнастики, и Геральт с квартероном выбрались из шахты в холл третьего этажа.

Холл был устлан ковром, толстым и пушистым — просто праздник после грязных луж тренировочного подвала. Прямо с четверенек Гиларди совершил на диво правильный пережат, приткнулся к стене лифтовой шахты справа от дверей и взял единственную в поле зрения дверь на ствол. Почти на всю высоту дверь была застеклена; однако стекло было не простое, а полупрозрачное, максимум, что через него удалось бы разглядеть — силуэт. В данный момент за дверью точно никто не прятался, поэтому Гиларди позволил себе скосить глаза на Геральта.

Тот занял зеркальную позицию по другую сторону дверей лифта. Дивный пережат квартерона ведьмак либо не оценил, либо (что вероятнее) счел само собой разумеющимся и оценки попросту не требующим. По-видимому, подбадривать менее опытного спутника ведьмак особо не собирался.

Несколько мгновений — и ведьмак перетек к застекленной двери. Сделал знак квартерону; тот повторил маневр со своей стороны.

«Открывай!» — просигналил ведьмак жестом. Гиларди взялся за дверную ручку и потянул; дверь бесшумно отворилась. Сквозь стекло он увидел, как Геральт тенью скользнул в проем, отступил влево и присел. Без всякой команды было понятно, что теперь черед квартерона.

В примыкающем к холлу широком коридоре Гиларди, не забыв осторожно прикрыть подпружиненную дверь, дабы не хлопнула, шагнул вправо и быстро опустил на одно колено. На полу лежал такой же ворсистый ковер, как и перед лифтом, только другого оттенка.

В следующие несколько секунд Гиларди получил ответ на недавний вопрос: почему после стремительного перемещения ведьмак и сам все время приседает, и ведомого заставляет поступать так же.

Едва заметный в свете дня красноватый лучик прошелся по всей комнате примерно в метре над полом. Он чиркнул по дубовым панелям чуть выше голов Геральта и Гиларди. Источник луча находился в дальнем углу и внешне напоминал такой себе мирный столбик с глазком-линзой на верхушке.

Гиларди интуитивно понял, что нужно замереть и не издавать ни звука. Даже скосить глаза и поинтересоваться, чем занят ведьмак, он не решился. Впрочем, долго гадать не пришлось: после некоторой паузы Геральт перекатился по ковру к злополучному столбику с глазком и, надо полагать, вывел из строя датчик движения. Или еще что-нибудь вывел из строя, у ведьмаков много тайных методов против недружелюбной техники.

Сбросив оцепенение, Гиларди стал вполоборота к ведьмаку. Тот внимательно глядел куда-то за угол, вдоль коридора; квартерон со своей позиции не видел куда именно. Секундой позже Геральт жестом скомандовал выглянуть, что Гиларди с некоторым даже удовольствием и проделал.

Он увидел прозрачную стену напротив себя. За стеной хорошо просматривалась небольшая комната, но не обстановка в первую очередь приковала внимание — вовсе нет.

Гиларди увидел дочь.

Мелисса сидела на диване в позе живого, измученного долгим ожиданием и неизвестностью. Рядом на полу раскорячил-

ся очередной металлический паук — двойник обезвреженного в подвале. Странно, но ни на ведьмака, ни на выглянувшего из-за угла квартерона паук-страж никак не прореагировал, хотя по идее должен был, стена-то стеклянная. Ладно Мелисса — она устала, отчаялась, могла и прозевать появление неожиданных гостей. Но страж? Гиларди был, конечно, наивнее и неопытнее ведьмака, но не до такой степени.

— Тихо, — прошептал незаметно приблизившийся ведьмак — теперь он стоял за спиной квартерона. — Они нас не увидят, эта стена прозрачна только с нашей стороны.

Гиларди оглянулся и перехватил взгляд Геральта. Пристальный, пыливый, словно ведьмак стремился влезть квартерону в самую душу и выведать все его помыслы, считать все до единого чувства.

К счастью, на подобное не были способны даже ведьмаки. Возможно, они умели влезать в души машин и других сложных механизмов, но души живых оставались закрытой книгой и для ведьмаков тоже.

«Интересно, — подумал Гиларди немного не к месту, — откуда он знает, что стена комнаты односторонней прозрачности? Как он это определил?»

«За мной», — отсигналил ведьмак и скользнул в коридор. На этот раз он не стал приседать, крался почти в полный рост, только немного пригнулся.

Гиларди послушался. Но... немного отстал. Очень вовремя.

Когда ведьмак преодолел половину пути до стеклянной стены, пол под ковром вдруг вспучился; одновременно, прорвав тонкий маскировочный покров на потолке, сверху упала металлическая клетка. Прутья с размаху вонзились в специальные вертикальные гнезда, доселе прячущиеся под ковром, вонзились — и зафиксировались. Вторая клетка поднялась из пола, приподняв ковер, который провис на манер гамака. Ведьмак остался в этом гамаке, зажатый между решеток словно таракан, придавленный стеклом к столешнице.

Было видно, как Мелисса вскинула голову, как откуда-то слева, из невидимости, шагнул к дверям комнаты Шоб, небрежно отпихнув ногой эспера-стража.

— Джа! — заорал ведьмак, привлекая внимание Гиларди и одновременно отвлекая внимание остальных.

«Уходи тем же маршрутом!» — просигналил он, причем в его жестах впервые проявилась торопливость.

Наверное, у квартерона действительно оставались шансы на успешное бегство из смартхауса. Вот только не собирался он никуда бежать.

— Зачем же уходить? — сказал Гиларди, вставая в полный рост и брезгливо роняя осточертевшую винтовку на обнажившийся паркет. Винтовка полновесно грянула. — Я не хочу пропустить самое интересное!

Шоб посторонился, выпуская из комнаты Мелиссу.

— Привет, папаня! — поздоровалась дочь, разумеется — развязно, и, разумеется — без особой радости в голосе. — Я тут чуть не окоурилась со скуки. Гони бабки.

— Потом, — пробурчал Гиларди. — Думаешь, я их с собой таскаю? В этом-то наряде...

Мелисса смерила взглядом его шпионскую экипировку и фыркнула — не то чтобы с отвращением, но уж точно неодобрительно.

Эспер проскользнул-таки в дверь вперед Шоба и занял позицию у клетки-ловушки.

Следом нарисовался Шоб, а за ним и Хатим с Бригелой.

— Так-так-так, — издевательски провозгласил Шоб, оставившись перед клетками. — Кто тут у нас? Ведьмак упакованный — один штука! Гы-гы-гы!

Ведьмак молчал. Интересно, какие мысли роились в его голове? Понял он смысл происходящего или пребывает в шальном недоумении? Увы, умение читать мысли было недоступно Гиларди в той же мере, в какой и остальным живым. Хотя за это умение квартерон, не задумываясь, отдал бы все, что имел. И даже больше, авансом, под любые проценты. Кроме собственной жизни.

— Ну что, супер недоделанный? Спекся? Провалил контракт? — продолжал издеваться Шоб. — Теперь тебе свои же бритоголовые жопу порвут, гы-гы-гы!

Ведьмак молчал.

— Я буду в гостиной внизу, — заявила Мелисса, направляясь к лифту. — И я жду бабки, папаня! — добавила она уже из-за угла.

Спустя еще несколько секунд вновь донесся ее голос, на этот раз возмущенный:

— Какой идиот сломал лифт??? Двери не открываются!!!

Гиларди досадливо поморщился. Наградило же небо доченькой...

— Бригела! — окликнул квартерон, отвлекаясь от несвоевременных мыслей. — Поди отключи «Тревогу», шибанет еще кого-нибудь ненароком...

Подручный безропотно подчинился — чуть ли не бегом рванул. Приятно вновь стать хозяином и повелевать, а не подчиняться. Все-таки это плохо, подчиняться, пусть даже живому весьма неординарных способностей и умений.

Гиларди никогда не разделял всеобщую неприязнь к ведьмакам. Наоборот, он считал ведьмаков блестящими специалистами-практиками во многих областях техники. Собственно, без этого сегодняшние события не произошли бы.

— А ты, Шоб, заткнись, — велел квартерон второму подручному. — Ты бы еще на лужайке спекся. А он практически до цели дошел, до третьего этажа! Разблокируй лучше ловушку.

Презрительно оттопырив губу, Шоб вынул пульт и набрал сегодняшнюю отбойную комбинацию. Прозвучал предупреждающий сигнал, щелкнули фиксаторы; внешняя клетка неспешно поднялась в специальный паз наверху, внутренняя втянулась в пол. Ведьмак остался лежать на беспорядочно сбитом ковре.

— Вставайте, Геральт, — сказал Гиларди, невольно копируя бесстрастные ведьмачьи интонации. — Пройдемте в комнату. Не здесь же, в самом деле, беседовать...

Геральт медленно поднялся на ноги. Лицо его было мертвым и непроницаемым, но Гиларди уловил момент, когда ведьмак быстро проверил локтем пистолет при поясе.

Пистолет никуда не делся. И пистолет был заряжен, Гиларди это знал. Но он не побоялся показать ведьмаку спину.

Дурить Геральт не стал. Не настолько он был глуп, чтобы дурить в такой ситуации.

— Присаживайтесь, — Гиларди указал на диван, где совсем недавно сидела Мелисса.

Геральт сел. Хмуро зыркнул на стену — она действительно с этой стороны была непрозрачной. Зато напротив дивана на массивном штативе располагался плоский монитор видеонаблюдения, в котором прямо сейчас можно было в подробностях разглядеть коридор за стеной — каждую складочку на так и не расправленном ковре.

— Как вы уже догадались, любезный Геральт, — начал Гиларди, — дела обстоят не совсем так, как вам казалось еще десять минут назад.

— По меньшей мере час, — буркнул Геральт, не меняясь в лице.

— Что? — кварталон слегка растерялся.

— Я понял, что это ваш смартхаус примерно час назад. В камере перед внешней дверью.

— Как?

Геральт поднял на собеседника непроницаемый взгляд.

— Не вижу причин откровенничать с вами, господин Гиларди.

Кварталон некоторое время молчал. Он подумал, что ведьмак неожиданно ловко лишил его инициативы, и это была единственная дельная мысль.

— Так или иначе, контракт остался невыполненным, — Гиларди пробовал вновь взять разговор в свои руки.

— Все деньги, включая аванс и неустойку вы получите сразу же, как только мне разрешено будет войти в сеть, — сказал Геральт сухо. — Что-нибудь еще?

«Все-таки несгибаемые они живые, ведьмаки», — подумал Гиларди с уважением.

Он знал, что ведьмаку, который не выполнил условия подписанного контракта, приходится потом несладко. Собственно, на этом обыкновенно карьера ведьмака и заканчивается, его наказывают другие ведьмаки, более удачливые. Ходят слухи, что провалившихся убивают, но Гиларди прекрасно знал цену слухам. А достоверной информации добыть просто не сумел и подозревал, что эта информация закрыта для всех без исключения не-ведьмаков.

Однако топить Геральта совсем не входило в его планы.

— Геральт, давайте я сначала кое-что объясню, а потом будем обсуждать кто кому и сколько должен, ладно?

Теперь Гиларди готов был поклясться, что ведьмак заинтеригован. Внешне это не проявилось никак и ранее Гиларди этого тоже скорее всего не заметил бы. Но последние недели они слишком много времени провели вместе, причем как одна команда.

— Это действительно мой смартхаус. Но поверьте, я никогда не ставил целью погубить вас или другого ведьмака. Моя цель иная.

Здесь Гиларди сделал намеренную паузу. Ну же, ведьмак, давай! Прояви заинтересованность! В конце концов, грядущие неприятности тебе не нужны, а тут вроде бы наклеывается шанс их замять.

— И какая же у вас цель? — осторожно спросил Геральт.

«Ключул! — мысленно возликовал кварталон, не изменившись в лице. — Ура!»

Скрывать чувства он умел немногим хуже ведьмака.

— Если коротко — то проверить безопасность смартхауса. Даже вы не смогли дойти до цели, хотя осталось совсем немного.

— Мы и так зашли чрезвычайно далеко, — Геральт чуть заметно пожал плечами. — При видеонаблюдении и живой охране нас должны были повязать еще на лужайке.

— Ну, справедливости ради надо уточнить, что живое видеонаблюдение задействовано только на втором этаже и здесь, в этой комнате. Так или иначе я убедился, что имеющаяся в моем распоряжении система охраны достаточно эффективна. Полагаю, повторение одной и той же уловки с механической атакой сверху явилось для вас неожиданностью?

— Да, для смартхаусов это нехарактерно. Каюсь, расслабился.

— Со всеми бывает, — Гиларди улыбнулся — насколько мог дружелюбно. — Итак, если вдуматься — дух контракта не нарушен, я хотел проверить свою систему охраны и я ее проверил. А дабы соблюсти еще и букву контракта, я попрошу вас оказать мне еще несколько мелких услуг. И тогда я готов за-

быть и о возврате денег, и о неустойке... В конце концов, это может стать нашим и только нашим делом, улаженным полюбовно и тихо. А? Что скажете?

Ведьмак помедлил. Осторожничал, скорее всего прикидывал варианты.

— Об услугах какого рода вы говорите, господин Гиларди?

Тут кварталерон неожиданно даже для себя сымпровизировал:

— Во-первых, признайтесь, только честно: даже когда вы поняли, что я в этом доме не чужак, вы шли всерьез? В полную силу?

— Да, — без колебаний ответил ведьмак. — Ловушку в коридоре я прозевал. Это действительно удачный и новый для меня ход — две ловушки на одном и том же принципе в разных местах. Вы ведь устроили ее намеренно, это не изначальная оборона смартхауса?

— Угадали, — подтвердил Гиларди. — Ловушку изъяли из другого смартхауса и приращивали два с лишним года! Признаться, стоило это кучу денег, но потратил я их, как сегодня выяснилось, не зря.

— Блестящий ход, — совершенно искренне похвалил Геральт. — Скажите, не Халькдафф ли приращивал эту ловушку?

Теперь настал черед кварталерона изумляться:

— Хм... действительно Халькдафф... Но откуда... впрочем, неважно.

Положительно невозможно все время сохранять инициативу в разговоре с ведьмаком! Даже в ситуации, когда ведьмак форменным образом прижат к стене!

— Услуга, о которой я прошу, заключается вот в чем: вы должны в деталях проконсультировать меня и моего техника охранных систем касательно методов и приемов, позволивших вам дойти до третьего этажа. Каждый шаг, подробно и полно.

— Это все?

— Нет. Вы должны молчать о методе двух похожих ловушек в одной охранной системе. Лучше было бы вообще забыть, но я понимаю, что бессмысленно просить невозможное. Если кто-нибудь когда-нибудь заберется в мой смартхаус — я выну наш контракт из-под сукна и тогда вам конец как ведьмаку.

— Кто-нибудь может забраться к вам в смартхаус и без знания этого метода, — заметил Геральт.

— В этом случае я вас не трону, — пообещал Гиларди. — Но будьте уверены: я распознаю ваш почерк тотчас же. Может быть, я не самый лучший ученик, но и не из худших, как вы могли убедиться.

— Еще требования будут?

— Ну, — протянул Гиларди. — Я надеюсь на дальнейшие консультации... Хотя бы время от времени.

— Нет, — отрезал ведьмак. — О регулярных консультациях и не мечтайте.

— А по первым двум пунктам?

— По первым двум пунктам — да, я согласен. Я готов рассказать, каким образом преодолел первые эшелоны защиты и обещаю не лезть в ваш смартхаус, а также хранить в секрете вышеупомянутый метод. В том смысле, что никому не рассказывать о нем. Беречься от него, как легко догадаться, отныне я буду в полной мере. Но — молча.

— Что ж, по рукам! На всякий случай сообщаю, что разговор наш зафиксирован и отныне имеет юридическую силу. Запись, разумеется, я буду хранить под сукном рядом с контрактом и огласке предавать не собираюсь.

— Вы умный живой, господин Гиларди, — сказал Геральт чуть-чуть зловеще. — Очень умный. Вы даже можете себе позволить немного поиграть с загнанным в угол ведьмаком. Но упаси вас Жизнь пытаться играть с Арзамасом-16. Примите этот совет бесплатно, сверх нашего устного договора. Рекомендую. И, сделайте одолжение, покажите, где тут удобства. А то уже хочется.

— Шоб! — позвал кварталон. — Минутку, Геральт. Шоб вас проводит. Вы уж не пришибите его по дороге, ладно? Он далеко не светоч духа, но мне он, увы, нужен. Даже если будет задираться и язвить. Не обращайтесь на него внимания и все.

— Не пришибу, — пообещал Геральт, вставая.

На этот раз Ламберт приехал один, без Койона. И не на джипе, а на древнем мотороллере, который по идее должен был развалиться лет двадцать назад, однако никак не желал этого делать и как мог продолжал бегать по дорогам Большого Киева.

Ламберт не был хмур. Зато Геральт напоминал грозовую тучу. Невидимые молнии, казалось, готовы были появиться над его головой в любую секунду.

— Привет, Геральт, — поздоровался Ламберт и заглушил мотороллер. Тот всхлипнул и умолк, как показалось бы любому — с облегчением.

— Я провалился, — сообщил Геральт мрачно. Глядел он куда-то в сторону.

— Я знаю.

— Весемир тоже знает?

— Конечно. Наверное, Койон еще в курсе. Может быть, Эскель, хотя Эскель вряд ли, он на деле в Тернополе.

— Клиент отказался принять контрактные деньги и неустойку...

— Я все знаю, Геральт, — сказал Ламберт мягко, приблизился и участливо похлопал коллегу по плечу. — Не дергайся. Ты был шестым, к кому обратился Гиларди.

Геральт медленно повернул голову, наконец-то встретившись со взглядом Ламберта.

— То есть... Меня что — вели?

— Не вели. Но о сути задания — знали. Весемир сказал, что полезть в смартхаус дерзнешь только ты. Никто из наших не взялся за дело Гиларди, а поглядеть на результаты много кому хотелось. Понятно, что, единственным из круга, кто оставался в неведении, был ты. Так что не раскисай, вскоре теоретики с Выставки возьмут в разработку много нового.

Геральт невесело усмехнулся:

— Так-так... А ты тоже отказал бы Гиларди?

Ламберт пожал плечами:

— Наверное... Даже наверняка. И Койон скорее всего отказал бы. Эскель, вот, отказал. И Зигурд. Пожалуй, Весемир в молодости мог в такой ситуации рискнуть. Не знаю...

Геральт отвернулся и поглядел вдоль проспекта, на ряды серых пятнадцатизэтажек, подпирающих летнее небо.

— Да не раскисай ты, — Ламберт усмехнулся. — Я понимаю, это немного обидно, узнать, что тебя использовали. Но ведь для дела же, не просто так! Судьба у нас такая, городу служить.

— Ты не задумывался, Ламберт? — сказал Геральт по-прежнему глядя в сторону. — Когда из нас сделали ведьмаков, у нас отобрали будущее. А когда мы стали хорошими ведьмаками, у нас стали по крупице отбирать настоящее и прошлое. Особенно прошлое. В наших комнатах в Арзамасе надо было несмываемой краской написать на стенах «по future», а когда мы сдохнем в поединке с каким-нибудь спятившим механизмом — вместо эпитафий высечь в камне «по past» напротив каждого имени.

Он ненадолго умолк, провожая глазами темно-зеленый «Ингул», целеустремленно спешащий куда-то на северо-запад, в сторону Сум и Прилук.

— Еще вчера мы верили, что просто храним город, — продолжал Геральт. — А теперь все чаще и чаще замечаем, что служим интересам какого-то невидимого и почти всемогущего дяди. Мы — никто, мы — песчинки, винтики в огромном и равнодушном механизме.

— По-моему, ты хандришь, — осторожно предположил Ламберт. — Да и будущее у нас никто не отбирал. Нам просто дали особое будущее, не такое, как простым живым.

Геральт глубоко вздохнул.

— Видимо, хандрю. Ладно, не тревожся. Я не стану заламывать руки и резать вены. Использовали... что ж, утрешь и пойду дальше. Но я это запомню, Ламберт. Непременно запомню.

— Слушай, дружище, — с ехидцей заметил Ламберт. — Я понимаю твой гнев, я даже уловил эдакую обтекаемую угрозу в этом твоём «непременно запомню». Имеешь право помнить, никто не возражает. Только когда кто-нибудь из нас окажется на месте Весемира и вынужден будет поступать так же как Весемир — что он подумает тогда? С какими чувствами мы вспомним сегодняшний день через много лет, когда станем мудрее и прозорливее? Может быть, мы рассеемся и скажем: «Эх, молодые были, глупые!», а? Я бы на твоём месте не спешил делать выводы.

Сплюнув на пыльный асфальт обочины, Геральт неохотно признал:

— Скорее всего ты прав, Ламберт. Ладно. Проехали. Подковерная возня пусть остается тем, кто ею занимается профес-

сионально. На нашу же долю остается голая проза: ведьмак, проваливший контракт. И с этим нужно что-то делать.

— Да все уже придумано, дружище. Садись на поезд или на попутку и поезжай в Большую Москву — поторчишь там несколько лет, повестьмачишь по маленькой, а тут тем временем все утихнет и забудется. Весемир с тамошним главой круга уже договорился, тебе даже дело какое-то подыскивали прямо с ходу. Правда, в команде.

— С местными?

— Угу. Что-то у них там в метро завелось непонятное. Надо разобраться.

— Ничего себе — по маленькой! Ты к ним в метро-то хоть раз в жизни спускался? — Геральт не думал прятать удивление.

— Спускался, спускался. Большое метро, согласен. Только не говори, что тебя подобное задание пугает.

— Нет, но...

— Вот и прекрасно! — перебил Ламберт. — Подвезти я тебя, сам видишь, не могу, да и ситуация не велит. Так что давай сам.

Геральт кивнул, в который уже раз поглядел вдоль проспекта, правда, теперь в другую сторону, на юго-восток.

— Что-то неохота мне поездом... Буду попутку ловить, — сообщил он в пространство, словно бы размышляя вслух. — Пока, Ламберт.

— Пока. Держись, не кисни.

— А, — Геральт махнул рукой, поправил на плече выдавший виды рюкзачок и поднял руку в извечном жесте автостоппщика.

Всхрипнув, завелся мотороллер Ламберта. Рыкнул пару раз протуженно и уже было приготовился тихонечко тронуться с места, но Ламберт его придержал.

— Геральт!

Тот, не меняя позы повернул голову.

— Удачи тебе! Увидимся; я думаю — лет через пять!

март — апрель 2005

Москва — Боинг-737

Москва — Одесса — Николаев

Юлия Остапенко

ЖАЖДА СНЯЩИХ

Когда я наконец смогла уснуть, мне приснился лес. Лиственница, густой колючий подлесок, длинные гряды оврагов, заросших крапивой. В оврагах хорошо рыть норы. Грунт глинистый, податливый. Очень хорошо рыть норы. Я припадаю носом к земле и беру след. Я рою землю. В вышине шумят ветви. Сейчас день. Жужжат комары. Рядом болото. Я рою землю и перехватываю зубами шею полёвки. Её хребет хрустит у меня на челюстях. Я вскидываю голову. Кровь полёвки брызжет на мою шерсть. Я замираю. Я слушаю лес. Виляя, мелким шагом крадусь по дну оврага. Тельце полёвки болтается в моих зубах. Я выбираюсь из оврага, кладу добычу на землю, рядом с зарослями ежевики. Снова рою землю. Под моими когтями трава, потом земля, потом глина, потом что-то твёрдое. Я фыркаю и тычусь мордой в это твёрдое. Оно блестит на солнце. Сейчас день. Это лес. Я снова рою. Жёлтое, без запаха. Странное. Оно появляется из-под комьев земли. Земля влажная. Я рою. Я слышу шум и вскидываю голову. Осторожность. Я должна соблюдать осторожность.

Осторожность.

И то, что я говорю себе это, говорю то, чем просто должна быть, — это так нелепо и неестественно, что выдёргивает меня из сна.

Я открыла глаза и машинально тряхнула зажатым между пальцев фильтром. Скосила глаза на руку, безвольно откинутую на подлокотник кресла — хоть иглу втыкай. Взгляд дальше — ладонь мокрая. И сигарета между указательным и средним пальцем. Догорела почти до фильтра. Стало быть, спала я минут пять, а то и все десять.

Я разжимаю пальцы и слышу, как окурочек падает в пепельницу у ножки кресла. С мягким шорохом, на груди бычков. Я не должна этого слышать. Чёрт, я не должна этого здесь слышать. Слишком тихий звук для человеческого уха. Но не для лисьего, да.

Я снова закрываю глаза, медленно выдыхаю сквозь зубы, старательно, с присвистом (почувствуй, как лёгкие слипаются стенками, да, вот так), а перед глазами лес. Мои ноздри раздуваются, и это я тоже слышу. Я рою землю.

— Твою мать, — сказала я вслух. Язык и губы двигались с трудом, издавая звуки, от которых разум успел отвыкнуть. Пять, может быть, десять минут сна — и я уже не помню человеческой речи. Скверно. Я снова сказала: — Твою мать! — Уже громче. Внятнее. Да, так хорошо.

Вслепую нашарив на полу смятую пачку (пальцы сжались разом, царапнули ногтями ковролин — рою землю...), я вынула из неё сигарету, сунула в рот и сжала зубами, вспоминая, как хрустел на них позвоночник полёвки. Потом доползла до телефона и набрала номер Бориса. И пусть только этот урод попробует не оказаться на месте.

— Алло, да-да, я слушаю! — помехи на линии. Я почти вижу, как он одной рукой стягивает одеяло, а другой нашаривает очки, уголки губ у него закисли со сна. Я стискиваю сигарету зубами. Я её не зажгла, но сейчас мне это и не надо — только стискивать.

— Что это вы мне за хрень подсовываете снова, Борис Ефимович? — спрашиваю я без приветствия. Я всегда так с ним, а он хоть бы разок возмутился, что ли. Впрочем, никто ему не мешает жаловаться главному супервизору.

— Машенька? Это ты? Господи, что опять случилось?

Раз этак четыреста уже повторяла, что никакая я ему не Машенька, потом плюнула. Когда человек только за последний

год трижды откачивает тебя от адренаинового шока, уже всё равно, как он тебя называет. Я бы даже была ему признательна, если бы только он сам не провоцировал у меня этот шок раз за разом. Вот и боится теперь, гад. Случись что со мной, ему ведь башку открутят. И куда как медленнее, чем это сделала бы я. А я не зверь. Я просто землю рою...

— Опять! — говорю я и ругаюсь матом, и луплю ребром ладони по микрофону. И жмурюсь. И выдыхаю сквозь стиснутые зубы. В трубке: «Машенька, что с тобой, Маша?» — Ничего, — говорю я, — ничего. Всё, прошло. Только что же за хрень вы мне на этот раз прислали, дражайший мой Борис Ефимович?

— Давление ты мерила? Пульс у тебя какой? Одышка есть? Сколько ты спала?

— Нормально я спала, — я проигнорировала все его вопросы, кроме последнего, потому что на самом деле только он один и имеет значение. — Минут семь, максимум. Так что это болтушка ваша, а не...

— Болтушка нормальная, не дури, — раздражённо сказал Борис Ефимович, совершенно успокоившись. Да я, в общем, и сама уже не очень понимала, зачем ему позвонила. Мне хотелось стискивать зубы. И рыть землю.

— Эхо сильное, — сказала я, зажмурившись. Мой голос звучал невнятно, то ли от сигареты, всё ещё зажатой в зубах, то ли от того, что я по-прежнему должна была фыркать, рычать и лаять, а не говорить. — Очень сильное, давно такого не было.

— Можешь себе вколоть антидот?

— Обойдусь. — Я уже совсем спокойна. Я даже прикуриваю наконец сигарету. Не с первого раза, но всё-таки. Дым заползает в лёгкие, и я вздыхаю, не разжимая губ. — Нет, правда, всё уже нормально.

— Ты уверена? Вколи, я тебе говорю. Хотя бы полкубика. Мне приехать?

— Да нет, не надо. К тому же я на супервизию опаздываю.

Сказала и поняла: мать твою, и впрямь ведь опаздываю! Ну, без меня-то не начнут, а всё равно дело дрянь. Младший и так на меня уже давненько зуб точит. А не пошёл бы он... Я бросила взгляд на часы. Как только это получилось?.. Но опоздала уже жутко. Совсем вылетело из головы.

— Спите, — говорю я в трубку, где всё ещё надрывается Борис, и роняю её на рычаг. Метким, точным движением. Только пластмасса клацнула.

Прежде чем выйти из моей пустой тёмной квартиры, я отдёргиваю шторы. У самой двери останавливаюсь и переживаю мучительный спазм сфинктера. Если я сейчас закрою глаза, лисица во мне рефлекторно пометит территорию перед уходом. А у меня нет времени переодеться. Иногда я думаю, что сказал бы Борис Ефимович, если бы знал о некоторых нюансах эха от этих снов. Да уж, расскажешь о таком. Антидотами заколют насмерть.

Закрыв входную дверь и нажав на кнопку вызова лифта, я вдруг почувствовала во рту горький привкус табака. И только тогда заметила, что прокусила сигарету.

Супервизии Снящих проходят раз в несколько недель, в одном и том же месте — это что-то вроде нашей штаб-квартиры, хотя на самом деле мы просто там иногда собираемся. Это происходит в старом заброшенном здании на окраине спального района. Раньше там был офис какой-то захудалой конторы, потом здание назначили под снос, контора съехала, а дом отдали нам. На самом деле здание, конечно, аварийным не было — это наши постарались, оформили всё как надо. С трёх сторон дом окружен пустырьём, а от фасада тянется старая грунтовка, метров через пятьсот сворачивающая на шоссе, по которому мотаются маршрутки. Других зданий возле этого дома нет, и грунтовкой почти никто не пользуется. Я всегда иду по ней пешком, в любую погоду. Остальные подъезжают на машинах, а я хожу пешком. Как и Игнат. Но мы никогда не встречаемся по дороге.

Вообще-то в этом городе нас, Снящих, всего четверо. И все мы не высшего класса. А всего нас четверо, да. Я, Игнат, Младший и Тимур. Я единственная женщина в группе. Это редкость — женщин среди Снящих больше двух третей. В другой группе это обеспечивало бы мне положенис дочери полка или хотя бы общей шлюхи, что, скажем прямо, бывает намного чаще, но только не у нас. Компашка не та собралась. Я вижу

этих людей пару раз в сезон, почти всегда по ночам. И никто из них не зовёт меня Машенькой.

Сегодня я пришла последней. Кто-то всегда приходит последним, и это никогда ничего не значит, кроме тех случаев, когда «кем-то» оказываюсь я. Младший любит меня. Он хочет, чтобы я была дисциплинированной. И послушной. Мы все должны быть послушными. Мы одна большая дружная, мать её, семья.

Я думала об этом, поднимаясь по тёмной лестнице на шестой этаж. Я всегда думаю об это только здесь. Но здесь — непременно: на этой лестнице как-то не думается ни о чём другом. Руки у меня в карманах плаща, на языке — всё ещё горечь раздавленного табака. И скользкая спинка зажигалки глубоко в кармане, под сжатыми пальцами.

Больше никакого эха.

С этой мыслью я начинаю супервизию.

Никогда я не бывала на встречах анонимных алкоголиков, и, подозреваю, остальные тоже, но в кино всё выглядит именно так. Маленькая уютная комната, приглушённый свет, глубокие вязкие кресла, поставленные кругом. Только у Младшего на коленях ноутбук. Младший хмурится и постукивает стилусом по монитору. Что на нём, не видно никому, кроме самого Младшего. Он держит связь со старшим супервизором, который контролирует по меньшей мере десяток супервизий, происходящих в эту самую минуту по всей нашей необъятной родине. А потом, может, завтра, а может, через год, наш старший явится на супервизию с другими старшими, и кто-то из них будет постукивать стилусом по монитору, отчитываясь перед тем, кого никогда не видел... Думаю, даже Младший не знает, сколько нас, да ему, в общем, и не интересно. Не наше это дело — считать. Наше дело — снить.

— Если бы вы, Мария Владимировна, изволили отвечать на звонки, вам было бы известно, что сегодняшняя супервизия проходит под кодом один ноль один, а потому за опоздание будет налагаться дисциплинарное взыскание.

Это Младший. Он всегда так говорит. На самом деле ему за пятьдесят, он годится мне в отцы. Зовут его Вениамин Все-

володович. Пока он не открывает рот, можно подумать, что перед вами самый тихий, милый и добрый человек из всех, кого вы встречали в жизни. Когда я только вступила в группу, Тимур сдохмил, что таким людям, как Вениамину, в средневековье была уготована блестящая карьера младшего ученика второго помощника великого инквизитора. Прямо в десятку, мне понравилось. Так и повелось за ним: Младший. Нескоро пришлось мне, дура, понять, что Тимур не хохмил. Просто он очень хорошо знал людей. И ненавидел их. Как и все мы.

Я закинула ногу на ногу и, видя, что Младший ждёт ответа, поинтересовалась:

— Прямо сейчас?

— В данный момент этот вопрос не является приоритетным, но мы непременно к нему вернёмся, будьте уверены, — ответил Младший. Да, вот так он говорит. С расстановкой, внятно проговаривая запятые.

— Давайте уже начинать, в самом деле, спать охота.

Это Тимур. Тимур умеет говорить и зевать одновременно. Он похож на ленивого толстого кота. И он единственный из известных мне Снящих, кто всё время хочет спать. Более того — любит спать. Не знаю, любит ли он сниться. Я тоже любила, пока думала, что это одно и то же, и пока не знала, что делают с миром мои сны. Но об этом не принято говорить вслух, как не принято говорить о вчерашнем несварении желудка вследствие позавчерашнего дикого перелоя. По крайней мере в приличном обществе.

— Оглашаю повестку дня, — начал Младший; он читал с монитора, постукивая по нему стилусом. — Пункт первый, общий: информирование членов групп на местах о специальном постановлении ввиду чрезвычайно ситуации. Пункт второй, локальный: разрешение текущих вопросов Сновидения на местах. Пункт третий, локальный: расширение группы. Пункт четвёртый, локальный: дисциплинарные взыскания.

— Как расширение группы? Блин, что, опять практикант?! — возмутилась я и полезла за сигаретой.

— Здесь не курят, Мария Владимировна, — процедил Младший. И не надоедает же ему — раз за разом. Я прикурила и выпустила дым в его сторону. Тимур неодобрительно покачал го-

ловой. Но он сидел далеко от меня. Я уостила ноги поудобнее и сказала:

— Добавь в список взысканий. А лучше напрямую жалуйся главному супервизору.

Он уже меня не слушал. Ей-богу, он скажет: «Здесь не курят, Мария Владимировна», даже если я войду в комнату с плакатом «Курить — здоровью вредить!», и пахнуть от меня будет исключительно мятной жвачкой. Это свойство всех младших учеников вторых помощников...

— Если нет возражений, переходим к пункту первому, общему.

И тут он захлопнул ноутбук. Тимур присвистнул и сразу проснулся. Я затянулась поглубже и стряхнула пепел на голый пол, готовясь услышать что-нибудь интересное.

— У нас снова случай саботажа, господи.

— И дамы, — напомнила я. Младший посмотрел на меня немигающим взглядом. Тимур недоверчиво сощурился.

— У нас, здесь?

— Запрос общий. Местность пока неизвестна и уточняется. Приказано применить превентивные меры и сократить сеансы Сновидений до необходимого минимума. А также быть готовыми к тотальной проверке в любой момент. В любой момент, Мария Владимировна. Так что настоятельно рекомендую вам подходить к телефону.

— Есть улики?

А это Игнат. О, Игнат... Если о Младшем до того, как он заговорит, вы необоснованно хорошего мнения, то молчащего Игната вы не видите вообще. Он сливается с обстановкой. Ему бы в разведке работать, а он снит. Игнат, Игнат... Если бы мне было пятнадцать лет, я бы писала для него дрянные стихи. Там обязательно была бы строчка «холодный мой, строгий». И что-нибудь, что рифмуется со словом «вечность». Уверена, в его характеристике значится: «Характер нордический. Не женат». Хотя я не знаю, женат ли он.

Младший раскрывает ноутбук — так, словно просто хотел на мгновение оставить нас без свидетелей, — и стилус снова пляшет по монитору.

— Улики не разглашаются в интересах следствия. Но их достаточно, чтобы факт саботажа был вынесен на местные супервизии. Это означает скорее всего отсутствие глобальных последствий для мира, но, возможно, они ещё не успели проявиться в фиксированном масштабе.

— Взмах крыльев бабочки на одном конце света... — бормочу я, прикрыв глаза, и Тимур фыркает. Младший смотрит на меня водянистыми глазами.

— На вашем месте, Мария Владимировна, я отнёсся бы к ситуации со всей серьезностью. До окончательного выяснения ситуации подозрение падает на каждого.

— На каждого из нас, ты хотел сказать.

— Я сказал то, что хотел сказать, Мария Владимировна.

Какое у меня медленное имя. Медленное и старательное. Я такой никогда не была.

— Вениамин Всеволодович, — бормочу я про себя и ухмыляюсь, когда его брови недоумённо вскидываются. Он знает, как мы его называем между собой, только думает, что это из-за его должности — младший супервизор. Думаю, он уже отвык от звучания собственного имени.

— Если это всё, давайте к пункту два, — сказал Тимур, и мы перешли к пункту два.

Те немногие, кто знает о происходящем, называют нас Сновидцами, но это неправильно. Сновидец — это тот, кто видит сон. Мы не видим снов. Мы сним видимость. Сначала есть мы, а потом уже — всё, что происходит вокруг нас. Мы были всегда, некоторых из нас считали пророками, некоторых — чудаками. В средневековье нас лихо и азартно жгли как одержимых и еретиков. Почти каждый человек хотя бы раз в жизни снил — то есть видел во сне что-то, что потом так или иначе сбывалось. В простонародье такие сны зовут «вещими», и почти никто не подозревает, что это управляемое свойство психики. Можно забавляться или игнорировать эту способность. А можно развивать её и делать своей работой. Иногда, когда человек чаще спит, чем видит сон, у него не остается выбора. Его находят, вербуют, обучают и зачисляют в локальную группу, формирующую мир вокруг себя. Тот, кто сильнее, делает это явно: он спит пожары, и революции, и научные открытия.

Остальным достаётся рутина. Нас здесь четверо, и мы не особенно сильные пророки. Когда мы, вколов себе дозу болтушки — препарата, активизирующего фазу быстрого сна, — садимся в круг, соединяем руки и видим один и тот же сон, не происходит ничего особенно важного. Говоря по правде, мы даже не всегда понимаем толком, что именно сним. Порой это довольно осмысленные вещи. Балкон старого дома падает посреди ночи на пустой тротуар, и мы знаем, что, вероятно, он должен был обвалиться на головы прохожих. Или бешеная собака травится тухлыми консервами — должно быть, чтобы спасти жизнь того, кого она загрызла бы несколько дней спустя. Наверное, для этого — а может быть, и нет. Гораздо чаще нам приходится снить всякие мелочи, на первый взгляд абсолютно лишённые смысла. Какой-то человек, переходящий дорогу через пешеходный переход, вместо того чтобы пройти через подземный. Кофейная чашка, задетая чьим-то локтем и разлетающаяся осколками об кафельный пол. Или даже просто кирпичная стена, с которой порывом ветра срывает плохо приклеенную афишу. Это легко и быстро, мы успеваем наснить много таких мелочей за одну супервизию. Я не знаю, что мы делаем, и не знаю, зачем. Иногда, впрочем, поступают более конкретные инструкции — когда дело касается непосредственно нашего городка. Мы здесь единственная группа Снящих, поэтому на нас ложится ответственность за все более или менее важные события, которые в нём происходят. Случается это, правда, нечасто. Самое большое наше достижение — поимка маньяка, насильовавшего школьниц совсем недалеко от нашей штаб-квартиры, прямо на этих пустырях.

Может показаться, что мы вмешиваемся во вселенскую гармонию, но вряд ли это так. Старшие Снящие знают, что делают. А если и не знают, то это наверняка знают те, кто стоят над ними — те, кто снит наши улицы и города... Здесь строгая иерархия, ничего лишнего, и каждый на своём месте. Мы четверо, и даже Младший — самая низшая ступень. То, что мы делаем, — не спасение и не благодеяние. Может, профилактика, а может, работа над ошибками... Не знаю, да и знать-то не хочу. Хотя это пришло не сразу. Нам всегда указывают, что мы должны снить — на то и существуют супервизии. И мы сним

то, что велено, и ничего кроме того. Это просто работа. Просто такая работа.

И сегодня мы просто работаем.

После сновидения мы обычно делаем короткий перерыв и разбредаемся по комнате — кому-то надо выпить кофе, кому-то покурить. Но на деле мы просто пытаемся скрыть, насколько сильно мы устали. Скрывать — единственное, что всем нам удаётся на ура. И я правда не знаю, выкладываются ли остальные на полную или только притворяются. Если не притворяться, это скоро заметят. И повысят. А наша работа отличается от любой другой тем, что никто и никогда не хочет повышения, если только он не полный идиот.

Отдыхаем мы молча, я смотрю на Игната. Он пьёт кофе со сливками. На его губе остаётся след молочной пенки, и Игнат аккуратно промакивает его салфеткой.

— Возвращаемся к повестке дня, — говорит Младший, и Тимур, весь перерыв бессмысленно пившийся в окно, поспешно садится обратно в своё кресло. — Пункт третий, расширение группы.

— Давно пора, — вполголоса заметил Тимур. Мы с Игнатом молчим, хотя и по-разному: я с трудом сдерживаю раздражение, ему, кажется, всё равно.

— Претендент — Иван Сергеевич Розаров, четырнадцать лет, обнаружен три месяца назад, взят под наблюдение, признан перспективным. Предлагается зачислить на испытательный срок практикантом. Возражения? Возражений нет. Мария Владимировна, вы назначаетесь куратором практиканта.

Я чуть не выпустила изо рта сигарету. Потом холодно сказала:

— Самоотвод.

Младший без выражения посмотрел на меня.

— Не принимается.

— Я давно предупреждала вас, Вениамин Всеволодович, что больше не буду брать учеников. Также я предупреждала, что это вопрос обсуждению не подлежит, — я говорю спокойно, ровно, его языком, его голосом, с его любимыми запятыми. Младший смотрит на меня, и я с яростным отчаянием понимаю, что говорить могу что и как угодно: мне уже не отвер-

теться. — Да какого чёрта, я же ни одного практиканта не смогла довести до конца! Вы это не хуже меня знаете! Если он впрямь такой перспективный, отдайте его Тимуру, и все дела. Тимур у нас гений педагогики.

— Вот уж спасибо, ненаглядная, — вставил Тимур.

— Да ладно, не скромничай, — зло бросила я. И ведь правду же сказала. За то время, что я вхожу в группу Младшего, мне четырежды поручали учеников, и трое из них заканчивали нервным срывом. Что стало с четвёртым, я не знаю, однажды он просто не пришёл на урок, и больше я о нём ничего не слышала. А Тимур тренировал по меньшей мере десятерых, и почти всех удачно — настолько удачно, что их не оставили у нас, а отправили в группы высшего приоритета. Он и Игната тоже тренировал. И меня.

— Я не скромничаю. Просто не вижу смысла обсуждать решение старшего супервизора, — сказал Тимур необычно серьёзным для него тоном. Я страдальчески вздохнула. Ладно, сами напросились. Младший наконец оторвал от меня взгляд и пощёлкал стилусом по монитору.

— Принято.

— Ну ладно уж, давайте пункт четвёртый, дисциплинарное взыскание, — зло напомнила я.

— А это и было дисциплинарное взыскание, — безмятежно сообщил Младший и закрыл ноутбук. — Всем спасибо, все свободны.

Я встаю со своего места последняя, пытаюсь переждать приступ ярости. Право слово, плоский юмор Младшего со временем всё больше приедается. Взыскание, значит. Ну, ладно.

Игнат подаёт мне плащ. Я роняю руки в холодные щели рукавов. От Игната пахнет дорогим одеколоном. Его голова над моим плечом, и я слегка запрокидываю голову, так, что мои волосы щекочут его гладко выбритый подбородок. Тимур и Младший прощаются: первый — небрежно, второй — сухо, они идут вперёд, и вскоре я слышу, как они заводят свои машины во дворе. Мы разъезжаемся, чтобы встретиться снова — через два месяца или раньше, если будут новости о саботаже. Мы никогда не встречаемся вне этого заброшенного здания. Нам это не запрещено, просто мы не хотим.

Мы с Игнатом начинаем медленно спускаться по лестнице. С пятого по второй этаж не горит ни одна лампочка, и я опираюсь Игнату на локоть. Не потому, что боюсь споткнуться, а чтобы подольше чувствовать его запах.

— Младший под тебя копает, — сказал Игнат, когда мы спустились на два этажа, и я напряглась. Он редко заговаривает со мной первым.

— Да? — сказала я и сухо улыбнулась. — Может быть. Я всегда подозревала, что он женоненавистник.

— Дело не в тебе. Он просто хочет выслужиться.

Выслужиться? Ещё и хочет? Ох, как же я не люблю, когда меня держат за дуру...

— Ты должна соблюдать осторожность.

Осторожность. Да, я должна соблюдать осторожность. И то, что я говорю себе это, говорю то, чем просто должна быть, — это так нелепо и неестественно, что...

Я быстро смаргиваю дымку. Какое долгое эхо в этот раз. Даже дежурное сновидение на супервизии его не перебило.

— Что ты думаешь про этого саботажника?

— Не знаю, — сказал Игнат и замолчал.

Мы стали спускаться дальше. Этот саботажник и впрямь выскочил как-то очень некстати, ещё и одновременно с новым практикантом... Сразу два экстраординарных события в нашем захолустье. Не то чтобы этого никогда не случалось прежде, но...

— Интересно, что за идиот решил подработать саботажем, — фыркнула я, но Игнат промолчал, похоже, не разделяя моего скепсиса.

Саботаж в среде Снящих — штука тонкая. Саботажниками у нас считаются люди, промышляющие вещими снами на стороне. Всегда ведь найдётся человек, готовый неплохо заплатить, чтобы ему наснили то будущее, которого он хочет. Грубо говоря, кто-то из нас подрабатывает исполнителем желаний. К чему может привести такая самодеятельность в глобальном масштабе, сообразить нетрудно. Ну, предположим, некий зять мечтает, чтобы вам приснилась скорая и мучительная смерть его любимой тёщи. А тёща просит другого Снящего наснить ей долгую жизнь. Оба соглашаются. Занятный парадокс приключится, прямо фантастический роман написать можно...

Потому саботаж — главное преступление среди Снящих. Большинство из нас понимает, что игра не стоит свеч, к тому же супервизоры обеспечивают своих сотрудников всем материально необходимым. Это безопаснее, чем искушать нас наснить самим себе несметные богатства. Поэтому они дают нам всё, что мы хотим, — ровно столько, сколько любой из нас пожелает. Об этом сообщают при вербовке, и у юных практикантов разгораются глаза, потому что тогда они, дурачье, не знают ещё, как мало мы способны хотеть.

В общем, саботаж — дело глупое, опасное и редкое. Ещё реже я слыхала, чтобы саботажников всё-таки ловили — уж больно трудно вычислить, кто именно снит незаконные предвидения. А если их и находили, о последствиях нас никто не оповещал. Но те, кто попадались, просто исчезали навсегда. Скорее всего их ликвидировали, и сомневаюсь, что они отделивались лёгкой смертью.

Ну вот — почему я на этой лестнице думаю только о работе? И никогда ни о чём другом.

Когда лестница закончилась, Игнат выпустил мой локоть и, не сбавляя шага, пошёл вперёд. Я вышла наружу вслед за ним и, закулив, смотрела, как он удаляется от здания по разбитой грунтовке. Ночь выдалась ветреная, налетающие порывы трепали волосы Игната и полы его пальто. Он шёл, сунув руки в карманы. Я тоже сунула руки в карманы и, выждав, пока силуэт Игната растворился в далёком месиве огней на шоссе, пошла вперёд. Под ногами у меня хрустела галька. Над пустырём свистел ветер.

Домой я вернулась утром. Подходя к подъезду, увидела возле дверей Ингу. Она и Ленку с собой притащила. Значит, снова будет кланить денег. Господи боже, только не сегодня. Мне дико захотелось развернуться и уйти, всё равно куда, и плевать, что Инга наверняка заметила меня ещё раньше, чем я её. Но ноги привычно несли к родной обшарпанной двери, а рука так же привычно нащупывала в кармане ключи. Когда я подошла к подъезду, Инга выпрямилась. Ленку она крепко прижимала к себе обеими руками, будто боялась, что девчонка вырвется и убежит. За плечами у Ленки ранец, стало быть, дорогая

сестрёнка решила провести меня между делом, до того, как отвести ребёнка в школу. Пусть ещё только скажет, что по дороге ей было, мать её.

— Ты бы ещё на лестничной клетке перед квартирой моей расселась, — сказала я. — С табличкой между ног.

— Ты дома не ночевала! — было сказано мне в ответ, и я молча протиснулась мимо Инги в подъезд. Пока я шла к лифту, за спиной у меня хлопала дверь, стучали каблуки и хныкала Ленка.

— Мария, подожди! Послушай меня!

— Ма-а, мы в школу опоздаем...

— Замолчи. Мария!

Она всё-таки успела проскочить в лифт, прежде чем закрылась дверь. Ленкин ранец прищемило съезжающимися створками, она взвизгнула и заняла ещё громче.

— Ма-а!

— Ребёнок в школу опоздает, — напомнила я.

Инга вскинула на меня глаза. Покрасневшие, наспех подведённые. Чёрные от ярости и мольбы. Я опустила голову и полезла за сигаретой.

— Мы с шести часов тебя ждём, — шепот Инги звучал хрипло. Шум лифта его почти заглушал. — Я уже не знаю, когда тебя можно застать. К телефону ты...

— Чего тебе опять надо? — спрашиваю я, выпуская ей в лицо облачко дыма. Инга щурится, кривит рот, но не возмущается. Ха, в том ли она положении, чтобы возмущаться. Лифт останавливается, я выхожу, мои дорогие родственницы — следом за мной. Они стоят, как побитые собаки, и ждут, пока я открою дверь. Мои пальцы подрагивают, у меня не сразу получается вставить ключ в замок. Ленка тихонько ноет, что ей пора в школу. Инга молчит.

Я распахнула дверь, пошла по коридору, на ходу сбрасывая плащ и туфли. Плащ падает аккуратно на вешалку, туфли залетают в ящик для обуви рядышком, носками вперёд. Инга этого не замечает.

— Лена, постой здесь. Подожди здесь, говорю.

— Мам, мне ранец жмёт...

— Где жмёт? Сними его пока. Сними, я потом посмотрю. Подожди здесь.

Ей бы стоило оставить девчонку на улице, думаю я и иду на кухню. Достаяю из холодильника графин с минералкой, наливаю полный стакан. Подношу к лицу, потом сплёвываю прилипшую к нижней губе сигарету и долго пью не отрываясь. Инга стоит за моей спиной так тихо, что я не подозревала бы об этом, если б не знала наверняка.

— Нет у меня денег, — говорю я, не оборачиваясь. — Задралась уже повторять тебе, нет у меня денег!

— Мария, маме... очень плохо. Я тебе звонила неделю подряд, ты не отвечала...

Я поставила пустой стакан в раковину, выдвинула ящик стола, вынула запечатанный блок, стала сдирать целлофан.

— Я бы не пришла к тебе больше... ты же знаешь, что не пришла бы. Но ей правда плохо. Ей новое лекарство прописали, его у нас не делают, надо заказывать из Америки...

— Как же ты меня зае...ла, — сказала я. Стоп, а зажигалка-то моя где? В плаще вроде была. Я пошла в коридор, задев по дороге Ингу плечом. Ревёт. Встала в дверях кухни и ревёт, как дура. Ленка в коридоре сидела на полу, возясь с ремешком ранца. Вскинула на меня глазёнки: настороженные, злые. Я отвернулась от неё и обыскала карманы плаща. Пусто. Чёрт, таки потеряла. Интересно, у меня остались спички? После пяти минут лихорадочных поисков по всем кухонным шкафчикам с облегчением обнаруживаю, что остались.

— Не реви, — сказала я, снова сев на табурет. Инга, не слушая, продолжала тихо всхлипывать, привалившись плечом к дверному косяку. — Не реви, слышишь, что сказано? Не могу я вам ничем помочь. Сто раз говорила уже.

— Ты можешь, — боковым зрением вижу, как она вытирает слёзы, не заботясь о том, что размазывает косметику по лицу. — Просто не хочешь.

— Это одно и то же, — ответила я, зная, что она всё равно не сможет понять.

— Доктора говорят, ей несколько месяцев осталось, — сказала Инга.

И замолкла. В квартире тихо, слышно, как на улице пере-крикиваются мальчишки и как звякает в коридоре ремешок ранца, с которым возится Ленка.

Инга говорит:

— Это не деньги, Мария, это...

— Уходи, — сказала я. — И не приходи сюда больше. При-дешь ещё раз — морду набью.

Она знает, что я это могу. Я это и сделала в самый первый раз, когда её увидела. Её, чистенькую, розовенькую девочку-припевочку с синими бантиками в волосах. Наша общая ма-муля наконец изволила взглянуть на старшую доченьку, кото-рую бросила, едва той стукнул год, ещё и додумалась прита-щить на встречу свою дочь от второго брака. Познакомить, по-хвастаться. Нет, я вполне допускаю, что она искренне верила, будто мы подружимся. Она же совсем меня не знала. Сперва я жила с отцом, потом, когда он умер, в интернате, где меня и нашёл Тимур. Большинство Снящих находят в интернатах и детских домах. Я как раз проходила подготовку, когда мамуля решила меня навестить. И сестрёнку мою сводную с собой привела. Порядочно удивилась, надо сказать, когда я вцепи-лась сестрёнке в патлы и повывёргивала из них синие бантики вместе с длинными прядями курчавых тёмных волос. У Инги волосы нашей матери. А я рыжая, как таракан. И как мой отец.

Инге тогда было восемь, мне — двенадцать. Подготовку я закончила через год и больше никогда не хотела их убить — ни Ингу, ни нашу мать. Но они-то по старой памяти по-прежне-му считали меня психопаткой. Так что мамулю я с тех пор по-чти не видела. А Ингу видела. И чаще, чем мне хотелось бы.

Инга открыла сумочку, стала рыться — платок ищет не-бось. На столе прямо перед ней, среди полных пепельниц, стоя-ла салфетница, но Инга не обращала на неё внимания. Нако-нец нашла, долго сморкалась, потом пошла в ванную, вози-лась там, видимо, поправляя макияж. Вышла опухшая, крас-ная, несмотря на толстый слой пудры. Посмотрела на меня.

— Ты бы хоть встретилась с ней... перед... — говорит, а у самой в горле всё так и клокочет. Снова сейчас заревёт. У меня начало постукивать в висках.

— Вали отсюда.

Она уходит, но прежде говорит ещё:

— Тебе же достаточно захотеть. Просто захотеть, чтобы она...

Я смотрю в окно.

Ленка в коридоре снова начинает ныть. Потом тихо скрипит входная дверь. Не хлопает — Инга никогда в жизни дверью не хлопнет. Темперамент не тот.

Со стороны может показаться, что я её ненавижу, но это не так. По крайней мере не больше, чем всех других людей.

Я выкурила сигарету. Потом ещё несколько. Потом пошла в спальню, включила вентилятор над кроватью, разделась, легла в постель и проспала тридцать семь часов. Без снов.

Розаров Иван Сергеевич, значит. Рыжий-прерывистый, прямо как я. Взъерошенный, со взглядом голодного воробья. Грация мартовского кота, нализовавшегося валерьянки. Одет плохо.

— Садись, — сказала я, — и перестань трястись, не съем. Если бздишь, воды себе налей.

— Я не хочу, спасибо, — отвечает Иван Сергеевич Розаров, дико озирая мою загаженную кухню.

— Тогда просто садись. Так, — я пристально осматриваю его с ног до головы. Четырнадцать лет, самый сок. Чуть позже — и чутьё уже не растормошишь, чуть раньше — и будет, как со мной. — Папа-мама есть?

— Есть.

— Чем занимаются?

— Да ничем не занимаются... Батя пьёт, а мать...

— Понятно, — дальше слушать мне незачем. — Ты знаешь, что с тобой происходит?

Мальчишка смотрел на меня исподлобья, настороженно. Жался на краешке табурета, не зная, куда девать руки. Его голубые джинсы протёрты и оттянуты на коленях. На мой вопрос он не ответил. Я вздохнула.

— Хорошо. Просто скажи мне, что необычного ты за собой замечаешь.

Минут пятнадцать он рассказывал о своих снах — вещих снах, которые сбывались едва ли не на следующий день. Я кивала, уже видя, что пацан почти безнадежен. Типичная кассандра. Так у нас зовут тех, кто всё время спит только плохое — то

есть то, что его обывательский разум воспринимает плохим. А чего ещё ждать, по одному взгляду на него ясно, что мальчишка издёрган до крайности.

— Ладно, хватит пока, — оборвала я его, видя, что пацан увлекся. — Тебе объяснили, кто такие Снящие?

Косится на меня. Молчит. Потом кивает, но не слишком уверенно. Или всё-таки не объяснили, или, что более вероятно, он ничего не понял. Я снова вздыхаю. Никогда мне терпения с детьми не хватало.

— Ты особенный, знаешь, да? То, что тебе снится, сбывается. Но не потому, что тебе приснилось, а потому, что ты это увидел во сне. Ну смотри. — Я беру ручку и пишу на обрывке газеты его имя. Иван Сергеевич Розанов не отрываясь следит за моей рукой. Дописав, я поддвигаю обрывок к нему. — Это я написала или оно мне написалось?

— Вы написали.

— Ну вот. Это то же самое.

Он неуверенно кивнул.

— Ох, называть-то мне тебя как?

— Можно Ваней... — в уголках его рта появляется тень робкой улыбки, — Мария Владимировна.

В его устах моё имя не медленное и неповоротливое, а уловатое, колющее, с двумя резкими «р». Я не улыбаюсь ему в ответ.

— Так вот, Ваня, теперь возьми ручку и напиши мне свой сон.

Он колеблется, чешет затылок, потом подчиняется. Я молча слежу за ним. Он кажется старательным, хотя и немного туповатым. Дисциплинарное взыскание, блин...

— Ну, написал? — забираю у него обрывок, сминая не читая, бросаю через плечо прямо в корзину — вау, трёхточковый! — Ты сделал это в последний раз. И больше никогда не сделаешь. Теперь бери, — подсовываю ему салфетку, — и пиши здесь: «Лес, рыть землю, лисица, полевая мышь». Написал?

— Написал, — говорит мальчишка. Вид у него совершенно ошалелый.

— Вот это ты теперь будешь делать, Ваня. Тебе скажут, что ты должен наснить то-то и то-то. И ты наснишь это. Толь-

ко это. А не то, что тебе захочется или чего ты испугаешься. Понял?

— Нет, — жалобно говорит Иван Сергеевич Розаров.

— Список литературы у тебя есть?

— Н-нет...

Я пошла в комнату и следующие десять минут возилась с компьютером, распечатывая список. Когда вернулась, Ванька вытягивал шею, будто силясь разглядеть обрывок газеты, который я выбросила в мусорную корзину.

— Держи. Пройдѣшься по библиотекам. Только с Фрейда не начинай.

— Ага, — кивнул он и впился в список глазами. Будет стараться. Я неторопливо закурила.

— Всем людям, Ваня, снится только то, чего они хотят, или то, чего они боятся. Любой хоть сколько-нибудь внятный и символический сон так или иначе сводится либо к тому, либо к другому. Сны некоторых людей формируют нашу реальность. Но желания и страх — это то, что мы не можем контролировать. Мы впускаем их в свои сны, а через сны — в реальность вокруг нас. И хорошо, если мы сильнее хотим, чем боимся. А если боимся, то...

— То оно случится.

Я удивилась, что он меня перебил, но кивнула. Ваня снова сидел на самом краешке стула, жадно глотая мои слова, его руки стискивали распечатку, которую я ему дала. Я подумала — а будет ли он читать всю эту хрень. И, главное, надо ли оно ему.

— Поэтому Снящие, Ваня, — это работа. Мы сним только то, что нам приказано снять. И ничего кроме этого.

— А как же тогда...

Он не задаёт этот вопрос — главный вопрос, который вертится на языке у каждого практиканта и который никто из них не может толком сформулировать. И тут уж только от куратора зависит, как будущий Снящий поймёт всё то, на что мы его обрекаем. Его и самих себя.

— Правило номер один, Ваня, — говорю я медленно и чётко. — Твои сны — они не твои. Они не тебе принадлежат. И ты не должен впускать себя в свои сны. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

— Как же это... — он растерянно моргает, понимая слова, но не понимая сути. — То есть, вы...

— После завершения подготовки ты разучишься бояться и хотеть. Не совсем, конечно, — элементарные инстинкты-то у тебя должны сохраниться. Но людям никогда не снится то, что связано с элементарными инстинктами. Надо хотеть или бояться чего-то очень сильно, чтобы оно тебе приснилось. Так ведь?

— А почему вы курите? — вдруг спросил он.

Я весело вскинула брови.

— Не поняла?

— Если вы ничего не хотите, то почему курите, вы ведь не должны хотеть курить?

Как легко он всё понял. Понял и принял. Или ему это только кажется, как когда-то казалось мне. Хотя я была всё-таки чуть помладше. И только думала, как это здорово — быть богом.

— А почему ты не спрашиваешь, зачем я ем, пью, трахаюсь? — пацан залился краской до самых ушей, от чего его рыжина стала ещё ярче. — У меня никотиновая зависимость. Такие желания — инстинктивные. И, будь уверен, если я увижу мчащийся прямо на меня автомобиль, я заору и отскочу в сторону. Но забуду об этом через минуту. Потому что если не сумею забыть, то рано или поздно мне приснится этот автомобиль, летящий прямо на меня. И тогда...

— Я знал одного мальчика, — проговорил Ваня. Снова перебил, надо же! Смелеет пацан. Идёт на контакт. — Не здесь. В Алушке. У меня тётка там... И он всё время тонул. Постоянно. Глупо так тонул: то в море, то в ванной, даже в раковине раз чуть не захлебнулся, когда кран сорвало... Он мне сказал как-то, что страшно боится воды. И ему всё время снится, что он тонет. Каждую ночь.

— Ясно, — сказала я и всё-таки спросила: — В итоге он утонул?

— Не знаю. Я давно в Алушке не был.

Я кивнула. Если они сверстники, то в Алушке, оказывается, тоже есть по меньшей мере один Снящий, созревший для подготовки. Надо будет Младшему сказать, пусть старшему су-

первизору сообщит. Мало ли, они могут не знать. Хотя, если Ванька не врёт, случай уже слишком запущенный. Но если нет, и мальчишку завербуют и хорошенько подчистят, это сделает его по-настоящему счастливым. Редкое дело.

— А это можно? Избавиться от... того, чего боишься?

Я тоже это спросила. Да, помню, спросила. Тимур тогда улыбнулся и ответил: «Можно». Он знал, что именно это всегда интересует практикантов. Про избавление от желаний они не спрашивают. Почему-то им это кажется менее значимой потерей, чем потеря страха.

— Можно, — говорю я. — А теперь давай спать.

Как и любого новичка, с непривычки болтушка валит его наповал, а мне требуется несколько минут, чтобы мой организм отреагировал на препарат. Я сплю и вижу лес. Сейчас утро. Солнечные лучи в неподвижной листве. Дрожь росы на траве. Мои лапы мокнули в ней, папоротник хлещет бока. Я раздираю землю когтями. Травинки щекочат усы. Чую запах близкой добычи. Сжимаю челюсти. Полёвка бьётся в моей пасти. Она жива, её кровь течёт мне в горло. Я пью её ужас, её панику. Больно. Коготки на содрогающихся лапках царапают моё небо. Я откусываю полёвке голову и выплёвываю труп в траву. Он падает в папоротник.

Я просыпаюсь.

Иван Сергеевич Розаров лежит на полу, скрючившись и растопырив заочевенные конечности. Из рта у него течёт пена. Я неторопливо встаю, иду в ванную, достаю из аптечки шприц с адреналином. Он всегда наготове, в одном и том же месте, чтобы Борис в случае чего сразу нашёл, хотя обычно он привозит с собой дозу или две. Обращаю внимание, что шприц последний. Чёрт, это фигово, надо пополнить запас.

Через десять минут Ваня, икая, лежит на диване, а я настукиваю одной рукой на клавиатуре записку Младшему. В другой руке у меня сигарета, и я стараюсь, чтобы пепел не падал на клавиатуру.

— Очухался?

Мне не надо оборачиваться, чтобы знать, как он выглядит и как трясутся его руки и губы.

— Я был... я... был... у вас в зубах. Вы откусили мне голову.

Моя рука замирает над клавиатурой. Курсор мигает на слове «бесполезно».

— А ну-ка ещё раз, — требую я. Ванька икает всё громче, в его голосе дрожит, подступая, истерика.

— Вы схватили меня и дёрнули вверх, а потом я оказался у вас в зубах, и вы меня...

— А ты мне всю глотку расцарапал. Ты ногти стрижёшь вообще?

Я обернулась и смотрела, как он хлопает глазами, широко раскрыв рот. Поморщилась. Гадкий, глупый, смешной щенок. Бесполезно. И безнадежно.

Я вспомнила его панику и его боль, лившиеся в моё горло. Тут же отмахнулась от этого воспоминания. Эхо, просто эхо.

— Ещё раз, Иван Сергеевич. Вы говорите, я вам откусила голову? Как вы себе это физически представляете? И, главное, скажите-ка мне, что будет дальше?

— Вы были лисицей... — он понимает то, что говорит, уже после того, как произносит это. — А я... был... мышью... и вы...

Я отворачиваюсь и продолжаю настукивать письмо. В квартире тихо. Тикают часы. Сквозь щель между шторами просвечивает солнце.

Голос Ивана неожиданно окреп.

— Лисица съела полёвку. В лесу.

— Точно, — довольно ответила я, обернувшись. — Лисица съела полёвку в лесу. Чей это был сон? Мой или твой?

— Лисицын, — ответил Ваня и, подумав, добавил: — И сон полёвки тоже. Но лисица спала дольше.

Я смотрю на него несколько мгновений, потом качаю головой. Оборачиваюсь к монитору и закрываю документ не сохраняя.

— Если тебе теперь будет сниться, что тебе откусывают голову, что это будет значить? — спрашиваю экзаменаторским тоном.

— Что это страх полёвки. Не мой страх.

— Правильно. Не твой, а другого зверя, — я улыбаюсь ему, не выпуская сигареты из губ. — Понравилась тебе лисица?

Он замялся.

— Н-ну... она такая...

— Сильная. Хитрая. Осторожная. Это называется сон-оболочка. Тебе придётся выбрать образ, в котором ты станешь снить. Если это не твой сон, он ведь должен быть чьим-то ещё, верно? Нравится лисица?

— Нравится, — говорит Ваня смущённо.

Я киваю. Я знала, что он это скажет.

Поэтом я учу его желать того, чего желает лисица. Я знаю, что это спорная методика, но так учили меня, и я довольна результатом. А вот с Младшим было по-другому: из него сперва выжгли его собственные желания и страхи, а потом научили накладывать на чистый лист новые, как наклейки, которые можно прилепить и отодрать. Думаю, так учили и Игната. А со мной Тимур был, как мне тогда казалось, более человечен. Он не пытался убить мою жажду, он оставил в покое мой страх. Только заменил и первое, и второе чем-то другим. Просто заменил.

В этот день мы с Иваном сним ещё два раза, он уходит от меня глубокой ночью. Уже на пороге, сонный, вымотанный, но всё ещё подрагивающий от азарта и непривычных ощущений, он спрашивает меня:

— А кто такой главный супервизор?

Слышал от Младшего, наверное. Я устало улыбаюсь и ерошу мальчишке волосы. Про иерархию в среде Снящих я расскажу ему как-нибудь позже, а теперь просто говорю:

— Это тот, кому снимся все мы.

Даже у Снящих сбываются не все сны. Конечно, нет. Только вообразите, что творилось бы в мире, если бы сбывалась абсолютно вся ерунда, которой информационный поток ежедневно замусоривает наше подсознание. Мы все видим сны, а когда думаем, что не видим — на самом деле просто не помним. Бывает даже, что просыпаешься за миг до того, как успеваешь поймать сон, и он выскальзывает из хватки сознания, юркий и шелковистый, как лисий хвост. Сидишь потом, путаясь ногами в смятой простыне, и безуспешно пытаешься вспомнить, от чего же тебя потряхивало секунду назад. Такие сны никогда не оказываются вещими. Даже у нас.

Нет, сбывается только то, о чём знаешь. Что помнишь. Даже когда не спишь.

Я уже очень давно не видела живых и ярких снов. Всё-таки образы, которые рождает в моём мозгу болтушка, больше похожи на галлюцинации. А сны, обычные сны, когда бежишь и не можешь остановиться, падаешь и не можешь достичь дна, и просто делаешь то, что на первый взгляд лишено малейшего смысла — таких снов у меня больше нет. Меня для них больше нет.

И это ничего, пустяки — пока у меня есть лисица. А я есть у неё. Как знать, может, эта лисица тоже Снящая, и ей снюсь я.

— Кто там ещё... — простонала я, нашаривая в сумраке телефонную трубку. Не знаю, долго ли трещал звонок: я просто слышу его здесь, а мгновение назад я была там, был день, а здесь ночь, или нет, уже семь часов почти, скоро мне вставать на работу. Мне пришлось напрячься, чтобы вспомнить, где я работаю и, главное, зачем.

— Я тебя разбудил?

— Нет, — сказал я и села. Так резко, что голова кругом пошла. Сигарету бы мне прямо сейчас... Я так привыкла говорить с сигаретой во рту, что без неё у меня язык заплетается.

— Извини, что рано, — говорит в трубке голос Игната. — Я хотел убедиться, что ты в порядке.

— В порядке, — машинально повторяю я. Это не ответ, это потрясённое эхо его слов. Но Игнат принимает его за ответ и несколько секунд молчит, пока я нашариваю выключатель лампы и пытаюсь вспомнить, куда вчера зашвырнула тапки.

— Ты точно нормально?

— Да точно, точно, — повторила я и, спохватившись, добавила: — А если бы я сказал «нет», ты бы примчался сейчас прямиком в мою тёплую постельку, м-м?

— Сегодня была супервизия, — говорит Игнат, и с меня мгновенно слетает и сонливость, и желание ерничать. — Тебя не было, и Младший ни слова не сказал. Тимур тоже. Как будто они этого и не заметили.

Так, кажется, мне всё-таки срочно надо закурить. Вот просто срочно.

— Сдаётся мне, что это нетелефонный разговор, — говорю я ровно. — Где и когда?

— Нет, — сразу ответил Игнат. Потом пристыженно умолк и после паузы неохотно добавил: — Нам не надо видеться вне супервизий. Тем более теперь.

— Да уж конечно! — разъярилась я, мало заботясь о том, что телефон может прослушиваться. — Это же не под тебя они копают!

— Я не уверен, что дело в этом, Мария. Супервизия прошла... обычно. Просто надо было срочно наснить одну ерунду. Мы втроём легко справились. Может быть, тебя не позвали из-за практиканта. Решили не отвлекать...

— Это уж я сама решила бы. — Чушь. Бред. Наснить ерунду, говоришь? И для этого срываться через неделю после запланированной супервизии? Недоговариваешь ты чего-то, мон шер... И всё-таки позвонил. Впервые за всё время, что мы знакомы. Наше общение всегда ограничивалось супервизиями да прогулками по лестнице вниз. До дверей.

— Может, тебя оставили для чего-то другого, — сказал Игнат. Очень близко к трубке: слова прозвучали шипящим полупшепотом.

Прикуриваю сигарету. Пускаю дым. Трубка жарко трётся об ушную раковину. Смотрю в потолок. Пора бы побелку обновить. Если я ещё останусь в этой квартире. Может, и не останусь...

Ходили слухи, что существуют отдельные группы Снящих при различных правительственных организациях по всему миру — от Пентагона до НАТО. Вроде бы шли разговоры о создании такой группы при ФСБ, но нас пока что слишком мало. Чем больше Снящих принимает участие в Сновидении, чем сильнее каждый из них — тем серьёзнее влияние их общего сна на мир. Большинство событий мирового масштаба, от гибели Помпеи до убийства эрцгерцога Фердинанда, было спланировано и реализовано через видения Снящих. Не знаю, верила ли я в это когда-нибудь по-настоящему. Слишком невероятным это казалось на фоне того, чем мы тут занимались изо дня в день — ерундой, как честно сказал Игнат... Впрочем, разве это так уж невероятно? Главной сложностью было научиться выжигать из людей их собственные желания и страхи. А главной загадкой — как им это продолжало удаваться на протяжении тысячелетий. О, разумеется, у них есть отработанные методы. По одной из версий, милтоновский гипноз создавался в первую очередь с этой целью. И у них всегда были препода-

раты, активизирующие мозговую деятельность. И чёрт знает что там ещё. Но так или иначе, даже внушения мало: всё в конечном итоге упирается в могущество отдельно взятого Снящего. Если хоть кто-нибудь из них оказывается на йоту слабее, чем следовало, всё предприятие ждёт крах, или хуже того — вовсе не те последствия, ради которых оно затевалось. А выяснить это можно лишь экспериментальным путём. Как бы то ни было, я никогда не жалела, что не допущена в подобные группы.

— Пока не допущена, — сказал Игнат.

Я моргнула. Потом засмеялась. Так, ну и какую часть этого я успела сказать вслух? А, к чёрту.

— Не дури, Игнат. Ты сам знаешь мои способности. Я не исключаю, конечно, что кому-то там взбредёт в голову меня повесить, но не настолько же. К тому же я об этом ни слухом ни духом. Рановато меня выкидывать из группы, не находишь?

— Всех всегда так переводят. Молча. И ты уже почти подготовила замену.

— Мальчишка не дурак, но ему ещё учиться года полтора как минимум. Нет, Игнат, тут всё проще: Младший под меня роет... — Роет. Роет землю. Мелкая мышинная шерсть на языке. Яростно сминаю сигарету, силой воли глушу гул в голове. — Копают он под меня, как ты и говорил. Про саботажника что-нибудь новое есть?

— Нет. По крайней мере Младший ничего не говорил. — Игнат снова умолк, и я попыталась его себе представить. Где он сейчас: у себя дома, в кафе, на улице возле таксофона? Взлохмаченный или аккуратный, в куртке или плаще, что у него в руках? Я подавила вздох. Мне было бы проще это наснить.

— О'кей, милый, я буду начеку. Расцелую тебя при встрече за заботу. А могу и проставиться кофейком.

— Будь осторожна, Мария, — говорит Игнат и вешает трубку.

Я немного кручу трубку в руках, разглядывая короткие гудки, потом тоже вешаю. Не кидаю, вешаю. Надо избавляться от этой лисиней ловкости. Заодно и эхо, может, станет не таким сильным.

Младший всегда меня ненавидел, я знаю. Понятия не имею за что, и спрашивать совершенно незачем. Потому что от этого

полшага до неуставных отношений, а с неуставными отношениями среди Снящих почти так же строго, как с саботажем — ненароком можно начать снить друг про друга, а там, глядишь, начнут срываться супервизии. Впрочем, такие нарушения тоже почти не встречались. Чтобы любить или ненавидеть, надо хотеть. Лисе нечего хотеть от человека, а желания Младшего давным-давно выжжены дотла.

Или всё-таки нет?..

Какое-то время я мерила шагами комнату, потом поймала себя на том, что наворачиваю круги вокруг телефона. Чего-то ты недоговариваешь, Игнат. И, может быть, ещё перезвонишь, чтобы договорить. Это беспокоит тебя... и в тебе нет страха за меня или за кого-то из нас, как нет его и во мне, так что дело тут в чём-то другом.

Я срываю трубку, кажется, ещё до того, как смолкает первый звонок. Лисья реакция, лисий слух. И лисья жажда.

— Всё-таки договоришь?

— Мария, только не бросай трубку, пожалуйста!

А я ведь уже почти это сделала — и как только она догадалась? — лисья реакция, да.

— Мне должны звонить, — сказала я.

— Я только на два слова, — торопливо бормочет Инга и начинает рассказывать мне, какая она бедная и несчастная. Она, и её Ленка, и, конечно, мать. И что в доме бардак, и муж пьёт, и ребёнка оставить не с кем, и работу она потеряла, и мать в больнице умирать не хочет. В конце называет конкретную сумму. Быстро оговаривается, что у неё есть почти половина. Я молча слушаю, слегка отставив локоть, так, что голос Инги превращается в далёкий стрёкот. Мне даже лень её посылать.

— Всё? — спрашиваю, когда она умолкает.

— Мария, пожалуйста, я не просила бы, если бы...

— Я спрашиваю, всё?

Она коротко выдыхает, потом отвечает.

— Да, но...

— Теперь слушай меня, — говорю я. — Если тебе надо денег, выгони мужа вон и найди себе нормальную работу. Дочь сдай в интернат, мать — в хоспис. Если тебе надо понять,

звони на телефон доверия в женский центр. Прекрати меня доставать. Ты мне никто.

— Она же и твоя мать тоже! — кричит Инга.

— Ты мне никто, — говорю я снова и кладу трубку. Какое-то время держу на ней руку, потом убираю.

Потом сню.

Лисица трусцой бежит вдоль оврага и видит тело. Лисица настороженно тянет носом воздух и уже знает об этом теле всё: что оно человечесьё, что это был самец, что лежит он тут третий день. Он сильно пахнет и может привести волков или других людей. А у лисицы совсем близко нора. Лисица хочет, чтобы тела здесь не было, и как можно скорее. Лисица зло лает на тело. Человечий самец не видит её и не слышит. Он ей никто.

Утёнок пришёл в обеденный перерыв. Выследил, когда я выбежала в кафешку под офисом пропустить стаканчик чего-нибудь, чем от меня потом не будет пахнуть. Днём я притворяюсь, будто работаю в фотоателье на ксероксе. Шеф у меня нервный.

Кафе было почти пустым, и Утёнок говорил вполголоса, не боясь быть услышанным. Я задумчиво кусала бутерброд и слушала не перебивая. Он действительно был страшно похож на утёнка. Такой маленький, косолапёнький, нездорового желтоватого оттенка, с характерным носиком. И если я не ошибаюсь, он был подсадной уткой, которую подослал ко мне Младший. Не утка, а так, уточка. Утёночек. Такой смешной.

Назвался он Лаврентием Анатольевичем. Меня всю жизнь окружают люди с непроизносимыми именами.

— Почему вы думаете, что я это сделаю? — спросила я, когда кофе и бутерброд были уничтожены, а сигареты ещё надеялись выжить. Тоже смешные.

Лаврентий Анатольевич недоверчиво задвигал широким носиком.

— Простите, но Борис Ефимович мне ясно сказал...

— Вы, видимо, чего-то недопоняли. Я не выполняю подобных заказов.

— Но вы ведь даже не дослушали!

— Мне не надо дослушивать. Вы что, думаете, вы первый ко мне с этим приходите? Извините, у меня работа.

Когда я встала, его ладонь — широкая коротенькая лапка с перепонками между пальцев — перехватила меня за руку. Я вдруг увидела — почти наснила, — как перехватываю эту лапку зубами. Не сильно, не насмерть, но надёжно. Моё. Быстро облизываюсь. Утиные перья липнут к моей морде.

— Мария Владимировна, пожалуйста. Хотя бы дослушайте.

Говорит очень тихо и очень твёрдо. Не по-утиному, нет. Лениво прокручиваю планы на вечер. Ах, Ванька же должен прибежать на занятие. Ладно, перебьётся.

— В десять на конечной двадцать пятого маршрута, — говорю я ему, и он выпускает мою руку. Прикосновение остаётся в памяти на несколько секунд, потом исчезает. Уже и не помню, каким оно было.

— Спасибо, — говорит он мне в спину, но я уже на улице.

В тот же вечер мы пьём коньяк у меня на кухне. Я вижу глазами Утёнка, как у меня загажено и задымлено. Но коньяк вкусный, а Утёнок пьяный. Поэтому дымить можно без всяких зазрений совести.

— Сил уже никаких нет, заела. Я и уходить пробовал, но она же ревёт, дура. Я не могу смотреть, как она ревёт, звереть начинаю. Кажется, что сам её убью. Вот прямо на месте.

— Да, это сурово, — с пониманием киваю я. У нас настоящий мужской разговор. — Когда ревёт дура — это сурово. Так почему не убьёшь?

— Не хочу грех на душу брать, — жёстко говорит мой Утёнок и опрокидывает в горло стопарь, а я откидываюсь назад, упираясь позвоночником в подоконник, и залиvisto хохочу. Утёнок смотрит на меня как заворожённый.

— Мил человек, неужели ты правда веришь, что если её убью для тебя я, на тебе не останется греха? — весело интересуюсь я. Утёнок вздрагивает.

— Как убить? При чём тут убить? Я просто хочу, чтобы она пропала. Сгинула с глаз моих, не могу я так больше...

— А куда, по-твоему, пропадают люди? Если насовсем?

— Не знаю, — говорит Утёнок, и я вижу, что он правда не знает и знать не хочет.

И его ведь вполне можно понять. Не в том даже дело, что труп, кровь, следствие, нары — а в том, что грех на душу. Даже если заказать жену киллеру. Киллер-то запросит меньше, чем он предлагает мне. Но за что он заплатит наёмнику? Всё за те же кровь, труп, следствие, а там, глядишь, и нары — всяко случается. А мне он хочет заплатить за сон. Не за мой. За свой. За свой спокойный крепкий сон. О, у них, у тех, кто уже делал и ещё сделает мне такие предложения, богатая фантазия. Достаточная, чтобы во всех деталях вообразить то, что сделает с их недругами киллер, и достаточная, чтобы поверить в Снящих. Но недостаточная, чтобы вообразить, что Снящий сделает с их недругами — там, в своём сне. Этого они не то что не хотят знать, а не могут вообразить. Поэтому они всегда выбирали и будут выбирать нас. И предлагать нам деньги, которые нам не нужны.

Ну, мне-то, может, и не нужны, но кто-то когда-то всё же сумел заплатить достаточно за убийство эрцгерцога Фердинанда. И знал ведь, кому заплатить. Уж явно не тому, кто это убийство снил.

— Ну так что, по рукам? — спросил Утёнок, с надеждой заглядывая мне в лицо косенькими глазками. Не знаю, с чего он решил, будто та же история, только многословнее изложенная, произведёт на меня большее впечатление.

— Не выйдет, — чеканю я, пуская дым в его желтоватое лицо. А нет, не желтоватое уже, белеет мужик.

— П-почему? Я что, мало даю?

— Вам Борис Ефимович, — кривлю губы при этом имени, — что про меня говорил? Что я богородица?

— Господи помилуй, — Утёнок пугливо крестится. — Да я не думал совсем...

— Это я к тому, дорогой мой Лаврентий как вас там...

— Анатольевич...

— Анатольевич, я к тому, что не могу я просто взять и на-снить вам что заблагорассудится. Чтобы увидеть во сне, как сгинет ваша жена, я должна этого испугаться. Или захотеть. — Я ему вру, вовсе я этого не должна — больше нет, но он ведь не знает про супервизии. — А я не из пугливых, сразу вам говорю.

— А... захотеть... — он быстро облизывает сухие губы, глаза разгораются угольками. — Захотеть? Как захотеть? Сколько мне вам пообещать, чтобы вы захотели?

Я медленно вдыхаю и выдыхаю. Со стороны это, наверное, кажется обычным вздохом. Искушение сильное. Очень сильное. Захотеть. Всё равно чего, я не знаю, что он может мне пообещать — лишь бы захотеть.

Но лисица хочет только крови. И жить. Базисный инстинкт.

— Поцелуйте-ка меня, Лаврентий Анатольевич, — говорю я и закрываю глаза. Сажу не шевелясь, чувствую его плоские шершавые губы на лице, на губах, и царапающее, как наждак, дыхание на моей коже. Пытаюсь испугаться или захотеть. Пытаюсь; в самом деле, очень хочется. Хочется захотеть... ха... Да нет, это не желание. Это жажда.

Поняв, что всё впустую, я деловито вмазала Лаврентию Анатольевичу по щеке и пинками препроводила в подъезд, где наставительно рекомендовала более не распивать коньяки и не приставать к малознакомым женщинам. Потом пошла в душ и долго мыла лицо и шею. Вспоминала, как ходила по пустырю позади штаб-квартиры Снящих в те самые ночи, когда там ещё шнырял тот самый маньяк. Медленно шла, далеко от огней. Ждала. Ждала, что хоть страшно станет, что ли. А когда страшно так и не стало, не огорчилась, просто удивилась — надо же, правда. Хотя, может, дело в том, что я чётко знала: этот маньяк меня не тронет. Иначе бы мне это приснилось. Приснилось бы тогда, когда сны ещё снились мне сами, без лисы...

А вот что меня тогда в самом деле потрясло, так это что никто — ни Игнат, ни Младший, ни даже Тимур, — никто из них не наорал на меня и не оттащил за волосы за то, что шлялась ночью одна по пустырю. Мне хотелось бы думать, что им тоже не снилось про меня ничего плохого, потому-то они и спокойны. Но на самом деле я знала, что они просто не боялись за меня. Так же, как не боялась той ночью я, даже слыша медленные неровные шаги за спиной, в шорохах ветра среди обломков старых труб.

Самое хреновое в нашем деле то, что жизнь становится такой предсказуемой.

Отмыв с себя запах Утёнка, я вылила остатки коньяка в раковину и тщательно протёрла мокрой тряпкой табурет, на котором сидел Лаврентий Анатольевич. Подумав, попрыскала в кухне дезинфектором. Окно было распахнуто, но дым выходил медленно.

Так-то, Младший, если это была твоя подстава, то один — ноль в мою пользу. Ты что же, решил из меня сделать саботажницу? Вот уж дуру-то нашёл. Как-нибудь я всё-таки спрошу у тебя, а что такого, по твоему мнению, этот недоносок действительно мог мне дать? Ведь недоносок же. Даже если и не подстава. На самом деле я была почти уверена, что не подстава. Уж слишком сильно мой Утёночек хотел порешить свою благоверную. В самом деле хотел.

Я знала, я чувствовала, как сильно он хотел.

Когда ему наконец удаётся уснуть, он видит лес. Лиственница, густой колючий подлесок, длинные гряды оврагов, заросших крапивой. В оврагах хорошо рыть норы. Грунт глинистый, податливый. Очень хорошо рыть норы. Он припадает носом к земле и берёт след. Он роет землю. Хорошо и глубоко, одержимо, растворившись в равномерном сокращении мышц на передних лапах. Так хорошо роется, и быстро, ух ты, ну прямо как бульдозером...

А потом вылетает из сна от моего подзатыльника.

— Ма-ария Владимировна!

— Что Ма-ария Владимировна, балбес, — сердито говорю я. — Сколько раз тебе повторять одно и то же. У лисицы нет мыслей. У неё только желание и страх. Когда мысли — это уже ты. Какой, на фиг, бульдозер? Что тебя вечно клинит на этом?

— Я не знаю, — сокрушённо сказал Ванька и почесал ушибленный затылок. Обиженно посмотрел на меня. — Драться-то зачем?

— Затем, что если б ты снил по-настоящему, то чёрт знает что там наснил бы уже.

— По-настоящему? А это... это всё разве не...

— Когда солдат проходит тренировку в армии и стреляет холостыми в своего кореша, валяясь в окопе носом в грязи, это по-настоящему?

— Н-ну...

— Ну, — говорю я, — давай-ка ещё разок. Только теперь просто рыть. Понял? Просто рыть.

— Понял, — Ванька молча смотрит, как я взбалтываю новый раствор — ещё слабее прежнего, — а потом говорит: — А что там?

— Где?

— Ну там, где я рою. Там же что-то есть? Лисица не роет просто так, она же чего-то хочет?

О-паньки. Приплыли. На месяц раньше, чем до такого вопроса додумалась в своё время я сама.

— А это уже не тебе решать.

— А кто будет решать? И когда? Мне надоело рыть просто так.

Эх, парень, рыть не просто так надоедает ещё быстрее. Но тебе пока рановато это знать.

— Вот когда примут в группу, тогда и станешь рыть за делом. А пока это просто нора. Для тебя. Твоя собственная нора, понимаешь?

— Чтобы спрятаться? — спрашивает Ванька и хмурится. Ему не нравится эта мысль.

— Прятаться. Спать, набираться сил. Съесть добычу. Выжидать в засаде. Это уж как захочет твоя лисица. Но только не ты.

— Понятно, — говорит Ванька, и я вижу, что он действительно понял. Способный пацан, ничего не скажешь. Но его гложет что-то ещё, и я, опустив руку со шприцем, требовательно говорю:

— Ну?

Тогда он спрашивает:

— А там можно что угодно... ну, нарыть? Если так скажут. Всё-всё что угодно?

Что-то гложет его, что-то грызёт, рвёт изнутри на части. И он на что-то надеется. Отчаянно. Слепо. Видать, он тоже что-то потерял. Или боится потерять. Или хочет вернуть. Один чёрт.

М-да, хреновый из меня педагог. А я всегда это говорила.

— Ты часто видел, чтоб люди летали?

— Чего? — хлопает рыжими ресницами.

— Видел, чтобы море расходилось к берегам? Чтобы летом была метель, чтоб вчерашний день можно было прожить иначе? Чтобы девка, пославшая тебя на три буквы, вдруг с ходу валилась к тебе в койку, а твоего смертного врага раздавливал катком, стоило тебе его проклясть? Видал такое?

— Да не очень, — тихо отвечает Ванька. Неужто с девкой попала в точку? Надо же.

— А знаешь, почему не видал?

— Потому что так не бывает.

— Ага. А почему не бывает? Ну, думай. Я тебе говорила.

Он подумал, потом робко предположил:

— Мы этого не сним?

— Точно. Мы этого не сним. Мы сним только то, что сумеем себе представить так, как будто оно взаправду может быть. А ты веришь, что можешь полететь взаправду? Только честно? — Ванька мотает головой, я киваю. — И никто не верит. То есть как бы упорно тебе не снилось, что у тебя выросли крылья или ты стал кинозвездой, если твоему сну не за что зацепиться в реальности, он сам даст тебе об этом знать. Хаотичностью, блеклыми красками, бессвязностью, безумием. И останется просто сном.

— Просто сном, — задумчиво повторяет Ванька. Ему придётся привыкнуть к мысли, что в его жизни, оказывается, ещё остались просто сны. И он пока не знает, что с каждым годом их будет всё больше. Тогда-то он и вообразит, будто научился спать без сновидений. — И что, совсем-совсем никто не верит? Не... хочет?

— Некоторые, — сказала я неохотно. — Очень редко. Пару раз за эпоху. Всякие там Да Винчи с Коперниками... Но эти ближе к главному супервизору. Нам до них далеко.

Тогда Ванька снова спрашивает:

— А как поговорить с главным супервизором?

Я собираюсь ответить — не то, что он хочет услышать, а то, что принято отвечать, — но тут звонит телефон. Чёрт, и когда я уже соберусь поставить автоответчик? И вообще жуть как интересно, кто это может быть в такое время. Глухая ночь сейчас, не знаю даже точно, сколько может быть времени. Фонарь под окном уже погас.

— Ну чего? — спрашиваю я, срывая трубку.

Слышу опять этот голос. Слушаю.

Я слушаю, потом вынимаю сигарету изо рта и держу её между пальцами. Просто слушаю, ничего не говорю. Потом кладу трубку. Когда она опускается на рычаги, плачущий голос Инги ещё летит из него, далёкий, звонкий, как стекло.

— Мария Владимировна, что случилось?

Куда-то делась сигарета из пальцев. Только что тут была. Ладно, я достаю из кармана пачку, беру новую сигарету, зажигаю... нет зажигалки. Ладно, спички. Тут вон с прошлого раза ещё валяется коробок... Беру его, чиркаю. Чиркаю. Чиркаю.

Голос сквозь плотную ватную пелену:

— Мария Владимировна?

Замечаю, что чиркаю по серному боку коробка не спичкой, а сигаретой.

Смотрю Ивану Сергеевичу Розарову в глаза. Сквозь тот же слой ваты слышу свой голос:

— Главный супервизор, значит...

— Мария Влади...

— Сядь, Ваня. Сядь напротив меня. Так.

Он садится. Я широко расставляю ноги, наклоняюсь вперёд (лисица во мне даже сквозь слой ваты слышит, как падают с колена спички — проклятое эхо...), беру руки Вани в свои ладони. Странные руки у меня, большие.

— Хочешь, Ваня, мы поговорим с главным супервизором прямо сейчас? — спрашиваю я, улыбаясь, как полная дура. Может, он кивает, а может, нет, я не вижу, и просто свожо его руки вместе, прижимая ладонями друг к другу. — Мы поговорим. Прямо сейчас. Повторяй за мной. Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твоё, да придет царствие...

Я роняю его руки. Откидываюсь на спинку кресла. Закрываю глаза и говорю:

— Прости, мальчик. Прости. Это ничего.

— Вам нужно что-нибудь? — шепотом.

— Ага. Сбегай за сигаретами.

И он бежит. Я вижу закрытыми глазами, как он бежит, скачиваясь по лестнице кубарем, влетает в ночной ларёк, тормозит дремлющую продавщицу... Я это вижу. Я это сню.

Когда я наконец смогла уснуть, мне приснилась пустыня.

Жар раскалённых камней покусывает мозоли на моих ладнях. Я иду низко пригнув шею, шерсть на загривке стоит дыбом. Я хочу есть и пить. Солнце припекает затылок. Мои глаза подёрнуты мутной плёнкой, но у меня острый слух и острый нюх. Я знаю, где я, и знаю, что там, впереди. Я иду на запах, неторопливо, уверенно. Я не лисица, мне некуда спешить и не надо быть осторожной. Мою добычу не надо ловить и выслеживать. Её надо просто взять. Просто прийти и взять. Вот она, я пришла и возьму её. Огромное гниющее тело, мне одной его не одолеть, зато я смогу насытиться. Это всё, чего я хочу, — есть. Я хочу есть и пить. Тут ещё много крови, и я лакаю кровь. Камень острый, но мой язык шершавый, я не поранюсь. Кровь, потом сладкое мясо. Много-много мяса. И всё мне одной, если только не подоспеют стервятники.

Стервятники здесь — единственные враги гиены. Это будет мой страх.

И никаких лисиц больше. Никаких нор.

— Офигеть можно, — сказал Тимур. — Маш, и ты этого не замечала? Ничего не замечала?

— Я всегда говорила, что педагог из меня хреновый, — отозвалась я скучным голосом. Тимур покачал головой, а я добавила: — Ты бы на моём месте точно заметил. И сразу. Может, даже расколол бы его.

— И он не говорил тебе ничего такого?.. И ты не чувствовала это по его снам?

— Говорю же, нет, — отрезала я и с вызовом посмотрела на Младшего, молчаливо наблюдавшего за мной из своего кресла. Стилус ноутбука в его руке похож на маленький тонкий нож. — Впредь вам наука принимать самоотводы.

— Всё равно поверить не могу, — сказал Тимур. — Такой сопляк... Он стал бы очень сильным Снящим. Явно не для нашей группы.

— Может, они его так проверяли, — предположила я. — Чтобы саботажничать, много ума не надо. А вот чтобы замести следы...

— Наследил он порядочно, — говорит Младший. Странная для него фраза — отрывистая и почти грубая. Я бы ждала от него скорее чего-то вроде: «Саботажник оставил некоторое количество неопровержимых улик, неопровержимо свидетельствующих его причастность и ля-ля-ля». — Всё, что он наснил, реализовывалось в одном и том же месте: лиственный лес в радиусе пятидесяти метров от оврага. Видимо, он создавал в сознании сон-оболочку лисицы, там всюду горы лисьего помёта и несколько нор. При том, что лисицы в этом лесу не водятся.

— Серьёзно напортачил? — поинтересовался Тимур.

— Как сказать, — Младший вздохнул. — Несколько необъяснимых смертей. Пара-тройка ям, из которых, вероятно, выкапывали что-то вроде клада...

— Там, где его отродясь не было, — хмурится Тимур. Его руки скрещены на груди.

— Спецприказов не поступало, — возразил Младший. — Значит, саботажник ликвидирован вовремя. Если что, в старших группах подправят.

— Мы и сами могли бы. Вырастили тут гниду, понимаешь...

— Это не в нашей компетенции, — коротко отвечает Младший, и мы закрываем тему.

В эту супервизию мы даже ничего не сним: нас собрали только для того, чтобы оповестить об отмене тревоги. Это вторая супервизия за неделю, в прошлый раз с нами на контакт напрямую выходил старший супервизор — снимал слепок снов-оболочек. Редкая мера, крайняя — на моей памяти её никогда ещё не предпринимали. Уже тогда стало ясно, что они собрали все необходимые улики и теперь просто ищут, кому бы их пришить, как менты ищут преступника по отпечаткам пальцев. А Ванюшка-то мой немало пальчиков оставил... В тот вечер он тоже был с нами. Стеснялся и никак не хотел садиться в общий круг. Жался на краешке кресла, повернув колени в сторону двери. Это стало его первой и последней супервизией.

Интересно, старшему супервизору понравилась моя гиена?

— Подожди меня, Мария, — говорит Игнат, когда я иду к лестнице. Младший с Тимуром уже внизу, негромко переговариваются: Тимур всё никак не может поверить. Такой сопляк, говорит... и такие упорные сны.

Я жду. Игнат неторопливо одевается, глядя в тёмное окно. Берёт зонт в левую руку (на улице нет дождя, но тучи собирались с самого утра), правую молча предлагает мне. Я опираюсь ему на локоть. Мы очень-очень медленно идём вниз.

— Ты не спросила, что с ним стало.

Не спросила, да? И правда. А зачем? Я это и так знаю. Вернее, знаю, что никто не скажет мне этого наверняка. Кроме того, что мальчишка мёртв — а остальное разве важно?

— Ты ведь отдавала себе в этом отчёт?

Он что, и впрямь ждёт ответа? Я крепче сжимаю его локоть, приныкая поуютнее к большому, надёжному мужскому телу.

— Не понимаю, о чём ты говоришь.

Игнат не остановился, не выругался, не оттолкнул меня. Даже не сбавил шага. И я вдруг с холодной, спокойной уверенностью поняла, что он давно знал. Может, с самого начала.

— Зачем ты это сделала?

Я фыркаю, не удержавшись.

— Милый мой, спроси-ка убийцу, зачем он подставляет первого попавшегося лоха. Затем что жить охота, вот зачем.

— Правда? Ты хочешь жить? Очень хочешь? — в его голосе нет издёвки, нет злости, даже осуждения нет. Он очень спокоен. Холодный мой, строгий. И что-нибудь, что рифмуется со словом «вечность». — Я спрашиваю, не почему ты подставила мальчика, а зачем ты берёшь заказы... на сны.

Он запнулся на секунду, словно не зная, как бы это правильнее назвать. Саботаж? Слишком формально, да к тому же — эвфемизм. Это не саботаж. Это терроризм. Самый натуральный, только это понимаешь, лишь когдаходишь во вкус.

— Что они тебе дают? — спрашивает Игнат, и я вижу, что он просто хочет знать. Просто не понимает и хочет, чтобы я ему объяснила. Я внезапно осознаю, почему он звонил мне несколько ночей назад. И почему он сейчас, здесь, со мной.

Я вздыхаю и на миг прижимаюсь щекой к его плечу.

— Как бы тебе сказать... — Это и правда оказывается не легко — хотя для меня всё так просто и понятно. — Это... желания. И страхи. Их желания и страхи, с которыми они ко мне приходят. Был тут недавно один... я думала, он от Младшего,

и послала его на хрен. Хотел, чтобы я его жену убила. Но, знаешь, если бы мне понравилось... если бы его желание мне понравилось, я бы сделала это. Несмотря на осторожность. Я должна быть осторожна. Да, — слегка откидываю голову и смеюсь. Смех летит между перилами к верхним этажам.

Игнат молчит какое-то время, потом спрашивает:

— О чём они обычно просят?

Я лисица... я рою землю. Когда я осторожно, аккуратно передавала Ивану свою сон-оболочку, он тоже рыл землю, и спросил меня, зачем. Что там, под землёй. Я соврала ему тогда, что это как старшие скажут. А на самом деле там может быть что угодно. Всё что угодно. Например, что-то твёрдое жёлтое без запаха. Несколько недель назад я нарыла десятикилограммовый слиток золота для человека, одержимого золотой лихорадкой. Когда он пришёл ко мне и распаковывал сигареты трясушимися руками, я знала, что ему не нужны деньги, что он просто поставит этот слиток у себя в подвале и будет протирать его мягкой тряпочкой. Сущий фетишист. Это показалось мне забавным. Его дрожь, его жажда. Он был почти нищим, этот фетишист, ему даже нечем было мне заплатить, но я не взяла с него денег. Зачем мне деньги? Я просто нарыла ему это золото, и хотя лисица во мне не знала, что это такое жёлтое и без запаха она нашла рядом с мышиной норой, я в лисице дрожала над этим золотом, я хотела его — я очень хорошо помнила, как это: хотеть...

Или бояться тоже. Мёртвое тело мужчины недалеко от лисей норы. Пьяное убийство на пикнике. Убийца плакал как сущее дитя. И хотел, чтобы этого не было. Хотел, чтобы это пропало. Он боялся, но не суда, а собственных снов. Я забрала у него этот сон. Я сделала его своим. И тело исчезло — просто исчезло, как будто не было никогда ни его, ни человека...

Да, я знаю, это не просто против правил — это против законов природы. Там никогда не было никакого золота, и ни один материальный объект в природе не может просто исчезнуть без следа. Но я делала это. Их страсть и их страх делали это возможным для меня. Страсть и страх, которых сама я лишилась давным-давно.

— Это ничем не отличается от того, что мы делаем на су-первизиях, — запоздало отвечаю я на вопрос Игната. Он чувствует, что я лгу, но его это, видимо, устраивает.

Мы выходим из подъезда и останавливаемся перед ступеньками, ведущими к дороге. Дождь всё-таки пошёл, частые тяжёлые капли барабнят по бетону под нашими ногами. Игнат раскрывает зонт, хлопок пружины звучит отрывисто, как пистолетный выстрел. Мы стоим под зонтом друг против друга и смотрим друг на друга. У Игната очень спокойное лицо. Он сунёт руку за пазуху и достает прямоугольный конверт.

— Что это? — спрашиваю я, когда он вкладывает конверт мне в руку.

— Билет до Лондона. Тебя переводят туда. Младший сказал, чтобы это сделал я.

— Почему? — спросила я тупо, хотя надо было спросить совсем не это.

— Не знаю.

Какой он... спокойный. И правда ведь не знает. Ему всё равно. Он знает только то, что хочет. Он ведь Снящий, ему нельзя знать и хотеть слишком много.

Я приоткрыла конверт и заглянула в него. Конверт узкий, я разглядела только жёлтый корешок бланка страховки.

— Меня переводят в старшую группу?

Игнат почти улыбается. Но в этой улыбке тепла не больше, чем в воде, которая льётся с зонта ему на плащ.

— В старшую. В самую старшую, — говорит он мне, как ребёнку. А я правда ребёнок, я не понимаю ни черта... — Чему ты так удивляешься, Мария? Ты же сама сказала: мало устроить саботаж, надо суметь замести следы. Ты сумела. Не подкопалась. Высший класс.

Надо сказать что-нибудь. Хоть бы матом, что ли, но язык у меня присох к нёбу. Дико хочется курить. Да, хочется. И выть хочется, и ткнуться этому прекрасному ледяному ублюдку лицом в грудь и реветь как белуга. Жутко хочется, только это не та жажда. Так хотят звери... и Снящие. Люди хотят другого.

— Знали, значит? — хрипло спрашиваю я, глядя ему за плечо. Ну конечно, какая же я дура, они не могли не вычислить Бориса — а может, он и сам раскололся, всё-таки лаборатор-

ный персонал наверняка подбирают не менее тщательно, чем самих Снящих. Но потом я слышу следующие слова Игната и понимаю, что всё ещё проще.

— Разумеется, знали. Ты правда думаешь, что не делала ничего особенного? Материализация и дематериализация, транспортировка удалённых объектов... Такое не может остаться незамеченным. Это чудеса, Мария, — в его взгляде на миг зажглось что-то, похожее на восхищение. Зажглось и тут же погасло. — Настоящие чудеса. Тех, кто снят реальность, — пруд пруди, но снящих чудо... вас мало таких. Ты и так засиделась в нашей глуши.

Почти нежность. Почти гордость. Почти уважение.

И какое же отвращение поверх всего этого...

— Зачем же ты спрашиваешь тогда?.. — говорю я всё так же хрипло. Взгляд Игната становится растерянным.

— Они там наверху всё решают. Мы просто присматривались за тобой. И не понимали. Лично я ничего не понимал. До сих пор.

— А теперь?

— А теперь я вижу, что ты.

Что. Что я. Что я такое. Слова — как кувалды, разламывающие виски.

— И что же я такое, Игнат?

— Ты вампир, — говорит он просто и безжалостно. — Раз нет собственных страхов и желаний, ты пьёшь чужие. Ты очень опасна. Думаю, они бы ликвидировали тебя уже давно, если бы не твои способности. Откровенно говоря, я считаю, что с ними ты ещё опаснее. Но это уж не мне решать. Самолёт у тебя завтра вечером, я бы на твоём месте не опаздывал.

— Игнат, у меня мама умерла, — говорю я. Странно, так мокро снаружи, вся спина уже вымокла — и так сухо во рту.

Игнат смотрит на меня.

— Она меня... бросила... И я жила с отцом. Он болел сердцем, и я всё время боялась, что с ним что-то случится. Страшно боялась, до одури: больниц этих, врачей, карет «скорой помощи». А больше всего боялась, что однажды ночью проснусь и не услышу его дыхания. Жутко боялась...

Игнат смотрит на меня. Я стараюсь, чтобы в голосе не звучало отчаяния, но ничего не могу поделать:

— И потом, когда я всё это наснила, я просто отрезать хотела, понимаешь? Я не так, как ты, я отрезала намертво, совсем! Чтобы не повторилось такого... больше. И у меня вообще ничего не осталось. Я совсем пустая была. Это невозможно терпеть...

— Возможно, — говорит Игнат, и в этот миг я понимаю, что совсем, совсем, совсем его не знаю. — Всё возможно стерпеть. Это вопрос самоконтроля. Отпусти мой плащ, будь добра.

Я разжимаю руки, отступаю на шаг, прочь от ненадёжной защиты зонта. Дождь с новой силой ударяет меня по голове и плечам. Игнат стоит неподвижно, его лицо в полумраке, и чёрная вода ручьями стекает с зонта.

— Не уходи, — это мой голос. — Я... я очень тебя прошу, не уходи сейчас...

— Ты мне никто, — говорит Игнат. А может быть, это говорю я. Или, возможно, все мы, каждый из Снящих, намеренно возводящих стену между собой и теми, кого не хочет потерять. А проще всего не терять то, чем не обладаешь.

Ты мне никто. И это звучит почти любя.

А дальше всё как обычно: он уходит к ночному шоссе, я стою, глядя ему вслед. Как обычно, просто в последний раз. Завтра у меня самолёт в Лондон.

Домой добралась быстро, на попутке. В квартире было холодно — отопительный сезон, как всегда, подкрался незаметно, а батареи включают только через пару недель. Нуда мне только эту ночь перетерпеть бы. Я отбрасываю намокшую от дождя занавеску, закрываю окно, ёжусь, потирая руки, чтоб хоть немного согреться. А вот теперь можно и покурить.

Пошла за сигаретами на кухню, впервые за долгие годы жалея, что у меня нет телевизора. Залезть, что ли, в Интернет, посмотреть погоду в Лондоне? Хоть бы только не дожди. Залезла, посмотрела. Нет, не дожди. Тепло и солнце. Отлично. Скорей бы завтра.

Скорей бы, скорей бы завтра.

Я сажусь в кресло, прикуриваю, глубоко вздыхаю. Чёлка лезет в закрытые глаза, надо бы постричься. Может, успею завтра перед вылетом. Вещей у меня всё равно немного, собирать по сути нечего. И прощаться не с кем. Не с Тимуром же? Я даже телефона его не знаю. Когда он меня учил, знала, а потом он сменил номер. А я сменила свою сон-оболочку. И он не знал про мою лисицу. Никто про неё не знал. Только Ванька. Иван Сергеевич Розаров, м-да... Нехорошо-то как получилось. Я ведь думала, что шкуру свою спасаю. А оказалось — проходила тест на профпригодность. Бедный глупый мальчик... такой доверчивый. В тот первый раз, когда я была лисицей, а он — полёвкой, он снял понарошку, как солдат стреляет на тренировке холостыми, а я сняла по-настоящему. Я стреляла боевыми. И всё-таки откусила ему голову. Я наснила ему всё, что будет дальше. От этой мысли я вздрогнула. Откусила голову? Ужас-то какой. Неужели... да нет, нет, вряд ли старшие супервизоры пойдут на такое зверство. Какой в этом смысл?..

Но тут я вспоминаю, как мне снилось, что я встаю и иду в комнату отца, и вижу его лицо, спокойное, улыбающееся во сне, такое безмятежное, потом подношу к нему руку, просто чтобы поправить подушку, и чувствую что-то неправильное... вот в этом и был мой страх. Я не знала, что это, во сне никак не могла понять: неправильно, неправильно, просто неправильно! Смерть не бывает правильной. Даже если мы её сним по заказу старших супервизоров, как положено. Я знаю, что эта мысль кощунственна: все мы в конечном итоге — просто исполнители воли главного супервизора, а уж ему-то виднее, и всё, что он задумает — верно. Нам остаётся только исполнить, не задавая вопросов, не думая о том, что могут существовать вопросы. Ох, конечно, главному супервизору можно жаловаться напрямую, но только он ведь никогда не отвечает ни на жалобы, ни на мольбы. По крайней мере мне никогда не отвечал. Как бы я ни просила. Может быть, это потому, что я не хотела по-настоящему. Я же не умею хотеть сама. Хотеть своего. Не подсмотренного, не украденного — своего. Я уничтожила собственные желания, заменив на желания лисицы, — и сделала это охотно и радостно, чтобы больше никто не умер, как мой отец. Чтобы мама не умерла, как он. Я всегда так боялась её

встретить — я была в панике, когда она меня наконец отыскала. Боялась, что возненавижу её или полюблю. И то, и другое было бы для неё смертным приговором. После того как она меня оставила, я всё время боялась потерять, и снила то, чего боялась. Поэтому проще было не бояться. Хотя, ох, нет, не бояться как раз было так трудно, невыносимо...

Дует от окна. Я же вроде бы его закрыла? Хочу встать и закрыть его, но... хочу... ох, хочу ли? Хотела бы — наснила бы. Окно бы захлопнулось само. Медленно и тихо, под взглядом глаз гиены, поблескивающих во тьме.

Провожу ладонью по щеке: сверху вниз, от виска к подбородку. Голова снова болит. Ладонь мокрая. Сигарета погасла. Надо вымыть руки, зажечь сигарету, закрыть окно. Надо... Хотела бы — наснила. Значит, не хочу. Такая вот логика Снящих. А другой нам не оставили. Или мы не оставили сами себе.

Я упираю локти в колени и плачу. Как дура, как Инга, Инга вот так же плакала, глядя на мои руки, она просила, чтобы я сделала что-нибудь, хоть что-нибудь, она же наша мать, она и твоя мать тоже... А ты не хочешь, ты просто не хочешь! А зачем мне хотеть? Чтобы сейчас она была жива, а я снова боялась её потерять? Я не хуже Игната, я тоже могу как он: не имея — не теряем! И столько лет этого казалось вполне достаточно! А чтобы утолить эту лютую жажду, у меня есть чужие сны...

Но только в чужом сне никогда гиене не увидеть мою маму. Мою маму, тихую, испуганную, поломанную, запутавшуюся, жалеющую себя, жалеющую меня... Мою маму, молодую, красивую, здоровую, да, совершенно здоровую, полную сил, среди зелёной травы, смеющуюся, счастливую, с тёплыми руками, со слабым огоньком вины в глазах, не надо, мама, я давно тебя простила... Только будь здесь, будь жива. Да, я знаю, что это невероятно. Знаю, что это чудо, что Снящие не вершат чудеса, только самые сильные из них, а я слабая, и мои чудеса — это только грязь и смерть. Но я хочу этого чуда, мама, если не этого, то не надо мне других чудес, ни леса, ни пустыни, ничего, только солнце, солнце, мама, и твои виноватые глаза...

Я сню, и я хочу увидеть это во сне, только это, Господи!

Я ничего никогда не хотела так сильно.

Обращение к читателям

Повесть «РЦК678» представляет Вам новый мир: не такой уж и простой, каким он кажется с первого взгляда. В нем бок о бок живут средневековые и далекое будущее, звенят мечи и разрабатываются новейшие технологии, живые люди сосуществуют с искусственными созданиями, и вершатся судьбы целой галактики. Мир, в котором рождаются боги и умирают привычные представления о человеческом социуме. Мир, в котором главные герои не боятся обагрить руки кровью и не находятся в плену иллюзорных, упрощенных представлений о Добре и Зле. Они вершат правосудие, спасают ближних, порой ошибаются и терпят неудачи, но все равно упорно идут вперед, прислушиваясь лишь к гласу собственной совести.

Фэнтези — уникальный жанр, сочетающий в себе детектив и фантастику, приключенческий роман и трогательную любовную историю. Здесь каждый находит то, что ищет, и получает пищу для размышлений. Надеюсь, что моя новая книга доставит Вам удовольствие и заставит призадуматься о мире, в котором мы живем.

Денис Юрин

Глава 1

ВЕБАЛС ИЗ РОДА ОЗЕТОВ

— Чего морду воротишь?! В глаза смотри, когда с тобой разговариваю. Потерял казну или своровал?! Признавайся, лапотник!

Марвету приходилось терпеть оскорбления. Уж такая она, нелегкая доля простого сотника из деревенской глубинки, молча стоять и с покорностью выслушивать господские упреки. И никого не волнует, прав ты в действительности или виноват. И совершенно не важно, что крикливый юнец годился ему в сыновья, если не во внуки, что он более двадцати лет добросовестно выполнял свою службу и ни разу, ни разу не положил казенного гроша в карман, хотя возможности были, не говоря уже о соблазне, посещавшем его чуть ли не каждый день.

Молодой господин все кричал и кричал, осыпая седины ветерана все новыми обвинениями и бранными словами, за которые Марвет собственноручно вырвал бы язык любому дюжему мужику из округи, осмелился бы тот хоть ненароком, хоть спьяну произнести их вслух. Сейчас же солдату, прошедшему через горнило четырех полноценных войн, дюжины междоусобных неурядиц и бесчисленного множества мелких стычек, приходилось отмалчиваться, сидеть, низко опустив голову, и надеяться лишь на то, что в бесперебойном потоке ругани наступит пауза, что запал молодого столичного господина когда-нибудь да иссякнет, и он наконец-то соизволит выслушать его объяснения. Хотя, с другой стороны, оправдываться Марвету и не хотелось; он устал, устал в сотый раз подробно описывать каждому заезжему щеголю ту беду, которая неожиданно-негаданно свалилась на его до недавних пор тихую и благополучную округу. Кроме того, трепать языком, все равно было без толку: помощи было ждать неоткуда. Должностной люд погряз в водовороте бурной столичной жизни, и его не интересовали несчастья глубинки, им нужны были лишь регулярные поступления в королевскую казну, а до остального не было дела, хоть дюжину перьев испиши, хоть лопни с натуги, хоть коростой покройся.

Молодой вельможа, наверняка воин, несмотря на отсутствие доспехов и мундира, поразил Марвета не только грозными речами и необычной прической: лоб и виски приезжего были гладко выбриты, густые, пышные бакенбарды ярко-рыжего цвета доходили почти до подбородка, а на прилизанном затылке болтался одинокий хлыстик тонкой короткой косички, весьма смахивающей на крысиный хвостик. Он говорил как-то не так, как привыкли изъясняться чиновники или королевское воинство, все время оглядывал двор из окна и ни минуты не стоял на месте, постоянно перемещался, как будто кого-то поджидал и был чрезвычайно расстроен чьим-то непредвиденным запозданием. В общем, господин показался сотнику довольно странным, но Марвет был не в том положении, чтобы задавать вопросы и сомневаться в полномочиях посланца самого короля. Официальная грамота, скрепленная королевской печатью, определила сразу позиции собеседников. Нервничающий мужчина со странной внешностью мог ругаться и задавать вопросы, а он, жалкий сотник из городка Лютен, мог лишь краснеть, обкусывать со злости усы, отвечать, когда его спрашивали, и благодарить Небеса, что вельможа устраивал разнос в его покоях, а не на дворе, на глазах у его подчиненных. Ополченцы уважали своего командира, но в любом стаде непременно найдется завшивевший баран с предлинным языком, который или умышленно, или по глупости своей выметет сплетню за ворота казармы и разметет ее по всей округе.

— Что молчишь как воды в рот набрал? Или, может, ты на умишко слабый?

Вельможе наконец-то надоело кричать и метаться по зале. Он сел на край дубовой скамьи и, опершись спиной о сомнительной чистоты стол, не мигая уставился на притихшего Марвета.

— Зря вы так, господин хороший, напраслину почем зря возводите, а ведь я уже...

— ...Двадцать, или сколько-то там еще лет, верой и правдой короне служу, кровь проливаю, за службу радею и дело свое исправно выполняю, — закончил вельможа за сотника речь. — Ты это хотел сказать? Видишь, я все наперед знаю,

знаю, потому что уже не впервой подобную песню слушаю. Ты не первый старый, одряхлевший лежебока-сотник, которого я на чистую воду вывожу. Что глазенки разгорелись: правду обидно слушать или жалко с тепленьким местечком расставаться? А что, ты ведь в этом захолустье персона важная, третьим, а-то и поди вторым человеком после графа себя мнишь!

— Зря вы так, — выдержав пристальный взгляд зеленоватых глаз, повторил Марвет. — Я за место свое давно не держусь, стар уже стал для ратной службы. Да вот кто в округе порядок поддерживать будет? Охотников много, а вот умельцев в помине нет. Ребята мои, хоть честные парни, да только плохо еще обучены. Разбойники же, как старый граф ослаб и из замка показываться перестал, совсем обнаглели. Городку нашему да селам окрестным и так туго приходится, а как меня пинком под зад... одним словом, совсем невоготу будет. Вы как считаете нужным, так и решайте, господин хороший, да только я королевских денег не брал и ребята мои их не трогали, напраслина все это...

— Сядь, — вдруг спокойно, без крика и угрозы в голосе произнес королевский посланник. — Сядь и еще раз подробно, по порядку расскажи, что сегодня поутру приключилось, только не завирай и своих недотеп не выгораживай, я ложь за версту чую.

— Рассказать-то еще разок можно, да только я и вначале не врал, привычки такой не имею. — Ополоснув вспотевшее лицо холодной водой из бадьи, сотник отстегнул тяжелый пояс с ножнами, выложил на стол пару длинных кинжалов и, побренчав напоследок звеньями кольчуги, грузно опустился на противоположный конец скамьи. — Об этом годе в наших краях дожди сильные были, дороги шибко размыло, поэтому, когда господин Карсел в оговоренный срок за податью приехал, в управе лишь треть от положенного накопилось, остальное еще поселковые старосты не свезли. Четыре дня назад это было, нет, погодьте... — сотник зачесал лоб, вспоминая, когда точно прибыл в город сборщик налогов вместе с дюжиной зануд-помощников и полусотней конной стражи, — если сегодняшней день в учет брать, то пять дней назад.

— Брать, конечно, брать, мы все в учет брать будем, — многозначительно пробормотал королевский посланник, рассматривая комок грязи на носке своего сапога и зловеще теребя вставшие дыбом бакенбарды.

— Ждать господин Карсел не захотел, не того он полета птица, чтобы в нашей глуши лишних пару дней торчать, поэтому они с городским старостой так сговорились. Он дальше с охраной в Дукабес поехал, а здесь, то бишь у нас в Лютене, этого чурбана малохольного, Жавера, помощника своего младшего оставил. Тот деньгу от запоздавших принять должен был, пересчитать, а затем, под присмотром ребят моих в Дукабес и переправить. Побоялся господин Карсел своих стражей разделять, оно и понятно, денег-то при нем ведь сколько. Мы же у него по счету пятым или шестым городом были.

— Дальше, — проворчал рыжеволосый господин, явно недовольный низким темпом рассказа.

— Ну, вот и получилось, что в полном объеме подать лишь ко вчерашнему вечеру набрали. Мы со старостой дурака Жавера убеждать, что на ночь глядячи не дело ехать, до Дукабеса путь не близкий, верст тридцать или сорок с лихвой будет, а он, червь счетный, знай свое заладил, сроки да сроки, дескать, он господину Карселу обещался к сегодняшнему вечеру прибыть. Одним словом, уперся болван! Мы ему и про разбойников толковали, что в округе озорничают, и про вутеров, что с прошлой зимы объявились, а он ни в какую, уперся, и все тут. Устал я ныть его слушать, устал, — стукнул себя кулаком в грудь сотник. — Ввек себе не прощу, что позволил себя этому нытику уболтать. Снарядили отряд, ну и тронулись они, на ночь глядя: сундук с деньгой и хлюпик казначейский на подводе, а с ним отряд. Три десятка ребят дал, не самых лучших, но и не плохих. Я ведь, господин хороший, поймите правильно, городишко наш совсем без присмотра тоже оставить не могу. Как разбойнички прознают, что хотя бы половина бойцов из казармы ушли, сразу наведаются, а стены у нас хлипкие, сами видели, частоколом гнилым во многих местах латанные-перелатанные.

— Перевод добра, а не стены, — соглашаясь, кивнул вельможа. — Бабка деревенская от козлов изгородь и то лучше ставит.

— Ну, вот и все, — развел руками сотник, — а остальное вы уже слышали. Точно как солнце взошло, отряд и вернулся. Дранные все, взмыленные, без коня, телеги и денег, но с Жавером, чтоб ему сгинуть! Вутеры на них ночью напали, как раз возле плешивых топей, восьмерых задрали, сволочи, нет бы счетовода сожрать, так ведь нет, не тронули, потравиться, видать, побоялись.

— Что дальше?

— А что дальше? Жавер коня затребовал и троих всадников для охраны, чтобы в Дукабес за подмогой ехать. Там как раз, говорят, рыцари Ордена лагерем стоят, пушай с нечистой лесной и разбираются, их это дело, а мне бы город от набегов охранить. Я-то, признаться, удивлен, что вы у нас так быстро объявились, да еще один, без охраны.

— Солдаты мне ни к чему, дела важные лишних глаз боятся. А быстро, потому что мимо ехал. Новость услышал, решил уж заодно и к вам завернуть, — вельможа резко поднялся со скамьи и подошел к открытому настежь окну. — На будущее позволь совет дать. Мужик ты вроде толковый, так что правильно меня поймешь. Никогда, что бы ни случилось, не посылай за рыцарями Ордена. Ни к чему это, от них вреда обычно больше выходит, чем толку. Одного-двух паскудников лесных, быть может, случайно и поймают, но зато народа невинного тьма аж сколько покалечат да изведут.

— Делать-то нам что ж прикажете, господин хороший? — развел руками обескураженный сотник. — Бунт подавить или преступников половить, это понятно, это мы можем, а с тварями кровожадными, с силами тьмы как бороться?!

— А никак, их лучше всего стороной обходить, и проще, и здоровее!

Неожиданное крамольное заявление не просто обескуражило, а повергло в шок не привыкшего слышать подобные речи Марвета. Сотник поднялся, широко разинув рот, и удивленно заморгал глазищами. Не только обросшая седеющей бородой физиономия, но и вся его богатырская фигура как-то перекосилась и обмякла.

— Послушай, Марвет, ты хоть раз в жизни собственными глазами вутера видел? А дружинники твои? — тут же задал вто-

рой вопрос вельможа, едва получив в ответ на первый мотание головой. — Так почему же они решили, что это вутеры были, а не лесолаки, герши, оборотни, вампиры, скитальцы-мертвецы, двухголовые ящеры о трех хвостах и шестью лапах или кто-то еще, например, разбойники, нацепившие звериные маски?

Глаза Марвета продолжали испуганно таращиться на собеседника и часто-часто моргать. В голову сотника стало закрадываться смутное подозрение, что его хитро провели.

— Так что же делать-то теперь? — наконец-то прозвучал долгожданный вопрос.

— Что делать, что делать, — пробормотал рыжеволосый вельможа, почему-то печально улыбаясь и поигрывая в руке выложенным на стол кинжалом. — Это извечный вопрос, мой очень доверчивый сотник. Сколько не живут на свете, постоянно задают его и искренне надеются, что рядом с ними непременно найдется кто-то умный, кто сможет дать на него ответ, даже не ответ, а четкое, подробное предписание. Ладно, хватит мудрствовать! Мы с тобой так поступим. Утром пошлешь на топи отряд. Если на твоих людей нечисть напала, которая только по ночам из нор вылезает, то сундук с казной еще там. Деньги тварям лесным ни к чему, их только плоть людская интересует. Ну а если золотишко уже ушло, значит, ищи упырей и оборотней среди своих. Кто-то да точно с бандитами снюхался. Откуда они иначе узнали, когда конвой в Дукабес пойдет? Только один из твоих «честных» ребят их оповестить мог.

Вельможа положил на стол кинжал и, так и не дождавшись приезда того, кого усердно высматривал в окно, направился к выходу.

— Пойдите, господин, а вы куда, уже стемнело ведь на дворе? — рассеянно пробормотал сотник.

— Завтра приду. Чем поиски закончились, доложишь, — не оборачиваясь произнес порученец короля, но, уже переступив через порог, остановился. — Скажи-ка, Марвет, ты случайно не знаешь, есть ли в вашем захудалом городишке сносный кабак с девками?

— Возле помойки, «Петух и кочерыжка» называется, — после недолгого замешательства пробормотал покрасневший Марвет.

— Возле помойки, говоришь, хм, что ж, это даже очень символично, — рассмеялся вельможа. — Если что срочное, я там заночую.

Дверь за столичным щеголем звучно хлопнула. Сотник остался один на один с тяжкими раздумьями. Он никак не мог свыкнуться с предположением, что один из бойцов его отряда оказался гнусным изменником, а может, и не один...

Бывают сны дурные, бывают абсурдные, когда просыпаясь и не можешь понять, что к чему. Хуже них только кошмары, а страшнее кошмаров только бессонница, изматывающая и утомляющая. В ту суматошную ночь Марвету так и не удалось выспаться: сперва не смог заснуть, а потом не дали. Сначала он метался по своим покоям, все прокручивая и прокручивая в голове события двух последних дней и странный разговор со столичным вельможей. Потом, осознав острую необходимость успокоиться, сотник стал чистить оружие в надежде отвлечься от блуждавших в голове обрывков тревожных мыслей. Однако ставшая уже панацеей от нервных расстройств процедура заточки и полировки клинков на этот раз почему-то не помогла. Острая кромка меча уже резала на лету ткань, а предвестница наступающего сна, зевота, так и не появилась.

Бессонница командира тут же отразилась и на его солдатах. Марвет в ту ночь дважды обходил посты, надеясь нагнать на себя сон посредством грозных речей, низвергаемых на головы спящих на дежурстве караульных. Но нападение вутеров изменило привычный порядок вещей, тревожными предчувствиями проникся не только сотник, но и часовые. По крайней мере ни один из них не спал: ни у ворот казармы, ни на городских стенах. После обхода, так и не принесшего успокоения, Марвет немного прошелся по темным улочкам ночного города, и, наконец-то почувствовав слабые позывы ко сну, решил вернуться в казарму. Снимал кольчугу сотник уже засыпая, но его голове так и не довелось коснуться мягкой подушки. Постовые на башне у ворот ударили в набат, через миг звуку колокола вторил рев походных труб, и казарма превратилась из опочивальни во встревоженный муравейник. Ополченцы бе-

гали, кричали, ругались, натягивая на ходу доспехи и поспешно подбирая раскиданное в суматохе оружие. Никто не знал причины тревоги, но все предположили самое худшее — нападение вутеров, вошедших во вкус пожирания человеческой плоти.

Сотник одним из первых бойцов ополчения взобрался на городскую стену. Только когда он взглянул на бескрайний простор полей, простиравшийся за пределами города, от сердца ветерана отлегло, тревожные предчувствия, не оправдавшись, ушли, а их место заняла злость.

— Кто, кто из вас, балбесов, трезвонить вздумал?! — кричал на часовых Марвет, щедро раздавая тычки, зуботычины и затрещины. — Город весь перебудили, мерзавцы! Вон, вон, полюбуйтесь, тетери, ваших рук дело, вы натворили, деревенщины сиволапы!

Все девяносто два бойца ополчения уже заняли позиции на стенах, но к первому и единственному рубежу обороны все продолжал стекаться народ. Голые мужики с факелами, дубинами, топорами и кольями; бабы с коромыслами и ведрами воды, приготовленными на случай, если начнется обстрел огненными стрелами; малая ребятня и городская верхушка, желавшие поглазеть, что произошло.

С высоты крепостной стены перебуженный город был виден как на ладони. Дать отпор напавшему ночью врагу спешили все: и мал, и велик, люди обоих полов, всех возрастов и сословий. Исключение составляли лишь два-три десятка перепуганных приезжих, мечущихся в незнакомом лабиринте деревянных домов, изгородей, сараев, свалок и заросших диким лопухом огородов. Они были не способны самостоятельно, без помощи местных жителей найти спасительный выход из бесконечных тупиков и развилок.

— Марвет, ты того, не лютуй, остынь! Мы ж, как ты учил: чужаков заметили и в колокол дали! — визжал настигнутый сотником часовой, пытаясь прикрыть руками голову от сыпавшихся на нее ударов. — Ну, трухнули малость, не распознали, кто едет.

— Не распознали?! Я вам покажу, не распознали! — продолжал Марвет воспитывать кулаком паникеров, разозлив-

шийся не столько из-за их трусости и непроходимой глупости, сколько потому, что шишки со стороны возмущенной и перепуганной ложной тревогой городской общины посыпятся именно и только на его седую голову.

В окрестностях было светло как днем от света более сотни факелов. К городу медленно двигалась кавалькада вооруженных всадников. Хоть воины и были чужаками, но они не принадлежали ни к зловещим силам тьмы, ни к грозным разбойникам. Видимые издалика бело-голубые одеяния всадников и развевающиеся на ветру знамена нельзя было перепутать ни со шкурами оборотней, ни с драными кожанками вольных головорезов. Только одни воины носили эти цвета, только одни рыцари имели право изображать на своих щитах, куртках и стягах голубизну небесной выси с плывущими по ней белыми облаками — рыцари Ордена, воинство, посвятившее свои жизни борьбе против ночной скверны. Замухрышке-счетоводу, видимо, удалось нагнать на своего господина, королевского сборщика податей, такого страху, что Святая Братия прервала важные моления и, покинув свой походный лагерь, проделала трудный путь от Дукабеса до Лютена всего за несколько часов.

«Но как они смогли, как смогли приехать так скоро? Не слишком ли много в последнее время происходит случайностей и совпадений?» — подумал Марвет, отвлекшись от избиения провинившегося часового, который в свою очередь тут же воспользовался моментом и поспешил удрать.

Горожане не понимали, что происходит, и поэтому выражали свое недовольство возмущенными криками. Дюжина крепких ополченцев едва сдерживала рвущихся на стены мужиков, сонных и злых, не видящих оснований, почему им не дают подняться и принять участие в защите родного города. Еще больше шокировали толпу действия стрелков на башнях, опустивших луки, и привратников, ставших не укреплять ворота перед штурмом, а наоборот, отодвигать массивные запоры и вращать тугой, скрипучий механизм перекидного моста. Когда же по изумленному поголовью народных масс волной прокатилось зловещее слово «Орден», ряды добровольных защитников города стали быстро редеть. Первыми площадь покинули женщины, потом их примеру последовали и мужья. Через

несколько минут перед воротами остались лишь не имеющие права разойтись без приказа сотника ополченцы и толстенький староста в окружении членов городского совета.

Жители Лютена уважали и чтили благородных борцов за спасение праведных душ, но на всякий случай предпочитали держаться от них подальше. Слухи о подвигах рыцарей Небесного Ордена иногда докатывались и до таких удаленных местечек, как этот затерянный в глуши болот и лесов городок. Многие из них были вполне достоверными, в некоторые было трудно поверить, а о некоторых даже страшно подумать. Ни одна борьба, даже святая, не обходится без случайной крови, темных делишек и невинных жертв. Попасться под руку утомленным долгим переходом радетелям добродетели и сторонникам Света никому не хотелось.

Копыта закованных в доспехи коней гулко загрохотали по прогибающимся под тяжестью тел и стали доскам моста. Зазвенели упряжь, доспехи и оружие, наполняя сердца мирных жителей леденящим перезвоном. Отблески трепетавшего на ветру пламени множества факелов плясали в чарующем, демоническом танце на стальных кирасах, поножах и паундорах, слепили, завораживали разинувших рты ополченцев и представителей городского самоуправления. Даже принимавшему участие в войнах Марвету еще ни разу не доводилось видеть такого эффектного зрелища, таких добротных доспехов, такого множества красивых одежд и знамен, отороченных золотыми и голубоватыми позументами.

— Марвус, твой десяток на стену! Кобер, твои люди останутся у ворот. Остальные в город и искать его, искать, он не мог улизнуть! — выкрикивал приказы высокий рыцарь в украшенном перьями шлеме, гарцуя на вороном коне посреди площади.

Не успев въехать в город, всадники тут же помчались по улочкам, обыскивая каждый укромный закуток, бесцеремонно врываясь в каждый дом и сарай. Не смеющих перечить ополченцев выгнали со стены и оттеснили от распахнутых настежь городских ворот, которые перекрыли повозки обоза.

— Что здесь происходит?! Как вы смеее, на каком основании?! Я буду жаловаться герцогу! — визжал и забавно подпры-

гивал городской староста, едва успевая увертываться от проносящихся мимо коней.

Его более догадливые помощники укрылись в тени ближайшего дома и не думали оттуда высовываться, не то чтобы осмелиться перечить командиру рыцарского отряда.

— Брок, Дарв, уберите шута! — обратился рыцарь в шлеме с перьями к двоим всадникам из своей свиты.

Для выполнения приказа понадобился всего один всадник. Тот, кого звали Броком, подъехал к старосте, схватил его железной перчаткой за шкуру, немного приподняв над землей, поволок к луже на краю площади, в которую непременно почтенного и уважаемого городского главу опустил бы, если не вмешался бы сотник.

Небольшая, но увесистая палица просвистела в воздухе и вонзилась острым шипом прямо между стальных пластин, прикрывавших круп рыцарской лошади. Несчастное животное присело, потом взбесилось и, встав на дыбы, сбросила в хлюпающую под копытами жижу седока в блестящих доспехах.

— Не позволю, это мой город! — заорал Марвет, выхватывая меч и угрожающе скалясь рыцарям, кинувшимся на подмогу барахтающемуся в вязкой грязи товаришу. — Ребята, ко мне, плотнее строй!

Бойцы ополчения понимали, что им не тягаться с отборным рыцарством королевства, но не бросили в беде своего командира. Между казармами и воротами мгновенно выстроился ровный, ошетилившийся копытами прямоугольник. Просветы между большими деревянными щитами были настолько малы, что взявшиеся за арбалеты рыцари долго искали, но так и не смогли найти щели, чтобы выстрелить.

— Хватит, назад! — на удивление быстро утихомирил Наставник Ордена своих воспылавших праведным гневом солдат. — Эй ты, сотник, наверное, подожди!

Несмотря на тяжелые доспехи, рыцарь ловко выпрыгнул из седла и снял украшенный перьями шлем. Под броней и диковинным опереньем скрывалось волевое лицо сорокалетнего мужчины. Косой шрам, пересекающий широкий лоб справа налево, и короткая, аккуратно стриженная бородачка как нельзя

лучше сочетались с загорелым лицом, подчеркивая одновременно и ум, и мужественный характер высшего храмовника.

— Молодец, отменно увальней вышколил, да и сам не промах, сразу видно, хорошая школа! — произнес командира рыцарского отряда между прочим, даже не удостоив Марвета беглым взглядом, а полностью сосредоточившись на поправлении съехавшей набок подпруги. — Но, надеюсь, ты не намерен в глупые игры играть?!

— Это мой город, я никому не позволяю... — заикаясь, но все же произнес Марвет, которого трясло от злости и страха.

Он был всего лишь сотником маленького, убогого городишки, он понимал, с кем говорил и как мог поплатиться за послушание и дерзость.

— Некогда, мне очень некогда, поэтому, быть может, я и прошу твою дерзость, — всего на секунду рыцарь оторвал взгляд от подпруги и перевел его на сотника, у которого вдруг забежали мурашки под кольчугой. — Забирай своих людей, и пока мы в городе, не смейте высовываться из казармы, шутов балаганных тоже можешь прихватить! — Рыцарь хотел было кивнуть головой в сторону членов городского совета, но тех уже и след простыл. — В твоём городе завелась скверна, пора навести здесь порядок и наставить заблудшие души на путь истинный. Все, пошевеливайся!

Благородный рыцарь не собирался снисходить до утомительных объяснений, что это за скверна такая и как его вассалы собирались «искоренять» и «наставлять». Есть вещи, о которых не говорят, о них только догадываются. Предчувствуя нависшую над земляками беду, Марвет развернулся и нехотя отдал ополченцам приказ отступить в казарму. Его отряд не продержался бы против рыцарей и получаса, а если им и улыбнулась бы капризная богиня удачи, то через несколько дней под ветхими стенами мятежного Лютена собралась бы вся Невесная Братия. Их перебили бы, город сравняли бы с землей, а церковь навеки прокляла бы это место.

— Постой, — внезапно командир храмовников передумал, он жестом подозвал к себе сотника, и когда тот подошел, почему-то перешел на вкрадчивый шепот. — Поможешь нам, облегчишь своим землякам жизнь. Мы ищем опасного преступ-

ника, колдуна. Он выдает себя за королевского посланника по особым поручениям. Мы знаем, что он где-то здесь. Где он прячется, где отсиживается?

Марвет молчал, и не из-за сочувствия или симпатии к странному вельможе, а просто потому, что был поражен неожиданным вопросом.

— А как же вутеры на топях? — произнес сотник, удивленно моргая глазами.

— Потом, — однозначно отрезал рыцарь. — Вебалс из рода Озетов намного опасней. Где он? Рыжеволосый, бритые лоб и виски, короткая косичка на макушке, одет, как вельможа. Только не говори, что такого не видел, что он к вам не заезжал. Подумай о горожанах! Где он?!

— «Петух и кочерыжка», — ответил Марвет, указав рукой в направлении любимого всеми мужчинами округа логова пьянства и разврата.

— Соврал, живьем сожгу! — пригрозил рыцарь и, тут же вскочив на коня, погнал его галопом к трактиру.

В ту ночь рыцари Ордена так никого и не нашли, утром они покинули город. Ущерб был не очень велик: сгоревшие дотла трактир и пара соседних домов, на которые перекинулось пламя; разрушенный городской амбар вместе с кузней и всего семеро случайно затоптанных копытами лошадей. Могло быть и хуже, хотя, если бы за городскую стену прокрались вутеры, то больше четырех-пяти они не утащили бы и всяко не стали бы рушить строения.

.

Традиция отмечать наступление полночи двенадцатью ударами колокола в Лютене не прижилась. К чему тревожить сон горожан глупым, бессмысленным боем? Большинство же из тех, кто бодрствовал, никуда не спешили. Исключение составлял лишь Вебалс из рода Озетов, но он и так почувствовал скорое приближение зловещего, мистического часа, когда отодвигаются надгробные плиты, шевелятся могильные холмики и на холодный свет ночного светила выползает мерзкая нежить; выползает, чтобы охотиться, убивать и наслаждаться вкусом свежей, еще не успевшей остыть человеческой плоти.

Покинув казарму, мнимый королевский посланник направился в сторону городской свалки, но, не дойдя до лучшего и единственного притона в городе трех домов, свернул и направился строго на юго-восток. Он шел быстро, почти бежал, как-то умудряясь обходить в темноте колдобины на размытой дорожке, неглубокие, но частые лужи, разбросанные в беспорядке сучья, доски и ржавый инвентарь. Узкая улочка через сотню шагов сворачивала на юго-юго-запад, что не входило в планы известного чернокнижника, а летать он, вопреки всеобщему заблуждению, не умел, поэтому Вебалсу пришлось перепрыгнуть через довольно высокую изгородь и к великому недовольству парочки лающих собак потоптать хозяйские грядки. Потом были хлипкая крыша заброшенного сарая, в который он чуть ли не провалился, рискуя испортить хороший костюм; снова дорога, на этот раз заканчивающаяся тупиком; огромная лужа, претендующая на звание городского пруда, и множество укромных, поросших травой закутков, используемых жителями окрестных домов в качестве весенних, летних и осенних отхожих мест. Оценив по достоинству тягу горожан к «натурализму», колдун тем не менее не мог не отметить, что до столичного люда лютенцам было еще далеко: слишком нерационально использовалось кустовое пространство, слишком поспешно выбирались позиции.

Умудрившись миновать расставленные горожанами и их верным домашним скотом «ловушки», Вебалс наконец-то достиг крепостной стены. Хоть часовые на башнях и не спали, но их внимание было полностью поглощено то осмотру внешних рубежей, то наблюдением за местностью по ту сторону стены. Что же творилось внизу, за их спинами, ротозеев-ополченцев не волновало, а зря!

Вебалс обнаружил воровской лаз четыре часа назад, когда только попал в окрестности города. Маленькая, неприметная ямка, находившаяся на опушке подходившего к городу леса, располагалась приблизительно в ста двадцати — ста пятидесяти шагах от крепостной стены. Ветки ракитника и прочая, недавно срубленная зелень скрывали деревянную дверку, ведущую в узкий и смрадный подземный туннель, оканчивающийся точно такой же дверкой в кустах, но уже по ту сторону го-

родской стены. Судя по вышине и частоте произрастания скрывавших выход лопухов, потайным ходом пользовались не очень часто, только когда из Лютена нужно было незаметно вынести большую партию награбленного добра. Видимо, у разбойников где-то был по близости склад. Они накапливали товар, а потом выносили его за один заход, чтобы продать в Дукабесе, Ланке или любом другом из соседних городов.

«На месте простачка Марвета, я бы быстро вычислил лиходеев. Достаточно было бы проследить, кто надолго уезжает из города, притом без товара, а потом возвращается налегке, но при деньгах», — подумал колдун, с облегчением констатируя, что на суматошное место сотника ему не попасть никогда, даже при самом неблагоприятном развитии событий, а затем скрылся в темноте туннеля.

С факелом пробираться сквозь лаз было бы значительно проще, но Вебалс не хотел терять драгоценного времени на его поиски. Двигаясь почти на ощупь и различая лишь смутные контуры местами осыпавшегося коридора, колдун пару раз все-таки оступился, перепачкал штаны и разорвал на локте рукав дорогой атласной рубашки. Дорожные расходы с каждым днем возрастали, а кошель быстро пустел. С учетом того, что по пятам служителя темных сил шли неутомимые ищейки Ордена во главе с самим Жанором Меруном, одним из десяти Наставников Ордена и правой рукой самого Патриарха, положение становилось угрожающим.

«Если так и дальше пойдет, то скоро придется, как какой-то дочурке ремесленника, экономить на еде, чтобы покупать сносные вещи. В обносках я ходить не могу, коллеги не так поймут, да и делам это не способствует, — размышлял Вебалс, героически преодолевая последние шаги по подземелью. — Одежда вещь важная, по ней о человеке судят. Какой из меня секретный королевский порученец, если от рубахи за версту потом разит и дыра на штанах? Хотя, нет, дырка на локте, а на штанах...»

Закончить внутренний монолог и выяснить, что же у него там прилипло к штанине, приспешник темных сил не успел. Стоило ему лишь открыть дверцу подземного хода, как под кадык уперлось острое лезвие кривого кинжала.

— Ты только глянь, Фраб, какое чудо расфуфыренное к нам привалило, прям рыцарь! — противно захихикало нечто в мешке с прорезями для глаз, одетом на голову.

— Дурак ты, Кареев, рыцари они в доспехах латных ходят, а у этого даже меч какой-то несерьезный, тонкий уж больно, — ответил товарищу разбойник с тряпкой, наспех обмотанной вокруг головы, скрывавшей лицо и оставляющей видимыми лишь опухшие глаза, да перебитую переносицу с горбинкой. — Он, поди, графа нашего сродственник, али аж герцогу кем приходится. Вишь, одежка какая богатая, атлас да бархат. Такие в королевых войсках не служат, такие по балам танцуют да бабенок благородных щиплют, хотя с его рожей многих не на лапашь. Страшна уж больно...

— А вот лица попрошу не касаться, оно мне по наследству досталось, от папеньки с маменькой, — встряла в разговор жертва налета, почему-то не испытывавшая страха перед ночными грабителями.

Голос колдуна был спокоен и ровен. Пожалуй, даже при встрече с сотником он больше волновался, нежели теперь, когда лезвие кинжала давило на горло, а жизнь висела на волоске. Если бы рука налетчика непроизвольно дернулась, чему могло поспособствовать множество нелепых случайностей, например, неожиданный укус комара, то острая кромка стали легко вспорола бы тонкую кожу и гортань. Некоторые люди способны умело скрывать свои страхи при самых, казалось бы, угрожающих обстоятельствах. Их голос всегда ровен, слова рассудительны, а интонации плавны и певучи; они внешне невозмутимы, когда внутри все дрожит и клокочет. Однако Вебалс был не из их числа, он не притворялся, а действительно не боялся. Сердце колдуна отсчитывало ровно шестьдесят ударов в минуту и не собиралось ускорять свой бег.

— А ты что пасть раззявил, красавчик? Стаскивай портки живей да про куртежку не забудь! — пресек попытку завязать разговор Кареев и плотнее прижал кинжал к горлу чернокнижника.

Вебалс с облегчением отметил, что рука разбойника немного изменила угол, под которым лезвие врезалось в горло, и теперь комариный укус уже не мог привести к трагическим последствиям.

— Да зачем вам тряпки-то? Оружие возьмите, деньги, а штаны с сапогами оставьте, холодно ведь ночью-то, да и стыдно как-то в городе без всего появляться, — продолжила уговоры жертва, хотя не стала искушать судьбу и между делом медленно расстегивала застешки куртки.

— А что, нагишом-голышом даже смешнее будет! Будешь знать, барчук, как в чужие дела нос совать и по лазам чужим шастать! Шас морока, зато наперед наука, — рассмеялся разбойник по имени Фраб, отбирая меч и отвязывая от пояса уже не так туго, как несколько дней назад, набитый деньгами кошелек.

— Да что ж мне, портки обмочить что ли, чтоб вы их на мне оставили, супостаты?! — разыграл возмущение на грани истерики Вебалс, стараясь еще больше отстраниться от давящего на горло лезвия.

Необычное предложение обираемого рассмешило бандитов. Фраб омерзительно захихикал, а его напарник громко заржал, и сам отвел немного в сторону лезвие, чтобы ненароком в приступе неудержимого смеха не зарезать такого веселого «клиента».

— А что, это идея, давай, дуй! — махнул рукой Фраб, к радости колдуна прекратив пронзять воздух тонким, крысиным писком. — Если обдуреешься, то портки, так уж и быть, оставим.

— И сапоги в придачу, а-то вдруг и туда затечет! — продолжал развивать остроуту Кареев, дрыгая головой и брызгая слюной прямо в лицо жертвы.

— Не буду, — твердо заявил Вебалс, лицо которого вдруг стало каменным и необычайно серьезным. — Ваша беда в том, что вы слепы. Вы смотрите, но не видите ничего вокруг. Считаете себя охотниками, в то время как всего лишь слабые, беззащитные создания, чьи жизни рвутся, как паутинки, всего лишь от легкого дуновения. Не пройдет и минуты, как вещи снова станут моими, вы окажетесь мертвы, а я не пошевелю для этого даже пальцем.

Как только колдун начал проповедь, разбойники прекратили смех и, не моргая, уставились на «спятившего барчука»; уставились и не заметили, как сзади зашевелились кусты.

По воздуху пронеслось что-то длинное, блестящее, дурно пахнущее. Вебалс из рода Озетов резко сделал шаг назад, чтобы огромный гарбеш не задел его когтистой лапой в полете. Трехметровое чудовище прыгнуло на спины разбойников, мгновенно придавив их к земле массой своего тела. Колдуну так и не удалось взглянуть на лицо человека, обозвавшего его уродом. Покрытый сверху пахучей слизью ящер откусил голову Фраба и тут же проглотил ее, даже не удосужившись разжевать. Двигающееся конечностями тело второго разбойника шевелилось недолго, сильная лапа с четырьмя когтями разорвало его на две части, превратив в кровавое месиво из костей и плоти, на которое было страшно смотреть. В лицо Вебалса ударила мощная волна зловония. Хищный ящер грозно щерился, извергая на еще живого человека ядовитые пары своего плотоядного кишечника.

Колдун не собирался бежать, пытаясь скрыться от чудища за дверью лаза, которую тот разнес бы в щепу даже не заметив; не бросал в воздух магических заклинаний, которых, говоря по правде, и не знал; не рылся за поясом в поисках склянки с чудодейственным эликсиром; он просто неподвижно стоял и смотрел в глаза монстра из-под нахмуренных бровей, как будто надеясь, что лесной зверь испугается его грозного взгляда.

Внезапно-ласть ящера захлопнулась, гибкое тело прильнуло к земле, а в немигающих красно-желтых зрачках появился страх. Тварь зарычала и попятилась, вот-вот собираясь вывернуться восьмеркой и бежать прочь без оглядки.

— Куда собрался?! Напакостил, грязь развез, за собой убери! Да не этого хватай, не этого, а того, что в фарш превратил! — Ткнул пальцем колдун в бесформенную кучу дымящейся плоти, державшую несколько секунд назад кинжал возле его горла.

Гарбеш послушался, бросил безголовое тело и, схватив зубами великодушно оставленную ему добычу, скрылся в чаще.

— Обожаю такие случайности, — рассмеялся Вебалс, подбирая свой меч и вытаскивая из-за пазухи трупа окровавленный кошель, — главное, самому возиться не пришлось. Госпожа Удача резвится, что ж, мне нравится ее веселый настрой,

еще бы денегат немножко на новую одежонку подкинула, со-
всем бы хорошо было.

Колдун бесцеремонно оттащил за ногу труп и с сожалением посмотрел на то, что случилось с его одеждой. Атласная рубашка напололам, дорогая куртка так залита кровью, что одеть ее он уже не мог. Ночи в окрестностях Лютена стояли в ту пору холодные. Вебалс остался голым по пояс, а до плешивых топей, куда он направлялся, было добрых семь-восемь верст.

Глава 2

ПАДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Мини-лайнер представительского класса «В-17» быстро набрал высоту и уже через пару секунд оказался в слоях стратосферы этой затхлой, наводившей уныние и вызывающей лишь отвращение планеты. Подавляющему большинству граждан Галактического Союза ни разу за всю жизнь так и не довелось побывать на поверхности знаменитого индустриального гиганта Ванфера; их легкие не загрязняла искусственная атмосфера с многочисленными примесями вредных газов; кожа не зудела под лучами смертоносного солнца, уже давно расправившегося с последними остатками защитных радиационных барьеров; а взгляд не радовал вид многокилометровых, поднимавшихся ввысь на триста, четыреста и более этажей промышленных корпусов, где производилось все необходимое для человека и человечества, за исключением красивых пейзажей, чистого воздуха и хорошего настроения.

Когда-то на заводах Ванфера работали каторжники, потом, наконец-то признав и прочувствовав прописную истину: «Рабский труд не эффективен», Координационный Совет Союза заменил преступников машинами и несколькими сотнями инженеров-штрафников, призванных поддерживать бесперебойность полностью автоматизированных производственных процессов. Среди несчастных, вынужденных отравлять свои внутренности промышленными отходами, была другая, весьма немногочисленная категория лиц, к которой и принадлежал

единственный пассажир лайнера, не имеющего коммуникационных позывных и не приписанного ни к одному из многочисленных космопортов систем Союза.

Эти таинственные личности ненадолго прилетали на Ван-фер, чтобы посетить маленький офис, затерянный где-то в недрах полностью автоматизированных, многоуровневых цехов, и вновь улетали, получив новое ответственное задание за пределами входящих в Союз миров. Потом, через несколько недель, достоянием галактической общественности становились сухие сводки информационных бюллетеней и эпатажные заголовки электронных статей, повествующие о стихийных бедствиях, стерших с поверхности чужих планет целые города.

Черноволосый, коротко стриженный пассажир не крупного, но атлетического телосложения печально вздохнул и, бросив последний, прощальный взгляд на быстро удаляющийся шарик индустриальной планеты, извлек из бара бутылочку старого доброго коньяка, изготовленного лет так за двадцать, если не больше, до его рождения.

В трудной, полной смертельных опасностей работе планетарного диверсанта были все-таки некоторые положительные моменты. Он мог бесплатно пить изысканные напитки, путешествовать за казенный счет по всей галактике, любуясь экзотическими красотами, тратить деньги, не омрачая свой мозг расчетами, а также вербовать и убивать людей по собственному усмотрению, без соблюдения отягощающих жизнь формальностей. Однако, несмотря на весь набор головокружительных благ, называемых глупыми обывателями «абсолютной свободой», командир диверсионного отряда планетарной разведки, майор Палион Лачек был глубоко несчастен.

К обычной усталости и привычному осознанию своего одиночества, чрезвычайно быстро пришедшему на смену авантурной романтике, в этот день у майора прибавилось еще три повода, чтобы не слегка продегустировать божественный напиток, а просто в стельку напиться за время полета. Провал ответственной операции, гибель всего отряда и весьма неприятный разговор с редко покидающим кабинет начальником, считавшим аргумент «так сложились обстоятельства» всего лишь жалкой детской отговоркой.

Красавицы-бортпроводницы, как, впрочем, и человека-пилота в составе экипажа лайнера не было, так что Палиону никто не составил компанию, хотя, с другой стороны, никто и не мешал. Бездушный робот в кресле пилота уставился в приборную доску и не читал, как более ранние модели кибернетических навигаторов, душеспасительных лекций о негативных последствиях ввода в биологический организм избытка алкоголосодержащих жидкостей, иными словами о вреде обыкновенного пьянства.

Тепло руки согрело старинный напиток, разбудило в нем силы, которые затем поступили в организм, даруя потерянное было желание жить и бороться, преодолевать боль, обиду и горечь потерь. За иллюминатором чернело холодное бескрайнее пространство, усыпанное маленькими точечками ярких, но не греющих душу звезд. Глаза бывшего майора закрылись, и пару часов назад отправленному со скандалом в отставку офицеру впервые за последние три дня удалось крепко заснуть. Его больше не посещали кошмары, разум вновь был чист, как лист белоснежной бумаги, а душу не терзали сомнения, младшие, но не менее настырные братья мук совести.

Патруль полиции медленно продвигался по переполненному пешеходному коридору ЕС 937, ведущему от узла АК 426 внутренней транспортной магистрали к городскому сектору МБ 688 или, говоря проще, к главной рыночной площади. Финеряне всегда отличались неумением планировать с перспективой. Вместо того чтобы создать искусственную атмосферу и приспособить к жизни эту планету еще лет триста назад, то есть когда только началось ее освоение, четырехпалые большоголовые гуманоиды увлеченно принялись рыть землю и терзать взрывами горный монолит, создавая многоуровневый, наполовину подземный — наполовину вмонтированный в скалы город, защищенный от воздействия непригодной для жизни внешней среды сложными герметичными конструкциями и витражами толстых разноцветных пуленепробиваемых стекол.

При проектировании перспектива роста и увеличение стратегической значимости колонии были явно недооценены, теперь же обитателям и многочисленным приезжим приходи-

лось расплачиваться за легкомыслие давно ушедшего в мир иной архитектора. Несмотря на непрерывность строительных работ и ежегодное открытие все новых и новых секторов, город продолжал задыхаться в искусственной скорлупе, в то время как приблизительно восемьдесят шесть процентов поверхности планеты до сих пор оставались неосвоенными.

Даже коренные жители финерянской Лареки не выходили из дома без маленьких планшетов-карт, обычно крепившихся на левой руке ближе к локтю. В сложившейся ситуации городские власти делали, что могли, то есть регулярно закрывали на ремонт самые оживленные участки магистралей да через каждые четверть часа обновляли на индивидуальных картах жителей информацию об интенсивности транспортно-пешеходных потоков, внося тем самым в напряженную жизнь перенаселенного города еще больше сумятицы и беспорядка.

Вот и сейчас четверо в формах представителей власти стали жертвами плохой организации коллективного быта огромного мегаполиса. Пять минут назад, когда патруль еще не погрузился в толпу, а находился на магистральной развязке, коридор ЕС 937 отмечался на карте зеленым цветом, а рядом с ним виднелась цифра «23». Всего двадцать три процента от расчетной пропускной способности, наиболее благоприятный путь передвижения. Теперь же, когда служителям порядка приходилось работать локтями, прокладывая себе дорогу в толпе людей, финерян, ганопьеров и представителей прочих разумных рас, сомнений не возникало: при следующем обновлении карты, коридор будет отмечаться не просто красным, а багровым цветом; показатель же заполняемости наверняка приблизится к критической отметке в двести процентов. Двукратное переполнение коридора грозило не только пробкой, которая вряд ли рассосется за час, но и катастрофической нехваткой воздуха; и тогда маленький отряд мог лишиться своего командира, единственного человека, существа уязвимого и неспособного поддерживать хотя бы на минимальном уровне жизнедеятельность своего прихотливого организма в условиях низкой концентрации кислорода в воздухе.

Страдая в галдящей, давящей, пихающейся локтями и другими частями тел толпе, источающей резкие ароматы пота и

прочих зловоний представителей как минимум семи разумных видов, Палион почувствовал, что теряет сознание и, пытаясь хоть как-то облегчить свою участь, откинул назад стеклянное забрало шлема. Лицо майора покраснелось, как панцирь рака, со лба потоками стекала влага; духота и жар разгоряченных тел сводили с ума человека и вот-вот могли толкнуть кадрового офицера на грубое нарушение инструкций. Раз уж они избрали для отступления сложный отходной маневр да еще с переодеванием в форму «отстраненных с дежурства» полицейских, то нужно было строго придерживаться избранной легенды и во что бы то ни стало удержаться от нарушений общественного порядка до самого космопорта, где их должен был поджидать эвакуационный корабль. Только так у остатка отряда был хоть какой-то шанс выбраться целыми из адской перделки.

Получив задание уничтожить ремонтный завод военнотранспортных средств, расположенный на этой планете, Лачек даже не мог предположить, что дело окажется настолько серьезным, и миссия будет обречена на провал еще задолго до высадки на Лареке. Хотя формально объект диверсии и принадлежал Финеряно-Галканской Коалиции, одному из потенциальных противников Галактического Союза, но стратегической значимости не представлял. Несколько небольших цехов по ремонту оснащенных плазмоганами флайеров и транспортников относились к вспомогательным производственным площадям и не могли сыграть решающей роли в надвигающейся войне. Их значимость была настолько ничтожна, что расточительно было бы даже тратить топливо для переброски на планету диверсионного отряда, если бы не тот факт, что данный ремонтный завод был одним из немногих мест, где проходила последние испытания новая, полностью автоматизированная система безопасности. Отряд Лачека должен был обмануть чувствительные сигнальные сенсоры, захватить главный системный блок чуда вражеской техники и доставить его, целым и невредимым, на ближайшую научную базу Союза.

Цель миссии была предельно ясна, категория сложности составляла всего лишь три балла, в то время как солдатам отряда были под силу и куда более трудные задания. Однако командование допустило ошибку, поверив дезинформации, под-

брошенной разведкой противника. Их ждали, отряд был окружен еще на подступах к объекту, и из-под шквального огня удалось выбраться всего четверым бойцам: самому командиру и трем роботам класса «Д», внешне настолько похожим на людей, что их в шутку называли «человекообразными».

Первым потерю сознания командиром заметил Карл, высокий молчаливый робот устаревшей модели «Д8». Его рука успела вовремя схватить Палиона за ворот форменной куртки и удержать от падения на потную волосатую спину устало бредущего впереди малорикианца. Неизвестно, как среагировал бы раздраженный толчеею гибрид гориллы и попугая на такой неординарный знак внимания со стороны полиции. Наверное, взбесился бы, расценив его как посягательство на личную неприкосновенность, и разорвал бы тело несчастного майора огромными лапищами напополам, естественно, не забыв при этом нанести традиционный контрольный удар клювом по голове обидчика. Крепкий шлем не спас бы голову Палиона. Говорят, когда-то древние малорикианцы выдалбливали костными наростами на носах усыпальницы и целые храмы в скальных монолитах. Конечно, у современных пернато-приматных носы были не такими острыми и натренированными, как у их диких предков, но стальная каска на голове человека разлетелась бы под первым же ударом, как проржавевшая жестянка.

Едва успев избежать конфликта, Карл крепко уцепился левой рукой за плечо командира, а его правая, к удивлению идущих немного позади Кастора и Кэтрин, вдруг подняла высоко над головой импульсную винтовку. Разорвавшая какофонию ругани, криканий, чертыханий, топота, шарканья ног и прочих произвольных звуков очередь повергла толпу в состояние паники и упорядочила хаотичные, разнотональные звуки, приведя их к единому и вполне уместному эквиваленту — многоголосому испуганному крику, сопровождаемому быстрым топотом ног. Те, кто был впереди, давя друг друга, понеслись к площади; задние — развернулись и поспешно ретировались к магистральному узлу, сбивая с ног зазевавшихся и глуховатых. Настенные камеры наблюдения быстро закрутились на шарнирах и все как одна остановили свои темно-фиолетовые объективы на возмутителях спокойствия в формах патрульных.

Через миг завывала сирена; кто-то, сидевший далеко-далеко в комнате наблюдения полицейского управления, предложил преступникам сдаться и не усугублять свое и без того незавидное положение.

Карл подхватил падающее тело командира, легко закинул его на плечо и поспешил вслед за толпой в направлении рынка. Более совершенные модели «Д16» быстро переглянулись и, обменявшись мысленными проклятиями в адрес неадекватно ведущей себя «рухляди», побежали следом. Импульсные винтовки были переведены в боевое положение. Незатейливый маскарад был испорчен, когда до спасительного трапа космического корабля оставалось чуть больше тридцати семи минут неспешной ходьбы.

«Жалко мне Карла, на остальных наплевать, а вот старичка жаль!» — пришла в голову отставному майору мысль сразу по пробуждению.

Несмотря на пятнадцатилетнюю службу в организации, негласным девизом которой было тройное «В»: «Вынюхивать, выпытывать, взрывать!», Палион только внешне казался жестоким, хладнокровным и беспринципным мерзавцем. Это была маска, которую он всегда нехотя надевал, направляясь на randevu к начальству или воспитывая не в меру ретивых новобранцев, тот недисциплинированный кровожадный сброд, который ему, как отбросы по мусоропроводу, регулярно поступал из обычных воинских подразделений.

Раньше все было по-другому, все было иначе. Попасть в разведывательно-диверсионные отряды было сложно, почти невозможно. Перед кабинетом шефа разведки выстраивались длинные очереди «лучших из лучших» закаленных в боях солдат, у каждого из которых вся грудь была в боевых орденах, а лица — в уродливых шрамах. Но потом статус престижной организации изменился, упал в одночасье до нулевой отметки, и виноваты в этом были уважаемые «мальчики и девочки» в дорогих костюмах, как захватившие власть в армии, так и оккупировавшие начальственные кресла на научных базах. Интеллектуализация — вот название той проклятой реформы, перевернувшей, перетряхнувшей и вывернувшей

шей наизнанку все общество, которое Лачек раньше любил и защищал, а теперь которому ему было даже противно платить налоги. Привычный мир перевернулся, встал на уши и отчаянно задрыгал ногами в воздухе, пытаясь ступнями вкрутить в плафон лампочку. Стратегически мыслящие мальчики и девочки, сидя по уютным кабинетам, реализовывали свои бредовые идеи, а он, признанный герой-лазутчик, опытный практик диверсионных работ, должен был с выражением счастья на лице расхлебывать то тошнотворное варево, которое они сотворили по смехотворному, оторванному от реалий жизни рецепту, называемому «Глобальная Концепция Технологического Переоснащения».

Карл был единственной моделью «Д8», еще не отправленной на слом согласно грандиозным планам реструктуризации и переоснащения разведки. Вот уже который год Палион стоял за него горой и выдерживал мощный прессинг как высших воинских чинов, так и тыловиков-снабженцев, отказывающихся по негласному распоряжению штаба выдавать для «Д8» запчасти. Дело было не в личной привязанности майора к роботу. Карл был всего лишь машиной, не способной ни мыслить вне узких рамок программы, ни испытывать эмоций, но зато его конструкция обладала целым рядом значимых в бою преимуществ и открыто шла в разрез с новомодными «концепциями», «теориями» и «стратегическими направлениями».

Несмотря на многочисленные модификации, различия между боевыми характеристиками моделей «Д8» и «Д16» были минимальными. В последние десятилетия ученые в основном работали над совершенствованием программ, определяющих поведение роботов во время боевых операций и нестандартных ситуаций. Цель морально устаревшего Карла состояла прежде всего в защите личного состава отряда, а также в выполнении особо тяжелых и опасных видов работ: переноска тяжестей, огневое прикрытие отступающего отряда, закладка и обезвреживание мин. Новая же команда проектировщиков киборг-сознания ставила во главу угла иные приоритеты. Ученые хотели полностью заменить солдат боевыми машинами, поэтому учили роботов самостоятельно мыслить и принимать решения с учетом иррациональной составляющей.

Пока что проекты кабинетных снобов и их очкастых подручных в белых халатах проваливались один за другим. В разработке находилась уже девятая модель роботов нового поколения, то есть «Д17», но ни один из экспериментальных, состоящих только из роботов диверсионных отрядов так и не вернулся с заданий сложнее второй категории.

Кулуарная возня вокруг роботов-диверсантов продолжалась уже который год. Одни, сидя в креслах, пытались воплотить в жизнь свои бредовые идеи и упорно оттягивали момент закрытия неудачного проекта, другие не менее целеустремленно изобретали все новые и новые извилины искусственного интеллекта, а мучиться за всех приходилось простым командирам. До этого задания в отряде майора Лачека было девять выгнанных из десантных частей головорезов, двенадцать моделей от «Д9» до «Д16» и лишь один, чудом избежавший переплавки Карл. Каждый раз, борясь за ремонт «ветерана», Палион чувствовал, что защищает прежде всего себя. Интуиция подсказывала майору, что однажды наступит день, когда морально устаревшая «железяка» с отработанной смазкой и изношенными деталями спасет ему жизнь.

— Твои неадекватные действия привели к ухудшению нашего положения. Маскировка нарушена, нас ищут и скоро найдут, — голос Кэтрин был холоден и беспристрастен, как у выносящего смертный приговор судьи или как у бортового компьютера, вежливо напоминающего, что до взрыва реактора корабля остается всего несколько секунд.

В пропахшем остатками еды сарае было темно, но Карл, застывший на коленях перед бессознательным телом командира, все же увидел, как рука робота, точно копирующего очертания красивой девушки, направила импульсную винтовку в его сторону.

— Я спасал жизнь человека, нашего командира, — произнес робот, не прерывая дыхательных движений, которыми он пытался привести в чувство Палиона. — Нехватка кислорода в коридоре чуть не привела к остановке жизненных циклов. Ускорить же темп передвижения толпы другим способом не представлялось возможным, я просчитал все варианты. Если бы я

промедлил, то в мозг перестал бы поступать кислород, а это верная смерть для человека.

Карл не оправдывался, не пытался вымолить пощаду, он просто объяснял свои действия. Вид наведенного на его голову дула не вызывал никаких эмоций. Директива самосохранения у «Д8» была настолько слаба, что все еще существующему образцу этой модели было почти безразлично: нажмет ли Кэтрин на курок или чуть позже кто-то из биологических поко-вырется в его схемах отверткой.

«Смерть — окончание рабочего процесса. У кого-то смена длиннее, у кого-то — короче. Неважно, как долго ты трудишься и сколько ты успел сделать. Главное, чтобы во время самой работы к тебе не было претензий и нареканий». Тому, кто сумел заложить это правило в киборг-сознание, нужно было при жизни поставить памятник, а не отстранять его от работы, обвинив в грубом нарушении этических норм и в злоумышленном целенаправленном издевательстве над искусственным интеллектом.

В программе «Д8» сохранился этот параметр, его никак было не искоренить, а вот зато последующие модели были спроектированы уже без него, поэтому не только не жертвовали собой ради биологических боевых единиц, но и часто осмеливались ставить под сомнения указы человека-командира. Перед отправкой на задание каждому офицеру и сержанту выдавалась толстая инструкция — список блокирующих команд на случай сбоя программ и отказа роботов подчиняться их приказам.

— Не стоит, привлечешь внимание врагов. — Кастор, второй робот модели «Д16», властно положил на винтовку ладонь. — Ты же знаешь, примитивный интеллект «Д8» плохо просчитывает нестандартные ситуации. Он предан человеку как глупый цепной пес и не способен правильно расставить стратегические приоритеты. Он спасал жизнь Палиона, но не смог просчитать, что тем самым губил нас всех, в том числе и спасенного от удушья майора. Нас вот-вот найдут и уничтожат, так зачем возиться с недостойным внимания существом, зачем облегчать врагу нашу поимку? Они же не глухие, они услышат выстрел, а глушителя под рукой нет.

Видимо, согласившись с аргументом, Кэтрин кивнула, опустила винтовку и припала к щели сарая, в котором беглецы прятались от рыскающих по опустевшему рынку патрулей. Кастор окинул презрительным взглядом продолжавшего заботливо хлопотать над телом командира Карла и присоединился к осмотру заполненной полицией и войсками местности. Когда Палион очнулся от обморока и, в знак благодарности хлопнув по плечу молчаливого спасителя, поднялся на ноги, ни один из «Д16» не повернул даже головы в его сторону. Роботы перешептывались между собой, обменивались мнениями по просчитываемым на ходу вариантам спасения и обращали на пришедшего в себя командира не больше внимания, чем на мусор, давимый грязными сапогами.

— Диспозиция поганая, мы окружены, нужно прорываться с боем, другого выхода нет! — огласил свое решение майор, всего на миг припав к щели между досками сарая. — Кэтрин, Кастор, вы пойдете вон по той улочке, огонь на поражение, но заряды экономьте, старайтесь держаться ближе к стенам домов! Мы с Карлом...

Договорить Палион не успел, сзади послышались щелчки пары взводимых затворов.

— Вы отстранены от командования, майор, — прозвучал монотонный, без тени злорадства или иных страстей голос Кастора. — Ваше руководство было бездарно, вы завели отряд в ловушку, а теперь еще и пытаетесь выжить за счет других. Вы только что очнулись от серьезного повреждения дыхательных путей, которое с вероятностью в девяносто три с половиной процентов могло сказаться на ваших мыслительных способностях. В сложившихся обстоятельствах принимаю командование на себя. Сдайте оружие Кэтрин, майор, и не делайте глупостей, все равно не успеете!

Сбои в программах случались у роботов часто. На практике Лачека уже бывали случаи, когда забарахлившие машины пытались взять верх над людьми, выстраивая стройную, по их мнению, логическую цепочку, обосновывающую их действия. В общем, работа бок о бок с роботами уже давно напоминала Палиону общение с душевнобольными. Вот пациент психиат-

рической клиники приветливо улыбается и, дружелюбно щурясь, рассказывает доктору забавные небылицы. Однако стоит эскулапу лишь на миг отвернуться, как тихоня вскакивает, выхватывает припрятанную в кармане вилку и наносит меткий удар по горлу. Затем больной снова умильно улыбается, складывает окровавленные ручки на коленях и застенчиво щебечет, убеждая ворвавшихся в палату санитаров, что это не он прирезал доктора, что медперсонал разыграли абстрактно-астральные ОНИ, имеющие обыкновение вселяться в тела невинных поборников Добра и творить всякие мерзкие пакости, дискредитируя тем самым светлую сторону мироздания.

Как раз на такие случаи и были предусмотрены блокирующие команды. Теоретически майору было бы достаточно сказать всего несколько коротких слов, и роботы вернулись бы в подчинение, бунт был бы прекращен без крайне нежелательных при данных обстоятельствах возни и выстрелов. Однако человек медлил, как можно дольше снимая винтовку с плеча и неся какую-то несвязную ахинею о долге перед командованием и обществом в целом. Интуиция подсказывала майору, что конфликт все-таки придется разрешать силой, а не при помощи волшебных слов. Кастор обвинил его в измене, низком уровне профессионализма и трусости, к тому же взяв на себя полномочия военврача, посчитал физическое состояние человека непригодным для принятия ответственных решений. Зон логических конфликта было четыре, значит, усмирить роботов можно было четырьмя отдельными кодами, полный список которых Лачек уже давно заучил наизусть, как монах одну из самых главных молитв. Слова были короткими, произнести их можно было на одном дыхании, но чем больше императивных команд, тем сложнее их восприятие, тем более непредсказуемы последствия и реальнее шансы куда более серьезно сбой.

Мозг робота немногим проще, чем мозг человека; одни и те же участки отвечают за разные функции, они быстро складываются то в одни, то в другие цепочки, проводя нужный сигнал. Перегрузки в процессе обработки информации могли привести к тому, что какие-то из схем могли перегореть, какие-то, наоборот, инициировать нежелательные действия.

Кастор с Кэтрин могли подчиниться, могли окончательно выйти из строя, могли бы начать крушить все подряд, но нельзя было исключать и самого ужасного варианта развития событий...

Источником питания каждого механического организма был крошечный расщепитель материи. Даже если робота разрывал на куски артиллерийский снаряд, то опасное вещество в крепкой капсуле оставалось нейтральным. Когда же робот сходит с ума, неизвестно, какую последовательность команд сложит его бьющийся в агонии мозг. В планы майора не входило умирать, как, впрочем, и взрывать половину планеты.

— Держи! — громкий выкрик сопровождался резким броском.

Винтовка командира уже почти достигла пола, как вдруг резко взмыла вверх и ударилась о грудь Кэтрин. Грянул взрыв, с девушки-робота мгновенно сорвало полицейскую форму и куски обгоревшей искусственной плоти. В темноте сарая заблестели хромированные части скелета и зеркально-гладкий овал стального черепа. Не вмешивающийся до этого момента в конфликт между братьями-роботами и человеком Карл на самом деле не был нейтральной стороной. Он ждал лишь сигнала, а получив его, тут же пришел на помощь майору.

Оружие Кастора успело сделать лишь три жалких выстрела, не сумевших достичь цели. Оттолкнувшись четырьмя конечностями от пола, Карл, как торпеда, врезался левым плечом в грудь стрелявшего и повалил его на пол. Пару секунд на грязном полу сарая барахталось невиданное создание: то ли восьмилапый краб, проглотивший большую креветку, то ли двухголовый паук, запутавшийся в собственных лапах. Потом чудовище затихло, Карл придавил лежащего лицом вниз противника весом своего тела и крепко прижал его конечности. Система внутренних запретов не позволяла «Д8» уничтожать дружественных роботов, в то время как в сознании Кастора подобная директива явно отсутствовала или существовала в весьма упрощенном варианте, например, когда все модели ниже определенного класса считаются чем-то вроде балласта или полезного мусора, от которого при определенных обстоятельствах просто необходимо избавиться.

Не в силах вырваться из крепкого захвата, Кастор неустанно крутил головой, а вылезшее из его черепной коробки стальное сверло угрожающе жужжало и старалось вонзиться в правый визор Карла, искусно скрытый под камуфляжем глазного яблока.

К несчастью, Палион не смог сразу прийти на помощь своему соратнику. Стальной скелет на женских ногах вырвал из задней железобетонной стены сарая обломок проржавевшей арматуры и набросился на майора, орудя ржавой трубой так же умело, как древний воин размахивал костяной булавой. Палион отступал, увертываясь и прячась от быстрых и мощных ударов за горами свалывшегося мусора. Парировать атаки было нечем, к тому же он явно уступал псевдо-девушке и в силе, и в скорости. Киборг-революция непременно увенчалась бы успехом, даже несмотря на поддержку «правлящего двора» ренегатом Карлом, но в тот миг, когда «обнаженная» Кэтрин уже собиралась вогнать острый край арматуры в беззащитную, мягкую грудь поскользнувшегося Палиона, дверь сарая с треском слетела с петель, и на залитом светом пороге появился грозный силуэт финерянского воителя.

Четырехпалая рука великана нажала несколько раз на курок, и рядом с головой майора упал кусок арматуры с обломком кисти, затем на грудь человека посыпались горячие обломки. Нижняя часть Кэтрин так и продолжала стоять на широко расставленных ногах, а вот выше пояса у девушки уже ничего не было, кроме оплавленного обрубка позвоночника. Финерянский солдат развернул оружие на тридцать градусов и выстрелил трижды в угол сарая, где Карл все еще удерживал Кастора. Шумы затихли, внезапно запахло раскаленным металлом, паленой киборг-тканью и еле тлеющей, сырой древесиной.

— Ну что там? Помощь нужна? — послышался откуда-то снаружи грубый бас второго солдата, видимо, малорикианца.

— Ага, осколки подобрать, — хмыкнул солдат и, закинув оружие на плечо, пошел на встречу своему товарищу. — Людишки опять куколок прислали. Мы свое дело сделали, а ошметки пускай мусорщики подбирают или ищейки из «Дурбон-Дая», если им заняться больше нечем.

Солдаты ушли, вскоре затихли сирены, и рыночная площадь стала постепенно заполняться мирными звуками: неспешные шаги, шумы собираемых товаров и осколков стекла, гомон голосов и, конечно же, недовольное ворчание торговцев, пытавшихся сообща определить крайнего, кто им должен был оплатить все убытки. Виновными, как всегда, оказались городские власти, но почему-то именно к ним с рекламациями никто обращаться и не хотел.

Майору Лачеку пришлось в тот вечер выслушать много жалоб и стонов. Он пролежал в зловонном сарае около трех часов, а когда выбрался и закоулками добрался до космопорта, то еще долго не мог избавиться от страшной головной боли, вызванной едкими запахами окислившихся и оплавившихся химических суррогатов.

Майор провел в полете более пяти часов. Скоро лайнер уже должен был прибыть на орбитальную станцию, а бутылка коньяка была выпита всего на одну треть. Напиться не удалось, в одурманенной быстрой сменой событий голове гнездились стайки воспоминаний и мешали отдаться упоительному процессу безудержного поглощения упоительного алкоголя. Любимый сорт сигарет так же не лез в рот, несмотря на то что майор прекрасно отдавал себе отчет, вновь закурить хоть какой-то табак ему придется еще очень не скоро. Там, куда он летел, не было этой вредной привычки, там вообще ничего не было, кроме грязи, вечных дождей, убогих халуп и серого, затянутого грозowymi тучами неба над головой; неба, в котором нельзя было узреть даже тени надежды на скорое возвращение.

Скорее из принципа, нежели ради удовлетворения желаний, Палион залпом опрокинул в рот налитую до краев рюмку коньяка и всунул в мягкую, податливую щель между губами фильтр сигареты. Глаза его закрылись при первой же затяжке, он снова мысленно погрузился в тот нереальный, произошедший как будто не с ним кошмар, который начался сразу по его возвращении с проваленного задания.

Ванфер встретил его, как обычно, угрюмым пейзажем заводских корпусов и протяжным гудением выбрасывающих в серое небо облака газообразных отходов труб. Посадка и сты-

ковка корабля прошли нормально, а вот потом начались очень смешные странности. Пилоты, а эвакуационными кораблями управляли исключительно люди, неожиданно изменились в лице и суетливо забегали, стараясь не шуметь и не раздражать своими перемещениями единственного и хорошо знакомого им пассажира. Потом «крылатая братия» внезапно пропала, видимо, по рассеянности заперев Лачека в корабле и по чистой случайности заблокировав двигатели. Сколько не кричал Палион в переговорное устройство, сколько не стучал кулаком в толстый борт корабля, а ответом ему были лишь гробовое молчание снаружи да громкий треск совершенно пустого эфира. Потом люк открылся, возле трапа майора ожидал вооруженный и, пожалуй, чересчур многочисленный конвой.

Свежевыбритый капитан в отутюженной форме зачитал неприятный приказ, обвинявший командира отряда РДЦЛ16 почти во всех смертных грехах, включая измену присяге, убийство и умышленный саботаж стратегически важных научных программ Галактического Союза. Палион не пытался понять и вникнуть в смысл запутанных, обтекаемых формулировок, не старался запомнить весь перечень оглашаемых статей, пунктов и подпунктов, он просто стоял, молча смотрел, как попеременно двигались лоснящиеся щеки холеного капитана, и мысленно представлял, как медленно, с оттягом режет ножом жирное горло штабиста.

Мысленная маньяко-терапия, как всегда, помогла офицеру удержаться от необдуманных, импульсивных действий. Лачек стоически дослушал приговор до конца, сдал оружие и добровольно вытянул вперед руки, на кистях которых солдаты поспешно захлопнули тугие наручники.

Произошедшее не было для майора полнейшей неожиданностью. Еще во время полета он просчитал вероятность своего ареста. Она оказалась довольно высокой, около сорока пяти процентов. Но сейчас офицер был поражен наигранной помпезностью происходящего. Тот, кто устроил эту «торжественную» встречу, явно переборщил с театральными эффектами. Усиленный конвой, наручники, бронированный транспорт для поездки на сверхдальнее расстояние в сто пятьдесят метров и прочие атрибуты процедуры задержания опасного преступни-

ка были совершенно излишними, и поэтому казались гротескно-смешными. Арестанту хотелось во все горло крикнуть: «Дурачье, да чего вы стараетесь?! Я не собираюсь бежать!», но боязнь, что в его пересохший рот засунут еще и грязный кляп, заставила Лачека удержаться от публичной декларации своих миролюбивых намерений.

Всего полчаса ходьбы по кабинетам, и вместо погон с орденными остался дырявый мундир. Теперь уже арестант был полноценным никем: не офицером, не орденноносцем, не героем — образцом для подражания. Оставалось лишь узнать, на сколько пожизненных сроков его сошлют по совокупности многочисленных статей да параграфов и не окажет ли ему командование в свете прежних заслуг одолжение, милостиво позволив засунуть в рот дуло табельного оружия и самому, без посторонней помощи нажать на курок. В действительности, его умерщвление было выгодно всем: он бы не гнил на каторге в каком-нибудь засекреченном подземном комплексе, а высокие чины спали бы спокойно, на сто процентов уверенные, что тайны некоторых сомнительных операций окончательно похоронены в могильнике казенного архива.

Первый проблеск надежды сверкнул, когда солдаты повели его к кабинету генерала, а не в штрафной изолятор, где он должен был протомиться несколько дней перед пересылкой. Видимо, шефу разведки лично захотелось прочесть проповедь «падшему ангелу» и усугубить заочно вынесенный приговор длинной обличительной речью.

«Ну что ж, каждый развлекается по-своему. Должно же быть у генерала какое-то подобие отдыха. Сам на провальное задание послал, сам козлом отпущения сделал, а теперь и сам же корить меня примется. Ладно, послушаю его болтовню напоследок, всяко лучше, чем в камере сидеть да потолок оплевывать», — успокаивал себя подобными размышлениями бывший майор, нестерпимо долго, в течение нескольких часов, ожидая того момента, когда двери кабинета откроются, и седеющий адъютант наконец-то прикажет ввести арестованного.

Судьбе показалось мало обречь майора на публичное унижение, она продолжала подбрасывать бывшему офицеру раз-

ведки все новые и новые сюрпризы. Генерал Анжорвер, шеф планетарной разведки, быстро вышел из своего кабинета и, даже не удостоив бывшего любимца мимолетным взглядом, поспешно удалился в неизвестном направлении. Конвоиров же этот факт почему-то ничуть не смутил, они почти силой впихнули обомлевшего Лачека в генеральский кабинет и хлопнули за ним дверь.

Апартаменты шефа разведки были погружены в темноту. Длинный стол, за которым генерал обычно устраивал долгие совещания, был пуст и идеально чист. Величественное, похожее на трон средневекового короля кресло босса тоже пустовало. Единственно светлым пятчком в царстве грозного полумрака был маленький закуток перед искусно сделанной имитацией открытого камина. На лежаке возле мнимого огня что-то завозилось и закашляло. Палион напряг зрение и, наконец-то разглядев очертания ворочающегося и ерзающего человечка, удивленно присвистнул. Перед ним лежал на боку низенький, толстенький старичок в домашнем халате и шлепанцах на босу ногу. Голова странного мужичка была кругла, как бильярдный шар, густые седые брови плавно переходили в морщинистый лоб, который, в свою очередь, постепенно разглаживался в огромную лысину. Глазки, носик и подбородок вместе с отвисшими щеками тонули в тени, до них не добирался свет от искусственного камина.

— Чо встал, подь ближе! — изрекло экстравагантное создание, замахав толстыми ручками с пухленькими холеными пальчиками. — Мне с тобой болтать-то особо некогда, так что время, служивый, свое не тяни. Подь сюды, говорю, разговорчик имеется!

Лачек на миг опешил. Арестанту показалось, что вдобавок к своим злоключениям, он еще и когда-то успел сойти с ума. «Являются же кому-то черти, но почему меня так сильно обделили, почему мне достался бесенок без рогов и хвоста?!»

— Не хлопай, не хлопай глазищами, служивый, а за халат с тапчонками извиняй! Хвороба старая прихватила, умучила меня совсем, бедолагу, — щебетал старик, дотянувшись короткой ручонкой до штанины майора и упорно подтягивая его к себе.

— А ты, то есть вы, кто? — наконец-то произнес обескураженный Лачек, садясь в глубокое кресло без ручек напротив лежака.

— Я кто, я кто?! — негодуя, заверещал старик, тыкая в волосатую грудь сморщенной сосиской указательного пальца. — Я твой спаситель, я твой второй шанс, а вообще-то я начальник смежного ведомства. — Крикливый старичок внезапно утих и уставился на Палиона маленькими бусинками умных глаз. — Ты о контрразведке, сынок, что-нибудь слышал, или так в диверсионных пакостях погряз, что до другого и дела не было?

— Слышал, — кивнул Палион.

— Ну, так вот я из тех, кто твоих коллег-шкодников ловит и гадости ими учиненные того, ну, то есть устранить пытается.

— Допустим, но какое я... — договорить бывший майор не успел, ладонь старика легла на его запястье и неожиданно сжала его так сильно, что у Лачека потемнело в глазах.

— Допускать или не допускать здесь могу только я. Ты не в том положении, дружок, так что навести уши и не перебивай. Буду спрашивать, отвечай, а так, слушай и запоминай!

Старичок замолчал и вдруг резко, как резиновый мячик, отпружинив от пола, поднялся на ноги. Дырявые шлепанцы разлетелись в разные стороны, и один из главных контрразведчиков Галактического Союза заходил кругами, громко шлепая по полу босыми ступнями.

— В том, что случилось на Лареке, твоей вины нет, — наконец-то изрек старик. — Ни один из штабных мерзавцев тебе и слова сказать не посмел бы, если бы ты не отклонился от инструкции и воспользовался блокирующим кодом. Но, с другой стороны, тебя в этом случае сейчас бы здесь наверняка не было, ты был бы мертв, твое изуродованное тело пошло бы на корм диким и ужасно слюнявым финерианским кошкам... Впрочем, по мне их хозяева столь же омерзительны...

— Спасибо за понимание, сэр... и сочувствие, — смог лишь произнести Палион, шокированный манерой общения старика.

— Терпеть не могу, терпеть не могу тупых солдафонов и их ужасных, твердолобых манер! «Да, сэр! Так точно, сэр! Будет

исполнено, сэр!», — изошрялся кривляньями и визгами низенький старичок, измудрившийся развернуться так удачно, что одним взмахом пол халата сбил с камина вазу и опрокинул горшок с любимым цветком генерала.

— Ты же не тупой солдафон, Палион, ты же разведчик, существо мыслящее, сопоставляющее, проводящее аналогии и анализирующее. Неужели ты думаешь, что я похож на твоего бывшего шефа, генерала, у которого извилины в голове уже давно мохом поросли. Не смей, слышишь, никогда, ни при каких обстоятельствах, не смей называть меня «сэром»! — Старик склонился над неподвижно застывшим в кресле майором и грозно затряс у него перед лицом указательным пальцем.

— Слушаюсь, с... — Палион вспомнил о запрете и вовремя осекся, — но я не знаю, как мне вас называть.

— Я тоже не знаю, — хмыкнул озадаченный старичок. — Можешь Дедулей, Дедушкой. А что, мне кажется, очень мило: тепло, душевно, по-домашнему и в то же время уважительно. Все, решено, позывной «Дедуля» утвержден окончательно и бесповоротно.

«Это конец, это видение, это не может быть правдой! Это безумный, наркотический сон, вызванный растекающимися по крови токсинами. Меня приговорили к смерти и ввели в вену яд, я умираю, а этот бред всего лишь предсмертная игра моего воображения. Мой мозг разлагается и выстраивает напоследок причудливые комбинации из когда-то видимых мной хотя бы мельком объектов. Всевышний, если ты есть, за что ты сыграл со мной дурную шутку?! Почему мне явился этот омерзительный старикашка, эта страшная, сморщенная обрзина, а не пышногрудая, крутобедрая красавица с пухленькими губками и длинными-предлинными волосами?!»

— Эй, эй, Лачек, о красотках потом поболтаем! — встрял в сбивчивый ряд мыслей голос Дедули, потная ладошка которого усиленно выбивала пыль из щек закатившего глаза арестанта.

Майор не заметил, как его мозг начал медленно погружаться в дремоту. Однако старший товарищ в распахнутом халате вовремя заметил изменения в состоянии собеседника и не дал ему сбежать в царство сонных грез.

— Соberись, парень, слышишь, возьми себя в руки! То, что с тобой происходит, это не бред, это не сон, хотя и выглядит невероятно... Ты должен прийти в себя! — Руки старика вцепились мертвой хваткой в плечи майора и трясли его до тех пор, пока он не открыл глаза.

— Я в порядке, я готов слушать, — прошептали бледные, но уже не трясущиеся губы Лачека.

— Начну еще раз с того места, на котором ты меня самым бессовестным образом отвлек и заставил слегка размяться. — Кряхтя и громко пуская ветра, старичок водрузил свои дребезжащие волосатые тела на удобный лежак возле камина. — Ты не виновен в гибели твоего отряда, ты просто неудачно попал под раздачу «пряников». Подстроенная врагами ловушка должна была лечь тяжким бременем ответственности не на тебя, рядового исполнителя, а твое руководство, допустившее грубую ошибку. Совершенно не уважаемый мною твой генерал уже собирался писать прошение об отставке, как ему подвернулась подходящая зацепка, чтобы вывернуть историю наизнанку и убрать свою шею из-под удара, естественно, подставив на ее место твою.

— Бунт роботов? — догадался Палион.

— Бунт роботов, — кивнул головой старик, — и не просто заурядных «Д16», а Кастора и Кэтрин, двух наиболее усовершенствованных моделей, которые по возвращении на базу должны были тут же лететь на очень ответственное задание. На эту парочку возлагались очень большие надежды, а по твоей милости они превратились в труху. Вот и выходит, что у генерала шкурные интересы, а у ученых мужей на тебя большой зуб. Один закапывает тебя живьем в могилу, а остальные стоят рядом и деликатно хранят молчание. Жизнь — это компромисс гробовщика и свидетелей, мы все взрослые люди, мы все это прекрасно понимаем, но все же не хочется быть на месте закапываемого, не правда ли?

— Верно, но какова твоя роль в этой истории? Неужели ты тот самый прекрасный принц на белом коне? — хитро шурясь, поинтересовался Палион. — В чем твоя выгода от моего спасения, Дедуля?

— Ну, на прекрасного принца я как-то не похож. — Старик заботливо огладил свой огромный живот. — Скорее уж на старого пер... ворчуна в запачканном халате, но выгода у меня, не скрою, имеется, притом настолько большая, что я решился задействовать очень-очень серьезные рычаги. — Указательный палец старца взмыл вверх, давая понять, что решение о помиловании Лачека принималось как минимум на уровне вице-президента Галактического Союза.

— В чем заключается работа, каковы условия и почему именно я? — выпалил Палион скороговоркой сразу все интересующие его вопросы.

— Подробную информацию о задании получишь за полчаса до прибытия на место его выполнения. Условия хорошие: деньги, власть, полная свобода действий и отсутствие ограничений в методах достижения цели. Делай, что хочешь, но мне нужен результат, и как можно быстрее. — Высокий чин из контрразведки ненадолго замолчал перед ответом на последний вопрос. — У меня в подчинении более трех десятков хороших спецов, способных отменно справиться с этим заданием, я никогда, никогда бы не дал поручения чужаку да еще с укрепившейся репутацией психопата, если бы...

— Если бы?

— ...Если бы мне не было жалко посылать своих людей в оторванную от цивилизованного мира дыру, без поддержки, да еще с сомнительным шансом на возвращение.

Палион хотел было возмутиться, но старик властно поднял вверх левую руку, приказывая не перечить, пока он не договорит.

— У тебя нет выбора. Ты попал в круговорот такой игры с этим супер-пупер-трах-тибидактер-киберг-сознанием, что тебя не довезут живым даже до тюрьмы. Подумай о хорошем, формируй позитивный подход к мерзопакостям жизни! Там, куда ты направляешься, не экология, а курорт, нет ни отходов, ни ядовитых выбросов в атмосферу, ни роботов!

— А я-то уж, дурак, усомнился, что рай существует, — печально рассмеялся Палион, нутром чувствуя, что эти огромные плюсы с лихвой компенсируются не менее громадными минусами.

— Я организовал его специально для тебя, по спецзаказу, — захохотал Дедуля и звонко хлопнул ладонями по своему животу-тамтаму. — Так как: да или нет?

— Да, черти тебя раздери на портянки! Где подписать контракт?

— Обойдемся без формальностей, — махнул рукой старичок, — тем более что официально ты на меня не работаешь. А вот без позывного не обойтись. Я — Дедуля, а ты...

— Неужто Внучок? — ухмыльнулся Палион.

— Ну вот еще, многовато чести будет, еще чего доброго на наследство позаришься, — отшутился новый шеф. — У тебя странное второе имя, кажется, западно-славянское, посмотрим, что с этим можно сделать... Палион Лачек, Лачек, Пачек, — забормотал старик, забавно поддергивая густыми бровями. — Великолепно, как раз то, что нужно, что за причудливый фокус судьбы, прямо в самую точку! А ну-ка, дружок, сложи-ка вместе первые буквы твоих обоих имен!

«Нет, только не это», — прошептал Палион, когда наконец-то выполнил простейшее действие по сложению двух корней. В итоге получилось: Палач — самое подходящее прозвище для миссионера его профиля.

За иллюминатором появились очертания неизвестной планеты, скорее всего необитаемой, поскольку не было видно ни спутников, ни шлейфов стартующих с нее кораблей. Космовизор издал жалобный хрип и отключился, это лайнер вышел из зоны действия вспомогательной трансляционной антенны. Лачек ужаснулся, он вдруг отчетливо понял, в какую глухомань его занесло. Наверное, такое же чувство испытывали раньше путники, заплутавшие в пустыне, или моряки, потерпевшиеся в спасательной лодчонке среди волн бушующего океана.

Мертвецкую тишину внутри салона нарушил скрип отъезжающего на шарнирах кресла. Робот-пилот впервые за время полета обратил внимание на пассажира и, промышав на одной ноте, что до посадки осталось тридцать семь минут сорок девять секунд, положил на откидной столик толстый бумажный конверт.

— Что это? — удивился Лачек, вскрыв послание от Дедули и обнаружив вместо привычного электронного диска ворох напечатанных на допотопном принтере и исписанных от руки бумаг.

— Информация с грифом повышенной секретности. На электронные носители не переносить, не копировать, за пределы корабля не выносить, по прочтении уничтожить! — провела инструктаж навигационная машина и уставилась в приборную доску, где на десятке дисплеев быстро мелькали данные об изменении параметров различных систем корабля и поэтапно формировалась оптимальная траектория посадки.

«И старичок туда же, совсем уже от этой секретности с ума походили! Чем больше звезд у начальства на погонах, тем крепче параноидальный синдром, — недовольно проворчал Палион, доставая из конверта и сразу отправляя в утилизатор пустые титульные и приписные листы. — Хорошо еще, что не заставили меня эту кипу съесть, бумажонка уж больно неказистая: жесткая да залежалая».

Пилот не слышал сетований пассажира. Согласно полученной перед вылетом инструкции, он выключил слуховые сенсоры и должен был возобновить работу своей системы аудиовосприятия лишь после выключения двигателей корабля. Организовавший увлекательную экскурсию в дальний уголок галактики старичок, видимо, боялся, что при прочтении документов Палион будет проговаривать некоторые слова вслух. В интересах же безопасности Галактического Союза было воспрепятствовать утечке любой, даже обрывочной информации о порученной штрафнику миссии.

Среди как будто нарочно перепутанных листов дополнительных, справок, бессмысленных сводных таблиц и разноцветных галографиков наконец-то нашлось искомое сопроводительное письмо, адресованное персонально: *«разжалованному майору ПРД, Палиону Лачеку»*. Поморщившись при невеликательном напоминании о жирной клятве в конце его славной карьеры, Палион развернул написанный мелким подчерком лист и углубился в чтение.

«Палач (отныне тебя будут называть именно так), твой корабль вот-вот должен совершить посадку на РЦК678. Да-да, у

этой планеты нет названия, хотя на ней проживает более трех миллионов человек. Место это достаточно странное, даже можно сказать, гиблое. Чтобы ты понял, о чем идет речь, придется сделать маленький экскурс в историю четырехтысячелетней давности, когда люди впервые покинули пределы родной солнечной системы и только приступили к освоению дальнего космоса. Тогда развитие транспортных технологий не поспевало за стремлением людей освоить все новые и новые миры. Человечество быстро разрослось и распалось на несколько десятков обособленных, оторванных друг от друга огромными пространствами цивилизаций. Началось темное тысячелетие, тысячелетие космических войн, когда люди воевали не столько с другими формами жизни, сколько между собой. Темные времена, эпоха вражды и распрей была завершена созданием Галактического Союза, в который вошли не только группы враждующих колонистов, именуемые дворами, но...»

«Ура, Великому и Могучему Галактическому Союзу, сплотившему и объединившему!.. Нелестного же мнения о нас, разведчиках, мужичонка в грязном халате. Взялся ни с того ни с сего школьный курс истории пересказывать. Видел бы Галактический Совет, какие «важные» писульки под гриф «особо секретно» загоняются, разогнал бы дармоедов-бездельников к чертовой матери!» — Палион быстро пробежал глазами приблизительно полстраницы не представляющих интереса общеизвестных сведений, пока не нашел кое-что стоящее.

«...Воинственные карбилианцы дольше всего противились вхождению в Союз. Контролирующий три маленькие системы на стыке владений галеров, шенцов и дарморов, Двор Карбилиан выжил не только за счет успешного внедрения выдающихся научных разработок в области систем планетарной защиты, но и потому, что сформировал весьма самобытную, неповторимую культуру. Что она собой представляет, ты поймешь, просмотрев приложения 3, 4 и 7, но не залезай в дебри познания слишком глубоко. Тебе важно знать другое. Стержень карбилианского образа жизни — стремление к абсолютному здоровью нации. Он помешаны, как на физических упражнениях, так и на развитии крепости духа. Преступные наклонности и низменные страсти, по их мнению, недуг, недуг серьезный, формирующийся у человека на наследствен-

ном, генетическом уровне и, к сожалению, не подлежащий излечению. Вор, убийца или насильник может усилием воли и под воздействием благоприятных внешних факторов преодолеть свои пагубные стремления, но предрасположенность к болезни все равно передастся его потомкам...»

«Красиво Дедуля излагает. Интересно, куда же он клонит? Неужели мне придется ученых уничтожать, или он надеется, что я у них публичный диспут выиграю и наставлю на путь истинный заплутавших на тупиковом пути познания ученых мужей?» — Палиону наскучили витиеватые разглагольствования Деда на околomedicalные темы, и со злости он пролистнул целую страницу.

«...РЦК678 не тюрьма, не лаборатория с тремя миллионами подопытных кроликов, не самый большой в мире изолятор для душевнобольных, а полноценный, искусственно созданный мир. Примерно две тысячи лет назад, когда Двор Карбилиан терпел одно поражение за другим и вот-вот должен был пасть под бременем внутренних распри и натиском внешних врагов, правительство пошло на отчаянный шаг. Ученые в ходе долгого обследования населения выявили всех индивидуумов с дурной наследственностью и поселили их на этой планете, причем лишив всех достижений цивилизации и искусственно сдерживая темпы развития этой обособленной колонии. Сейчас там живет уже восьмидесятое поколение переселенцев, они не преступники, а обычные люди и даже не догадываются, кем были их предки. Карбилианские ученые нехотя признают, что их теория «наследования» оправдалась всего лишь на сорок два с половиной процента. Однако Двор по-прежнему придерживается мнения о необходимости строгого соблюдения карантина.

В настоящее время там царит средневековье (надеюсь, тебе этот термин кое-что говорит). Когда ты высадишься на планете, тебе нужно будет соответствовать той эпохе. Краткие инструкции по адаптации в среду ты найдешь в приложениях 2, 5 и 6. Не спеши, изучи их внимательно, после посадки у тебя будет около двадцати часов времени (кстати, робот-пилот не выпустит тебя из корабля без сдачи адаптационного экзамена).

Но это была лишь прелюдия, так сказать, краткий экскурс, теперь мы можем перейти непосредственно к твоему заданию.

В течение всех двух тысяч лет строжайшей изоляции карбилианские ученые внимательно наблюдали за развитием искусственного общества и порою вмешивались, но лишь для того, чтобы предотвратить особо опасные конфликты (видимо, и им не чуждо чувство вины, все-таки сородичи). Наблюдение велось осторожно: при помощи высокочувствительных орбитальных камер и сотни посланных на планету роботов-наблюдателей специализированных моделей серии «Д», конфигурации «РЛ». В последней партии были немного устаревшие, но наиболее адаптированные «Д4РЛ48».

Три года назад в атмосфере РЦК678 произошли структурные изменения, в принципе незначительные, но повышение удельного веса тонсирконных соединений существенно снизило восприимчивость камер. Двадцать три месяца назад вышли из строя все «Д4РЛ48», притом произошло это почти одновременно. Двадцать месяцев назад на планету было высажено четыре экспедиционных отряда по двенадцать человек в каждом. Один из них бесследно пропал (судя по топографии места высадки, возможно, потонул в болоте), а остальные отработали предусмотренный контрактом год и вернулись на базу в полном составе. Ни климатических, ни этнических изменений зафиксировано в ходе исследования не было. Следов вмешательства в жизнь колонии извне не обнаружено, но техника по-прежнему отказывается работать как на самой планете, так и в атмосфере.

Теперь переходим к самому интересному. Думаю, ты сейчас сидишь и гадаешь: «А причем же здесь я, диверсант и разведчик?» А притом, дружок, что у меня для тебя неприятный сюрприз. Из тридцати шести благополучно вернувшихся участников экспедиции двадцати двух сейчас нет в живых, а четырнадцать человек бесследно пропали. Все они вернулись по родным планетам, а потом или были убиты, или стали жертвами несчастных случаев (конечно, за исключением тех, кто просто ушел на работу и не вернулся). Комиссия моего ведомства признала несостоятельной единственно приемлемую гипотезу заражения участников экспедиции неизвестным вирусом, поскольку:

1. Нарушений карантинного режима не было выявлено (даже ученые не имеют права вывезти с планеты ни одного предмета).

2. В связи с экстренностью обстоятельств участники экспедиции были подвержены многоэтапному медицинскому конт-

ролю, и прежде чем их отпустили по домам, провели около двух месяцев на закрытой орбитальной станции.

3. Науке неизвестен вирус, который притягивает к инфицированному убийцу, грабителя, маньяка или неопытного водителя.

Кроме того, есть еще одно весьма загадочное обстоятельство. Участники экспедиции проживали в восемнадцати городах, расположенных на семи различных планетах. В каждом из них, начиная с момента гибели или пропажи ученого, зафиксирована резкая вспышка преступности. Я не знаю, в чем дело, но если это совпадение, то, мягко говоря, сказочное. Разгадка кроется где-то на поверхности этой планеты. Советую начать поиски с квадрата, в котором пропал экспедиционный отряд.

Ты на планете один, так что будь предельно осторожен. Частота канала связи указана в Приложении 1.

Дедуля»

«Уж лучше бы меня сразу повесили!» — настроение у Палиона в конце чтения упало ниже нулевой отметки. Разведчик с трудом мог представить, через что ему придется пройти: вжиться в образ древнего лапотника, общаться с людьми, которых и людьми-то назвать ему было сложно, скорее малограмотными, необразованными особями человеческого вида; да еще и бродить по бескрайним просторам, разыскивая неизвестно что. Лачек в полной мере прочувствовал, как он прогадал: пытаясь убежать от смерти, выбрал смерть долгую и мучительную, отягченную ностальгией по привычным удобствам и бесконечными скитаниями. Однако отступать было поздно, минилайнер наверняка не взлетит, пока он на борту.

Глава 3

БЕЗ ОСИНЫ И СЕРЕБРА

Увиденное не шокировало колдуна, но заставило всерьез призадуматься. Нападение на конвой возле топей теперь уже не казалось заурядным случаем грабежа. В принципе Вебалса не интересовало, получит ли король сполна барыши, причи-

тающиеся с его верноподданных, или кому-то, например его фаворитке, придется немного обождать со строительством шикарного особняка в центре столицы и небольшого уютного гнездышка-замка где-нибудь в долине Роз. Важно было другое. Следы недавних событий наталкивали на сладостную мысль, что ему наконец-то посчастливилось напасть на след врага: хитрого, могущественного и опасного повелителя чудовищ, которого в отличие от него самого не преследовала ни Церковь, ни Орден, притом лишь потому, что не догадывались о его существовании. Кергарн умел маскироваться и достигать своей цели чужими руками, чаще всего очень грязными, волосатыми и когтистыми. Искусство оставаться в тени и скрывать от противника до самого последнего момента решающий ход сложной комбинации, было его коньком, его козырем, используемым умело, хладнокровно и жестоко. Вебалс уже два месяца шел по его следу и лишь сейчас получил знак, что, возможно, создатель ночных кошмаров находится где-то вблизи, то есть в радиусе сорока-пятидесяти миль.

Лишившаяся обоих задних колес телега стояла прямо на обочине дороги. Ее борта были перепачканы кровью, судя по цвету и запаху, человеческой. Чтобы убедиться в этом, Вебалс не побрезговал лизнуть омерзительные багровые сгустки запекшейся крови. Одно предположение, о котором он благо-разумно не стал заикаться при сотнике, отпадало. Ополченцы не вступили в сговор с помощником сборщика податей и не украли казну; на них действительно напали, притом бойцы Марвета разбежались не сразу, а даже пытались оказать какое-то подобие сопротивления.

Пятна крови виднелись не только на траве и на отвалившихся колесах, лежащих тут же, поблизости, но и на обломках веток в дорожной грязи. По маленькому пятачку возле телеги были разбросаны обломки оружия: переломанные пополам копья, пара разбитых щитов и окровавленное топорщице, на котором были заметны отчетливые отпечатки от чьих-то больших и острых зубов. Трупов, конечно же, не было, если не считать куска плоти размером с кулак, выдранный из тела прямо вместе со звеньями кольчуги, да нескольких пальцев возле колес. Одним словом, беглого взгляда было достаточно, чтобы с

полной уверенностью сказать, что на отряд на самом деле напала настоящая нежить, а не нацепившие для устрашения звериные маски разбойники. Но вот только свидетельств, что это были вутеры, а не другая разновидность тварей, обнаружить так и не удалось. На месте гибели обоза колдун не нашел даже маленького куска шерсти, не то, чтобы фрагмент тела чудовища. Удивил Вебалс и еще один факт. Кстати, именно он и натолкнул трясущегося от утреннего холода колдуна на прозорливое предположение.

Сундук с казной исчез с телеги, а, по словам сотника, он был большим, тяжелым, кованым. Лесным тварям золотые монеты ни к чему, а до серебра некоторые из них вообще не могли дотронуться. Версия, что сундук забрал случайный проезжий, которому посчастливилось утром через несколько часов после бойни направить коня именно по этой дороге, могла бы показаться наиболее вероятной, но, к сожалению, отпадала. Только сумасшедший стал бы тащить за собой огромный сундук с королевскими гербами и пломбами казначейства.

«Нет, везунчик распотрошил бы добычу на месте, набил бы карманы и дорожный мешок до отказа монетами и как можно быстрее постарался бы покинуть окрестности, — пришел к заключению Вебалс, осмотрев каждый дюйм под телегой и возле нее. — Сундука нет, золото по земле не рассыпано, да и выброшенных вещей не видно, а ведь он непременно избавился бы от дорожного хлама, чтобы освободить в мешках побольше места для ценного груза. Я на его месте поступил бы именно так, и не только я, любой, кто в здравом уме».

Вывод напрашивался сам собой. Нападение не было случайным, тварей подчинили своей воле и заставили атаковать именно этот отряд, тем более что вооруженные ополченцы — не самая легкая добыча. «Глупо охотиться на дикого кабана, когда по скотному двору бродит ожиревший свин, у которого, кстати, и мясо вкуснее», — Вебалс нахмурил лоб, пытаясь представить, кого бы он, будучи на месте Кергарна, «ангажировал» для этой работы.

Насколько он знал, в окрестностях водилось более тридцати видов чудовищ. Около двадцати отпали сразу, так как либо не имели рук, либо были совершенно неуправляемыми. Сре-

ди оставшихся выбрать было трудно, но, зная предпочтения своего заклятого врага, Вебалс сделал ставку на оборотней или вутеров, которых не зря боялись горожане. Большую часть времени пребывая в человеческом обличье, и те, и другие были весьма уязвимы, а значит, более стоворчивы. Кергарн всегда путешествовал один, не брал с собой слуг из числа своих детищ, следовательно, участников грабежа стоило поискать где-то поблизости, например, в одной из местных деревень, где они могли спокойно прятаться под личиной обычных пахарей и скотоводов. Отличить их от людей было почти невозможно, даже вампиры-обладатели чуткого обоняния редко замечали подвох. Но он, Вебалс из рода Озетов, узнает тварь под любой маской; его кровожадным хитрецам было не обмануть.

Идея проверить окрестные деревни, понравилась Вебалсу сразу. Она не только исключала необходимость шастать до полнейшего изнеможения по лесам да болотам, которых по дороге от Лютена до Дукабеса было великое множество, и уж всяко больше, чем пустошей да полей, но и давала возможность немного передохнуть на теплом сеновале, перекусить и разжиться хотя бы крестьянской одеждой. Судя по утру, день собирался быть немногим теплее, чем ночь. Вебалс бил озноб, и вот-вот должна была начаться горячка. Сама по себе простуда не представляла опасности для колдуна, но болезнь ослабляет организм, притупляет мозг и истощает силы. Он же должен быть в отменной форме, только в этом случае у него имелся шанс выжить и уйти от опасностей, скрывавшихся почти за каждым кустом, не говоря уже о служителях Ордена, мечтавших поднять его на копыта и зачесть себе еще один рыцарский подвиг в нелегкой борьбе Добра со Злом.

Сомнительная цель полностью соответствовала несуразным способам ее достижения. Однако Вебалс уже устал убеждать тупоголовых прямолинейных небесных братьев, что он не враг им, что он вне этой дурацкой игры, делящей все и вся на черное да белое. Победить в войне с Орденом он не мог, красоваться на виселице или колу ему не хотелось, значит, оставалось только бежать, уходить от преследователей, постоянно путающихся у него под ногами и вечно мешающих успешной реализации его личных планов.

Вот он и бегал, притом как в переносном, так зачастую и в прямом смысле. В это морозное утро быстрое передвижение ногами позволило разогреть онемевшие от холода мышцы. На осмотр места схватки понадобилось не более четверти часа, но за это время колдун основательно озяб. Если бы в этот момент на дороге показались рыцари Ордена, то вряд ли промерзшая до самых костей «дичь» смогла бы оказать им достойное сопротивление, даже добежать до леса не хватило бы сил.

Через полчаса бега по пустынному тракту Вебалс достиг развилки. Дорога направо шла в Дукабес, поросшая травой и залитая дождевой водой колея слева уходила в лес, за которым наверняка находился небольшой хутор или маленькая стоянка лесников, занимавшихся не только заготовкой древесины, но время от времени и охотой, с недавних пор редким промыслом в здешних местах. Взвесив плюсы и минусы встречи с нелюдимыми покорителями леса, Вебалс все-таки решил свернуть налево, хотя и боялся, что бородатые мужики с топорами да пилами окажут ему весьма нерадушный прием. Впрочем, опасения оказались напрасными. Примерно через версту дорога снова вывела бегуна на опушку, где находилась окруженная с трех сторон болотом маленькая деревушка.

Деревянные домики на дубовых сваях плотно прижимались друг к дружке стенами. Семь из дюжины строений были хозяйственными постройками, из которых потягивало специфическими ароматами сушеных лесных трав и целебного болотного мха. Жителей не было видно, только в одном из сараев копошился приземистый мужичок в овчинной шкуре, ворошащий вилами высушиваемую траву и аккуратно развешивающий на веревках пучки готовой зелени.

Болотник издали заметил приближение подозрительного чужака: голого по пояс, со странной стрижкой, да еще и с мечом на боку. Пегая борода пожилого крестьянина стала дыбом, а крепкие руки перехватили черенок вил, чтобы в случае покусительства незнакомца на святое святых, то есть его бесценные заготовки, было сподручней нанести удар.

— Кто таков, чего надо?! — спросил суровый мужик, как только Вебалс достиг перекошенной, тонущей на полметра в воде изгороди.

Крестьянин был не один, в маленькой хибарке, примыкавшей стеною к сараю, послышался тихий скрип половиц. Вебалс насторожился, и не потому, что кто-то наблюдал за ним через щель в двери, а потому что в остальных домишках было мертвецки тихо.

— На большаке бандюги напали, — неподдельно стуча от холода зубами, пролепетал колдун. — Мне б обогреться, пожать да вздремнуть.

— Не туда забрел, уходи, — проворчал неприветливый производитель сушеной травы и повернулся к гостю мокрым от сидения на сырых ступенях задом.

— Да куда ж мне, я вон до тебя едва доплелся. Не оставь в беде, мил человек, я отблагодарю! — пустился в уговоры чернокнижник, который на самом деле и устал, и продрог. — У меня вон еще чего осталось... в сапоге запрятал.

Двухсиндорная серебряная монета описала в воздухе дугу и, пролетев более шести шагов, шлепнулась на настил точно под ноги болотника. Мужик повернулся, лениво посмотрел на упавший в грязь кругляш и махнул рукой, подавая знак: «Пройди!» Вебалс не заставил себя просить дважды: быстро перемахнул через шаткую изгородь и тут же уселся на пень возле небольшого костра, разведенного прямо у входа в сарай.

— Меч от разбойников тоже в сапоге схоронил или он у тебя в штанах был запрятан? — поинтересовался крестьянин, не отрываясь от ворошения завядших стеблей тростника и пахучей серо-зеленой массы, смеси ила и мха.

«Он не подобрал серебра, нужно быть начеку», — отметил про себя внешне бесшабашный гость, осторожно подвинувшись и пересев на трухлявом пне так, чтобы было одновременно видно и бородатого мужика, и дверь, через которую за ним подглядывали.

— Не-а, меч отцовский, родовой, упросил оставить, — разыгрывающий из себя доверчивого простачка путник облегченно вздохнул; переверошив траву, докучливый хозяин все-таки поднял с настила монету и небрежно засунул ее за пазуху.

— Фила, хватить на мужика тарашиться, бесстыдница, поди хлеба принеси, похлебки да молока!

Из домишки появилась вполне благовидная девушка лет двадцати. Вебалс даже считал бы ее весьма привлекательной, если бы не исходивший от нее аромат травяной выжимки, не перепачканное лицо и не въевшиеся в ткань платья грязно-зеленые разводы.

— Эй, хозяин, за два синдора можно и на мясо рассчитывать! — возмущился отогревшийся у огня колдун.

— Мяса мы не едим, нету у нас его, — с тоскою пробурчал мужик и опечаленно шмыгнул носом. — Фила, добавь гостю в миску вяленой репы, ну, той, что вчера кот жрать не стал!

— Спасибо, не надо! — поспешно выкрикнул Вебалс, боясь даже представить, каков этот залежавшийся деликатес на вкус.

Возможно, он опоздал с предупреждением, а быть может, и нет. По крайней мере то, что ему принесли, выглядело так, как будто уже побывало у кого-то в желудке, источало омерзительный аромат залежалых продуктов, слегка завуалированный запахами чеснока и лука, и явно было отвратно на вкус. В богатом королевстве крестьяне живут впроголодь, этой новостью Вебалса было не удивить. Усилием воли он непременно заставил бы себя попробовать яство, если бы его нос не почуял слабые флюиды цендарового мха, едва различимые в амбре протухших продуктов. Его хотели усыпить, значит, жители деревушки все-таки были чудовищами.

«Наверное, трава нейтрализовала на время действие серебра. Старик недаром сначала дал монете полежать на пропитанном соком травы настиле, а уж затем взял ее в руки. Хитер, паразит, ох, хитер! — подумал Вебалс, с сожалением глядя, на помогавшую отцу Филу. — Если бы девочку причесать, одеть да отмыть, получилась бы настоящая красавица. Жаль, очень жаль, но и ее придется убить, только вначале расспрошу папочку кое о чем».

— Ешьте горяченькое, ешьте, господин хороший, вам сейчас согреться надо! — застенчиво пролепетала девица, бросая украдкой кокетливые взгляды на обнаженный торс гостя.

— Спасибо, милая, но горячего с детства не люблю, пускай немного остынет, — ответил Вебалс, отодвинувший в сторону миску и начавший трапезу необычно, с хлеба и молока. —

А скажи-ка, милая, соседи ваши где? Что-то уж больно в деревушке тихо.

— Жри, грейся и вопросов не задавай! — огрызнулся отец, блюдуший невинность своей чумазой дочурки и пресекающий на корню все ее контакты с посторонними мужчинами. — На промысел в лес все еще вчера ушли, — затем все-таки снизошел до объяснения старик.

— На промысел? — удивленно вскинул брови Вебалс. — Не страшно? Говорят, в лесу страшилища водятся, зверье жуткое всякое!

— Самый страшный зверь — голод, — проворчал старик, не отрываясь от работы. — Он тебя изнутри жрет, медленно, каждую косточку смакует. А твари, что твари? Повезет, ни одной не повстречаешь, а если уж... значит, судьба такая, зато подохнешь сразу, долго не мучаясь! — Закончив работу, старик обернулся и сурово посмотрел на разговорчивого гостя из-под густых, сросшихся в одну толстую полосу бровей. — Чего похлебку не жрешь, брезгуешь?!

— Язык второпях обжег, — попытался отговориться Вебалс. — А другие деревушки в округе есть, как туда добраться?

Колдуну не удалось сбить с толку догадливого крестьянина. Суровый мужик в овчине понял, что гость, хоть и прикидывался дурачком, был на самом деле не так прост и раскусил его хитрую уловку с сонным мхом. Раздался свист, Вебалс быстро упал на бок, уходя от двойного броска. Крестьянин ловко метнул в него вилы, а достойная отца дочурка бросила в спину разделочный нож. Колдун сгруппировался, вскочил на ноги и, выхватив из ножен меч, накинулся на уже успевшего вооружиться топором мужика. Несмотря на то что клинок был узок и короток, и поэтому считался недостаточно хорошо разбиравшимися в тонкостях ратного дела обывателями «несерьезным оружием», Вебалс знал его истинную цену и ни за что бы не променял его на более уважаемый непросвещенной общественностью инструмент убийства.

Занесенный для удара топор летел навстречу голове колдуна, но, едва коснувшись, острый меч срубил топорщице, а левый кулак Вебалса впился в правый висок дилетанта-отравителя. Мужик ойкнул, обмяк и упал, выпустив из руки острый

обрубок. Прежде чем добить его, колдун увернулся от второго ножа, брошенного замарашкой, и только затем погрузил острый в неровно вздымавшуюся грудь поверженного врага. Девушка пронзительно завизжала и кинулась к дому, то ли со страху, то ли в надежде пополнить арсенал летающих лезвий. Вебалс догнал ее в три прыжка и сбил с ног точным тычком рукояти меча между лопаток. Затем, терпя боль от порезов острых ногтей и уворачиваясь от хаотичных ударов колотящих его конечностей, колдун разорвал на Филе платье и крепко связал ее неровными лоскутами пропитанной соками трав материи.

— Зачем?! — задал вопрос Вебалс, предварительно уняв истерику связанной пленницы сильным ударом ладони по щеке. — Говори, дрянь, зачем вы меня убить хотели?! Денег при мне нет, ценных вещей тоже.

Девушка жалобно поскуливала, плакала и смотрела на мужчину расширенными от страха глазами, чертовски красивыми даже в этот момент.

Будь охочая до крови семейка оборотнями или вутерами, колдун не справился бы с ней так легко. Еще в ходе боя Вебалс с удивлением понял, что противники были обычными людьми.

— У меня же ничего нет, дура! Зачем, зачем вы напали?! — тряс за волосы упорно молчавшую Филу колдун. — Ну, что, что с меня, голодранца, взять?!

— Мясо, — вдруг слетело с трясущихся губ.

Короткое слово, состоящее всего из четырех букв, полоснуло по сердцу Вебалса не хуже лезвия ножа. Колдун вдруг понял мотив и ужаснулся своей догадке. Деревушка на болотах испокон веков снабжала городских аптекарей и знахарей округи целебными травами. Этим крестьяне и жили, вознося хвалы божеству плодородия за то, что среди тины водился целебный мох, единственный источник их существования. Появление нежити в лесах сделало невозможным охоту. Однажды ушедшие из деревни в чащу крестьяне так и не вернулись, став добычей кровожадных хищников, остальных добил голод. Рыцари Ордена саранчой прошли по королевству, изведя добрую половину целителей, обвиненных в колдовстве, сговоре с темными силами, а так же в осквернении святых запретов и

таинств божественного промысла, врачевания, которым с недавних пор могли заниматься лишь монахи-здравники из храмов. Выжившие лекари затаились и уже не покупали выжимки да мох. Отец Филы занимался заготовкой впрок, в надежде, что когда-нибудь жизнь снова изменится, и к ним вернутся прежние, добрые времена.

Старик провозился всю жизнь на болоте, не умел делать ничего другого, а если бы даже и решился стать пахарем, то все равно бы не смог бросить вымершую деревню на сваях и уйти. Кому нужна парочка, не умеющих ни жать, ни сеять крестьян? Их не приняла бы ни одна из сельских общин. Лишние рты — лишние проблемы и хлопоты, лишние налоги, которые нужно за них платить в казну. Загнанные в угол судьбой сборщики трав долго мучались без нормальной еды и наконец решились попробовать человеческого мяса. Так просто и отвратительно!

— Скольких вы уже съели? — произнес Вебалс, поднося острое лезвие меча к горлу притихшей Филы. — Скольких, отвечай!

Если бы колдун слышал любую цифру, то девушку пришлось бы убить. Попробовавший раз человечину входил во вкус, и его уже было не отвадить от пожирания себе подобных. Поначалу вынужденное людоедство быстро и незаметно превращалось в норму жизни.

— Ты... ты первый, — затрясла напуганная девушка голову, — мы...

Вебалс не дал ей договорить. Надавив пальцами на скулы, колдун разжал ей рот, а затем, ловко перехватившись за нижнюю челюсть, открыл его широко-широко и плотно прижался лицом к перепачканной грязью, заплаканной мордашке пленницы, так что его нос коснулся ее языка.

Бедняжка уже давно ничего не ела кроме грибков-плесняков, чеснока, лука да вяленой репы. Видимо, даже молоко, которым его попотчевали, было припасено для особого случая и не бывало в желудках пережившей односельчан парочки. Частично убедившись в правдивости ответа, Вебалс встал и обошел дома. Следов каннибализма не было видно, а невдалеке от кромки болота виднелись шесть относительно недавно вы-

рытых могил. Соседи Фи́лы не отважились пойти на охоту в лес и умерли своей смертью. Если бы их съели, то не стали бы хоронить объедки по отдельности, вообще бы не стали хоронить, побросали бы кости в воду, да и дело с концом.

В одном из домиков колдун случайно нашел старенькую обшитую стальными пластинами куртку без рукавов. Надев ее, мужчина почувствовал, как по вновь остывшему телу прокатилась волна живительного тепла. Затем он вернулся к сарайчику и, не обращая внимания на постанывания и верчения по мокрой траве обнаженной пленницы, стянул с трупа ее отца вполне еще пригодную для носки овчину.

— Как добраться до ближайшего селения, настоящего, а не такого, как ваше болотное царство? — спросил колдун и, не получив сразу ответа, снова приставил к горлу девушки окровавленное острое меча.

— Вдоль опушки леса, потом полем версты четыре, там «Бобровые Горки» будут, — прошептала девушка, заморожено глядя на зловеще блестящее перед глазами лезвие.

— Сколько народу?

— Человек сто... или больше, у них новеньких много...

— Новенькие, это здорово, это замечательно, — усмехнулся колдун, чувствуя, что среди недавно пришедших в округу он обязательно найдет парочку-другую тех, кого искал. — А трактир там есть или кабак какой?

— Второй дом с окраины, сразу заметишь, — пролепетала Фи́ла и зарыдала, предвкушая, что вот-вот ее постигнет участь отца, если, конечно, незнакомец не захочет перед убийством с ней немного порезвиться.

У Вебалса и в мыслях не было обижать девочку, как, впрочем, и бросать ее одну среди обветшавших домов, в которых в любую ночь могли появиться призраки, существа мстительные и злобные, тем более если их тела умерли с голоду. Все еще держа меч у горла пленницы, колдун развязал путы на ее руках. Внезапная вспышка гнева или необузданное стремление жертвы спастись бегством, могли все испортить и не дать ему совершить то, что он чувствовал необходимым сделать.

— У твоего отца за пазухой два синдора серебром, здесь еще четыре. — Справившись с тугими узлами, колдун достал

из-за голенища сапога припрятанный кошелек, развязал его и небрежно бросил на не прикрытый одеждой живот Филы две монеты. — Похорони отца и уходи отсюда, немедленно уходи, нечего здесь делать! По деревням не шастай, народ сейчас злой, лютый, непременно обидят. Иди в Ванеру, это большой город к северо-западу от Дукабеса, денег на дорогу вполне хватит. Держись подальше от стражей, солдат и воров! Деньги отберут, тебя опозорят и в кабак продадут, пьяницам на потеху. В Ванере найдешь лекаря Моза Ортоба, его любой там знает. Он не прячется, практикует открыто, поскольку пожизненное разрешение от церкви выхлопотал. Скажешь толстяку Мозу слово мудреное «альдаберон», он тебя приютит, кормить будет и к работе своей пристроит. Девка ты, видать, толковая, с детства к травам, мхам да кореньям приученная, ты ему сгодишься. Ему про меня рассказать можешь, остальным ни гу-гу!

Таинственно приложив указательный палец левой руки к губам, Вебалс повернулся спиной к все еще хлопающей ресницами девице и так и пошел в сторону леса. На душе у колдуна скребла целая орава диких котов, ему было горько и обидно за людей, доведенных до грани безумия и отчаяния. Горе несчастным, находившимся между двух огней, боящимся по ночам кровожадных тварей и страдающим при свете дня от благородных помыслов Священного Рыцарства!

«С одной стороны Свет, с другой — Тьма, а посередине непроглядная Серость, так и проходит жизнь большинства людей, в страхе, голоде и отчаянии!» — печально вздохнул Вебалс из рода Озетов, не спеша шагавший в деревню с глупейшим названием «Бобровые Горки».

Иногда люди вызывают антипатию с первого взгляда, книги не нравятся, как ты только увидел пеструю, аляпистую обложку и еще даже не успел прочесть названия. Интуиция — чувство загадочное, логически необъяснимое, но оно редко подводит хозяина, будь он отважный охотник, верный слуга, благородный вельможа или всеми презираемый колдун.

«Бобровые Горки» не понравились Вебалсу задолго до того, как он достиг первого дома. Слишком спокойной и мирной была окрестность, точно как тот тихий омут из народной по-

говорки, в котором отсиживалась, поджидая беспечных просячков, всякая нечисть. В поле, в шагах ста от опушки леса одиноко возвышалась деревянная сторожевая башня, защищенная от нападения лесных тварей двумя кругами вкопанных в землю кольев. Подобные строения начали появляться возле деревень полтора-два года назад, когда в спокойных лесах вдруг ни с того ни с сего завелась нежить. Сторожевые посты, рвы вдоль окраины и смотровые вышки вошли в жизнь крестьян и были так же необходимы любой деревне, как колдоды, общинный амбар, церковь и кладбище.

Вебалса поразило не наличие башни и не то, что в ней никого не было, а ее запущенное состояние. Перекошенные опорные столбы, сгнившие от дождей доски на крыше, нехватка половины ступеней на лестнице и поросшие травой колья, парочка из которых уже упали на землю, свидетельствуя, что сельская община уже давно не выставляла охранных дозоров по ночам. Несколько лет назад в этом не было бы ничего удивительного, но в нынешние, тревожные времена такая беспечность была равносильна коллективному стремлению к самоубийству.

В поле собирали остатки урожая два-три десятка женщин, одних, без вооруженных мужчин. До наступления темноты было еще далеко, однако страшны не только звери, но и разбойники. Видимо, молодые крестьянки были настолько сильны и самоуверенны, что не ведали страха и не нуждались в защите. Появление на дороге мужчины в броне и с оружием не вызвало переполоха в женской трудовой артели. Парочка бойких толстух даже приветливо помахали Вебалсу руками, подзывая приблизиться, и громко отпускали такие вольные шуточки, от которых покраснелся бы не только монах, но и не пропускающий ни одной юбки повеса.

Чем ближе подходил Вебалс к деревне, тем больше убеждался, что шел по верному следу. Гробовая тишина и спокойствие, отсутствие собачьего лая и какая-то неестественная умиротворенность округи заставили бы незамедлительно повернуть обратно любого, даже самого отважного путника, но только не колдуна, осознанно ищущего встречи с нежитью.

Логово тварей находилось поблизости, возможно, в самой деревне. Человекоподобные чудовища были не только сильны, но и умны. Они явно заключили соглашение с крестьянами деревушки и оберегали от опасностей тех, кто давал им приют и помогал маскироваться днем. «А что, не все же оборотням по лесам шастать, хочется ленивцам и на теплой печи поваляться, и капустного супчика вдоволь нажраться, чтобы перед ночной охотой сил поднабраться да брюхо прочистить. Добычи кругом полно, почему бы десяток-другой крестьян пока в живых не оставить? Зато какие преимущества, какие удобства! — размышлял Вебалс, уже давно предчувствовавший наступление момента, когда быт лесных да болотных чудовищ выйдет на совершенно иной, качественно новый уровень. — Ведь и люди когда-то давно жили в сырых пещерах, занимались только охотой и лишь спустя много столетий принялись обрабатывать землю. Все в мире течет, все изменяется. Стоящий на месте обречен на вымирание, как пловец, уставший дрыгать ногами».

Первым домом с окраины была церковь; опрятная, ухоженная, но какая-то заброшенная, даже несмотря на то что возле входа стояло около десятка прихожан, а из распахнутых настежь дверей доносились песнопения. Вера сильна не обрядами, а той искрой, что у прихожан в душе. Уздешней же паствы животного огня внутри не было, люди пришли на моление лишь потому, что так было принято, что посещать два раза в неделю святылище требовали устоявшиеся поколениями обычаи. Вебалс сконцентрировался и, едва заметно прищурив глаза, проверил мысли, витавшие возле обители духовности. Несколько человек предвкушали, как вскоре напьются на грядущем празднике, парочка крестьян возжелали жену ближнего своего, притом одну и ту же пышногрудую особу. Кто-то прикидывал, как свести концы с концами и дожить до весны, кто-то продумывал, как потратить заработанный бабыш. Во всех мечущихся душах совершенно не было веры, но зато присутствовал приглушенный, загнанный в дальний угол сознания страх.

Жители деревни боялись, и Вебалс догадывался чего. Крестьяне представляли тот черный день, быть может, из не тако-

го уж и далекого будущего, когда соглашение с опасными соседями будет нарушено. Волки и овцы не уживаются вместе, рано или поздно обязательно должна наступить кровавая развязка. Стоит нежити найти пристанище получше, как их бывшие союзники мгновенно превратятся в праздничный ужин, устроенный в честь переезда.

«Сами виноваты, вполне такую участь заслужили, — пришел к заключению Вебалс, уставший вылавливать из воздушного эфира обрывки чужих мыслей. — Жизнь, это борьба, а не трусливое соглашательство. Ищущий компромисса, находит лишь смерть. Рано или поздно это случается с каждым, кто отдает бразды правления своей судьбой в чужие руки, как правило, не очень чистые».

Покосившаяся набок изгородь из стволов и веток порубленного в прошлом году березняка отделяла двор церкви от маленькой площадки перед старым деревенским амбаром, названным явно склонной к преувеличению глупышкой Филой трактиром. Ворота отслужившего свой век хранилища были широко открыты, внутри виднелись столы, скамьи и вяло перемещающиеся между ними тени, слышались голоса, отрывистые смешки, не переродившиеся в дружный хохот, и грохот деревянных кружек, то стучающихся друг о дружку, то громко опускаемых потерявшими крепость руками на крышки столов. Дочь болотника ничего не напутала, в этом убогом сарае действительно находился трактир, точнее, место общинного сборища, где каждый вечер собирались утомленные работой в поле крестьяне, чтобы выпить, занюхнув перепачканным навозом рукавом, и обсудить последние события размеренной сельской жизни.

Наверняка единственный священник на всю округу не одобрял оскверняющего основу основ веры соседства с местом шумного гульбища, но народ в деревне жил простой, руководствовался не высокими соображениями и эфемерной моралью, а весьма практичными представлениями об удобстве и экономии времени. Сразу после проповеди женщины шли по домам, а их супруги, один за другим, перешагивали через плетеную ограду и, подбоченясь, с чувством собственного достоинства устремлялись в черную бездну распахнутых ворот.

Карет и телег перед входом не было, но к изгороди находившегося по соседству скотного двора были привязаны несколько лошадей. Жалкое подобие трактира все-таки посещалось приезжими: скорее всего или заплутавшими в окрестных лесах да болотах странниками, неудачно срезавшими путь, или лицами, по каким-то причинам сторонившимися большаков. Гадать Вебалс не стал, тем более что в данный момент чахлую травку возле забора щипали всего трое животных с просвечивающимися сквозь кожу ребрами, несчастных, замученных тружеников бездорожья, никак не походивших на откормленных, породистых скакунов и кобылиц Небесного Рыцарства.

Хозяев клыч зоркий глаз колдуна нашел сразу, едва его нога успела переступить порог заведения с земляным полом и огромными щелями в стенах и крыши. Одним из них был надменный дворянин, властелин какой-то захудалой деревушки в дюжину-другую халуп. Второй — казенный посыльный, видимо, по неопытности и юношеской торопливости загнавший своего жеребца и прикупивший по случаю первый попавшийся под руку парнокопытный скелет, покрытый сверху тонкими нитями дряблых мышц и обтянутый мерзкой морщинистой кожей. Третьим странником оказался черноволосый, обросший густой щетиной солдат, судя по повадкам, наемник, а по затертым временем эмблемам на покрытом дюжиной неаккуратных заплат мундире — из армии соседнего королевства. Угрюмые приезжие, конечно же, расположились в дальнем углу за отдельным столом и не обращали внимания на окружающих их «детей земли», которых, в свою очередь, ничуть не волновало, мешает ли их галдеж с частым вкраплением изощренных ругательств отдыху утомившихся с дороги скитальцев.

Гордо восседавший на пивном бочонке толстяк лениво принял из рук нового посетителя позеленевший медяк и налил в кружку пенной жидкости, сильно отдающей овсом и позапрошлогодним сеном. Вебалс мог расплатиться и серебром, но не хотел вызывать подозрений, его новая одежда, местами протертая и драная, не соответствовала монетам среднего достоинства.

Компания завсегдатаев не понравилась колдуну сразу. Он мог поклясться, что по крайней мере пятеро из шестнадцати

бойко стучащих кружками крестьян изменят свой облик с наступлением ночи. Уж слишком широкими были на них хламиды, затянутые кожаными поясами, слишком большими прорези для шеи и рук. Когда придет время выпускать клыки и наращивать мышцы, чудовище может не успеть скинуть одежду, а менять рубахи и штаны каждую ночь весьма накладно. Нежить училась, училась на своих ошибках и старалась добиться абсолютного сходства с людьми во всем, даже в прижимистости и скупости, почему-то называемых обывателями разумной бережливостью.

Вебалс не стал присоединяться к случайно попавшим на деревенское пиршество гостям, тем более что они хоть и сидели за одним столом, друг с другом не общались, угрюмо таранились в кружки и изредка шевелили деревянными ложками в потрескавшихся мисках. Приметив стоящую вдалеке от столов скамью, Вебалс прошествовал к ней и, сев поперек шаткой конструкции, водрузил на нее свою кружку.

Пена быстро осела, к счастью, отвратного пойла оказалось не так уж и много. На самом деле пить колдун не собирался, как из-за опасения быть отравленным, так и из чувства брезгливости. Он лишь подносил кружку к губам и шевелил кадыком, делая вид, что глотает пахучую жидкость, наверняка, разбавленную жижей из лужи со скотного двора.

Время шло, точнее тянулось. Вебалс ждал наступления темноты, до которого по его подсчетам оставалось не так уж и долго. Земля под скамьей становилась мокрее и мокрее с каждой вылитой на нее кружкой. Присутствующие не замечали обмана, а быть может, только делали вид, что в принципе было не так уж и важно. Сгушавшиеся над деревней сумерки должны были расставить все точки над «и», показать, кто есть кто и кто на что годен. Компания крестьян разрослась, набранный градус сделал деревенщин более шумными, на подозрении у колдуна теперь уже находилась целая дюжина не хмелеющих гуляк и неожиданно пересевший за общий стол наемник. В отличие от посыльного и «властелина болотных трупоб» бывший солдат не уехал и не собирался покидать «Бобровые Горки» в ближайшее время. Его поведение было подозрительным, Вебалс почувствовал какой-то подвод и поэтому решил при-

слушаться к ведущемуся за столом разговору. Сделать это оказалось не так уж и просто, стук посуды, гвалт и шум отодвигаемых — подвигаемых скамей значительно снижал восприимчивость чуткого уха. Но при желании возможно все, даже обучить базарного торгаша хорошим манерам.

— Послушай, я хорошо заплачу, честно, проводи меня на болота! — еле сдерживаясь, чтобы не врезать в ухо несговорчивому деревенскому парню прошипел наемник, крепко вцепившийся в его локоть.

«Видимо, просит не в первый раз, теряет терпение», — констатировал Вебалс, не сводивший глаз со странной парочки. К какофонии звуков прибавились новые, довольно громкие шумы: звон оружия, топот, ржание коней и скрип колес плохонькой кареты. Их природа была мгновенно определена колдуном, слух представителя рода Озетов отфильтровал их и полностью сконцентрировался на разговоре. Это были не рыцари Ордена, а всего лишь какой-то заезжий чиновник с четырьмя охранниками, по-видимому, намеревавшийся промочить горло и разузнать дорогу у хозяина трактира-амбара.

— Двадцать синдоров!

— Отстань, сказал! Опасно там, твари водятся, — ответил крестьянин, выдергивая руку из тисков сильных пальцев. — Болото это прям посреди леса находится, туда всей деревней идти, и то боязно. Хошь провожатых нанять, со старостой говори, а ко мне не лезь!

Солдат не послушался и продолжал уговоры, лишь изредка прерываясь, чтобы отхлебнуть пива из кружки. Дальше Вебалс не стал утруждать слух, он и так прекрасно знал, чем окончится разговор. Наивный чужак поднимет цену до сорока, и тогда его отведут в лесную глушь, где ограбят, убьют, труп, возможно, съедят, а кости с одеждой утопят в болоте. Крестьяне не любят, когда кто-то сует нос в чужие дела и шастает по округе, тем более что тот, кого упраскивал отставной воитель, определенно сам был монстром. Наемник не принадлежал к банде чудовищ, теперь Вебалс знал это точно. Но что искал бывший кавалерист на лесных топях да еще в чужой местности, вот в чем состояла загадка. Богатые вельможи в округе не

селились, да и последняя война прокатилась по этим краям лет сто, если не более, назад.

«Что бы он ни искал, уж точно не то, что я, — пришел к заключению колдун и успокоился. Чужая глупость его не волновала, тем более подогреваемая жаждой легкой наживы. — Небось наслушался пьяных рассказов по кабакам. Всего за полбутылки вина любой замухрышка-бродяга такого наплетет! А доверчивый простак уши развесит и слушает бредни про то, что где-то там, в лесной глуши близ города Лютен зарыты несметные богатства».

В воздухе заметно похолодало. Мурашки, пробежавшие по коже колдуна, предвещали скорое приближение темноты. «Примерно через четверть часа солнце полностью скроется за горизонтом, и, возможно, начнется час потехи: твари оторвут свои рыла от овощных похлебок и жадно накинутся на свежее мясо, то есть на меня и других приезжих. Этот дурень-чиновник еще завалился со своими недотёпами, не догадывается, дуралей, в какой веселой компании оказался. Прямо поросенок, сам на праздник приходящий и на стол залезающий!.. А если они не нападут? Если они почувствовали мое присутствие или просто осторожны? Вдруг у них не заведено кормиться в деревне? И что мне тогда делать, как мне добраться до логова: идти в лес наугад или попытать счастья в другой деревушке?» — переживал колдун, уже потерявший много драгоценного времени.

Бывали случаи, когда чутье обманывало чернокнушника. Несколько раз он нападал первым и убивал в результате невинных людей. Широкие ворота рубах, недобрые взгляды изпод чрезвычайно густых, сросшихся бровей, невосприимчивость к хмелю, все это были лишь косвенные признаки, не доказывающие ровным счетом ничего. Колдун однажды поклялся себя никогда не устраивать бойни, пока не увидит звериных когтей и хищных оскалов вместо широких, пьяных ухмылок.

«Нет, все же мои страхи напрасны. Праздник клыка, когтя и ненасытного брюха вот-вот должен наступить!» — с облегчением вздохнул Вебалс и, отстегнув с пояса меч, демонстративно, чтобы видели все присутствующие, отшвырнул его к дальней стене.

Крестьянское гульбище вдруг стало стихать. Человек двадцать с трудом оторвали свои грузные тела от насиженных лавок и дружно направились к выходу. Нежить не трогала «своих», тем более когда под рукой было достаточно пищи: чудакватый солдат; четверо аппетитных охранников, которые не успеют даже обнажить мечи; жирный чиновник, развалившийся нежные телеса по скамье и он, тот, о кого оборотни да вутеры обломают клычища. Чудовищ оказалось почти в два раза больше, чем Вебалс изначально предполагал: пятнадцать одновременно отставивших в сторону кружки пропойц, трактирщик, двое его сыновей и парочка смазливых девиц из прислуги. Итого двадцать вместо двенадцати, взятых на подозрение из-за ши-роких воротов.

«Надо впредь быть внимательней, так и до беды недалеко», — думал колдун, оставаясь внешне спокойным, но напряженно ожидая момента коллективной метаморфозы. Однако планы Вебалса были вероломно нарушены появлением в амбаре его давних знакомых, тех, кого он меньше всего ожидал и хотел сейчас видеть.

Экспресс-инструктаж, проведенный на борту космолайнера, был хорошим, но не смог подготовить Лачека ко всем трудностям, поджидавшим его за бортом. Нельзя, просто невозможно всего за несколько часов обучить специалиста-разведчика, да еще без практических занятий. Голова Палиона разламывалась от введенной в нее информации. Слова, реалии, понятия и образы чужого мира теснились и перемешивались между собой, сводя с ума владельца напряженно работавшего мыслительного механизма. С грехом пополам с третьей или четвертой попытки бывшему майору все-таки удалось сдать адаптационный экзамен и, распрощавшись с одеждой и вещами цивилизованного мира, покинуть застенки уютного, но уже изрядно опостылевшего салона представительского класса.

Двигатель корабля надрывно взревел и мгновенно подкинул несколько тонн железа и микросхем в затянутую грозowymi облаками небесную высь. Палион остался один, в поле, в непривычной, пропитанной чужим потом одежде, с допотопным оружием и с огромным мешком медных монет, совокуп-

ная ценность которых не превышала ста синдоров. Сумма довольна приличная, чтобы опасаться встречи с разбойниками, но мизерная, чтобы надеяться просуществовать на нее какое-то время.

Болото, в котором пропал один из отрядов экспедиции, находилось где-то в лесах между Лютенем и Дукабесом, на удалении в сорок семь миль от места высадки. Смешное расстояние по меркам прежней жизни. Даже списанный, разваливающийся на ходу транспортник с морально устаревшим миталовым двигателем преодолел бы его за пять минут, но здесь, на лоне дикой природы, пространство измерялось по-другому: днями, а не минутами пути, да еще с поправкой на бездорожье и местных жителей, как нарочно пытавшихся осложнить бывшему майору жизнь.

На дороге в Дукабес Палиона остановил конный патруль королевской стражи. Незнание местного диалекта вновь прибывшим и нелюбовь стражников к мундирам корвелесских наемников компенсировались десятью синдорами. Проклиная некомпетентность подчиненных Дедули, не удосужившихся покопаться в архивах и снабдить его обмундированием лиотонской армии, Палион распрощался с десятью процентами своего стартового капитала, но зато получил бонус — бесплатный совет, где можно было добыть почти дармовую лошадь. К несчастью, как и в цивилизованном мире, все, что по низкой цене, обычно очень низкого качества.

Лачеку было жалко, до слез жалко бедное животное, которому он помешал спокойно провести последние дни жизни в теплом стойле, а не под седлом у непоседы, отправившегося в дальний путь по бездорожью. Однако нет худа без добра, тощие бока кобылы отменно сочетались с разноцветными заплатками на его потрепанном мундире. У жителей Дукабеса, до которого он едва успел добраться к вечеру первого дня, его внешний вид не вызвал подозрений, его преследовали по пятам только смешки и оскорбительные комментарии разодетых в атлас и шелка горожан из богатых кварталов, куда он случайно заехал вместо цеховой окраины.

В самой убогой, грязной таверне разведчик почерпнул много нового, о чем его или забыли или не захотели предупредить.

Пять синдоров, щедро пожертвованных на выпивку местным бродягам, помогли майору избежать многих неприятностей. Болтовня городского сброда уберегла его от ошибок, которые могли стоить ему свободы и жизни. Лачек узнал, что за обнажение меча в городе убивали без предупреждения, неснятые шляпы перед священником или рядом с собором считалось кошунством и святотатством, и, конечно же, что запрещалось приближаться к титулованным особам ближе, чем на пять шагов, о том же, чтобы заговорить с ними, и речи не шло.

К сожалению, изрядно пропитавшиеся за его счет спиртным осведомители ничего не смогли рассказать о жизни за стенами города. Лишь один из них краем уха слышал, что неподалеку есть маленький, захудалый городишка Лютен, и что расположен он в тех местах, где обитает богомерзкая нежить, страшные существа на службе у сатаны, называемом на местном языке Вулаком. Стандартный сказочный набор кровососущих и мясопожирающих тварей был усилен несколькими специфическими для РЦК678 разновидностями, например, вутерами, теми же самыми оборотнями, но только обрастающими по ночам не собачьей шерстью, а ворсинистой чешуей, по прочности, не уступающей панцирю морской черепахи. Слухов о нападении тварей на людей по городу бродило много. Для борьбы с нежитью Церковь даже создала Орден из лучших рыцарей Лиотона и соседствующих с ним королевств, но вот только собственными глазами никто из рассказчиков тварей не видел, да и в сводном отчете последней экспедиции о них не было ни единого слова.

«Средневековье — эпоха страха. Людям мерещится всякая всячина, а Церковь, поддакивая дуракам, укрепляет свои позиции... Учебник древней истории пятой ступени», — отметил про себя разведчик, не забывавший поддакивать и кивать головой брызгающим в азарте слюной пьяным рассказчикам, фантазии которых становились все более изощренными и кровавыми по мере нарастания дармового градуса.

Посмеявшись в душе над суеверными страхами средневековых простачков, Палион решил не терять времени и выехать из города в ночь, тем более что спать на одной кровати с тараканами, вшами и прочей гостиничной живностью он еще

не был морально готов. Городская стража была весьма удивлена необычным желанием заезжего самоубийцы, но за десять синдоров (стандартная ставка подкупа мелких должностных лиц) охотно пошла на нарушение приказа коменданта гарнизона и открыла перед сонной мордой престарелой кобылы скрипучие городские ворота.

Встающих из могил мертвецов, крылатых кровососов и прочих жутких созданий ночной скиталец на дороге так и не заметил, зато почти сразу за воротами ему встретилась небольшая группка давно не мытых разбойников. Пятеро бродяг с самодельными кистенями и охотничьими луками позарились на его полудохлую клячу, тощий скарб и оставшиеся в мешке пятьдесят синдоров. Лачеку ничего не оставалось, как отстоять свою собственность, а заодно и оправдать гнусное прозвище Палач, благо, что холодное оружие за много веков почти не изменилось, а в академии планетарной разведки его научили сносно владеть всем, что хоть немного колет и режет, включая пластиковую зубочистку и шербатую оловянную вилку.

Вынужденная процедура защиты имущества не была утомительной и заняла не более пяти минут. Еще четверть часа Палион потратил, чтобы методично развесить на деревьях вдоль дороги трупы бродяг, за неимением под рукой веревок использовались кожаные пояса. Сначала он хотел закопать тела, но, вспомнив инструкции, решил поступить, как настоящий лиотонец, чтящий закон и уважающий нелегкий труд стражников и ополченцев.

К утру потерявшая подкову кобыла все-таки доковыляла до «Бобровых Горок», последнего населенного пункта на его маршруте. Кузнец нашелся сразу. Наковальня и печь стояли прямо возле дороги, прикрытые от дождя лишь деревянным навесом. Лачеку уже почудилось, что ему вдруг снова улыбнулась удача, но мелкие пакостные трудности не заставили себя долго ждать. Жители странно разговаривали с ним: предлагали за умеренную плату еду, постель и даже ночные забавы пикантного свойства, но на любой вопрос, выходящий за рамки этих тем, отвечали одно и то же: «Иди к старосте или в трактир!», притом с интонацией: «Да пошел ты куда подальше!» Имея богатый опыт общения с начальством, мнимый наемник избрал путь попро-

ще, тем более что в старом деревенском амбаре возле церквушки можно было и отоспаться и перекусить.

Несмотря на неказистость посуды и сомнительную чистоту липучего стола, над которым кружилась не одна эскадрилья ожиревших мух, Лачек остался доволен ранним обедом. Стряпня местной кухарки казалась божественной, по сравнению с переработанными отбросами-консервантами, которыми ему обычно приходилось набивать неприветливый, привычный к фабричной пище желудок. Даже теплое пиво из бочонка под трактирщиком показалось цивилизованному человеку необычайно вкусным.

Воспользовавшись тем, что в питейном амбаре днем абсолютно никого не было, кроме хозяина и прислуги, отказавшихся отвечать на его вопросы, Лачек несколько часов вздремнул. Впервые за долгое время сон был сладок и не прерывался кошмарами. Майору грезились прекрасные пейзажи не затронутой промышленным хаосом природы и свободные вариации на тему когда-то прочитанных им рыцарских романов, в которых он, конечно же, был прекрасным принцем на белом коне; могучим варваром-воином, борющимся в одиночку против многочисленных орд иноземных захватчиков; или восточным султаном, пожирившим мисками шербет и тонущим в назойливых ласках персонального гарема. Одним словом, проснулся разведчик только к вечеру и в весьма благодушном настроении.

Крестьян в амбаре уже собралось около дюжины, но выслушать предложение о походе в лес никто не хотел. Палион как древний оратор источал красноречие, как опытный психолог пытался оболванить деревенских дурней, но все было без толку. Страх перед лесной чащей, в которой наверняка не водилось никого страшнее енотов и барсуков, был настолько силен, что напрочь отбил у крестьян охоту к легкой наживе. Найти провожатого не удалось ни за двадцать, ни за тридцать, ни даже за сорок синдоров, а больше предложить Палион уже не мог. Поначалу увесистый мешок-кошелек заметно отошал уже к концу второго дня.

Ко всем невзгодам прибавилась еще одна неприятность, на него упорно таранился какой-то рыжеволосый тип в на-

кидке из овечьей шкуры. Порою майору казалось, что бритоголовый субъект со скуластой физиономией, тонушей в зарослях нечесаных бакенбард, и тонкой косичкой на макушке, слышал все, о чем он говорил, хотя шум в амбаре стоял такой, что можно было оглушить соседа кружкой по голове, и никто даже не услышал бы грохота падения грузного тела.

Лачек упустил свой шанс найти проводника и понапрасну потерял целый день. На дворе уже почти стемнело, крестьяне начали разбредаться по домам, а оставшиеся в трактире не горели желанием в ...надцатый раз выслушивать его «выгодное» предложение. И тут произошло невероятное. Покинувшие питейную мужики неожиданно вернулись обратно, а вслед за ними в ворота ворвался десяток солдат, с ног до головы закованных в блестящие латы.

Рефлекторно майор схватился за меч, но тут же убрал ладонь с рукояти. Солдат было слишком много, а он один при оружии, не считая охранников, которые ни за что не вступились бы за крестьян и того балбеса в овчине, несколько минут назад отшвырнувшего в сторону свой меч. В голове новичка, почти стажера, закружились классификационные образы из раздела «геральдика Лиотона», Палион пытался определить, кому служили воины, и, в конце концов, поиск привел к неутешительному результату. Перед ним были мракобесы-головорезы из Небесной Братии, от которых можно было ожидать чего угодно, кроме милосердия и пощады.

«Они не уйдут, не оставят деревню в покое, пока не вздернут парочку-другую крестьян по обвинению в сговоре с нечистой и в колдовстве», — сделал вывод Лачек, припомнив из школьного курса истории, что такое «охота на ведьм» и «инквизиция».

— Вы, особо прыткие, в угол, а вы, опойки, оставайтесь сидеть! — командовал старший рыцарского отряда, угрожающе размахивая в воздухе хлыстом. — Хозяин, забирай своих холуев, и пошли вон отсюда, до вас мне дела нет!

Солдаты, точнее рыцари, поскольку членами Ордена становились лишь отпрыски благородных родов, обнажили мечи и плотной стеной перекрыли выход. Лачек хотел было вскопить и с разбегу проломить плечом стену, но передумал. Затея

могла оказаться слишком опасной, наверняка рыцари окружили амбар и пресекли бы всякую попытку побега.

— Трое на выходе, остальные займитесь делом! Вы помните, кого мы ищем. Внешность не имеет значения, для хорошего колдуна личину сменить, что батраку в морозный день литр хозяйской водки выжрать. Над левой грудью родинка, чуть меньше монеты, перевернутая подкова, проверить всех! — выкрикнул командир, снимая страшный, рогатый шлем.

Под стальной маской забрала скрывалось добродушное, почти детское лицо юноши, изуродованное косым, рваным шрамом. «Это след когтя, когтя очень большой кошки, тигра или льва...» — присмотревшись к давней ране, решил Палион и удивился, откуда в здешних краях водились тигры.

«Хорошего же ты обо мне мнения, малыш, а я и не знал, что на такое способен», — усмехнулся в душе Вебалс, прекрасно отдавая себе отчет, что добраться до его удаленного закутка поборники Света так и не успеют. На срывание рубах с сбившегося в кучу стада крестьян должно было уйти какое-то время, а притихшие за столом уже стали испытывать необычайный прилив сил. Чернокнижник заметил, как у ближайшего к нему мужика задергались кончики пальцев, а шея сидевшего к нему спиной крестьянина покрылась мелкими красными пятнами и волдырями. «Вутеры, все-таки паршивцы-вутеры, — едва слышно прошептал Вебалс, поднимаясь со скамьи и готовясь к предстоящему бою. — И зачем только эти идиоты-рыцари сюда сунулись?! Столько невинных жертв будет, но бойню уже не предотвратить!»

Стальные перчатки солдат бойко разрывали хламиды крестьян. Досмотренных тут же выталкивали наружу, сопровождая тычком кулака в бок или сильным пинком. Без этого было нельзя, благородные рыцари находились в плену заблуждения, что иного языка простолюдины не понимали. Небесные братья увлеклись досмотром и не заметили, что сидевшие за столом превратились в чудовищ.

Все произошло неимоверно быстро. Палион не успел и глазом моргнуть, как фигуры неподвижно восседавших стали расти и увеличиваться в объеме. Плечи расширились раза в два, если не в три, головы вздулись, челюсти вытянулись, обнажая

здоровенные клыки, белизне которых позавидовал бы любой телевизионный красавец; кожа выпивох мгновенно покрылась шерстью и коричневой чешуей, блестящей и мерцающей в свете факелов. Пятнадцать пар когтистых лап, как мячик, подкинули в воздух тяжелый, дубовый стол и сбросили его на головы стоявших к ним спиной рыцарей. Снаряд обрушился на людей и придавил их к земле. Амбар заполнился стонами и яростным звериным рыком. Десять огромных хищников дружно накинулись на бесформенную кучу барахтающихся под столом тел и принялись рвать их на куски, тут же пожирая отделенные конечности.

Трое часовых на воротах не успели прийти своим собратьям на помощь, их мгновенно разорвали на части накинувшиеся со спины оборотни. В одном их зверей с окровавленной волчьей мордой Палион узнал по одежде увальня-трактирщика, другие чудовища наверняка были его сыновьями и прислугой, неосмотрительно отпущенными небесными братьями.

Четверо охранников выхватили мечи и встали плечом к плечу, прикрывая своего проснувшегося и тут же обмочившегося со страху господина. Весьма эффективный в обычном бою плотный строй только усугубил и без того плачевное положение стражей. Сталь меча взмыла в воздух, прикрывая головы солдата от удара когтистой чешуйчатой лапы, но вутер перехитрил противника, мгновенно изменил траекторию движения гибкой кисти, взял немного пониже и на лету оторвал противнику руку по самый локоть. Вытаращив глаза и ловя воздух широко открытым ртом, охранник изумленно уставился на уродливый обрубок, из которого фонтаном хлестала кровь. Закричать он не успел. Вутер и еще парочка подоспевших ему на подмогу оборотней синхронно прыгнули на прижавшихся спинами к стене людей, повалили их и в считанные секунды разорвали на части. Это был не бой, даже не резня, а всего лишь продолжение пиршества. Гости трактира слишком долго ждали главного блюда и успели основательно проголодаться. Пиво и овощные похлебki хорошо раззадорили их звериный, в буквальном смысле слова, аппетит.

Палион стоял и хлопал глазами. Он был настолько поражен увиденной деформацией и той быстротой, с которой люди

превратились в объедки, что даже позабыл вытащить из ножен меч. Снаружи амбара доносился вой и лошадиное ржание, это сбегавшиеся на кормежку хищники расправлялись с лошадьми, в том числе и с его старушкой-кобылой. Из состояния оцепенения разведчика вывела чешуйчатая лапа, быстро приближающаяся к его голове. Один из вутеров заметил оставшегося в живых человека и решил исправить ошибку, а заодно и полакомиться целым куском плоти, не деля его с товарищами.

Слава рефлексам, сформированным годами упорных самоистязаний на тренировочных площадках! Они не подводят, даже когда мозг владельца полностью парализован страхом. Лапища должна была сорвать голову с плеч застывшего столбом наемника, но схватила лишь пустоту, а через миг об ромбовидную, покрытую костяными наростами голову чудовища разбился вдребезги дубовый табурет. Дерево не смогло проломить крепкий череп, но зато оглушило вутера. Очнувшийся Палион мысленно поблагодарил того, кто пришел ему на помощь и, выхватив меч, нанес сильный, рубящий удар по левой ключице ошарашенного чудовища.

Острейший, покрытый сверху толстым слоем тевона клинок легко прорубал доспехи и резал как масло восьмисантиметровую арматуру, но перед панцирем чудовища сплеховал, проскользил вниз, оставив на бронированной шкуре лишь едва заметную глазу царапину, которая, кстати, тут же срослась. Вутер рассвирепел и издал оглушительный рык, широко распахнув огромную пасть с тремя рядами мелких и острых, как у акулы, зубов. Не раздумывая, Палион погрузил клинок в пасть и успел его выдернуть буквально за долю секунды перед тем, как челюсти со скрежетом захлопнулись. Враг обмяк и, ломая телом стоящую перед ним скамью, повалился на пол.

«Молодчина, хорошая работа! — произнес откуда-то появившийся у Лачека в голове приятный мужской голос. — Но в следующий раз советую не рубить, а колоть точно в центр грудной клетки, там у вутеров в панцире щель, мимо сердца при желании не промажешь!»

Палион оттер со лба пот и огляделся по сторонам. Чудовища не накидывались на него лишь потому, что в другой части

амбара до сих пор кипел бой. Хищники побросали недоеденные кости да мясо и устремились к тому, кто еще держал оборону в дальнем углу. Лачек был поражен. «Кто мог выстоять против нежити так долго?! Да в живых-то уже никого не осталось, разве что...» — майор нахмурил лоб, он вдруг вспомнил про чудака в овчинной шкуре, добровольно избавившегося от своего меча перед самым началом схватки.

Увидеть, что творилось в углу, было нельзя, обзор закрывали волосатые и блестящие спины чудовищ, пытавшихся добраться до неимоверно проворной добычи. Однако сквозь злобное рычание и шум клацающих клыков время от времени доносились предсмертное поскуливание и жалобные, квакающие звуки, должно быть, издаваемые поверженными вутерами.

Палион хотел вмешаться, прийти одиночке на помощь, но побоялся. Любое из чудовищ разорвало бы его одним взмахом лапы. Бежать же майор не мог. Оторвавшиеся от пожирания свежей конины, оборотни сбегались в амбар, притом не только через ворота, но и легко делая дыры в прогнивших стенах.

Перевернутый стол, ставший могилой плитой для груди обьедков, внезапно зашевелился. Пробегавшие мимо твари остановились и ощерились, предвкушая появления недобитого врага. Палиону стало жалко несчастного, сумевшего уцелеть, но не догадавшегося выбраться из-под завала мертвых тел незаметно, ползком. Разведчик с ужасом ожидал момента, когда поднявшегося на ноги разорвут на мелкие части и тут же сожрут, но providение приятно удивило майора, преподнеса алчущим мяса хищникам роковой сюрприз.

Дубовый стол снова взмыл к высокому потолку и, переломившись о перекрестье стальных балок, обрушился на головы чудищ грудой обломков. Амбар сотрясся от сильного удара, Палион едва устоял на ногах, а затем, разинув рот, наблюдал за воскрешением грозного рыцаря. Командир отряда, а это был именно он, какое-то время молча стоял на широко расставленных ногах и, слегка наклонив голову вниз, следил за действиями приходящих в себя чудищ. Погнутые, искореженные пластины доспехов свисали с его рук и ног, как ошметки содранной кожи. В центре вогнутой внутрь кирасы зияло четыре дыры с неровными, рваными краями, следы удара лапы вуте-

ра (у оборотней пять пальцев). С левой стороны лица свисали куски мяса вперемешку с кожей и пучками слипшихся от крови волос. Даже издалека, даже при плохом освещении Лачек разглядел, что оголенный череп молодого рыцаря был не из кости, а из темно-синего, хромированного сплава Р459Б, которого, кстати, на этой планете еще не умели производить.

«Так вот куда подевались роботы-наблюдатели, — догадался Палион. — Видимо, им надоело просто смотреть и не участвовать в играх. Что это: сбой в программе или чье-то целенаправленное вмешательство, а может быть, меня опять о чем-то забыли предупредить?» Размышлять, гадать да прикидывать было некогда, у разведчика появился реальный шанс выжить, и не воспользоваться им было грешно.

Робот не дал врагам окончательно отойти от потрясения. Молниеносно выхватив меч, рыцарь одним прыжком поравнялся с одним из оборотней и метким ударом срубил волчью голову, затем уклонился от падающего тела и свободной рукой перехватил за кисть летящую к его горлу лапу. Резкий рывок вверх, хруст, и монолит костей, мышц и сухожилий изогнулся гусиной шейкой. Послышался пронзительный вой, тут же потонувший в шуме продолжавшегося боя.

Палион заколебался и, наконец-то плюнув на необоснованно высокий риск вместе с ответственностью за возложенную на его плечи миссию, решил прийти на помощь механическому союзнику. Шкура оборотней оказалась намного податливее, чем чешуйчато-костяной панцирь. Остро заточенное лезвие меча легко разрубило мышцы волчьей спины, ушло вбок, описало кривую дугу в полете и, использовав силу инерции, нанесло последний, смертельный удар сзади по основанию шеи. Тем временем почему-то бормочущий себе под нос отрывки псалмов робот-рыцарь справился с двумя противниками и застыл, пытаясь принять решение: продолжить ли бойню чудовищ или напасть на отбивающегося от их атак Вебалса.

Видимо, программа рациональности поведения в боевых условиях в очередной раз зашла в тупик, искусственный интеллект попал в ту же самую западню, в которую некогда угондил небезызвестный Буриданов осел. Не в силах выстроить чет-

кий алгоритм действий по основной задаче, электронный мозг перешел к выполнению вспомогательной, а именно уничтожению свидетелей, лицезревших его уродливый хромированный лик.

Сильный удар, нанесенный с прыжка, сбил Палиона с ног. Майор не ожидал предательского нападения машины и едва успел поднять для защиты головы меч. Необычайно прочный клинок из тевона, которым разведчика снабдили перед высадкой на планету, обломился, как тонкая деревянная палка. Лежа на спине, Лачек с ужасом наблюдал, как рука робота взмыла вверх и тут же полетела вниз, приближая смертоносное лезвие к его горлу. Шанса увернуться не было, обрубок меча длиной всего в несколько сантиметров не смог бы отразить удар. Майору оставалось только молиться или произнести волшебное заклинание, что он и сделал. «БК789КС», — слетело с побелевших губ Палиона в тот самый миг, когда острое клинка уже почти коснулось горла.

Робот застыл, потом накренился на бок и упал на тело мертвого оборотня. К тошнотворным запахам крови и свежего мяса прибавился омерзительный чад паленой резины и плавящегося металла. Введенный код не только остановил машину, но и включил режим самоликвидации, по счастью без термоядерного взрыва, уничтожившего бы все в радиусе пары десятков миль.

«Хоть в этом очкарики проклятые не переборщили, а то любят планеты целиком взрывать да санацию помещений огнеметом производить», — усмехнулся Палион, с трудом поднимаясь на ноги и машинально подобрав необычайно острый и прочный меч псевдорыцаря.

Как ни странно, бой еще продолжался, притом удача изменила волосато-чешуйчатому альянсу. Чудовища так и не смогли реализовать численного преимущества и гибли, как тараканы под подошвой старого тапка. Земляной пол был усыпан обломками мебели, черепками посуды, мертвыми телами и их отдельными фрагментами, притом уже было не разобрать, где человеческие останки, а где тела чудовищ. Нападавших стало значительно меньше, точнее, осталось всего трое. Вутеры устали, а между ними быстро крутилось неутомимое веретено в обрывках кожаной куртки и овечьей шкуры. Палиону

еще никогда не доводилось видеть такой поразительной скорости и странной техники рукопашного боя. Рыжеволосый, с ног до головы перепачканный кровью, ловко увертывался от ударов когтей или парировал их встречными ударами точно по кистям противников, потом бил сам — кратко, отрывисто, сильно. Его с виду обычные руки обладали каким-то магическим свойством. Пальцы проникали сквозь толстую кожу или бронированную чешую и вырывали кости, при этом даже не повреждая мышечных тканей.

«Наверное, это и есть тот самый колдун, которого разыскивает Орден, — догадался Палион и попытался к выходу. — Черной магии, конечно, не бывает, впрочем, как и белой, но лучше мне убраться отсюда!»

— Не спеши, разговорчик имеется, — произнес почти по слогам запыхавшийся Вебалс, вырвав и небрежно откинув в угол позвоночник последней твари. — Ты на болото идешь, могу проводить.

— Не волнуйся, я как-нибудь сам доберусь, — пытался вежливо отказать от услуг добровольного проводника майор, но перед его глазами быстро промелькнула тень, и в ворота рядом с ухом разведчика вонзился еще кровоточащий обрубок черной волосатой кисти оборотня.

— Мне по пути! — произнес Вебалс из рода Озетов и зловеще ухмыльнулся окровавленным ртом.

По-видимому, в бою чернокнижник пользовался не только убийцами-пальцами.

Глава 4

ТАЙНА РОДА ОЗЕТОВ

Пожар — красивое зрелище, в особенности если горит не твой дом и твоя собственная жизнь находится в безопасности. Яркое-красное пламя жадно пожирало стены деревенского амбара и вздымалось ввысь, в черноту звездного неба. Огонь очищает и заметает следы, он верный союзник тех, кому есть что скрывать.

Сняв с себя разорванную в клочья овчину и разрезанную когтями кожанку-безрукавку, Вебалс бросил одежду в огонь и застыл с печальной улыбкой на лице, наблюдая за детищем рук своих, пожаром, охватившим не только разгромленное пристанище нежити, но и всю деревню. Сначала языки пламени лизнули крышу церквушки, затем поднявшийся ветер помог им перекинуться на дома по соседству, а через четверть часа округа превратилась в огромный костер, который некому было тушить.

Крестьяне скрывались в лесу, визит рыцарей Ордена напугал любителей рискованных компромиссов. Они не вернулись, когда в разгромленном амбаре затихли последние звуки сражения, не вышли из леса, и когда запылали дома. Вебалс знал, что делал. Он не только очистил деревню от скверны, но и преподал трусливым крестьянам хороший урок. «Бобровые Горки» будут отстроены вновь, но их жители уже никогда и ни за что не пойдут на сомнительные соглашения, не предадут род людской и не станут безвольными слугами чудищ. Голод, нищета, лишения и приближающаяся зима без крыши над головой — хорошие учителя для трусов, не внемлющих языку чести и разума, а понимающих лишь силу и основанные на страхе запреты.

— Деревушку не жаль? — поинтересовался Палион, почему-то не чувствующий ни страха, ни отвращения, находясь в компании бессердечного колдуна.

— Не-а, — спокойно ответил Вебалс, даже не повернув головы. — Они заслужили. Глупцов учат кнутом, жестоко учат, а иначе толку не будет.

— Хоть бы церквушку пожалел, — проворчал себе под нос разведчик, осматривая необычайно легкий и острый трофейный меч.

— А зачем? Самое бесполезное заведение, — хмыкнул колдун, на сей раз удосужившись повернуться к собеседнику лицом. — Духовники должны служить людям, а не богам, воспитывать в ожесточенных суровой жизнью душах любовь и уважение к ближнему своему, помогать запутавшимся и сбившимся с пути решать сложные этические задачи, а они лишь псалмы горланят да деньги дерут. Извини, совсем забыл, по праздникам еще убогих по головкам гладят да милостыню раздают. От

прихода этого крестьянам ни зла, ни добра не было, бесполезное здание. Вообще хватит трепаться, пошли!

Вебалс развернулся и, подав знак Палиону следовать за ним, направился мимо полыхающих строений к опушке леса. Он ни разу не обернулся, как будто знал, что новый компаньон не сбежит и не ударит в спину. Поначалу Лачек подумывал о побеге, но в ходе недолгих размышлений отбросил эту затею и поплелся следом. Колдун был единственным, кто предложил ему услуги проводника. К тому же, если Вебалс замыслил недоброе, то убил бы его еще в амбаре и не стал бы оставлять попутчику-пленнику меч, тем более такой, разрезающий шкуры чудовищ, как столовый нож теплое масло. Обдумав возможные последствия совместной прогулки, Палион ускорил шаг, но смог поравняться с провожатым лишь у опушки леса.

— Давно ты здесь? — спросил колдун, внимательно смотря себе под ноги и даже не обернувшись при приближении попутчика.

— С полудни сидел, а может, и с утра самого, теперь уже не упомяну... перемешалось усе в башке, — ответил Палион, пытаясь создать какую-никакую иллюзию северо-западного лиотонского говора.

— Бывает, — сказал колдун и, сорвав на ходу огромный лист лопуха, принялся оттирать им запекшуюся на лице кровь, как не трудно было догадаться, чужую. — Но я не о том! В нашем мире-то давно прозябаешь, день-два?

— Ты о чем это? — позабыв о фонетических играх, чуть не выкрикнул майор, по спине которого вдруг прокатилась волна мурашек.

— Послушай, я ведь колдун, вашего «небесного» брата за версту чую!

Вебалс резко развернулся и сделал шаг вперед, приблизившись к Лачеку на расстояние вытянутой руки. Умные глаза пронзили майора насквозь, а на не до конца отчищенных от крови губах заиграла хитрая, заговорщицеская усмешка. Через две-три секунды соревнования в гляделки, Палион отвел глаза, и его взгляд упал на левую грудь колдуна, где сквозь заросль рыжеватых волос проглядывала маленькая, еле заметная родинка в форме перевернутой подковы.

— Ты ведь тоже прибыл оттуда, с Небес, — Вебалс кивнул головой в сторону звездного неба. — Ты такой же, как и предводители рыцарства, но только настоящий, а не искусственный. Ты удивился, но не испугался, когда увидел истинное лицо командира отряда. Ты знал заклинание, смертоносное, как сталь твоего меча, с помощью которого ты мгновенно уничтожил могучую боевую машину. Ты прибыл сюда, чтоб узнать, что случилось с твоими товарищами, тем небольшим отрядом, что погиб на болотах... я прав?!

Вебалс замолчал, он не собирался продолжать путь, пока не услышал бы подтверждение своего предположения.

— Откуда... откуда ты так много знаешь?! — выдал себя Палион, понимая, что отпираться бессмысленно.

— Ну, я же колдун все-таки, мне иногда доступно читать мысли, — напряженное лицо Вебалса вдруг расплылось в широкой улыбке, и он панибратски, по-дружески хлопнул разведчика по плечу. — В том нет твоей вины, Палач, ты хорошо адаптировался к нашей планете, да и мыслишки свои под крепким замком держишь, но когда человек напуган или на чем-то сосредоточен, то контроль над сознанием ослабевает. В бою с чудовищами твой мозг судорожно искал путь к спасению, он был готов впустить в себя любого, кто предложит помощь и дельный совет. Такова уж природа человека, ее глупо винить, ее, как распутницу, стоит принимать такой, какова она есть.

— Что ты собираешь делать? — спросил Палион, минуя в общении стадию глупых расспросов.

Уж если чернокнижнику был известен его позывной, придуманный на скорую руку Дедулей, то значит, серое вещество в его голове было изучено основательно. «У колдуна несомненно имеются свои интересы, он собирается завести со мной какую-то хитрую игру, использовать мои знания в своих целях, — просчитывал ситуацию Палион, ожидая ответа. — Отказаться, значит, стать мертвецом или остаться одному в мире, который я совершенно не знаю. Ведь всего три дня назад я даже не подозревал о существовании РЦК678. Предложит сотрудничать, соглашусь, поиграем в двойного агента, не впервой...»

— Мы идем на болота, я покажу место, где погиб отряд. На многое не рассчитывай, слишком много времени прошло. Но

если повезет, то и того, кто убил твоих сородичей, отыщем. Только без глупостей и показного геройства, он очень серьезный противник... — Вебалс на секунду задумался, стоит ли посвящать чужака в свои дела, а потом добавил: — ...и мой злейший враг.

Палион открыл было рот, чтобы сразу озвучить целый ряд крутившихся у него в голове вопросов, но колдун не захотел продолжать разговор. Он развернулся и углубился в чащу леса, оставив Лачеку небогатый выбор: уйти, пребывая и дальше в неведении, либо последовать за ним в дремучую неизвестность.

Палион впервые попал в лес на этой планете, да и вообще на лоне природы очень давно не бывал. Он не понимал, как колдун умудрялся находить дорогу среди растущих почти вплотную деревьев и кустов, оврагов и пригорков, некоторые из которых шевелились, поскольку были или неизвестными животными или муравьиными кучами.

Четверть часа скитаний по дремучим дебрям измотали разведчика, но наконец-то впереди появился просвет. Лес перестал быть сплошным массивом, но зато под ногами появилась вода — холодная мутная жидкость, на поверхности которой плавали опавшие листья, кора и какие-то грязно-зеленые сгустки, нечто среднее между амебами-переростками и свалившейся тиной. В нос разведчика ударил запах гниения и забродившей капусты.

— Немного передохнем, — скомандовал Вебалс, прислонившись голой спиной к отсыревшему стволу неизвестного майору дерева. — Твоим сородичам не повезло, их стубила жажда познания. Человек вообще очень любопытное существо, как раз от этого и проблемы.

— А подробнее можно? — утомленному прогулкой по пересеченной местности Палиону надоел язык намеков и загадок. Хотелось ясности, и грех было его за это винить.

— Можно, — пожал плечами Вебалс и добродушно улыбнулся, что как-то не сочеталось с разводами крови на его лице и добротой прищуренных глаз, которой позавидовал бы бывалый маньяк-потрошитель. — Я не знаю, зачем они пришли на болота. Наверное, их интересовал заброшенный храм в не-

скольких верстах к северу отсюда. Но без проводника они сбились с пути и наткнулись на одно из логов Кергарна. К несчастью, он, по-видимому, находился в то время именно там.

— А что же они в лес без проводника сунулись?

— Я-то почему знаю?! Возможно, проводник и был, да от тварей лесных его не уберегли, в чаще всякое случиться может...

— Кто он такой?

— Говорят же тебе, колдун.

— Отшельник?

— Нет, но нелюдим, действует всегда в одиночку или чужими руками, не любит массовых баталей, шума, людей, гнedyх лошадей и много чего еще... В общем, достаточно неприятный тип. Если повезет, сможешь сам убедиться.

— Что значит твое «если»? — заподозрил неладное Палион.

— Если я дорогу найду, да если он еще не скрылся. — На Вебалса вдруг напал сон, и, борясь с ним, колдун окунул голову в холодную воду, затем, вытерев лицо и стряхнув со щеки пару присосавшихся к ней пиявок, продолжил вещать все в той же невозмутимой манере. — Во-первых, дороги я точной не знаю, по запаху ориентируюсь. Подручные-вутеры к нему в гости часто заходили, их ароматами здесь каждая сосенка пропиталась, а запах я еще во время боя запомнил.

— Ну а во-вторых?

— Зря я амбар запалил, мог учуять, паразит, неладное. Хитер он больно да осторожен, уж сколько времени за ним гоняюсь, никак догнать не могу.

— И что же он сделал такого...

— Многое, — перебил разведчика Вебалс, — всего не расскажешь, да и не нужно тебе этого знать. Лишняя информация лишь вредит, мозги засоряет да с толку сбивает. Достаточно, что он твоих собратьев убил да вместе с такими же мерзавцами, как он, нежить лесную создал.

— Зачем я тебе? — неожиданно для самого себя задал Палион откровенный вопрос. — Если этот Кергарн такой же, как ты, то мой меч для дела вряд ли сгодится, только под ногами мешаться будет.

— Преимущество моего положения заключается в том, что я не обязан отвечать на вопросы. Хочешь, следуй за мной; не

хочешь, обратно бреди, если дорогу найдешь! — сурово произнес Вебалс и, рывком оторвав спину от дерева, на котором полулежал, побрел по доходившей уже до колена воде дальше, в сторону видневшихся впереди тростника и болотных кочек.

— Постой, ну а роботы?! Как они... — прокричал ему вслед Палион, прикладываящий немало усилий, чтобы понять суть заварушки, начавшейся более года назад на этой планете.

— Сначала Кергарн, потом ответы, — пробубнил Вебалс, продрогший до костей, уставший и не находивший в себе сил для долгих объяснений и дебатов.

Идти по болоту оказалось еще труднее, чем пробираться сквозь чашу. В ранний, утренний час ленивое солнце еще не показало свой бледный, заспанный лик. Бредя в клубах густого тумана, Палион едва различал спину прокладывающего путь проводника. Кроме того, он никак не мог отделаться от ощущения, что на него кто-то смотрит, притом не просто смотрит, а жадно пожирает голодными глазами, ощупывает взглядом каждый сантиметр его аппетитной, скрытой одеждой, но источающей притягательный аромат плоти. Если бы не компания Вебалса, то наверняка пришлось бы туго. Болотные твари испытывали перед колдуном какой-то первородный страх, наблюдали, но не нападали, а при приближении парочки к ним, скрывались в мутной, вонючей воде.

Хищник чувствует хищника и преклоняется перед силой, которую ему никогда не одолеть. «Какой огромный кусок мяса, вот бы его съесть», — думает голодный котенок, ластясь к хозяйину и настойчиво выклянчивая мисочку молочка. Только в безумии животные осмеливаются бросить вызов тому, кто в несколько раз больше и сильнее.

Колдун не спешил, предпочитая двигаться осторожно и исключить возможность неприятных случайностей. Лишь изредка он оглядывался, проверяя, как дела у напарника, и, недовольно наблюдая за неловкими движениями Палиона, бросал короткие фразы: «Иди след в след!», «Осторожней!» или «Не зевай!».

Скитания в тумане продолжались более двух часов, но наконец путники достигли твердой земли. Дальше идти стало лег-

че: хоть по пояс в воде, но зато без опаски, что наступившая на кочку нога соскользнет, и ты провалишься с головой в вязкую бездну, где тебя уже поджидают проголодавшиеся осклизги и прочая болотная дрянь; мерзкая и отвратная, до которой даже противно дотрагиваться.

Палион не предполагал, что так сильно обрадуется, когда снова увидит кусты, лишь слегка мокрые от утренней влаги. Уставшее тело тянуло к земле, но проводник был жесток и, непрерывно бурча, что промедление смерти подобно, тянул компаньона вперед, в чащу начинающегося за болотом леса. После недолгой прогулки среди редких деревьев, пожухлой травы и обглоданных кем-то костей, медвежьих, волчьих, барсучьих и изредка человеческих, маленький отряд наконец-то достиг конечной цели своего путешествия, большого оврага, с противоположной стороны которого виднелся прикрытый ветками вход в нору чуть выше человеческого роста. Дно оврага было усыпано проржавевшим оружием и костями, пролежавшими в сырости всяко долее года.

— Твой? — спросил Вебалс, кивая в сторону мертвых тел и груды испорченного оружия.

Колдун впервые за несколько часов обратился к спутнику с вопросом и позволил себе присесть после утомительного похода.

— А я почему знаю? Сейчас уже не разобрать, — произнес Палион, спустившись вниз и с опаской расхаживая между обглоданными останками.

Он пытался найти хоть что-то, что позволило бы определить принадлежность погибших к его миру: какой-нибудь предмет, тайно пронесенных сквозь строжайший карантин, или остатки тевонового сплава на оружии. Но все было тщетно. Как Лачек и предполагал, покрытый тевоном клинок выдали при отправке только ему, чтобы хоть как-то увеличить шансы на выживание разведчика-одиночки. Пропавшая же экспедиция была оснащена совершенно идентичными копиями местного оружия: как по внешнему виду и остроте заточки, так и по низкому качеству стали.

— Кинь-ка вон тот черепок! — решил прийти на помощь товарищу Вебалс.

Брезгуя прикоснуться к останкам руками, Палион осторожно поддел мечом указанный череп, уже не понятно принадлежащий какому из тел, и подбросил его в воздух. Вебалс ловко поймал мерзкий снаряд и, внимательно осмотрев его со всех сторон, кинул обратно в овраг.

— Твои сородичи, точно твои, — огласил свое заключение рыжеволосый эксперт. — Это был мужчина старше пятидесяти лет. Наши мужики редко до стольких доживают, а если уж посчастливилось, то по болотам в доспехах не лазают, дома сидят.

— А вдруг...

— Но это еще не все, — не дал привести контраргументы колдун. — Большинство зубов уже начали распадаться, от них отслаивается верхний слой, а коренные на нижней челюсти прям как новенькие, хоть себе в рот засунь да жуи.

— Протезы, — догадался Палион.

— Не знал, что это так называется, но тебе видней, — хмыкнул колдун. — Я выполнил первую часть нашей сделки, привел тебя к месту гибели «небесного» отряда, теперь самое время перейти ко второй!

Успевший восстановить силы колдун быстро поднялся на ноги и, спустившись в овраг, сразу направился к входу в зловещую нору. Палион пошел следом, но Вебалс резко развернулся на каблуках и жестом остановил соратника.

— Внутрь не суйся, не твое это дело, охраняй вход! Если к оврагу приблизится человек или зверь, убей! Если же из пещеры выйдет кто-нибудь, кроме меня, добей! После схватки со мной Кергарн будет ослаблен, ты сможешь покончить с ним за отряд.

Вебалс вынул из ножен меч и воткнул его в землю. Видимо, поединки между колдунами проходили без использования человеческого оружия. Глупо хлестать друг дружку по щекам тапками, когда есть крепкий кулак, с нетерпением ожидающий момент, когда его почешут о желанную физиономию противника.

Вебалс скрылся в пещере, Палион остался один и, силясь разогнать страх, навеваемый протяжным воем местных зверушек, принялся размышлять на приятную тему: как быстрее добраться до города и прогулять остаток казенных монет в ка-

баке. Желания сразу выйти на связь с Дедулей не возникло. Старик мог и подождать, тем более что пока сообщить разведчику было нечего. Гибель убийцы «небесного» отряда не даст ответа на основной вопрос: «Что происходит на этой чертовой планете и почему вернувшиеся с нее гибнут, как потравленные ядом крысы?»

Относительную тишину враждебного леса внезапно нарушил пронзительный крик, исходивший из недр пещеры. Затем землю сотряс толчок, от которого дружно подпрыгнули кости покоившихся на дне оврага скелетов. Палиона качнуло, но он устоял на ногах. Крики зверей вдруг стихли, дикие создания решили покинуть округу. В подземелье проходила ожесточенная схватка двух заклятых врагов. Если было бы возможным, Палион тоже поспешил бы дать деру, но иногда долг и ответственность заставляют проявлять мужество, на которое при иных обстоятельствах ты был бы не способен. Разведчик ждал, стойко перенося все последующие толчки и выслушивая истошные вопли, доносившиеся изнутри. Через четверть часа сражение чернокнижников окончилось, и внезапно воцарилась небывалая тишина, от которой даже стало жутко.

Из черноты узкого прохода донеслись новые звуки: чьи-то шаги и сбивчивое дыхание, сопровождаемое громкими хрипами да стонами. Шатаясь и судорожно хватаясь за торчащие из земляной стены корни деревьев, наружу выполз окровавленный Вебалс. Ожогам и порезам на его коже не было числа, куцые остатки некогда шикарных бакенбард дымились, а глаз не было видно из-под вздувшихся и опухших век.

— Помогите! — жалобно простонал колдун, протягивая Палиону трясущуюся, лишившуюся половины пальцев руку, и упал на колени.

Отбросив в сторону меч, Лачек кинулся на помощь раненому. Он помог ему подняться с земли, и только тогда заметил, что вместо перевернутой подковы на левой груди виднелась родинка в форме четырехгранной звезды.

Тело разведчика внезапно пронзила резкая боль, поднявшаяся по позвоночнику от поясницы. Одновременно прекратили работать желудок, сердце и легкие, обмякли все мышцы, а мозг как будто разбух и начал настойчивые попытки вытечь

наружу через все щели в черепе, включая обжигаемые болью глаза. Разведчик упал и потерял сознание, даже не успев напоследок подумать о смерти, которая ко всем непременно придет, придет всего один раз, но неизвестно когда.

Палион очнулся на кушетке, единственном уцелевшем предмете мебели в небольшой комнате подземелья, освещенного тремя чадившими факелами. Стол, пара кресел, скамья и обшитая мехом подставка для ног были разбиты в щепки, и их обломки валялись по всему полу. О судьбе более мелких и хрупких предметов: колб, реторт, ваз, книг и статуэток не стоило и говорить. Дуэт колдунов повеселился на славу, Палиона радовало лишь то, что он остался жив, да и с его компаньоном ничего не случилось, не считая синяков, ссадин и пустяковых порезов.

— Извини, я не знал, что он так может, — произнес пытавшийся разжечь разрушенный камин Вебалс, услышав жалобный скрип кушетки, зашатавшейся, когда Палион на ней заворочался. — Такова уж она наша проклятая жизнь, никогда не знаешь, где подвох.

— Он был точь-в-точь как ты, он превратился тебя, — Палион стал медленно принимать вертикальное положение, одновременно борясь с сильным головокружением, кочующей по всему телу мышечной болью и спазмами рвущегося наружу желудка.

— Да ни в кого он не превращался, просто тебе внушил, что он — это я, и сделал это умело, — уточнил Вебалс, повернувшись к разведчику лицом. — Только не рассчитал с родовым знаком, который не подвластен чарам иллюзии.

— С каким знаком? — переспросил Лачек, сразу не сообщив, что речь идет о родинке на левой груди.

— В общем, этот бой мы с тобой почти выиграли, но гаденышу удалось украсть победу и улизнуть, — делая вид, что не расслышал вопроса, строил планы вслух Вебалс. — Нам нужно покопаться в его бумагах и понять, над чем он в последнее время работал, тогда мы узнаем, где его искать: в Дукабесе, в Лархеке, а, может, в любом другом городе, как в Лиотоне, так и за пределами королевства.

— Нам?! — удивился Палион, все-таки умудрившийся встать с кушетки и не разрушить ее. — А с какой стати я должен принимать участие в твоих поисках?!

— Куда ж ты денешься? — усмехнулся Вебалс, решивший на этот раз не игнорировать вопрос, заданный громко и сопровождаемый активной жестикуляцией рук. — Дедуле-то доложить нечего. Тебя же не мстить интересует, а ты разобраться прислан, что за дрянь в ваш мир перебралась.

— Опять в моей голове копался?! — предположил Палион, но его оппонент отрицательно замотал покрытой синяками да ссадинами головой.

— Надобности не было, бредил ты, все сам и выложил, а я грешен только тем, что уши не затыкал, внимательно слушал.

— Хорошо еще, что не записывал, — проворчал Палион под недоуменным взглядом набивающегося в напарники колдуна.

— Знаешь, Палач, человек ты вроде не глупый, поэтому уговаривать тебя со мной идти я не буду, принуждать тоже, хотя бы мог, — флегматично заявил Вебалс, снова развернувшись к разведчику спиной, а лицом к камину. — Я тебе сказку одну расскажу, легенду о роде Озетов, а ты уж сам решай, как тебе с планеты нашей выбираться, с моей помощью или без... Сказка не очень длинная, но ты бы лучше присел. Еще чего доброго сознание потеряешь, а мне с тобой возиться неохота.

— Не потеряю, — буркнул в ответ Палион, но все-таки опустился на расшатанную, но героически державшуюся на кри-вых ножках кушетку.

— Как знаешь, — Вебалс вздохнул и, собравшись с мыслями, начал рассказ. — В первые десятилетия колонизации нашей планеты жизнь была довольно скучна. Переселенцы часто взирали на звездное небо, мечтая вернуться обратно, но потом несбыточные грезы покинули отверженные души, а быт начал налаживаться. Четвертое поколение родившихся уже здесь, на Шатуре, кстати, это настоящее название нашей планеты, уже не верило в бредни стариков об иных, великих мирах, из которых они якобы родом. Люди начали обустривать свою жизнь здесь, постепенно раздвигая границы крошечных владений и осваивая новые территории. И тут, совершенно неожиданно, они начали находить разрушенные строения древ-

ней цивилизации. Оказалось, разумные существа водились на планете и до них; оказалось, что они не борются с дикой природой, а всего лишь идут по стопам бывшего величия. Уже тогда набравшая силу Церковь узрела угрозу в продолжение исследований. Жажда власти — один из сильнейших пороков, блуду и обжорству с ним не сравниться. Одержимый манией повелевать и подчинять своей воле, готов жить впроголодь, но господствовать, быть тощим, как бездомный кот, но иметь в подчинении парочку подручных-мордоворотов и нескольких привлекательных самочек.

— О самочках потом, — перебил рассказчика Палион, который вдруг вспомнил, что в последний раз близко общался с женщиной полгода назад и то как-то в спешке, не основательно.

— Следы инородного были стерты с лица планеты: руины строений разрушены, а книги запрятаны по монастырям. Спустя сотню лет одному из монахов удалось изучить древний язык и первой из неумело переведенных книг стало «Величие рода Озетов», ода древним богам, покровителям и заступникам ушедшей в небытие цивилизации.

— Надеюсь, ты не собираешься запеть? — забеспокоился Палион.

— Нет, не собираюсь, тем более что важны не хвалы, облеченные в благозвучные рифмы, а та информация, которую можно из них почерпнуть. Как ни странно, но прежние обитатели Шатуры были язычниками. Нет-нет, не теми темными, невежественными глупцами, что сжигали соплеменников на кострах, разбивали лбы, молясь выточенным из камня идолам, и хлестали воду плетью, думая, что тем самым наказывают бога морской стихии. Язычество древних — не религия, а скорее образ жизни, со своей системой ценностей и представлениями о правилах сосуществования людей. Для них боги были не всесильными вершителями судеб, а старшими братьями, опекающими, воспитывающими и наказывающими своих подопечных. Они были бессмертны, но любой смельчак мог бросить им вызов и даже убить, притом обычным оружием, а не какой-нибудь волшебной, искрящей молниями булавой. Сообщество, племя богов и называлось родом Озетов.

— И это все? Какое, позволь узнать, отношение имеет вера давно вымершего народа к нашим, то есть к моим делам, — поправился Палион. — Не люблю я сказок, мне и в жизни бредятины вполне хватает!

— Когда люди гневались на кого-то из богов, то они убивали его неверием, — повысив голос, продолжил вещать Вебалс, — его храмы уничтожались, а имя запрещалось произносить. Божество лишалось сил, если верующих в него было слишком мало, и умирало, как только в него совсем прекращали верить. А теперь представь, просто на миг предположи, что Озеты видели медленный упадок цивилизации, не смогли спасти веривших в них, но предприняли меры, чтобы выжить самим. Крестьянин в голодную зиму режет корову не потому, что жесток, а потому что у него нет сена ее прокормить, да и самому с детишками жрать охота!

— Ты хочешь сказать...

— Да, именно это. Озеты ускорили гибель древних и запаслись едою впрок, в надежде на то, что когда-нибудь, через много сотен лет, на Шатуре появятся новые люди и привычный жизненный цикл возобновится. Не буду тебя утомлять рифмованными цитатами, но древние были уверены, что боги питаются мыслями живущих, а не чудотворной амброзией, растущей где-то в воздушных садах.

Вебалс замолк, ожидая реакции собеседника, но Палион не произнес ни слова, зато уже не ворчал и не острил, а внимательно слушал.

— Нынешняя Церковь слишком упрощает понятия, она создала иллюзорную картину мира, на которой чересчур много недорисованных участков и откровенных противоречий. Ее философия сляпана на скорую руку, одни и те же слова из священных писаний можно толковать по-разному, в зависимости от преследуемой цели и даже расположения духа проповедника. Так нельзя, уже изначально, в самой системе духовности было оставлено место для сомнений и ереси. Недовольных жизнью во все времена предостаточно, одни понимают Добро по-своему, другие разочаровались в нем и ищут альтернативу во Зле, притом приписав в полк бесовского отродья и древних богов.

— Так, значит, нечисть создали Озеты?! — воскликнул Палион, вскочив с кушетки, и очень испугался, услышав вместо ответа истеричный смех рассказчика, сопровождаемый сильными ударами его кулаков по каменной кладке стены.

— Ну вот и ты утрируешь, торопишься и не хочешь понять сути, — обреченно вздохнул Вебалс, когда успокоился и перестал обдирать кожу о камни. — Если собаку плохо кормить, каждый день бить палкой по хребту и подзуживать, то она превращается в зверя страшнее самого лютого волка. Древние боги, буду называть их Озеты, питаются мыслями людей. «Мы состоим из того, что едим!» — не правда ли, знакомая формулировка? По крайней мере она крепко засела в твоей голове.

— Ох уж эта реклама пищевых консервантов, — печально вздохнул разведчик.

— А кто, в основном, обращается к Озетам? Изгой общества, озлобленные на Церковь и на людей, или алчные корыстолюбцы, пытающиеся хитростью добыть себе блага и возвыситься в обществе. Озеты не виноваты, что для ныне здесь живущих Вера стала чем-то вроде мусорного ведра, совмещенного с эффективным инструментом выбивания денег из ближних своих или абстрактных «Небес». О чем просят люди, говоря с Богом? Они или каются в грехах, избавляя совесть от накопившихся шлаков, или просят о выгоде, считая Всевышнего добреньким богатеem, щедро раздающим милостыню. И лишь немногие, очень немногие задают действительно стоящий вопрос: «Правильно ли я живу, не причиняю ли вреда другим?»

— Так, значит, Озеты пропитались дурной энергией и стали злыми? Как электромагнит, который можно зарядить как положительно, так и отрицательно, — сделал вывод Палион.

— Ты говоришь на языке, мне непонятном, — Вебалс нахмурил брови, — но общий смысл твоих слов мне все-таки ясен. К сожалению, ты абсолютно прав. Озеты постепенно начали просыпаться после тысячелетнего сна, и не все, но большинство из них были «заряжены отрицательно». Как раз с этого и началась война, на которую ты попал.

— Война?

— Другой формулировки я подобрать не могу, разве что «упорная борьба за выживание без ограничений в выборе ис-

пользуемых обеими сторонами средств», — тяжело вздохнул Вебалс.

— Война, да какая война?! Что могут люди против богов и их ужасных творений?!

— Люди, а причем здесь люди?! — удивленно вскинул брови колдун. — Люди как раз невинные жертвы в этом конфликте, страдающие от действий как одних, так и других. Даже короли пребывают в неведении истинной сути происходящего вокруг. Орден, возглавляемый стальными существами из твоего мира, узурпировал право на информацию. В ходе противоборства людей гибнет много, но происходит это случайно. Рыцарский отряд искал меня, а оказавшиеся в амбаре крестьяне не были приверженцами ни одной из сторон. Союз с чудовищами — вынужденная мера, они просто хотели выжить, грех их за это винить. Лучше не перебивай, я все расскажу по порядку! Ничто не появляется ниоткуда, из воздуха. Если наследник престола просит богов, чтобы ему посчастливилось быстрее взойти на трон, значит, приходится отнять корону, а иногда и жизнь, у загостившегося на белом свете венценосного отца. Богатство приходит к одним всегда за счет обнищания других, то же самое правило действует и при решении любовных вопросов. Заполучить последователей непросто, приходится идти на сделки с совестью, но по-другому нельзя в мире индивидуалистов-эгоистов, помогая одному, всегда калечишь судьбу другому. Люди сами виноваты, они потеряли чувство локтя, глубинный дух коллективизма и чувство ответственности за свои поступки. Когда-то основополагающий принцип: «Не хочу счастья за чужой счет!» безвозвратно канул в Лету, перестал существовать именно с той поры, как возникли первые государства, и люди прекратили мыслить категорией «мы», «мы», то есть род, племя, община, маленький коллектив близких людей. Теперь человек озабочен лишь личными интересами, а «королевство», пришедшее на смену «мы», слишком объемное, и поэтому абстрактное понятие. Кто говорит о благе отечества или лицемерит, или попусту мелет языком, не прислушиваясь к собственным словам, пустым, как дырявый бочонок. Желание Озетов привлечь на свою сторону людей, в

результате обернулось против них самих. Одновременно по нескольким королевствам прокатилась волна мелких и крупных житейских катаклизмов: быстрые смены правящих династий, бардак в торговле, вызванный разорением большинства купеческих домов, эпидемии, мор, массовые убийства. Верующие в новых богов были не чисты помыслами, жаждали денег, власти и гибели недругов. Тут-то как раз и возник Небесный Орден. Церковь во всеуслышанье заявила, что повинны в людских несчастьях приспешники темных сил и всякая бесовская нечисть, что настала великая битва Добра со Злом.

— Роботы были запрограммированы на наблюдение и могли вмешиваться в дела людей лишь в исключительных случаях, например, если какому-нибудь корольку захочется завоевать весь мир, и он начнет активно терроризировать соседние королевства, — не обращая внимания на изумленно хлопавшего глазами, не понимающего многих слов Вебалса, рассуждал вслух Палион. — Видимо, они и посчитали этот случай исключительным, перешли из режима наблюдения в режим поиска и ликвидации угрозы. Временно приостановив выполнение других задач, оборвали связь с внешним миром и приступили к восстановлению равновесия. Иными словами, объявили карантин, или нет, точнее, как компьютер, локализовали систему для проведения антивирусных мероприятий. Частичная потеря информации и дискового пространства для них не важна, конечная и единственно значимая цель — полнейшая санация пораженной системы!

— Дружище, ты здоров? — озабоченно поинтересовался Вебалс, когда поток незнакомых слов наконец-то иссяк.

— Вполне, — радуясь своей догадке, ответил Палион, — просто размышлял вслух на «небесном» языке.

— А-а-а, тогда ладно, — протянул Вебалс и продолжил рассказ. — Первые удары рыцарства были нанесены точно: погибло трое самых активных Озетов и более ста их поклонников, число невинных жертв неизвестно, но думаю, их было немало, по крайней мере знаю, что сгорело дотла несколько городов. Потом Озеты сделали ответный ход, создали нежить, тех же самых искусственных существ-бойцов, но из доступно-

го материала, то есть плоти и крови. Творения рук твоих сородичей более сильны и выносливы, зато на Шатуре достаточно живого строительного материала. Качественное превосходство Небесной Братии компенсируется количеством вутеров, оборотней и прочих существ-убийц, бродящих по лесам.

— А людей-то они зачем жрут, если со свихнувшимися роботами воюют?!

— Любой организм, даже искусственный, должен чем-то питаться. Черпать силы, поглощая сталь, невозможно, — кратко ответил Вебалс. — Война будет продолжаться, а люди гибнуть до тех пор, пока одна из сторон окончательно не исчезнет с лица Шатуры. И те, и другие наносят населению ощутимый вред, ставят на грань вымирание все человечество. Одни его пожирают, другие трусливо прикрываются им, как живым щитом. Точно я сказать не могу, но мне кажется, что в Ордене не так уж и много искусственных. Они руководят, направляют борьбу, но основную работу за них делают обманутые глупцы, даже не подозревающие из чего «сделаны» их отважные командиры.

— Послушай, а сам-то ты кто такой? — внезапно возникшее в голове подозрение заставило Палиона насторожиться. Уж слишком умен был его собеседник, слишком много знал.

— Меня называют то колдуном, то Вебалсом из рода Озетов. На самом деле не важно, человек я или древнее божество. Главное, что я хочу, а хочу я многого!

— Так чего же ты хочешь?

— Хочу, чтобы люди выжили, а планета не опустела; хочу, чтобы глупая война закончилась, притом как можно скорее. До победы Озетов лет пятьдесят, если не сто; Небесное Рыцарство может закончить резню в течение десяти лет. Надеюсь, ты правильно понял, кому я собираюсь помочь, и почему. Я не одобряю методов агрессивно настроенных Озетов, да и с некоторыми сородичами, например, с Кергарном у меня давние счеты, о которых тебе и знать-то не стоит... Предвижу и твой дальнейший вопрос: «Что случилось с экспедицией?»

— Ну, и что же? — несмотря на слегка снисходительный тон, Палион наострил слух. Ему не терпелось, как можно быстрее получить ответ и улететь с этой сумасшедшей планеты.

— Дезертирство, обычное, гадкое дезертирство, — рассмеялся Вебалс и вдруг со злостью сверкнул глазами. — Пока род Озетов борется и проливает кровь в борьбе как с рыцарством, так и между собой, поскольку далеко не все из нас поддерживают Кергарна и ему подобных, эти хитрецы решили перебраться во внешние миры и там вдоволь повеселиться. На любой из планет твоего мира проживает в сотню, в тысячу раз больше разумных существ, чем на маленькой отсталой Шатуре. Там так много еды, там так можно разойтись! Они подчинили своей воле твоих сородичей и вместе с ними отправились в далекое путешествие. Озеты не могут принимать форму неодушевленных предметов, да и с перевоплощением в живую материю сложности, но зато они могут на время растворяться и прятаться в мыслях людей.

— Я должен предупредить, должен выйти на связь! — воскликнул Палион, неизвестно почему поверивший невероятному, сказочному рассказу и бросившийся стремглав к выходу.

Бегство не удалось. Дубовая дверь захлопнулась прямо перед носом разведчика, а тяжелые, стальные запоры сами по себе пришли в движение.

— Не надо спешить, — невозмутимо посоветовал Вебалс, с улыбкой на лице наблюдая за отчаянными попытками торопыги-собеседника пробить прочную дверь обломком скамьи. — Ты же не наивная девочка, ты же знаешь ход мыслей своего руководства. Дедуля ни за что не поверит сказке, рассказанной неизвестно кем — то ли сумасшедшим, то ли колдуном, то ли обычным прохиндеем. Он потребует факты, факты и доказательства, которых у тебя нет. К тому же ты сам сказал: «...Небесные братья объявили карантин... значит, они наверняка пресекут любые попытки связаться с внешним миром».

— Да что же мне делать-то?! — громко выкрикнул впадавший в отчаяние Лачек, не видя выхода из глупой, абсурдной ситуации.

— Успокоиться, а затем вместе со мной положить конец войне на Шатуре, — произнес Вебалс, гипнотизируя Палиона спокойным, уверенным взглядом. — Я помогу тебе добыть до-

казательства и научу, как покончить со сбежавшими в твой мир Озетами. Понадобится время, но оно у нас есть. Твой мир огромен, пока он выдержит пакости троих негодяев, а вот наша планета может вскоре совсем обезлюдеть. Ну как, мы заключаем союз?

Палион недолго подумал, похмурил-похмурил лоб, а затем все же кивнул, поверив единственной предоставленной ему гарантии, честному слову Вебалса из рода Озетов.

Элеонора Раткевич
Из цикла рассказов
«ТАМ, ГДЕ БУДЕТ МОЙ ДОМ»

ОДНОНОГИЙ БЕГУН
Стрела первая

Бывший младший лейтенант Северо-Западной группы войск, а ныне разведчик-диверсант спецотряда «Шелест», Шекких по прозвищу Тихоход, человек-легенда, человек-удача, только и успел подумать, что сейчас он погибнет самой глупой смертью из всех мыслимых и немыслимых — и только потому, что кот нашел кошку.

А ведь поначалу все было как обычно. Задание было вполне обычным, рутинным: уничтожить черного мага... как бишь его там по имечку?... впрочем, неважно. И замок черного мага был самым что ни на есть обычным. За годы своей службы в «Шелесте» замков этих Шекких понавидался предостаточно, и все они так походили друг на дружку, что Шеккиху иногда начинало казаться, что это один и тот же замок: везде то же вопиющее отсутствие вкуса и трогательно вездесущая мания величия, везде одни и те же магические ловушки, понатыканные за каждым углом и подозрительно однообразные лабиринты. После третьего по счету замка Шекких мог бы пройти такой лабиринт с

закрытыми глазами. Он и этот лабиринт миновал без малейшего труда. Он даже почти добрался до личных апартаментов мага. А потом вдоль его ноги скользнула серая пушистая тень и со страстным мявом бросилась навстречу другой. Шекких замер в надежде, что все обойдется, да где там! Кошка прыгнула на портьеру, кокетливо покачалась на ней и с громовым шорохом вспорола портьеру когтями. Кот призывно взвыл.

— М-мя-а-у? — недоверчиво спросила кошка, но спустить ее все же соизволила. Кот обиженно чихнул и отвернулся.

Так, подумал Шекких. Самое время удирать, пока цел. Пока лохматая парочка не занялась делом всерьез. Пока они своими воплями не поставили на ноги всю стражу, не говоря уже о владельце замка.

Шекких начал было пробираться к двери, но тут неизбежное свершилось. Огромный зал огласился столами, урчанием и мурмуравканьем — у Шеккиха аж уши заложило. Он ринулся было к портьеру — удрать явно не удастся, так хоть спрятаться, — но тут под потолком возгорелся магический свет, дверь в противоположном конце зала с грохотом распахнулась, и на пороге появился черный маг в ночной рубашке с шаровой молнией в левой руке.

Судя по его желтоватому с прозеленью лицу с набрякшими веками, маг всю ночь не иначе как животом маялся и только-только начал засыпать. Вот почему он так быстро вскочил с постели, не дав Шеккиху времени скрыться! Ничего не скажешь, приятную картину удалось улицезреть Шеккиху за миг до неминуемой гибели: кривомордый спросонья маг с недоделанной молнией в руке и ревушие от неуголимой страсти кошки, которым никакого дела нет ни до мага, ни до незадачливого разведчика — эк стараются, аж завидки берут!

Надо отдать магу должное: даже спросонья он сумел сообразить, что молнию следует швырнуть не в размяукавшуюся парочку, а в незнакомца, невесть откуда взявшегося посреди комнаты. Он и швырнул — в то самое место, где секунду назад обретался Шекких. Каменный пол заскворчал, как исполинская яичница, и слегка вспучился. Шекких вновь метнулся в сторону: оружие вытащить уже не успеть, удрать не успеть, ничего не успеть! Где же эта дверь, куда она запропастилась?

Маг воздел руки кверху, и между ними начало возникать нечто темное, плотное, мутно сочащееся какой-то белесой гадостью. Ну, давай-давай, колдуй, сколько влезет! Дверь уже рядом. Выскочу — глазом моргнуть не успеешь.

Ой, нет! Не рядом дверь. И... и вообще нигде. Нет больше никаких дверей, и окон тоже нет — исчезли куда-то. Есть только маг, изготовившийся нанести смертельный удар, да треклятые кошки...

Шекких нагнулся, ухватил за шкуру стонущий от страсти комок шерсти и запустил его прямо в помятую физиономию мага. Кот отчаянно завизжал, извернулся в полете и вцепился в подставленный локоть мага. Свободной рукой маг кое-как исхитрился швырнуть в Шекких наколдованную им впопыхах мерзость и даже принялся сотворять новую — в тот самый миг, когда в него угодила разъяренная кошка. Маг взвыл, и незавершенный обрывок темноты выскользнул из его дернувшихся пальцев — это Шекких еще успел заметить и запомнить. А потом не было ничего.

Голова разламывалась от боли. Боль урчала, мурлыкала и пыталась выбраться из черепа наружу и разорвать уши.

Шекких с трудом разлепил один глаза и попытался оглядеться по сторонам, не подымая головы.

На месте мага валялся сгусток чего-то настолько омерзительного, что Шекких тут же отвел взгляд. Очевидно, мага разразило его же собственным заклинанием. Попробуй прицельно поразить противника посредством магии, когда он в тебя кошками швыряется. Кошки, кстати, почти не пострадали. Они сидели в двух шагах от чудом уцелевшего Шеккиха и деловито вылизывались. На их пушистой шерсти кое-где были заметны небольшие подпалинки.

Замечательно, мрачно подумал Шекких. И что теперь, интересно, я должен в рапорте написать? Убил мага паленой кошкой? Срамотища...

Кот поднялся с места, неторопливо потянулся, посмотрел на поверженного разведчика-диверсанта, фыркнул неодобрительно и подошел к кошке. Кошка прекратила вылизываться, выгнула спину и вопросительно мяукнула. Ох, только не это... только не сейчас...

— Уйди, — одними губами попросил Шекких. — Уйди, а?

Кошка строго взглянула на Шеккиха, на мертвого мага, встала и неспешно направилась к двери, поведя плечом, — очевидно, призывала кота насладиться немислимыми радостями взаимной любви где-нибудь в другом месте, подальше от этих непонятных и неприглядных созданий.

Умные твари — кошки. Самое время, между прочим, последовать их примеру и убраться куда-нибудь подальше, покуда стража по-прежнему бдительно вглядывается в залитую лунным светом даль вместо того, чтобы наведаться непосредственно в замок. Хорошо еще, что стражи у черных магов — народ ко всему привычный. Маги часто испытывают новые заклинания и сооружают разнообразные колдовские непотребства — и ни один стражник, желающий дожить до ежемесячного жалования, не помчится опрометью в замок на всякий громкий звук, сопровождаемый запахом паленого: есть риск угодить ненароком в магическую ловушку, а то и попросту оказаться подопытным экземпляром. Нет, в самое ближайшее время стражники в замок не сунутся — мало ли что учудил среди ночи их хозяин? Но вот утром...

Шекких осторожно приподнялся на локтях. На губы ему стекло что-то вязкое и теплое. Шекких прикоснулся кончиком языка к верхней губе. Кровь. Точно, кровь. Вот ведь пакость. Шекких дотронулся до переносицы, ощупал нос — сначала легкими, почти неощутимыми касаниями, потом сильнее. Надо же, нос не разбит и не болит даже, а кровь идет. Скверно.

Опираясь на правую руку и придерживая голову левой, Шекких кое-как сел. Вот и молодец. Теперь еще встать попробуй, и можешь похвалить себя с чистой совестью.

— Возьми меня с собой, — прозвучало внезапно откуда-то, как показалось Шеккиху, сзади... или сбоку?

Шекких привычно повернул голову, пытаясь определить направление звука. Это небольшое движение взорвалось у него в голове мучительной болью. Словно мозг, за долю мгновения чудовищно увеличившись в размерах, ударил его изнутри по барабанным перепонкам, пытаясь выскочить через

уши. В глазах у него потемнело, тошнота едким комком подступила к горлу.

— Тише, — застонал Шекких, сжимая голову обеими руками.

— Возьми меня, — тихо и умоляюще зазвенел давешний голос.

Шекких едва удержался от того, чтобы тряхнуть головой: малейшее неосторожное движение — и он потеряет сознание. В этом Шекких был уверен твердо. А между тем тряхнуть головой очень хотелось: он, лесной охотник и следопыт, обученный эльфами разведчик, никак не мог определить, откуда исходит голос. Мало того — внутри его головы звук прыгал с места на место, отзываясь то слева, то справа... ощущение было само по себе хоть и не болезненным, но настолько неприятным, что Шеккиха так и тянуло вытрясти звук вон из головы.

— Куда ты смотришь? — на сей раз в голосе звенел скрытый укор. — Я здесь, слева от тебя.

Шекких неимоверным усилием скосил глаза влево. Никого. Развороченная взорвавшимся заклинанием стена. Обгорелая портьера. Поперек стены — огромный меч, подвешенный на двух цепях... нет, на одной — вторая оборвана.

— Забери меня отсюда, — прозвучала мольба. — Забери, пожалуйста. Я ничего дурного не сделаю, вот увидишь... никогда не подведу тебя... только возьми меня отсюда.

Теперь, когда зрение помогало слуху, Шекких понял, откуда исходит звук. Звонящий отчаянием голос принадлежал мечу. Ножны глушили звон, и рукоять меча так и пульсировала от напряжения.

Шекких встал на четвереньки и пополз, то и дело останавливаясь. Добравшись до цели, он с наслаждением прижался лбом к прохладной стене. Цепляясь за обрывки портьеры, Шекких кое-как поднялся в полный рост, постоял немного, пошатываясь, потом протянул руку и извлек меч из прикованных к стене ножен.

— Возьми меня, — еле слышный звон скатился вниз по клинку и мимолетно блеснул на острие. Шекких поморщился от боли, крепче стиснул рукоять, провел пальцами левой руки по клинку, прислушиваясь к собственным ощущениям. Да, вот

именно что прислушиваясь — надо же было такое словечко подобрать! Голова болит невступно, разламывается от малейшего шороха... содрогание боли мешает сосредоточиться, мешает понять... и все же... и все же... не мог ведь он не почувствовать присутствия черной магии... он ведь все-таки боец отряда «Шелест», а не бестолочь пехотная... даже сквозь боль — ощутил бы наверняка, если было бы что ощущать... похоже, меч этот взять с собой можно... да нет, не просто можно — нужно...

— Возьму, — прошептал Шекких почти беззвучно. — Только не звени. Иначе у меня голова лопнет, и мы оба тут останемся.

От обратной дороги у Шекких не осталось ни малейших воспоминаний. После того как он снял меч со стены и сделал шаг-другой в сторону двери, боль окутала его удушающей пеленой. Он и сам не помнил, как выбрался наружу, как вернулся к своим. А ведь как-то он, несомненно, вернулся, раз уж в себя пришел не в темнице, не в камере пыток и не на плахе за миг до оглашения приговора, а в лазарете. Конечно же, в лазарете — иначе откуда бы взяться этим встревоженным сосредоточенным лицам? И лица вроде бы смутно знакомые... двое эльфов и один человек... человек, от которого привычно пахнет чем-то очень и очень знакомым... кажется, Шекких имел обыкновение подтрунивать над этим запахом... так и вертится привычная шутка на языке... вертится — и опять ускользает... да погодите же, дайте вспомнить... *ты напрасно так...* нет, не совсем эти слова он говорил... а, вот! *Зря ты так целебными снадобьями мажешься. От тебя и так любая хворь за тридцать земель убежит, едва только учует, как от тебя чесночной настоеккой разит.* Верно, чесночная настойка — вот как эта штука называется! А озабоченный человек, любитель чесночной настойки, называется лекарь. Точно, лекарь. Вот только имени его Шекких нипочем не может вспомнить — а самого лекаря помнит преотлично. Забавный такой дядечка с кроткими кроличьими глазками, вечно под хмельком и никогда — пьяный, и вечно при нем неразлучная фляга со жгучей настоеккой. Жестокое питье: хлебни разок — и у самого глазки кроличьи сделаются. Но ремесло свое этот забавный дядечка знает отменно. Шекких не раз видывал, как он спасал от верной

смерти не только людей, но и эльфов. Самые что ни на есть жуткие раны штопал. Кого он на ноги поставить не мог, тот уже три дня, как помер, — остальные обычно подымались с одра болезни в полной исправе. Забавно, право, что его позвали к Шеккиху — тот ведь и не ранен даже, так на кой ему лекарь сдался? Смешно. Шекких и хотел засмеяться, но взамен отчетливо и очень равнодушно произнес: «Хи-хи». Помолчал немного и уточнил, глядя лекарю куда-то в подбородок: «Хи».

Лекарь несколько раз судорожно повел шеей, словно бы ему воротник не только натер, но давно уже намозолил затылок.

— Лежи покойно, — произнес он, и Шекких торопливо закрыл глаза. Почему-то люди часто закрывают глаза от нестерпимой боли, как будто боятся узреть наяву нечто невыносимо ужасное, более жуткое, чем терзающая их боль. Нечто такое, что одним своим видом убьет их... нет, не убьет, и даже не лишит рассудка, и все же сделает что-то еще худшее, непоправимое... нет, лучше не смотреть.

— Здесь больно? — осведомился лекарь, и Шекких рывком распахнул свинцово тяжелые веки.

Нет, не стоило ему глаза закрывать! Тяжек в минуту пронзительной боли даже самый неяркий свет — но стоило Шеккиху примкнуть глаза, отгородиться темнотой, как боль повела себя совершенно непотребно. Она запрыгала, тыкаясь то в висок, то в затылок, то в темя. Она старалась — и никак не могла — поймать голос лекаря. С открытыми глазами Шекких видел хотя бы, как шевелятся губы, издающие резкий запах чесночной настойки, — но он имел глупость закрыть глаза, и голос разлился по темноте, разбился на плавучие капли, разлетелся вдребезги. Он выпрыгивал из дальнего угла, валился с потолка, выползал из-под кровати. Он был везде и нигде, прыгал, отскакивал мячиком от стен, и боль металась вослед за ним — поймать, схватить, остановить, остановить хоть на долю мгновения...

— Закрой глаза, — скомандовал лекарь, и Шекких со стоном подчинился.

— Где я? — будь ты проклят, откуда мне знать, где ты?! Поймай свой голос, прикажи ему замереть, тогда отвечу, где.

— Где я?

— Где я?!

— Где я?..

— Открой глаза...

Вот уж этому приказу Шекких подчинился с удовольствием. Тяжело смотреть, как добродушный весельчак лекарь враз становится печальным и так старательно отводит взгляд, будто опасается тебя им испачкать? Может, и тяжело. Но все лучше, чем странствовать в темноте, наполненной исходящими из ниоткуда голосами.

— Что, совсем плохо дело? — осведомился один из эльфов.

— Могло быть и хуже, — сипло ответил лекарь, и по комнате разнесся с новой силой чесночный запах. Пальцы лекаря задвигались в воздухе — не то отгоняя прочь особенно сильные ароматы, не то изображая, насколько именно хуже могло бы быть.

А вот и нет, свирепо думал Шекких, куда лекарь разъясняял обеспокоенным эльфам, что произошло с их боевым товарищем. Хуже ничего не могло случиться. Худшего он себе не мог бы представить, даже если бы очень постарался. Или мог бы... конечно, мог бы... но отчего-то самые мрачные возможности по части собственной судьбы не вызывают сейчас у Шеккиха ничего, кроме вялого равнодушия. Зато постигшее его несчастье пробуждает в нем неимоверную ярость. Какое ему дело, что могло быть и хуже — довольно уже и того, что сейчас все скверно, и впредь будет скверно! И лекарь тоже хорош — ну как есть ничего не понимает. Боль, видите ли, скоро пройдет и возобновляться будет нечасто. Нашел, чем утешить, клистир скрюченный! Да хоть бы она и усилилась — что с того? Как-нибудь Шекких сумел бы притерпеться... сейчас, конечно, с трудом верится, что можно до окончания дней терпеть нечто подобное, но он-то знает, что притерпелся бы. Нет, не боль... пес с ней, с болью... ты бы лучше сказал, пластырь ты ходячий, как дальше жить с таким калечеством? Ловец черных магов, разведчик-диверсант, неспособный определить направление звука. Нет, не глухой — хуже, чем глухой! Обреченный блуждать в лабиринте голосов... не зная даже, куда обернуться на дружеский оклик... что уж о врагах говорить! Отныне и навсегда — не лесник, не охотник, не разведчик, не солдат — кусок мяса, который ест, пьет и спит.

Охватившую его ярость Шекких не выразил ничем. Он лежал молча, не стонал и не сопел даже, когда его многострадальную голову обматывали повязкой, пропитанной целебным отваром. И лечебную настойку проглотил безропотно, нисколько не жалуясь на ее гадостный вкус — даже не поморщился, когда край кружки коснулся его приоткрытых губ, и гнусное зелье полилось ему в глотку. И когда эльфы пичкали его своим бальзамом, тоже ни слова не сказал. Лекаря его безразличная кротость ничуть не успокоила, скорей уж встревожила. Он внимательно посмотрел на Шеккиха, будто собираясь сказать ему что-то важное, но так ничего и не сказал, только заерзал шеей с такой силой, словно собирался счесать кожу с затылка.

Когда эльфы, а с ними и лекарь наконец-то пожелали Шеккиху скорейшего выздоровления и ушли, тихонько притворив за собой дверь, он мысленно усмехнулся — на настоящую усмешку сил не доставало. Друзья — это очень хорошо, это просто замечательно... тот, у кого никогда не было друзей, считай, что и не жил вовсе... так пристало ли человеку радоваться, когда друзья уходят? Да, но вместе с друзьями уходят и их голоса, звуки их шагов, звон оружия и шорох одежды... и остается только тишина. Ничем не наполненная тишина. И звуки не скачут от стены к стене, как ополоумевшие мячики. И не грохочут в голове пьяные колокола. И можно закрыть глаза, а потом снова открыть их, медленно-медленно, чтобы взмах ресниц не спугнул тишину. А потом смотреть в потолок... ведь это же так приятно — смотреть в потолок... он ведь совсем такой же, как и до контузии... восхитительный в своей неизменности потолок... смотришь на него и говоришь себе, что ты тоже совсем не изменился — прямо как этот потолок... что не было никакой контузии, а мучительная боль, страдания, противный привкус лекарства во рту — просто так, понарошку... что ты все еще прежний... и останешься прежним... и жизнь твоя будто бы и не поменялась бесповоротно... лежать и смотреть в потолок... и ничего, ничего не слышать, чтобы не проснулось то страшное, что так самовластно распорядилось твоей судьбой и твоим телом. Потому что это тело теперь уже не только твое. Оно принадлежит еще чему-то... или кому-то... кому-то упрямому и зловредному... кому-то, кто задался целью мешать

тебе, причинять боль. До сих пор ты никогда не болел — а теперь ты меченый. Меченый болезнью — а значит, и смертью.

Мерзко, мерзко думать о смерти — лучше уж думать о тех, кого она успела похитить. Вспоминать, какими они были при жизни. Внезапно Шеккиху представилось лицо его бабушки. В паутине трещинок на потолке проступили морщины, сам собой возник пристальный взгляд — Шекких даже смигнул, но видение не исчезло. А он-то думал, что и вовсе забыл ее за давностью лет. Оказалось, все он помнит — и пронизательную улыбку, и скрюченные старостью пальцы, и шаркающую ревматическую походку, и даже обыкновение вставать с места со словами: «Ну я ж тебе, мерзавке, покажу!»

Странные шутки шутит память с человеком! Слышал эти слова Шекких несчетное количество раз — а понял их только теперь. Мальчиком он дивился, отчего бабушка постоянно беседует сама с собой, да еще и честит себя мерзавкой... но она разговаривала не с собой! Она говорила с той мерзостью, которая захватила ее тело, отторгла, сковала, цеплялась изнутри за суставы, мешала ходить, сидеть, стоять... со старостью, болезнью — вот с кем она говорила! С ненавистным врагом, которого надо одолевать ежечасно, ежеминутно, каждым шагом, каждым вдохом. Не дать этому врагу торжествовать над собой. Пожалуй, бабушка Шеккиха была лучшим бойцом, которого он только знал: до самой своей смерти из своей непрерывной схватки она выходила победителем.

Забавно даже... неужто старенькая бабушка — лучший боец, чем он сам? А ведь так оно по всему и выходит. Правда, у него нет опыта подобных боев, а у бабушки подобного опыта было с лихвой, на троих таких, как Шекких, наберется. Да и мудрости у нее было хоть отбавляй. В детстве Шекких только рот кривил, когда бабушка бралась учить его уму-разуму... теперь бы послушать ее ехидные сентенции и странные притчи!

А притчи, и точно, были странные. Взять хоть эту историю про одноногого бегуна. Кто не слышал сказки о человеке, который мчался быстрее ветра — да-да, том самом, что передвигался на одной ноге, а другую подвязывал? Сказочный бегун и на одной ноге передвигался быстрее, чем все прочие — на двух, и ногу подвязывал, чтобы, сделав пару шагов, не убежать не-

чаянно на край света. А вот бабушка утверждала, что знавала этого бегуна. И что ногу он подвязывал не для того, чтоб убе-речься от последствий своей волшебной быстроты, а совсем по другой причине. Просто отнялась у него эта нога, вот и весь сказ. Причем бабушка говорила, что бегуном он тогда только и заделался, когда остался при одной ноге. Раньше-то он бегал не быстрее прочих, резвостью особой не отличался. А вот как стряслось с ним несчастье, бедолагу злость разобрала: как, мол, это так, да неужто ж я больше никогда ходить не буду? Нет уж, врешь — буду! Не ходить — бегать буду! А если кто не верит — утрись, почтеннейший... а я все равно буду, вот тебе же назло и буду! Это уже потом про него сказки сла-гать стали... а со временем и вовсе забыли, почему бегун — и вдруг одноногий. А поначалу ему ох как неласково пришлось. Шаг — и носом в пыль, другой — и опять мордой в лужу, а то ведь и о камешки... небось, к тому времени, когда калека стал бегуном, у него на роже больше мозолейросло, чем на пятке: легко ли эдак оземь грохаться?

А чем ты от него отличаешься, Шекких, внучок любимый? Не ты ли восхищался им втайне — в полной, между прочим, уверенности, что и сам смог бы сделаться бегуном ничуть не хуже, если нужда случится? Так ведь она и случилась — разве нет? Так чего же ты ждешь, одноногий бегун? Делай свой пер-вый шаг... И тебе куда как легче: не следят за тобой насмешли-вые глаза бывших друзей, не звучат за твоей спиной ехидные голоса, с деланным сочувствием обсуждая каждое твое паде-ние. Ты один, и тебя никто не видит. некого тебе смущаться. Никто тебе и слова не скажет — тишина кругом...

А в тишине и вообще хорошо принимать решения...

— Ах ты рожа чернильная! — взревел Шекких, и толсто-морденький майор конвульсивно вздрогнул.

Обвинение было не совсем безосновательным. Мгновени-ем назад Шекких так грохнул кулаком по столу, что деловые бумаги содрогнулись и поползли куда-то в сторону, а черниль-ница подскочила на добрый вершок, и по дороге встретила с майором. Шекких нимало не преувеличил: рожа у майора сде-лалась и впрямь чернильная.

— Печать тебе требуется? — зловеще осведомился Шекких. — Так ты мне только скажи, на какое место ее тебе поставить, а я уж мигом! Так поставлю — за всю жизнь не отскоблишь!

Боевой офицер знал бы, как образумить разбушевавшегося подчиненного. Но майор Шеккиху попался тыловой, канцелярский. Едва ли он хоть раз в жизни держал в руках оружие поопасней детской деревянной сабли, а уж ярости такой в человеке ему точно видывать не доводилось. Бедняга только и сумел, что пискнуть неразборчиво и забиться на стул с ногами, будто спасаясь от собаки, пытающейся цапнуть его за лодыжку. Никаких стратегических преимуществ этот маневр майору не принес. Когда дрожащее от ужаса майорское пузо оказалось вровень с перекошенной физиономией Шеккиха, тот схватил майора за поясной ремень левой рукой и занес было правый кулак...

— Рядовой Шекких — смир-но!

Не оборачиваться на голос Шекких уже научился: две или три попытки ограничиться простым поворотом головы окончились для него такой раздражающей болью, что он и не пытался повторять их. Он нехотя отпустил майора и повернулся весь очень естественным на первый взгляд движением. Шекких несколько дней учился этому плавному развороту, упорно избавляясь от малейшей нарочитости. И подумать только, в какую минуту пришлось воспользоваться этим отработанным до безупречности движением! Ничей окрик не заставил бы Шеккиха выпустить толстопузого майора и повернуться... ничей — кроме этого. Те, кто служил под командованием полковника Кейриста, никогда не забудут его голоса. Не ум даже — само тело помнит, что надо сделать, когда этот голос велит тебе: «Шагом арш!»

Полковник чуть приподнял брови и посмотрел на Шеккиха долгим бесстрастным взглядом. Шекких замер, словно его за ноги к полу приколотили. Никто так не умел пригвозждать взглядом к месту, как полковник Кейрист. У него даже и глаза были серые с рыжиной, словно ржавые гвозди.

— Рядовой Шекких, — скучным тихим голосом произнес полковник Кейрист, разворачиваясь, — потрудитесь следовать за мной.

И Шеккиху поплелся следом за ним, хотя полковник формально и не был уже его командиром, а значит, не мог требовать беспрекословного подчинения, пусть он и старше по званию. Будь то не Кейрист, а другой какой-нибудь полковник, Шекких стал бы артачиться и огрызаться, взывать к воинской чести и здравому смыслу... но попробуй же ты огрызнуться, когда приказывает полковник Кейрист!

Ярость Шеккиха была так велика, что он все же попробовал — не прилюдно, конечно, с глазу на глаз. Раз десять он порывался выплеснуть свой гнев на давешнего майора, и даже рот открывал — но всякий раз Кейрист взглядывал на него, и слова застревали у Шеккиха в глотке. Наконец он сдался и опустил глаза.

— Ну? — язвительно поинтересовался полковник. — Ты, кажется, что-то хотел сказать?

Шекких смолчал.

— Ах нет, — краешком рта усмехнулся Кейрист. — Каюсь, запаматовал — ты ж под трибунал хотел.

Он умолк и снова смерил Шеккиха взглядом.

— Ты что, забыл, что бить морду старшим по званию не дозволено? Совсем ты со своими эльфами одичал. Три года, как я тебя не видел, а ты все такой же дурак.

Прав полковник Кейрист, прав, как всегда. Случись ему появиться мгновением позже — и трибунала Шеккиху не миновать. Герой трех победоносных кампаний, один из лучших разведчиков-диверсантов «Шелеста» — под трибуналом... и все из-за жирной тыловой крысы. Впрочем, с героями это нередко случается, если образумить некому. Шеккиху еще повезло, что полковник спас его от такой судьбы... хотя что лучше — трибунал или полковник Кейрист — это вопрос весьма сложный.

— У тебя только с ушами не в порядке или с головой тоже? — спросил внезапно полковник.

Шекких отвечал ему остекленелым взглядом: хотя способность полковника Кейриста раздобывать сведения за ничтожно малый срок и была совершенно сверхчеловеческой — а может даже и сверхэльфийской, — но все же когда он и на этот раз-то ухитрился?

— Ты хоть мне-то дурочку не заправляй, — поморщился Кейрист. — Я же видел, как ты на мой голос повернулся — всем телом. Раньше тебе в том нужды не было.

Облегчение Шекких испытал безмерное. И отчего он сразу не попытался разузнать, нет ли при штабе Кейриста, а поплелся по инстанциям, как последний дурак? Решил, что недостойно будет злоупотребить благоволением полковника? Так разве Кейрист к нему благоволил? Разве он хоть к кому-нибудь благоволил? Кейрист бывал неизменно справедлив — но и только. Эй, Шекких — а не струсил ли ты? Не испугался ли недреманно пронизательной справедливости полковника Кейриста? Нашел, чего трепетать — ведь не о милосердии ты молить пришел. Именно справедливость тебе и была нужна... а ты вздумал искать ее у бездельника, который если с кем и воевал, так разве только с клопами в своей трофейной пуховой постельке! Боевой полковник без подсказки видит воочию то, во что тыловой майор не поверит, покуда не узрит казенной печати. Да умри Шекких у него на глазах — майор и глазам своим не посмеет поверить, покуда вышестоящий чин не поставит круглую печать на солдатских штанах! Шекких был так жестоко оскорблен его недоверием, что решил презрительно отмалчиваться в ответ на любые расспросы — но Кейрист не расспрашивал его, он обо всем догадался сам, и лишь уточнял свою догадку. И Шекких неожиданно для себя выложил полковнику все — и как он получил контузию, и сколько времени провалялся в лазарете, и что сказал майору, и что майор сказал ему...

— И тут он с меня печать требует! — жарко и возмущенно повествовал Шекких. — Господин полковник, сами посудите — откуда ж у эльфов — и вдруг печать? Я ему так и говорю... а он мне говорит, что ему наплевать, какой там эльфийский принц оттиск королевского перстня поставил, потому как нё по утвержденной форме. А раз печати нет, то и никакой контузии нет. А раз я третий день пребываю без печати утвержденного образца вне расположения своей части, то я дезертир, — на этом слове челюсть Шеккиха свело судорогой ярости. — А чтобы меня врач на месте осмотрел и печать поставил, такого параграфа нет. И приказа о моем комиссовании он не оформит, а напишет он рапорт о моей самовольной отлучке и все такое...

Шекких запнулся: по лицу полковника Кейриста ходунот заходили медленные желваки.

— Я понимаю, что майорам морды бить не положено... а только так он надо мной куражился...

— Это еще не сказано, что куражился, — голос у Кейриста был скрежещущим и тяжелым, как солдатские сапоги после недельного марша по безводной пустыне. — Ладно. С майором мы отдельно разберемся. Это не твоего ума дело.

— А со мной что будет? — задал вопрос Шекких.

— А с тобой... — полковник чуть приметно вздохнул.

Шекких вытаращил глаза — уж не примерещился ли ему этот слабый, чуть уловимый вздох?

— Этот поганец обманул тебя, — сухо произнес полковник, и лишь нижняя губа его слегка оттопырилась от гадливости. — Он бы тебя и с печатью комиссовать не мог. Приказ новый вышел. Сейчас, когда война близится к победоносному завершению, — явно процитировал на память полковник, — а в ряды действующей армии влилось пополнение, не имеющее опыта военных действий, — полковник махнул рукой и продолжил нормальным тоном, без казенной возвышенности: — В общем, тех, кто больше пяти лет прослужил, не увольнять ни под каким видом. Даже в случае увечья. Разве если совсем негожих калек, без рук, без ног... так ведь согласишься, руки-ноги у тебя на месте... а головы у тебя раньше не было. Майор мог тебя только уволить без выслуги лет и без выплаты жалования, как уклоняющегося от исполнения долга — и то в лучшем случае.

Шеккиха будто ледяной водой окатили.

— Полковник! — взмолился он. — Неужто и вы меня дезертиром назовете?

— Дезертиром — нет, дураком — да, — отрезал Кейрист.

— Значит, я дурак, — упорствовал Шекких. — Потому что я не вижу, на что я могу теперь сгодиться. Ни в разведку отправить, ни в караул поставить, ни в атаку пустить...

— Ты неисправим, — безмятежно прервал его словоизлияния полковник. — Моя бы воля, я бы тебя хоть сейчас комиссовал. В приказе ведь запрещается отпускать опытных вояк, а не закоренелых идиотов. По-твоему, война — это когда в засаде лежат или с врагом рубятся, и только.

Может, Шекких и хотел возразить, но не стал. Когда полковник Кейрист уже принял решение, лучше помалкивать — а в том, что он его принял, нет ни малейших сомнений.

— Ничего, — благодушно пообещал Кейрист, — я ж тебе покажу войну... — Он замолчал на мгновение, потом хмыкнул и продолжил: — Юго-Западная граница уже восстановлена. Вот на пограничный пост я тебя и откомандирую. — Полковник снова помолчал и добавил язвительно: — Интендантом. Самое для тебя место. Как раз по твоему увечью. Сапоги и штаны на складе не имеют обыкновения разговоры разговаривать. Отслужишь там годик, а потом можешь отправляться домой с полным жалованьем. К тому времени приказ наверняка отменят.

Шекких едва удержал рвущиеся с уст слова — но мысленно проклял свое увечье самыми страшными проклятиями. Ничего не скажешь, хорошенькое он получил воинское назначение! Гроза черных магов отправляется в мирное захолустье солдатские подштанники пересчитывать! И ведь это единственный способ не оказаться лишенным звания, без единого гроша, опозоренным — а потому будь благодарен полковнику Кейристу за участие в твоей судьбе, и изволь подчиниться.

— Приказ будет оформлен дней через пять, — продолжал меж тем полковник. — Вполне успеешь вернуться к своим и проститься как подобает.

А вот за это Шекких полковнику и впрямь благодарен искренне, без оговорок. Мало кто верит, что человек способен испытывать к эльфам дружескую приязнь — и встречать в ответ не меньшую сердечность. А вот полковник Кейрист это очень даже понимает, хотя никогда вместе с эльфами и не служил...

— Господин полковник, — выпалил Шекких, — разрешите спросить... а у вас эльфов в роду не было?

— У меня — нет, а у моего сына — да, — ответил Кейрист в своей обычной манере.

Лишь через минуту-другую ошеломленный Шекких смекнул, что полковник просто-напросто женат на эльфийке.

Проводы Шеккиху закатали такие, что ему до старости было о чем вспомнить. «Боец «Шелеста» ничего не делает на-

половину» — гласил привычный Шеккиху девиз. Ничего наполовину — будь то схватка с врагом, поимка черного мага или просто проводы боевого товарища.

Шекких рассказал о своем новом назначении не без тайной опаски. Он не боялся, что кто-то презирает или осмеет недавнего воина за воплощение в ипостаси почти комической: прихотливые изыски человеческого престижа эльфов не волновали нимало. Но Шекких опасался всерьез, что его пожалуй вздумают: проявления жалости могли бы сломить его окончательно. Но страхи его оказались напрасны: если эльфы кого и жалели, то не его, а скорее себя. Кто теперь будет потчевать их развеселыми байками, когда неистощимый балагур Шекких должен их покинуть? С кем теперь делиться всевозможными эльфийскими премудростями? Бедные мы, бедные... да и Шеккиху тоже не повезло: с такой развеселой компанией проститься приходится!

Проводы получились шумные и совершенно непарадные. Много пели, как у эльфов водится, много пили — как водится у людей, много давали обещаний свидеться после войны и тогда уже повеселиться по-настоящему. И подарок памятный на прощанье приготовили — а как же иначе? Хороший подарок, среди людей редкостный: лучший рисовальщик среди эльфов «Шелеста» три дня трудился, прежде чем почел изображение достойным своего боевого товарища. Эльфийские изображения — не чета картинам, нарисованным человеческой рукой, они постоянно движутся, да так, что глаз не отвести, — и все же Шекких медлил взглянуть на подарок: он смутно предчувствовал содержание картины.

Предошущение его не обмануло. Когда Шекких на другой день после проводов развернул заботливо обернутую дощечку, он увидел на ней то, что и ожидал. Художник с большим чувством изобразил его последний воинский подвиг. Шекких, неимоверно кряжистый — такой, каким он виделся эльфу, — взмахивал своей мускулистой сверх всякого вероятия рукой, из этой мощной длани вылетала кошка и вершила свой смертоносный путь с плавной стремительностью, снова и снова покидая тяжелую, словно из гранита иссеченную руку и устремлялась в верхний угол картины.

САПОГИ ВСМЯТКУ

Стрела вторая

Если бы на заставу был прислан новый ее командир, а не новый интендант, он бы несомненно вызвал всеобщее любопытство. Всякому интересно знать, по чьим началом отныне служить придется. Но едва ли кому интересен по-настоящему новый интендант: едва ли он окажется лучше прежнего, а остальное... остальное, впрочем, особого значения не имеет. Какая разница, высок ростом новоприбывший или низок, дорожен или худощав — успеем еще насмотреться, успеем даже и наскучить его обликом.

Вероятно, так — или почти так — рассуждали новые сослуживцы Шеккиха, и оттого его прибытие на заставу произошло тихо и ничьего внимания не привлекло. Впоследствии пограничники локти себе кусали с досады, что не дали себе труда сразу же присмотреться к новому интенданту — а значит, никто не видел и не слышал, как именно происходил разговор нового интенданта с прежним. Хотя окно по случаю летней жары было распахнуто настежь, никто не пробегал по ним как бы случайно, никто не останавливался поправить пояс или якобы между делом осмотреть оружие, прислонясь к стене.

Однако заключительная часть представления разыгралась в такой непосредственной близости к окну, что ползаставы сбежалось поглазеть и послушать. К немалой досаде запоздавших зрителей, глазеть им пришлось недолго. Развязка не заставила себя ждать.

Новый интендант схватил прежнего за грудки, несколько приподнял и встряхнул. Раздался треск рвущейся материи, и интендант Ветт, лысеющий сорокалетний красавец, очутился на свободе. Зрители под окном затаили дыхание.

— А за порчу казенного имущества в лице моего мундира вы еще ответите, — тихо и злобно произнес Ветт, ясноглазый, как нашкодивший щенок.

И вот тут-то новый интендант вновь схватил Ветта и отправил его за окно таким движением, словно горшок с помоями выплескивал. Не успел еще Ветт весь выплеснуться, как

новый интендант перемахнул через узенький подоконник и устремился за ним следом с криком: «Убью гада!»

Ветт несся по двору огромными скачками, не разбирая дороги, словно безголовая лягушка. Поймать его было мудрено: его ошалелые метания из стороны в сторону были совершенно непредсказуемы. Однако пограничники не стали чинить ему препятствий, хоть и натерпелись от него немало. Навалиться скопом на одного, чтобы изловить и выдать на расправу... не воинское это дело. Да и по справедливости говоря, если уж никто из них до сих пор не придушил мерзавца, то весь он с потрохами принадлежит тому, кто имел достаточно смелости поднять на него руку. Тому, кто крикнул: «Убью гада!» — лишь он один имеет право покарать вора и лихоимца. Вот никто и не вмешался, предоставив двоим интендантам гоняться друг за другом, как им заблагорассудится.

Обнаружив, что никто не собирается его ловить, Ветт сразу вообразил, что зрители на его стороне, и заметался еще пуще. Во всю глоту голоса: «Помогите! Убивают!» Когда же никто и не подумал откликнуться, Ветт от ужаса окончательно потерял голову. Вместо того чтобы ринуться прочь, он опометью понесся на Шеккиха и наскочил на него с разбегу.

— Убива-а-ют! — истошно заверещал Ветт.

Крик его несколько отрезвил Шеккиха, и бывший разведчик понял то, что должен был понять минутой раньше: уж если он не пристукнул негодя на месте, то на самом деле не собирался убивать вообще. Трудно ли вчерашнему бойцу «Шелеста», пусть даже и контуженному, догнать какого-то интенданта? Пары шагов хватило бы, чтобы настигнуть... но ведь не настиг же... потому что в глубине души и не собирался. Собственный гнев ввел его в заблуждение. А теперь... ну поймал он Ветта — и что он делать с ним будет? Преглупая ситуация, да вдобавок еще и безвыходная. Глупо и гнусно убивать это ополоумевшее ничтожество, глупо и гнусно оставить его в живых.

— Да брось ты эту мерзость смердючую, — посоветовал чей-то незнакомый голос, и рука Шеккиха, дотоле державшая Ветта за шиворот, незамедлительно разжалась. Оттого ли, что звук чужого голоса отозвался в голове Шеккиха болью, или же не-

давний разведчик просто был рад последовать совету, тот и сам не знал.

— Нашел об кого мараться! — обладатель голоса, молодой бледный лейтенант, быстро шел к Шеккиху, чуть приволакивая правую ногу. — Оставь его.

— Так просто и оставить? — сиплым от неловкости голосом растерянно произнес Шекких, глядя то на собственные руки, то на скрюченного паникой подвывающего Ветта.

— Так просто и оставить, — криво усмехнулся лейтенант. — Конечно, морду набить ему хотя бы для приличия следовало бы... ну, да пес с ним! Довольно с него и той чести, что за ним не кто-нибудь, а настоящий воин гоняться не погнушался. Сам когда-нибудь поперхнется... не все ж ему в три горла жрать.

Лейтенант с отвращением посмотрел на Ветта и явно с трудом удержался, чтобы не пошевелить его носком сапога, как кучу тряпья.

— Пшел вон, — негромко приказал лейтенант, и Ветт опрометью бросился прочь, то и дело оглядываясь на бегу — видимо, не очень веря в оказанное ему брезгливое милосердие.

Лейтенант, прищурясь, посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на Шеккиха и улыбнулся, забавно сморщив нос. Лицо его сделалось озорным, совсем мальчишеским. А ведь он и есть мальчишка, внезапно понял Шекких. Он куда моложе, чем мне казалось. Ему еще и двадцати не исполнилось.

— Добро пожаловать на Лазаретную заставу, — сказал лейтенант, весело блеснув зубами. — Кстати, а что у тебя за контузия... если не секрет, конечно?

— На голову я контуженный — разве не видно? — шутливо проворчал Шекких, невольно подчиняясь заразной веселости лейтенанта. — А почему застава Лазаретная?

— Скоро поймешь, — вновь ухмыльнулся лейтенант. — Пойдем, покажу тебе твоё хозяйство... раз уж этот слизняк уполз.

Застава прозывалась Лазаретной неспроста. Война длилась не год и не два — где же набрать для охраны только что восстановленной границы крепких здоровых парней, да еще чтоб и воинами были опытными? Нелегко сделать выбор между новобранцами и подранками. На разных заставах выбор этот и

совершался по-разному. На Лазаретной опытных бойцов было разительно больше, чем здоровых. Никто уже не помнил, какой остряк дал заставе такое прозвание — и тем более никто не помнил, как она называлась до войны.

Когда лейтенант поведал Шеккиху, откуда взялось столь странное название, тот подумал, что сам рассказчик, несмотря на свою крайнюю молодость, не из числа здоровых. Значит, опытный? Пожалуй, что так... да нет, не пожалуй — наверняка! Ногу приволакивает, а шаг быстрый, словно хромота ему почти не мешает. Быстрый и бесшумный. Вот, значит, где служил лазаретный лейтенант... там и только там можно приобрести такую легкость походки. И лицо его почти не тронута загаром, словно лунный свет касался его чаще, чем солнечный.

— «Паутина»? — внезапно перебив лейтенанта, произнес Шекких скорее утвердительно, нежели вопросительно. В ответе он не сомневался: эльфийских отрядов было всего два, и в одном из них он служил сам.

Лейтенант кивнул и пристально взглянул на Шеккиха.

— «Шелест»? — спросил он в свою очередь тем же самым тоном и тоже дождался ответного кивка.

Самые лучшие разведчики и диверсанты, непревзойденные ловцы черных магов, получались все-таки из эльфов. Людей среди «паучков» и «шуршунчиков» было очень мало, все до единого наперечет. А потому стоило лишь человеку удостоиться чести служить в одном из этих отрядов, и весть о его назначении облетала всю армию мгновенно. Разумеется, имена их считались военной тайной — и конечно же, всякий знал, как их зовут, сколько им лет, откуда они родом и где служили раньше, какого они нрава и обличья.

Шеккиху и лейтенанту понадобилось очень немного времени на размышление.

— Шекких! — удивленно и радостно воскликнул лейтенант — и в то же самое мгновение Шекких окликнул его: «Лейр!»

— Вот и познакомились, — усмехнулся Лейр.

Они снова взглянули друг на друга с любопытством — но уже не так, как незнакомые люди, которых неожиданно свела судьба. Скорей уж так смотрят давние приятели после долгой

разлуки, узнавая и не узнавая старого знакомого одновременно, выискивая привычные черты, удивляясь перемене облика и гадая невольно, какие же события послужили причиной этой перемены. Лейр, известный Шеккиху по рассказам других, отличался от лейтенанта Лазаретной заставы не очень разительно. Он был чуть выше ростом и уже в кости, чем Шеккиху представлялось. И Шекких не мог даже помыслить, чтобы в голосе того, другого Лейра могли прозвучать нотки горькой брезгливости или презрения. Вот, пожалуй, и вся разница — черт сходства было гораздо больше, и не только в обличье, но прежде всего в повадках. Знакомая Шеккиху только по слухам мальчишеская веселость Лейра осталась прежней; прежней осталась, несмотря на ранение, и его невероятная беспечная удачливость. Шекких нутром чуял тех, кому сопутствует везение, и с первого же взгляда понял, что пограничный лейтенант принадлежит именно к этой породе людей. Он и сам не мог бы сказать, откуда возникла в нем эта уверенность — но он был уверен, что лейтенант удачлив — дерзко, размашисто, весело удачлив. Похоже, молва не лгала... и служить под командованием лейтенанта Лейра будет очень и очень не скучно.

— С таким интендантом мне скучать не придется, — усмехнулся Лейр, словно эхом откликаясь на его мысль. — Хотя это я сразу понял... после такого представления! — Он восторженно замотал головой.

Шекких слегка покраснел: гнева своего он не стыдился, но был недоволен, что не сумел сдержать его. Кротостью нрава Шекких не отличался и раньше, но после контузии он сделался вспыльчив куда больше прежнего, а сдержать свою горячность ему стало против обыкновения трудно. Впредь надо стараться обуздать себя... хотя сегодня не вспылить было невозможно. При одной только мысли о поганце Ветте ярость вновь заворочалась в нем, и Шекких даже губу прикусил, чтобы не взъяриться вновь, вспоминая, как он выскочил в окно вслед за Веттом, бросив все свои пожитки...

— Постой, — спохватился Шекких, — мне ведь нужно вещи свои взять... совсем я о них забыл.

— Еще бы, — фыркнул Лейр. — Ветт у нас неотразимчик. Стоит с ним хоть чуток поговорить, и обо всем на свете забудешь. Только и будешь думать, как бы шею ему свернуть.

Шекких согласно кивнул.

— Откуда он взялся на твою голову?

— Не он на мою, а я — на его, — поправил Лейр. — Меня сюда совсем недавно назначили. Раньше ему здесь раздолье было, а я его попытался малость поприжать. Повздорили мы с ним крепко. Мое счастье, что тебя прислали на его место. Иначе мы бы с ним точно друг друга поубивали.

Значит, это везение Лейра приманило Шеккиха на Лазаретную заставу? А лейтенант и впрямь удачлив. Это хорошо. Боец должен быть везучим, а командир — тем более.

— Вот и пришли, — объявил Лейр, останавливаясь возле того самого окошка, откуда так недавно вылетел Ветт. Он положил руки на край окна, подтянулся и легко перемахнул через низкий подоконник. Шекких, усмехаясь в душе его озорству, последовал его примеру. Слишком легко было у него на душе, чтобы степенно, как и подобает, войти через дверь. Душевная муть, скопившаяся от разговора с Веттом, исчезла бесследно.

Не тронутые никем, пожитки его так и валялись в углу, куда он отбросил их, разгорячившись: небольшой вещевой мешок и тяжелый даже на вид меч в новеньких дешевых ножнах. Лейр уже склонился над мечом, взирая на него с живейшим интересом. Шекких открыл было рот, чтобы упредить его, но не успел.

— Только не лапай — не люблю! — прогудело на всю комнату, словно огромный шмель завел басом недовольную бранчивую песню.

— Ч-что это? — с трудом вытолкнул из себя оторопевший лейтенант.

— Честь имею представить: лейтенант Лейр — мой боевой трофей! — церемонно произнес Шекких, едва удерживаясь от смеха. Он слегка выдвинул меч из ножен, и басовитое гудение сменилось строгим звоном.

— У меня, между прочим, имя есть! — горделиво прозвенел меч. — И кто из нас чей трофей, к слову сказать, — вопрос спорный.

— Его зовут Айхнел, — сообщил Шекких, и Лейр судорожно сглотнул. Ему доводилось слышать в детстве легенды о свет-

лом и прекрасном мече, украденном в незапамятные времена черными магами чуть ли не прямо из кузницы. Тот меч тоже прозывался Айхнел... но ведь не может же быть... или может? Какой-то интендант запросто препирается с легендарным клинком, словно с парнем из своей деревни... но ведь Шекких пришел на Лазаретную заставу из «Шелеста»... неужели и правда он взял с бою такое сокровище? Возможность у него была, Лейру ли о том не знать — сам бывший «паучок», сам не раз по черным замкам хаживал. Если кто и мог наткнуться на древний Айхнел, так только его собрат, такой же разведчик-диверсант, как и он сам. А может, это другой какой-то Айхнел, названный так в честь того самого, из легенд? Вроде как у людей водится... называют ведь внуков иной раз в честь дедушки... тьфу, ну надо же было такое сморозить — откуда у меча дедушка?

— ...И не так еще надо было интенданту этому вмазать! — ярился меч. — Хоть бы по заливку его мною плашмя огрел, что ли! Эх, такую потасовку пропустил...

— Вот такой у меня меч, — весело скалясь, объявил Шекких. — Сключник первостатейный. Каков он в деле, честно говоря, не знаю, не пробовал еще — но подстрекать великий мастер. Чуть где драка...

— Хамство и клевета, — хладнокровно возразил Айхнел.

— О чем я и говорю, — невозмутимо продолжил Шекких. — Кто из нас чей трофей — это и впрямь еще вопрос. Он-то считает, что я ему принадлежу, а не наоборот.

— Конечно, — подтвердил меч. — Тебе-то этого не понять, ты по сравнению со мной сосунок несмышленный.

— Вот-вот, — кивнул Шекких. — А потому он считает, что если уж он меня старше, то непременно умнее. Брюзжит, воспитывает, жить учит... вот ей-же-ей, Лейр, родился он человеком — с таким талантом распекать через неделю в сержантах бы ходил.

— Можешь приделать мне сержантский значок на ножны, если это тебя утешит, — не остался в долгу Айхнел.

— Никак нельзя, — ответил Лейр, наконец-то вернувший себе дар речи. — Производством в следующее звание интенданты не занимаются. Придется тебе в рядовых походить. Шекких тебе звание присвоить не вправе — сам еще чином не вышел.

— Так пусть дослужится, — незамедлительно потребовал меч. — И как я с этим недотепой уживаюсь?

— Думаю, неплохо, — хмыкнул Лейр.

— Скажешь тоже, — звякнул Айхнел. — Бросил меня в углу, сам помчался бить морду какому-то ничтожеству... нет бы позаботиться сначала, где мы тут жить будем! Ни себя, ни меня обиходить не в состоянии. Жилье подыскать...

— А чего искать? — перебил его Лейр. — Здесь вы и будете жить. Ветт свои пожитки загодя упаковал, так что сюда он и носу не сунет, а к вечеру и духу его на заставе не будет.

Шекких поднял меч и аккуратно повесил его на стену напротив окна, откуда Айхнел мог бы наблюдать за происходящим во дворе, если заскучает.

— Мешок свой с пола подбери, неряха, — умиротворенно прогудел меч. — Учучу тебя, учу...

— Разрешите войти? — послышалось из-за двери, и в комнату вошел крепкий мосластый парень со столь угрюмым выражением лица, словно на свете никогда и нигде не происходило ничего смешного.

— Что случилось, Динен? — спросил лейтенант, когда мрачный парень отдал честь.

— Ветт смылся, — хмуро сообщил Динен. — Сказал, что вечерней подводы дожидаться не станет, своим ходом доберется. С одним из деревенских срядился, баулы свои на телегу нагрузил, и поминай, как звали.

— Счастье-то какое, — блаженно вздохнул Лейр.

— Счастье, конечно, счастьем, а сапоги — сапогами, — с мрачной рассудительностью возразил Динен. — Он ведь и третьего дня сапог не выдал, и в запрошлый раз...

Шекких невольно поежился. Ай да Ветт! Если бы его, Шеккиха, неотвязно преследовало это сумрачное создание, он хоть из-под земли, а раздобыл бы сапоги и выдал их Динену. Иначе даже в ночных кошмарах заунывный голос Динена вопрошал бы его: «А как насчет сапог, господин интендант?» Невозможно устоять перед подобным угрюмым напором — но Ветт устоял. Как же должна быть сильна в человеке жажда неумного стяжательства, чтобы не пожелать купить себе избавление ценою пары сапог?

— Да пес с ним, с Веттом, — махнул рукой Лейр. — Новый у нас теперь интендант — вот он тебе и выдаст.

— Или не выдам, — возразил Шекких. — Пока не выдам. Сомневаюсь я, что тебе и впрямь удалось приструнить Ветта. Скорей всего он просто нашел другие способы. Надо еще посмотреть, может, и нет сапог.

— Да как же нет?! — возмутился Динен. — Десять дней, почитай, как отгрузили. Ветт их еще даже не распаковывал.

При этих словах Лейр и Шекких нахмурились одновременно.

— Пойдем-ка, посмотрим его хозяйство, — озабоченно произнес Шекких.

— Теперь уже твое, — поправил его Лейр.

— Идите-идите, — язвительно тенькнул Айхнел, но так тихо, что стоящий чуть поодаль Динен его не услышал.

— Да ты только посмотри на это! — взвыл перекошенный от гнева Лейр.

— Зачем? — флегматично отозвался Шекких. — Гнилья я, что ли, на своем веку не видел?

Немудрено, что Ветт даже и не пытался распаковать при-
сланные сапоги. Вонь из ящика шла несусветная. На такой омерзительный запах вся застава бы сбежалась. Уж на что Лейр и Шекких по замкам черных магов всякого нанюхались — а и их едва не вывернуло.

— Так сгноить даже и ношенные сапоги умудриться надо, — с отвращением вымолвил Лейр, захлопывая крышку ящика.

— И где он только раздобыл такую заваль? — покачал головой Шекких.

Сапоги были не просто ношенные — чтобы так обувь истаскать, четыре поколения владельцев должны пребывать в ней круглосуточно. Притом же носили многострадальные сапоги наверняка не люди, а какие-нибудь небывалые чудища, у которых даже ноги потеют чем-то таким... магическим и очень мерзким. Трудно сказать, сколько десятилетий назад ящик открывала рука достаточно бестрепетная, чтобы попытаться если и не вынуть пару сапог, то хотя бы отделить их друг от друга. Теперь же это было решительно невозможно. Дратва давно сгнила, лежавшие вперемешку подметки и голенища срослись

меж собой самым прихотливым образом. Когда бывшие разведчики открывали ящик, от крышки отлепилась одинокая подметка и вывалилась наземь. И Лейр, и Шекких старались не глядеть, как ветерок колышет длинную плесень по краям подметки. Поднять ее, открыть кошмарный ящик и закинуть ее туда у них духу не хватало.

— Зря я все-таки его не пришиб, — вновь нарушил тягостное молчание Шекких. — Такая падаль на свой лад пострашней черного мага будет.

— Я и сам рад бы ему шею свернуть, — откликнулся Лейр, — да что поделаешь...

— Но почему? — Шеккиха мутило, и не только от запаха. Он вспоминал Ветта, и тот представлялся ему таким же невыразимо гнусным, как и смрадное содержимое ящика.

— Почему... — тоскливо вздохнул Лейр. — Если хочешь знать — изволь...

История Ветта особой таинственностью не отличалась. Наоборот, все было очень просто и очень противно. Ветт даже и сейчас еще был весьма недурен собой, хотя и на довольно пошлый манер. А в молодости этот лощеный сердцеяд девушкам головы кружил с легкостью — и с разбором. Опытных женщин он избегал — они-то ни на мгновение не обманывались его заученными речами и показной галантностью. Зато умные, романтически настроенные молоденькие девушки пленялись восхитительным кавалером и влюблялись всерьез. Ветту удалось обворожить совсем еще юную дочь одного из магов.

— Называть его не буду, — хмуро произнес Лейр. — Незачем его срамить. Он славный старикан, и позора такого не заслужил.

Ветт рассудил весьма основательно: времена бывают всякие, и тот, кто в мирное время был человеком влиятельным, в военное время иной раз и плевка не стоит. А стоит окончиться войне — и великий военачальник, спаситель целой страны, мигом стучается перед каким-нибудь сутягой. Нет, будущих родственников надо так выбирать, чтобы от них во всякое время польза была. Старый, искусный в своем деле маг — самый подходящий тесть. Что бы ни случилось, его влияние непоколебимо.

Ясное дело, старому магу смазливый слизняк вовсе не пришелся по сердцу. Но свадьба все же состоялась. То ли девушка так уж отчаянно влюбилась, то ли по какой другой причине... трудно сказать. Ветт-то в любом случае остался в выигрыше. До начала войны он сделался вхож в самые знатные и родовитые семейства — из уважения к тестю принимали и зятя. Военной службы Ветт ухитрился избегать очень долго — даже дольше, чем холеные придворные шеголи. Когда он все же угодил в армию, нашлись доброхоты, пристроившие его интендантом в надежде, что он замолвит за них тестю словечко. Напрасные обольщения: если бы Ветт и был способен хлопотать не за себя, единственного и неотразимого, а за кого-то другого, тесть бы его не послушал. Старый маг презирал зятя. С назначением его старик, впрочем, смирился: и то уже ладно, что трусливый захребетник не станет срамиться, хватаясь за оружие своими неумелыми руками. Какой из него воин — позору не оберешься!

Ветт, хотя и испугался поначалу, с новой должностью освоился быстро. Крал он беззастенчиво и нагло, полагаясь на могущество и связи тестя: не захочет же старикан единственную доченьку печалить. Тесть-то, может, и захотел бы, но до его ушей известия о проделках Ветта не дошли. Покой и сосредоточенность престарелого мага оберегали очень тщательно: он был лучшим в королевстве мастером по магическому переносу. Совсем не просто во мгновение ока перенести с места на место целую армию — особенно если по пути нужно пересечь области, магически защищенные. Малейшая ошибка — и бесчисленные жертвы неизбежны. Будучи не в духе, к такому делу не приступишь. Хорошее настроение старого мага стоило больше, чем Ветт за всю свою жизнь наворовать успел бы. Скандал замяли, а Ветта отправили в захолустье, на маленькую заставу, предполагая, что уж здесь-то ему не развернуться. Ограбленные скрежетали зубами — а треклятый Ветт еженедельно отсылал домой обстоятельные письма о своем житье-бытье... так что прихлопнуть его без ведома старого мага представлялось невозможным.

— Иначе я бы его на своей заставе не потерпел ни дня, ни часа, — закончил свой рассказ Лейр. — Сам уговорил тебя от-

пустить его подобру-поздорову... потому что нельзя иначе... но вот попадись он мне сейчас — живым бы не ушел. Его счастье, что не знал я про эти сапоги!

— А что бы ты с ним сделал? — вздохнул Шекких.

— Сожрать заставил бы! — рывкнул Лейр. — До последней подметки! Здесь ведь не вражеский тыл, а приграничная полоса! Здесь без сапог все равно как без ног остаться.

— Это еще почему? — удивился Шекких.

— А потому, что даже самый глупый маг самому себе капканы под ноги ставить не будет. Ему ведь тоже ходить где-то надо. А где прошел маг, и мы пройти сможем. Скажешь, нет? А здесь не маг свое жилище обустраивал, здесь армия отступала. И проходы за собой закрывала намертво. В здешних лесах ловушка на ловушке — ступить некуда. И ловушки эти совсем другого разбора. — Лейр примолк на мгновение и зябко передернул плечами. — Не знаю, как тебе, а мне на задания случилось и вовсе налегке хаживать. Бывало, что и босиком.

Шекких кивнул: ему тоже не всегда доводилось очутиться в замке черного мага при полном снаряжении. И всякий раз, когда он лишался части своей амуниции или был вынужден избавиться от нее сам, он люто досадовал: большинство магических ловушек срабатывают от прикосновения к живой плоти — а обувь и одежда изрядно смягчают удар. Схватись голый рукой за дверную ручку с наложенным на нее заклятием — и тебя мигом разнесет в клочья. Но задень ее случайно рукавом — и только дырку в рубаше прожжешь. Если в приграничном лесу такие ловушки понаставлены...

— Вот я как-то раз и навелstil одного мага босиком. И наступил у него в коридоре на ловушку. — Лейр невольно взглянул мельком на свою изувеченную ногу и тут же отвел взгляд. — Ничего, жив, как видишь. Покалечился только малость. А в лес наш я и сам босиком не пойду, и парней своих не пушу. Тут ведь не на одиночек, вроде нас с тобой, ловушки понаставлены. Это не штучный товар, а ловушки армейского образца. На такую босой пяткой наступи, попробуй — она на одного тебя, она сотню человек положит. А у нас в лесу этой дряни столько понапихано — три дивизии выкосить можно. Наследство со времен второго Юго-Западного прорыва.

Шекких только вздохнул: Юго-Западный прорыв мог оставить по себе очень тяжкое наследство. То была единственная в своем роде военная операция. Противник отступал, его гнала победоносная армия освободителей. Победоносная, голодная, оборванная и разутая. О чем разведка противника доносила своему командованию неустанно. И отступающий враг усеивал землю за собой магическими ловушками. Наступление захлебнулось. А спас его некий столичный купец, потерявший на войне двоих старших сыновей. Все свое состояние на это дело ухнул, ни гроша под ноготь не зажал. Две дивизии на свои деньги одел-обул. Купцу за Юго-Западный прорыв пожаловали дворянство. Мага, совершившего стратегический перенос сапог, штанов и всяких прочих портянок, тоже как-то наградили. Участникам прорыва орденов навесили, сколько на грудь поместилось. А ловушки остались, где и были. Не все, конечно, — по меньшей мере половина из них окончила свое существование под солдатскими каблуками. Но те ловушки, на которые никто не наступил ненароком, по-прежнему ждали своего часа.

— Нам как раз и положено эти ловушки обезвреживать, — хмуро произнес Лейр. — Из-за них я сапоги и затребовал. Одних докладных написал столько — отсюда до деревни дорогу выстелить можно. И все впустую. Денег у командования на нас не осталось и до зимы не будет. Последние гроши Ветт в свой карман положил... а нам взамен подсунул эту тухлятину! — лейтенант с ожесточением прицельно сплюнул в самую середину подметки.

— А если на свои деньги... в складчину как-нибудь? — неуверенно предложил Шекких.

— Да ты что, «шуршунчик», какие деньги? — перекинул рот Лейр. — Нам по случаю очередного грандиозного прорыва за два месяца жалование не плачено. Жрать скоро нечего будет... Тут тебе не «Шелест», так что привыкай.

Что верно, то верно: в «Шелесте» Шекких ни с чем подобным не сталкивался. Эльфийские отряды всегда были на особом положении. Кормили-поили, что называется, от пуза, и жалованье всегда выплачивали вовремя, день в день — хотя нужно эльфам то жалованье, как одеялу тетива... но все равно

платили его исправно: не то как бы чего не вышло. И обмундирование всегда новенькое, с иголки, и оружие всякое... а как же иначе — самолучшие бойцы, гордость и надежда, все до единого сплошь герои...

Надо признать, обещание свое показать Шеккиху войну полковник Кейрист сдержал, и даже с лихвой. Вот, значит, как выглядит война — не в особом отряде, не в направлении главного удара, а на обочине, на маленькой пограничной заставе, позабытой богами и начальством.

Покуда Лейр изливал свою досаду, солнце уже успело порядочно сместиться на небосклоне. Крохотный солнечный зайчик пристроился Шеккиху на самый кончик носа.

— Одним словом, ни сапог, ни денег, — подытожил Шекких, медленно, словно нехотя, потянулся и встал.

— Ты куда? — не подымая головы, осведомился Лейр.

— Посмотреть, под каким кустом у вас тут сапоги произрастают, — отозвался Шекких так мрачно, что даже у Динена получилось бы не в пример веселее.

Дорогу, ведущую к деревне, Шекких отыскал с легкостью, да и шагалось по ней легко. Деревья и травы вдоль дороги росли по большей части незнакомые, и Шекких то и дело нетнет, а взглядывал на них с таким пристальным любопытством, словно и впрямь надеялся обнаружить кустик, нагусто усыпанный спелыми сапогами. Мрачное настроение миновало бесследно. Ну и что с того, что денег нет? Все равно он сапоги раздобудет. Навряд ли это намного трудней, чем раздобыть морионовый чародейный перстень прямо с руки черного мага — а ведь перстень Шекких в свое время стянуть ухитрился. Просто теперь у него другое боевое задание, только и всего. И обстановка боевая в какой-то мере схожая: в деревне, как и в замках всевозможных магов, вести себя следует тихо и вежливо, и шуму не подымать. Жаль только, что искомый предмет нельзя позаимствовать без ведома владельца. А хотелось бы. Очень уж велико искушение. Деревня и сама могла бы додуматься помочь заставе в нужде. Тем более такая деревня...

Уже сам вид дороги — широкой, плотно утопанной, с глубокими колеями от тележных колес — навел Шеккиха на догадку о том, что вскорости предстанет его взору. И деревня не

обманула его ожиданий. Она оказалась в точности такой, как Шекких себе и представлял. Небольшая, но опрятная и никак уж не голодная. Здесь даже колья в ограде выглядели сытыми. Маленькая приграничная деревушка из тех, кого война обошла стороной. Шеккиху и раньше доводилось видеть подобные деревни — и всегда возле самой границы. Если село оказалось на пути захватчиков — оно обречено. Однако если такая деревенька притулилась в стороне от главного удара, ничего непоправимого с ней не сделается. Да кому она нужна, мелочь придорожная, чтобы ради нее с пути сворачивать! Кто станет тратить на нее время и силы, когда впереди поджидают баснословные сокровища беззащитных в своей беспечности городов? Городов, задыхающихся от своего неимоверного богатства, словно боров от лишнего жира... да пес с ней совсем, с этой жалкой деревушкой! Может, определяют в ней кого на постой, а может, и того не случится. Совсем рядом — рукой подать — война перекачивается с брюха на спину и обратно... а местным жителям и горя мало. Торговлишка, конечно, плоховато идет, потому как дороги перекрыты... ну ничего, дайте только срок, и маленькая тихая деревушка не сплющет. Наверняка местные умельцы мастерят что-нибудь из старых, довоенных еще запасов в ожидании ярмарки. И если в этом захолустье найдется хоть один сапожник...

— Эй, парень, — окликнул Шекких конопатого мальчишку, пасущего на лужке возле дороги задиристых гусей, — не подскажешь, как мне сапожника отыскать?

Мальчишка ткнул своим длинным прутом куда-то перед собой.

— Вот по этой улице четвертый дом будет, — сообщил он. — У него еще башмак деревянный над крыльцом приспособлен.

Для форсу, не иначе: и без вывески в селе всякий знает, где живет сапожник, а где колесник. Или сапожник приезжий, из городских — и дом обустроил по прежнему своему обыкновению? Над этим стоит подумать, прежде чем заводить разговор. Мелкая вроде деталь, а тоже может оказаться бесполезной.

— Благодарствую, — рассеянно ответил Шекких и направился к дому сапожника, прикидывая, как завести беседу и что предложить в промен на сапоги.

Однако все соображения вылетели у Шекких разом из головы, едва только он увидел, чем занимается сапожник.

Сапожник пытался выжать небольшую делянку перед домом. Судя по каплям пота, усеявшим его голую спину, занимался он этим уже давно. Неизвестный Шеккиху злак отличался высокими и завидно крепкими стеблями — но умелыми руками да хорошим серпом такую делянку в два счета выжать можно. Так то — хорошим серпом... Шекких глаза от изумления выпучил. Такого дикого зрелища он даже и вообразить не мог. Серп был изъеден ржавчиной почти до дыр и зазубрен самым невероятным и прихотливым образом. Он не срезал, а с усилием рвал крепкие стебли, то и дело застревая в них намертво. Сапожник остервенелым рывком высвобождал застрявший серп и снова опускал его в гущу упрямых колосьев. С тем же успехом он мог жать их собственной ладонью.

— Послушай, — вырвалось невольно у Шекких, — это не серп, и это не жатва.

Сапожник натужно разогнулся.

— А ты кто таков будешь, умник? — со злостью сказал он.

— Я с заставы, — неопределенно ответил Шекких. — Новенький...

— А-а, — проворчал сапожник таким тоном, что у любого бездельного зеваки мигом отбил бы охоту глазеть и потешаться. — Ну так и иди себе на свою заставу.

Шекких не двинулся с места.

— Ступай, говорю, с миром, — почти выкрикнул сапожник. — Нашел, понимаешь, забаву... Ступай прочь! Не видишь — делом человек занят!

— Да от такого дела, хозяин, недолго и ноги протянуть, — Шекких толкнул калитку и вошел. — Как это вас так угораздило?

Он шагнул навстречу сапожнику и улыбнулся. Больше всего на свете сапожнику хотелось бы сейчас поднять свой ржавый иззубренный серп и обрушить его на эту улыбку... хотелось бы — не будь эта улыбка такой сочувственной и понимающей, лишенной малейшей тени насмешки.

— Обыкновенно как, — буркнул сапожник, отводя взгляд от незваного гостя. — В первые же дни войны всех кузнецов и

шорников — на нужды армии. А как мы обойдемся, никому и дела нет.

Неправ оказался Шекких в своих предположениях — война все же затронула деревню.

— Шорничать я сам помаленьку выучился, — не без гордости сообщил сапожник. — Ремесло хоть и не ближнее, но и не самое дальнее. А вот по кузнечной части... — он сокрушенно вздохнул и развел руками, зацепившись злополучным серпом о штанину. Почему-то именно эта незадача и переполнила окончательно чашу его терпения. Сапожник беззвучно выругался одними губами, размахнулся и отшвырнул серп, не глядя. Шекких изловил серп за рукоять, внимательно оглядел его и тихо, безнадежно присвистнул.

— Хоть бы ярмарку поскорей объявили, — помолчав, горестно произнес сапожник. — У меня из старых запасов целая кладовая сапог да башмаков нашита. Авось бы хватило... что там серп — ты еще не видел, чем по нынешним временам косить приходится! А как по весне пахать будем, если ярмарку не откроют, я и вовсе ума не приложу.

Целая кладовая, доверху забитая сапогами... у Шеккиха пересохла губы от неожиданности.

— Неужто от прежнего кузнеца ничего не осталось? — хрипло спросил он.

— Осталось, — уныло протянул сапожник. — И кузня осталась, и инструмент кой-какой... да что толку?

— А то, — ответил Шекких, вновь улыбнувшись широко и беспечно, — что в цене мы, если не ошибаюсь, сойдемся. Никто в накладе не останется.

ЛЕЙТЕНАНТ ЛАЗАРЕТНОЙ ЗАСТАВЫ

Стрела третья

Когда Шекких почти затемно объявился на заставе с парю новых сапог в руках, Лейр не знал, что и подумать. Не о сапогах, конечно, — о самом Шеккихе. Интенданту бы радоваться в пору, смекалкой своей похвалиться, а он только отве-

чает на все расспросы вялым «да» и «нет». И собой хорош, как позавчерашний покойник: лицо землисто бледное, веки набрякшие и глаза без блеска. Сумерки там или не сумерки, а сразу видать, что худо человеку. Лейр так и подмывало узнать, откуда сапоги взялись — в конце концов, он здесь командир, и знать ему обо всем полагается — но сначала следовало поговорить о другом.

— Ты скверно выглядишь, — без обиняков начал Лейр.

— Устал я, — бесцветным голосом ответил Шекких, избегая смотреть лейтенанту в глаза.

Экую новость сообщил! Оно и так видно, что устал. Ты хоть как рожу в сторону ворот, а все равно видно.

— Это не последние, — Шекких сунул сапоги Лейру прямо в руки и тут же тяжело повалился на постель. — Завтра еще будут. А эту пару отдай Динену, сделай милость. Не то он мне еще ночью приснится, так я же заору на всю заставу.

Шутка прозвучала невесело. Нет, Лейр никак не мог смолчать. Он было и рот открыл, но его опередили.

— Где ты шлялся? — встрял Айхнел.

— Нишкни, — отрезал Шекких и натянул одеяло на голову. Лейр шагнул к постели, и Шекких высунулся из-под одеяла.

— Извини, командир, — вымолвил он так тихо, что Лейру поневоле пришлось нагнуться, чтобы расслышать его. — Устал я.

— Ладно, — отрывисто произнес Лейр. — Спи.

Последнее дело — приставать с расспросами, когда у человека от усталости язык во рту не ворочается. Разговор можно и на завтра отложить. Все с утра пораньше разузнать, а заодно и попенять новому интенданту за вчерашнее. Сапоги, конечно, дело хорошее, но и доводить себя до такого изнеможения тоже не следует, особенно после контузии... нет, никак у Лейра из ума не шло выцветшее лицо Шеккиха.

А утром Шекких уже умчался куда-то ни свет ни заря. Даже словечком ни с кем не перемолвился. И что теперь делать прикажете?! Хватать за рукав всех встречающих-поперечных, засматривать в глаза и спрашивать заискивающим голоском: «Я тут интенданта своего потерял — вы, часом, не видели?» Ладно же, пусть только появится, голубчик!

Лейр рассердился не на шутку, хоть вида и не показывал. Весь день он только о Шекких и думал, и потаенная злость подсказывала ему такие слова, что любого до самых печенок проймет. Хоть Шекких и с норовом парень, а и он возразить не посмеет.

Однако при виде Шеккиха все заготовленные слова застряли у Лейра в глотке. Интендант осунулся за день так страшно, словно сапоги кроил из собственной кожи, а вместо дратвы не иначе как жилы из себя тянул. Лейру эта картина представилась явственно до дурноты. А покуда он тряс головой, отгоняя от себя навязчивое видение, Шекких с грохотом обрушил на стол еще три пары новехоньких сапог и замертво повалился на постель. Уснул он почти мгновенно.

— Что делать будем? — тихо и задумчиво произнес Лейр.

— Это ты меня спрашиваешь? — язвительно осведомился Айхнел в полный голос.

Лейр был уверен, что Шекких проснется, но тот даже не шелохнулся. Только лицо его перекривилось болезненной гримасой. Она-то и навела Лейра на смутную, неясную пока еще догадку.

— Послушай, — поинтересовался Лейр, не отрывая глаз от Шеккиха, — а что у него за контузия была, ты не знаешь? Хотя нет, погоди... незачем нам его беспокоить. Давай на вольном воздухе потолкуем.

С этими словами он снял меч со стены и вышел, поплотнее притворив дверь.

— Вечер-то какой! — томно и разнеженно прозвенел Айхнел, когда Лейр пристроился на крылечке. — А мой балбес дрыхнет без задних ног.

— И где ты словечек таких нахватался? — невольно вырвалось у Лейра.

— Так ведь с вами, людьми, поведешься... звякнул Айхнел. — Воспитания ну ни на грош. Вот хотя бы тебя взять, к примеру. Расселся под самым окном — а нет бы догадаться приоткрыть его, чтоб не в духоте парню спать...

— После открою, — возразил Лейр. — Незачем нам беднягу разговором беспокоить. Пусть выпится. Так что у него за контузия была? Или ты не знаешь?

— Как это не знаю? — обиделся Айхнел. — При мне все и произошло...

Выслушав цветистое повествование Айхнела, Лейр поначалу не сказал ни слова. Он сидел молча, уставясь на предзакатное небо, пересеченное длинным узким облаком. Айхнел из уважения к его задумчивости тоже замолк.

— Вот что, — произнес Лейр, поднимаясь с крыльца, — я вроде сообразил, что с ним стряслось, но еще не наверняка. Мне в деревню надо заглянуть... утвердиться в своей догадке. Я прямо сейчас и пойду, пока еще не совсем свечерело. Тебя оставляю за караульного. Непохоже, конечно, чтобы Шекких ни с того, ни с сего вдруг проснулся и усвистал прочь... ну, да шут его знает. Если все же засобирается куда, скажи, что я велел меня дожидаться. Не прокараулишь?

— С какой стати? — пренебрежительно тенькнул Айхнел.

— Я скоро обернусь, — обнадежил его Лейр.

— Скоро, не скоро, а в ножны меня вернуть изволь. Зябко становится. Запозднишься, а я тут по вечерней росе совсем издрогну. Знаю я вас, людей. Все до единого обормоты.

Тихонько вернув Айхнел на место, Лейр спустился с крыльца, прихрамывая чуть больше обычного, и неторопливым шагом направился в деревню. Путь недалний, так что спешить ему некуда. И можно все спокойно обдумать на ходу... или нет; лучше не погружаться в свои мысли, лучше полностью сосредоточиться на ходьбе. Проследить, чтобы искалеченная нога не слишком сильно волочилась по земле, вздымая дорожную пыль: нежеже ведь командиру заставы показываться в деревне неряхой.

Из-за хромоты своей Лейр в деревне бывал нечасто, но все же несколько раз наведывался. Ему не было нужды спрашивать, где проживает сапожник — дом с диковинным деревянным башмаком он давно уже приметил. Странно, конечно, что деревенский сапожник примостил вывеску над домом — но куда странней было бы, окажись жильцом этого дома не сапожник, а, скажем, повивальная бабка. Нет, Лейр не сомневался, в каком доме ему следует искать разгадку.

Хозяин дома беседовал о чем-то с соседом через ограду. В руках его поблескивал новехонький серп. Именно серп и слу-

жил предметом завистливого соседского любования. Да, по всему выходит, что прав Лейр... однако удостовериться окончательно не помешает.

— Вечер добрый, — негромко произнес лейтенант. Дорога, пусть и недолгая, все же порядком утомила его, и чуть сиплый от усталости голос прозвучал неприветливо, несмотря ни на какие старания Лейра.

Сапожник прервал беседу и выжидательно воззрился на вновь прибывшего.

— И вам доброго вечера, господин лейтенант, — откликнулся он тем неуволимо настороженным тоном, каким в деревнях обычно разговаривают с чужаками, надолго осевшими по соседству. — Зачем пожаловали?

— Да я, собственно, только спросить хотел, — ответил Лейр, намеренно выбирая самые общие слова, — как вам наш новый боец?

Сапожник так и разулыбался. Настороженность его мигом исчезла: о таком славном парне, как Шекких, и потолковать приятно — а с его командиром в особенности.

— А спасибо вам, господин лейтенант, — разом оживился сапожник. — Просто нет слов, какое вам за него спасибо. И за работу свою полишку не берет, и руке своей в кузне хозяин полный...

Так оно и есть! Ну, Шекких, ну погоди ж ты мне!

— И обхождение у него такое приятное, — продолжал между тем сапожник.

Насчет приятности Шеккиха в обхождении Лейр изрядно сомневался, но спорить не приходилось.

— Назавтра он со мной уговорился, — подал голос сапожников сосед, — так я прямо дожидаться не могу...

— Завтра не получится, — прервал его Лейр. — Другого кузнеца вам завтра пришлю. Он, может, и не такой приветливый, но в деле своем тоже мастер, и лишнего не запросит.

— А он точно не хуже сделает? — усомнился сосед.

— Может, и лучше, — пообещал Лейр. — И времени у него больше будет. Его я хоть на день, хоть на два отпустить могу.

— А расплачиваться как? — выпрашивал сосед.

— По старому, сапогами. Все, что мой парень наработает, не ему отдавать, а соседу вашему. А уж он сам прикинет, сколь-

ко сапог за такую плату выдать можно. Вы ведь так с моим парнем договаривались?

Сапожник кивнул. Принахмурившееся было лицо его снова прояснилось — ведь он и по новому уговору никакого урона не потерпит — но сапожник огорчился совершенно бескорыстно: ему-то Шекких успел весь инструмент исправить. Видно, по сердцу ему пришелся мастеровитый и не заносчивый новичок с заставы.

— А тот парень так и не придет больше? — не скрывая расстройства, спросил сапожник. — Так бы хотелось...

— Ему бы тоже хотелось, — усмехнулся Лейр. — Так ведь служба солдата не спрашивает.

Наутро Шекких проснулся с головой до того тяжелой, что поначалу никак не мог сообразить — то ли сон ему снится такой мучительный, то ли он все же пробудился, и это явь такая мерзкая. Можно, конечно, попробовать глаза открыть да посмотреть... вот только где взять силы сперва спихнуть с век мешки с тухлыми портянками, которые неведомый доброхот умудрился во сне навалить ему на лицо?

— В свой угол, — бесцеремонно вторгся в его размышления ехидный голос Айхнела, и Шекких мигом раздернул слепленные сном веки, не дожидаясь, пока голова откликнется привычной болью.

Зрелище ему представилось престранное: Айхнел коротал время с лейтенантом Лейром за игрой в «восемь углов». Значит, не сон. Такой бред ни в каком сне не привидится. Такое может быть только наяву.

— Да не в твой, а в мой свой угол, балда, — скомандовал Айхнел, и Лейр со вздохом повиновался. — Теперь в подветренный угол... нет, в твой подветренный... фигуры, фигуры свои съеденные снять не забудь... правильно, а теперь из твоего подветренного в мой — и все. Можешь кукарекать.

— Ку-ка-ре-ку, — произнес Лейр и подавил зевок.

— Отыгаться хочешь? — невинным тоном поинтересовался Айхнел, когда Лейр принялся вновь расставлять фигуры.

— А как же, — снова зевнул Лейр, — Я тебе четыре раза за ночь проиграл... ну хоть бы разок послушать, как ты кукарекаешь, и с меня довольно.

— Ха, — удовлетворенно заявил Айхнел. — Вот когда тебе исполнится столько десятков лет, сколько мне — сотен, тогда и поглядим. А до тех пор даже и не мечтай.

После нескольких веков томительной скуки в плену у черного мага Айхнел развлекался во все тяжкие. Шекких уже и счет потерял, сколько раз бессонными ночами он сам кукарекал, проигрывая своему мечу во все мыслимые и немыслимые азартные игры. Правда, со времени прибытия на Лазаретную заставу Шекких с ним еще не игрывал — не до того ему было. Он даже совестился немного, что оставил Айхнела в одиночестве. А этот пройдошливый тип, оказывается, и сам неплохо устроился. Нашел себе забаву, нечего сказать! До сих пор Шекких Айхнелу потакал, жалеючи... но посадить вместо Шекких кукарекать его командира — это форменное безобразие.

Шекких фыркнул возмущенно и приподнялся.

— Проснулся? — окликнул его Лейр, устремив на интенданта неприветливый взгляд.

— Угу, — неразборчиво согласился Шекких и полез из-под одеяла.

— Куда заподскакивал? — холодно осведомился Лейр. — Лежи. Лежи, кому сказано!

— Но мне идти надо, — запротестовал Шекких.

— Никуда тебе не надо, — отрезал Лейр. — И без тебя кузня не остынет. Динена я туда послал. Он у нас, конечно, парень страсть какой приветливый — но дело не хуже тебя смыслит.

Лейр неожиданно зевнул, смешал ладонью расставленные на доске фигуры и тяжело поднялся из-за стола.

— А ты, — произнес он, наклонясь над Шеккихом, — помни: я — лейтенант Лазаретной заставы. Лазаретной, а не Покойницкой. Понял? С такой контузией, как у тебя, кузницу за милую обходиться надо — а он гляди, что удумал! Герой-одиночка. Еще раз устроишь одиночный десант на кузницу — душу вытрясу. Приказ ясен?

Шекких не ответил. Он даже в лицо Лейру не взглянул. Неотрывно и сосредоточенно он глядел на его изувеченную ногу.

— Ты сам-то скоро ли привык не бегом бегать, а шажком ходить? — как бы невзначай поинтересовался он.

Лейр стиснул зубы — аж желваки заиграли, — однако смолчал.

— Вот и я еще не привык, — заключил Шекких.

— Это на первый раз — не привык, — возразил Лейр. — Ну а на второй день, когда ты уже скумекал, что стучишь молотом не по наковальне, а по башке своей блажной? Ведь знал уже, на что идешь.

— Знал, — кивнул Шекких. — А вот чего я не знал — так это что у вас на заставе кузнец есть.

— А как же иначе? — изумился Лейр. — Ждать, пока нам через три года авось что прислать сподобятся — не то рукояти для стрел, не то оперение для мечей? На любой заставе какой-никакой кузнец или оружейный мастер имеется. Только при Ветте нам с деревней меной заниматься смысла не было. Этот паразит все бы к себе подгрел. Теперь, конечно, дело другое.

— Это хорошо, что другое, — заметил Шекких. — Сапоги мы, считай, что уже сладили. Посмотрим, что еще можно к делу приспособить.

— Опять ты за свое? — перебил его Лейр. — Я думал, ты уймешься... а нам, выходит, сердечный разговор только предстоит. И не смотри на меня, как эльф на кашку! Ишь, как оно у тебя ловко выходит: ты себя ради пары портянок в гроб положил, крышкой накрылся, и нет тебя — а я с горсточкой нестроевой пехоты против банды один-одинешенек?

— Какой банды? — выдохнул Шекких.

— Вот и подобрались к сути дела, — хладнокровно прокомментировал Айхнел. — Вот теперь разговор и впрямь пойдет сердечный и даже задушевный.

Разговор и впрямь до того задушевный пошел, что хоть диву давайся.

Недосуг было Шеккиху Лазаретную заставу особо разглядывать — то он за бывшим интендантом гонялся, то спозаранку сапоги раздобывать уходил, — но то, что бревенчатые стены потемнеть еще не успели, все же заметил. А когда им было потемнеть, если горела заставка за недолгое время своего существования уже дважды? При Лейре набегов на заставу еще не было, но Лейр не сомневался нисколько — будут. Затаилась банда. Выжидает. Шутка ли сказать: не кто-нибудь, «паучок» но-

вым командиром назначен. Надо же провести про новичка все, что только возможно. А уж как проводят... быть налету, и не в отдаленном грядущем, а в самом скором времени.

— Выхода у них другого нет, — хмуро сообщил Лейр, постукивая по столу игральной фишкой. — Особенно теперь.

Прав был Лейр: только одно и оставалось бандитам — лютовать, зверствовать, запугивать. Ибо уйти им было некуда. Война давно уже перекатилась через Порубежье — и с каждым днем все сильнее отдалялась, а не приближалась. Конечно, в банде немало подобралось самого разного охвостья — как говорится, на всяк образец. А вот заправляли бандой бывшие офицеры противника. Поначалу-то им было полное раздолье... но теперь, когда армия отступила, они оказались зажаты на вражеской территории. Будь они посмышленей, не прельщались бы легкой добычей, а прихватили что поценней да полегче и драпанули, пока не поздно. Слишком легко плыла им в руки пожива, слишком весело было куражиться над беззащитными... слишком поздно опьяневшие от безнаказанности бандиты поняли, что уходить им уже некуда. Что придется им вековать свой век в Порубежье. Всякого шороха сторожиться, любой неизвестности опасаться. Нет уж, чем жить с опаской, пусть уж лучше от тебя за милую шарахаются. Чтобы никто не то чтобы тронуть — помыслить о том не смел. Любая сила вдесятеро сильнее становится, когда ей страх дорожку расчищает. Налететь, затравить, запугать — да так, чтоб люди идохнуть без спросу боялись. На колени поставить и самих себя жрать заставить. А для этого мирных поселян резать никак не довольно. Безоружный — он безоружный и есть. Хоть ты его в ключья накромай, а другой такой же безоружный беспрерывно подумает: дескать, будь я при оружии, нипочем бы... нет, мало для настоящего-то ужаса овечек душить — не ровен час, овчарками себя возомнят. Чтобы должный страх навести, нападать надо в первую голову не на беззащитных, а на вооруженных. Смять, в прах столочь, в пыль стоптать непокорную заставу. Да так, чтоб и помину ее на земле не осталось. Чтоб каждый сидел в своем дому и трясся, и приговаривал про себя: уж если они настоящих воинов, да при оружии, таково разделали, что ж они со мной, бедняжкой, утворить

могут? Тогда и только тогда банда сможет утвердиться в По-рубье. А до той поры здешним жителем остается хоть самая малая надежда.

— Какая там надежда, — болезненно скривился Лейр. — О чем речь, когда руки у меня повязаны, и все из-за Ветта треклятого! Совсем бандиты обнаглели — в лесу, как в своей постельке, расположились. Им что — они и сами обуты, и лошади у них подкованы, и ловушки они наперечет знают. Может, сами их и ставили перед нашим наступлением. А у меня только и есть, что горсточка калек босоногих да я сам. Где уж тут в лес соваться. Все, что я могу, — сдерживать банду, из лесу не пускать... и тоже не очень. Сколько на заставе народу, а сколько у них — вот и сочти. Не могу же я метаться вдоль леса, как пьяный заяц. Приходится упреждать, на догадку полагаться. Когда верно догадаюсь, куда их понесет, а когда и нет. А что хуже всего — они-то наперед знают, где мы их ловить станем. У них свои люди по деревням есть. Тоже дело понятное — у кого жена, у кого дети, у кого мать старуха... только припугни, все как на духу выложат. Прознать, кто же это бандитам весточки передает — долго и мешкотно. Да и не скажут нам. И не только от страха. Чужаки мы здесь покуда. Надеяться на нас — это пожалуйста, а вот помочь... Ладно, дело прошлое. Теперь у нас совсем другая музыка пойдет.

— Я что-то не понял, — отозвался Шекких, — ты как сапогами разжился, так сразу в лес засобирался?

— Ты меня совсем за дурака считаешь? — возмутился Лейр. — Что мне в лесу делать — сапогами твоими, что ли, банду закидывать? В лес идти стоило месяц назад, а то и полтора... нет, «шуршунчик», в лес меня ничем не заманишь. Другое у меня соображение имеется.

— Какое? — жадно спросил Шекких.

— А такое, — мстительно заявил Лейр, — что ты мне нужен живой и по возможности здоровый. Приказ ясен?

— Ясен, — блеснул зубами в ухмылке Шекких.

— Кукарекай, — подал голос со стены Айхнел.

— Что? — оторопел Шекких.

— Кукарекай, говорю, — повторил Айхнел. — Лейр тебя вчистую обставил — разве нет?

Есть на свете деяния, которые ни одному живому человеку не под силу, будь он хоть трижды герой. Например, уволочь на своем горбу всю ту уймищу сапог, которую Динен заработал, грохоча молотом в кузнице, даже и ему самому было невмочь. И вовсе нет ничего странного, что он уговорил сапожника лично доставить вечером на заставу вторую половину своего заработка. Вот так взять, нагрузить на подводу и доставить. А что сапожник — первейший на всю округу любитель почесать язык... ну, это просто совпадение. А что именно такое распоряжение лейтенант Лейр и отдал Динену... это уж и вовсе никого не касается. И касаться не должно. Это военная тайна.

Покачиваясь на подводе, словно в лодке, сапоги медленно всплыли в ворота заставы. Косолапенькая коняка остановилась под бревенчатой стеной, задумчиво вздохнула и выщипнула у себя из-под копыт клочок травы. Сапожник соскочил с подводы и огляделся.

— Ну, и куда мне теперь? — спросил он не то себя самого, не то коняку. Неприхотливое животное покосилось на него с неодобрением — дескать, вечно ты, хозяин, суету разводишь! — и снова нагнуло голову в поисках особо аппетитных стебельков.

— Тоже мне, заставка, — буркнул сапожник. — Приходи кто хочешь, делай, что понравится. Вот возьму и плюну прямо на крыльцо. А что — очень даже просто.

Однако плевать на крыльцо он не стал. Посмотрел на него пристально, передернул плечами, пожал ими для пущей ясности, еще раз посмотрел на крыльцо — и все-таки не стал.

— Отвлекающий маневр, — донеслось до него из неплотно затворенного окна, и сапожник замер: на миг ему, против всякого разума, почудилось, что его крамольная мысль об оплевании крыльца была неким образом услышана, и возмездие не заставит себя ждать.

— Пусть все думают, что клад мы зарыли в лесу, — продолжал тот же голос.

— Тс-с! — сам себе велел сапожник, присел на карачки и проворно подлез к окну поближе.

— А почему ты не хочешь взаправду его там зарыть? — спросил другой голос, вроде бы хорошо сапожнику знакомый. И кто

бы это мог быть? А, ну как же — Шекких, новичок! Тот славный парень, что так замечательно изладил ему инструмент...

— Я еще не рехнулся, «шуршунчик». — И первый голос тоже знаком — лейтенант это тутушный, вот кто. — Такое добро я разве что себе или тебе доверю, а больше никому. Нет у моих ребят сноровки в обращении с талисманами. Не ровен час, споткнется кто, уронит талисман или просто не с той руки ухватит... и улетим мы всей заставой хорошо еще, если просто на тот свет, а то и куда похуже.

Ну надо же — талисманы переноса! И как здешним воякам увечным посчастливилось наткнуться на такое сокровище?

— Я сейчас в лес идти не могу — сил нет, как нога донимает. Тебе здешние леса внове, на первую же ловушку дуром наскочишь, и поминай как звали. Да и где это видано — такие ценности без присмотра оставлять?

Верно говорит господин лейтенант. Знает толк в жизни.

— Вот как раз этот присмотр у меня в печенках и сидит, — уныло признался Шекких. — Как я добро это у Ветта конфисковал, так ни минуты спокойной не имею. Только было прилачился в кузне поработать — ан нет, сиди и сторожи.

— Ничего, недолго уже осталось, так что не теребись. Через три дня особый отряд сопровождения прибудет, сдашь ты им ящик этот — и гуляй себе.

— А почему не раньше? — вздохнул Шекких.

— Балда, — устало огрызнулся Лейр. — Кто ж тебе потащится куда в самый праздник Лунноденствия?

— О-ох, — простонал Шекких. — Могу себе представить. На завтра после праздника. Особо похмельный отряд сопровождения. Орлы. Жеребцы. Копытами землю роют... и бровями тоже.

— Думаешь, мы сами будем выглядеть лучше? — фыркнул Лейр. — Отвлекающий маневр. Если мы в самое Лунноденствие будем трезвехонькие расхаживать, любой догадается, что не в лесу мы драгоценности и талисманы спрятали, а у себя под боком, чтоб стеречь способнее. Ничего не поделаешь, придется напиться.

— А ребята наши в лесу на ловушках не погорят? — забеспокоился Шекких.

— Так не в самом ведь лесу, а на опушке, — успокоил его Лейр. — Да и вообще они скоро вернутся. Долгое ли дело — такой оравой один ящик закопать?

Сапожник мигом откатился от окна, плюхнулся задницей на жесткую травку и принялся поспешно растирать затекшие ноги. Ф-фу-ух, едва успел! Вернись сейчас господа пограничники да застань его на карачках под окном — и что тогда?

Он перевел дух, встал, доплелся до подводы и вновь взгрозмоздился на нее. Когда вернутся пограничники, он встретит их, восседая степенно и с достоинством, как и подобает уважающему себя мастеру своего дела. Заодно они ему и подводу разгрузить помогут, а то совсем он умаялся под окошком прятаться. А к господам начальникам заставы лучше сейчас не соваться. Не то еще заподозрят, что он подслушивал. Это он-то! Ишь, чего удумали. И вовсе он не подслушивал, а просто услышал.

Из-за полуприкрытых ставен за ним с улыбкой наблюдали Шекких и Лейр.

— Думаешь, раззвонит? — шепотом спросил Шекких.

— А как же! — уверенно шепнул в ответ Лейр. — Вот прямо сегодня же и раззвонит. Я не я буду, если тут же все разболтает!

— Пари принимается, — тоненько звякнул Айхнел.

Поутру или вечером узкий бледный серпик луны, плывущий сквозь солнечные лучи, конечно, не редкость. Но только в Лунноденствие полная, безупречно округлая луна появляется на небе, едва только минет полдень — ошеломляющая, не по-дневному яркая. Эльфам Лунноденствие по сердцу — для них это день исполнения самых несбыточных желаний. Лейр и Шекких, недавние боевые сотоварищи эльфов, сами не замечали, насколько они привыкли мыслить и говорить... ну, если и не совсем на эльфийский манер, то очень сродно. Лейр, не задумываясь, выбрал канун Лунноденствия — он ведь и раньше на самые дерзкие, самые рискованные операции хаживал именно в этот день. Да и какое иное объяснение можно подыскать тому, что за несуществующим кладом никто не озаботился отправить без промедления усиленный конвой. Нет, его прибытие отложено на потом — вне всякого сомнения от-

того, что отправлять накануне Лунноденствия некого: в этот знаменательный день всяк почитает своим святым долгом нализаться до беспамятства.

Двое суток до Лунноденствия пограничники лихорадочно делали вид, что застава продолжает жить обычной жизнью и что заботит их лишь одно: кому лезть на вышку часовым — ведь лейтенант наверняка не позволит бедолаге ни одного глотка до самого утра, а к утру едва ли на его долю хоть что-нибудь останется. Лейр во всеуслышание приказал Шеккиху выдать по бутылке вина — и ни капель больше. А если кто посмеет нарушить приказ и выпить сверх разрешенного, пусть пеняет на себя. Двое пограничников, Сеннел и Киман, якобы втайне от придиры-лейтенанта, обменяли в селе свои плащи на бочонок местной бурды, кислющей и крепкой до изумления: что бы там ни говорил господин лейтенант, чем бы ни грозился, но ведь надо же встретить праздник по-человечески! Обратно оба возвращались очень довольные собой, веселые и беспечные. Как бы невзначай они прошли мимо лесной опушки. Мельком брошенный в сторону взгляд убедил их, что приманка проглочена: землю на том месте, где был для отвода глаз закопан ящик с несуществующим кладом, кто-то ворошил. Бандиты ничему не верили на слово. Они решили убедиться в достоверности нового слуха — а может, и в том, что ящик зарыт на опушке только для вида, что не в нем спрятано бесценное сокровище.

— Значит, придут, — заключил Лейр, оглаживая пальцем выпуклый бок увесистой бутылки.

— Ты уверен? — в который уже раз спросил Шекких.

— Выхода у них другого нет, — без тени сомнения ответил Лейр. — На одни только деньги или камешки они бы, может, и не позарились, но талисманы переноса для них — последняя надежда. Вырваться из окружения, переместиться за сотни миль отсюда, через линию фронта, вернуться назад, да притом с награбленным... придут, еще как придут.

— Аловушки не заподозрят? — недоверчиво допытывался Шекких.

— Я и сам этого опасался, — признал Лейр. — Но уж если они на опушке рылись... придут.

— А кстати, — заинтересовался Шекких, — что ты такое там закопал?

Лейр усмехнулся.

— Ящик с тухлыми сапогами, — произнес он почти мечтательно.

Шекких фыркнул в кружку.

— А что тут такого? — подозрительно невинным тоном осведомился Лейр. — Неужели я должен терпеть на своей заставе эту пакость?

— Нет, — заверил его Шекких, — не должен.

Из-за стены послышалось приглушенное хихиканье, невнятный говор, громкие шорохи, чье-то тяжелое дыхание и шепот: «Вот так... сюда... погоди, юбка зацепилась...» — и снова сдавленный смехок. Лейр откупорил бутылку со звучным хлопком, и шорохи мгновенно утихли. Громко забулькало вино, переливаясь из бутылки в глиняную кружку, и за домом пронеслись и смолкли торопливые шажки.

Шекких и Лейр обменялись безмолвными взглядами. Все шло, как и было задумано. Три самые разбитные деревенские красотки, готовые крутить любовь с кем угодно — хоть бы и с господами пограничниками, — проскользнули в сарай, где доблестные воины ублажали себя выпивкой подальше от бдительного ока свирепого лейтенанта. Дорога знакомая.

При мысли о трех развеселых шлюшках Шекких испытывал нечто вроде сочувствия. Он-то знал, что девиц ожидает совсем не тот прием, на который они рассчитывали. Недолго доведется им пробыть в сарае. Собирались они вволю повеселиться со своими друзьями — а взамен им придется просидеть всю праздничную ночь в погребе под недреманной охраной. Нельзя им быть в сарае: бандиты могут его поджечь. Нельзя и оставить девиц без присмотра: любая из них может нарваться на шальную стрелу, высунувшись наружу. А еще любая из них, улизнув как бы ненароком, может открыть ворота. Этого Лейр допустить не мог: бандиты должны ворваться на заставу так, как удобно ему, а вовсе не им. Времени, времени нет выяснять, не завела ли какая из девиц тайную зазнобу среди бандитов! Вот пусть все три красотки и пересидят нападение в погребе.

Девуц препроводили в погреб быстро, тихо и незаметно — а вскорости сумерки огласились пьяным женским хихиканьем, похотливыми взвизгами и дружным радостным хохотом, словно бы в сарае и впрямь тискали подвыпивших потаскушек. Хохот звучал настолько искренне, что сбил с толку даже Лейра с Шеккихом: они твердо знали, что никаких девок в сарае нет и быть не может — но откуда взялось столь неподдельное веселье?

А причина для веселья была куда как веской: ведь жеманно хихикал и кокетливо взвизгивал не кто иной, как угрюмец Динен, причем выражение вселенской мрачности не покидало его лица ни на миг. Прочие пограничники, глядя на него, помирали со смеху.

— Как ты думаешь, скоро начнется? — вполголоса спросил Шекких.

Лейр еле заметно пожал плечами.

— Не знаю, — тихо ответил он. — Обычно нападают незадолго до рассвета. Чтобы мы все вымотались, перепились и заснули беспробудно. В прошлые разы так оно и было. Может, сегодня они сменят тактику и нападут пораньше. На тот случай, если здесь не совсем крошечные дураки сидят. Если у них хоть малая опаска есть, что мы их раскусили и перед рассветом караулим на совесть, могут напасть и раньше.

Ночь сгушалась быстро. Костер, зажженный по случаю Лунноденствия, протянул полупризрачный дымный палец, почти неразличимый в темноте, пощекотал им редкие звезды и угас. Луна понемногу набирала силу, наливалась золотом — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Сигнальная вышка утонула во мраке и снова вынырнула, перерезав собою надвое посветлевшее небо. Лейр мечтательно улыбнулся, запрокинул голову и завел вполголоса какую-то песню. Слов Шекких не знал, но мотив подхватил в унисон: так было нужно. Двоих ошавевших от усталости лейтенантов неожиданно развезло, и они буйствуют — на свой тихий незаметный лад. Так, как и подобает видавшим виды «шуршунчику» и «паучку». С трезвым до остекленения взглядом и умными речами на побледневших губах... вот только и трезвый их взор, и рассудительные речения как бы вроде и не к месту — разве если по этой

примете и можно понять, что оба они пьяны до бесчувствия, и на завтра не вспомнят ничего, вот как есть ничего не вспомнят. А что единственный — праздника ради — глоток вина выпит давно; и в глиняные кружки из пузатых пыльных бутылок вода льется, знают только сами лейтенанты.

Лейр начал было новую песню, но на середине оборвал ее, насвистывая задумчиво, потом и вовсе примолк. Невдалеке дрогнула и тяжело закачалась листва: сова снялась с ветки, махнула неслышно крыльями и улетела. Лейр обернулся на шорох, и лунный свет плеснул ему в лицо. У Шекких дух занялся: Лейр был так непохож в эту минуту на самого себя, словно его подменили. Отродясь Шекких такого выражения на человеческом лице не видывал. Лейр был собой — но и не собой, человеком — но не только. Облик, который кажется бесстрастным — но лишь оттого, что на него наложили свой отпечаток иные страсти, иные волнения, человеку недоступные и непонятные. Сотни и сотни раз видел Шекких подобные лица — но то все были эльфы... или это лунный свет так причудливо переменял знакомые черты лейтенанта Лазаретной заставы? Лейр ведь человек, и видеть подобное выражение на лице человека было странно, так странно... да полно, Лейр ли это?

Лейр повернулся к Шеккиху, взглянул в глаза, его верхняя губа вздернулась вверх в беззвучном смехе — и Шекких понял с веселым ужасом, что и сам он выглядит точно так же. Губы его раздвинула ответная усмешка, и он приподнял свою глиняную чашку, как бы скрепляя этим движением только что понятое сродство.

Внезапно Лейр постучал пальцем по краю чашки. Это началось: «Готовься». Готовься? Сейчас? Вот прямо сейчас? Быть не может. На небе ни облачка, и луна до того яркая, что читать впору... с ума они, что ли, посходили, бандиты эти?

Да нет, они в своем уме. И действуют правильно.

Внезапная стрела безошибочно нашла свою цель — темный силуэт на сигнальной вышке. Послышалось очень тихое хлюпающее чмокание — как будто кисель вздумал с молоком целоваться.

— Ишь, как стараются, — одними губами прошелестел Лейр. — теперь наше чучело нипочем не завопит, верно?

И точно, что не завопит. И живой пограничник, окажись он в эту ночь на вышке, не сумел бы издать предсмертного вскрика. Шеккиху ли не узнать этот еле слышный звук — сколько раз он сам спускал с тетивы заговоренные стрелы, снимая часового издалека! Даже если и промахнешься немного, беда невелика: достаточно заговоренной стреле коснуться жертвы хоть бы и оперением, и бедняга не сможет издать ни звука. Никогда. Бедное соломенное чучело на вышке совершило свой подвиг в полном и окончательном безмолвии. Шекких поспешно отвел взгляд от вышки: ему отчего-то было неловко, словно он в чем-то провинился перед безответным чучелом.

— Ну, теперь началось, — шепнул он Лейру.

И точно, началось. То одна, то другая тень сгушалась, уплотнялась, поглощая тень прижавшегося к стене человека. Бандиты двигались удивительно тихо и слаженно. Видно, успели поднатореть... ничего, голубчики, недолго вам уже осталось землю собой поганить.

— Это хорошо, что они через стену полезли, а ворот не тронули, — не то подумал, не то прошептал Шекких. Нет, точно подумал: не мог он шептать в такую минуту... просто мысль эта была громкой, как ночной шепот.

Лейр с беспечной самоуверенностью мертвецки пьяного протянул руку к бутылке. То есть не совсем к бутылке, а рядом, туда, где его предположительно помутившемуся сознанию грезилась еще одна бутылка — а может, та же самая. Он пошарил в воздухе рукой, стиснул бутылочное горлышко, взметнул добычу в воздух и с грохотом опустил ее вниз, прямо на кружку.

И тишина разорвалась в клочья воплей и ругани! И громче всех вопил из окна оставленный на стене Айхнел.

Грохот был сигналом для притаившихся в засаде пограничников. Но Лейр не для того рукой поваживал, чтобы грохнуть погромче. Он подхватил натянутые перед ним тонкие прозрачные нити — а потом резко дернул их.

Отряд «Паутина» недаром так назывался. Его тайным боевым искусством было плетение совершенно особенных веревков. Прозрачных, практически невидимых на местности, не-

вероятно прочных и тонких, как паутина, — а при надобности и клейких, как паутина. Лейр уверял, что сплетенные им веревки по сравнению с эльфийскими все равно, что корабельный канат рядом с тонким волосом — но Шекких и такие веревки признал не просто годными в дело, а прямо-таки совершенными. И ведь прав оказался: даже он сам, зная, где раскинута сеть, с трудом различал мерцание паутинки. А бандиты ее и вовсе не замечали — до той минуты, пока она не охватила их ноги.

Но пойман — не значит беспомощен. Бандиты мигом хватались за оружие — даже раньше, чем на них обрушилась дверь сарая, раньше, чем из дверного проема посыпались стрелы надежно укрытых во тьме сарая арбалетчиков. Кто пытался отстреливаться, кто рвал на себе веревки, кто пытался расцечь ударом ножа или пережечь, наскоро высекая огонь... а кто и пустил в ход нечто посерьезнее, чем стрелы, ножи и прочую дребедень.

Магические ловушки не только на дороге оставлять — их ведь и с собой носить, и даже метать можно, если умеючи. Трудно сказать, собирались бандиты расставить ловушки по заставе, закидать ими пограничников или просто прихватили их с собой на всякий случай... кто знает. Но не ножи метательные, а грозди маленьких шариков со смертоносной начинкой свисали с бандитских поясов. Долго ли отцепить шарик, содрать с него оболочку и метнуть? Да не в укрытых арбалетчиков, не до них сейчас — а в ненавистных лейтенантов! Подохнут они — ослабнет и сеть. А может, и вовсе исчезнет.

Однако и тут они опоздали. Едва только Лейр потянул за веревку, Шекких пинком скинул с подноса и бутылки, и закуску. Одной рукой он ухватил поднос, другой — тарелку. Первую же ловушку, летящую прямо в него, он принял на поднос и отбил ее обратно, как мяч, целясь по возможности в лицо. Поднос, тарелка, поднос, тарелка... одна за другой ловушки отлетали к толпу бандитов. Лейр, невозмутимый и спокойный, как песок в песочных часах, сжал большой и указательный палец и сделал резкое движение кистью. Паутину тоже ведь не обязательно сплести в сеть, ее и выметнуть можно из паль-

цев, и набросить. Поднос, тарелка, летящая паутинка, арбалетные стрелы, поднос, паутинка...

— Все, — сказал наконец Лейр. — Вот теперь — все.

Из сарая начали показываться пограничники, веря и не веря, что все завершилось, что с ужасом, который наводила банда на всю округу, покончено бесповоротно. Лейр жадно вглядывался в них: цел... цел... и этот тоже цел и невредим... и этот тоже... и этот...

— Чолли, — внезапно окликнул Лейр, — что у тебя с лицом?

— О дверной косяк оцарапался, — смущенно ответил Чолли, пытаясь утереть рукавом кровь со щеки и только пуще ее размазывая. — Споткнулся, и прямо так мордой и влетел.

— Растяпа, — беззлобно ругнул его Лейр с облегчением, резким рывком расправил плечи и засмеялся.

Еще бы ему не смеяться! Шекких и не ожидал подобной удачи. Всю банду положили, всю до последнего поганца — и ни одного убитого пограничника, ни одного раненого. Разве что Чолли... ну да его покарябанная рожа не в счет.

Шекких тоже повел плечами, и тут только обнаружил, что по прежнему сжимает в руках овевший себя боевой славой поднос. Лейр забрал у него поднос и ухмыльнулся.

— Теперь ты понял, почему я так хотел, чтоб именно ты был со мной рядом? — спросил он.

— Не очень, — сказал Шекких, и сказал неправду. Он очень даже понимал, но не хотел понимать.

— Ну как же, — ехидно осведомил его Лейр. — Я ведь слышан про твой последний боевой подвиг. Закидать мага кошками, когда он в тебя заклинаниями швыряется — это, знаешь ли, не всякий сумеет. У тебя поразительно точный бросок. Я так и подумал, что от ловушек отмахаться ты сможешь, как никто другой.

— Боги, — обреченно вздохнул Шекких, устало опускаясь на крыльцо. — Неужели об этих треклятых кошках так никогда и не позабудут?

— Ни-ни, — заверил его Лейр. — И не надейся. Всякий подвиг бессмертен, а этот — в особенности.

ДОРОГА НЕ ДОМОЙ

Стрела четвертая

Хоть банда и оставила по себе жуткую память, с нею самой было покончено. Уже к середине осени жители окрестных деревень принялись хаживать друг к другу в гости и больше не тряслись до одури от страха, если сумерки заставляли их на полпути. Иные смельчаки отваживались и в лес по грибы навещаться — понятное дело, к заставе поближе: там все ловушки наверняка сняты. Лейр сильно досадовал, что не успел до заморозков обезвредить все окрестные леса, но од этом и думать не приходилось: кроме самого Лейра и Шекких, с магическими ловушками обращаться не умел никто. Лейр утешал себя тем, что за зиму успеет выучить бойцов обезвреживать ловушки — и точно, выучил, благо времени было хоть отбавляй. Тихая зима выдалась в Порубежье, тихая и мирная. И сытная: хоть и не весь лес успели Шекких с Лейром очистить от чародейских ловушек, но поохотиться можно вволю.

Дни сыпались один за другим, как медленный снег — мягко и неслышно. Да и короток зимний день, оглянулся — и нет его. А вечером в очаге полыхает жаркий огонь, и те, кто уже сменился с поста, заводят такие разговоры, что даже угрюмец Динен нет-нет, да и усмехнется кончиками губ. Особенно усердствует Айхнел: намолчался, бедолага, за несколько веков! Теперь-то он блаженствует: здесь, на заставе, он всеобщий любимец. Он может принять участие в любой азартной игре, а выигрыша не берет: в самом-то деле, зачем мечу деньги? А еще он знает уйму страшных баек, и главное, никто его не спросит, что он насочинял, а чему сам был свидетелем — да и зачем спрашивать, когда так весело ужасаться в тепло натопленной комнате, бок о бок со своими сотоварищами.

— Постоялый двор какой-то, а не заставка, — время от времени ворчит Лейр. — Вот погодите, только снег стает, я за вас возьмусь. Все ловушки из лесу повыгребем. И не смотрите, что я хромой и далеко не уковыляю. Куда сам не доберусь, туда Шекких запросто проберется — верно, «шуршунчик»?

Однако напрасно размечтался Лейр о том, как быстро с помощью Шеккиха очистит лес от остатков магической мерзости. Едва только снег сошел, едва только лесные тропки из сплошного месива превратились в нечто проходимое, едва лишь подсохли и утвердились дороги, как по ним примчался на заставу вестовой. Весть он принес для Лейра нерадостную: троим — в том числе и Шеккиху — предстояло покинуть Лазаретную заставу. Теперь, после победы, армия больше не нуждалась в тех, с кем так недавно не могла себе позволить расстаться.

— Удружили, ничего не скажешь! — бушевал Лейр. — Обученных бойцов отправляют по домам, а мне кого взамен пришлют? Новобранцев, которые стилета от кастета не отличат?

— Навряд ли, — посмеивался Шекких. — Ты везучий. Уж кому-кому, а тебе пришлют самолучших бойцов, не сомневайся. И самого честного интенданта на всю армию.

Лейр только возмущенно фыркал в ответ.

— Я не шучу, — настаивал Шекких. — Я был нужен тебе — и твоя удача за шиворот приволокла меня на Лазаретную заставу. А теперь тебе нужен кто-то другой... или хотя бы нужен больше, чем я, — вот твоя удача и гонит меня прочь.

Новый интендант оказался хилым близоруким юношей, не избывшим еще отроческих прыщиков на лбу. Говорил он мягким баском, то и дело сбиваясь на сиплый фальцет. Он положительно не знал, куда девать свои непомерно длинные руки и ноги и поминутно втягивал голову в плечи, словно стараясь спрятать длинную тонкую шею. Словом, на воина он походил не более, чем гусеница на бабочку. Зато он был недурным для своих лет оружейным магом и отлично владел навыками магического грузопереноса. А уж сомнений в его честности и возникнуть не могло. Даже когда он, покраснев до ушей, вручил Шеккиху неожиданно легкий кошель с его жалованьем, тот и на долю мгновения не усомнился, что новый интендант не то, что пальцем — взглядом не коснулся содержимого кошелька после того, как кожаные завязки скрепил сургуч с печатью. Юнец явно ожидал обвинений и уже было рот раскрыл, готовясь оправдаться, но Шекких его опередил.

— Рубленая монета? — только и спросил он, подкинув кошель в руке.

— И рубленая, и облегченная, — кивнул интендант. Краска медленно сходила с его лица.

— Вот ведь погань, — бесцветным голосом произнес Шекких.

— В чем дело? — не понял Лейр.

Вместо ответа Шекких сорвал печать, дернул завязки и высыпал несколько монет из кошель себе на ладонь.

— Полюбуйся, — тем же невыразительным голосом сказал он. — Мое жалованье, сколько по бумагам следует — монета в монету. Только монеты уже не те. Как должен выглядеть золотой тикон, помнишь? Ты только посмотри — разве это тикон? Тоньше довоенного раза в два, края обрублены... да и цвет у золота не так, чтобы очень. А серебро! Бьюсь об заклад, сурьмы в нем немеряно... а может, и не сурьмы, шут их разберет... но уж слишком оно белое. Барахло это, а не деньги.

— А ты ожидал чего-то другого? — язвительно поинтересовался Айхнел.

— Не знаю, — пожал плечами Шекких. — Наверное, нет... но все равно противно. А ты, парень, — обернулся он к новому интенданту, — не красней. Не ты эту монету чеканил, не тебе ее и стыдиться.

— Можно подумать, в стране ни серебра, ни золота не осталось, — пробормотал Лейр, потерянным взглядом созерцая пригоршню монет.

— Не «можно подумать», а так и есть, — поправил его Айхнел. — Это, если хочешь знать, третья на моей памяти магическая война. И всякий раз одно и то же. У золота и серебра своя магия есть, не забывай.

— Да-да, — хмыкнул Лейр. — То-то в наших краях пословица бытовала, что лучший талисман — полный золота карман.

— Глупости! — возмутился Айхнел. — Глупости, невежество и суеверие. Золото и серебро сами по себе никого не защищают. Скорей уж они могут навлечь на своего владельца всякие несчастья.

— Ага, — глубокомысленно кивнул Шекких. — Шайку грабителей, например.

— Пошлый меркантилизм, — холодно возразил Айхнел. — Вот она, узость человеческой мысли! Подумаешь, грабители какие-то. А землетрясение тебя не устраивает? Или паводок? Или безумие? Ты не фыркай, и не такое случалось. А вот амулеты из золота и серебра, настоящим магом сработанные, — это вам не деньги в кошельке. Это и в самом деле помогает. Заклинания враждебные ослабляет. А жизнь дороже денег. Когда магическая война идет, люди плавают деньги на амулеты.

До сих пор юный интендант робел перед многоопытным говорящим мечом, но тут и он вмешался в разговор.

— Это я и сам видел, — кивнул интендант. — Толпы беженцев, все голоднющие, худющие — страх смотреть. А на шее у каждого здоровенная такая висюлина золотая. На самый крайний случай — серебряная. И ведь нипочем они со своими амулетами не расстанутся, хоть ты их зарежь. Помирать с голоду будут, а амулетов не снимут.

Шекких украдкой коснулся своего амулета — серебряной капельки на тонкой цепочки. С ним бы он точно ни за какие деньги не расстался.

— Еще бы, — вызвенел Айхнел. — Смерть, она ведь всякая бывает. Иной раз чем на магию без амулета наскочить, лучше и в самом деле помереть с голоду.

— Умник, — вздохнул Шекких. — Ну все-то ты знаешь... Может, ты знаешь, чем мне теперь прокормиться? Как дальше жить?

— Понятия не имею, — незамедлительно звякнул Айхнел. — Но ведь другие как-то живут, верно?

— Утешил, нечего сказать, — усмехнулся Шекких.

Но слова Айхнела и в самом деле оказались немалым утешением. Действительно, живут ведь люди как-то. И немощные, и увечные, и разоренные войной дотла. Другим куда как более солоно пришлось, чем ему. Он остался жив, и это главное. Столько раз мог погибнуть, что и счету нет — но ведь жив! Руки-ноги целы, память не отшибло. И с калечеством своим свыкся, обтерпелся как-то. И деньжонки кой-какие на обозаведение есть, хоть и меньше, чем он рассчитывал... так ведь многие и вовсе на голом месте с пустыми руками заново жить начинают. Статочное ли дело для воина — падать духом при

виде горстки скверных монет? Черных магов не боялся, бандитов не боялся — а тут вдруг поджилки затряслись: ох, да ах, да как же я теперь жить буду?

А впрочем, чему ты дивишься, Шекких? За годы войны ты накрепко, на весь свой предбудущий век запомнил, как метать ножи и как лазить по стенам, как снимать часовых и как обходить их, как убивать черных магов и как лежать по три дня в засаде, не шелохнувшись... но помнишь ли ты, как покупать пирожки у базарного разносчика? А как прийти на гулянье с девушкой под руку, помнишь? А как в придорожном трактире беседовать с заезжим гномом, не забыл еще? Ты так хорошо помнишь все, что есть война — а помнишь ли ты, знаешь ли хоть что-нибудь о той жизни, где война миновала? Или все перезабыл? Так мудро ли, что ты медлишь сойти с дороги войны на неведомую тебе обочину? Медлишь, потому что боишься. Потому что не знаешь, как жить и что тебе делать на этой обочине.

Что ж, не впервой тебе делать шаг в неизведанное. До сих пор ты справлялся неплохо — справишься и на этот раз. Другие ведь справляются.

Однако жизнь без войны оказалась совсем не такой, как мнилось Шеккиху, когда он с новеньким топором работы Динена — уж топор-то своего владельца всяко прокормит! — и Айхнелом за спиной покидал Лазаретную заставу.

Не в том даже беда, что Шекких — что греха таить — и в самом деле боялся полузабытой мирной жизни. И не в том, что опасения его были вполне справедливы: он и впрямь отвык от мира без войны, и не телом своим — умом только помнит, как в этом мире ходят и как разговаривают... полно, уж не пригрезилась ли Шеккиху прежняя жизнь со всеми ее странностями? Не выдумал ли он ее на привале в минуту тоски и усталости — а потом взял да и уверовал в свою выдумку? Ну совсем как обезножевший калека мурлычет себе под нос побайки о том, как быстро ему бегалось в те небывалые времена, когда он еще своим ногам был хозяин, и радуется своему прежнему молодечеству. И надо же тут чуду случиться: стоит недавний калека на обеих ногах — иди куда душа пожелает... а не идет! Не помнят исцеленные ноги ничего, шагу ступить не

могут... разум помнит — или кажется ему, что помнит, — а тело упрямое не помнит и не верит, и не хочет верить, и чуду не радуется. Во рту сухо, в глазах темно, поджилочки дрожат... ходить ли хочешь? Нет, не ходить — убожество свое от людей скрыть, а пуще того от себя, чтоб не так срамно было. Запнуться, не удержаться, позволить хлипким трясучим мускулам уронить себя оземь, снова покалечиться... только теперь уже навсегда. Пусть вовек своими ногами по земле не ступать, зато и стыда не хлебать. Не было никакой прежней жизни. Ее никогда не бывает.

Воистину страшен первый шаг — но ведь не впервой Шеккиху его делать. Не впервой и бояться. И замечать собственный страх тоже не впервой. А уж переступать через него, словно это и не страх вовсе, а кучка высохшего навоза посреди дороги — да сколько угодно. Не так и страшен страх, как думают те, кто его боится. И не в том горе, что плохо и обрывочно помнится прежняя, довоенная жизнь. И не в том, что ушел он из нее шалым подростком, а возвращается мужчиной. Что проку ему от старательных подсказок сердобольной памяти, когда она ему нашептывает, как положено держаться юнцу годов этак пятнадцати — не может ведь он сделаться снова пятнадцатилетним! Хоть бы он и вспомнил до точности все свои прежние ухватки — как же смешон и нелеп будет отставной лейтенант с мальчишеской повадкой!

И все же главная беда была в другом. Это ведь только кажется, что с войны возвращаются. Уцелеть на войне можно, а вернуться — нет.

Шекких и сам понимал, что он уже не тот. Но не той оказалась и мирная жизнь, что смутно была ему памятна по юным годам. Память не лгала ему — это-то и было самым скверным.

Ну мог ли он поверить, что ему, сыну лесника и выученику эльфов, доведется в лесу — и голодать? Смышленный грибник не то что весной — даже и зимой с пустыми руками домой не воротится. А уж сколько лесная земля из себя родит всякой травы, что человеку в пищу годится, и говорить нечего. Шекких не сомневался, что прокормиться сможет легко... и ошибся. Послевоенные леса только на голодных бродяг и урожайны. Вот их там видимо-невидимо. Оборванных, озлобленных,

опасных. Да вдобавок еще и клесной жизни непривычных. Где уж тут найти съедобную травку или корешок, когда весь лес изрыт, перекопан неумелыми, трясущимися от голода руками, и весенняя земля голым-голехонька. Скверная будет по осени охота: не на чем зверю мясо нагулять... да и зверь нынче пуганый, нипочем человека не подпустит... какая дичь еще не съедена, ту не подстрелишь и не изловишь. Вот через год-другой тут будет раздолье... но ведь не через год, а сейчас надо отставному лейтенанту не накормить, так хоть обмануть пустой желудок.

И топор Шеккиха не прокормил — да разве в той, прежней жизни могло такое случиться? Разве бродячий плотник не найдет себе повсюду заделье? Уж кому, как не Шеккиху, знать наверняка — сам неполных четырнадцати лет от роду сбежал из дому с плотницкой артелкой и год без малого странствовал с мастерами вместе. И ни дня, ни единого дня не голодал! Новое ли крыльцо изладить, кровлю ли навести взамен старой, прохуdivшейся, а то и дом построить... есть у тебя топор — есть и работа. Конечно, в те давние времена серьезной работы Шеккиху по молодости лет не доверял никто. Он все больше присматривался, помогал взрослым плотникам. Но с тех пор он многому научился — пожалуй, теперь он бы с тогдашними плотниками потягался, чья возьмет. Теперь он и в одиночку взялся бы дом срубить. Да хоть дровец деревенской старушонке наколоть, покосившийся забор поправить — все кусок хлеба. И в мирное время топор плотника прокормит, а уж после войны умелый мастер, который полишку не запросит — сущая находка, думалось Шеккиху. Напрасно думалось.

На лбу-то ведь не написано, что ты никакой не убивец, а плотник. А хоть бы и написано... мало ли что про себя находчий человек сказать может — так ведь не всякому слову верь! Лихие настали времена, отчаянные. К старикашке беззубому, и то приглядываться станешь. Мальчонке незнакомому на сиротскую его долю через порог хлеба подашь, а в дом впустить иной раз и побоишься. А тут явился детина — плечи могучие, шаг широкий, махистый, а в то же время неслышный, гладкий какой-то: идет — травинки лишней не шелохнет. И глазами своими разбойничьими как уставится, так и смотрит, так

и смотрит, и хоть бы разок смигнул для порядку. Вот уж подлинно душегубец! За опояску топор засунут, за спиной меч пристроен... плотник, как же! Плотник по покойницкой части — не успел оглянуться, а гроб тебе уж и готов. Похоронных дел мастер.

Разные, конечно, деревни попадают — на одни война всей тяжестью налегла так, что только косточки хрустнули, а другие едва краешком задела. По-разному Шеккиха в них и привечали. В непуганых деревнях народ сразу брался за дреколь, а в пуганых... лучше бы Шеккиху никогда в них не заходить! Лучше бы на первом же году войны от первой же стрелы смерть принять. Лучше бы и вовсе на свет не родиться. Все лучше, чем смотреть, как люди, ради которых ты принимал раны, гнил в лазаретах, ползал в разведку и лазил по магическим лабиринтам — как эти самые люди, едва тебя завидев, ложатся наземь и тихими обреченными голосами молят: «Все отдадим... только не убивай... пощади...» И ведь последний кусок у детей своих ото рта отнимут, и девицу покрасивей на встречу выпихнут — лишь бы тем и удовольствовался незнаемый грабежник, лишь бы помиловал. У Шеккиха по первому разу так все перед глазами и поплыло. Ни слова не сказал — развернулся и ушел молча. А потом долго, до самых сумерек сидел на краю поля, надеясь хотя бы заплакать, чтоб не так на душе было муторно. В лесу или на большой дороге ему бы, может, и удалось заплакать... но не здесь, не вблизи от этого поля. Оно было не просто вспахано, но с каким-то остервененым раздрызгом отчаяния поднято плугом и вывернуто вплоть до желтой глины — зачем, для какой надобности? Глина оплухла, раскисла под весенними дождями. Шекких смотрел на обесплощенное поле, пока его самого не вывернуло наизнанку голодной вязкой желчью.

Еще дважды ему приходилось наткаться недоуменным и гневным взглядом на покорно согбенные спины. В третьей же деревне из пуганых старичок попытался его все же топором употчевать. Дряхлый такой старичок, ветхий совсем, легонький — топор потяжелее его будет. У него-то Шекких и заночевал. У него и узнал, как отставной лейтенант со стороны смотрится. С тех пор Шекких всякую деревню издали обходил.

Хоть он и твердо решил денег не трогать, а пришлось. Кормиться Шекких мог только в придорожных трактирах, а в трактире задаром можно только слюнки глотать. Отработать еду Шекких трактирщикам даже и не предлагал. И без него полным-полно бездельных рук да голодных ртов. А работы кругом не больше стало, как он по наивности своей полагал, а меньше. Пусть и скверные деньги у него в кошельке, пусть они с каждым днем и стоят все дешевле, но все же это деньги... так смеет ли он отбивать заработок у людей и вовсе безденежных?

— Я думал, мне и на обзаведение останется, — говорил он Айхнелу, уплетая на ходу черствую горбушку, — а мне, как я погляжу, и до дому добраться денег не хватит.

— Так ты ведь и идешь не домой, — произнес Айхнел так спокойно, что Шекких едва не подавился. — Тебе на восток взять надо было, а ты вон как далеко к северу забрался.

— Неохота вдоль границы идти, — ответил Шекких. — Голодно вдоль границы. Совсем недавно война схлынула. Да и дороги скверные. Лучше взять севернее, а потом свернуть...

— Хоть себе-то голову не морочь, — хмыкнул Айхнел. — Про дороги ты сейчас только придумал. А на север ты после того поля свернул... ну, помнишь, где ты еще полдня на меже просидел?

— Помню, — не повышая голоса, ответил Шекких.

Он ожидал, что Айхнел, по вечному своему обыкновению, начнет перетолковывать сказанное им на разные лады, но меч смолчал, словно охоту продолжать беседу у него отбило разом. Поневоле пришлось Шеккиху избрать дорожным собеседником самого себя. Очень удобно: даже рта раскрывать не надо, чтобы мыслями обменяться. И перебить никто не сумеет. Знай себе иди да размышляй, сколько душе угодно, покуда не прискучит.

Шекких и размышлял, то и дело сердито посапывая, когда ему вспоминались странные слова Айхнела. Ерунда, совершеннейшая ерунда! Как это — не домой он идет? А куда, позвольте спросить? Глупости это все. Эх же и сморозил Айхнел! Не домой — это ж надо же такое брякнуть! Дорогу Шекких, видите ли, не ту выбрал! Тоже советчик выискался — всю жизнь в ножнах на стенке повисел... много он в дорогах понимает. Да он

их и видел-то до сей поры разве что на картах нарисованными. Не та дорога, вот еще! Самая что ни на есть та. Правильно Шекких сделал, что взял к северу, вглубь страны, от границы подалее. Здесь и люди поспокойнее, и леса посытнее. Третьего дня вот даже зайца изловить удалось. Грибы мало-помалу попадаться стали. Скоро и вовсе можно будет лесом прокормиться, а покупать только хлеб, если совсем уж невтерпеж станет. Долгая дорога, кто же спорит — зато и более верная. Дурак Айхнел. Выдумал тоже — не домой...

Спорить с собственным мечом Шекких не стал — бесполезно. Все равно не переубедишь, да и зачем? Сам вскорости уверится. Притом же в спорах Айхнел вечно горячится. Слово за слово — глядишь, недалеко и до ссоры. А с дорожным товарищем ссориться — последнее дело. Нет, Шекких не стал спорить. Но подыскивать возражения против не сообразной ни с чем тирады Айхнела было занятно. И Шекких мысленно возражал Айхнелу частенько и подолгу. Именно мысленным своим спором с Айхнелом и был занят Шекких, когда деревья перед ним расступились, и взору его представилась лужайка из тех, что смутно были памятны ему по прежней мирной жизни. Такие лужайки попадаются во множестве возле крупных сел или небольших городов. Обустраивают их, что называется, всем миром, чтобы потом сообща веселиться в праздничные дни. Да и в любой другой день лужайка не пустует. Старики хоронятся в лесной тени от полуденной жары и судачат неторопливо о том, о сем, чинно восседая на уставленных вдоль края лужайки крепких скамьях. А по ночам на тех же скамейках пристраиваются влюбленные парочки.

— Общинная лужайка! — обрадовался Айхнел. — Надо же... значит, город близко. Очень кстати — ты ведь уже весь свой хлеб приел.

Шекких не ответил. А может даже и не услышал.

Он смотрел во все глаза на деревянные скамейки. Или, вернее, на то, что от них осталось.

Нет, он не ожидал, что война, перемолов бессчетные толпы людей на кровавые обрубки, пожрав золото и серебро, скот и зерно, леса и пашни, пощадит какие-то скамейки... смешно и думать. Конечно, и их испаскудили. Иные были переломан-

ны и изрублены — на растопку, по всей видимости... будто ва-
лежник набрать или даже дерево сухое срубить не проще! По
другим тяпали топором просто так, ради молодецкого развле-
чения, даже не дав себе труда подобрать деревяшки и швыр-
нуть в костер. Это ведь так по-мужски — с гоготом выказывать
свою небывалую удаль, шибая топором по беззащитной ска-
мейке. И уж конечно, все без исключения скамьи были трудо-
любиво изрезаны пакостными рисунками и словами. А то и
просто изрезаны. Все это Шекких за годы войны уже видал, и
не раз. И глумливую похабщину, испестрившую собой бесцен-
ные фрески храма в Эннаме. И разрушение ради разрушения.
Никогда ему не забыть, как в том же самом Эннаме некий ге-
роический вояка угодил во время уличных боев в лавку, где
торговали глиняными ночными горшками... этот придурок тут
же принялся хватать злополучные посудины и крушить их об
угол стены, одну за другой, да с каким восторгом — Шеккиху
и посейчас памятна его рожа, перекошенная от упоения! Нет,
разрушений Шекких на своем веку навидался предостаточно.
Другое показалось ему невыносимым.

Следы разрушений потемнели от времени. Осенние дож-
ди омывали их не год и не два. Зимние снега уже много раз
ложились на иззубренные топором скамьи. Разбросанные там
и сям обрубки погибали и вовсе бесславно: их тихо доедала
труха. Труха — а не вражеский топор, не огонь... просто труха.
Годы миновали с той поры, как захватчики стояли постоем в
здешних краях — и ни одна рука не поднялась, чтобы попра-
вить разрушенное или хотя бы прибрать обломки! Никто, вот
как есть никто... будто и в живых ни души не осталось, будто и
вовсе обезлюдела земля... но ведь не обезлюдела! Тракт, с ко-
торого Шекких так недавно свернул в лес, исхожен вдоль и
поперек, повсюду свежие следы тележных колес... нет, жив
город, жив... жив — но все равно что мертв. Боги, Боги Мира и
Боги Войны — за что? За что?! Ведь окончилась война... окон-
чилась... ведь мы же победили... так за что же? Столько лет...
ради чего я столько лет убивал... и умирал... и терял навсегда
лучших друзей... ради чего их больше нет? Ради вот *этого*?
Боги, Боги всемиростивые... но ведь мы же победили!..

— Хочешь, в лоб дам? — холодно осведомился Айхнел.

Шекких растерянно смигнул. Солнечный свет дробился на острие Айхнела на маленькие злые радуги. И когда только Шекких выхватил меч из ножен... а главное, зачем?

— Сопли подбери, — беспощадно звякнул Айхнел. — Ишь, разнюнился... руки опустил и канючит: почему, дескать, никто ничего делать не желает... сам-то ты лучше? Чем других корить, на себя бы сперва поглядел.

Он дрожал от возмущения, и солнечные зайчики спрыгивали с его клинка на изглоданные трухой обломки. Шекких долгим пристальным взглядом проводил одного из зайчиков. Потом тряхнул головой, словно отгоняя сон, и коротко рвано рассмеялся.

— Правда твоя, — медленно произнес Шекких. — ну что ж... значит, и быть по сему.

Одним плавным движением он вбросил меч в ножны — а потом отстегнул их и повесил на крепкую сучковатую ветку.

— Эй, ты чего это? — завопил Айхнел.

— Уж не обессудь, — рассеянно ответил Шекких, вынул из-за пояса топор, подошел вразвалочку к ближайшей скамейке, вдохнул поглубже, резко выдохнул, снова вдохнул, примерился — и ахнул с размаху топором что есть силы.

— Ты чего это вытворяешь? — надсаживался Айхнел.

— Ничего, — ответил Шекких, мерно орудуя топором. — Просто ты прав. Все вокруг посходили с ума, и я заодно — так ведь не навек. Пора и опаматоваться. Кто-то должен что-то делать — так почему не я? Где-то надо начинать — так почему не здесь? Этот день и это место не хуже других — так для чего откладывать?

Он разогнулся, положил топор, скинул рубаху и аккуратно пристроил ее на ветке рядом с Айхнелом.

— Постереги покуда, — коротко сказал он и снова взялся за топор.

— Ты рехнулся, — горестно заключил Айхнел.

— Ну уж нет, — посмеиваясь, возразил Шекких.

— Лес кругом не твой, — урезонивал Айхнел.

— Это еще как сказать, — ответил Шекких.

— И скамейки не твои!

— Это еще как сказать, — повторил Шекких.

— Откуда ты знаешь, можно ли здесь рубить? — тщето взывал к здравому смыслу Айхнел. — А если тебя местные поймают?

— А пускай, — покладисто согласился Шекких. — Пусть себе ловят. Их право.

Больше ни слова не примолвил. Айхнел тоже смолчал. А если бы что и сказал, Шекких бы его не услышал. Он словно оглох. Топор весело вычерчивал в воздухе сверкающую дугу, в два-три замаха крушил подопревшие столбики скамеек, раскалывал изгаженные сидения — щепа так и летела во все стороны, словно стайка перепуганных воробьев порхнула... вот-вот защебечет! Только щепа не воробей, далеко не улетит — взмыв ненадолго вверх, щепки тихо опускались на густой теплый мох. Тихо так, неслышно устраивались щепки посреди мха, будто боялись помешать делу или иначе как потревожить. Напрасные опасения: Шеккиха сейчас ничто не могло бы потревожить. Он даже собственного топора не слышал. Косая дуга выблискивала, ниспадала и ударялась о дерево беззвучно, как солнечный луч. Ни звука, ни шороха. Тишина такая — хоть песню пой. И в голове у Шеккиха впервые со дня злополучной вылазки в замок черного мага тоже тишина нерушимая. Ни один звук не колотится болью в темя, ни один крик не перехватывает голову давящим обручем. Нет ни стука, ни треска — только острый солнечный свет срывается с лезвия топора и мерцающим облаком окутывает обух, смягчает мало-помалу и истаивает. И до того Шеккиху от этого свёркания на душе весело, словно и не было никогда никакой войны.

Шеккиху сызмала любая работа сердце веселила, самому ли за нее браться или на мастера за делом поглядеть. Едва только на ногах утвердился, спозаранку из дому утягивался — ни-почем назад не загонишь. Бывало, у гончара в уголке засядет и все любит. Вот была глина, просто глина, и ничего больше. Ни дурного про нее не скажешь, ни доброго. И в руки ее мастер глиной берет, и на круг гончарный глиной кладет, а потом тянет, прихлопывает, оглаживает — ну только что глина была, а мастер из нее миску выкружил... было одно, а стало другое, и никак этому чуду не надивиться досыта. Была у бабушки нитка, а сделался холст — и ведь незаметно поначалу прибавляется, вроде ничем-ничего, а потом смотришь... и правда холст

растет себе понемногу. Была доска, а стала лавка — и когда успела? Шекких не только разиня рот глазел, но и подсобить рвался: до смерти ему хотелось поспособствовать преобразению. Щепу за плотником убирать, глину для гончара мыть и замешивать... за счастье почитал, если отец разрешал ему в кои веки за топор подержаться. Знахарь деревенский говаривал, что такому смышленому мальчонке прямая дорога в маги, а Шекких знай отсмеивался в ответ. Да кому она нужна, эта магия, если и без нее на свете все превратимо и все преобразуемо, стоит только руки приложить? Берись за дело и сотворишь что душе угодно без всяких там заклинаний. Позднее Шекких признал, что был не вовсе прав, но магии все же особой приверженности не оказывал: слишком влекла его магия любого делания. Оттого он и с плотниками бродить повадился... эх, когда бы не война, он бы и не то еще умел! Каких только ремесел он своими руками не перепробовал в довоенные годы отрочества... и плотничал, и горшки лепил, и лодки, случалось, делывал, и даже пуговицы перламутровые из раковин насекал. За годы войны только стряпать да кузнечить выучился, а прочее и раньше знал. И всякий раз, когда под его руками свершалось таинство превращения досок в забор или глины в кувшин, он испытывал непонятное смущение и жаркий внутренний трепет, словно самая красивая девчонка в деревне поцеловала его украдкой и убежала, а он стоит дурак-дураком и ничего понять не может, и только сердце колотится неумоимо да щеки горят. Став постарше, он пообвыкся немного, но все же не вполне. Да и можно ли настолько привыкнуть к чуду, чтобы не замечать его? Можно ли забыть, что ты сотворяешь его ежедневно? От любого делания на душе у Шеккиха становилось светло и просторно. Зато и всякий упадок, разрушение, гниение заставляли его нестерпимо страдать. Дались же ему скамейки эти трухлявые — а ведь он из-за них света не взвидел! Ну да ничего, ничего... скоро от них и памяти не останется... уже скоро... вот только еще это сидение неподатливое расколоть... и можно пот со лба утереть.

— Герой, — ехидно звякнул Айхнел. — Что еще надумал?

— Ополоснуться, — невозмутимо ответил Шекких, озираясь по сторонам. — Наверняка поблизости ручеек дол-

жен быть. По прежнему времени я бы мигом услышал, с какой стороны журчит.

— Справа, — холодно сообщил Айхнел.

Он явно собирался еще что-то сказать, но Шекких мигом сорвался с места и убежал в поисках ручья.

— Будь я человеком, — горестно вздохнул Айхнел ему вслед, — я бы головой покачал.

Вскоро Шекких вернулся, умытый до блеска и повеселевший.

— Одевайся и пойдем отсюда, — приветствовал его заждавшийся Айхнел. — И так вон сколько времени потратили...

— И еще потратим, — жизнерадостно заявил Шекких.

Айхнел от изумления дар речи потерял — тоже, если вдуматься, чудо не последнего разбору. Но Шеккиху некогда было задумываться. Он быстро расчистил на старом месте кострище, сноровисто натаскал щепы, приопустился рядом на одно колено, высек огонь и вздул костер.

— Ты чего... зачем... зачем, слышишь? — вновь забеспокоился Айхнел.

— До последней щепочки, — пробормотал Шекких. — Чобы и духу от них не осталось...

Он и впрямь собрал все обломки до последней щепочки, зорко всматриваясь в траву — не проглядел ли? И подкладывал их в костер по одной, безостановочно обходя огонь по кругу, словно при погребении.

— Перестань! — возопил Айхнел. — Рябь от тебя идет.

— Так надо, — сквозь зубы ответил Шекких, не останавливаясь.

Он совершал свой размеренный обход, пока последняя щепка не сгорела в огне. Когда над кострищем закурился седой дымок, Шекких вновь встал на колени и принялся дуть на подернутые пеплом угли к вящему отчаянию Айхнела: совсем парень рехнулся — впору гасить костер, а он заново пламя вздувает! По углям зазмеились золотые извилистые дорожки, растеклись, сомкнулись, уголья покраснелись... Шекких дул не разгибаясь, пока последний уголек не рассыпался золой. Тогда Шекких трижды поклонился земно, встал и отряхнул колени.

— Натешился? — безнадежно спросил Айхнел. — Теперь можно идти?

— Еще нет, — весело скалясь, ответил Шекких. — Да ты и сам знаешь. Ты ведь прав был давеча, когда сказал... хотя и не совсем.

— Что я еще такого сказал? — обреченно застонал Айхнел.

— Что иду я не домой, — понурился на мгновение голову, произнес Шекких. — Зря я с тобой спорил. Никого у меня в родных местах не осталось, и не туда я шел.

— Конечно, не туда, — подхватил Айхнел, мигом обретая былую самоуверенность. — Я всегда прав.

— Не совсем, — улыбнулся Шекких.

— Почему? — высокомерно звякнул Айхнел.

— Потому что на самом деле я все-таки шел домой, — ответил Шекких. — Только не понимал этого. Я шел не туда, где раньше был мой дом, а туда, где он будет.

— Вот оно как... — ненадолго смутился Айхнел. — Тогда ладно. Орудуй.

— Будто я у тебя дозволения спрашивал, — ухмыльнулся Шекких и снова взялся за топор.

С войны невозможно вернуться назад. Но можно прийти куда-нибудь еще.

Больше Айхнел не вмешивался. Один только раз он не удержался от язвительного замечания — это когда Шекких уволок и с какой-то злой радостью выстирал в ручье свою совсем еще чистую рубаху... ну, да такое кого хочешь проймет! А больше Айхнел ничего и не сказал, только взирал молча, как Шекких орудует топором, отсекая с бревен остатки сучьев, как окапывает новые столбики — нет, не столбики, столбищи! — как наводит сидения... Не быстрое дело с отвычки одним топором управляться — Айхнел попервоначально глазел не отрываясь, а потом заскучал. Только и перемолвиться словом-другим, покуда Шекких отдыхает. Пока работу закончит да пока по новой костерок разведет и весь мусор спалит, и не подступись к нему.

— Вот теперь и впрямь можно дальше идти, — изрек наконец Шекких долгожданные слова, облачаясь в совершенно сухую рубаху. — Что скажешь?

— Веково сделано, — признал Айхнел. — На таких скамьях медведям пировать впору.

— Спасибо на добром слове, — улыбнулся Шекких. — Пойдем?

— На ночь глядя? — возмутился Айхнел. — Чтобы к нам по дороге какие-нибудь разбойники привязались? Ну уж нет! Я так устал, на тебя глядячи, что нипочем ни от кого не отобьюсь. Да и ворота городские наверняка уже закрыты. Нет, заночуем здесь, а утром пойдем дальше, как все нормальные люди.

— Устал, говоришь? — ехидно сощурился Шекких. — Ладно, будь по-твоему. Заночуем, отчего не заночевать.

Он набросал лапника на широкую, как лошадиный круп, скамейку, расстелил поверху свой плащ и блаженно растянулся на пахнущем смолой и травой ложе.

— Только не взыщи, — зевнул Шекких, — колыбельных песен я тебе на ночь петь не стану. Даже и не надейся.

— Какие еще колыбельные?! — возмутился Айхнел. — Кому они нужны? Да я и сам могу, если хочешь знать...

Но Шекких его уже не слышал. Он спал.

Евгений Малинин

ИЗВЕРЖОНОК

(Отрывок из романа «Волчья Звезда»)

Князь Всеслав... рыщет волком в ночи...

Слово о полку Игоре

Лето было в зените. Солнце, похожее на стершуюся золотую монетку, висело в бледно-голубом, выцветшем небе и нещадно жгло замерший в полудреме княжий городок Край. Жаркая тишина висела над соломенными крышами окраинных слобод, над немощеными улицами, над свинцовыми кровлями княжеского замка. Полдень — не время для работы.

В слободе горшечников, под плетнем, отгородившим небольшую хатку с единственным крошечным окошком, выходящим на улицу, от пыльной дороги, в чахлой, измученной зноем травке копошился небольшой, лет восьми, мальчуган. Одет он был только в коротенькие порточки, голое, худенькое тельце загорело до черноты, и этот загар еще больше подчеркивался белыми, выгоревшими волосами, подстриженными «под горшок». Огромные голубые глаза смотрели на мир со жгучим интересом детства и в тоже время выдавали некий горький опыт. Мальчишка поймал жука и внимательно его рассматривал, зажав в крошечной ладошке.

Когда он, оторвавшись наконец от жука, поднял голову, его взгляд уперся в горящие зеленым светом волчьи глаза. Здо-

ровенный матерый зверь с широкой белой полосой на шее, широко расставив лапы, стоял в двух шагах от ребенка и внимательно разглядывал его лицо. Мальчик не испугался, а словно бы оцепенел. Несколько секунд маленький ребенок и огромный зверь не мигая рассматривали друг друга, а затем волк чуть приспустил нижнюю губу, показав острый желтоватый клык, и хрипло, нечленораздельно произнес:

— Где твоя мать, маленький изверг?..

Мальчик, не отрывая взгляда от зеленых волчьих глаз, медленно поднялся на ноги, изобразил неуклюжий поклон и ответил:

— Я — сирота, господин...

Волк склонил серую от пыли голову набок и еще более невятно пробормотал:

— Жаль... У твоей матери красивые дети...

После этих слов матерый зверь повернулся, словно потеряв всякий интерес к ребенку, и неторопливой рысью направился к центру городка.

Мальчик проводил волка взглядом, а затем начал медленно отступать к калитке. Добравшись до входа во двор, он быстро юркнул за плетень, стрелой промчался к крылечку хаты и исчез за визгливо скрипнувшей дверью.

Единственная полутемная комнатка хатки казалась очень большой, но это было скорее следствием почти полного отсутствия мебели. Только большой очаг, расположившийся посреди помещения, создавал хоть какое-то ощущение обжитости. Земляной пол приятно охлаждал ноги, но мальчишка даже не заметил этого. Быстро пробежав к дальней стене комнаты, он присел перед кучей тряпья, наклонился и, чуть всхлипывая от возбуждения, зашептал:

— Дедушка... дедушка... проснись скорее! Что сейчас было! Со мной многоликий говорил!

Куча тряпок зашевелилась и... успокоилась.

— Дедушка, ну, дедушка же! — снова зашептал мальчишка, запустив ручонки под тряпки и толкая всю кучу. — Ну проснись! Я тебе сейчас все расскажу!

Куча снова зашевелилась, из-под тряпок показалась огромная грубая рука, которая, пошарив по поверхности кучи, от-

бросила вдруг большой толстый лоскут. Из-под него появилось широкое заспанное лицо старика. Большие водянисто-голубые глаза бессмысленно поморгали, потом в них появилось сознание и старик резко сел, разворошив всю кучу тряпья.

— Что случилось? — спросил он гулким, чуть охрипшим от сна голосом и протянул свою огромную ладонь к белой голове внука, словно желая убедиться, что с мальчиком все в порядке.

— Я же тебе говорю, дед, со мной только что говорил многоликий!

Дед моргнул, не глядя протянул руку в сторону и ухватил за горлышко стоявший рядом глиняный кувшин. Напившись квасу, дед поставил кувшин на место, посмотрел на внука и совсем уже проснувшимся голосом поинтересовался:

— Ты, значит, снова играл за плетнем?!

Мальчик от неожиданного вопроса сел на пол, вздохнул, понимая, что отпираться бесполезно, и молча кивнул.

Дед вздохнул, укоризненно покачал головой, но ругать мальчишку не стал. Вместо этого он погладил его по голове и умеряя свой могучий бас, спросил:

— Ну и что тебе сказал твой многоликий?

Мальчик поднял удивленные глаза и в свою очередь задал вопрос:

— Разве тебе неинтересно, какой он был?

— А я знаю, какой он был, — чуть усмехнувшись, ответил дед.

— Откуда? — У мальчишки от удивления округлились глаза, но он тут же сообразил: — Ты все видел в окно?!

Дед отрицательно покачал головой:

— Ты же видел, что я спал... Просто я могу догадаться, что это был волк... ну, может быть, человек, хотя в человеческом облике многоликие по нашей улице не ходят...

— А может, это был ивачь?

— Ну да, — насмешливо оборвал внука дед, — Ивачь специально спустился на нашу пыльную улицу с небес, чтобы посмотреть на вот это чудо красоты!

И он легко ткнул в маленький нос внука своим заскорузлым пальцем.

— Да, — мальчишка почесал вихрастую макушку, — Это действительно был волк... Но, знаешь, он был такой огромный, с вот такими зелеными глазами!!

Мальчишка свел свои ладошки, показывая какие огромные глаза были у волка.

— И еще у него на шее вот такая белая полоса! — малец азартно мазнул ладошкой по своему горлу.

— И что же он тебе сказал? — спросил дед.

— Он спросил... — мальчик на мгновение замялся, — Он спросил, где моя мама.

Дед внимательно посмотрел на внука, и тот, не дожидаясь вопроса, произнес:

— Я ответил, как ты учил... Что я — сирота...

— Он что-нибудь еще сказал? — мягко поинтересовался дед.

Мальчишка отрицательно покачал головой и, спустя мгновение, добавил:

— Он сразу убежал... В город...

Дед снова протянул руку к кувшину, но вдруг остановился, а затем начал с кряхтением выбираться из своей кучи.

— Дедушка, — чуть отодвинувшись воскликнул внук, — А ты, разве, уже встаешь? На дворе еще очень жарко!

— Ничего, — добродушно буркнул дед, — Раз уж ты, Вотушка, меня разбудил, не имеет смысла снова укладываться! Пойду-ка я лучше поработаю, а вечером, по холодку, отдохну.

— Тогда ты вечером расскажешь мне про моего прадеда, — с загоревшимися глазами спросил мальчишка, — про многоликого Вата?

Дед взглянул на внука, коротко вздохнул и кивнул:

— Расскажу.

Подняв с пола свой кувшин дед шагнул к выходу. Мальчик вскочил с пола и припустился следом.

Выйдя на крыльцо, дед внимательно оглядел плавающую под знойным солнцем улицу. Она была пуста, но на плотной белой пыли немощеной дороги четко отпечатались крупные пятипалые лапы. Следы пролегали точно посреди улицы и только возле их хаты делали петлю.

«Многоликий действительно был огромен! — подумал дед. — Уж не сам ли вожак, не сам ли князь Всеслав, разговаривал с моим мальцом?»

Сзади в него уперлась детская ладошка, и внук звонко спросил:

— Дед, можно я тебе помогу?

— Пойдем, помощник, — усмехнулся дед и двинулся вдоль недавно побеленной стены за угол. За хатой был пристроен небольшой дощатый сарай, в котором располагалась мастерская. Дверь сарая, даже не дверь, а скорее калитка, висела на ременных петлях и вряд ли могла служить преградой для воров. Хотя, правду сказать, в мастерской мало что могло привлечь внимание вора — несколько неплохих ножей, вот, пожалуй, и все. Однако отыскать этот инструмент было довольно трудно, он прятался под ворохами лыка, свернутыми концами разной толщины веревок, вязками свежих ивовых ветвей, стопками различных деревянных колодок, от огромных, для хоромных туюсов, до крошечных — под детские лапоточки.

Дед Ерохта зарабатывал на жизнь плетением, правда, жизнь его не была богатой, но на хлеб, квас да по праздникам на пряник для внука Вотши им хватало.

День перевалил за середину, и жара начала постепенно спадать. На улице стали появляться слободские жители, ребятишки принялись бегать взапуски, поднимая дорожную пыль. А когда солнце опустилось за дальний окаем леса, с лугов пришло стадо. Коровы, овцы, козы разбрелись по дворам, но к хате деда Ерохты не повернула ни одна животина. Когда в потемневшем небе проблеснула первая звезда, дед с внуком закончили работу и вернулись в хату.

Умывшись и причесавшись, старик и мальчишка направились к большой, ровно опиленной плахе, изображавшей стол. Дед зажег лучину, заранее вставленную в светец, достал с полки, висевшей над столом, большой каравай темного хлеба, кувшин с квасом и две грубо вылепленные кружки. Разлив квас и отрезав от каравая два ломтя, он убрал хлеб на полку и уселся на маленький чурбак, стоявший у стола.

— Ну вот, внучек, — устало проговорил дед, — Поработали мы с тобой сегодня очень хорошо, сейчас поужинаем и с чистой совестью можем лечь отдыхать...

— А про прадеда рассказать? — уныло протянул Вотша. — Ты же обещал!

— Расскажу, конечно, — улыбнулся дед. — Раз обещал.

И они приступили к ужину.

Ели спокойно и деловито, подставляя ладони под куски хлеба и запивая его шипучим квасом. Когда трапеза была закончена, Ерохта вышел во двор сполоснуть кружки, а Вотша забрался в кучу тряпья, служившую им обоим постелью. Дед вернулся, поставил кружки на полку, и, задув лучину, улегся рядом с внуком. Мальчишка лежал тихо, его дыхания не было слышно.

«Ожидает», — усмешливо подумал старый Ерохта, а вслух спросил:

— Ну, ты не спишь? Рассказывать что ли?

— Рассказывай! — немедленно отозвался внук. — Я слушаю...

Ерохта немного помолчал, собираясь с мыслями, вздохнул и начал свой рассказ.

Дозорная стая была невелика — всего пятеро волков, но все пятеро были матерыми, мощными зверями, опытными воинами и следопытами. Ват, вожак дозорной стаи, огромный волчара со странным, темным, почти черным хвостом, мог спокойно положиться на любого из них. Дозор покинул общий лагерь шестеро суток назад, вожак стаи послал их разведать путь через земли рысей, наметить скрытые тропы, места стоянок, водопой, и вот теперь они возвращались назад. Еще сутки и дозор выйдет в свои земли.

Волки шли ходкой рысью по опушке светлой березовой рощи, сливаясь с кустарником подлеска, а в полуверсте от них у неширокой голубоватой ленты реки виднелись крыши большого села рысей.

«Может, дождемся ночки да и заглянем к рыськам? — доносилась до Вата охальная мыслишка самого младшего из его стаи, рябого Теньти. — У рысек, говорят, девки — мед!»

«Да для тебя все девки — мед! — немедленно отозвался дружок Теньти, рыжий Кохта, и тут же «подначил» друга: — Только вот беда, нет среди рысьих девок рябых!»

«А мне и гладкие сойдут! — отхмыльнулся Теньтя. — Главное, чтоб их побольше было!»

Теперь уже ослабилась вся стая.

«Это хорошо, что у ребят настроение бодрое», — подумал для себя Ват, а для всех остальных мысль у него была другая:

«Потише, потише... А то мыслишки-то ваши вороватые рыси учуют, будут вам тогда рысьи девки! И повнимательнее... роща кончается!»

Роща действительно кончилась, до ближайшего леса, состоящей непроходимой чащи, было с версту, но пройти эту версту предстояло по открытому, выкошенному лугу, только несколько невысоких кустиков, да пара-тройка деревьев могли служить волкам хоть каким-то укрытием... А с сельских огородов, где копошились несколько баб с ребятишками, голый луг просматривался до самой лесной опушки!

Ват остановился в легкой тени последней березы и прилег в высокую траву. Нет, трава не скрывала волка, он просто хотел немного поразмыслить и хотя бы приблизительно наметить тропу, по которой стая пойдет к лесу. Волки, следовавшие за Ватом, тоже прилегли. Никто больше не зубоскалил, все ждали решения вожака.

Минуты через три Ват отдал команду:

«Двигаемся двумя группами, Тенья и Кохта идут к ветле, от нее к крайнему кусту боярышника, за ним, видите, отводная канава, по ней до межи... От межи придется броском до опушки. Постарайтесь поймать момент, когда бабье в землю носом уткнется. Остальные за мной, хвост в хвост. Если все-таки нас заметят, будем уходить на скорость! В любом случае встречаемся на опушке».

«Понято», — в одну мысль ответила стая, и вдогонку этой мысли снова ухмыльнулся Тенья. — «А мы все ж поближе к рыськам пойдем... Хоть нюхнем девок-то!»

«Смотри, чтобы вас не унюхали!» — окоротил охальника Ват.

Волки разделились. Двое вслед за вожаком поползли по едва заметной колее, дугой огибавшей луг. Некошеные края колеи поросли чуть более густой и высокой травой, чем все остальное луговое пространство, так что вожака и его товарищей практически не было видно. А вот на долю Теньи и Кохты выпала очень трудная задача.

Миновав около сотни саженей, вожак остановился и сразу услышал одного из своих товарищей:

«Вар, ты зачем ребят по лугу послал, за этим бурьяном мы все вместе живо проскочили бы!»

«Проскочил бы ты! — не оборачиваясь ответил вожак, чуть дернув темным хостом. — Роща-то чистая была, а что делается в лесу, ты ведаешь? А если у рысей там сторожа?! А рыси, сам знаешь, на деревьях сторожи ставят! Вот они сверху-то нас всех и высмотрят. Теперь же ребята, если что, их отвлекут, а мы с другой стороны к опушке подберемся! Понял?»

Волки понимали, что вопрос вожака в общем-то риторический, однако на вопрос старшего положено было отвечать, а потому спросивший неохотно подумал: — «Понял».

Вожак снова двинулся вперед. Ему и самому очень хотелось приподнять голову над травяной завесой, посмотреть, как там дела у молодых, но делать этого было нельзя! И вожак полз вперед, стараясь как можно быстрее добраться до опушки уже недалекого леса.

Когда до цели оставалось не более двадцати саженей, вожак услышал скрученную от напряжения мысль ползущего следом за ним волка:

«Ват, смотри, красная сосна на опушке, шестая ветка снизу!»

Вожак вскинул взгляд в указанном направлении и сразу же разглядел серовато-рыжую тень, сливавшуюся с медно-красным стволом сосны.

Рысь!

Огромная рысь, частью спрятавшаяся за стволом сосны, не отрываясь смотрела в сторону луга.

«Наших увидела!» — пахнула новая мысль сзади.

«Только еще не все поняла», — дополнил мысль своего товарища третий волк.

«Вперед!» — приказал Ват и волки снова двинулись к опушке леса, теперь уже держа направление на приметную сосну и не сводя взгляда с рысей сторожи.

Спустя пару минут рысий наблюдатель, похоже, определился с ситуацией — его гибкое тело исчезло на мгновение из поля зрения подбирающейся к сосне стаи, а затем волки увидели, что рысь быстро скользит по стволу вниз.

«Его родичи далеко! — ликующе воскликнул Ват. — У него нет прямой связи с ними!»

И тут же огромный волк вынырнул из скрывавшей его травы и метнулся к сосне. Рысь, увидев новых противников, в неопределенности замерла на полпути, а затем неожиданно прыгнула вниз.

Но до земли зверь не долетел, перевернувшись в воздухе через голову, он на мгновение словно бы растворился в воздухе, а затем вдруг снова появился, но... Теперь это был большой черный ворон! Раскинув широкие крылья, тяжелая птица заложила крутой вираж и стала быстро набирать высоту.

Вожак, мчавшийся на перехват противника, и не подумал останавливаться. На полной скорости он неожиданно бросил свое тело вверх, словно надеясь допрыгнуть до уходящего в небо ворона, и в самой высокой точке своего прыжка тоже перевернулся через голову. Снова в воздухе появилось размытое серовато-прозрачное пятно, из которого через мгновение вырвался огромный ивачь.

Двухметровые крылья пернатого гиганта ударили воздух, и вождь в одно мгновение почти настиг крошечного по сравнению с ним ворона. Тот, увидев погоню, заметался, но путь в сторону села был ему отрезан. Черная птица, уже поднявшаяся над верхушками деревьев, камнем упала вниз и, петляя между стволами, попыталась скрыться, спрятаться от своего страшного противника. Однако ивач и не подумал преследовать ворона, вместо этого он поднялся еще выше, зорко отслеживая метания ворона среди деревьев, а спустя несколько мгновений великан вдруг сложил свои огромные крылья и камнем упал в лес. Послышался короткий придушенный крик, слабый хрип сухого валежника под деревьями, и все стихло.

Через несколько минут волки собрались около своего вожака, сидевшего на упругом ковре сопревшей хвои под серой сумрачной елью. Рядом с ним лежал невысокий молоденький паренек с порванным горлом.

«Закопайте его, ребята, — прозвучала грустная мысль вожака. — А то я что-то устал».

Четверо волков в очередь вырыли лапами неглубокую яму, столкнули туда тело молодой убитой рыси и, забросав его землей, аккуратно восстановили хвойный покров.

«Теперь, уходи! — скомандовал Ват, — Идем лисьим ходом... Хотя рысей мы вряд ли обманем!»

Но погони за ними не было, сторож рысей не успел сообщить своим об увиденной им стае. Спустя сутки дозорная стая вернулась в свой лагерь, а еще через двое суток волчья стая возглавляемая свои князем незаметно прошла землями рысей к границе удела кабанов и растерзала три деревни.

Старый Ерохта умолк, а затем негромко добавил:

— Вот каким был твой прадед.

Вотша немного помолчал, словно никак не мог вернуться к действительности, а затем шепотом спросил:

— Но почему же люди такие разные — есть многоликие, а есть...

Он не договорил, но дед и так понял его тоскливый вопрос.

— Я же тебе уже рассказывал, — печально проговорил он, — Когда-то все люди были многолики. Но давным-давно волхвы, самые умные и знающие из многоликих, нашли способ лишать людей многоликости. Сначала это проделывали над пленными или над предателями племени, затем стали это делать с женщинами, чтобы они вынашивали и рожали детей, потом и вовсе... — дед, не договорив, вздохнул и закончил мысль, — но лишенный многоликости человек — тот же калека, может быть, даже самый покалеченный из калек, а многоликие калек презирают. Вот они и дали нам прозвище «изверги»... ну, вроде бы как они нас извергли из стаи... И относятся к нам, как к ничтожествам.

— Но если мой прадед был многоликим, как же получилось, что ты, дед, не многоликий? Тебя, выходит, лишили многоликости? За что?

Голос Вотши звучал негромко и вроде бы спокойно, но сна в нем не было, а была жгучая обида.

— Меня? — удивленно переспросил Ерохта и, приподнявшись, заглянул внуку в лицо, затем, снова улегшись, горько хмыкнул, — Это Вотушка, другая история. Расскажу и ее... как-нибудь в другой раз.

А затем, словно бы рассердившись, сурово добавил:

— Спи, давай! Замучил уже меня — Расскажи да Расскажи!!

И демонстративно отвернувшись от внука, засопел.

Вотша еще долго лежал в темноте, уставившись широко открытыми глазами в крошечное окошко хатки. Он представлял себя на месте своего прадеда. Вот он в лике могучего волка, вот в лике ивача, парящего в небесах, а вот в лике страшно-го, неостановимого секача!

А в окне, почти точно в его середине, сверкала оранжевая звезда — Волчья звезда! Звезда стаи восточных волков! Она давала каждому волку стаи удачу, она хранила их от напастей и бед, она защищала их от врагов и дарила победу! Вот только маленькому Вотше она ничего не могла подарить — он не был волком, он был извергом!

Поэтому Вотша и не смотрел на звезду, поэтому он и отдавался своим ведением!

Но постепенно ночь взяла свое, и маленький мальчик заснул...

Ночь всегда берет свое!

А в это время в центре города, в княжеском замке кипел весельем поздний пир. Князь Всеслав и пятеро его спутников вернулись из дальнего путешествия, и княгиня Рогда устроила мужу торжественную встречу. Вся стая князя собралась в пиришественном зале замка и в замковом дворе, где тоже были накрыты столы. Почти шестьсот человек одновременно поднимали кубки за здоровье и славу своего князя, своего вожака!

После второго тоста Всеслав вышел на крыльцо замкового дворца и двор, заполненный простыми воинами, взорвался приветственными криками. Сдовольной улыбкой оглядел Всеслав орущих мужиков, приветственно помахал им рукой, и тут же под сердцем закопошилась змея тревоги. Удалось-таки Ратмиру растревожить, смутить князя.

«И зачем я его привел с собой! — недовольно подумал Всеслав, вспомнив своего младшего брата. — Пусть бы он сидел в своей Звездной башне, как безвылазно сидел до этого почти сорок лет! Нет, захотелось мне похвастать перед ним своей мощью, своей стаей, ведь это и его стая, а он!..»

Князь еще раз махнул рукой, но на его лице уже не было довольной, торжествующей улыбки. Он повернулся и быстро

прошел в пиршественный зал, к своему месту на возвышении, уселся на стул с высокой прямой спинкой, вдруг лицо его скривилось в презрительной гримасе.

«Даже этим возвышением он меня попрекнул! — с неожиданной ненавистью подумал он о брате, и в то же мгновение сердце полоснула страшная догадка: — А может, он сам метит в вожаки?! Может, надоело ему сидеть в Звездной башне и рассматривать ночное небо, да сочинять эпистолы к таким же как он сам затворникам?!»

Князь бросил острый взгляд в сторону ближнего стола. Там, рядом с самыми близкими жожаку сородичами, сидел и его брат, Ратмир. Молодой еще человек выделялся среди окружавших его воинов и одеждой — на нем красовалась темная хламида дважды посвященного волхва — и спокойной трезвостью умного лица. Сейчас Ратмир, прихлебывая из кубка легкое кисловатое вино, с едва заметной улыбкой следил за разгорающимся за столом спором о достоинствах диких южных лошадей.

«Нет! — К князю вернулось спокойствие. — Никогда его не примет стая! Пусть он умен, пусть умеет повернуться к Миру шестнадцатью гранями, но стае нужен вожак-воин, вожак-защитник! Какая может быть защита от этого ученого... одиночки? Он и оружие-то в руках держать не умеет!»

Он наклонился к княгине и с довольной улыбкой спросил: — Хочешь я тебя повеселю?

Красавица Рогда посмотрела на мужа, вытерла губы чистой льняной салфеткой и, вернув улыбку, ответила:

— Хочу. Ты что, новых скоморохов с собой пригнал? А я и не заметила!

Всеслав весело расхохотался собственной мысли: «Ха! Скоморохов! А ведь он действительно — скоморох!»

— Сейчас я покажу тебе скомороха! — объявил он, отсмеявшись, и громко позвал: — Ратмир, поднимись ко мне.

Брат отвлекся от разговора своих соседей по столу, удивленно посмотрел в сторону княжеского стола и не слишком уверенно поднялся со своего места.

Всеслав сделал знак одному из прислуживающих на пиру извергов, чтобы тот поставил к столу еще один стул, он указал

Ратмиру на это место. Брат поднялся на помост и чуть насто-роженно присел на краешек стула. Вожак стаи, заговорщицки подмигнув жене, обратился к брату:

— Ну, как тебе нравится мой замок? Мои волки? Мой ужин?

Ратмир внимательно посмотрел брату в глаза, потом едва заметно покачал головой и чуть подвинулся, тверже усаживаясь на стуле.

— Крайский замок очень хорош, — начал он спокойным, лекторским тоном. — За те тридцать с лишним лет, которые я его не видел, он очень изменился... Сегодня, я думаю, эту крепость не сможет взять ни одна стая. И для жизни замок стал гораздо удобнее, теперь он — по-настоящему жилой. Стая, которую ты водишь, очень хороша — многолюдна, сыта, хорошо вооружена. Да и твой ужин показывает насколько людям выгодно живется в этой стае.

— А-а-а! — довольно протянул Всеслав, — Стало быть, ты признаешь, что я хорошо управляю стаей?!

Ратмир неожиданно улыбнулся, и его лицо сразу же стало проще и привлекательней.

— Разве я говорил, что ты плохо управляешь стаей?

— Да ты же мне все уши прожужжал, пока мы шли домой! — возмущенно воскликнул Всеслав. — Мы неправильно живем! Мы неправильно живем! Мы неправильно живем!

Улыбка исчезла с лица Ратмира, черные брови сошлись над переносицей, и он повторил вслед за братом:

— Мы неправильно живем!

— Это почему же? — вмешалась в разговор княгиня. — В чем ты видишь неправильность?

Ратмир перевел свой серьезный взгляд на княгиню, словно прикидывая, насколько она способна понять его рассуждения. Всеслав усмехнулся, догадавшись о сомнениях брата, и сквозь зубы произнес:

— Поделись с моей женой своими сомнениями. Она женщина умная... сердцем умная, не головой, она твои сомнения рассеет!

Ратмир едва заметно пожал плечами и заговорил, обращаясь к Рогде:

— Я, как ты знаешь, живу в уединении, но это не значит, что мне неизвестно, что происходит в Мире, как живут стаи. Кроме того, у меня есть время подумать о происходящем. Оценить его.

Он снова бросил быстрый взгляд на княгиню, и та, словно бы подбадривая его, кивнула.

— Ты, наверняка, и сама видишь, как изменилась жизнь со времен твоего детства?

— Она и должна была измениться, — снова улыбнулась княгиня. — Это было бы странно, если бы жизни застыла в неизменности!

— А какие, на твой взгляд, главные изменения произошли в жизни? — неожиданно поинтересовался Ратмир.

— Ну... — Рогда на секунду задумалась, а затем пожала плечами. — Много всякого произошло, я как-то не задумывалась об этом. Раз что-то изменилось, значит пришло время старому уйти, новому прийти.

— Все правильно, — Ратмир кивнул головой, — Тебе и не надо вникать в это изменения. А вот Всеславу необходимо видеть их и оценивать! Именно про это я ему и «прожужжал все уши»!

Он посмотрел на брата, а затем снова обратился к Рогде:

— Вот о чем я ему твердил. Во-первых, практически во всех стаях перестали выбирать вожakov! Еще двести лет назад на смену одряхлевшему, не способному уже руководить стаей вожаку приходил самый сильный, самый опытный и умелый человек. Стая сама выбирала его, и действительно выбирала достойного, потому что от вожака зависело будущее всей стаи! А теперь... Теперь вожак еще будучи в силе старается привести на свое место своего же отпрыска — сына, внука...

— А чем это плохо? — удивленно переспросила Рогда. — Ведь сын или внук вожака конечно же лучше всех знает, как управлять стаей. Он же учится этому с младых когтей у самого вожака!

— Плохо то, что вожак не смотрит, насколько его отпрыск способен водить стаю, насколько он умел и отважен. Плохо то, что по-настоящему способные люди уже не могут занять подобающее их способностям место, ведь конкурентов свое-

му отпрыску вожак так или иначе старается убраты! А это обескровливает стаю, ослабляет ее!

— Ну, в моей стае такого нет! — излишне резко возразил Всеслав. — Если мой Святополк займет мое место, он сделает это по праву и при поддержке всей стаи!

— В нашей стае такого нет? — горько переспросил Ратмир. — А ты вспомни Вата! Разве не он должен был быть избран вожаком после нашего деда? А вместо этого...

— Ват был предателем! — в ярости рывкнул Всеслав, — Он предал стаю! Из-за него погибли шестеро лучших волков! За это он и понес заслуженное наказание!

Вожак жадно припал к кубку с вином, словно сказанные слова ободрали его горло, а Ратмир смотрел на брата горьким взглядом. Когда же тот допил и со стуком поставил кубок на стол, Ратмир негромко произнес:

— Ты можешь рассказывать эту выдумку вот им. — Он коротко кивнул в сторону гуляющих дружинников. — А я знаю, за что и как был наказан Ват. Сейчас ты говоришь, что твой сын возьмет власть только если он будет ее достоин. Но Святополку только двадцать лет, я посмотрю, как ты заговоришь и что ты сделаешь, когда поймешь что у него в стае есть достойные соперники!

Князь в ярости скрипнул зубами и резким движением снега наполнил свой кубок, расплескав вино по камчатой скатерти.

— Но это не самое страшное, — медленно, словно бы устало произнес Ратмир, и, посмотрев в испуганные глаза княгини, неожиданно спросил: — На сколько, сестрица, увеличилось в Крае количество извергов, ну хотя бы за те годы, которые я отсутствовал?

Княгиня явно растерялась и неуверенно пробормотала:

— Так кто же их будет считать?

— Да, их никто не считает, — с горечью согласился Ратмир. — А стоило бы...

— Зачем? — удивленно переспросила Рогда, а Всеслав, оскалясь в кривой усмешке, зло пробормотал:

— Это еще одна умная догадка моего ученого братца! Он, видишь ли, считает, что изверги могут нам угрожать!

— Да чем же?! — изумленно воскликнула княгиня.

И снова Ратмир задал неожиданный вопрос:

— У тебя сколько детей, княгиня?

— Ты же знаешь, двое, — недоуменно ответила Рогда.

— А сколько в стае еще семей, где было бы двое ребятишек?

Княгиня посмотрела на мужа и чуть пожала плечами:

— Да вроде бы больше нет таких.

— А вообще сколько в стае детей?

Княгиня на секунду задумалась, а потом уверенно ответила:

— Двадцать один.

— Ты, Всеслав, гордишься тем, что сейчас в замке пируют почти шестьсот человек, — обратился Ратмир к вожаку стаи. — И вот у этих шестисот человек всего двадцать один ребенок!

— Рогда говорит только о многоликих! — вскинулся уже порядком захмелевший князь. — А полуизвергов наберется не меньше тысячи!

— А вы полуизвергов принимаете в стаю? — с интересом переспросил Ратмир.

— Редко, — нехотя ответил вожак. — Это роняет престиж стаи!

— Но ты же знаешь, — вмешалась в разговор княгиня, — родить многоликого очень тяжело! Женщине приходится девять месяцев существовать, повернувшись к Миру только одной гранью, а это далеко не каждой по силам!

— Правильно, — кивнул Ратмир, — Редкая женщина выдерживает весь срок беременности, потому-то твой случай — двое детей, уникален! А к своим детям от извергинь люди относятся с презрением!

Он посмотрел по очереди на обоих супругов и огорченно покачал головой:

— Вы вот сказали, что не знаете, сколько в Крае извергов, так я вам скажу. Судя по величине города, их не менее десяти тысяч. Я говорю только о взрослых извергах! Это значит, что княжеский замок окружает по меньшей мере четыре с половиной тысячи семей, в каждой из которых от семи до десяти ребятишек!

— Зато изверги живут, в лучшем случае, семьдесят лет, а многоликие в худшем — двести! Да и что могут изверги сде-

лать многоликому? — князь пьяно расхохотался, и Рогда с тревогой посмотрела на мужа.

— Они уже делают, — спокойно ответил Ратмир. — Посмотрите, вы сами себя называете именем, данным нам извергами, — многоликие! А ведь у нас есть и собственные названия для своего рода — люди, первые! Мы не говорим «многоличье» мы говорим — «многогранье», но вы пользуетесь прозвищем, придуманным извергами, и этим, сами того не замечая, уже ставите их на один уровень с собой!

— Как это? — снова удивилась княгиня. — С чего ты это взял?

— По логике их речи мы — многоликие, они — изверги. Но и те, и другие — люди... человеки! Во всяком случае, изверги считают именно так! И вы, принимая их терминологию, подерживаете эту их уверенность!

Рогда растерянно посмотрела на мужа, не зная что возразить деверю.

— Но ты, брат, видимо, имел ввиду другое, — повернулся Ратмир к Всеславу. — Один изверг, действительно, ничего не может сделать человеку. И двадцать — ничего, и сто. А вот ты-сяча!..

И он многозначительно замолчал.

Однако Всеслава, видимо, не испугал многозначительный тон брата, подняв руку и покачал пальцем перед носом Ратмира, он заговорил в пьяном кураже:

— Не надо меня пугать, братец! Ты сам прекрасно знаешь, что стоит мне повернуться к Миру другой гранью, и любое оружие извергов будет бессильно против меня, в худшем случае я получу небольшую рану! Меня-волка, меня-медведя, меня-ивача не достанет ни сталь, ни дерево, ни камень этого Мира, разве что поцарапает! А вот я, своими клыками, своими когтями, своим клювом достану любую тварь этого Мира! Кроме того, если я посчитаю, что моя стая недостаточно велика, то просто pošлю своих ребят по деревням извергов и через девять месяцев она станет в два раза больше! Сами изверги прекрасно знают не только то, что они бессильны против нас — людей, но и то, что если мы захотим, они будут рожать таких, как мы, и при этом еще будут нам благодарны! Да-да, изверги-

ни будут счастливы родить ребенка от человека! Так кто кого должен опасаться?!

Он посмотрел в лицо брату хмельным горящим глазом и с довольной ухмылкой закончил:

— Вот они меня и боятся! Боятся до дрожи в коленках, до холода вдоль хребта, до пресечения дыхания! Я для всех подвластных мне извергов — Абсолют! Я определяю их бытие или небытие! Так было, так есть и так будет во веки веков!

— Так было, так есть, — спокойно согласился Ратмир. — Но, как верно сказала твоя умница-княгиня, Мир изменяется... И кто знает какие изменения придут в этот Мир завтра? И тогда не станет ли численное превосходство извергов над людьми, над первыми, одним из решающих факторов?

Всеслав откинулся на спинку стула и вяло махнул рукой:

— Я смотрю, вас, волхвов, стаи слишком хорошо кормят, и у вас слишком мало забот! Вот вам в головы и лезут всякие странные мысли! Как ты вообще мог додуматься до сравнения человека с извергом?

Ратмир долго молча смотрел на брата, а затем негромко произнес:

— Вспомни Вата. Он был одним из лучших в стае, а стал извергом! Конечно, он потерял многогранность, но человеческие-то качества у него должны были сохраниться! И он не покончил с собой после того, как его лишили многогранья, а ведь многие ожидали именно этого! Нет, он прожил отпущенный ему срок и прожил достойно!

И вдруг он снова улыбнулся:

— Я сегодня видел одного из его потомков. Совсем маленький мальчишка, но удивительно похож на Вата!

Всеслав вскинулся:

— Ват умер сорок лет назад.

Ратмир удивленно приподнял бровь и пожал плечами:

— Я сказал только, что мальчик очень похож на Вата. И больше ничего!

Но Всеслав его уже не слушал. Голова князя упала на грудь, тело расслабилось, рука, державшая кубок, сползла со столешницы и упала, выронив драгоценный сосуд.

Рогда подала короткий знак, и тут же к князю с двух сторон подскочили изверги-слуги. Осторожно подняв тело князя, они быстро вынесли его из пиршественной залы и в сопровождении княгини поспешили к княжеской спальне. Всеслав, казалось, полностью отдался пьяному, беспробудному сну. Но когда слуги, стянув с него жесткое парчовое платье, укрыли тяжелое тело прохладными простынями, он неожиданно открыл глаза и обращаясь к стоявшей рядом с постелью жене, произнес неожиданно трезвым голосом:

— Пошли Скала и Искора в город. Они сопровождали Ратмира и должны знать, где он встретил того мальчишку. Пусть приведут его в замок, я хочу его видеть завтра утром!

Рогда молча кивнула в ответ.

Ратмир, оставшись за княжим столом в одиночестве, задумался. Зал практически опустел, только несколько завязтых питухов все еще буянили за одним из столов, да изверги-слуги сновали по залу прибирая со столов дорогую посуду.

«Бесполезно, — горько думал Ратмир. — Ни один из вожаков не думает о будущем. Всех их тревожит только сегодняшний день! И совет посвященных не хочет заниматься этой проблемой! Посвященные почему-то считают себя выше мирских дел».

К нему неслышно подошла молоденькая девушка и, смиренно опустив глаза, проговорила:

— Господин, ваши покои готовы, если вы хотите отдохнуть, я вас провожу.

Ратмир поднял глаза и взглянул на извергиню. Лет ей было не более четырнадцати, ее личико с небольшим, чуть вздернутым носиком, полными ярко-красными губками и длинными пушистыми ресницами дышало свежестью. Простая прямая белая рубашка с подолом до щиколоток босых ног скрывала тело девушки, но спрятать высокую упругую грудь она не могла. Брат князя встал со стула и негромко произнес:

— Ну что ж, проводи меня, красавица. Мне действительно надо отдохнуть.

Девушка быстро повернулась и легкой, летящей походкой направилась к боковым дверям, выведившим из пиршественного зала в правое крыло дворца.

Гостевые покои дворца, предназначенные для приезжавших к князю Всеславу посланцев из других стай, были на этот раз целиком отданы в распоряжение Ратмира. Молоденькая извергиня провела волхва в бельэтаж, а там длинной анфиладой небольших комнат, отделанных под малые гостиные, в главный зал покоев. Из главного зала, отделанного панелями редкого розового дерева, выходило две двери. Девушка направилась к той, что располагалась справа, и за ней, пройдя длинным узким и темноватым коридором, ввела Ратмира в большую спальню. Огромная кровать под роскошным шелковым балдахином была тщательно застелена, угол темно-синего легкого покрывала аккуратно отогнут, чтобы показать идеально растянутые голубые простыни.

Девушка остановилась у входа в спальню, и когда Ратмир прошел мимо нее в комнату, негромко произнесла:

— Если господину что-то нужно, я немедленно принесу требуемое.

— А если мне ничего больше не нужно? — с легкой улыбкой спросил волхв.

— Тогда я, с позволения господина, оставляю его, — не поднимая глаз, ответила девушка.

— А разве ты не разделишь со мной ложе, чтобы согреть его? — спокойным, чуть надменным тоном поинтересовался Ратмир, и его вопрос, учитывая стоявшую на улице жару, прозвучал издевкой — жесткой, требовательной издевкой!

На одно мгновение девичьи ресницы взмыли вверх, и волхва обжег испуганный взгляд темных глаз. Девушка чуть откачнулась назад, и с ее щек сбежал румянец, однако голос ее, прозвучавший чуть тише, был все также ровен и спокоен:

— Если господин мерзнет, я готова принести ему постельную грелку, а в спальне поставить жаровню.

— А вот этого не надо! — Ратмир высокомерно вскинул голову, — Ты прекрасно поняла о чем я говорю!

Он несколько секунд помолчал, а затем снова спросил:

— Так ты готова разделить со мной ложе?!

— Если господин этого потребует, — еле слышно пробормотала извергиня.

— Ты хочешь сказать, что сделаешь это против собственного желания? — переспросил ее волхв.

Девушка молча кивнула.

— Почему? Разве для тебя не лестно было бы стать наложницей человека и, может быть, родить от него ребенка?

На этот раз девушка отрицательно помотала головой.

— Почему? — снова спросил Ратмир и, шагнув к девушке, двумя пальцами поднял за подбородок ее опущенную голову. — Смотри мне в глаза и рассказывай!

Голос волхва звучал жестко, почти угрожающе.

Лицо девушки было запрокинуто кверху, однако опущенные ресницы по-прежнему закрывали глаза. Не пытаясь освободиться от упертых в ее подбородок жестких пальцев, она негромко заговорила:

— Если я потеряю девство до брачного обряда от меня отвернутся все родственники, а отец проклянет. Так будет даже если я сама ни в чем не буду виновата. Господин тоже не женится на мне — зачем ему, многоликому, жена-извергиня!

— А если я официально признаю тебя своей наложницей? — все тем же жестким тоном спросил Ратмир.

— Вы пользуетесь мной некоторое время, а потом выберете, как ненужную вещь, — не открывая глаз, проговорила девушка. — А мой позор останется со мной!

— Почему обязательно — выброшу? — волхв презрительно приподнял правую бровь. — Я отпущу тебя домой и дам богатое приданое!

— Даже с самым богатым приданным никто не согласится принять на себя мой позор.

Молоденькая извергиня старалась говорить спокойно, но в ее голосе уже чувствовались едва сдерживаемые слезы.

Ратмир наконец-то отпустил ее подбородок, и она тут же снова опустила лицо.

— Значит, постель человека у вас теперь считается несмысленным позором? — медленно проговорил он и замолчал, словно ожидая ответа на свой вопрос. Однако девушка стояла молча.

— Да, я действительно очень давно не был дома, не был в стае. Тридцать лет назад извергиня, взятая в наложницы и ро-

дившая дитя от человека, считалась у извергов очень достойной женой.

Девушка продолжала молчать, уставившись в пол. Ратмир медленно вернулся к кровати, уселся на покрывало и устало произнес:

— Можешь идти, мне больше ничего не надо.

Девушка быстро метнулась к выходу, но была остановлена в дверях властным окриком:

— Стой!

Она замерла, а волхв спокойным, даже каким-то ласковым голосом спросил:

— Как тебя зовут?

— Мила, — негромко ответила извергиня, повернувшись лицом к волхву, и он снова увидел быстрый взгляд, брошенный ему в лицо из-под взметнувшихся темных ресниц.

Ратмир лениво взмахнул рукой:

— Ступай, Мила, и прикрой за собой дверь поплотнее.

Девушка немедленно выскочила за порог и аккуратно, без стука закрыла дверь.

«Вот еще одно доказательство изменений, пришедших в Мир! — устало подумал Ратмир. — Извергини уже не считают честью забеременеть от многоликого, как считает мой дорогой братец! И неизвестно, что случится, если он пошлет своих волков по деревням извергов! Но значит и я ошибаюсь, добиваясь хоть какого-то равенства для извергов — какой смысл давать права людям, рожденным извергинями, если для извергов ребенок от человека ненавистен, если он — несмыаемый позор для его матери! Но самое страшное, что и это изменение в Мир привели мы сами. Вернее, наша жестокость, несправедливость, наше высокомерие!»

Он встал с кровати, медленно разделся, аккуратно повесил свою темную хламиду на вбитый в стену деревянный косяк и забрался под прохладное покрывало. Сон к нему пришел не сразу.

Ранним утром следующего дня, задолго до восхода солнца, когда город только готовился к пробуждению, на тихой улочке слободы горшечников появились двое всадников. Князь рат-

ники из старшей дружины, высокие, статные, широкоплечие мужи, были одеты в одинаковые темно-серые рубахи с приколотыми справа бронзовыми бляхами в виде волчьих голов, такие же темно-серые порты, высокие черные сапоги. На их головах красовались плоские, прикрывающие уши картузы. Оружия в их руках не было, да здесь оно им и не было нужно.

Оглядевшись, дружинники уверенно направили лошадей к домику старого Ерохты. Остановившись у калитки, они спрыгнули на землю. Один из них остался около плетня, держа лошадей под уздцы и зорко поглядывая по сторонам, а второй небрежным пинком распахнул калитку и вошел на двор. Не доходя нескольких шагов до дверей хатки, он зычно гаркнул:

— Эй, хозяин, дверь открывай!

Дверь распахнулась в тот самый момент, когда подошедший дружинник уже собирался повторить свой небрежный пинок. На пороге стоял дед Ерохта, щурясь со сна и пытаясь разобрать, кто это так бесцеремонно орет. Разглядев княжьего ратника, он попытался поклониться, но тот, грубо толкнув старика внутрь хатки, рывкнул:

— Ну, где тут у тебя малец прячется?! Давай его сюда?!

— Не прячется у меня никакой малец, — растерянно пробормотал дед. — Внук только со мной...

— Вот он-то нам и нужен! — неожиданно весело гоготнул ратник.

Из тряпок, наваленных в темном углу хаты, вынырнула белая детская голова. Широко распахнутые, будто бы и не спавшие глаза уставились на ратника.

Тот, увидев мальчонку, одним прыжком оказался рядом с кучей тряпья и выдернул из нее Вотшу. Подняв ребенка на вытянутых руках, ратник довольно ухмыльнулся:

— Тот самый.

— Зачем вы его забираете, — забормотал за его спиной старый Ерохта. — Он же ничего не сделал, многоликий сам с ним заговорил.

Дружинник прижал мальчика к груди и повернулся к деду.

— Мальчишка ничего не сделал, — подтвердил он слова деда и, шагнув к выходу из хаты, добавил: — Но вожак хочет его видеть, а зачем... кто ж его знает?

Когда дружинник с ребенком на руках вышел во двор, у плетня уже кучковалось десятка два слобожан. Тихо переговариваясь между собой, они с осторожным интересом косились на стоявшего у калитки воина. Увидев Вотшу на руках дружинника, все замолчали. Ратник, стоявший у плетня, быстро вскочил в седло и развернул коня таким образом, что оказался между своим товарищем и собравшейся толпой. Второй ратник спокойно усадил мальчишку на своего коня, поднялся в седло и, придерживая ребенка одной рукой, направился в сторону княжеского замка. Слобожане молча смотрели им вслед, пока оба дружинника не скрылись за поворотом дороги. Потом все они повернулись в сторону хаты. На пороге стоял старый Ерохта и с тоской смотрел вслед увезенному внуку.

Несколько минут над улицей висела мертвая тишина, а затем раздался хриловатый мужской голос:

— Ерохта, зачем это многоликие Вотшу забрали? Он что, набедокурил сильно?

Этот голос словно бы вывел старика из оцепенения. Вздрыгнув, он посмотрел на столпившихся у плетня соседей, потер лоб дрожащей рукой и нарочито громко ответил:

— Ничего он не набедокурил. Ратник сказал, что его князь видеть хочет.

Снова над улицей повисло молчание — все обдумывали слова старика.

— Ну, может быть, князь посмотрит да и отпустит мальчонку-то, — раздался наконец женский голос, которому явно не хватало уверенности.

— Как же, отпустит, — немедленно отозвался кто-то из мужчин. — Когда это было, чтобы многоликие просто так отпускали нашего брата?

— Но это же ребенок, — робко возразил все тот же женский голос.

— А им все одно, что ребенок, что взрослый! — раздраженно ответил мужчина. — Мы для них не люди — изверги!

После этого, ставящего заключительную точку, слова все стоявшие у плетня люди как-то засуетились и стали быстро расходиться по своим домам. Скоро старый Ерохта остался в одиночестве.

Всадники, увозившие Вотшу, едва только толпа слобожан скрылась за поворотом дороги, пустили своих коней ходкой рысью, и скоро мальчишка увидел каменные городские дома и вырастающие за ними высокие серые стены княжеского замка. Спустя несколько минут, копыта лошадей гулко процокали по деревянному настилу подъемного моста, и всадники въехали на огромный застеленный камнем замковый двор. Здесь, рядом с высокими резными дверями очень красивого трехэтажного здания они спешили, но Вотша остался сидеть на конской спине перед седлом всадника.

Дружинник, стороживший у плетня, быстрым шагом направился внутрь здания, а второй встал рядом с мальчишкой и, чуть придерживая его за пояс порточков, негромко сказал:

— Ты, малец, сильно не пугайся. Если князь что спросит, отвечай не торопясь, спокойно. Да не придумывай ничего — князь страсть врунов не любит!

— Я никогда не вру! — тихо буркнул насупившийся мальчик.

Ратник улыбнулся в густые усы и построжавшим голосом проговорил:

— И не перечь князю, не дерзи! А то и оглянуться не успеешь, как на конюшне окажешься!

— А чего я там, на вашей конюшне, не видал? — еще тише пробурчал мальчишка.

— Вот и я говорю — нечего тебе там делать! — неожиданно согласился ратник и снова улыбнулся.

Но в то же мгновение улыбка слетела с его лица, за закрытыми резными дверями раздался слабый шум, затем одна из дверей приоткрылась, и в образовавшуюся щель на крыльцо проскользнул второй дружинник.

— Идет князь! — чуть запыхавшись, проговорил он. — Снимай мальчонку!

Сильные руки сдернули Вотшу с лошади, опустили на камень площади, и ратник, щекотнув его ухо усами, прошептал:

— Помни, что я тебе говорил!

Мальчик только кивнул белой взлохмаченной головой и уставился огромными голубыми глазами на высокие двери замка.

Прошло минут пять, и двери медленно, торжественно распахнулись, открывая мальчишескому взгляду темную прохлад-

ную прихожую, из глубины которой выходил высокий стройный мужчина в белой, расшитой красным крестиком рубашке, темно-серых портах и высоких сапогах. Рядом с ним шла полная высокая женщина в светлой рубашке и долгополом летнем сарафане.

«Вот он какой — князь! — восторженно подумал Вотша, вглядываясь в лицо мужчины. — Вожак... Всеслав!»

Выйдя на крыльцо, князь и княгиня внимательно оглядели маленького Вотшу, а затем Всеслав, усмехнувшись, проговорил:

— Он действительно похож на...

Быстро сбегав с невысокого крыльца, он остановился в двух шагах от мальчика и спросил:

— Как тебя зовут, маленький изверг?

— Вотша, господин.

Голос у мальчонки хоть и дрогнул, но прозвучал достаточно громко и ясно.

— А знаешь ли ты изверга по имени Ват?

— Это мой прадед, господин, — гораздо увереннее ответил Вотша и после секундной паузы добавил: — Только он не был извергом, господин, он был многоликий!

Всеслав метнул мгновенный взгляд за свое плечо, и Рогда в ответ едва заметно кивнула.

— С кем живет малец? — обратился князь к стоявшему позади Вотши ратнику.

— С дедом, вожак, с совсем старым дедом.

Всеслав снова посмотрел на мальчика.

— Если твой прадед был многоликим, то почему твой дед — изверг?

Вотша не сводил глаз с лица князя и потому сразу же уловил проскользнувшее по нему напряжение. Но вожак стаи мгновенно взял себя в руки, и на мальчика посмотрели все те же спокойные темно-серые глаза.

— Я не знаю, господин, — мальчишка неловко пожал плечами. — Дедушка мне ничего об этом не рассказывал.

— Не рассказывал... — задумчиво протянул Всеслав и снова быстро посмотрел на свою княгиню. Вотша почувствовал, как лежавшая на его плече рука ратника чуть напряглась.

— Ну, что ж... — начал было князь, словно приняв какое-то решение, но в этот момент из полутьмы дворцовой прихожей раздался спокойный строгий голос:

— Не торопись, брат!

На крыльце позади княгини появилась высокая худощавая фигура, закутанная в темную хламиду, и мальчика обжег пристальный взгляд странно знакомых холодных глаз.

Рогда чуть посторонилась, и Ратмир, неторопливо спустившись с крыльца, встал рядом с князем.

— Позволь мне сначала посмотреть его линию жизни, — медленно проговорил волхв, не отрывая глаз от лица ребенка, и в его голосе не было просьбы. — Вдруг он тебе пригодится.

Князь недовольно нахмурился и сквозь зубы процедил:

— На что это мне может пригодиться маленький изверг? Если б он был хотя бы полуизвергом!

— Вот мы и посмотрим на что! — спокойно ответил волхв.

— Ты хочешь увести мальчишку к себе в Звездную башню?

— Нет, я спрошу Рок здесь, в твоём замке.

Всеволод пожал плечами:

— Ну что ж, спрашивай. Хотя я не думаю, что малец представляет хоть какую-то ценность!

Затем, подняв глаза на стоявшего позади мальчика ратника, он приказал:

— Скал, пока что ты будешь отвечать за мальчишку. Устрой его в ратницкой, одень, накорми. В общем, займись им. И следи, чтобы он не сбежал! Головой отвечаешь! Когда волхв Ратмир закончит свои исследования, я скажу, что дальше делать с ним!

Князь повернулся, взошел на крыльцо и, взяв княгиню под руку, направился вглубь замка. Рогда, прежде чем скрыться в полумраке прихожей, успела бросить через плечо еще один настороженный взгляд. Теперь он был обращен к волхву.

Но тот не заметил этого взгляда.

— Приведешь Вотшу сразу после обеда ко мне в покои, — обратился Ратмир к Скалу. — Я за это время все приготавливаю. И постараюсь, чтобы мальчик не был слишком напуган — его испуг может все запутать.

С этими словами волхв повернулся и неторопливо последовал за княжеской четой.

Когда двери дворца за ними закрылись, Скал неожиданно подхватил Вотшу на руки и довольно пробасил:

— Ну, ты, малец, — молодец! Все как надо делал, и даже князя не испугался!

Скал с Вотшей на руках пересек площадь и между двух невысоких хозяйственных построек прошел к большому двухэтажному зданию, пристроенному к замковой стене.

— Вот здесь ты теперь жить будешь! — проговорил ратник, проходя коротким коридором в большой, заставленный длинными столами и скамьями зал. — Это наша трапезная, а спальни находятся наверху.

У среднего стола сидело четверо дружинников. Перед каждым из них стояла большая деревянная миса и здоровенная глиняная кружка. Ратники завтракали. Вотша вертел головой, оглядывая трапезную, вдыхал запах каши и свежее испеченного хлеба и крепко держался за руку Скала.

Услышав слова дружинника, завтракавшие обернулись, и один из них, здоровяк с густой взлохмаченной черной шевелюрой, глухим басом поинтересовался:

— Это что это за птаху ты привел, Скал?

— Вот, знакомьтесь, правнук Вата, — проговорил дружинник, подводя мальчика к столу. — А зовут его Вотша. Вожак приказал присмотреть за ним.

Все четверо с интересом оглядели мальчика, а сидевший с правого края молодой худощавый дружинник проговорил:

— Правнук Вата? Надо же! Изверг, значит! — И, хлопнув ладонью по столешнице, добавил: — Ну садись с нами, Вотша, позавтракать-то, наверное, не успел?!

Мальчик посмотрел на Скала, и тот поддержал предложение своего товарища:

— Садись, садись... Сначала поедим — я ведь тоже еще не завтракал, а потом пойдем к тетке Сидохе, может, она тебе что из одежды подберет.

Усадив мальчика на скамью рядом с молодым дружинником, Скал ушел к окошку в дальнем конце трапезной и, спустя несколько минут, вернулся с двумя большими мисками, на-

полненными рассыпчатой кашей, поверх которой лежало по ломтю хлеба. Затем Скал еще раз сходил к окошку и принес две большие ложки и две кружки. В одной из кружек была налита темная пенистая жидкость, а в другой — молоко. Поставив перед Вотшей миску с кашей и кружку с молоком, дружинник протянул ему ложку:

— Ешь, не торопись! Не набрасывайся на пищу, как зверь дикий!

Мальчик молча принял ложку, осторожно взял в другую руку ломоть хлеба, оглядел наблюдавших за ним дружинников, вздохнул и принялся за еду. Однако, черпанув пару раз из миски, Вотша вдруг замер с поднятой ложкой и поднял на Скала изумленные глаза:

— Дядя Скал, — шепотом проговорил он, торопливо проглотив кашу, — У меня здесь...

И замолчал.

— Да что там у тебя? — встревожился дружинник и заглянул в миску к мальчику. — Ну, что ты там обнаружил?

— Мясо! — испуганно прошептал Вотша и аккуратно положил ложку хлебалом на край чашки.

Дружинники переглянулись, и чернявый здоровяк добродушно прогудел:

— Ну что ж, что мясо. Вот и ешь с мясом. Раз в княжеский замок попал, силенок тебе много понадобится — собирай силенки-то.

Мальчишка осторожно заглянул в свою миску и, снова взявшись за ложку, ковырнул кашу. Потом, еще раз обжевав глазами дружинников, уже смелее поддел небольшой шматок мяса и вместе с кашей отправил в рот.

Пока он сосредоточенно жевал, дружинники с веселым интересом поглядывали на него, но осторожно, так чтобы уж совсем не смутить мальчика. Тот, прожевав и проглотив первую ложку, с гораздо большим энтузиазмом потянулся к миске и вскоре уже всюю наворачивал кашу, не стесняясь хозяев стола.

Прикончив кашу, Вотша аккуратно положил ложку в миску и, удовлетворенно вздохнув, проговорил:

— Вкусно!

— А молоко? — с улыбкой поинтересовался Скал. — Молоко-то пей!

Мальчишка наклонился над кружкой и осторожно попробовал жирное молоко. Выпив пару глотков, он поднял голову, облизнул верхнюю губу и неожиданно улыбнулся:

— А квас-то у нас с дедом вкуснее.

Дружинники, с интересом наблюдавшие за маленьким извержонком, расхохотались.

И вдруг все пятеро почувствовали странную неловкость. Им всем пришло в голову, что вот с ними за одним столом сидит детеныш тех самых извергов, которых они презирали. Да нет, не презирали даже! Они их просто не считали достойными своего внимания, ну разве когда поразвлекься с какой-нибудь молоденькой симпатичной извергиней, особенно в походе, в набеге. А вот поди ж ты, сидит малец-изверг за одним с ними столом, ничуть не смущается, уплетает такую же кашу, а им не хочется цыкнуть на него, пристукнуть, вышвырнуть за порог, словно шелудивого пса! Наоборот, извержонок вызывал какое-то щемящее сочувствие, хотелось его приласкать! И каждый, оправдывая себя, решил, что Вотша все-таки не простой изверг, что он все-таки потомок Вата! А Вата все еще помнили!

После завтрака, закончившегося в смущенном молчании, Скал взял мальчишку за руку и повел в стоявший по соседству небольшой домик, оказавшийся бельевой. Хозяйничала там пожилая, толстая и удивительно опрятная женщина, которую все называли тетка Сидоха.

Тетка Сидоха и две ее помощницы, молоденькие извергини, принесли несколько рубашек, две пары портов, тонкие короткие чулки, маленькие невысокие сапожки. Вся одежда была не новой, ношеной, но чистой и ухоженной — было ясно, что у кастелянши замка все хранится в надлежащем порядке. Часа через два Вотша был одет во все новое, пригнанное по его маленькому телу. Даже сапожки оказались ему только чуть-чуть великоваты.

До обеда Скал успел еще показать маленькому извергу замок и вид, открывающийся с южной стены — той стены за которой не было городских построек. Крутой склон, начинавшийся прямо от стены замка, заканчивался песчаным обры-

вом, под которым поблескивала быстрая река, а за рекой до самого горизонта, иззубренного невысокими горами, простиралась волнуемая ковылем степь. И только две-три небольшие дубовые рощицы нарушали это протяженное, волнуемое под ветром однообразие.

Вотша долго смотрел на степь с высоты замковой стены, а затем взглянув на дружинника огромными голубыми глазами, тихо спросил:

— Дядя Скал, а что там, за этим... — и он повел перед собой рукой, не умея подобрать имени открывающемуся перед ним пространству.

Скал неловко ухмыльнулся и покачал головой.

— Эта степь. Вся эта степь — наша! Она принадлежит нашей стае! А за ней начинаются горы. Вон они видны на самом горизонте. Волку до них бежать четверо суток! В горах живет другая стая — снежные барсы, ирбисы. — Дружинник на мгновение замолчал, словно припомнил нечто давнее. — Опасные, сильные бойцы! Они не строят замков, сами горы для них — замки. Я ходил туда... с твоим прадедом.

— С Ватом? — немедленно вскинулся малец.

— С ним, — кивнул Скал и помрачнел.

Положив на белую голову мальчика свою большую тяжелую ладонь, он вздохнул и совсем другим тоном проговорил:

— Пойдем, Вотша, обедать! А то еще опоздаем к волхву, он тогда мне задаст!

Обед поразил мальчика еще больше, чем завтрак. Изумленно оглядев заставленный закусками стол, он прошептал:

— Нам с дедом и за месяц столько не съесть!

Тем не менее он отведал и борща с только что испеченными пышками, и горячего оленьего окорока с полбой, и распаренной в меду репы... Однако Скал зорко следил, чтобы мальчишка не переел — осоловеет, а ему ведь к волхву идти!

Через полчаса после обеда они отправились к Ратмиру.

У дверей гостевых покоев их встретила молоденькая служанка и, поклонившись дружиннику, произнесла:

— Господин Ратмир велел мне проводить вас к нему.

Затем, внимательно посмотрев на мальчика, она повернулась и направилась через анфиладу комнат к главному залу.

Здесь она остановилась и, еще раз поклонившись Скалу, сказала:

— Господин может обождать своего подопечного здесь. К господину волхву мальчик войдет один!

Скал пожал плечами и тихонько подтолкнул Вотшу в сторону девушки:

— Ступай с Милой, дружок, и ничего не бойся!

Мальчик шагнул к служанке. Та, бросив удивленный взгляд на дружинника, взяла его за руку и направилась к левой из двух бывших в зале дверей. Когда они скрылись, Скал посмотрел тяжелым взглядом на закрывшуюся за ними дверь и уселся в одно из кресел, стоявших в простенках между окнами зала.

Мила провела Вотшу коротким коридором до тяжелой, плотно прикрытой двери, с усилием приоткрыла ее и легонько втолкнула мальчика в образовавшуюся щель.

Мальчишка оказался в большой комнате с окнами, плотно закрытыми шторами. Мрак, царивший в комнате, едва рассеивался пламенем одинокой свечи, бросавшим трепещущие блики на стекла больших стенных шкафов, янтарную полированную поверхность стола, установленного в центре комнаты, и большое матово-белое зеркало в странной, темного металла, оправе. Зеркало это не отражало комнаты, оно было похоже на затянутый бледным бельмом чудовищный глаз. И мальчик испугался этого глаза, испугался впервые с момента своего появления в замке.

— Разденься и ложись на стол!

Холодный, равнодушный голос прозвучал из темного угла. Мальчик стремительно обернулся в сторону говорившего, и вперед выступила закутанная в темную мантию фигура. Голова фигуры пряталась под капюшоном, а лицо было прикрыто грубо вырезанной деревянной маской.

— Ничего не бойся, разденься и ложись на стол! — повторил волхв и повелительным жестом указал на янтарно отблескивающую поверхность столешницы.

Вотша, не нагибаясь, медленно стянул сапожки, затем чулки, развязал пояс портков, и они упали на пол. Переступив через них, мальчик едва заметно вздрогнул и начал стягивать рубашку.

— Быстрее! — поторопил его равнодушный голос.

Мальчик снял рубашку и опустил ее на порты. Затем, бросив быстрый взгляд на корявую маску, прикрывавшую лицо волхва, он взобрался на стол, вытянулся вверх лицом на прохладном полированном дереве, так что свеча оказалась у него в изголовье, и закрыл глаза.

Волхв шагнул к столу и сквозь прорези в маске взглянул в лицо мальчику. Потом из складок своей мантии он достал два небольших холщевых мешочка и высыпал их содержимое с двух сторон от головы мальчика. Две небольшие горки похожего на мелкий песок порошка тускло засветились в полумраке комнаты, и было непонятно, то ли песок отражает свет свечи, то ли мерцает собственным светом. Но в это момент волхв быстро наклонился и задул свечу.

Песок продолжал мерцать чуть переливающимся желтоватым сиянием.

— Открой глаза, — глухим, безразличным, отрешенным ото всего голосом проговорил волхв.

Мальчик раскрыл глаза, и они вдруг замерцали голубоватым отсветом, словно отвечая на свечение песка.

На миг в комнате повисла странная, неживая тишина, словно человек и изверг вдруг перестали дышать... перестали жить. Но, спустя мгновение, над головой мальчика поднялась темная рука с длинными тонкими пальцами, и все тот же неживой голос произнес странное, непонятное, невозможное для человеческого уха слово. Затем рука медленно опустилась и быстро клюнула длинным указательным пальцем обе светящиеся горки — сначала справа, потом слева от головы мальчика. Он услышал, как длинный заостренный ноготь дважды сухо ударил в столешницу, и этот тупой звук было последнее, что он услышал въяве!

Настоящее для мальчика кончилось!

Песчаные горки от тычка преобразовались в крошечные кратеры, и из их середины вдруг отчетливо потянуло дымком. Этот дым почти сразу же стал виден, словно крошечные желтоватые облачка поднялись над столешницей, над головой ребенка. Подпитываемые все новыми и новыми клубами, вырывавшимися из середины кратеров, эти облачка разрастались,

густели, окутывали голову мальчика, но его открытые глаза продолжали смотреть сквозь клубящийся дым в далекий невидимый потолок.

И тут новое, изысканно-корявое, нечеловечье слово невнятным призывом сорвалось с уст волхва, и в ответ на этот призыв матово белая поверхность зеркала засеребрилась, в нем появилась глубина... в нем появилось отображение! Но это было отображение не той темной комнаты, в которой оно стояло, это было отображение какого-то другого, чужого Мира!

Мальчик лежал спокойно, бездвижно, но с губ его неожиданно сорвался едва слышный, слабый стон. И в ту же секунду волхв произнес третье гортанно-грозное слово, похожее на воинственный клич или приказ. В ответ на него в глубине дымивших песчаных кратеров полыхнуло крошечным оранжево-золотистым пламенем, а в темном провале зеркала, оплетая едва проступавшее изображение, забежали извилистые разноцветно-огненные зигзаги. Вначале едва заметные, они быстро набрали силу, и скоро уже вся комната полыхала стремительными беззвучными разноцветными вспышками!

Волхв сбросил свою грубую маску и впился глазами в зеркало, распознавая, читая, запоминая увиденное.

А Вотша в это время тоже видел. Но это были даже не видения — это была самая настоящая жизнь! Нет, не его жизнь, не жизнь маленького, рожденного всего восемь лет назад мальчика! Это была чужая и в тоже время непонятно близкая, родная жизнь! Он сам, он — маленький Вотша, был огромным волком со странно темным, почти черным хвостом, а за ним бежала стая из двенадцати зверей, а над ним высоко в безоблачном небе кружили три огромные птицы. И он, маленький Вотша, знал, что эти птицы тоже из его стаи, что они оттуда, с неба, смотрят его путь и следят, чтобы ему, маленькому Вотше, ничего не помешало продвигаться к своей цели.

Потом это видение смазалось, стерлось, и вместо него возникло другое, не менее яркое. На маленькой, тесной лесной поляне, окруженной густыми, непроходимыми зарослями черной колючки, пятеро волков рвали четырех матерых секачей. Мальчик знал, что схватка уже заканчивается, что кабаны сломлены и не помышляют о победе. Один из них лежал в стороне,

подергивая ногами, и при каждом хриплом вздохе из его пасти, между сжатых конвульсией клыков сочилась ярко-розовая пена. Двое других, встав плечо к плечу и выставив вперед клыкастые, но уже порядком изорванные головы, прикрывали третьего, который пытался собственным огромным телом как тараном пробить брешь в зарослях.

Четверо волков, тоже уже имевших раны, без устали атаковали защищающуюся пару кабанов, а он, маленький Вотша — огромный серый волк с темным хвостом, медленно, словно бы безразлично обходил эту пару справа, разглядывая третьего секача, того, что еще не был ранен, того, кому необходимо было уйти из волчьей западни! В тот момент, когда этот третий в который раз врзался в ошетилившийся колючками кустарник и бессильно откатился прочь, он, маленький Вотша, прыгнул через головы прикрытия и низринул на яростно пыхтящего кабана! Тот попытался подставить волку свои огромные, вымазанные в земле клыки, но эта разящая кость опоздала на мгновение — стальные волчьи зубы сомкнулись на кабаньей шее, пробили жесткую колючую кожу и рванули, раздирая в клочья гортань.

Кабан повалился набок, захлебываясь вырвавшейся наружу кровью, а он, маленький Вотша, могучим прыжком отскочил в сторону, уходя от конвульсивного удара тяжелыми раздвоенными копытами и, вскинув голову, коротко взвыл, давая сигнал к отступлению.

Атаковавшие секачей волки медленно попятились прочь от израненных противников в сторону черневшего позади прохода в зарослях, и только он, маленький Вотша, остался на месте, наблюдая, как стремительно размылись контуры кабаньих тел, и вместо них на поляне появились двое обнаженных, тяжело дышащих людей. Как они встали на колени около третьего человека, замершего с порванным горлом на голой истоптанной земле, как они, спустя минуту, горестно заломили руки и завывли от горя, не обращая внимания на стоявшего не вдалеке волка...

Потом стерлось и это. Перед его открытыми глазами замелькало что-то неразборчивое, и в следующее мгновение он оказался в огромном темном зале, освещенном дымными

факелами. Но теперь он был уже не в обличье волка — он был человеком!

Он стоял на высоком помосте полностью обнаженным, и густые, темные, спутанные волосы падали ему на глаза, мешая видеть окружающее. Да он и не желал ничего видеть! Его сильные руки с мощными буграми мышц были безвольно опущены вниз. А в его душе klokотало пламя обиды, возмущения, ненависти! Прямо перед ним стоял пожилой седовласый мужчина, одетый в богатый наряд с княжеским плащом на плечах, в вытянутых руках он держал тускло отблескивающий нож с длинным клинком и затайливо изогнутой рукоятью. А позади старого князя в странно сгустившейся тьме можно было различить высокую тощую фигуру в уже знакомой Вотше темной хламиде. Волхв! Судя по плавным движениям рук, волхв что-то говорил, однако слов Вотша не слышал. Да и что можно было услышать, когда его мозг терзала единственная мысль — ПРЕДАЛИ! Когда в груди билось единственное желание — ОТОМСТИТЬ!

Но вот волхв вскинул руки и что-то прокричал. Слова были неразборчивы, но голос, срывавшийся на визг, больно резанул уши. Факелы вспыхнули ярче, и в этот момент князь резким движением сломал клинок у самой рукояти, а затем медленным брезгливым движением бросил обломки под ноги ему — маленькому Вотше.

Свет померк, тьма пришла в его сознание, влилась в его душу, наполняя ее ужасом и безысходностью, все чувства замерли, и даже ток крови в жилах, казалось, остановился.

Мир его — маленького Вотши, прекратил свое существование!

Извивающиеся отблески в быстро мутнеющем зеркале свивались в повторяющемся, уже не несущем информации узоре. Волхв Ратмир с усталым вздохом откачнулся от полированного металла, вытер дрожащей рукой мокрый от пота лоб и взглянул в лицо лежавшему на столе мальчику. Навстречу ему ударил прямой, острый как клинок взгляд темно-серых широко открытых не детских глаз! И второй раз отшатнулся пораженный волхв.

— Закрой глаза! — глухо пробормотал он, и его голос уже не был холодным и безразличным, в нем плавала муть тревоги, в нем трепетала дрожь опаски.

Но мальчик не слышал этого голоса, его глаза, подчиняясь приказу кудесника, медленно закрылись.

В комнате воцарились тишина и темнота.

Когда дверь кабинета гостевых покоев приоткрылась, и Ратмир позвал Милу, она не узнала его голоса. Слабый и какой-то обреченный, он настолько не соответствовал образу строгого, отстраненного от мира кудесника, что она на мгновение растерялась, но привычка к дисциплине мгновенно взяла верх, и служанка быстро вошла в темное помещение. Свет, проникавший через открытую дверь из главного зала покоев, позволил ей разглядеть лежащее на столе обнаженное тело ребенка, а вот сам волхв старательно прятался в темном углу кабинета.

— Забери мальчика и отдай его Скалу, — медленно, словно бы с трудом проговорил волхв. — Пусть он внимательно наблюдает за ним. Мальчик будет спать... очень долго спать... возможно, больше суток. Если вдруг он перестанет дышать, пусть Скал немедленно пошлет за мной!

Молоденькая извергиня, на ходу подхватив с пола одежду Вотши, подошла к столу и взяла маленькое, худенькое тельце мальчугана на руки. Выходя из кабинета, она на мгновение обернулась, но волхв продолжал оставаться в тени. Только когда она вышла из кабинета, волхв пошевелился — протянул руку и отдернул штору с ближнего окна.

Дневной свет проник в комнату и сразу же стер таинственный, мистический флер, наполнявший ее. Правда, на пустом письменном столе, выдвинутом в центр комнаты, оставалась оплывшая свеча зеленого воска и темнели два пятна темно-серого пепла от сгоревшего колдовского зелья, но они казались случайностью, остатками какой-то неумной шутки. И магическое зеркало потеряло свой мистический налет, теперь оно выглядело обычным металлическим листом, отполированным и зачем-то вставленным в металлическую же раму.

Волхв оглядел кабинет и едва заметно пожал плечами. Он уже давно привык к двойственности предметов, к их зависи-

мости от освещения, способа их употребления, отношения к ним человека... Он уже не удивлялся превращению самой необходимой вещи в совершенно ненужный хлам.

Откинув капюшон с головы, Ратмир медленными, неуверенными шагами двинулся вдоль стены, раздвигая шторы на окнах, наполняя кабинет светом. Так он добрел до большого покойного кресла, несколько секунд разглядывал его, словно не понимая назначения этого предмета, а затем осторожно и в то же время неловко опустился в него.

Свесив голову, он глубоко задумался о том, что увидел только что, а может быть, просто задремал, утомленный своим чародейством.

Скал, приняв из рук Милы мальчика, пробормотал что-то неразборчиво-грубое, а потом приказал служанке:

— Я его подержу, а ты давай одевай! Еще не хватало тащить мальчика голышом!

Мила начала осторожно надевать на мальчика рубашку, одновременно пересказывая дружиннику то, что велел ему передать брат князя. Скал слушал наказ волхва, никак не выдавая своего отношения, и только когда Мила начала натягивать на ноги мальчика сапоги, он вдруг грубо ее одернул:

— Не надо! Так понесу! Давай сюда обувку!

Служанка торопливо сунула ему в руку сапожки, и Скал, не говоря больше ни слова, развернулся и потопал к выходу из гостевых апартаментов.

В общей опочивальне ратницкой Скал выбрал свободную койку возле окна и уложил на нее спящего мальчугана. Затем, осторожно прикрыв его легким покрывалом, он уселся на соседнюю койку и, сурово сдвинув брови, принялся о чем-то сосредоточенно размышлять.

В тот же день, поздно вечером, молоденькая служанка Мила, приставленная княгиней к приехавшему погостить Ратмиру, явилась в малую трапезную, где Всеслав в компании трех самых близких друзей пил вино, привезенное с далекого юга и играл в малый лов. Привычно потупив глаза, она встала в дверях трапезной и громко произнесла:

— Хозяин, господин Ратмир просит тебя немедленно прийти к нему!

— Просит немедленно? — ухмыльнулся Всеслав в усы. — Ты, красавица, передай господину Ратмиру, что ежели я так срочно ему понадобился, пусть он сам ко мне придет. Тем более что у меня и компания хорошая подобралась, а рушить хорошую компанию — грех!

— Господин Ратмир просил передать, что дело идет о Пророчестве! — не поднимая глаз, проговорила девушка.

Вожак криво ухмыльнулся, но глаза его прищурились, взгляд заострился.

— Вот как, — медленно процедил он сквозь зубы. — Выходит, братец мой и в самом деле выведал что-то важное, иначе он не стал бы так торопить разговор со мной!

Повернувшись к наблюдавшим за ним друзьям, Всеслав улыбнулся:

— Придется мне вас ненадолго оставить. Пойду послушаю, о чем там дознался мой братец.

И не дожидаясь ответа своих собутыльников, вожак быстрым шагом направился в гостевые покои.

Ратмира он нашел в затемненной спальне. Брат лежал в постели, укрывшись периной до подбородка, широко открытые глаза на побледневшем лице горели мрачным огнем. Всеслав, вошедший в спальню в хмельном, игривом настроении, склонный слегка пошутить и покуражиться над тем, что хотел сообщить ему волхв, внезапно почувствовал все напряжение, всю тяжесть тайного знания, открывшегося кудеснику. Хмель мгновенно слетел с вожака, присев на край постели, он нащупал под периной тонкую руку брата и крепко сжал ее.

— Значит, Рок что-то ответил тебе?

Голос Всеслава был хрипловат, но хрипота эта была вызвана отнюдь не вином.

— Да, — ответил Ратмир с усталым придыханием. — Я спросил Рок и получил Пророчество... Извини, что не мог сообщить его тебе раньше, у меня просто не осталось сил для разговора, а кроме того мне надо было еще раз все осмыслить!

— Ты вполне мог не торопиться с этим разговором, — Всеслав попытался легко пожать плечами, но у него получилось

только странное судорожное движение. — Отдохнул бы до завтра.

— Я побоялся, что ты, сам не ведая того, наделаешь глупостей! — ответил Ратмир, и его горящий темный взгляд уперся в лицо брата. — С этим мальчиком надо быть очень осторожным!

— Что значит — осторожным?

Казалось, последняя фраза волхва мгновенно развеяла напряженность вожака, вернула ему уверенность в своих силах и привычную напористость. Вопрос был задан им сухим, деловым тоном. И тут взгляд Ратмира помягчел, в нем промелькнуло одобрение.

— Я прочту тебе Пророчество, и ты сам поймешь, что значит — осторожным.

Волхв прикрыл глаза, несколько секунд помолчал, словно собираясь с мыслями, а потом начал читать нараспев:

Младенец этот Хаосом рожден,
И в этом теле зреют две души.
Душа-юнец разбужена природой
И к жизни проросла ростком зеленым.
Душа́ вторая — вещая душа,
Она пока что спит глубоким сном,
Не помня прошлых мук, предательства и лжи,
Не ведая, что ей дана возможность
В Мир принести тяжелый меч отмщенья.
Когда душа вторая не проснется,
Младенец этот станет большим благом
Для рода власти, чем само рожденье.
Он власти род возвысит так, что Время,
Безжалостное Время не сумеет
Изъять его в грядущих поколениях.
Но если пробудить вторую душу,
Младенец станет истинным проклятьем
Для всех владеющих прекрасным этим Миром.
Безжалостная месть кровавым смерчем
Пройдет над Миром, забирая жизни
Виновных и невинных без разбора.
И воцарится Хаос, и природа
Извергнет всех, теперь еще живущих!
Ключом же к пробуждению души
Послужит память прежних поколений.

Волхв замолчал, но тишина не вернулась в темную комнату. Тяжелые, грубые, жестокие слова, казалось, просачивались сквозь потолок, сквозь стены и падали в души двух замерших людей глухим страшным предупреждением. Они, высказанные, замершие, не улавливаемые ухом, продолжали звучать чеканным ритмом в каждой клетке обездвиженных, парализованных тел!

Прошло несколько долгих минут, прежде чем вожак стаи смог преодолеть свое оцепенение и произнести:

— Да, с этим мальчишкой надо быть очень осторожным. Может быть, его лучше сразу уничтожить?

— И потерять возможность властвовать над всем Миром? — переспросил Ратмир, и в его голосе не было насмешки.

— Ты считаешь, что какой-то дохлый изверг может...

Но волхв не дал вожаку закончить.

— Может! — жестко произнес он. — Ты забываешь, что это предначертал Рок, а Пророчества всегда сбываются!

Несколько минут в комнате висело молчание, Всеслав искал в произнесенном Пророчестве неясности или противоречия, а Ратмир с затаенной горечью наблюдал за братом. Наконец вожак неуверенно произнес:

— Я не слишком хорошо понял, что является ключом к пробуждению этой души-разрушительности? Что это за «память прежних поколений»?

Волхв помолчал, а потом заговорил спокойно, неторопливо:

— Ты помнишь нашего отца? Ну, конечно, помнишь! И деда нашего ты помнишь. Но ты помнишь только то, чему сам был свидетель. Ты не помнишь того, чего не видел или не слышал, о чем тебе никто не рассказывал, но тем не менее эти события были. Об этих событиях знали наш отец, или наш дед, или наш прадед... Так вот, память о таких событиях не пропадает, она в нас самих, в наших головах, наших телах. И есть возможность ее пробудить.

— Ты хочешь сказать, — медленно, осторожно подбирая слова, начал Всеслав, — что этот маленький изверг может вспомнить то, о чем знал его прадед?

— Да; при определенных условиях. Я думаю, это должно быть направленное ментальное воздействие.

Всеслав облегченно выпрямился.

— Тогда все не так страшно, мы вполне можем контролировать любые контакты этого мальчишки, и исключить такое воздействие.

— Но он должен постоянно быть в сфере нашего внимания. И, кроме того, тебе необходимо привязать его к себе признательностью. Лучше всего было бы, если он тебя полюбил бы, как родного отца!

Всеслав удивленно поднял бровь.

— А ты, что же, не собираешься заниматься этим извергом?

— Как ты себе это представляешь? — с легкой усмешкой ответил Ратмир вопросом на вопрос. — Или ты думаешь, я заберу мальчика к себе в Звездную башню? Что он там будет делать? Да и случайно попасть под ментальный удар у него там будет гораздо больше возможностей!

Всеслав недовольно сдвинул брови — ему явно не хотелось возиться с каким-то там извергом, но и веских возражений для отказа не находилось.

— Если ты не возьмешь мальчишку к себе, если ты сейчас выгонишь его из замка, он, вполне возможно, попадет в какой-нибудь другой «род власти». — Волхв говорил спокойно и убедительно. — Согласись, это было бы обидно!

— Да, конечно, — нехотя согласился вожак стаи. — Но угождать какому-то извергу! Согласись, это обидно! — в тон брату добавил он.

— И не вздумай его чрезмерно опекать или тем более угождать! — блеснул глазами Ратмир. — Изверг должен быть счастлив находиться с тобой рядом, служить тебе, отдать, если надо, за тебя жизнь! Пойми, о Пророчестве не знает никто, и не должен узнать! А еще один княжеский любимчик из извергов, маленький мальчишка, к тому же сирота, вряд ли привлечет чье-то слишком пристальное внимание.

— Ну ладно! — вскинулся вдруг Всеслав. — Я сам соображу, что мне делать с моим собственным извергом, раз уж ты повесил заботу о нем на мою шею!

«Все, братец пришел в себя, — удовлетворенно подумал волхв. — Значит, Пророчество не слишком его напугало, и он сможет справиться с извергом. Но и мне надо будет не спускать с него глаз!»

Вслух же он устало произнес:

— Да, я с тобой согласен — ты знаешь, что делать со своими извергами. А теперь, прошу тебя, позволь мне отдохнуть!

Волхв закрыл глаза и откинулся на подушку.

Мальчик спал долго, почти восемнадцать часов. Первое восемь часов Скал просидел рядом с ним, не сводя глаз с его странно подергивающегося лица, внимательно прислушиваясь к хриловатому, затрудненному дыханию. Однако постепенно дыхание мальчика выровнялось, лицо успокоилось. Ровное, едва слышное посапывание свидетельствовало о том, что опасность для жизни Вотши миновала.

Тем не менее Скал продолжал свое дежурство. Он правда отлучался ненадолго несколько раз, но всегда оставлял вместо себя кого-нибудь из своих товарищей. А когда от князя пришел приказ тщательно оберегать мальчика и немедленно привести его, как только он проснется, вся ратницкая заинтересовалась Скаловым подопечным.

Наконец, перед самым обедом следующего дня, Вотша открыл глаза и огляделся. Скал быстро привстал со своего места и склонился над мальчишкой.

— Ну, малец, как ты себя чувствуешь? — с неподдельной тревогой спросил дружинник, сам в душе удивляясь своему волнению.

Мальчик посмотрел на ратника, и Скал удивленно отпрянул, на него смотрели странно серьезные серые с темным ободком глаза.

«Но ведь у мальчишки-то глаза были голубые! Как же это!» — подумал Скал, пристально всматриваясь в мальчишеское лицо, в попытке найти и другие изменения. Но Вотша вдруг улыбнулся и радостно ответил:

— Хорошо, дядя Скал! Только... — он снова улыбнулся, на этот раз чуть смущенно, — есть очень хочется и по дедушке соскучился!

— Тогда давай вставать, — с некоторым облегчением произнес дружинник. — Сейчас умоемся и пойдем обедать. А вот насчет дедушки... тут надо спросить разрешения у князя.

— Вот-вот, — донесся из-за спины Скала осипший словно на морозе баритон, — отведи его к князю, как он приказывал,

и пусть вожак сам решает, что с этим вонючим извержонком делать: поить—кормить или голову срубить! А ратницкую нечего больше извержиным духом поганить!

Вотша приподнялся с подушки и заглянул за спину своего опекуна. Шагах в двух от его кровати стоял огромного роста дружинник с густой шапкой черных кучерявых волос на голове, маленькими посверкивающими из-под густых бровей глазами, носом картошкой и толстыми вывернутыми губами. Лениво ковыряя щепкой в зубах, он, словно оценивая что-то, смотрел Скалу в затылок. А тот, подсунув свою широкую ладонь под шею мальчика и помогая ему сесть, не оборачиваясь, проговорил:

— Ты, Медведь, пошел бы что ли помылся, а то дух от тебя идет, как от прокисшей шкуры! Скоро ни на медведя, ни на человека похож не будешь!

— Достаточно того, что я не похож на изверга, — рявкнул в ответ черноволосый дружинник и, криво усмехнувшись, добавил: — Как некоторые...

Скал, посадил Вотшу на постели и подав ему одежду, распрямился и медленно обернулся к говорившему:

— Ты, кажется, хочешь меня оскорбить, Медведь?

— Я просто называю вещи своими именами, — снова усмехнулся черноволосый, — И если я вижу перед собой няньку извержонка, то так и говорю — нянька извержонка!

— Я вижу перед собой криволапого урода, — спокойно произнес Скал, — но воздерживаюсь от того, чтобы произносить это вслух, потому что даже тупой криволапый урод способен что-то чувствовать.

— Кто криволапый урод! — взревел Медведь и шагнул к Скалу, однако тот быстро наклонился и выбросил вперед правую руку. Выпрямленные пальцы дружинника воткнулись в левый бок здорового тела, и внезапно это тело согнулось вдвое, словно перерубленное секирой, а ратницкую потряс громоподобный рев.

Скал выпрямился и все тем же спокойным тоном заявил:

— Завтра утром на замковом ристалище я дам тебе любое удовлетворение, криволапый урод!

Затем он повернулся к Вотше и спросил:

— А ты почему еще не одет?.. Обед ждать не будет!..

Мальчишка, до этого переводивший испуганные глаза со своего покровителя на неожиданного врага, стал быстро натягивать рубашку и делал это настолько неуклюже, что Скал невольно улыбнулся:

— Ну, дружище, ты со сна совсем руками-то не владеешь, давай я тебе помогу!

И он быстро и умело одел мальчика.

Взяв Вотшу за руку, дружинник направился к выходу из опочивальни. Мальчик послушно шагал за ним, но взгляд его оставался прикованным к согнувшейся и тяжело пыхтящей фигуре Медведя. Когда они вышли в коридор, ведущий к трапезной, Вотша дернул руку Скала и шепотом спросил:

— Дядя Скал, а почему этот Медведь такой злой? Я же ему ничего не сделал.

Скал сверху посмотрел на белую голову мальчика и чуть более раздраженно, чем стоило, проговорил:

— Не поймешь ты еще. Мал!

А у Вотши уже появилось другое опасение.

— А может быть, нам и вправду надо сначала к князю пойти? Я потерплю без обеда, а вот если князь рассердится...

Дружинник вдруг остановился и присел перед мальчиком на корточки.

— Слушай, малыш, — внушительно начал он, — князь — вожак стаи, а не повелитель. Мы ему не подчиненные, а товарищи! Так что я сам могу решить — вести тебя к нему немедленно или сначала накормить! И не обращай внимания на всяких криволапых уродов, Медведь — полуизверг! Князь его в стаю-то взял только затем, чтобы он в другую стаю не сбежал, к тем же медведям — они полуизвергов принимают, поскольку настоящих людей у них мало. Понял?

Мальчишка энергично кивнул белой головой и тут же задал новый вопрос:

— А полуизверг это кто?

Скал выпрямился и усмехнулся:

— Ну ты, парень, вопросы задаешь! — А затем, покачив головой, пояснил: — Случилась у нас как-то промашка на границе, и дозорная стая медведей прорвалась на наши земли. Да-

леко они не прошли, но в паре наших деревень поозоровали. Вот после этого и родился у одной нашей извергини полуизверг-медвежонок! Понял?!

— Понял, — тут же отозвался Вотша, — у него, значит, отец многоликий, а мама...

Он не закончил фразу и поднял глаза на Скала:

— А у меня мамы нет.

— Я знаю, — в тон ему проговорил дружинник, и тут же сменил тему: — Давай-ка заканчивай свои расспросы, сейчас пообедаем и к жожаку!

Князь принял их в той самой малой трапезной, где накануне вечером пил с ближними друзьями. Сегодня он был трезв, спокоен, уравновешен. Рядом с ним за столом сидела княгиня, внимательно наблюдая за беседой. И разговор князь начал несколько для него необычно, чуть наклонившись вперед, он самым доброжелательным тоном поинтересовался:

— Ну, Вотша, как ты себя после вчерашнего чувствуешь?

— Хорошо, господин, — коротко ответил робеющий мальчик.

— Ты обиды на меня или на моего брата не держи, просто надо было посмотреть, что от тебя, от потомка такого прославленного человека, как Ват, можно ждать в будущем!

Князь, казалось, был предельно откровенен, но чуткий Скал сразу почувствовал в словах жожака некоторое напряжение и насторожился.

— Зато теперь я могу сказать, что тебя ждет, — продолжал князь все тем же доброжелательным тоном. — Мы решили оставить тебя в замке, в нашей свите. Поскольку ты еще мал, твоей главной обязанностью будет учеба. Сначала ты научишься читать, писать, считать. После того как ты освоишь эти науки, мы посмотрим, какое занятие будет для тебя наиболее подходящим. Жить ты будешь...

Князь на секунду задумался, и тут в разговор встрял Скал:

— Жожак, оставь мальчика у нас в ратничкой! Постель я ему уже подобрал, с едой тоже проблем не будет, ну и все-таки мужская компания!

Князь хитро прищурил глаз и с усмешкой спросил у дружинника:

— А к вину-пиву мальчика не приучите?

— Ну что ты, княже, — обиделся Скал. — Что ж мы совсем разве без понятия, мальчонку спаивать?

— Хорошо, — неожиданно быстро согласился князь и тут же добавил: — Но тогда придется тебе за ним приглядывать.

— Приглядим, — кивнул дружинник.

— На занятия будешь приходить сам, один, вот в эту комнату, — снова обратился к мальчику князь. — Дорогу найдешь?

Мальчишка утвердительно кивнул.

— Начинаться занятия будут после завтрака, в час жаворонка, продолжаться до часа полуденной лисы. После обеда занятия будут проходить с часа медведя и до часа нетопыря. Ну а вечер будет в твоём распоряжении. Справишься?

Последний вопрос князь сопровождал широкой улыбкой, но Вотша ответил совершенно серьезно:

— Я постараюсь, господин.

— Вот и хорошо! — закончил разговор князь, однако мальчишка неожиданно спросил:

— Господин, если вечер в моём распоряжении, то можно мне сегодня навестить дедушку Ерохту? — и чуть запнувшись, добавил: — Я по нем соскучился, да и он, наверное, волнуется.

Всеслав и княгиня обменялись мгновенными взглядами, и князь раздумчиво проговорил:

— Сегодня, говоришь... — и тут же твердо закончил, — нет, сегодня не стоит. Ты еще к новому месту не привык, да и в сопровождающие мне дать тебе некого, а одного тебя отпускать мне не хочется. Давай так — деда твоего мы известим о тебе, успокоим, а вот недельки через... ну, скажем, две ты к нему съездишь, подарков отвезешь. Хорошо?

Мальчик снова кивнул и опустил голову, пряча слезинку.

— Ну а раз так, сегодня отдыхай, а завтра начнешь заниматься.

Князь жестом показал, что Скал может уводить своего подопечного, и дружинник повел мальчика к двери.

Когда Вотша вышел из трапезной, Скал обернулся и негромко проговорил:

— Вожак, я Медведя на поединок вызвал. Завтра на ристалище.

— В степи? — быстро переспросил Всеслав.

— Нет, в замке, — уточнил Скал.

— Какое оружие? — поинтересовался князь.

— Пусть Медведь выбирает, — безразлично ответил дружинник. — Мне все равно чем его уму-разуму учить!

— Кто ссору затеял? — вдруг строго спросил князь и сузив глаза взглянул в лицо дружиннику.

— Медведь глуп, — криво усмехнулся Скал. — Решил меня мальчонкой поддеть. Надо его поучить.

— Ну поучи, — согласился князь. — Но только до первой крови.

— Ты помни, что теперь на тебе ребенок! — вдруг вставила свое словно княгиня. — Мне кажется, мальчик уже к тебе при-
вязался.

— И я к нему, — негромко, словно бы про себя, ответил Скал и вышел из трапезной.

Уже во дворе, когда они, прогуливаясь, направились к южной стене, Скал положил свою широкую ладонь на голову Вотши и сказал:

— Ты слишком-то не расстраивайся, может, вожак и прав, что не разрешил тебе сегодня к деду сходить. Все-таки до вашей слободы путь неблизкий, всякое по дороге может случиться.

Вотша вывернулся из-под его руки, посмотрел снизу на дружинника, и тот с удивлением увидел, что в глазах мальчика снова плескалась небесная голубизна!

«Не иначе, это у него после колдовских штучек волхва! — подумалось Скалу, и тут же появилась новая догадка: — А ведь такие серые с ободком глаза были у Вата!»

Он с новым интересом взглянул на Вотшу, а тот говорил о своем:

— Я не могу без деда, я умру без него. Дядя Скал, у меня ведь никого нет, один дедушка, если я его не увижу, я умру! И он без меня умрет!

Эта неожиданная мысль настолько поразила мальчика, что он вдруг замолчал, широко распахнув глаза, и в этих голубых глазах вдруг заплескалась тоска.

— Ну уж сразу и умрет! — воскликнул дружинник. — Князь же сказал, что твоему деду все о тебе расскажут, и мне кажет-

ся, ему будет очень приятно, что тебя оставили в замке и что ты будешь учиться! Он же хочет, чтобы ты жил хорошо!

Вотша, повернувшись к Скалу, слушал его очень внимательно, и после этих слов своего опекуна его лицо немного прояснилось, тоска отступила, спряталась в уголках глаз.

Они как раз вышли на замковую стену, и перед их глазами снова распахнулась бескрайняя волнующаяся степь. И далекие горы снова иззубрили линию горизонта. По ясному глубокому голубому небу плыли пухлые белоснежные облака, и по желто-золотистому простору в том же направлении резво бежали темные охряные пятна.

— Надо же, — усмехнулся Скал, глядя на расстилающийся перед ними простор, — прям шкура леопарда!

— А кто это такой? — тут же переспросил Вотша, и на его подвижном лице засветилось жгучее любопытство.

— Это зверь такой, — ответил Скал, продолжая смотреть в степь. — Кошка с тебя ростом и вот точно такой шкурой — золотой с темными пятнами. Когда она бежит, кажется, что пятна бегают по ее шкуре.

— А на самом деле они не бегают?

Скал с удивленной улыбкой перевел взгляд на мальчишеское лицо.

— Гм... может быть, и бегают. Только разве рассмотришь все точно, когда леопард бежит!

Рот у Вотши приоткрылся, а взгляд странным образом ушел сам в себя, словно мальчишка вдруг увидел огромную бегущую кошку в живой пятнистой шкуре.

Впрочем, это Вотшино видение длилось лишь мгновение, в следующую секунду он уже задал другой вопрос:

— Дядя Скал, а ты можешь в леопарда перекидываться?

— А вот это, малец, тебя не касается, — с неожиданным гневом ответил дружинник, и, увидев испуг на мальчишеском лице, добавил спокойнее: — В кого может перекидываться воин — его тайна... Не гоже пускать ее по ветру!

На лице у мальчишки отобразилось понимание.

Они помолчали, любуясь степью, а затем Вотша, не оборачиваясь, спросил:

— Дядя Скал, а можно мне посмотреть, где ты будешь завтра с Медведем драться?

— Это можно, — усмехнулся дружинник и, протянув ладонь, добавил: — Пошли.

Ристалище — большая, овальной формы площадка, присыпанная мелким речным песком, располагалась под северо-западным углом замковой стены. К ристалищу примыкала небольшая, всего на десять лошадей конюшня, а вдоль свободной кромки были поставлены на врытых чурках несколько тяжелых скамей.

Когда Скал со своим подопечным подошли к ристалищному полю, на нем несколько молодых дружинников, разбившись на пары, махались мечами. Звон стали, отражаясь от стен, казалось, вибрировал в раскаленном, неподвижном воздухе. Вдоль скамей ходил, по всей видимости, наставник — хромой старик с совершенно лысой головой, темным, почти черным от загара, морщинистым лицом, на котором светились холодные светло-серые глаза и белела аккуратно подстриженная белая борода. То и дело старик что-то кричал бойцам, при этом казалось, что он ругает их самыми ругательными словами.

Случайно оглянувшись после очередного своего выкрика, старик увидел подходивших к полю Скала и Вотшу. Он шагнул им навстречу, улыбнулся и, не сводя взгляда в мальчика, проговорил:

— Так значит, Скал, ты и в самом деле занимаешься каким-то извержонком? — И, присев на корточки, обратился к Вотше: — Как тебя зовут, маленький изверг?

— Вотша, — вернув улыбку, ответил мальчишка и посмотрел в сторону бившихся на поле дружинников.

— Интересно? — спросил старик, перехватив взгляд Вотши, и тот быстро кивнул в ответ.

— А ты, Старый, откуда узнал про извержонка, — подал голос Скал.

Старик снизу посмотрел ему в лицо и снова улыбнулся, но на этот раз его улыбка была хитровой.

— Медведь приходил, сказал, что будет завтра утром драться с тобой насмерть из-за твоего извержонка. — Старик хихикнул и добавил: — Сказал, что ты стал нянькой у изверга!

— Мальчишка будет жить в замке — так вожак решил, — спокойно глядя в светлые старые глаза, проговорил Скал. — Спать и столоваться — в ратницкой... Так что, сам понимаешь, надо кому-то за ним приглядывать, чтобы какой-нибудь косолапый урод не обидел мальчика. Вожак поручил это дело мне, а я и не отказывался — мне мальчишка нравится. Во всяком случае, ума в нем поболее будет, чем в некоторых наших из стаи! К тому же он правнук Вата!

— Да? — изумился старик. — Правнук Вата? — И, посмотрев в лицо Вотши, вдруг сказал: — А я ведь хорошо знал твоего прадеда, малец!

— Правда? — вскинулся Вотша. — А какой он был?

Старик выпрямился, посмотрел сверху в запрокинутое лицо мальчугана и веско произнес:

— Он был Волк!

— Волк... — задумчиво протянул Вотша.

— Самый настоящий, — добавил старик, — хотя мог вернуться к Миру еще семью гранями.

— Семью гранями... — снова медленно проговорил Вотша и горько добавил: — А я вот изверг.

— Ну, раз в замок попал, горевать тебе не придется, — успокаивающе махнул рукой старик, — У нашего вожака и изверги живут — не тужат!

Мальчик посмотрел в лицо старику недетским взглядом и тихо произнес:

— Знаешь, дедушка...

— Ха! — перебивая мальчика воскликнул старик. — Тогда уж — прадедушка! А вообще-то лучше зови меня «Старый». Я к этому имени привык, меня так все называют.

Мальчик кивнул и заговорил прежним тоном:

— Знаешь Старый, когда я жил в слободе с дедом Ерохтой, я почти не встречался с многоликими. Так, видел их иногда издали. А теперь я... теперь я знаю чего лишился.

Старик хотел что-то сказать, но в этот момент с ристального поля донесся чей-то яростный крик. Все трое быстро обернулись и увидели, что двое дружинников побросали мечи и дерутся кулаками, у одного из них уже шла носом кровь. Старик чуть присел, видимо от неожиданности, и в следующее

мгновение он уже мчался по полю в сторону дерущихся, сильно припадая на правую ногу.

— Я вот вам, рукомахи, ноги-то сейчас повырываю! — орал старик на бегу, размахивая сжатыми кулаками. — Я вас научу, как друг дружке рожи кровянить, нечисть бестолковая!

Несколько секунд дерущиеся не замечали приближавшегося к ним наставника, но вот один из них увидел старика и, не обращая внимания на замахнувшегося противника, развернулся и рванул в сторону конюшни. «Победитель» торжественно взревел и в тот же момент получил здоровенную затрещину сухим старческим кулаком по загривку. Рука, отпустившая эту затрещину, была, похоже, хорошо ему знакома, потому как не уточняя, кто его ударил, молодец крутанулся на месте и устремился вслед за своим недавним противником. А за ними, почти не уступая им в скорости, бежал хромой старик и ругался при этом почему зря.

— Пошли, — Скал положил Вотше на плечо свою широкую ладонь, — тебе надо отдохнуть как следует перед завтрашним днем, да и мне не мешает кое-что сделать. Медведь хоть и косопалый урод, но под руку ему попадать не стоит!

На следующий день, сразу после завтрака, прошедшего в общей трапезной с большим оживлением, Вотша отправился на свои первые занятия, хотя мыслями он был на ристалище. В малой княжеской трапезной его встретил невзрачный плешивый мужичок, одетый в простые холщовые порты, светлую без вышивки рубаху и короткие мягкие сапожки. Усадив ученика за стол и усевшись напротив него, мужичок долго рассматривал Вотшу, а затем проговорил высоким тихим голоском:

— Зовут меня Фром, я — изверг, приехал из владений западных вепрей и служу князю Всеславу счетчиком. С тобой я буду заниматься счетом, называемым на Западе арифметикой. Князь приказал мне раз в неделю докладывать ему о твоих... э-э-э... успехах, и думаю, что от моих докладов будет зависеть твое... э-э-э... благополучие.

Тут Фром вдруг стремительно наклонился через стол к самому лицу Вотши и спросил:

— Ты меня понял?

— Понял, господин Фром, — немедленно ответил мальчишка, а про себя подумал: «Станный он какой-то, этот Фром. И почему он ушел из своей стаи?»

Но спрашивать он ни о чем не стал.

Фром начал рассказывать о числах, что они обозначают и как изображаются в разных стаях. В начале Вотше очень мешали сосредоточиться гул и крики доносившиеся с ристалища, и его голова была занята поединком, происходившим там. Но довольно скоро за окнами трапезной все стихло, и постепенно рассказ Фрома захватил мальчика. Его живое воображение было очаровано магией чисел, их мистическими свойствами, о которых довольно долго распространялся наставник, и теми странными, поразительными превращениями, которые могли происходить с ними. Время до обеда пролетело незаметно, а на обед Вотша бежал бегом.

Едва появившись в общей трапезной, он обежал ее глазами и к своему разочарованию не нашел в ней Скала. Подойдя к огромному дружиннику с лохматой черной шевелюрой, знакомому Вотше еще по первому дню его пребывания в замке, он, чуть поклонившись, спросил:

— Господин, вы не скажете, где сейчас находится дядя Скал?

Гигант повернулся к мальчику и прогудел добродушным басом:

— У лекаря твой дядя Скал. — Но увидев, как вдруг побледнел мальчуган, улыбнулся и добавил: — Да ты не волнуйся, ничего страшного не произошло. Руку он об Медведя зашиб!

И дружинник оглушительно расхохотался собственной шутке. Сидевшие за одним столом с ним ратники тоже заулыбались. Вотша облегченно вздохнул и собрался отойти от стола и поискать себе другое место, но черноволосый дружинник вдруг положил ему на плечо руку и предложил:

— Садись-ка ты, птаха, с нами! Пока твоего дяди Скала нет, я за тобой присмотрю!

Ратники чуть подвинулись на скамье, освобождая Вотше место рядом с великаном. Мальчик уселся за стол, перед ним тут же поставили миску с гороховой похлебкой, положили кусок хлеба и... перестали обращать на него внимание. Всех за-

нимал рассказ черноволосого дружинника о поединке Скала с Медведем, и всем было почему-то очень весело. Вот только Вотша никак не мог понять, что же такого веселого произошло на ристалищном поле.

Впрочем, обед закончился довольно быстро, и Вотше пришлось сразу же бежать на занятия.

Вторая половина дня отводилась изучению грамоты, и к полному удовольствию мальчика его учителем оказалась та самая тетка Сидоха, которая подбирала для него одежду. Она сразу предупредила Вотшу, что никогда никого не учила, но поскольку ей приходится писать больше всех в замке, ее князь и обязал заниматься с мальчиком.

— Хотя, раз уж ему так приспичило учить тебя грамоте, мог бы поручить это дело мэтру Пудру. Он и в восточной грамоте разбирается и в западной! — раздраженно-обиженным тоном заявила вдруг наставница.

— А кто такой этот метр Пудр? — немедленно поинтересовался любознательный Вотша.

— Не метр, — поправила его Сидоха, — а мэтр... Мэтр Пудр, из западных туров. Учит грамоте княжну и еще шестерых оболтусов — княжеских сынков из других стай!

— А что они делают в нашем замке? — удивился Вотша.

— Ха! — воскликнула в ответ тетка Сидоха. — В нашем замке! И давно этот замок стал вашим?!

Мальчик смутился, а тетка расхохоталась. Отсмеявшись, она вдруг заметила совершенно серьезно:

— Так-то, мальчик! Грамота для того и нужна, чтобы не попадать в такие вот неловкие ситуации!

Занятия грамотой тоже пришлись Вотше по душе. Он сразу понял важность владения письмом и чтением, а когда тетка Сидоха показала ему пару книг, принесенных ею с собой, он просто влюбился в эти удивительные создания человека и загорелся желанием научиться их читать.

Первый урок у тетки Сидохи получился достаточно коротким, так что занятия Вотши закончились рано. Выйдя из малой княжеской трапезной Вотша решил еще раз прогуляться на южную стену. И снова беспредельная даль волнующейся степи заставила его замереть от восторга.

Но долго любоваться степью на этот раз ему не дали. Не прошло и нескольких минут после появления Вотши на стене, как за его спиной послышалось сердитое сопение, и тут же прозвучал ломающийся мальчишеский голос, медленно цедивший слова:

— Так это, значит, и есть тот самый изверг, с которым нянчиться вожак Всеслав?!

Вотша стремительно обернулся. В трех шагах от него стояли два мальчика в легких, богато расшитых рубашках с открытым воротом, в одинаковых темно-серых портах и мягких высоких сапогах. Одному из них было лет десять-одиннадцать, и он был выше Вотши на целую голову. С высоты своего роста он рассматривал маленького изверга странными темными глазами, уголки которых были необычно оттянуты к вискам, от чего глаза его казались узкими и злыми. Эта непонятная злоба подчеркивалась еще и невысоким, но упрямо выпуклым лбом, над которым нависал короткий ежик густых черных волос. Второй мальчишка, года на два помоложе, был белобрыс, веснушчат, большенос, а его холодные льдисто-серые глаза смотрели на Вотшу из-под белесых, почти незаметных бровей отчужденно, словно на некую неинтересную вещь.

— И что, интересно, вожак в нем нашел? — продолжал между тем старший мальчишка медленно выцеживать слова из почти не открывающихся губ. — На мой взгляд он полное ничтожество, как и все остальные изверги!

Вотша понимал, что речь маленького многоликого предназначена совсем не для него, а потому молчал. Уйти со стены у него не было возможности, потому что мальчишки-многоликие перегораживали стену от зубцов до противоположного края, а лестница находилась у них за спиной.

И тут, совершенно неожиданно, старший обратился к нему:

— Ну, ты, извержонок вонючий, ты ведь ничтожество?!

— Как будет угодно господину, — заученно пробормотал Вотша.

— Глянь-ка! — Черноволосый с деланным удивлением посмотрел на белобрысого. — А извержонок говорить умеет! И говорит-то как! По его выходит, что он вроде бы не возражает моему утверждению, но на самом деле он с ним не согласен!

Он снова пристально посмотрел на Вотшу, и тому показалось, что глаза мальчишки стали еще уже.

— Нет, извержонок вонючий, ты должен ответить на мой вопрос — ты ведь ничтожество?!

— Да, господин, — безучастно подтвердил Вотша, и снова могло показаться, что он говорит не о себе.

— Смотри-ка, Юсут, он смеется над тобой! — проговорил вдруг высоким фальцетом белобрысый. — Он даже слово господин произносит так, словно говорит о самом себе!

— Да, Сигрд, ты прав, — протянул черноволосый Юсут, не сводя мрачного взгляда с Вотши. — А мы в наших горах и за меньшую провинность извергов распинаем! Если, конечно, они как следует не поваляются у нас в ногах!

И Юсут выжидающе уставился на Вотшу.

— Ну, этого ты вряд ли сможешь распнуть! — безразлично проговорил писклявый Сигрд. — Он все-таки находится под покровительством вожака Всеслава!

— А если я попрошу Всеслава подарить мне этого извержонка, как ты думаешь, он склонит слух к моей просьбе?

— Вряд ли, — все тем же безразличным тоном пискнул Сигрд. — Извержонок еще не наскучил вожаку.

И тут, отбросив свое безразличие, он довольным тоном воскликнул:

— Так что тебе пока придется терпеть насмешки этого вонючего извержонка!

— Да? — Юсут скосил глаза на своего товарища, а затем снова уставился в лицо Вотше. — Ну тогда мы не будем трогать этого вонючку. Мы просто покажем ему клыки ирбиса, и если он со страху бросится со стены, разве мы будем виноваты?

— Разве ты будешь виноват? — ухмыляясь поправил его Сигрд, — Меня к своим «показам» не припутывай!

Черноволосый Юсут снова скосил глаза в сторону своего дружка, но ничего на этот раз не сказал. Вместо этого он начал быстро раздеваться. Обнажившись и аккуратно сложив одежду под зубец стены, Юсут шагнул в сторону Вотши и, неожиданно подпрыгнув, перекувырнулся через голову. В то же мгновение его тело словно бы растворилось в воздухе, оставив после себя темное струящееся облачко, и в следующую секунду из

этого облачка появилась огромная, почти белая кошка с темными круговыми пятнами, разбросанными по всей шкуре.

Сделав еще один короткий, скользяще-пружинистый шаг к своей жертве, кошка брезгливо подняла верхнюю губу, показывая здоровенные желтоватые клыки, и коротко рыкнула, обдав лицо Вотши горячим дыханием.

Маленький изверг отпрянул назад и уперся спиной в холдную кладку зубца, а ирбис, выставив свои чудовищные клыки, сделал еще один короткий шаг вперед.

«Я не брошусь со стены! Я не брошусь со стены! Я не брошусь со стены!» — словно в трансе уговаривал себя Вотша и в то же время чувствовал, что ему гораздо проще сигануть вниз с огромной высоты, чем стоять вот так неподвижно, глядя на то, как невиданная страшная зверюга подкрадывается к нему все ближе и ближе.

И вдруг за его спиной послышалось громкое хлопанье огромных крыльев, затем раздался непонятный длинный шорох, и сразу вслед за этим чистый и звонкий девчачий голос крикнул:

— А ну-ка, вы, оставьте малыша в покое!

Вотша боялся оторвать взгляд от белого в черных пятнах зверя, и в то же время ему страшно хотелось оглянуться, чтобы увидеть, кто же это пришел ему на помощь.

А зверь вдруг замер, закрыл пасть, смущенно повел мордой в сторону и неразборчиво прорычал:

— Мы пр-р-р-ос-с-то ш-ш-у-р-р-тили...

— Знаю я ваши шутки! — крикнул сердитый тоненький голосок, и из-за спины Вотши прямо к звериной морде шагнула невысокая стройная девочка, укутанная до колен своими длинными каштановыми волосами, сквозь которые просвечивало обнаженное тело. — Я вот сейчас тоже пошучу, и посмотрю, как вам это понравится!

Ирбис, что-то нечленораздельно ворча попятился, а потом быстро развернулся и устремился к спуску со стены. Его дружок, пожав плечами, словно говоря «я здесь совершенно не при чем», подхватил сброшенную Юсутом одежду и последовал за снежным барсом. А девочка быстро повернулась к Вотше и глянула ему в лицо своими огромными темно-серыми глазами, опущенными длинными мохнатыми ресницами.

— Так это ты и есть изверг Вотша, — не спросила, а скорее констатировала девчонка. — Вот значит о ком мои мамочка с папочкой шепчутся уже вторую ночь!

Вотша уже пришел в себя, быстро поклонился и, стараясь смотреть в сторону, произнес первое, что пришло ему в голову:

— Госпожа, я благодарю вас за заступничество!

Девочка чуть склонила голову к правому плечу и продолжала рассматривать Вотшу, не обращая внимания ни на его благодарность, ни на его смущение.

— Надо же, такой маленький изверг и так заинтересовал моего отца! Слушай, что в тебе такого?

Это был уже вопрос, и Вотша еще более смутился, понимая, что не знает, как на него ответить.

— Если госпожа скажет, кто ее отец, то я возможно догадаюсь, чем я его заинтересовал, — проговорил он, намного запинаясь, боясь посмотреть на свою спасительницу и в то же время страстно желая именно этого.

— Смотри мне в лицо! — вдруг приказала девочка, как будто угадав его желание, а когда Вотша выполнил приказ, пояснила: — Мой отец — вожак Всеслав, а меня зовут Лада. Так что в тебе такого интересного?

— Я не знаю, — растерянно пожал плечами маленький изверг, ему и в голову не приходило, что князь с княгиней шепчутся о нем по ночам. — Может быть, то, что я правнук Вата?

— Хм... — хмыкнула девчонка, продолжая рассматривать Вотшу. — Правнук Вата... А кто такой Ват?

Вотша растерянно поднял руку и почесал макушку.

— Ват — мой прадед...

— Надо же! — ехидно перебила его княжна. — Сама я конечно не догадалась бы, что он твой прадед! Особенно после того, как ты сказал, что ты ему правнук!

И она звонко расхохоталась над вконец смутившимся Вотшей.

— Знаешь, ты лучше спроси о Вате у своего отца, — обиженно пробурчал маленький изверг. — Я-то родился после его смерти, а вот твой отец, похоже, очень хорошо его знал! И вообще с чего госпожа взяла, что ее родители по ночам шепчутся обо мне?

Девчонка с высоты стены быстро оглядела замковый двор, потом зачем-то выглянула за стену, и только после этого, наклонившись к Вотше так, что ее пушистые волосы коснулись его щеки, заговорищицки прошептала:

— А я подслушивала!

— Зачем? — простодушно переспросил Вотша.

Лада взглянула на извержонка свысока и так же свысока ответила:

— Чтобы быть в курсе!

Вотша чуть было еще раз не спросил «зачем?», но вовремя сообразил, что получит на свой вопрос точно такой же расплывчатый ответ, а потому промолчал. Девочка же, бросив еще один взгляд в сторону замкового двора, вдруг отскочила к стене и, улыбнувшись проговорила:

— Ну, ладно, мне пора. Да и тебя уже разыскивают!

В следующую секунду она легко вспрыгнула на чуть приподнятую кладку между двумя зубцами стены и, махнув Вотше рукой... прыгнула вниз!

Мальчишка метнулся на то место, где только что стояла Лада, и выглянул наружу. Нагая девочка камнем падала вниз с десятиметровой высоты, а ее длинные волосы отнесло в сторону потоком воздуха. Только метрах в четырех от земли маленькое детское тело перевернулось через голову и словно бы растворилось в порыве ветра, а вместо него большая серая птица вдруг раскинула свои крылья, приняла под них воздушный поток и, заложив изящный вираж, по пологой кривой пошла вверх, в сторону заходящего солнца.

Вотша с бешено бьющимся сердцем, буквально свесившись со стены, наблюдал за падением и взлетом княжны, но в этот момент сильные руки схватили его под мышки и дернули назад. Мальчишка охнул, а знакомый голос Скала, чуть запыхавшись, проговорил:

— Ты, парень, куда это собрался?

— Никуда, — выдохнул Вотша с такой тоской, что дружинник быстро развернул мальчика лицом к себе и присев на одно колено поинтересовался:

— Что случилось? Ты кого-то видел?

— Да, — тем же тоскливым голосом сознался мальчик, — княжну Ладу видел...

— Ну-ка, ну-ка, рассказывай! — потребовал Скал.

И Вотша рассказал все, что с ним произошло.

Дружинник внимательно выслушал мальчишку, потом выпрямился и выглянул за стену. Затем взял Вотшу за руку и повел к спуску со стены. Молча они дошли до ратницкой, и только перед самым входом Скал медленно, веско произнес:

— Давай-ка, парень, договоримся — один ты на стены теперь ходить не будешь. Не хочу я перед вожаком ответ держать, если с тобой что-нибудь случится.

После ужина Вотша попробовал расспросить Скала о его поединке с Медведем, но тот отмалчивался, погруженный в какие-то не слишком веселые размышления. Так и закончился этот самый насыщенный событиями день маленького изверга. А ночью ему снилось смеющееся лицо Лады и полет большой серой птицы на фоне огромного, опускающегося к горизонту солнца.

Довольно быстро новая жизнь Вотши вошла в постоянный и довольно скучный ритм. Каждый день в одно и то же время он завтракал, обедал и ужинал, в одно и то же время начинались и заканчивались его занятия, а поскольку никаких постоянных обязанностей кроме учебы у него не было, его существование становилось довольно пресным.

Фром оказался весьма строгим и требовательным наставником, так что обучение счету требовало от Вотши серьезного напряжения сил. А вот тетка Сидоха, в отличие от Фрома, относилась к своим обязанностям наставника с достаточной долей юмора. Она считала затеянную князем возню с маленьким сиротой-извергом блажью, а потому особо не усердствовала. Показав несколько раз написание букв и правила составления из них слов, она дала мальчишке небольшую книгу и велела читать ее и переписывать из нее по одной странице в день.

Послеобеденные занятия с теткой Сидохой стали сводиться к разъяснению непонятных для мальчика мест. Поскольку таких мест с каждым днем для Вотши становилось все меньше

и меньше, его занятия письмом и чтением становились все короче и короче. Он, правда, и читал все больше, но тем не менее свободного времени у него оставалось более чем достаточно, и мальчишка не знал, чем его занять.

Однажды, месяца через три после того, как он поселился в замке, Вотша, закончив послеобеденные занятия, бродил по замку и прибрел к ристалищному полю. Занятия в это время как раз заканчивались. Старый, отпустив своих молодых воспитанников, оставил шестерых самых нерадивых и еще раз объяснял им особенности постановки руки при косом ударе в фехтовании на мечях. Вотша присел на скамейку и начал слушать. Уже спустя две-три минуты он понял, чего добивался наставник от своих подопечных, однако Старый все снова и снова повторял свои объяснения. Когда же наставник попросил одного из молодцев показать, как он понял урок, тот просто со всего маха рубанул по деревянному столбу, изображавшему противника, так что меч намертво засел в дереве.

— Дубина безмозглая! — завопил старик-наставник, прыгая вокруг незадачливого рубаки, пытавшегося вытащить меч из столба. — Думаешь, раз сила есть, так того и достаточно?! Тебе с твоей головой не меч в руках держать, а камни в карьере ворочать — вот там твоя сила будет соответствовать твоим мозгам! Даже тупой изверг уже давно бы понял, чего я от него хочу!

Четырнадцатилетний паренек, и в самом деле крупный для своего возраста, но не слишком сообразительный, вытащил наконец-то застрявшее оружие, вытер вспотевший лоб и пробурчал ломающимся баском:

— Ничего бы никакой изверг не понял. А я делал все, как ты говорил!

— Да?! Все, как я говорил?! — взвился к небу визг старика. Он крутанулся на одной ноге и махнул сидящему на скамейке Вотше:

— А ну, иди сюда!

Вотша встал и с опаской приблизился к наставнику.

— Ты слышал мои объяснения? — визгливо поинтересовался тот.

Маленький изверг кивнул.

— А ну-ка, покажи руки! — потребовал старик.

Вотша послушно протянул ему ладони.

Старый схватил обе его ладони, склонился над ними и забормотал:

— Так, пальцы длинные, ладонь достаточно широкая, кисть узковата и слабовата... ну да это возраст, года через два окрепнет...

Он крутанул ладони Вотши в разные стороны, так что тот от неожиданности чуть не вскрикнул. А наставник продолжал бормотать:

— Гибкость отличная, а при достаточных тренировках еще разовьется... Так, — он перевел взгляд выше по руке, — предплечье... плечо... соотношение стандартное... Мышцы... так себе, а вообще...

Он посмотрел Вотше в лицо и еще раз переспросил:

— Ты слышал мои объяснения?

Тот снова кивнул, и обвел угрюмым взглядом обступивших его многоликих.

— Как ты думаешь, сможешь ты показать то, что я объяснял? Последовал новый кивок.

Старик вырвал у одного из юношей учебный меч и протянул его Вотше рукоятью вперед:

— Бери, показывай!

— Ой, ребята! — воскликнул один из многоликих. — Смотрите, как извержонок сейчас зарежется! — И, обратившись к наставнику, добавил: — Старый, вожак с тебя за извержонка шкуру спустит!

— А если этот извержонок сейчас все правильно сделает, я с тебя шкуру спущу! — взвизгнул в лицо шутнику старик.

Вотша между тем осторожно принял оружие, подержал его в руке, словно бы взвешивая, медленно повел клинком вправо-влево, пробуя инерцию боевого железа, вдруг улыбнулся и направился к учебному столбу. Старый и шестеро его воспитанников гурьбой повалили следом, причем молодежь продолжала зубоскалить на счет маленького изверга, но делала это вполголоса, чтобы не раздражать своего наставника.

Вотша остановился около столба, выставил чуть вперед, как показывал Старый, правую ногу и взмахнул мечом.

Три секунды вилась серебристая молния вокруг мертвого дерева, с которого, словно листья с осенней осины, опадали мелкие стружки, а затем извержонок под потрясенное молчание многоликих опустил оружие.

С минуту над ристалищем висела тишина, а затем Старый совершенно спокойным тоном проговорил:

— Теперь-то ты понял, тупица, чего я от тебя добивался?

— Нет, — растерянно ответил его нерадивый ученик. — Слишком быстро он это... я ничего не разобрал!

Старый хрипло выдохнул воздух, со всхлипом вдохнул и рывкнул:

— Все! На сегодня занятия закончены! Можете расходиться!

Многоликих как ветром сдуло с ристалища, а Старый протянул руку за мечом.

— Господин Старый, — дрожащим голосом попросил Вотша, — а не могли бы вы взять и меня к себе в ученики?

— Я тебе уже говорил, что я никакой не господин, а просто Старый, — заворчал старик и вдруг оборвал сам себя вопросом, — Что ты сказал?!

— Не могли бы вы взять меня в ученики? — повторил Вотша, отступая на шаг от старика и с ужасом понимая, что сказал какую-то страшную вещь.

Однако старик не рассердился, не начал орать, вместо этого он взял у Вотши меч и устало побрел к скамье. Усевшись, он молча указал мальчику место рядом с собой и долго молчал. Вотша, сидя на краешке скамьи, боялся проронить хотя бы звук. Наконец старик, тяжело вздохнув, заговорил:

— Понимаешь, мальчик, вообще-то запрещения на преподавание фехтования извергам нет... Просто потому что никому никогда ни приходило в голову это делать. Но... зачем тебе учиться владению мечом, с кем ты собираешься сражаться?

Он искоса взглянул на мальчугана и продолжил:

— Насколько мне известно, никто из извергов этим искусством не владеет, хотя оружие многие из кузнецов-извергов делают великолепное. А с людьми сражаться ты все равно не сможешь.

Старик сделал паузу в своем монологе, и Вотша тут же встал в нее свой короткий вопрос:

— Почему?

— Потому что человек не станет сражаться с тобой, он просто повернется к Миру другой своей гранью, и твое железо ничего не сможет ему сделать... он тебя закроет, загрызет, порвет на части. Ты беззащитен перед его клыками, когтями, клювом!

Они помолчали, а затем Вотша прошептал:

— Все равно — это так красиво. Это так мощно!

Старик всем телом повернулся к маленькому извергу и пристально посмотрел ему в лицо. И Вотша ответил ему прямым, спокойным и в то же время просящим взглядом своих огромных голубых глаз.

— Странно, — с едва промелькнувшей улыбкой сказал старик. — Такой маленький изверг и вдруг понимает красоту фехтования...

И вдруг он махнул рукой:

— А! Давай попробуем! Только ты пока что никому ничего не говори, а то меня ребята засмеют, а твой наставник, Скал, еще чего доброго, прибьет! Приходи сюда... ну, скажем, послезавтра в это же время. Сможешь?

Вотша молча кивнул, и на его лице расцвела счастливая улыбка.

С этого дня начались еще одни, самые любимые занятия маленького изверга, и его жизнь наполнилась смыслом. Достаточно скоро и Скал узнал о новом увлечении своего подопечного, но отнесся к этому совершенно спокойно, рассудив точно так же как и Старый, что раз запрета на такие занятия нет, пусть малец тренируется.

К деду Вотшу так и не пустили, а спустя полгода старый Ерохта сам пришел в замок. Одет он был в новые порты и рубаху, аккуратно причесан и... грустен. Когда Вотша с разбегу уперся деду в живот и обхватил его руками, Ерохта положил ему на белую голову чуть подрагивающую ладонь и хрипловато произнес:

— Уезжаю я, Вотушка... Насовсем...

— Куда? — поднял к нему лицо Вотша.

— В деревню, к дяде к твоему, к моему племяннику, к Салге.

— Значит, я тебя никогда больше не увижу? — в голосе Вотши зазвучали слезы.

— Ну почему? — стараясь казаться бодрым, ответил Ерох-та. — Вот вырастешь, должность при князе получишь, может он тебя когда и отпустит ко мне погостить...

Прощание их было недолгим, мальчика ждали занятия, а старика — дальняя дорога. Наверное, именно в это утро кончилось детство Вотши.

Княжну маленький изверг теперь встречал довольно часто. Лада относилась к нему снисходительно-покровительственно, очень любила подтрунивать над ним и веселилась, когда он смущался. Узнав, что Вотша любит читать, она достала из княжеской библиотеки и передала ему под большим секретом толстую книжечку в черном кожаном переплете, назвав ее странным, незнакомым для мальчика названием — куртуазный роман. Книга была написана несколько странным стилем и не очень понравилась Вотше. Ладе он этого не сказал, хотя девчонка и сама, видимо, об этом догадалась, во всяком случае, больше а ему книг не приносила.

Познакомился извержонок и со всеми учениками мэтра Пудра. Княжеские отпрыски самых разных стай, они презрительно не замечали маленького изверга и не снисходили до бесед с ним. Кроме черноволосого косоглазого Юсута — старшего из них. Ирбис яро возненавидел Вотшу и при каждой встрече давал понять, что готов разделаться с ним. Однажды Вотша подглядел, как княжата занимались на ристалищном поле. Юсут был и сильнее всех, и быстрее. Он хорошо владел коротким мечом, южной саблей, прекрасно стрелял из лука. Все остальные старались с ним не связываться, и только Сигрд везде сопровождал ирбиса, но держался отстраненно-насмешливо. И Юсут терпел такое отношение, более того, ему, казалось, оно нравилось.

Года через два в крайский замок наведалься брат Всеслава, Ратмир. Он к тому времени получил третье посвящение и вошел в совет посвященных, но с Вотшей он почти не разговаривал. Увидев его во дворе, он приказал мальчику подойти и долго рассматривал его со всех сторон, а затем чужим голосом спросил:

— Тебе твой прадед во сне не является?

Когда извержонок отрицательно помотал головой, волхв отвернулся и больше не обращал на мальчика внимания.

А Вотша действительно все реже и реже вспоминал о своем знаменитом прадеде. В ратницкой, как он давно уже понял, многие помнили Вата, но говорили о нем неохотно, а когда малец по первости пытался выспрашивать о нем, молча отворачивались. Так что интерес к своему, когда-то знаменитому предку, не подпитываемый рассказами о нем, постепенно угасал в Вотше. Да и некогда ему было думать о прошлом!

Однажды весной, спустя почти два года после того, как изверг Вотша был взят в княжеский замок, тетушка Сидоха, заканчивая свои занятия, неожиданно спросила:

— А как у тебя обстоят дела с арифметикой?

— По-моему, все нормально, — ответил Вотша и, пожав плечами, добавил: — Во всяком случае, господин Фром уже давно не грозит пожаловаться на меня князю.

— Я вот тоже собираюсь идти к князю, — с постной миной на лице проговорила тетка Сидоха, но, не выдержав взятого тона, улыбнулась. — Отказываться от должности наставника хочу — нечему мне тебя больше учить!

— Как это — нечему? — опешил Вотша, и вдруг до него дошло, что тетка Сидоха, действительно, уже давно ничего нового ему не объясняла, да и вопросов у него к ней не было.

— Конечно, нечему! — махнула пухлой рукой Сидоха. — Ты, вон уже, я слышала, и вирши складывать научился! — И, заметив смущение своего ученика, добавила, — Да ладно, я никому рассказывать не собираюсь, но и ты уж свои произведения не разбрасывай по замку!

«Как она узнала? — трепетала в голове бедного Вотши суматошная мысль. — Неужто кто-то подобрал тот лоскуток?»

Он на самом деле начал писать стихи и, утянув у тетки Сидохи крошечный клочок отбеленной овечьей кожи, записал одно из своих произведений и подкинул на пути княжны. Выходило, что тот клочок подобрала вовсе не Лада, а кто-то другой! Но кто?

— Да, вот еще что, — продолжала между тем тетка Сидоха, считая, что тема Вотшиных вирш закрыта, — ты завтра на занятия не приходи, не до тебя будет. У княжны день рождения,

так что завтра эта трапезная будет занята — пир здесь князь устраивает для молодежи!

Тут она заметила, что мальчишка слушает ее невнимательно, погруженный в какие-то свои размышления и, легонько ткнув его пальцем в лоб, чуть повысила тон:

— Слушай, когда наставник говорит, неча в небесах мыслями парить — не ивачь, чай!

— Так мне и утром не приходить? — быстро переспросил Вотша, делая вид, что внимательно слушал свою наставницу.

— И утром не приходить, — подтвердила Сидоха и тут же с удивлением спросила: — А разве тебе Фром ничего не сказал?

Вотша отрицательно покачал головой.

— Ну, может, забыл? — пробормотала Сидоха не слишком уверенно.

На следующий день после завтрака Вотша вдруг почувствовал себя брошенным. Оказалось, что ему совершенно нечем заняться. Скал ушел с дозорной стайей, а черноволосый богатырь Тырта, заменявший его в роли Вотшиного опекуна, не слишком заботился о занятиях для своего подопечного. Вотша, скорее машинально, чем с какой-то целью двинулся в сторону ристалища. Поле было пусто, легкий весенний ветерок шевелил длинные Вотшины волосы. Он уселся на скамью и, запрокинув голову, бездумно уставился в небо.

На душе у него было как-то смутно. Нет, не тоскливо, а именно смутно, словно он давным-давно потерял что-то незначительное, обернувшееся сегодня важным! Несколько минут он смотрел за неторопливым бегом белоснежных облаков в голубой глубине, а затем в его голове возникла неожиданная мысль: «Если бы мой род не потерял многоликости, я, возможно, сегодня был бы в числе тех, что сядет за пиршественный стол с княжной. С Ладой!»

Он вдруг понял, насколько сильно ему хочется сидеть рядом с этой девочкой, любоваться ее длинными каштановыми, с едва заметной рыжиной, волосами, слушать ее смех, поднимать бокал за ее здоровье!

Вотша вздохнул и закрыл глаза. Белые облака на голубом фоне исчезли, и вместо них тут же возникло смеющееся личико княжны. Ее губки зашевелились, словно она сквозь смех

сиделась сказать что-то Вотше, но он не понимал ее слов, он просто любовался этим лицом.

— О чем мечтаем? — раздался рядом с ним голос Старого.

Вотша открыл глаза, тряхнул головой и быстро поднялся со скамьи.

— Садись, садись, — проворчал старик, усаживаясь на скамью, — чего вскочил?

Вотша снова сел, ссутулился и вдруг ни с того, ни с сего брякнул:

— У княжны сегодня день рождения.

— А... знаю, — протянул старый, и также как Вотша поднял лицо к небу и зажмурил глаза.

Они немного помолчали, и вдруг старик, не открывая глаз, тихо произнес:

— Вот и прадед твой тоже тогда в княжну влюбился...

Вотша изумленно уставился на старика, а тот все тем же тихим, не похожим на свой, голосом продолжал:

— Я ему говорил, чтобы он выбросил эту блажь из башки, да разве его уговоришь! Ват, он такой был — если что в голову заберет, напролом пер! Да и то сказать, прав он частенько бывал, и удача с ним под руку ходила. Только в этот раз неудача — на нем полностью, за все, отыгралась!

Старик замолчал. Вотша так же молча смотрел на сухую жилистую старческую шею, впалую морщинистую щеку, тонкое, прижатое к голове ухо, белую, аккуратно расчесанную бороду и тонкий, чуть искривленный нос, не зная, что сказать в ответ на слова старика. Наконец он выдавил:

— Что значит... «отыгралась»? И-и-и... что значит, «пёр напролом»?

— То и значит, — ответил Старый, не глядя на мальчугана. — Пошел Ват напрямую к Гориславу, князю тогдашнему, руки дочери просить. Правду сказать, не было бы лучше пары во всей стаи, да и любила Вата Леда, я-то уж точно знаю, только у князя, у деда Всеславова, другое на уме было. Если бы отдал он за Вата свою Леду, после его смерти стая Вата точно вожаком выбрала бы...

Старик снова внезапно замолчал, словно воспоминания эти давались ему с трудом. Но тут Вотша не вытерпел, его зах-

лестнуло жадное любопытство — вот она — правда о его прадеде, сама выплывала из прошлого!

— Ну так что, разве он был бы плохим вожаком?

Дед чуть склонил набок голову и, приоткрыв глаз, искоса глянул на Вотшу.

— А как же сын вожака? Даже и не сын — его-то и сам Горислав ни во что не ставил, а внук любимый — Всеволод? Горислав Всеволода у отца еще малым волчонком забрал, воспитывал как будущего князя, а тут Ват со своим сватовством!

И снова Старый отвернулся и замолчал, как будто пожалел, что начал этот разговор.

— Ну и что?! — нетерпеливо потребовал Вотша окончания истории.

— Не знаю, что там у них получилось, а только на следующий день Горислав Вата услал в степь с дозорной стайей в шесть волков и с одним ивачем. Ват уходил с улыбкой, веселый был... А вернулся сам-два, весь посеченный-покусанный! Пока он в горячке лежал, Леду отдали за ирбиса, за сына ихнего князя. С тех пор наша стая и дружит с ирбисами. А Вата, когда он поправился, объявили изменником — как же потерял в дозоре шестерых дружинников, а сам домой живой вернулся! Вот тогда-то ваш род и того... лишили многоличья!

Долгую минуту над скамейкой висело молчание, а затем Вотша выдохнул:

— Та-ак!

Он медленно поднялся со скамейки и приволакивая ноги поплелся прочь от ристалищного поля.

Однако далеко уйти ему не удалось, не успел он пройти и десятка шагов, как к нему подбежала молоденькая девушка, ближняя служанка княжны, Прятва, и, запыхавшись, спросила:

— Ты — Вотша?

И тут же, не дожидаясь ответа на свой вопрос, выпалила:

— Я тебя всюду разыскиваю! Тебя княжна велела привести в малую княжескую трапезную!

Вотша, погруженный в свои мысли, тряхнул головой, пытаясь понять, чего от него хочет девчонка, и только после этого до него дошел смысл ее слов.

— Зачем? — изумленно воскликнул он. Внезапно кровь бросилась к его лицу, и он стремительно покраснел.

«Хочет выставить меня на смех перед своими княжатами! — резанула кошмарная мысль, и тут же он холодно, отрешенно подумал: — Ну и пусть смеется! Какое мне дело до веселья или грусти... многоликих?»

— Пошли! — бросил он девчонке и широким шагом направился в малую трапезную.

Девушка едва поспевала за ним, на ходу тараторя взхлеб:

— Там чего было! У княжны день рождения, так все княжата преподнесли ей подарки. А княжна наша их благодарила, а сама-то, прям, така красавица! Сели за стол, а князь возьми и распорядись, чтобы им поднесли осеннего вина, пусть, говорит, выпьют, как настоящие мужчины! Вот с этого вина все и началось! Юсут, как бокал выпил, так и задурел! Говорит, пусть княжна скажет, чей подарок самый что ни наесть лучший, и того, кто этот подарок подарил, поцелует! Совсем с ума сошел — чтоб наша княжна, да какого-то княжонка целовать стала! Но она, знаешь, засмеялась так и говорит: «Хорошо, Юсут, я выберу лучший подарок и награду за него дам, только ты тогда уж не жалуйся и не спорь с моим решением!»

Вотша мотнул головой, словно давая понять девушке, что ее болтовня не к месту, однако та не замолкала:

— А Юсут этот вскочил, в грудь себя кулачищем грохнул и говорит так нагло: «Я, — говорит, — никому никогда не жаловался, ни о чем никогда не жалел и спорить с твоим решением не собираюсь!» — Это он потому так говорил, что сам-то подарил княжне ожерелье из лалов лазоревых на бронзовых крючках! Красота — страсть! И дорогущее! Конечно, княжна должна была выбрать его подарок, а она вдруг приказала тебя в трапезную привести!

— Зачем? — с горечью переспросил Вотша и, махнув рукой, прибавил шаг.

Спустя пять минут служанка ввела маленького изверга в знакомую ему залу.

Вдоль стены, в которую было врезаны четыре узких окна, стоял длинный стол, заставленный посудой, выпивкой, яствами. Во главе стола на стульях с высокими резными спинками

восседали князь с княгиней, рядом с ними, справа сидела, одетая в белую шелковую рубашку и зеленый сарафан, княжна Лада, напротив нее — ирбис Юсут, рядом с ним — тюлень Сигрд и еще четверо княжат. Рядом с Ладой восседал толстый, неповоротливый и какой-то неопрятно-помятый мужчина в странно узкой для его обширной фигуры одежде. Остальные места вокруг стола занимали ближние княжеские дружинники. У противоположной стены расположились трое скоморохов, вырядившихся в разноцветные лохмотья и наигрывавших какую-то веселую мелодию на рожке, бубне и маленькой скрипочке, посреди залы двое других скоморохов жонглировали десятком разноцветных и разновеликих клубков.

Когда Вотша вошел в трапезную и смущенно остановился около дверей, князь, не прерывая выступления скоморохов, громко произнес:

— Ну, вот, доченька, прибыл затребованный тобой изверг! Объясняй, давай, зачем он тебе понадобился?

Княжна поднялась со своего места, и скоморошья музыка тут же смолкла, а клубки перестали летать. Лада обвела взглядом стол, потом посмотрела на Вотшу и улыбнулась.

«Ну, сейчас начнется!» — в ужасе подумал извержонок.

— Значит, Юсут, ты хочешь, чтобы я выбрала лучший из полученных мной подарков и наградила дарителя? — обратилась княжна к сидевшему напротив ирбису. Тот, неловко развернулся и, стараясь держать в поле зрения и княжну, и ненавистного изверга, молча кивнул.

— Ну что ж, — снова улыбнулась княжна, — я исполняю твою просьбу!

Лада мягким, неуловимым движением выхватила из кармана сарафана маленький клочок светлой кожи и повернулась к Вотше.

— Это ты написал? — она помахала в воздухе своим клочком.

Вотша невольно сделал шаг вперед и поднял руку, словно собирался выхватить этот кусочек кожи из девчачьих пальчиков, но расстояние до княжны было слишком далеким, да и стол стоял между ними, так что он поневоле замер с поднятой рукой. А затем его рука безвольно упала вниз, и он тихо, на выдохе произнес:

— Я, госпожа...

Княжна спокойно вышла из-за стола, обошла родителей, пересекла зал и оказалась рядом с Вотшей.

— Так вот, — звонко произнесла маленькая девочка, — я признаю этот подарок лучшим из полученных мной! — Она снова помахала кусочком кожи над головой. — И присуждаю награду... извергу Вотше!

Сидевшие за столом гости замерли, и несколько секунд в трапезной висела потрясенная тишина. А затем раздался поистине нечеловеческий рев Юсута:

— Так нечестно! Если бы я знал, что княжна так ценит овечью кожу, я подарил бы ей целую шкуру!

Ирбис вскочил со своего места, порвал ворот своего роскошно расшитого халата, словно он перехватывал его горло удавкой, и снова заорал:

— Друзья, княжна просто издевается над нами! Выше всех дареных нами драгоценностей она ставит клочок овечьей шкуры, подаренной ей каким-то вонючим извергом!

Он крутанулся на месте, и теперь уже его рев был обращен в сторону князя:

— Князь Всеслав, твоя дочь оскорбила всех нас, и я требую...

Договорить ему князь не дал, его рука взметнулась вверх и тяжелый кулак опустился на столешницу так, что вся стоявшая на ней посуда подпрыгнула, а несколько тяжелых кубков опрокинулось.

— Ты требуешь?!

Голос князя перекрыл рев ирбиса, и у присутствующих зазвенело в ушах.

— Ты требуешь, сидя в моей замке и за моим столом?! Ты, котенок ушастый, поднимаешь голос впереди старших?! Да я сдеру с тебя твою поганую шкуру и постелю ее в комнате моей дочери, чтобы она топтала ее своими ногами!

Юсут медленно опустился на свое место и замер с перекошенной физиономией. А князь медленно перевел взгляд на дочь.

— Вот что, Ладушка, объясни отцу и матери, почему для тебя кусок старой кожи дороже драгоценных камней? И какую на-

граду ты хочешь дать этому... — лицо князя как-то странно перекосилось, но он быстро овладел собой, — этому извергу?

— Папочка, — почти пропела девочка, — дороже драгоценных камней для меня не кусок кожи, а то, что на нем написано! Это настоящий подарок, потому что он не куплен за отцовские деньги, не похищен у кого-то, не сорван с убитого, а создан тем, кто его дарил! Если бы Юсут сам нашел и обработал эти камни, — она ткнула пальчиком в сторону маленького столика, на котором были разложены подарки, — я, может быть, еще и подумала бы, но... И еще одно, этот подарок уже никто никогда у меня не отберет, не похитит!

— Вот как? — недобро ухмыльнулся князь, и словно в ответ на эту ухмылку на лицо Юсута тоже выползла кривая дергающаяся улыбка.

— Именно так, папочка, — снова пропела Лада. — Я этот подарок запомнила наизусть, так что отнять его у меня можно только вместе с жизнью!

— Ну а что насчет награды? — гораздо спокойнее, даже с легкой иронией поинтересовался князь Всеслав, бросив быстрый взгляд на снова замершего Юсута. — Ты действительно собираешься... э-э-э... поцеловать изверга?

Последние слова дались князю с явным трудом.

— Я считаю, что поцелуя слишком мало за такой богатый дар, — совершенно серьезно проговорила Лада, — и поэтому прошу тебя, отец, возвести этого мальчи... этого изверга Вотшу в ранг моего пажа!

И после этих слов нависшее над пиршественным столом грозное напряжение мгновенно исчезло. Гости возбужденно загалдели, послышались смешки, звон кубков, но голосок княжны снова перекрыл поднявшийся гвалт:

— Я говорю совершенно серьезно, отец!

Князь вышел из-за стола и подошел к дочери. Погладив ее по каштановой голове, он спокойно, и в то же время властно произнес:

— Я думаю, дочь, твое решение, твоя просьба ко мне, вполне совместна с твоим званием, с твоим положением. Вряд ли кто-то из присутствующих сочтет ее недостойной! А потому...

Князь быстро отошел к красному углу трапезной и, сняв с костыля висевший там большой ключ, вернулся назад.

— А потому, — торжественно продолжил он. — Я посвящаю Вотшу, изверга нашей стаи, в ранг твоего паж.

И князь коротко коснулся бородкой ключа обоих плеч Вотши.

— Служи своей госпоже всеми своими силами, знаниями, умениями и чувствами! — веско проговорил князь, глядя прямо в глаза Вотше. — И пусть твоя госпожа никогда не пожалует о своем выборе!

После этих слов князь повесил ключ на прежнее место и сам вернулся к столу.

Лада повернулась к Вотше, быстро и аккуратно спрятала клочок кожи в карманчик сарафана и громко сказала:

— Теперь ты — мой паж, и должен всегда находиться рядом со мной. Встань за моим стулом!

Она протянула ему свою маленькую руку, и Вотша, неожиданно для самого себя, опустился на одно колено и принял губами к этой руке.

Снова над пиршественным столом повисла тишина, и в этой тишине княжна прошествовала к своему месту, а Вотша проследовал за ней и, пододвинув ей стул, встал за его спинкой.

Князь тут же поднял свой кубок и громко сказал:

— А теперь послушаем нашего мудреца, главного наставника наших детей, мэтра Пудра!

И тут со своего места встал неопрятный толстяк в тесной одежде, сидевший рядом с Ладой. Подняв свой налитый почему-то только до половины бокал, он свысока оглядел притихший стол и... задумался! Его светлые, прозрачно-голубые глаза вдруг остекленели, толстая нижняя губа отвисла, а рука, державшая бокал, задрожала. Около минуты в малой трапезной стояла тишина, а затем мэтр Пудр встрепенулся и хрипловатым баритоном произнес:

— Так о чем это я?

— Вы, досточтимый, хотели сказать несколько слов о своих воспитанниках и нашей сегодняшней хозяйке пира, Ладе, — с чуть заметной смешинкой в голосе напомнил ему Всеслав.

— А, да-да! — оживился мэтр, — Должен сказать, вожак, что эти ваши воспитанники — настоящие разгильдяи! Я занимаюсь с ними уже... э-э-э... очень долго, а язык западных стай освоил лишь... Сигрд, да и то в весьма небольшом объеме! Но он хотя бы может, как мне кажется, объясниться на этом языке. Что касается наречий языка восточных и южных стай, то ими в достаточной степени владеют Юсут и Асхай, но языки этих стай очень похожи, а для Юсута и Асхая одно из этих наречий — родное! Что касается письма и чтения, что в общем-то неразделимо, то этим искусством владеет только прекрасная Лада, мальчики не умеют читать и писать, и, мне кажется, никогда не научатся!

Тут он вдруг обнаружил у себя в руке наполненный бокал и изумленно замолчал. Секунду спустя мэтр Пудр поднес свой бокал поближе к глазам, потом понюхал его содержимое и еще раз обвел взглядом замерший в предвкушении веселья стол.

— Господа, я... э-э-э... что-то не совсем понял... — В это мгновение его взгляд задержался на княжне, и в его голове, видимо, несколько прояснилось. — Да, конечно, — удовлетворено кивнул он сам себе, — я поднимаю этот бокал за лучшую в моей жизни ученицу, княжну Ладу!

Он поднес бокал к губам, начал пить, но внезапно, словно вспомнив нечто важное или некую недодуманную мысль, недопив, опустил руку с бокалом и снова впал в задумчивость.

Стол грохнул хохотом, но мэтр Пудр не слышал всеобщего смеха, он был погружен в свои размышления.

Наконец Всеслав поднялся со своего места, через голову дочери протянул руку и положил ее на плечо мэтра. Тот вздрогнул и поднял глаза на князя.

— Садитесь, уважаемый, — с легкой улыбкой произнес князь, — я благодарю вас за произнесенный тост.

Мэтр Пудр как-то растерянно улыбнулся и опустил на свое место, а Всеслав, вдруг посерьезнев, обратился к Юсуту и сидевшему рядом с ним невысокому мальчугану с рыжими короткими волосами и странно плоским лицом.

— Значит, молодые люди, вы не желаете учиться грамоте? — князь усмехнулся уголками рта, но совсем не осуждающе. — Позвольте вас спросить, почему?

Рыженький мальчишка опустил голову, явно не желая отвечать на вопрос, а Юсут, напротив, посмотрел князю прямо в глаза и заговорил напористо:

— Вожак Всеслав, я считаю, что моя главная задача — стать настоящим воином! Именно этому я посвящаю все свое время и надеюсь, что, вернувшись в свою стаю, буду непревзойденным бойцом! — Тут он слегка усмехнулся, показав желтоватые крепкие клыки, и добавил: — Ну а если мне надо будет послать кому-то грамотку, — взгляд темных глаз метнулся к княжне, — или прочитать ответ, рядом всегда найдется какой-нибудь пришибленный грамотей!

И ирбис с усмешкой взглянул на снова задумавшегося мэтра.

Однако Всеслав не улыбнулся в ответ на эту шутку, пожал плечами, он негромко пробормотал:

— Надеюсь, твой отец одобрит твоё поведение и выбор приоритетов.

— Одобрит! — самодовольно улыбнувшись, бросил Юсут. — Особенно когда увидит, как я владею собственным телом, другими гранями и оружием!

Князь сел на свое место и что-то очень тихо прошептал на ухо наклонившейся к нему княгине. За столом завязалось несколько отдельных бесед, но, спустя несколько минут, княгиня поднялась и, улыбнувшись, проговорила:

— Я вынуждена увести хозяйку нашего пира, у нас есть еще кое-какие дела.

Лада вскинула на мать удивленный взгляд, но возражать не стала. Княгиня подошла к дочери и, наклонившись, негромко сказала:

— Ладушка, отпусти своего пажа, сегодня он тебе больше не понадобится. Мы оставим мужчин пировать дальше, а сами пойдем в сокровищницу, там для тебя кое-что приготовлено.

Княжна поднялась и повернулась к Вотше.

— Паж, — с самым серьезным видом молвила она, — на сегодня ты свободен. Завтра ты должен ожидать меня сразу после завтрака в библиотеке замка!

И вдруг Вотша увидел, насколько устала эта маленькая девочка. Отступив на шаг, он поклонился княжне, громко про-

изнес: «Слушаюсь, госпожа!» — и быстрым шагом покинул трапезную.

Выйдя из дворца, он бросился бегом назад, на ристалищное поле в надежде застать там Старого и попробовать задать ему несколько вопросов. Наставник действительно находился на ристалище, но вместе с ним там были еще двенадцать многоликих — молодые ребята от двенадцати до шестнадцати лет, у них как раз в это время проходили занятия. Вотша снова присел на скамейку и принялся наблюдать за тренировкой многоликих.

В общем-то все упражнения, которые выполнялись этой группой, были ему хорошо знакомы, он сам отрабатывал их не единожды. Но изверг никогда не занимался в группе, и потому знакомые вроде бы движения выглядели совершенно по иному. Старый не обращая на Вотшу внимания, покрикивая на своих подопечных, порой берясь за меч, чтобы лично продемонстрировать тот или иной удар.

Таким образом группа занималась около часа, после чего Старый отобрал двоих, на взгляд Вотши, самых старших ребят и предложил им отработать поединки. Остальные многоликие отошли к скамейкам, и при их приближении Вотша встал и отошел ближе к стене конюшни.

На ристалищном поле двое многоликих надели высокие конусообразные шлемы с выдвинутыми вперед наушными пластинами, оставлявшими открытыми лица и в тоже время предохранявшими их от размашистых ударов, натянули толстые, мягкие, простеганные латы и приготовились к поединку. Старый, отойдя от пары шагов на шесть, громко прокричал:

— Поединок на мечах бескровный, до третьего удара!

Затем он сделал паузу и, набрав в грудь побольше воздуха, гаркнул:

— Бой!

Противники, выставив перед собой прямые учебные клинки, рукояти которых они сжимали обеими руками, медленно двинулись по кругу, внимательно следя за движениями друг друга. Светловолосый паренек, тоненький, стройный, с уже пробившимся легким пухом на подбородке и верхней губе, двигался легко, даже изящно, а на его лице играла легкая улыбка

превосходства. Второй мальчишка, чуть меньше ростом, коренастее, с темными, совсем коротко остриженными волосами был явно скован, меч держал напряженно, а движения его выглядели слишком заученными, механическими. Вотша сразу же отметил эту скованность и понял, кто в этой схватке является фаворитом.

Между тем противники сделали уже почти полный круг, и в этот момент светловолосый плавно изменил траекторию движения и, шагнув вперед, бросил свой меч по короткой дуге сверху вниз и справа налево. Движения его были настолько естественны и быстры, что Вотше показалось, будто клинок исчез из поля зрения и... возник уже наткнувшись на неловко, но вовремя поставленную защиту. Темноволосый успел бросить свой клинок острием вниз и принять на него удар противника.

Тупой меч светловолосого парня с металлическим лязгом скользнул по всей длине защищающегося клинка и в последний момент был отброшен в сторону не слишком умелым, но достаточно сильным движением. Атаковавший паренек все с тем же изяществом попытался выйти из атаки, сделал плавный отступ и на мгновение острие его клинка ушло чуть вправо. И тут же черноволосый угловато дернулся вперед, посылая свой меч прямым колющим ударом в грудь своего противника и... достал!

— Первый удар Влата! — громко провозгласил Старый. — Сардак пропустил!

Вотша заметил, как исказилось лицо светловолосого парня — недоумение, мгновенная растерянность, а затем неприкрытая злоба отразились на нем. Но движения его ничуть не изменились, он не заспешил, не рванулся в неподготовленную атаку. Всем своим видом Сардак показывал, что произошла досадная случайность, которая больше не повторится.

Впрочем, и извержонок, наблюдавший поединок со стороны, тоже считал проведенный Влатом удар нелепой случайностью. Тем более что темноволосый крепыш уже взмок, пот скатывался по крутому лбу и начал заливать глаза, в то время как его более высокий и, пожалуй, более легкий противник выглядел еще вполне свежим.

И снова на ристалищном поле закружилась карусель. Снова противники медленно пошли по кругу, подстерегая возможность нанести разящий удар. На этот раз в атаку пошел темненький Влат, и снова он это сделал как-то коряво, некрасиво. Вместо текучего, неуловимого шага, плавно посылающего тело вперед, он дергано прыгнул на своего противника, одновременно нанося мощный удар сверху. Светловолосый быстро вскинул меч горизонтально над головой и отразил этот удар, однако, вместо того чтобы тотчас выйти из атаки, Влат после отбоя переложил клинок и направил его в правый бок противника. Сардак легко отбил и этот наскок, да так удачно, что меч Влата взмыл вверх, а клинок его противника, описав изящную дугу, устремился к открытой груди крепыша.

Однако в последнее мгновение Влат резко развернулся на месте, и острое клинка прошло впритирку с его грудью. Сардака по инерции потянуло вперед и тогда Влат опустил свой клинок на его шлем.

Удар получился хлесткий и, видимо, болезненный. Сардак, словно споткнувшись, рухнул лицом в истоптанную траву поля, а Влат быстро отскочил назад и снова принял боевую стойку.

— Второй удар Влата! — снова взвыл Старый. — Сардак пропустил!

Медленно поднимался светловолосый с земли, и было непонятно то ли последний удар совершенно оглушил его, то ли он ошеломлен неудачей последней своей, казавшейся неотразимой, атаки.

Утвердившись наконец на ногах, Сардак взглянул на своего изготавившегося к бою противника и медленно стащил с головы шлем. Затем он сбросил верхнюю часть доспехов и, пробормотав что-то вроде: «Вот теперь посмотрим!» — снова взялся за меч.

Снова поединщики затоптались по кругу, и тут Вотша вдруг увидел, что движения Сардака потеряли былую текучесть, плавность, что шаг его сделался неуклюж и угловат! А вот темноволосый крепыш Влат, наоборот, обрел некую грацию, уверенность.

Не успели соперники сделать и одного круга, как Сардак, широко взмахнув мечом, ринулся в совершенно неподготовленную атаку. Влат отскочил в сторону и нанес горизонтальный удар, направляя клинок в незащищенную грудь противника. Однако того уже не было — меч и защитные порты валялись на земле, а вместо светловолосого парня на Влата налетал небольшой волк странной светло-серой окраски. Меч Влата врезался в грудь волка и прошел волчье тело насквозь, не причинив ему никакого вреда. Зверь раскрыл пасть и уже готов был вонзить свои клыки в незащищенное горло противника, но тут перед ним встал другой волк — огромный совершенно седой зверь, шкура которого в нескольких местах была прорезана старыми рваными шрамами.

И молодой волк остановился на месте, а затем повел мордой в сторону и уселся на хвост.

Влат тоже остановился, а затем, тяжело дыша, сделал пару шагов назад и медленно опустился на траву.

Несколько секунд над ристалищным полем стояла мертвая тишины, а затем раздался хриплый едва понятный голос старого волка:

— Занятия окончены, все могут быть свободны!

Молодые многоликие, не говоря ни слова, похватили лежавшие на земле детали защитного снаряжения Сардака и, подхватив под руки шатающегося от усталости Влата, покинули ристалище. Только Вотша, прижавшись к стене конюшни, остался на месте.

Несколько секунд спустя оба оставшихся на поле волка обернулись людьми и понуро двинулись к краю ристалища к скамьям. Усевшись на одну из скамеек, Старый посмотрел на своего незадачливого ученика и негромко проговорил:

— Ты поиграл, Сардак.

— Знаю, — не поднимая головы, ответил юноша, — Но не понимаю, почему...

— Потому что ты с самого начала был слишком уверен в своей победе, — просто ответил Старый. — Ты не бился, ты играл со своим противником, а бой не игра, в бое нет красоты — в нем есть только стремление поразить врага, любым способом!

— Но я же сильнее Влата? — без всякой злобы или обиды спросил Сардак.

— Нет, сегодня ты слабее, — не согласился наставник. — Ты лучше владеешь мечом, лучше двигаешься, лучше видишь... Но всего этого недостаточно для победы. Влат оказался целеустремленнее, и потому ближе к победе! И еще, повернувшись к Миру другой своей гранью, ты сам признал свое поражение! Почему ты это сделал?

После этих слов Сардак как-то судорожно вздохнул и поднял лицо к небу.

— Я знал, что Влат не успеет так же быстро выполнить переворот, и хотел доказать свое превосходство.

— В чем? — тут же спросил Старый. — Вы же бились на мечах, так причем здесь скорость переворота?

— Мы же бились, — пожал плечами Сардак. — Я подумал, что не имеет разницы каким образом я добьюсь победы.

Старый покачал головой и коротко приказал:

— Иди домой. Послезавтра занятия в это же время.

Сардак поднялся на ноги и, не оглядываясь, побрел прочь с ристалищного поля.

А старый наставник, проводив взглядом своего незадачливого ученика, опустил голову и ссутулился. Мысли, видать, были у него невеселы.

Вотша, бесшумно подойдя сзади и опустившись на краешек последней скамьи, несколько минут молчал, а затем громко спросил:

— Значит мастерство решает не все?

— А, извержонок, ты, значит, наблюдал? — не поворачиваясь, усмехнулся Старый. — Да нет, мастерство решает все, но им надо уметь пользоваться. А кроме того, никогда нельзя недооценивать противника... впрочем, переоценивать его тоже не стоит.

— Это сложно, — задумчиво проговорил Вотша.

— Это — опыт, — все так же не поворачиваясь ответил Старый.

Они немного помолчали, и Вотша спросил совсем иным тоном, со жгучим мальчишеским интересом:

— Старый, а как ты Сардака-волка успел остановить? Ты же не знал, что он обернется?

— Вот потому я и наставник, — перебил его старик, — что владею этим приемом! Конечно, взрослого человека, повернувшегося к Миру иной гранью, удержать гораздо сложнее, но я думаю, что и у взрослого я успею встать на пути! Твой предок, кстати, владел этим приемом гораздо лучше меня — многим людям-волкам он спас этим приемом жизнь!

— А шестерых вот не спас, — едва слышно пробормотал Вотша, возвращаясь к прерванному разговору.

— Не спас, — задумчиво повторил Старый. — И это... Странно это как-то... невероятно...

И снова на несколько минут воцарилось молчание, которое прервал наставник:

— Ну, зачем тебя княжна позвать приказала?

— Юсут требовал, чтобы Лада его поцеловала, потому что он ей самый богатый подарок преподнес, — нехотя ответил Вотша.

— Ну, а ты здесь причем? — переспросил старик, с интересом поднимая голову.

— А княжна сказала, что самый богатый подарок я ей подарил, — все так же нехотя, смущаясь, проговорил Вотша.

— Ну! — удивился наставник. — И что же это ты такое ей подарил?

— Стихи, — едва слышно ответил Вотша и покраснел.

Но Старого, похоже, его ответ не удивил — его интересовало совсем другое.

— И что, княжна тебя поцеловала?

Вотша отрицательно помотал опущенной головой и, бросив косой взгляд на наставника, выдавил:

— Она потребовала, чтобы князь отдал ей меня в пажи...

— Ну, что князь? — с большим интересом переспросил Старый.

— Он взял такой вот здоровенный ключ, — пожал плечами Вотша, — дотронулся им до моих плеч и объявил, что отныне я паж княжны.

— Вот это да! — изумился наставник. — Ты хоть знаешь, извержонок, что это значит?

— Что? — Вотша заинтересованно поднял лицо.

— А то, что теперь тебя в замке, да что там в замке, во всех владениях нашей стаи, никто пальцем не может тронуть! Только княжна вольна распоряжаться твоей жизнью и смертью!

Но тут возбуждение старика спало, и он совсем другим, чуть насмешливым тоном добавил:

— Правда, княжна наша тоже еще та птица! Она не задумываясь пошлет тебя на смерть по малейшей своей прихоти!

— Ну и пусть, — ответил Вотша и, подняв лицо к небу, чуть прищурившись, посмотрел на солнце. — Ну и пусть!

Утром следующего дня, наскоро позавтракав, Вотша помчался в библиотеку замка. Он ни разу там не был, но один из дежурных дружинников подсказал ему, что библиотека находится на третьем этаже замкового дворца и занимает почти все левое крыло. Взлетев на третий этаж по парадной дворцовой лестнице, Вотша увидел две одинаковые, высокие, украшенные резьбой двери. Подойдя к левой, он осторожно постучал, и тотчас из-за двери раздался высокий дребезжащий голос:

— Входите, входите! И нечего было стучать!

Извержонок толкнул дверь, переступил порог и замер на месте с открытым ртом. Ему еще никогда в жизни не доводилось видеть столь замечательного помещения.

Размером библиотека почти не уступала большому дворцовому пиршественному залу. Вдоль всех четырех ее стен, составляя свободными лишь дверной и оконные проемы, тянулись темные застекленные шкафы, в которых матово лоснились темные кожаные корешки, отсвечивая роскошью золотого тиснения. Еще половину зала занимали шесть рядов стеллажей, высотой под самый потолок. На стеллажах стояли книги попроще, а иные из них были здорово попорчены влагой, огнем, грызунами и... людьми. Между входной дверью и стеллажами были поставлены небольшие высокие столики с наклонными столешницами, расположившиеся в два ряда по четыре стола в ряду. Похоже, что писать за ними полагалось стоя, во всяком случае, Вотше такой стол доходил как раз до локтей. На торцевой стойке среднего стеллажа была закреплена большая черная доска, а рядом с ней стоял самый обычный письменный стол с рабочим креслом.

Около минуты Вотша с изумлением и восторгом рассматривал убранство библиотеки — особенно поразило его обилие книг, но тут его внимание привлек все тот же высокий, надтреснутый голос:

— Ну-с, молодой человек, и зачем ты сюда пожаловал? Или ты перепутал третий этаж с подвалом, и теперь не можешь понять, куда подевались котлы, которые ты должен вычистить?

Вотша взглянул в том направлении, откуда раздавался голос, и увидел высокую хрупкую стремянку, на вершине которой сидел крошечный совершенно седой мужичок, наряженный в длинную черную рубаху с капюшоном, из-под которой торчали чудные туфли с длинными загнутым носами. Капюшон, небрежно накинутый на голову мужичка, не мог скрыть буйных, совершенно седых кудрей, выбивавшихся из-под темной ткани серебристой волной.

— Так ты к тому же еще и глухой! — воскликнул мужичок и принялся заталкивать книгу, которую он держал в руке, на стеллаж.

От слишком резкого движения хлипкая стремянка дернулась, покачнулась... Но в то же мгновение Вотша подскочил к ней и, упершись обеими руками в стойки, удержал ее от падения. Мужичок, успевший поставить книгу на место, буквально слетел по ступенькам вниз и встал напротив Вотши, уперев руки в бока и сверля его крошечными спрятанными под здоровенными седыми бровями глазками.

Вотша отпустил стремянку, учтиво поклонился и быстро проговорил:

— Господин, со вчерашнего дня я — паж княжны Лады. Она приказала мне явиться в библиотеку, так как мне теперь положено сопровождать ее повсюду. Я впервые попал сюда и... поражен!

Он развел руки в стороны, словно охватывая все пространство библиотеки, и восторженно добавил:

— Сколько книг!

— А! — воскликнул мужичок, — значит, ты и есть тот самый изверг Вотша, о котором столь запутанно высказывался почтенный Ратмир! Должен сказать, что я не разделяю его оценки извергов вообще и твоей в частности, на мой взгляд

изверги способны только к черной, ручной работе, где их и надо использовать. Стоит только дать им поблажку, как они тут же развращаются. Ты — самый яркий тому пример! Подумать только — изверг, и вдруг — паж принцессы! Нонсенс!

— Тебе что-то не нравится, Вогнар? — раздался позади Вотши звонкий голос княжны.

Чернорубашечного мужичка словно вихрем развернуло на месте. Мгновение спустя он уже склонился в изысканном поклоне и верещал своим дребезжащим фальцетом:

— Что вы, княжна, что вы! Как мне может что-то не нравиться, когда я лицезрю вашу небесную красу и слышу ваш несравненный голос!

Тут он выпрямился и, бросив неприязненный взгляд в сторону Вотши, добавил:

— Просто я не совсем понимаю, как вы, с вашим изысканным вкусом, могли выбрать себе в пажи... э-э-э... изверга, когда вас окружает такое количество прекрасных молодых людей!

— А вот это, Вогнар, не ваше дело! — с непонятной резкостью ответила Лада. — Лучше наблюдайте то, что вам поручено, а то третьего дня, когда вы все утро отсутствовали, я снова обнаружила пыль на стеллаже!

— Где, принцесса? — встревожено воскликнул Вогнар и снова посмотрел на Вотшу теперь уже откровенно злым взглядом.

— Там, где обычно лежал список трактата Луки Чистого «О природе и гранях злобы»! — Княжна ткнула пальцем в направлении одного из стеллажей и ехидно добавила: — Кстати, этого списка нет на месте, а он мне срочно нужен!

Вогнара будто ветром сдуло, и в следующее мгновение его дребезжащий фальцет донесся уже из-за стеллажей:

— Принцесса, вы получите требуемую книгу немедленно!

Однако княжна уже не слушала его, повернувшись к Вотше, она улыбнулась и спросила:

— И давно тебя мучает этот библиотекарь?

Вотша улыбнулся в ответ и пожал плечами:

— Он, наверное, просто обиделся на то, что я его не сразу заметил.

Но тут их разговор был прерван появлением Юсута и Сигрда. Вотша скромно отошел к одному из стенных шкафов, тогда

как вошедшие юноши приветствовали княжну. Почти сразу в библиотеку вошли и остальные четверо учеников мэтра Пудра, а вслед за ними появился и сам мэтр. Рассеянный, неряшливо одетый наставник прошел к письменному столу и уселся в кресло, а его воспитанники тут же встали к своим столикам.

И тут Княжна обернулась, нашла взглядом Вотшу и пальцем указала, что тот должен встать у нее за спиной. Вотша неслышно прошел через зал и остановился там, где ему было приказано.

— Ну что ж, — начал мэтр Пудр, рассматривая какие-то записки, принесенные им и разложенные на столе. — Продолжим наши занятия языком западных стай. Попробуйте самостоятельно перевести следующую, весьма распространенную фразу...

Мэтр Пудр поднял одну из своих записок ближе к глазам и проговорил нечто совершенно непонятное для ушей Вотши.

— Ну, — мэтр Пудр поднял глаза от своей записки, — кто попробует первым?

«Неужели эта тарабарщина может что-то означать?» — изумленно подумал Вотша.

— Неужели никто из вас не может перевести такую простую фразу? — раздраженно проговорил наставник.

— Я могу, — раздался голосок княжны, но мэтр Пудр только недовольно мотнул своей взлохмаченной головой.

— Кто, кроме княжны?

И тут из-за спины Вотши раздался противный писклявый голосок:

— Мэтр, мне за этим извергом совершенно ничего не слышно! Я, конечно, без труда перевел бы то, что вами было сказано, если смог бы расслышать!

Вотша невольно обернулся и сразу же наткнулся на довольную, издевательскую ухмылку невысокого рыжего веснушчатого мальчишки с кривыми зубами и разноцветными глазами. Мэтр Пудр задумчиво пожевал губами, неожиданно улыбнулся и обратился к Ладе:

— Княжна, я прошу вас сделать небольшое послабление в правилах поведения вашего пажа — пусть он встанет у свобод-

ного пюпитра. При необходимости он всегда успеет прийти вам на помощь.

Княжна обернулась, обежала глазами стоявших позади нее мальчишек, презрительно сморщив носик при взгляде на рыжего писклю и, повернувшись к мэтру, потребовала:

— Пусть рыжий Гаст перейдет к свободному пюпитру, а мой паж займет его место!

— Вот еще! — пикнул было возмущенный Гаст, но мэтр Пудр немедленно оборвал возможные пререкания:

— Гаст, освободи место!

Рыжий мальчишка, что-то недовольно ворча себе под нос, собрал с пюпитра свои вещи и переместился в другой конец зала, а Вотша, отступив на четыре шага назад, встал на освободившееся место.

Мэтр Пудр довольно оглядел своих учеников, снова улыбнулся и громко повторил свою непонятную фразу.

— Ну? Теперь, Гаст, ты хорошо слышал то, что я сказал? Переводи!

Гаст растерянно поскреб щеку, метнул быстрый взгляд в сторону Юсута, поднявшего глаза к потолку, и пискляво забормотал:

— Ну, это значит... это... вопрос! «Как тебя зовут?».

На несколько секунд в библиотеке повисла тишина. Мэтр Пудр внимательно разглядывал рыжего Гаста, а тот ковырял ногтем свой пюпитр. Затем наставник встал из-за стола, подошел поближе к отвечавшему мальчику и медленно, отдельно проговорил:

— Нет, Гаст, ты не стал лучше слышать после того, как между нами не стало изверга, — он обвел взглядом своих учеников и, вернувшись к доске, взял в руки мягкий белый камешек. — Ну что ж, объясняю еще раз!

Мэтр написал на доске строку, состоящую из непонятных значков, и принялся объяснять, каким образом из этих значков, из этих незнакомых, непонятных звуков получается фраза: «Я живу в вольном городе Парже».

Вотша заворожено слушал наставника, ему вдруг открылось, что в мире есть и другая, непонятная... пока что непо-

нятная речь, иное, загадочное письмо. И это новое, другое, загадочное было для маленького изверга жгуче интересным.

Теперь каждое утро после завтрака он бежал в библиотеку, предвкушая нечто чрезвычайно интересное, захватывающее! У него, правда, не было необходимых для занятий вещей, не было чем и на чем писать, но зато у него была отличная память и живое, жадное воображение! Однажды, спустя четыре месяца своих невольных занятий он, неожиданно для самого себя, после одного из вопросов наставника поднял руку, повторяя жест учеников, знавших правильный ответ. И когда рассеянный мэтр Пудр произнес, словно само собой разумеющееся: — Говори, Вотша! — извержонок вышел из-за своего пюпитра и, слегка запинаясь, сделал совершенно правильный разбор предложенного текста.

Все воспитанники мэтра Пудра, включая и княжну, смотрели на затесавшегося в их компанию изверга, раскрыв рты, и только сам мэтр, довольный улыбаясь, проговорил:

— Ну вот, я всегда говорил, что для человека достаточно умного и усердного нет ничего невозможного.

«Человека! — ошеломленно повторил про себя Вотша. — Человека! Не изверга!»

А наставник вдруг замолчал, словно сам удивляясь своим словам, но спустя несколько секунд добавил:

— После занятий подойди ко мне... с разрешения княжны, конечно.

Когда занятия закончились, мэтр Пудр выдал Вотше чернильницу, связку перьев, несколько листиков темной шероховатой бумаги и учебник языка западных стай, написанный самим мэтром.

— Тебе надо практиковаться в письме! — наставительно произнес мэтр Пудр. — И в чтении. Мне почему-то кажется, что устный словарный запас у тебя уже вполне достаточен.

Спустя три года Вотша прекрасно владел тремя наречиями языка западных стай, двумя наречиями языка восточных стай, языком северных стай и двумя наречиями языка южных стай, еще на двенадцати наречиях он мог достаточно хорошо изъясниться.

К четырнадцати годам Вотша вытянулся и превратился в высокого, стройного парня, гибкого и сильного. Свои длинные, соломенного цвета волосы он заплетал в косу или завязывал на затылке в хвост. На поясе его белой рубахи всегда красовался подарок князя Всеслава — короткий широкий нож в простых кожаных ножнах.

Именно в тот год незадолго до дня летнего солнцестояния в княжеский город Край начали съезжаться гости из разных стай. Первым с южных гор приехал отец Юсута, вожак горных ирбисов Юмыт. Его поезд, состоявший из нескольких десятков повозок, запряженных маленькими косматыми коньками и управляемых извергами, одетыми в рваные халаты на голое тело, сопровождали двадцать могучих ирбисов во главе с самим вожаком. Длинный поезд долго проходил улицами Края, и жители города с удивлением рассматривали невиданных гостей.

Вслед за Юмытом прибыл вожак южных лисиц Хаан. Двадцать пять всадников вихрем промчались через город, так что никто в нем и не понял, что к их князю пожаловал новый гость. Князь Хаан был столь же рыж, как и его сын, Гаст, столь же худощав, мелок и кривоzub. Ни одного изверга не сопровождало этого вожака.

Постепенно в Крае собрались отцы всех шестерых воспитанников мэтра Пудра и вожаки еще четырех стай. Наблюдательный Вотша вдруг понял, что у Всеслава сошлись вожаки всех сколько-нибудь значительных стай Севера, Юга и Востока. Каждый вечер в замке гудели пиры и празднества, каждый день Всеслав вел долгие беседы с одним или с другим вожаком, или они собирались по несколько человек и о чем-то разговаривали в строго охраняемых комнатах. Три-четыре раза вожаки вместе со своими ближними дружинниками выезжали на охоту в степь или в западные леса. Дважды на ристалищном поле княжеского замка устраивались турниры, хотя участвовали в них только волки, ирбисы, медведи и тигры, прибывшие с совсем уже далекого Востока.

Накануне дня солнцестояния князь Всеслав устроил роскошный пир для всех прибывших гостей и всех своих сородичей. Пиршественный зал был украшен молодой хвоей и освещен

шен тысячами свечей. На возвышенности стоял большой стол, за которым восседали все вожаки, чуть ниже вдоль западной стены зала был поставлен длинный стол для приехавших с вожаками дружинников, а все остальное пространство зала и вся замковая площадь были заняты дружинниками князя Всеслава. Веселье пира было тем раскованнее и безудержнее, что женщины на нем не присутствовали.

Князь Всеслав удивил своих гостей и убранством столов, и редкостными винами, собранными со всех концов мира, и удивительными, изысканными кушаньями, которые приготовили его повора-изверги. Между столов и за распахнутыми настежь дверьми зала на высоком и широком крыльце пирующих потешали десятки плясунов, музыкантов, фокусников и скоморохов. А за княжеским столом плавно текла раскованная беседа.

— Скажи правду, Всеслав, — пьяненько подхихикивая, приставал к вожаку волков Ольстов, вожак северных тюленей, — сколько среди твоих ратников, севших за пиршественные столы, извергов?

Всеслав удивленно изогнул бровь, но Ольстов не заметил недовольства хозяина стола.

— Ну не будешь же ты утверждать, что все эти люди... люди? Наверняка ты... хи-хи-хи... разбавил свое воинство парой сотен недостойных!

— Зачем мне это делать, достойный Ольстов? — с усмешкой переспросил Всеслав. — Зачем мне унижать своих высоких гостей, сажая их за один стол с извергами? И неужели ты думаешь, что кто-то из моих дружинников будет пировать в такой... к-хм... компании?

— Ты хочешь сказать, что твоя стая и в самом деле столь велика? — с пьяной ухмылкой проговорил Ольстен. — Тогда это поистине удивительно!

И в тоне вожака северных тюленей читалось явное недоверие.

— Я скажу больше! — Всеслав говорил радушно, но в его глазах уже загорелось пламя ярости, — За этими столами нет ни одного полуизверга! Те двое, что были приняты в стаю в качестве исключения, находятся сейчас в ратницкой!

— В твоей стае всего двое полуизвергов? — недоверчиво поинтересовался рыжий Хаан. — Разве твои волки брезгают извергинями?

— Мои волки не брезгают ничем, — усмехнулся в ответ Всеслав, — но полуизвергу попасть в стаю практически невозможно — я считаю, что им слишком многое недоступно из того, что должен уметь человек!

— А я вот слышал, что в твоём замке даже изверги находят ласку и привет! — рыкнул с другого конца стола вожак ирбисов.

Всеслав медленно повернул голову и взглянул в глаза Юмыту.

— В моём замке изверг может найти ласку, привет и защиту если он того заслуживает! А заслужить он это может только верной и нужной службой!

— Какую же такую верную и нужную службу несёт у тебя в замке мальчишка-изверг? — криво усмехнулся Юмыт. — Что он такого делает, кроме того, что всюду таскается за твоей дочерью?

— Да-а-а... княжна очень прекрасна! — прижмутив от восхищения глаза, промурлыкал восточный тигр и, крикнув, приложился к кубку.

— Только почему она так отличает изверга? — немедленно подхватил снежный барс, и в его тоне сквозила ехидная насмешка.

Руки Всеслава, лежавшие на скатерти, сжались в кулаки, но ответил он совершенно спокойным, даже доброжелательным тоном:

— Этот мальчик-изверг — дело особенное. Он сирота и в то же время правнук одного из наших самых знаменитых воинов. Многие из вас слышали о нём — его звали Ват!

— Вот как? — Ольстов оторвался от кабаньего окорока и бросил на Всеслава заинтересованный взгляд. — Правнук того самого Вата, который мог оборачиваться тюленем?

— Вата Бессердечного? — вскинув голову переспросил Хаан.

— Вата... Предателя? — одновременно с ним пробормотал Юмыт.

— Вот видите, — усмехнулся Всеслав, — в каждой стае у Вата было свое прозвище! Как же мне не окружить заботой его

правнука, пусть даже и изверга. И потом, мальчишка, хоть он и не человек, обладает большими способностями!

— Какими? — в один голос переспросили Хаан и вожак восточных тигров.

— Ну, например, он может поговорить с каждым из вас на вашем родном наречии! — с довольной улыбкой ответил Всеслав. — Так что в моей стае появился очень хороший толмач!

— Интересно, каким образом он мог научиться говорить на наших наречиях? — со скрытым подозрением спросил Юсут.

— И говорить, и читать, и писать, — уточнил Всеслав. — У меня служит мэтр Пудр — большой знаток мировой словесности. Он занимался и с вашими детьми, и с княжной. Так вот, с тех пор как Вотша — тот самый извержонок, о котором мы говорим, — стал сопровождать княжну в качестве пажа, он начал посещать и занятия мэтра Пудра, уже через полгода он заговорил на нескольких наречиях, а сейчас, — Всеслав развел руки и улыбнулся, — мэтр Пудр считает его своим лучшим учеником, кроме моей дочери, разумеется!

— Вот как? — рыкнул Юсут, и в этом возгласе прозвучала самая настоящая угроза. Однако Всеслав только улыбнулся на нее.

— Твой сын, мудрый Юмыт, считает, что ему нет необходимости изучать наречия других стай, — голос Всеслава звучал благодушно, словно он был согласен с мнением молодого ирбиса. — Он считает, что для него главное — быть лучшим в своей стае воином, а читать, писать и переводить для него вполне могут... изверги!

— Ну что ж, — гораздо спокойнее проговорил Юмыт, — и мальчик прав — если ты будешь великим воином, для любого другого дела у тебя найдется подходящий человек или изверг. А мой сын уже сейчас заткнет за пояс любого из молодежи! Ну а опыта он и в родной стае наберется!

— Да, мой Старый хорошо научил ваших ребят — в бою они не спасуют! — кивнул головой Всеслав.

— Но Юсут — лучший! — настойчиво рыкнул ирбис.

Всеслав кивнул, но ответить не успел, его опередил Хаан:

— У князя Всеслава гостило шестеро наших ребят, так что еще неизвестно, кто из них лучше научился владеть оружием.

Рост и сила не всегда главное в ратном деле — разве не так, князь?

И тут глаза Всеслава хитро прищурились:

— Ну что ж, братья-вожаки, давайте проверим, чему ваши дети научились в моем замке. Перед завтрашним турниром мы посмотрим, кто из них лучше владеет оружием — проведем малый турнир с участием княжичей, а первой дамой этого турнира пусть будет моя дочь!

— Ха-ха-ха! — неожиданно расхохотался Юмыт и громко добавил сквозь смех: — Значит она и приз победителю будет вручать! С поцелуем!

Ристалищное поле, на котором в день летнего солнцестояния должен был пройти последний, самый представительный боевой турнир, было специально подготовлено к этому событию. Позади вкопанных по краю поля скамеек были поставлены еще три ряда лавок, а на самом поле, по короткому его краю вдоль замковой стены выстроен помост, на котором установили несколько рядов кресел для особо почетных гостей. Вдоль длинного края поля, под замковой стеной было установлено несколько шатров, предназначавшихся для участвовавших в турнире бойцов.

Утром, как только взошло солнце, к ристалищному полю потянулись дружинники князя Всеслава и воины, сопровождавшие приехавших в гости вожаков. Скоро все скамейки и лавки были заняты, а несколько десятков ратников, не найдя себе места, стояли позади скамеек. Шутки, смех, споры перекатывались по этой мужской толпе, становившейся все нетерпеливее с каждой минутой ожидания. Наконец на помост взошел князь Всеслав, княгиня Рогда, княжич Святополк, княжна Лада, князья-вожаки других стай и несколько особо приближенных к Всеславу ратников стаи волков. Всеслав с семьей занял места в центре помоста, вокруг него расселись гости, а на поле вышел Старый, одетый в сверкающие доспехи с жезлом распорядителя турнира в руке.

Дождавшись сигнала Всеслава, Старый взмахнул своим жезлом и заорал во все горло:

— По желанию стаи и по слову нашего вожака, Всеслава, сегодня на этом поле пройдет турнир меченосцев! Пятьдесят

шесть воинов скрестят свои мечи в парных поединках, и победитель получит княжеский приз — золотой кубок, наполненный голубыми лалами!

Здесь он сделал небольшую паузу, а затем, вместо того чтобы назвать, как полагалось, имена участников турнира и стаи, честь которых они защищали, Старый хитро прищурился и крикнул:

— А перед этими поединками, по решению собравшихся в замке вожаков стай, пройдет соревнование княжат, воспитывавшихся в нашей стае. Шестеро юношей покажут свое мастерство владения оружием, а победителю также будет вручен приз — меч восточного булата с золотой рукоятью, двумя голубыми яхонтами в перекрестье гарды, в ножнах и на поясе из кожи западного изюбра! Первой дамой этого турнира избрана княжна Лада, она и вручит приз! Пары поединщиков составлены жребием, и выходят на поле!

Толпа дружинников, обсевшая и обступившая ристалище, не ожидала такой добавки к турниру, но удивленный гул голов мгновенно перерос в приветственный рев, едва только юноши, одетые в защитные латы, появились на поле.

Сидевший на передней скамье Скал толкнул локтем своего друга Тырту и рявкнул, перекрикивая гул голосов:

— Жалко, среди них нет ни одного волка! Все эти тюлени да лисицы и драться-то толком не умеют!

— Да нам и выставить-то некого! — отозвался черноволосый богатырь. — У нас мальчишки либо постарше будут, либо совсем еще сосунки!

Между тем три пары юношей развели в разные концы ристалища.

Высокий толстый Юсут, вооруженный длинной, чуть изогнутой саблей с утолщенным на конце лезвием и маленьким круглым щитом, должен был биться с Асхаем, восточным тигренком, орудовавшим прямым гибким мечом и овальным выпуклым щитом. Сигрд с привычным для его стаи оружием — трезубцем с укороченным средним жалом и широкой, утяжеленной по краю сетью, противостоял черноволосому пареньку из стаи южных пантер, вооруженному шестопером и странным узким и длинным щитом. Напротив рыжего Гаста, дер-

жавшего в каждой руке по короткому широкому мечу, встал невысокий кривоногий мальчуган из стаи восточных рысей.

Старый, внимательно оглядев противников, подал команду к началу поединков.

Первая схватка, как и ожидалось, оказалась очень короткой. Юсут, бывший на полторы головы выше своего противника и чуть ли не в два раза тяжелее его, обрушился на тигренка как ураган и тот, несмотря на свое несомненное умение, просто не выдержал физически. После пяти-шести ударов тяжелой сабли, принятых на клинок, у Асхая, видимо, онемела кисть, так что он выронил свой меч и, тут же бросив щит, бросился бежать. Правда, Юсут немедленно прекратил атаку и не стал преследовать своего маленького противника.

Сигрд первым же броском настолько ловко опутал своего противника сетью, что тот, спеленатый по рукам и ногам, даже не пытался освободиться. Тюлень небрежно ткнул его тыльным концом древка трезубца, обозначая свою победу, и отошел в сторону.

Лисенок и рысь оказались единственной парой, хоть немного развлекая зрителей. Гаст, считая, видимо, что его противник значительно уступает ему в мастерстве, обрушил на того град ударов, но рысенок, вооруженный длинным мечом и коротким тупым кинжалом со странной гардой, имевшей длинный, загнутый параллельно клинку ус, спокойно и уверенно отразил этот натиск. Более того, пару раз он ловил клинок рыжего лиса своим чудным кинжалом и едва не ломал его через ус, но Гасту оба раза удавалось вовремя освободить свое оружие. Однако и в этой паре младший противник очень скоро выдохся. Лис, почувствовав, что его визави перестал успевать с защитой, удвоил скорость своих атак и при очередном двоянном ударе выбил меч из рук рысенка.

Старый призвал к себе оруженосцев сражавшихся юношей, чтобы кинуть жребий для проведения дальнейших схваток, а почетным гостям Всеслава подали вино и сладости, чтобы было чем скоротать время.

Первым по жребию выпало биться Сигрду и Гасту. Пара заняла место в середине ристалища, и по сигналу Старого юноши медленно, не сводя глаз друг с друга, пошли по кругу. Тю-

лень, направив свой трезубец в лицо противнику, выжидал удобный момент для броска сети, а рыжий лис позванивал выставленными перед собой клинками, казалось, и сам ожидал этого броска. Противники не сделали и одного круга, как правая рука Сигрда коротко метнулась вперед, и над пригнувшимся лисенком широким пологом развернулась тонкая сеть.

— Высоко! — коротко рыкнул сидевший справа от Всеслава Ольстов, и его кулак, сжимавший тонкую ножку кубка, побелел.

В следующее мгновение края сети, утяжеленные свинцовыми шариками, резко пошли вниз, накрывая невысокую юркую фигурку лиса, и зрителям показалось, что поединок сейчас и закончится! Однако лис вдруг буквально нырнул вперед, проскочив под сетью, перекувырнулся, уходя от недостаточно резкого тычка трезубца и вскочил на ноги буквально в одном шаге от своего противника. На губах Гаста все также змеилась тонкая улыбка, но теперь в ней светилось торжество. Он взмахнул одним из своих коротких мечей, готовясь нанести завершающий атаку удар, но в это мгновение Сигрд рывком бросил древко трезубца себе под руку, мгновенно перехватил его за середину и крутанулся на месте. Все эти движения слились в одно, плавное и в то же время стремительное действие, в результате которого задняя часть древка трезубца с огромной силой ударила по уже опускавшейся руке лиса.

Раздался резкий хруст сломанной кости, болезненный крик лисенка, и короткий меч вывалился из обессилено раскрытых пальцев Гаста. Сам лисенок вдруг побледнел и опустился на одно колено, признавая свое поражение.

Мгновение над ристалищем висела тишина, а затем она взорвалась восторженными криками дружинников, приветствовавших ловкий удар, мгновенно превративший поражение в победу.

Теперь уже перерыв продлился гораздо дольше — Сигрд явно затягивал его, стараясь восстановить свои силы после оказавшегося сложным поединка с рыжим Гастом. Но наконец Юсут и Сигрд вышли в центр ристалища. Ирбис довольно улыбался, а вот тюлень озабоченно хмурился и, сам не замечая того, судорожно перебирал пальцами правой руки ячеи сети, свисавшей с нее.

Старый внимательно оглядел ребят, почему-то недовольно покачал головой и подал знак к началу поединка. И снова двое юношей, медленно переставляя ноги и не сводя настороженных взглядов друг с друга, пошли по кругу. Но на этот раз Сигрд, видимо, понимая, что на долгий бой его не хватит, атаковал почти сразу же. Последовал стремительный бросок, и сеть, развернувшись в воздухе, пошла на Юсута вогнутым парусом, охватывая его фигуру своими утяжеленными краями. И почти сразу же тюлень, выставив трезубец, бросился на своего противника. Однако тот словно ожидал такого развития событий. Большое тело Юсута стремительно развернулось влево, и его длинная сабля, ударив снизу вверх, по косой рассекла падающую сеть. Продолжая начатое движение, ирбис совершил почти полный поворот и принял выброшенный вперед трезубец противника точно на свой небольшой, круглый щит.

Удар был настолько силен, что будь на месте Юсута более хрупкий человек, его без сомнения просто опрокинуло бы. Но ирбис даже не покачнулся, а его сабля, описав в воздухе петлю, чиркнула по древку трезубца. Прочная, выдержанная древесина хрустнула и обломилась, в руках у опешившего Сигрда остался совершенно бесполезный кусок дерева!

— Ха! — восторженно выдохнул сидевший слева от Всеслава Юмыт и тут же довольно расхохотался.

Северный тюлень отбросил обломок древка и замер, скрестив руки на груди, а Юсут, не глядя больше на своего соперника, вскинул свою тяжелую саблю вверх и широким свободным шагом направился к помосту на котором сидел князь Всеслав и почетные гости. Приблизившись, он учтиво поклонился, но его узкие раскосые глаза не отрываясь смотрели на сидевшую рядом с отцом княжну. Позади Лады как обычно стоял Вотша, готовый исполнить любое ее поручение.

— Ну что ж, Всеслав, — весьма довольным тоном заговорил вожак южных ирбисов, — надо награждать победителя!

Всеслав согласно кивнул и повернулся было к дочери, но тут заговорила княжна. Глядя на Юсута откровенно насмешливым взглядом, она обратилась к его отцу:

— Благородный вожак ирбисов, разве имя победителя уже оглашено? По-моему, распорядитель турнира этого еще не сде-

лал! И не кажется ли уважаемым гостям, что наш доблестный Юсут слишком легко завоевал первенство, ему для этого не пришлось прилагать особых усилий. Победить мальчишку на два года младше себя и вымотанного предыдущим поединком Сигрда — невелик труд!!

— Велик, невелик — не о том разговор! — грубо перебил княжну Юмыт. — Юсут — победитель, и тебе придется вручить ему приз и... ха-ха-ха... поцеловать его!

Княжна медленно повернула голову и похолодевшими глазами взглянула на вожака южных ирбисов. Потом ироническая ухмылка вернулась на ее лицо, и она тихо произнесла:

— Посмотрим...

Вслед за этим она вдруг встала со своего места и, выпрямившись во весь рост, громко, на все ристалище крикнула:

— Я, на правах первой дамы турнира,ставляю своего бойца!

Гул голосов, стоявший над ристалищным полем, мгновенно стих. Все головы повернулись в сторону княжеского помоста, и все глаза впились в невысокую фигурку княжны.

Юмыт мгновенно стер с лица довольную улыбку и подобрался, словно кошка, изготавившаяся к прыжку.

— Кого выставляет княжна? Я надеюсь, это будет равный Юсуту по возрасту и опыту боец!

Вожак ирбисов привстал и заглянул в лицо Всеславу, но тот смог ответить только недоуменным пожатием плеч.

— Не волнуйся за своего сына, вожак, — насмешливо крикнула княжна, так что ее услышали во всех концах ристалищного поля, — это будет боец, равный ему по возрасту и опыту. Яставляю своего пажу, изверга стаи восточных волков Вотшу!

Она повернулась назад, взглянула в глаза своему пажу и негромко спросила:

— Ты готов?

Вотша, услышав слова княжны о том, что она выставляет его в качестве своего бойца, буквально оторопел. Но когда княжна повернулся к нему и задала свой вопрос, он просто кивнул и, не показывая своей полной растерянности, ответил:

— Готов.

И тут же послышался вкрадчиво-довольный голос жока южных ирбисов:

— А княжна не боится потерять своего пажа? Этот паренек, может быть, и владеет всеми наречиями Мира, однако оружием он вряд ли владеет лучше моего сына! Может быть, лучше все-таки поцеловать Юсута?

Княжна все с той же насмешливой улыбкой взглянула в лицо Юмыта и пожала плечами:

— Нет, я не боюсь потерять своего пажа. Я его все равно скоро потеряю — Вотше через пару месяцев исполняется пятнадцать, и он выходит из возраста пажа. Ну а насчет владения оружием... ристалище покажет!

А сам Вотша, пока его судьбу обсуждали княжна и жока чужой стаи, сошел со своего места за креслом Лады и двинулся по проходу к спуску с помоста. Он шагал бездумно, оглушенный выдумкой своей госпожи. Нет, страха в нем не было, он просто еще не до конца осознал, что именно ему предстоит, и знал только одно, ему надо выйти на ристалищное поле! Когда же под подошвой своих мягких сапог он ощутил знакомую жесткую траву ристалища, к нему вдруг вернулись все его чувства. Вотша остановился и огляделся.

Слева от него высился помост, на котором восседал князь Всеслав и его почетные гости, позади него уходила к небу замковая стена, впереди виднелась стена замковой конюшни, а прямо перед ним волновалось целое море лиц! Ратники, занимавшие скамьи вдоль ристалищного поля, громко обсуждали выходку княжны и с некоей безгливой жалостью рассматривали юного извержонка, отданного, по их мнению, на расправу чужому княжичу.

Вотша вздохнул и пошел в сторону распорядителя турнира.

Старый стоял в центре ристалищного поля и не отрывал от юноши взгляда, пока Вотша не подошел к нему вплотную. Затем он перевел взгляд на приближающегося Юсута и негромко поинтересовался:

— У тебя есть оруженосец, маленький изверг?

— Нет, наставник, — тихо ответил Вотша.

— Что ж это твоя хозяйка не назначила тебе оруженосца? — неожиданно зло поинтересовался старик, а затем вдруг задумчиво добавил: — Впрочем, может это и к лучшему.

Подняв вверх свой жезл он громко прокричал:

— Выставленный княжной, по праву первой дамы турнира, боец, изверг стаи восточных волков Вотша, не имеет оруженосца! По законам турнирных боев, боец не имеющий оруженосца не имеет права выйти с оружием на ристалище, поэтому я спрашиваю, кто из мужчин, владеющих оружием, согласится стать оруженосцем у изверга стаи восточных волков Вотши?

Ответом на этот вопрос был взрыв хохота на скамьях, заполненных дружинниками, а затем громкий, довольный возглас вожака южных ирбисов:

— Тебе, княжна, все-таки придется целовать моего сына! И паж твой, к сожалению, останется жив!

Даже с середины ристалища Вотша увидел, как светлая голова Лады поникла после слов Юмыта, и ему вдруг сало нестерпимо жаль девушку. Извержонок с ненавистью взглянул на довольно ухмылявшегося Юсута и кулаки его сжались в бесильной ярости. А со скамей донесся новый взрыв хохота. Ну кто из уважающих себя людей мог согласиться послужить оруженосцем какому-то извержонку, который наверняка и оружие-то возьмет в руки впервые в жизни!

Старый вдруг весело подмигнул Вотше, вновь взметнул над головой свой жезл и крикнул:

— Поскольку у изверга Вотши нет оруженосца...

И тут со стороны притихших скамей донесся покойный голос:

— Я готов быть оруженосцем изверга стаи восточных волков Вотши!

И на ристалищное поле шагнул... Скал!

Все поле накрыла мертвая тишина, и только с княжеского помоста вдруг донесся радостный девичий смех. А вслед за этим смехом до ушей Вотши донеслось едва слышное шипение ирбиса:

— Не радуйся, вонючий изверг, я убью тебя на глазах твоей госпожи, а потом я ее поцелую!

Вотша снова посмотрел на Юсута и увидел, что ухмылка на его лице сменилась гримасой ненависти.

Между тем Скал уже подошел к распорядителю турнира и, словно оправдываясь, еле слышно буркнул, не глядя на явно огорченного старика:

— Посмотрим, чему ты его научил.

— Нашел момент смотреть, — также тихо ответил Старый, а затем снова взмахнул жезлом и заорал: — Обязанности оруженосца изверга Вотши из стаи восточных волков принял на себя Скал из стаи восточных волков. После того как поединщики будут готовы к бою, оруженосцы должны подойти ко мне, чтобы обсудить условия поединка!

— Пошли. — Скал тронул Вотшу за плечо. — Надо надеть доспехи и подобрать оружие.

Они прошли к одному из шатров, в котором лежали и тренировочные доспехи разного размера, и различное оружие. Скал, осмотрев доспехи, повернулся к Вотше:

— Я думаю, тебе стоит надеть вот это, — он показал на отобранные латы. — Они неполные, но зато шлем, наплечники и набедренники прошиты стальным кордом, и тебе в них будет полегче. А оружие подбери себе сам.

Вотша покопался в разложенном на хлипких козлах оружии и выбрал прямой длинный меч с простой рукоятью, обтянутой медной проволокой с насечкой. Немного подумав, он взял также небольшой, чуть выпуклый, круглый щит из дерева, обшитый толстой кожей и стальными полосами, выбегавшими из-под умбона.

Переодевая своего воспитанника, Скал негромко и коротко рассуждал:

— Юсут сильнее тебя, поэтому в обмен ударами не вяжись. Саблю старайся принимать на щит, но не прямо — руку осушишь, а вскользь. Мечом старайся больше колоть, пусть он саблей работает, глядишь, кисть и отмахает. И держи его на дистанции, не давай себя массой давить, используй свою подвижность, верткость.

Оглядев готового к поединку Вотшу, Скал вдруг улыбнулся и добавил:

— И не робей, Юсут не сильнее меня, а ты против меня хорошо держался!

После этих слов дружинник вышел из шатра и направился к распорядителю турнира, где его уже поджидал воин из стаи южных ирбисов — оруженосец Юсута.

Вотша тоже вышел из шатра, ему вдруг стало душно в закрытом легкой тканью пространстве. Он посмотрел на княжеский помост, на светлую фигурку княжны, сидевшую рядом с Всеславом, а затем перевел взгляд на небо. Солнце уже поднялось над замковой стеной и небесная голубизна размылась, стала бледнее, белесее. Облаков не было, но в воздухе чувствовалось какое-то напряжение, словно где-то рядом, сразу же за стеной замка, невидимый с ристалищного поля, грозился грозовой фронт.

«Хорошо бы сегодня пошел дождь!» — неожиданно подумал Вотша, и сам удивился — зачем это ему понадобился дождь. А следом за удивлением пришла улыбка и некое облегчение. Он вдруг понял, насколько был напряжен с самого момента неожиданной выходки своей госпожи.

— Поединок княжича Юсута из стаи южных ирбисов и изверга Вотши из стаи восточных волков, — разнесся над ристалищным полем голос Старого, — проводится тупым оружием и продлится до трех, полученных одним из противников и утвержденных распорядителем турнира, ударов или до разоружения одного из противников! Во всем остальном поединок должен соответствовать традиционным условиям турнирных поединков! Пусть победит сильнейший!

Голос Старого замолк, и Вотша неторопливым шагом двинулся к центру ристалищного поля.

Юсут уже поджидал его и, когда Вотша остановился напротив, хищно улыбнулся. Оруженосцы стояли в двадцати шагах от поединщиков. Старый, проверив экипировку бойцов, отошел, как положено, на десять шагов и коротко взмахнул своим жезлом, давая знак к началу поединка.

— Ну все, вонючий извержонок, — прошипел сквозь прорезь в забрале шлема ирбис, — тебе конец!

И вместо того, чтобы двинуться по кругу, выбирая момент для атаки, Юсут, взмахнув саблей, прыгнул вперед!

Вотша попытался увернуться, но сделал это очень неловко. Кончик сабли мазнул его по плечу, и неожиданно извер-

жонок услышал тонкий противный скрежет. Уже отскочив в сторону, он бросил быстрый взгляд на свое плечо и увидел, что войлок учебных лат взрезан, и в прорези просверкивают тонкие блестящие нити.

«Выходит, сабля у Юсута боевая!» — мелькнула в его голове растерянная мысль.

А над ристалищем разнесся громкий голос Старого:

— Изверг Вотша получил первый удар! Поединок продолжается!

В этом коротком возгласе Вотша неожиданно услышал некий укор своего старого наставника, и тут же с возбужденным придыханием прозвучал тихий голос ирбиса:

— Сегодня у меня двойная радость — я прикончу тебя и поцелую княжну! Ух, как я ее поцелую!

И ирбис снова прыгнул вперед, в броске нанося еще один сокрушительный удар!

Однако на этот раз Вотша был начеку. Чуть пригнувшись, он подставил под саблю противника свой щит, и клинок, лязгнув по полированному умбону, с визгом ушел в сторону, а сам Вотша спокойным, точным движением откатнулся вправо, пропуская мимо себя грузное тело Юсута. И только когда эпизод закончился, он вдруг с сожалением подумал: «Не уходить надо было, а колоть навстречу!»

Ирбис же, проскочив мимо своего, оказавшегося таким вертким противника, мгновенно развернулся и бросился в новую атаку. На этот раз его сабля, описав петлю, стремительно пошла в грудь извержонка. Казалось, что никакой щит не остановит стремительное железо, никакая верткость не поможет избежать этого удара! Но Вотша вдруг присел на одно колено, выбросил над головой щит и, когда звякнувшая о стальную полосу щита сабля была отброшена вверх, прямой клинок извержонка, сверкнув молнией, вонзился в открывшийся бок ирбиса.

Латы остановили затупленное острие, но удар был настолько силен, что Юсут зашипел, скрючился словно в судороге и отскочил от Вотши метра на три!

И тут же над ристалищем загремел голос Старого:

— Ирбис Юсут получил первый удар! Поединок продолжается!

То, что казавшийся такой беззащитной добычей изверг вдруг смог ответить ударом на удар, буквально потрясло Юсута. Он с изумлением смотрел сквозь прорезь забрала на приближавшегося к нему плавным крадущимся шагом юношу и пытался понять, каким образом его — опытного, как он считал, бойца смог достать какой-то вонючий изверг? На мгновение ярость унижения и оскорбленное высокомерие ослепили его, он взмахнул своей тяжелой саблей и, не думая о защите, ринулся вперед, горя только одним желанием — срубить ничтожному извергу его тупую голову, расплосковать его тело заостренным концом своего оружия, выпустить из этого нагнца всю его вонючую кровь!

И его сабля нашла свою цель! Тупой, гулкий звук, с которым она врезалась в незащищенную вроде бы руку изверга, сладостной музыкой прозвучал в ушах ирбиса! Он издал торжествующий вопль... и в тоже мгновение на его голову обрушился чудовищный удар тупого железа, мгновенно погасивший яркий утренний свет и бросивший его большое тело на жесткую, колючую землю!

Несколько секунд над ристалищным полем стояла совершенная, ничем не нарушаемая тишина, а затем в этой тишине прозвучало громкое:

— Ирбис Юсут получил второй удар! Изверг Вотша отказался добивать противника! Поединок продолжается!

Именно эти слова привели Юсута в чувство. Не вставая с земли, он глянул на своего, неожиданно оказавшегося столь опасным противника. Тот стоял в трех шагах, прямо перед ним, прикрываясь небольшим круглым щитом, на котором рядом с умбоном виднелся свежий разруб. Холодные голубые глаза поблескивающие сквозь прорезь забрала, спокойно, с каким-то легким презрением наблюдали за ирбисом, ожидая, когда тот поднимется и сможет принять последний, третий удар.

Ирбис зарычал и пошевелился. Затем он выпустил из раскинутых рук оружие и, опершись левой рукой о землю, принялся правой неловко поправлять что-то в своих защитных латах. Последующее произошло молниеносно!

Юсут, выдернув из-под себя руку, одним быстрым движением смахнул с головы шлем, и в следующее мгновение его тело, мощным толчком брошенное вверх, перевернулось в воздухе и исчезло в образовавшемся туманном облаке. А затем из этого облака с оглушающим ревом выпрыгнул вполне взрослый снежный барс! Его бросок был точно рассчитан — огромные лапы целили точно Вотше в грудь. Извержонок успел отмахнуться мечом, но тупое железо прошло сквозь мускулистое тело огромной кошки, не причинив ему никакого вреда, а в следующую секунду Вотша уже катился по жесткой траве ристалища, сбитый чудовишным ударом стальных когтей!

Извержонок понял, что теперь действительно пришел его конец. Привстав на одно колено, он прикрылся щитом, выставил перед собой бесполезный против многоликого меч и...

И вдруг с изумлением увидел, что ирбис, присевший перед последним прыжком, застыл на месте, а с поднятого жезла распорядителя турнира прямо в раскрытую, украшенную чудовишными клыками кошачью пасть бьет узкий фиолетовый луч.

Вотша медленно поднялся на ноги, не веря в свое спасение, и тут же раздался громкий, совершенно спокойный голос Старого:

— Ирбис Юсут бросил свое оружие на землю ристалища и, значит, по традиционным условиям турнирных поединков, признал себя побежденным! Победителем данной схватки и всего турнира признается изверг Вотша из стаи восточных волков! Воздадим хвалу победителю!

Но ристалищное поле молчало, потрясенное происшедшим на его глазах! Изверг нанес поражение многоликому! И пусть это были только юноши, почти дети... Все равно! Изверг поверг Многоликого! Свершилось невозможное!

И тут над ристалищем прозвенел чистый девичий голос:

— Вотша, подойди сюда, я вручу тебе завоеванный тобой приз!

Вотша растерянно огляделся.

Сидевшие на скамьях многоликие по прежнему молчали. Рядом с замершим ирбисом появился второй снежный барс, а рядом с самим Вотшей встал здоровенный матерый волк, хо-

лодным зеленым глазом наблюдающий за противниками извержонка. Старый, с мертвым, неподвижным лицом, вдруг пожал плечами и отвел в сторону светящийся жезл, возвращая Юсуту подвижность, и негромко проговорил деревянными губами:

— Изверг Вотша, ступай к княжескому месту, тебя ждет награда. — Тут его глаза мигнули, словно сбрасывая невидимую слезу, и он мягко добавил: — Ступай, мальчик!

Вотша повернулся к княжескому помосту и двинулся вперед, не обращая внимания на жалобно скулящего Юсута, пытающегося с помощью своего оруженосца покинуть ристалище.

А рядом с извергом-победителем шагал матерый волк, прикрывающий, казалось, его спину.

Когда Вотша подошел к трибуне, Лада уже стояла внизу и держала в руках меч, предназначавшийся в качестве приза победителю турнира. Вотша остановился в двух шагах от девушки, не зная, что делать дальше, и тут же услышал рядом с собой неразборчивое ворчание:

— Стань на одно колено.

Бросив быстрый взгляд вправо, Вотша увидел волка, поскверкивающего на него серьезным зеленым газом.

Извержонок медленно опустился на одно колено и склонил голову. Княжна шагнула вперед и буквально пропела:

— Изверг Вотша из стаи восточных волков, я, Лада, княжна стаи восточных волков и первая дама турнира, вручаю тебе завоеванный тобой приз. — Она протянула ему тяжелый меч, и Вотша принял его в свои руки. И тут, совершенно неожиданно, княжна быстрым, резким движением сорвала с него шлем.

— По настоянию нашего высокого гостя вожака стаи южных ирбисов могучего Юмыта я вручаю тебе вторую часть награды!

Она кончиками пальцев приподняла за подбородок лицо Вотши и прильнула губами к его губам!

Вотша зажмурился и... задохнулся!

— Князь Всеслав! — раздался над ними яростный рев Юмыта. — Твоя дочь! Твоя дочь!..

Грохнуло опрокинутое кресло, и губы княжны оторвались от губ извержонка. А затем раздался ее мелодичный голос:

— Но могучий Юмыт, разве не вы сами требовали, чтобы я поцеловала победителя? Я же не виновата, что ваш могучий сын не смог справиться с каким-то... извергом, бросил оружие и сам признал себя побежденным?

Тон княжны был ласково-спокойным, но все чувствовали, насколько довольна она была исходом турнира. И тут вмешался сам Всеслав:

— Дочь, вернись на свое место, — властным, непререкаемым тоном приказал он. — Все, что ты могла, ты уже сделала! А с твоим пажом мы разберемся потом.

Княжна еще раз с очень довольным видом оглядела Вотшу и шепнула, объясняя все:

— Я видела, как ты занимался со Старым!

В следующее мгновение она развернулась и побежала по ступенькам помоста вверх, к своему месту около отца.

— Поднимайся, пошли... — проворчал Скал-волк, и Вотша словно во сне поднялся на ноги, деревянно поклонился трибуне, развернулся и пошел прочь и ристалищного поля, сопровождаемый своим наставником.

Скал привел Вотшу в ратницкую, где их уже ожидал черноволосый Тырта, захвативший с поля одежду Вотшиного оруженосца. Увидев входящих в пустую спальню Вотшу и Скала, Тырта покачал кудлатой головой и улыбнулся:

— Ну, ты, парень, всех сегодня удивил! И когда ты мечом так выучился махать?

— Он, уж, почитай, лет пять как со Старым занимается, — устало ответил Скал. — Правда, поединков маловато провел, партнеров-то, сам понимаешь, у него немного было!

Тырта снова покачал головой:

— И все-таки выходить против Юсута! И не страшно тебе было?

Вотша ничего не ответил, а Скал угрюмо пробормотал:

— А куда ж ему деваться было? Княжна приказала!

— Она не приказала... — неожиданно проговорил Вотша, — она попросила. Вы же видели, ее заставляли целоваться с Юсутом!

— Ага, — усмехнулся Тырта, — ты-то, конечно, слаще!

После этого он прищурился на Скала и неожиданно спросил:

— Ну а ты что в это дело полез? Ну, не оказалось бы у извержонка оруженосца, этим дело и кончилось бы! Так нет, тебе надо было высунуться!

— Что теперь об этом говорить, — устало отмахнулся дружинник, натягивая свою одежду, — дело сделано... Только мне кажется, я правильно поступил!

— Посмотрим, — как-то грустно усмехнулся Тырта и неожиданно потрепал Вотшу по белой голове. — Но уделал ты этого ирбиса отлично! Можно сказать, отстоял честь стаи! Хотя...

Он снова повернулся к Скалу:

— Неужели вы со стариком не боялись за мальчишку?

— Боялись, — неохотно ответил Скал, — особенно, когда поняли, что кончик сабли у этого подонка заточен! Да только мы со Старым точно знали, что Юсут продержится до первого пропущенного удара, а после — потеряет голову. Ну как же — получить удар от «вонючего изверга»! Так и получилось. Главное было во время его остановить, когда он перекинулся, но тут я рассчитывал на Старого. Он человек опытный.

И Скал как-то странно взглянул на Тырту, а тот согласно кивнул.

— Ну, парень, показывай свой приз! — черноволосый богатырь протянул ладонь, и Вотша только теперь заметил, что продолжает сжимать в руке ножны с мечом.

Он передал великану приз, и тот медленно вытянул из ножен сверкающий полировкой клинок.

Четыре часа спустя, когда основной турнир закончился, а прощальный пир еще не начался, в кабинете князя Всеслава бушевал вожак ирбисов Юмыт. Бега по комнате, он то выкрикивал неразборчивые ругательства и угрозы, то останавливаясь перед сидевшим за столом Всеславом, шипел, глотая звуки:

— Твоя дочь, Всеслав, прилюдно унизила моего сына! Это оскорбление, князь, это жестокое оскорбление, и мы не скоро его забудем! А этот ваш изверг заслуживает петли за то, что посмел поднять оружие против многоликого, против человека! Мы в своих горах и за меньшие провинности скармливаем

извергов шакалам! Мы не позволяем им даже подумать, что они могут встать рядом с человеком! А в вашей стае, я смотрю, извергов холят и лелеют!

И он снова начинал бегать по кабинету, изрыгая невнятную ругань и проклятия.

Всеслав долго, молча наблюдал за своим гостем, не реагируя на его бурные, яростные проклятия и обвинения. Наконец когда Юмыт несколько подустал и чуть успокоился, вождь волков негромко произнес:

— Я удивлен, благородный Юмыт. Очень удивлен.

— Чем ты удивлен, князь?! — вскинулся ирбис.

— Прежде всего, меня удивил твой сын, — ирбис застыл на месте, пожирая Всеслава глазами, а тот, как ни в чем ни бывало, продолжал: — Юсут храбрый и умелый воин, отлично владеющий оружием! Как же так могло получиться, что он не справился с извергом? Как же могло получиться, что он, после первого же пропущенного удара потерял голову, а вместе с ней и все свое умение?!

Всеслав, прищурившись, уставился на Юмыта и, чуть выждав, продолжил:

— Во-вторых, меня удивляешь ты! В чем ты обвиняешь мою дочь? Какое оскорбление она нанесла твоему сыну? Разве она выставила против него какого-то непобедимого воина, какого-то прославленного в боях рубаку? Да твой сын должен был быть благодарен Ладе — она дала ему возможность показать себя во всем блеске, ничем при этом не рискуя, а как он воспользовался этой возможностью? В том же, что моя дочь при всех должна была поцеловать изверга, я должен благодарить только тебя и твоего сына! Вот это и есть оскорбление, которое твой сын нанес моей чести! Ведь именно вы, вы двое настаивали на том, чтобы первая дама турнира поцеловала победителя! Разве не так?!

Всеслав снова помолчал и устало закончил:

— Подумай спокойно, Юмыт, и признай, что это я вправе ожидать от вас извинений! Что только твой сын виноват в том позоре, который обрушился на его голову! В конце концов, его никто не заставлял бросать оружие и нарушать традиции турнирных поединков!

Толстый вожак ирбисов медленно подошел к столу и тяжело опустился в одно из стоявших перед ним кресел. Вожаки помолчали с минуту, а затем Юмыт гораздо тише произнес:

— Ты прав, Всеслав, но изверг должен быть наказан смертью. Иначе все остальные изверги решат, что им все позволено!

— Нет, — покачал головой Всеслав, — Вотша будет жить, он мне нужен. А вот свободы у него больше не будет. Он вырос и остаток жизни проведет в подземелье моего замка.

Князь задумчиво, невидящими глазами посмотрел в окно и медленно добавил:

— Посмотрим, как он...

И сам оборвал начатую фразу.

За дверью послышался короткий скрип, словно потревожили расшатавшуюся половицу. Всеслав быстро поднялся из-за стола, метнулся к двери кабинета и приоткрыл ее, но за дверью было пусто. Прикрыв дверь, князь вернулся на свое место и совершенно другим тоном обратился к своему гостю:

— Я думаю, нам стоит забыть сегодняшнее утро и поговорить о будущем!

Когда солнце опустилось за горизонт, а небо потемнело, в замке княжеского города Край начался прощальный пир. На следующее утро вожаки стай, гостившие у князя Всеслава, должны были разъехаться по своим владениям. Все волки всеславовой стаи были приглашены на этот пир, хотя далеко не всем из них нашлось место в пиршественном зале замка — большинство сидели во дворе, под вспыхивающими в вечернем небе звездами.

Вотша, конечно же, не был зван на пир и не исполнял своих обязанностей пажа княжны. Он в это время стоял на обреше южной стены замка и любовался погружающейся в ночь степью. На его новом поясе из кожи западного изюбра висел замечательный меч с двумя крупными голубыми лапами, вставленными в перекрестье гарды и похожими на странные сумрачные глаза неведомой птицы. И напряжение боя, и восторг минуты награждения оставили Вотшу, только его губы еще помнили вкус поцелуя княжны, но на его душу опустился покой, вернулось обычное, немного отрешенное восприятие действительности. Он снова стал прежним извергом, непонятым

для него самого образом попавшим в поле интересов высших многоликих. К нему снова вернулся его фатализм.

Вотша задумался о превратностях своей судьбы, и потому не сразу услышал слабый шепот, окликавший его из полумрака, сгустившегося под лестницей, ведущей на стену. Когда же этот шепот все-таки проник в его сознание, Вотша наклонился над лестницей, но разглядел у ее основания только неясную фигуру.

— Спускайся сюда, я должна тебе кое-что передать, — донеслась до него новая фраза.

«Ловушка? — подумал Вотша, припоминая, каким взглядом провожал его к княжескому помосту опозоренный ирбис. — Вряд ли... Ему сейчас, наверняка, не до мести».

— Спускайся быстрее, мне надо возвращаться! — поторопил его все тот же шепот.

Вотша положил ладонь на рукоять меча и быстро сбежал со стены. Рядом с лестницей, прижимаясь спиной к стене, стояла служанка княжны, Прятва. Едва Вотша сделал шаг по направлению к девушке, как она метнулась ему навстречу и сунула в руку маленький кусочек выбеленной кожи.

— Вот, — шепнула служанка, горячо дыхнув прямо в лицо извержонку, — княжна велела передать тебе прямо в руки!

Через мгновение девушки уже не было около Вотши, только слабый перестук каблучков отметил ее стремительное бегство.

Вотша немного постоял рядом с лестницей, а затем снова поднялся на стену и развернул знакомый ему клочок кожи. Поверх полустертых строчек его старого стихотворения было выведено поспешной дрожащей рукой: «Тебя собираются посадить в замковое подземелье. Навсегда. Пароль на сегодняшнюю ночь — «Волчья звезда». Беги».

«Бежать? — подумал Вотша. — Куда? Зачем?»

И вдруг он представил себе со всей ясностью, что такое провести всю отпущенную ему жизнь в замковом подземелье! Автор записки был безусловно прав — надо было бежать!

Но как?!

Под стеной послышалось слабое звяканье металла, а затем раздался негромкий голос:

— Да здесь он должен быть, на стене. Он всегда сюда приходит, когда заняться нечем!

— Не гунди! — отозвался другой голос гораздо тише. — Князь велел тихо его взять, чтобы никто ничего не знал, а ты орешь на всю округу.

Вотша отшатнулся к стенному зубцу, а затем метнулся по обрезу стены вправо. По кошачьи перебравшись через угловой зубец, перегораживавший почти все пространство стены, он оказался уже на западной стене, а пробежав по ней метров сорок, над самыми воротами замка. Здесь он спустился по одной из воротных лестниц и с самым деловым видом направился к дружиннику, стоявшему около уже запертой воротной калитки.

Увидев Вотшу, дружинник положил руку на щеколду и ухмыльнулся:

— Куда направляешься, извержонок?

— В город, по делу, — спокойно ответил Вотша.

— Это с каких это пор у тебя в городе появились дела? — снова усмехнулся дружинник. — До сих пор ты из замка не выходил!

— С тех самых пор, как мне стал давать поручения князь, — проговорил Вотша.

— Князь, — насмешливо протянул дружинник, — тогда он должен был тебе и пароль сказать!

— Волчья звезда! — бросил Вотша в ухмыляющуюся рожу.

В одно мгновение физиономия у дружинника стала серьезной, он подтянулся и, бормоча себе что-то под нос, принялся открывать калитку.

Уже миновав ворота, Вотша услышал из-за закрывающейся двери:

— Ну и извержонок! Какую честь у князя забрал!

Вотша отошел от замковых ворот шагов на двадцать и вздохнул. Ему вдруг пришло в голову, что времени у него в лучшем случае до завтрашнего рассвета. Потом его схватят, перероют весь город и, конечно же, найдут — спрятаться здесь негде, а уйти достаточно далеко ему вряд ли удастся! И почти сразу же ему пришла другая, спасительная мысль, круто развернувшись он быстрым шагом направился в сторону больших городских конюшен.

На стук в запертые ворота приоткрылось крошечное оконце и в лицо Вотши глянул заспанный, налитой кровью глаз. А

вслед за этим раздался вопрос, заданный хриплым ото сна голосом:

— Ну, изверг, тебе что надобно? — Затем глаз мигнул, и в нем появилось удивление. — И как вообще ты оказался за воротами замка?

— Давай лошадь выводи! — грубо потребовал Вотша. — Мне приказ князя исполнять надо!

— Какой приказ? — спросили из-за ворот.

— Волчья звезда! — тихо произнес Вотша, а затем уже громче добавил: — А какой приказ, завтра у самого князя спросишь!

Глаз озадаченно мигнул, и последовал новый вопрос:

— Какую тебе лошадь заседлать?

Вотша лихорадочно перебрал в памяти все, что помнил о лошадях княжеской конюшни, и в голову ему пришла одна из кличек.

— Черный Ивачь отдохнул? — спросил он в свою очередь и, дождавшись утвердительного кивка, приказал: — Седлай его!

Спустя несколько минут, ворота закрипели, и в образовавшуюся щель на улицу вывели чисто черного жеребца со сверкающими глазами, белой гривой и хвостом. Седло на жеребце было гончее, с короткими стремянами, так что забрался в него Вотша под насмешливыми взглядами двух конюхов с видимым трудом.

— Гляди, не свались по дороге! — насмешливо бросил один из них, передавая Вотше поводья.

Ворота снова закрипели, закрываясь, а Вотша развернул жеребца и направил его по слабо светящемуся под звездами полотну дороги прочь из города.

Через несколько десятков минут последние постройки городских слобод остались у него за спиной, а перед ним распахнулся весь огромный живой Мир. Мир, над которым горела оранжевым огнем Волчья звезда.

Дмитрий Воронин

АТЛАНТИДА. ПАДЕНИЕ ГРАНИЦ

1

Высокий человек, состоявший, казалось, из одних стальных мускулов, уверенно шагал по коридору, почти не обращая внимания на то, что его окружало. А обратить следовало бы — мало кому из смертных дозволялось войти во Средоточие Мира, как часто называли Олимп, символ мощи Гипербореи, цитадель высших магов. Здесь все поражало воображение... Пол был выложен полированным камнем, который привозили из самых разных пределов Ойкумены, и багровая яшма плавно перетекала в глубокую зелень малахита, серый гранит сменялся светлым мрамором, а сочно-фиолетовые плитки чароита соседствовали с и вовсе странными, угольно черными, из глубины которых сияли самые настоящие серебристые звезды... Уходящие ввысь колонны поддерживали массивный свод, а между ними выстроились статуи...

Большинство тех, чей лик был запечатлен в мраморе или бронзе, Геракл знал. Немало нашлось и таких, кто был представлен в этой кажущейся бесконечной галерее не одной, а тремя, четырьмя статуями... Великан мысленно усмехнулся — достаточно было бы посчитать изваяния и без особого труда определить, кто и какое место занимает в иерархии Гипербореи. Здесь были все, кроме, пожалуй, Зевса — старик слишком по-

здно вступил в обладание Знанием бессмертия, а потому и обречен был долгие века пребывать в теле пусть еще и крепкого, но морщинистого и седобородого мужа. Увы, вокруг него всегда было достаточно мужчин и женщин высшей расы, кто, прожив на свете не меньше или немногим меньше Верховного Мага, выглядели не в пример моложе. Тот же Гермес... пусть выскочка, пусть мало кем любимый... но талантлив, невероятно талантлив. Полностью освоив магию бессмертия к восемнадцати годам, юноша, не раздумывая, остановил свое старение на этом рубеже. Может, теперь и сам жалеет об этом, ибо для остальных он так навсегда и остался юношей, и многие не воспринимают его всерьез. Хотя без зазрения совести пользуются его услугами.

Сам Геракл не был сторонником бессмертия... может, еще и потому, что самому ему не дано было остановить приближение своей старости. Замедлить немного — это ему было вполне по силам, но получить истинное бессмертие мог только полностью обученный гиперборейский маг. Способности же самого Геракла были, если сравнивать их даже со слабым из Выших, незначительными. Сказалось происхождение — кровь Зевса, смешавшись с кровью простой смертной, пусть и блиставшей красотой женщины дала ребенку силу, выносливость, ум... но почти не дала способностей, превыше всего ценимых чистокровными гиперборейцами. Зато его ценили как воина. Среди гиперборейцев по крови немного находилось тех, кто готов был взять в руки оружие — рискнуть бесконечной чередой лет жизни ради минутной... пусть даже долгой славы, на это требовалось немалое мужество. Да и к чему, если всегда есть под рукой герои, вроде Геракла или Хирона.

Геракл усмехнулся в бороду — и усмешка вышла теплой, доброй. Скоро он увидит старого приятеля... несмотря на то что Хирон еще несколько сот лет назад удостоился бессмертия из рук своего отца Кроноса, он не утратил тяги к приключениям и к перспективе коротать века в довольстве и неге отнюдь не скептически. В свое время Геракл немало перенял у учителя — вряд ли в армии Гипербореи можно было найти лучшего стрелка, чем Хирон. Дары богов — лук Аполлона, меч Гермеса были, конечно, великолепны, но даже самый лучший

в Ойкумене лук ничего не стоит без рук, что его натягивают. С тех пор как Кронос был свергнут, кентаврос попал в немилость... не то чтобы ему что-то серьезно угрожало, но Зевс, не испытывая любви даже к собственным детям, не говоря уж о бастардах Кроноса, приобрел привычку затыкать ветераном все дыры, а потому встретить Хирона на Олимпе удавалось редко. Но сейчас он был здесь — и в этом была одна из причин, по которой Геракл вошел в эти стены с радостью. В иное время, в иной ситуации вестникам Зевса пришлось бы потрудиться, чтобы убедить героя прибыть к трону Верховного Мага.

— Похоже, этому трону недолго так называться, — пробормотал воин вполголоса, без особой приязни глядя на единственную статую Зевса, сделанную в незапамятные времена, когда Громовержец был еще юн. В прошлый раз, когда ему довелось пройти этой галереей, этого изваяния здесь не было.

И в самом деле, титул Верховного Мага — пусть и почетный, пусть и дающий немалую власть, был не пожизненным. Кронос это понимал, но ему не хватило предусмотрительности... или осторожности. А может, ему просто не хватило жестокости — Кронос своего сына недолюбливал, что известно было всем, и Зевсу, конечно, тоже... но свернуть ему шею еще в юности прежний властелин Гипербореи не сумел, а потом было уже поздно. А вот сыну решимости было не занимать, и в один далеко не прекрасный момент трон опустел. Ненадолго.

Теперь же от Зевса все чаще и чаще слышны были речи о том, что простые смертные должны почитать гиперборейцев не просто как Высших Магов, властелинов знания и мудрости, но как богов — властелинов жизни и смерти. И многие, очень многие поддерживали Громовержца... Особенно почему-то женщины, прежде всего Гера и Афродита. Афина на Олимпе появлялась редко, больше времени проводя в удаленных гарнизонах, охранявших гиперборейские земли от дикарей и, разумеется, от войск Посейдониса.

На мгновение шаг Геракла сбился — мелькнула мысль, что столь срочный вызов, вероятно, связан именно с Посейдонисом. В последнее время ходило много слухов о том, что Лорд-Протектор более не удовлетворяется той ролью, что была отведена ему Гипербореей, и желает большего. Догадаться о том,

чего именно желают Архонты, было не так уж и сложно, и Геракл понимал, что Зевс на уступки не пойдет. А значит... значит, будет война, к которой северяне не слишком-то готовы. Он лучше многих знал, что пограничные заставы, о которых столь печется Афина — ее имя все чаще и чаще связывали с войной, почитая скорее как богиню, чем как неплохого военачальника, — не более чем заслон от необученных, неорганизованных варваров, вооруженных кое-как, не имеющих ни малейшего представления о правильном ведении боя. Иное дело — армия Посейдониса, к ней стоит отнестись серьезно.

— Стоять!

Геракл вынырнул из глубин раздумий, обнаружив, что колоннада кончилась, и перед ним — изукрашенные золотом и драгоценными камнями двери внутренних покоев Олимпийского дворца. Дорогу заслоняли двое гигантов — на полголовы выше рослого Геракла — в тяжелых доспехах из надраенных до немыслимого блеска бронзовых пластин, в тяжелых шлемах, полностью закрывавших лица. Гераклу вдруг стало смешно, и он с трудом удержался, чтобы не захохотать в голос. Варвары, которые не умели работать с металлом, а потому не понимали, что такое полированный бронзовый доспех, считали гвардию Олимпа чудовищами и боялись их чуть ли не больше, чем самих Высших.

Один из воинов, видимо, старший караула, неспешно рассматривал широкоплечего бородача, презрительно скользнув взглядом по не первой свежести львиной шкуре, наброшенной на плечи посетителя, по его порядком стоптанным сандалиям, явно выдававшим в нем дикаря. Да и вид у Геракла был тот еще — скрепя сердце подчиняясь приказу «прибыть немедленно», он даже не совершил омовения с дороги, и сейчас был весь в дорожной пыли, а его спутанные волосы были изрядно сдобрены сухими травинками — последний ночлег был на сеновале в селении неподалеку. Правда, за плечами варвара висел великолепный меч... с точки зрения стражника, совсем не подходящий для лохматого и заросшего чуть не по самые брови бородой здоровьяка.

Наглый взгляд стражника Геракл вынес спокойно. Видать, эти двое были приняты в гвардию недавно, большинство «зо-

лотых» знали героя в лицо и ни за какие земные блага не решились бы заступать дорогу победителю Лернейской гидры. Хотя бы потому что помнили участь тех, кто сделать это попытался. В данный момент Геракл не был в настроении указывать новичкам на их истинное место... но и долготерпением он не отличался.

— Кто ты таков, дикарь? По какому делу? — наконец процедил сквозь зубы страж. Его лицо не было видно, укрытое полированной бронзой шлема, но Геракл не сомневался, что губы воина сейчас искажает пренебрежительная ухмылка.

— Мое имя — Геракл. Верховный Маг ждет меня.

Сочтя, что сказано достаточно, Геракл шагнул вперед, протягивая руку к бронзовому кольцу ворот. В сторону стражников он более не смотрел.

— Кто ты такой, урод, чтобы тебя ждал сам Зевс? — надменно прорычал воин, отталкивая обмотанного звериной шкурой вонючего дикаря от входа во внутренние покои дворца. — Прочь, собачье отродье, пока твою грязную шкуру не изрезали в лоскуты!

В первый момент Геракл, вновь вернувшийся было к размышлениям о предстоящей войне и, разумеется, о своем месте в ней, даже не понял, что его, героя, ударили древком копья, как разбредавшуюся не ко времени псину. А когда понял... Где-то в глубине его души зародился огонь — страшный огонь, безумие, от которого он уже претерпел немало бед, и с которым так и не научился справляться. Страшное проклятье Геры, что преследовало его всю жизнь, и даже Зевс, при всем своем могуществе, не мог избавить сына от припадков гнева, во время которых Геракл не владел собой. Воин даже не успел заметить, как только что подвешенный в петле за спиной меч, столь неподходящий для дикаря, вдруг оказался у того в руках, а мгновением позже тяжелое лезвие обрушилось на голову несчастного. В последний момент Геракл все же повернул лезвие плашмя, но легче стражнику от этого не стало. Хрустнули кости, застонал сминаемый металл. Тело еще некоторое время стояло, не осознавая, что смерть уже пришла, а затем с грохотом рухнуло на каменный пол. А клинок, уже занесенный для удара, нацелился на второго стража.

— Ты тоже скажешь, что Гераклу нечего делать в залах Олимпа? — голос героя не предвещал ничего хорошего.

Воин, к своей чести, размышлял достаточно долго, не менее десяти ударов сердца. Геракл терпеливо ждал ответа, чувствуя, как угасает бешенство, как снова приходит в порядок его рассудок. Наконец страж вспомнил то, что ему рассказывали в казармах, сопоставил эти рассказы с диковатым видом нежданного гостя, с явным огорчением признал, что все, что он считал ранее байками, было не так уж и далеко от истины, и опустил копье.

— Прошу прощения... господин, — голова в шлеме склонилась, — вы можете пройти. Но... не сочтите за дерзость... приказ... оружие необходимо оставить.

Геракл удовлетворенно хмыкнул и, опустив меч, аккуратно прислонил его к стене. Рядом встал лук и колчан со стрелами.

— Головой отвечаешь, — буркнул он.

Страж бросил короткий взгляд на труп своего командира, голова которого была расплющена в лепешку, и судорожно сглотнул — угроза героя в львиной шкуре была отнюдь не фигуральной.

Тяжелые створки распахнулись легко, без скрипа.

— Наглость Лорда-Протектора не знает границ, — Зевс, покинув свой трон, стремительно расхаживал по залу, сцепив руки за спиной. — Он требует... слышите, он требует от нас, чтобы Гиперборея... — Зевс кашлянул, как будто слова властелина Атлантиды жгли ему горло, — чтобы Гиперборея не совала свой нос в дела Атлантиды. И это после всего, что мы для них сделали!

— Немыслимо! — с несколько угодливой интонацией вставил Гермес, паривший в воздухе на высоте пары локтей, больше по устоявшейся привычке, чем из желания произвести впечатление. Эксперименты с магией, произведенные еще на ранних этапах обучения, без должного умения и без необходимой осторожности, свели в Тартар многих. Гермесу еще повезло, допущенный им магический взрыв не превратил его в чудовище, не лишил жизни — просто теперь его тело все время стремилось лететь, и только непрерывным усилием воли его уда-

валось держать возле земли. Разумеется, и Зевс, и другие гиперборейцы при каждой же возможности стремились использовать юношу (которому минула уже не одна сотня лет) в качестве посыльного. Поначалу Гермеса это порядком раздражало, зато потом, увидев, какими последствиями для проигравших оборачивается борьба за власть на Олимпе, он решил, что лучше быть незаметным и полезным, чем заметным и трупом.

— Вот именно, немислимо... — рыкнул Зевс. — Атланты явились сюда, подобно побитым псам, клянча земли, где могли бы жить. Мы дали им эту землю, мы оказали им помощь... и что теперь?

— Влияние Атлантиды растет, — холодный голос Афины эхом отлетал от мраморных стен зала. Свой шлем она держала на коленях, а в очередной раз не сданное при входе копье, с которым воительница не расставалась, говорят, и в постели, стояло позади нее, прислоненное к колонне. — Их армия становится все больше и больше, корабли курсируют возле наших берегов. Три дня назад сразу с нескольких наших пограничных застав видели их виману.

— Одну? — заинтересованно спросил Аполлон.

Геракл поморщился. Этот золотоволосый красавец, толком изучивший за свою долгую жизнь лишь искусство управления подаренной атлантами виманой, которую до сих пор упрямо именовал «огненной колесницей», занимал в иерархии Гипербореи место еще более низкое, чем мальчишка на побегушках Гермес. Зато его панически боялись дикари, боялись больше, чем блистательную Афины, жестокого Ареса и даже больше, чем самого Зевца-Громовержца. Поскольку человек, мечущий молнии, страшен, но в целом понятен. А вот когда огонь обрушивается с небес... Геракл улыбнулся собственным мыслям. Да уж, если кого дикие полулюди и начнут почитать как бога, так это именно Аполлона. Он и так уже кое-где признается сродни самому светилу.

— Одну, — фыркнула Афина. — И я бы сказала, что они изучают наши оборонительные рубежи. Не удивлюсь, если Посейдонис готовит вторжение. Которому, как в этих стенах уже не раз говорилось, нам нечего противопоставить.

— Кроме магии, — пророкотал Арес.

— Кроме магии, — кивнула Афина, скрипнув зубами. — Но Лорд-Протектор и его Архонты владеют не менее сильной магией. Поговаривают, что Посейдонис неприступен. Мы до сих пор не знаем...

— Замолчите, — рывкнул Зевс, ощущая, что нить разговора ускользает из его рук. Более всего он ненавидел ситуации, когда его переставали замечать. Было в этом что-то из его детства, когда всем правил Кронос, а Зевс, уже сильный, уже умелый, все еще оставался в тени великого отца. — Говорить буду я.

Он некоторое время помолчал, словно ожидая, не нарушит ли кто тишину, дабы обрушить на неосторожного свой гнев. Но собравшиеся в зале гиперборейские маги даже, казалось, затаили дыхание.

— Да, Афина права, — Зевс снова возобновил свой путь, чеканя шаг меж колоннами и глядя прямо перед собой. — Да, Посейдонис владеет магией, и мы не знаем всей ее мощи. Даже эта проклятая вимана... сколько лет прошло, но никто, я повторяю, никто так и не понял, почему она летает. В ней нет магии, ни грана... во всяком случае, той магии, которую мы знаем и которую мы можем понять. Что касается Посейдониса — о мощи этого проклятого города ходит немало слухов. Говорят, его защищает само небо.

— Что это могло бы означать? — Гефест нахмурился.

К этому гиперборейцу Геракл относился с особым почтением. Даже неистовый Зевс побаивался Мастера Огня, величайшего стихийного мага Гипербореи и к тому же своего сына. Если бы Гефест желал власти, ему не составило бы труда получить ее, сметя со своего пути всех, кто посмел бы возразить ему. Может быть, и Зевса тоже. Но пожилого мага интересовали только его опыты, и почти все свое время он проводил в лаборатории, экспериментируя с металлами в поисках идеального материала для оружия. Увы, и черная бронза, и железо, и даже недавно полученная им сталь вполне годились для обычных воинов, но никак не подходили магам. Только золото, серебро, медь и в некоторой степени бронза могли быть использованы истинными гиперборейцами, все остальные сплавы в той или иной степени гасили или искажали действие магии. Особенно сплавы на основе железа.

— Для этого здесь этот... человек.

От Геракла не укрылась крошечная пауза в словах Зевса, как и то, что за этой паузой скрывалось. Геракл не был истинным гиперборейцем, он был полукровкой, и Громовержец не упускал случая напомнить ему об этом. Указать на его, Геракла, место. Давно прошли те времена, когда Зевс заботился о своем сыне, что подарила ему Алкмена, давно угас огонь враждебности между Громовержцем и Герой, в свое время приложившей немало сил, дабы отправить в Тартар мальчишку, которому предстояло стать героем. Время текло меж пальцами, годы приносили новые интриги и примирения, новую любовь и новые расставания. Вряд ли даже сам Зевс мог с уверенностью сказать, скольких детей он зачал, сколько из них выжили. Из присутствующих здесь гиперборейцев более половины несли в себе его, Зевса, кровь. Истинных гиперборейцев, не чета ребенку человеческой женщины — о таких Зевс и не задумывался. Хотя о Геракле иногда вспоминал — когда в героя возникала нужда. Собственно так поступали почти все олимпийцы, кроме Афины, дружбой с которой Геракл очень дорожил, и Гефеста, который с равным уважением относился и к Высшим, и к простым смертным.

Все взгляды сосредоточились на Геракле, и он вдруг почувствовал себя неуютно. До сего момента он не задумывался, зачем его пригласили на Олимп. Вернее, пригласили — не самое подходящее слово. Потребовали его присутствия, так будет точнее.

— Я намерен отправить посольство в Посейдонис. Через три дня. Геракл, тебя знают атланты, ты должен увидеть... понять, что Посейдонис может нам противопоставить. Важна любая мелочь...

— Не лучше ли будет послать кого-либо из Высших? — надменно вздернула бровь Афродита. — Что толку от дикаря.

Геракл дернулся как от удара. «Проклятая старая сука, — подумал он, однако на лице его, исчерченном шрамами, заглубившем от ветра и солнца, почти ничего не отразилось. — Я запомню твои слова...»

Афродита и в самом деле была старухой. Старухой, пребывающей в юном и невообразимо прекрасном теле. За века она

узнала о телесной любви все — и не грешила против истины, утверждая, что способна уложить в постель любого мужчину. Или любую женщину — пол партнера для нее уже много лет не играл никакой роли. Время от времени она снисходила до обучения женщин, которые скрашивали досуг гиперборейцев. Даже среди высших нашлось бы немало таких, кто с удовольствием свернул бы нежную шею этой прекрасной стервы, но... отказаться от услуг гетер, прошедших обучение у шлюхи, впитавшей в себя опыт веков, было не так-то просто.

— Ни перед кем из гиперборейцев атланты откровенничать не станут, — уверенно заявил Зевс, — а вот продемонстрировать свою мощь одному из самых известных в Ойкумене воинов, который... — Громовержец помолчал, сверля героя взглядом, — который, по общему мнению, не отличается силой ума, они, вероятно, не откажутся. От тебя же, Геракл, требуется немного игры... изобрази удивление, восхищение, страх... особенно страх.

Атланты явились непрошенными и незваными. Никто не знал, откуда появились они, но прибыли они не с пустыми руками.

Чужие люди в золотой чешуе доспехов склонили колени пред троном Гипербореи. Они были странными — высокие, выше любого из живущих, кроме разве что великанов-циклопов, с пронзительно-голубыми глазами и волосами серебристого цвета — и странными были их дары. Повозка, умеющая летать не хуже... нет, много лучше мальчишки Гермеса, полированные зеркала, в которых можно было увидеть собеседника за многие и многие стадии, светильники, что не нуждались ни в масле, ни в магии.

Богатые дары смягчили сердце старого Кроноса, и он милостиво разрешил беженцам из невообразимого далека занять заселенные невежественными дикарями земли на самом краю Ойкумены.

А пока Кронос, отдав пришельцам бесхозные и ненужные ему земли, благодушно отвернул свой взор от Атлантиды, новое государство начало набирать силу. На пустом месте родился величественный город Посейдонис, иначе называвшийся так-

же Городом Золотых Врат, очень скоро затмивший Олимп с его дворцами и роскошными садами, само существование которых было наполнено таинством магии. Посейдонис был великолепен — кольцевые белоснежные стены, храмы-пирамиды, роскошь и богатство. Здесь никто не знал недостатка в пище, здесь даже самый наибеднейший житель должен был овладеть грамотой, ибо законы Атлантиды почитались как неизблемые, и каждый обязан был знать их. Выбитые на колонне из орихалка законы были на виду у всех, и горе тому, кто, нарушив их, пытался отговориться незнанием.

Пришельцы принесли с собой странную магию. Они могли летать по небу, их оружие метало молнии не хуже самого Зевса, достигшего в этом тонком искусстве небывалых высот, но взять в руки эти метатели мог любой воин, даже без капли магической крови в жилах. Корабли атлантов бороздили моря, достигая даже самых дальних уголков Ойкумены. Но самое главное — росло их влияние. Появлялись аванпосты — иногда немыслимо далеко от Города Золотых Врат. Все больше и больше диких племен принимали правящую руку Посейдониса — как более сильного и более щедрого. И этот факт в немалой степени способствовал ухудшению отношений меж двумя великими державами.

Своим подданным, число которых росло с немыслимой быстротой, атланты дали многое. Обильные урожаи, здоровье, знания. Взамен они требовали одного — беспрекословного подчинения. И подданные были счастливы — почти все. Те же, кто не проявлял подчинения, подвергался воздействию магии — и навсегда превращался в бездушную куклу, тупо исполняющую любой, даже самый бессмысленный приказ хозяина. Наверное, они тоже были счастливы. По-своему.

Но нашлись и те, кто не мог назвать себя счастливыми. Их было не так уж и много — высоких, серебрянноволосых, голубоглазых... тех, что носили, не снимая, золотые доспехи — и мало кто знал, что эта несокрушимая броня, неуязвимая ни для грубого оружия дикарей, ни для боевой магии высокомерных гиперборейцев, есть лишь продолжение кожи. Ни один из атлантов не мог бы снять сияющую чешую, ибо она являлась частью их тела. Ведь они не были людьми.

Владеющие могучей магией, вооруженные техникой, что иногда ничуть не уступала по своим возможностям самому изощренному волшебству, располагающие знаниями целой цивилизации, достижения которой трудно даже осмыслить, они были глубоко несчастливы. Ибо не может быть счастлив беглец, навсегда лишенный родины.

Атлантиды — блистательной, мудрой, великолепной Империи Атлантиды более не существовало. Жестокой, беспощадной, жадной Атлантиды. Вместе с ней исчезло многое другое — планеты, звезды... беглецы не знали ни истинной причины, ни масштабов коллапса.

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Напротив, великое открытие — создание портала в иные миры — открывало перед Империей невероятные перспективы. Поначалу ученые осторожничали, отправляя в чужие пространства лишь разведчиков — но время показало, что атлантам нечего бояться. Их мощь могла сломить любое сопротивление... Перед учеными была поставлена новая задача — и задачу эту они решили. Разработанная теория большого портала — в отличие от малого, основанного исключительно на технологии — оперировала мощными силовыми полями и магическими потоками и была, в известной степени, небезопасна. Зато через большой портал можно было провести не одного-двух человек, а целую армию.

И Атлантида начала стремительную экспансию. Не только в оружии, не только в многочисленности армий была их сила — властители Империи, Архонты, владели особой магией, умея подчинять людей своей воле, заставляя следовать любым своим желаниям. Десятки лет агрессоры грабили иные пространства, доставляя в Империю невероятные богатства, диких животных, редкие ископаемые... В обиход снова вернулось рабство — почти все обитатели миров, куда приходили Имперские войска, оказались неспособными противостоять магии подчинения, а те немногие, кто от рождения обладал даром иммунитета к пси-воздействию атлантов, уничтожались безо всякой жалости. Уничтожались и все их кровные родственники, дабы даже шанса не оставалось опасной способности возродиться в последующих поколениях. Поток рабов все ширился — идеальных рабов, довольных своей жизнью, не по-

мышляющих не то что о восстании, а даже о тени непослушания.

Правда, нашлись и те, кто утверждал, что большие порталы опасны, что они самим своим существованием повреждают ткань мироздания. Их не желали слышать.

А потом стало слишком поздно. В один страшный миг мир вокруг них словно взбесился — огонь охватил небо, земля тряслась, и даже солнце, привычное, теплое и безопасное светило, вдруг утратило стабильность, приняв форму грозного лика, вззирающего с небес на своих согрешивших детей... Немногим удалось бежать в иные, безопасные миры. Немногое удалось спасти.

Теперь у них был новый мир — странный, непонятный, опасный. Мир, заселенный дикарями, что не знали даже простейших металлов — и тут же могучий народ гиперборейцев, владеющий магией. Не той, к которой привыкли атланты, умело сочетавшие утонченное оперирование магическими потоками со сложной техникой. Сила гиперборейцев была иной — основанной на использовании чистых энергий стихий, капризных, непослушных, своевольных — но невероятно могучих.

Атланты испугались. Их было слишком мало — всего девяти Архонтам и их предводителю, Лорду-Протектору, удалось спастись, прихватив с собой то, что оказалось под рукой. Оружие, несколько защитных систем, транспорт, кое-что из оборудования. И, разумеется, генераторы большого портала. Их было слишком мало, чтобы вступить в войну — и гордые атланты склонили головы, униженно прося о подачке, о милости. Но и коленопреклоненные, они пустили в ход свою магию, магию подчинения — и даже могучие гиперборейцы не устояли. Может быть, этот здоровяк, именовавший себя Кроносом, искренне верил, что решение о выделении атлантам дальних и, как ему казалось, ненужных земель продиктовано исключительно его собственным милосердием. Но те, кто кланялись, благодаря за щедрый дар, прятали улыбки — им лучше многих было известно, что стоит за великодушием Верховного Мага Гипербореи.

Они не думали, что им потребуется много времени. Собраться с силами, передохнуть, успокоиться... немного забыть

ужасную катастрофу, а затем включить большой портал, и отправиться на поиски более гостеприимной земли, не занятой сильными и опасными хозяевами. Опасными еще и потому, что их разум невозможно было долго контролировать.

Этим планам не суждено было исполниться. Атлантам пришлось сделать печальное открытие — в этом мире магия большого портала отказывалась работать. Малые, основанные исключительно на технологии, можно было открыть в любой момент — но малый портал не способен был пропустить сквозь себя даже виману, не говоря о тяжелом оборудовании. Это означало, что в новый мир они пришли бы почти что голыми, слабыми и беззащитными. Такое решение не устраивало ни Лорда-Протектора, ни Архонтов.

Значит, следовало поступить иначе. Если нельзя найти для себя чистый мир, надо очистить этот... И возник великолепный Посейдонис, возникли храмы и сады... а заодно и могучая армия, которой было предназначено смести с лица этого мира могучих, заносчивых, но немногочисленных гиперборейских магов. Одновременно не прекращался поиск способа активировать большой портал, активировать его любой ценой. Либо одна, либо другая стратегия обязана была принести удачу. Требовалось лишь время...

2

Факел потрескивал, пламя отбрасывало на каменные своды пещеры странные отблески. Где-то журчала стекающая по стенам вода, горькая, непригодная для питья. Впрочем, даже откройся здесь чистейший как слеза родник, Геракл не рискнул бы поднести ко рту пригоршню воды. Здесь было неподходящее место ни для сна, ни даже для короткого привала.

Уже несколько часов он шагал и шагал вниз, перебираясь через завалы, иногда чуть ли не до крови обдирая кожу, обходя острые сталактиты, равнодушно скользя взглядом по нередко встречавшимся на пути скелетам. Войти в пещеры, что вели к Тартару, было легко. Их даже не сторожили — ибо немного

находилось тех, кто, будучи в здравом уме, решался спуститься в недра земли, приблизиться к царству мертвых. А те, кому на это хватало глупости, безумия или мужества, редко возвращались назад. Пещеры были огромны, в них было легко заблудиться — за плечами Геракла уже осталось не менее сотни стадий*, но это была лишь малая часть общей протяженности пещер. Стоит потерять дорогу — и тогда оставалось лишь ждать, пока кончится вода в мехе, да запас сухих лепешек и вяленого мяса, ждать, пока догорит последний факел... А потом молить о приходе смерти.

Геракл не боялся заблудиться. Он знал дорогу — ему уже приходилось бродить по этим пещерам. Сейчас его гнало сюда странное чувство — всем своим существом он ощущал необходимость спуститься к Стиксу, Реке Забвения. Здесь, у мрачных вод, никогда не видевших дневного света, он сможет получить ответы на вопросы.

Ягненок за плечами жалобно заблеял и отчаянно рванул-ся, в который уж раз пытаюсь освободиться. Геракл не обратил внимания на метания несчастного животного, чужавшего, видимо, приближение неизбежной смерти. Он чуть было не пропустил нужный поворот — ошибка, допущенная здесь, среди бесчисленных каменных переходов, могла обойтись дорого. Он всегда гордился своим умением находить верную дорогу в лесу, в пустыне, в горах — везде, куда забрасывала его тяга к приключениям, но тут, в толще скал, умение вновь и вновь отказывало ему, и оставалось надеяться лишь на знаки — те, которые он сам когда-то начертал, спускаясь к Стиксу впервые.

Впереди послышался глухой рокот, и, одновременно, Геракл ощутил, как дыбом становится каждый волосок на теле. Сам воздух здесь был до предела насыщен магической силой. Не зря Олимп, цитадель Гипербореи, был построен над этими пещерами — маги черпали дармовую силу, в изобилии разлитую буквально у них под ногами. Пожалуй, сильнее из гиперборейцев — тот же Зевс, к примеру, — мог исполнить то, что привело сюда Геракла, даже не вставая с трона. Что ж, если для того чтобы услышать нужные слова, ему придется проблуждать во тьме хоть сутки — пусть так и будет.

* Олимпийская стадия — 184,97 м.

Пещера раздалась в стороны, свет факела, до этого более или менее освещавший путь, теперь уже почти не помогал находить безопасную тропу. Но в этом и не было необходимости — Геракл пришел туда, куда стремился. Но, даже зная, чего ожидать, он чуть было не оступился, сразу почувствовав, как по коже пробежал холодок страха. Стоит упасть в эту черную воду, стоит ощутить на губах ее вкус — все, конец. Назад дороги не будет.

— Она была где-то здесь, — пробормотал он, оглядываясь.

Тяжелая каменная чаша стояла там, где он оставил ее много лет назад. Рядом лежал и обсидиановый нож — это место не терпело металла, никакого, потому он оставил наверху, у входа в катакомбы, все свое оружие. Только камень можно было принести сюда.

Он тяжело опустился на камни рядом с чашей, испуганный ягненок, небрежно брошенный на камни, часто дышал, но уже не блеял и не дергался — тяжелая атмосфера, пронизанная магическими потоками, подавляла волю к жизни. Пока что ее утратило только животное, но Геракл знал — стоит просидеть здесь несколько часов, и он уже не сможет встать. Не потому, что иссякнули силы — просто ему будет все равно. Проклятая вода была везде — не только в потоке, что бился о скалы в нескольких локтях ниже, но и в воздухе, и даже, наверное, в камнях. Следовало торопиться...

Он развязал ремешок, стягивающий тонкие ножки животного. В жертву приносят свободных... да, теперь у несчастного создания уже не хватит сил убежать.

— Прости... — шепнул он ягненку. И коротко полоснул того острой кромкой обсидианового ножа по подрагивающему горлышку. Струя крови ударила в каменную чашу, столь древнюю, что даже старейшие из ныне живущих гиперборейцев не знали, кто и когда создал ее.

Под сводами пещеры пронесся стон... горестный стон, состоящий из множества голосов. Живая теплая кровь высвободила магию, приведя в действие тонкие, и одновременно невероятно мощные силы, природы которых не понимали и гиперборейцы, научившиеся лишь использовать это странное явление.

— Кронос! — рывкнул Геракл во всю мощь своего голоса, и эхо заметалась меж камней, заглушая переливы тихих стонов. Он знал, что можно было и не кричать, что магия крови, пробуждавшая давно ушедших, не нуждалась в громком голосе. Он мог позвать Кроноса и шепотом. И даже мысленно... если тот сочтет нужным, то явится.

Сердце стучало медленно, словно собираясь с силами перед каждым ударом.

— Великий Кронос! — снова воззвал воин. — Великий Кронос, я, Геракл, хочу говорить с тобой!

— Хочу ли я говорить с тобой, полукровка, вот в чем вопрос... — раздался за его спиной тихий голос.

Геракл неимоверным усилием заставил себя не вскочить, не обернуться, не выставить перед собой нож — единственное свое оружие. Против обитателей этих пещер не помогли бы ни клинки, ни стрелы, ни руки, привычные к кулачному бою. Сюда приходили не драться, а говорить... или умирать. Иногда это становилось одним и тем же, мертвые не любили тех, кто тревожил их покой.

— Я принес тебе дар, Великий Кронос, — тихо произнес он, не поворачиваясь. — Дар, угодный твоему духу.

— Живая кровь, вот даже как... — хмыкнул голос, словно бы в раздумье. — Да, ты знаешь, как порадовать старика. Ладно... я понимаю, что ты явился не просто так. О чем ты хочешь спросить меня? И можешь повернуться, мало удовольствия видеть твой заросший затылок.

Геракл последовал совету, и несколько мгновений рассматривал тень, плывущую перед ним, в половине локтя над каменной плитой. В этой тени невозможно было узнать величественного Кроноса, Верховного Мага Гипербореи, свергнутого и убитого собственным сыном. Оставалось только надеяться, что мертвым несвойственно лукавство и обман, и что на зов героя откликнулся именно тот, ради встречи с кем Геракл явился в эту бездну. Тень всколыхнулась, от нее отделились два длинных тонких отростка, коснулись чаши... темная густая жидкость чуть дрогнула.

— Говори, полукровка, — в словах тени не было и намека на издевку, она... или он, просто констатировал тот факт, что

для беседы с навсегда ушедшим явился нечистокровный гипербореец. — Говори, но будь краток. Твой дар... не слишком щедр.

Дух Кроноса был прав — скосив глаза в сторону чаши, Геракл заметил, что уровень крови в ней заметно понизился. Силы, призвавшие дух умершего, требовали много крови, и расходовали ее щедро.

— Твой сын ведет нас к войне, Кронос. К войне, которая может привести к гибели Гипербореи.

— Я знаю это, — прошелестел голос. — Я не питаю любви к сыну, но в своем устремлении он прав.

— Но...

— Да, Гиперборея может погибнуть. Здесь, в вечной тьме Тартара, сложно зреть будущее... впрочем, там, наверху, распознать грядущие события еще сложнее. Здесь мир теней, и то, что произойдет, тоже всего лишь тени. Их можно попытаться угадать, не более... Угроза существованию Гипербореи велика, но если не остановить атлантов, конец будет неизбежен. И страшен.

— Страшен? — Геракл даже привстал от удивления. — Да, их армии сильны, да, они все больше и больше видят в Гиперборее врага, но что в этом такого страшного? Посейдонису не хватит сил, чтобы сломить магическую защиту Олимпа.

— Дело не в армиях, которые может собрать Лорд-Протектор, — не меняя тона, сказал Кронос, смещаясь в сторону, зависнув в воздухе прямо над невидимым потоком Реки Забвения. — Здесь, во тьме, кое-что видно лучше... здесь есть знания, которые не стоит передавать живым. Скажем... атланты играют с чудовищными силами, и они даже не осознают всей опасности этих игр. Я чувствую, как сама сущность мира воет и корчится от боли... сколько это может продолжаться? Однажды эта сущность не выдержит, и кто знает, что произойдет с Ойкуменой... хотя нет, катастрофа затронет не только Ойкумену, но и все сущее.

— Значит, война неизбежна? — в чаше оставалось совсем немного крови. Геракл был готов ради продолжения беседы разрезать собственную руку, но стоит испарениям Реки Забвения попасть в кровь... с этой водой не сравнится ни один

яд. Даже яд Лернейской гидры оставляет один, пусть и мизерный, шанс. Эта вода шанса не оставит.

— Атланты хотят покинуть этот мир, — прошептала тень, — хотя и не знают, что им этого свершить не суждено. Но в своих попытках достигнуть невозможного, они приведут этот мир к гибели. Не могу предугадать, хватит ли у Громовержца сил справиться с Посейдонисом, но это — единственный путь. Атланты должны исчезнуть... или же должна исчезнуть их магия.

— Зевс приказал мне проникнуть в Посейдонис...

— Он мудр, хотя мудрость эта во многом от случайности. Не думаю, что Зевс сумел почувствовать твой особый дар... Да, не удивляйся, ты одарен кое-чем более важным, чем владение магией. Атланты владеют даром подчинять себе души людей... и гиперборейцев тоже. Да, когда-то и я ощутил их силу — жаль, понял это слишком поздно. Но твой разум неподвластен магии атлантов, ты сумеешь сохранить свободу там, где утратил ее даже я.

Геракл слушал, не веря своим ушам. Кронос, сильнейший из гиперборейцев, быть может, даже более сильный, чем свергнувший его Зевс, признается в том, что проиграл магическую схватку с атлантами? Невероятно... хотя ведь ходили разговоры о том времени, когда атланты впервые появились в Олимпийской цитадели. Пусть тогда Геракла еще не было на свете, но ему довелось выслушать немало рассказов о делах минувших — и иные рассказчики говорили, что Кронос проявил тогда неслыханную щедрость.

— Только ты, и еще Хирон... вы сможете сопротивляться воздействию магии атлантов. Времени осталось не так уж и много, не более года. Никто из Высших Магов Гипербореи не должен приближаться к Посейдонису. Если Атланты пришлют послов, их следует изгнать немедленно.

— Олимпийцев следует предупредить...

— Никто не поверит тебе, герой. Ищи доказательства в Атлантиде, и помни — стоит любому из Архонтов встретиться с олимпийцем — и Посейдонис получит верного раба, готового на все ради новых хозяев. Ненадолго, разум чистокровного гиперборейца справится с вторжением через несколько дней, я знаю... но и час может стать роковым.

Последние капли крови словно бы впитывались в каменное дно чаши. Голос Кроноса становился все тише, он теперь говорил быстро, глотая слова, торопясь успеть поведать гостью все что было нужно.

— Запомни, Геракл, те, кто поедут с тобой в Атлантиду... те, кто сойдут на берег и войдут в Посейдонис, не должны вернуться обратно в Гиперборею. Запомни, ни один из них. Да... тебе придется убить всех. Прости, это тяжкая ноша, но она вынужденно ляжет на твои плечи. А теперь иди... и... благодарю тебя... за дар...

Словно дуновение ветра всколыхнуло тяжелый воздух пещеры, и тень Кроноса исчезла. Геракл провел пальцем по совершенно сухому дну каменной чаши. Дар был испит до последней капли.

Он с трудом встал, вдруг ощутив, как ноют мышцы, словно не на прохладных камнях сидел, а карабкался вверх по крутому склону долгие часы. Поначалу каждый шаг давался с трудом, Геракл скрипел зубами, заставляя двигаться непослушные ноги — но постепенно тело вновь начало ему подчиняться, шаг стал легким и упругим, а факел словно бы разгорелся ярче, будто радуясь возвращению наверх, в мир живых.

Ветер исправно дул в нужном направлении, мачта прогибалась, потрескивала, но держалась. Это был один из лучших кораблей Гипербореи — Зевс настаивал на том, чтобы использовать для отправки посольства виману Аполлона, но Гераклу путем долгих убеждений и споров удалось заставить Громовержца отказаться от этой идеи. Разумеется, о беседе с отцом нынешнего Верховного Мага Геракл никому рассказывать не стал. И уж самому Зевсу — подавно. А потому он и не мог заявить, что вынужден будет перебить всех, кого злая судьба выберет ему в спутники. Столкнуться в бою с Аполлоном, пусть и не слишком умелым магом, Гераклу не хотелось... да и зла этому простодушному, чуть глуповатому и самовлюбленному гиперборейцу он не желал. В конце концов, Аполлон был не самым плохим из олимпийцев... вот если бы включить в состав посольства Афродиту — Геракл с немалым удовольствием послушал бы хруст ее позвонков.

Правда, чтобы убить Высшего Мага, требуется нечто более серьезное, чем сломанная шея.

— Земля! — раздался крик стоящего на носу корабля воина.

Геракл довольно усмехнулся. Так создаются легенды... проделать столь огромный путь за столь малый срок... пройдут годы, и свидетели этого плавания, наверное, скажут, что они не плыли — летели над водой на крылатом корабле. И тут же скривился, сплюнув за борт вдруг ставшую горькой слюну. Нет, свидетелей не будет, и мастерство тех, кто вел корабль, очень скоро навсегда уйдет из этого мира.

— Что это, что? — раздались удивленные крики.

В небе появилась яркая, слепящая глаза точка. Она стремительно выростала в размерах, пока не превратилась в сияющую виману, зависшую над кораблем.

— Архонт Галас, третий Властитель Города Золотых Врат, приветствует доблестного Геракла, чья слава идет впереди его стремительного корабля... — прогрохотало в небе.

— Геракл, посол Гипербореи, приветствует Архонта Галаса и рад, что долгий путь подошел к концу.

— Пусть твой корабль следует за моей виманой, славный Геракл. Порт Посейдониса близок.

— Веди нас, Властитель Галас.

Особой необходимости в провожатом не было. Геракл без труда мог различить вдаль переливы искорок — это отбрасывали солнечные лучи странные изделия атлантов, которые они делали из чистого белого песка. Ровные пластины, весьма смахивающие на внезапно окаменевшие лужи, поднятые с земли, гиперборейцы покупали охотно, платя равный вес золота. Гефест не раз пытался изготовить в своей кузнице нечто подобное, но пока что терпел неудачу за неудачей, хотя и утверждал при каждом удобном случае, что находится на верном пути. А сами атланты этот странный материал почти и не ценили — поговаривали, что жители Посейдониса вставляют эти драгоценные пластины в окна, словно обычную слюду или бычьи пузыри. Видимо, в этих словах было немало правды — Геракл узнал блеск, так сияли стрельчатые окна центральной башни Олимпийской цитадели, жилище самого Зевса, для которого он не пожалел драгоценного заморского товара.

Но появление виманы, да еще с одним из Архонтов — это был доброе знамение. То ли это являлось знаком уважения, то ли попыткой произвести впечатление на невежественного полукровку, только и знающего в жизни, что свой здоровенный меч. Так или иначе, надежда Геракла узнать в Посейдонисе что-нибудь по-настоящему важное несколько возросла.

Прошло почти два часа, прежде чем корабль ударился о подвешенные к причалу мешки, набитые мокрыми водорослями. Двое воинов выпрыгнули на влажные скользкие бревна и тут же накинули веревочные петли на бронзовые крюки, каждый толщиной в руку сильного мужчины. Геракл шагнул на берег, потянул носом воздух и чуть заметно поморщился — здесь пахло морем, но не той свежестью утреннего ветра, что заставляла трепетать ноздри и побуждала грудь пусть и разорваться, но сделать еще, еще более глубокий вдох. Здесь царили другие запахи — дыма от многочисленных коптилен, тухлой рыбы, подгнивших водорослей... не самый приятный запах для человека, привыкшего к кристальной чистоте воздуха девственных лесов, к вкусному аромату жарящегося на костре мяса...

Вимана опустилась на землю еще раньше, и теперь в нескольких шагах у кромки прибоя стояло около десятка чело-век в чешуйчатых доспехах. Чешуя отливала золотом, но это было не мягкое золото и не более прочная бронза. Жители Атлантиды называли странный металл «орихалком», и это было еще одной тайной, не дававшей покоя Гефесту.

Вперед вышел человек — его доспехи имели совсем иной отлив, серебристые словно седые волосы плескались на ветру, а рост заставлял даже Геракла задирать голову, чтобы взглянуть Архонту в глаза. На боку Галаса — видимо, это был он — висело странное приспособление... Гераклу не довелось увидеть магическое оружие атлантов, что с легкостью метало молнии на тысячи шагов, но чутьем воина он понял — это оно. Не инструмент, не украшение, ни что иное — именно оружие. Остальные встречающие — это были обычные люди, хотя и в необычной броне — тоже были вооружены. Недлинные, в рост человека, копья оканчивались широкими, с ладонь, листообразными остриями, светившимися даже в солнечных лучах мертвенным белым светом. О таком оружии в Гиперборее и не

слышали... сомнительно, чтобы Архонт доверил слугам что-либо более мощное, чем носил сам, но вряд ли эти наконецники из простого металла.

Архонт вскинул руку в приветствии, поворачивая ее к гостю открытой ладонью. Геракл ответил тем же жестом, глядя Галасу прямо в глаза. За спиной героя слышался топот ног — десяток бойцов, кто с шуткой, кто с тихой руганью, выгружались на берег. По сравнению со свитой Архонта они выглядели жалко — доспехи, пусть и кованные самим Гефестом, казались грубыми рядом с чудесной орихалковой чешуей.

— Мы рады послам великой Гипербореи... — теперь голос Архонта не казался громом, он был ничуть не громче, чем голос обычного человека. — Вас проводят в отведенные вам покои. А после отдыха тебя, славный Геракл, и тех из твоих спутников, кого ты укажешь, примет сам Лорд-Протектор.

— Благодарю за гостеприимство, властитель Галас, — от Геракла не укрылся второй смысл произнесенной Архонтом фразы. Вас проводят... значит, о свободной прогулке не то что в Посейдонисе, даже здесь, в порту, следует забыть. — Путь не был легким, и моим людям нужно восстановить силы. Сам я в отдыхе не нуждаюсь... Я много слышал о великом Городе Золотых Врат, и мечтаю увидеть его красоты.

Архонт сделал еще пару шагов вперед, теперь он стоял почти вплотную к Гераклу.

— Увидеть красоты... — Галас говорил тихо, так, чтобы его не услышал никто, кроме гиперборейского посла. — Странное желание для воина, не так ли? Или ты, славный Геракл, на самом деле хочешь увидеть что-нибудь другое?

В голосе Архонта не слышалось угрозы, скорее — насмешка. И Геракл ответил совсем не то, что собирался.

— Конечно, ты прав, властитель. Я хотел бы увидеть силу атлантов. Сегодня мы друзья, но кто знает, придется ли нам и впредь идти одной дорогой, или пути наши разойдутся.

Тонкие бледные губы атланта исказила странная усмешка — то ли снисходительная, то ли надменная, то ли злая. Будь перед ним человек, Геракл без труда ощутил бы его настроение, но атлант был для него черным провалом пещеры, во тьме которого не различить ничего.

Он оглянулся, намереваясь приказать воинам следовать за сопровождающими, и вдруг ощутил, как по спине пополз неприятный холодок. Все они — от немолодого тавроса Даринеса, до Таргоса, самого юного из солдат, уже уходили, следуя за провожатым в чешуйчатой броне. Геракл скрипнул зубами — ладно простые солдаты... что от них ждать. Гиперборея только начала создавать армию по типу войск Атлантиды, понимая, что отменно обученные и привыкшие биться плечом к плечу воины куда надежнее, чем десяток пусть даже великих героев, каждый из которых предпочитает драться сам по себе. Но звание тавроса, командира сотни, не давалось кому попало. Даринес был опытным бойцом, который прекрасно знал, что такое дисциплина и что такое приказ. А приказ был прост — ни шагу без разрешения.

— Таврос! — рявкнул Геракл, но сотник и ухом не повел, неспешно шагая в сторону ближайших строений.

— Не стоит волноваться, славный герой, — мягко сказал Архонт, но в его голосе на этот раз сквозило вполне очевидное удивление, смешанное с беспокойством. — Они и в самом деле устали. Но раз тебе не нужен отдых... что ж, пойдем, я кое-что покажу тебе.

Геракл стиснул зубы и глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Что ж... Кронос говорил о магии атлантов... о магии, что поработает разум. Теперь уже ничего не поделаешь, Архонт понял, что посол Гипербореи неподвластен его чарам, и теперь начнет иную игру, начнет, не будучи готов к ней. Это хорошо... Геракл вдруг почувствовал, как напряжение оставляет его. Теперь они с «гостеприимным» хозяином кое в чем сравнялись — оба лишь смутно представляют, чего можно ждать от собеседника. Вряд ли атланты посмеют убить посла Гипербореи, скорее постараются сделать так, чтобы на обратном пути опасный гость бесследно исчез с корабля. Мало ли случайностей в море — шторм, волны...

— Я готов следовать за тобой, Властитель, — широко улыбнулся он. — Может быть, кто-то из твоих воинов отнесет мое оружие в те покои, что предназначены мне?

Кем-то эта фраза могла быть расценена как благодушие и всецелое доверие к хозяевам этой земли, но те, что лучше зна-

ли Геракла, услышали бы в просьбе оттенок угрозы — мол, чтобы справиться с любой опасностью герою не нужно оружие. Уловил ли Архонт второй смысл или нет, но приказ он отдал — один из чешуйчатых, преклонив колено, принял у Геракла меч и грозный лук с колчаном ядовитых стрел и удалился.

— Теперь пойдем, славный воин. Тебе предстоит увидеть много необычного.

Каменные ступени были невероятно ровными — казалось, такое совершенство невозможно создать человеческими руками, здесь наверняка поработала магия. Лестница казалась бесконечной — сотни, тысячи ступеней... Дома, где жили простые граждане Посейдониса, уже давно остались позади. Архонт, с оттенком презрения, называл их жалкими лачугами, но, с точки зрения Геракла, жизнь в таком доме для многих гиперборейцев — не из самых могучих, конечно, — показалась бы истинной роскошью. Чего стоили одни прозрачные окна, не пропускавшие в дом ни холодного ветра, ни обжигающей жары, зато ни в малейшей степени не задерживавшие дневной свет.

Город был укрыт зеленой листвой... великолепные деревья накрывали домики прохладной тенью, а прямо на ветках висели странные плоды — яркие, круглые, цвета солнца. Геракл сорвал один из них, вгрызся зубами в чуть горьковатую кожуру... во все стороны брызнули струйки сладкого сока. Архонт снисходительно улыбнулся, показал, как правильно очистить плод. Ничего подобного Гераклу пробовать еще не приходилось, в Гиперборее это чудо стало бы украшением любого, самого торжественного стола. Здесь же чудо-плоды были доступны даже беднейшему.

И еще... везде была вода. Она текла по глубоким канавам вдоль мощеных камнем дорог, унося к морю нечистоты. Ее искрящиеся струи били из бронзовых статуй, установленных в каменных чашах почти на каждой площади. Вода была чистой... пусть даже и не такой чистой, как та, что можно отведать в лесном роднике — холодную, отдающую запахом хвои, ломающую зубы.

Можно было подумать, что в этом месте могут жить только бесконечно счастливые люди. И верно, жители, что попа-

дались им на пути, казались вполне довольными жизнью — одетые чисто и богато, они неспешно шли куда-то по своим делам.

И все же эта благодатная картина не обманула Геракла. Снова и снова он встречал взгляды пустых, ко всему равнодушных глаз. Узнать тех, кого коснулась злая магия атлантов, было несложно — ни тени любопытства, ни капли заинтересованности. На заморского гостя эти люди смотрели как на пустое место, и даже если их губы растягивала приветственная улыбка, она казалась неживой. Улыбались только губы, глаза оставались холодными и капельку печальными. Мертвоглазых было немного, один из десятка, не более. Но город был велик — страшно подумать, сколько здесь ходит рабов, во всем послушных воле Архонтов.

Похоже, их число совсем недавно еще возросло... за счет воинов и гребцов, что прибыли из далекой Гипербореи. Теперь Геракл со всей отчетливостью понял, что скрывалось за напутствием Кроноса, за его советом не допускать возвращения посланцев Гипербореи на родину. Понял его ужасающую, горькую правоту.

— Это тоже украшение? — спросил он, махнув рукой в сторону высоких, в два человеческих роста, сужающихся кверху шпилей, сделанных из металла необычного серебристого цвета. — Мне кажется, это что-то иное.

— Ты прав, герой, — кивнул Архонт. — Это то, что обеспечивает безопасность нашему прекрасному городу.

— Безопасность? — Геракл изобразил удивление, смешанное с явным недоверием, хотя внутренне весь напрягся. Похоже, он натолкнулся на нечто интересное. — Эти жалкие колючки не смогут остановить воинов. Или вы думаете, что ваши враги испугаются одного их вида?

В интонациях героя звучала издевка — почти на самой грани оскорбления, и вряд ли Архонту удастся уловить нарочитость насмешки. Лишь бы Властитель не попытался уйти от ответа.

Тот и не собирался... просто подбирал слова, дабы объяснить «невежественному дикарю» нечто, вряд ли доступное его пониманию. Ошибка Архонта была вполне объяснима — ко-

нечно, даже в Атлантиде слышали о Геракле и его подвигах. Отношения с Гиперборей пусть и были напряжены, но еще не прервались, хотя по молчаливому согласию сторон Властители Посейдониса не являлись с визитом в Олимпийскую цитадель, а гиперборейские маги, в свою очередь, не тревожили атлантов своим присутствием. До последнего времени... да и то явились не сами, а послали пусть и известного, но все же варвара. Пожалуй, Лорд-Протектор проявил бы больше осторожности, если б знал, что Геракл — сын самого Громовержца, пусть и полукровка. Но в родственных связях Зевса досконально разбирались немногие, а сам Геракл о своем родстве с величайшим из живущих гиперборейцев не особенно распространялся.

Но мир, несмотря на его необъятные размеры, все-таки тесен. Посланцы Атлантиды явились во многие племена, дабы обращать их в свою веру, да и гиперборейцам необходимы были и слуги, и работники, и солдаты. Обмен новостями происходил пусть и неспешно, но неуклонно. И о величайшем из героев говорили немало — в основном о его подвигах, об убитых чудовищах, об одержанных победах. Не удивительно, что у Архонта Галаса сложилось мнение о госте, только лишь как об умельце махать своим грубым оружием.

— Эти столпы... смотрителем которых я, кстати, являюсь, держат на себе... э-э... небо, что защищает город от любой угрозы.

— Небо? — Геракл покачал головой, выражая высшую степень сомнения. — Я вижу то небо, что у меня над головой — но я не вижу неба, которое держали бы твои столпы, Властитель Галас. Ты хочешь, видимо, посмеяться надо мной?

Произнося последние слова, Геракл сжал зубы, выпятил челюсть и посмотрел на Архонта мрачно и недобро. Галас пожал плечами.

— Сейчас я не вижу угрозы, славный Геракл, а потому небо... отдыхает. Но его нетрудно вызвать. Пойдем, я покажу тебе, дабы рассеялись все сомнения.

Шагая вслед за Архонтом, гипербореец усмехался — правда, только мысленно. Похоже, все оказалось даже легче, чем он предполагал. То ли Архонту несвойственна была простей-

шая хитрость, без которой выжить в жестоком и опасном мире было попросту невозможно, то ли его, Геракла, здесь вообще не воспринимали всерьез. Что ж, возможно, за столь пренебрежительное отношение атлантам придется поплатиться.

Они поднялись по узкой лестнице в невысокую башню. Ступени привели в небольшое помещение без стен — вместо стен здесь были все те же прозрачные пластины, сквозь которые можно было легко рассмотреть немалую часть Посейдониса. Большую часть помещения занимало нечто странное — сделанный из металла предмет, вся верхняя поверхность которого была усыпана небольшими, с ноготь, пластинками, часть из которых источали разный свет. Желтый, зеленый, красный... И на каждой пластинке было что-то нарисовано.

О письменности атлантов Геракл знал очень мало. Только то, что каждый такой рисунок означал даже не слово, а несколько, иногда много, слов. Некоторые рисунки казались понятными, смысл остальных ускользал. Аполлон, показывая как-то Гераклу такие же пластинки в своей вимане, объяснял, что это письмо очень удобно — удобнее, чем то, что было принято у гиперборейцев. Смотришь на пластинку — и сразу ясно, что произойдет, если притронуться к ней. В ответ на вопрос о нескольких пластинках Аполлон замялся, явно ощутив неловкость, и пустился в путанные объяснения, из которых герой понял лишь одно — светоносный Аполлон и сам мало понимает в том, что ему доверено.

Рядом с этим сооружением стоял вполне обычный столик, изящный, темного дерева, отполированный до блеска. На столике лежал тяжелый золотой шлем. Архонт поднял его двумя руками, бережно, как великую драгоценность, и надел, а затем повернулся к Гераклу спиной, закрывая от него постамент со светящимися пластинками, даже не обратив внимания, что в прозрачных плитах прекрасно видно его отражение, как и то, к каким пластинкам прикасаются длинные пальцы Властителя.

Вдруг воздух пронзил надсадный рев... Геракл вдруг осознал, что стоит в боевой стойке, рука закинута за спину, пальцы лихорадочно ищут рукоять меча. Он уже слышал похожий звук — так ревела перед смертью искалеченная Лернейская гидра.

— Не стоит бояться, славный Геракл, — Архонт по-прежнему стоял к герою спиной, но Геракл мог бы поклясться бессмертием олимпийцев, что Галас усмехается нагло и удовлетворенно, считая, что ему все-таки удалось испугать гиперборея. — Это предупреждение. Каждый, услышав его, должен отойти подальше от тех шпилей, что заинтересовали тебя. Иначе... когда спасительное небо опустится на Посейдонис, неосторожные могут умереть.

— Кому же опасно это ваше небо, вам или вашим врагам? — лицо Геракла снова приобрело каменное выражение.

— Оно опасно глупцам, которые считают себя сильнее неба, — ухмыльнулся Архонт, вкладывая в эти слова еще один смысл, давая понять, что тот, кто посмеет посягнуть на город, защищаемый самим небом, найдет лишь смерть.

На кончиках шпилей вдруг зажглись яркие даже в солнечных лучах звезды. Они разгорались все сильнее и сильнее, и вдруг вверх ударили струи голубого огня. В самой верхней точке синева встретилась — и вдруг разлилась, подобно воде, но не рухнула вниз, на город, а стекла словно по прозрачному куполу. Несколько ударов сердца — и уже город укрыт синим, как полуденное летнее небо, покрывалом.

— Смотри, воин... — голос атланта звучал напряженно. — С юга летят птицы...

То ли гуси не сочли синеву впереди препятствием, то ли вожак стаи был на редкость бесстрашен, но птицы не свернули. Первым в укывшее Посейдонис небо влетел сам вожак — полыхнула яркая голубая вспышка, затем еще одна, еще. Сквозь синеву видно было не очень хорошо, Геракл о трудом разглядел, как заматались испуганные птицы, как попытались увернуться от всплесков всепожирающего пламени... некоторым это удалось, но большая часть стаи просто прекратила свое существование.

— И так... — Архонт произносил слова медленно, с усилием, — и так произойдет с каждым, кто попытается пройти сквозь защиту города. Да... не хочешь ли сам... попробовать, каково это... держать небо?

— Хочу, — немного торопливо выдохнул Геракл, опасаясь, что Архонт передумает. Скорее всего в этом предложении таился какой-то подвох, но гипербореец готов был рискнуть.

Архонт стянул с себя шлем, его лицо блестело от пота.

— Одевай.

Стоило шлему опуститься ему на голову, как на Геракла обрушилась тяжесть. Это была не привычная тяжесть меча за плечами, не приятная ноша добытого оленя, не тяжкий груз бесчувственного товарища. Словно и в самом деле на него обрушилось само небо... задрожали, прогибаясь, колени, заныла каждая мышца могучего тела. Он стиснул зубы, отчаянно сжал кулаки и невероятным усилием воли заставил себя стоять, хотя более всего хотелось рухнуть на колени, распластаться на полу — что угодно, только бы исчез этот давящий на все тело груз. Ему казалось — еще мгновение, и закаленные мышцы лопнут от чудовищного напряжения — но он держался, чувствуя, как сбегает по лицу капли соленого пота.

Архонт смотрел на варвара сначала с насмешкой, затем с удивлением, а потом и с испугом. Система контроля защитного купола интенсивно использовала не только высокую технологию, но и магию — одними только приборами невозможно было добиться стабильности энергощита. К тому же сейчас, в основном из желания унижить могучего варвара, он включил разрушающий экран на полную мощность, даже тренированные атланты не могли держать защитный купол в этом режиме слишком долго, а простой смертный уже через считанные мгновения должен был потерять сознание, а то и умереть от многочисленных внутренних кровоизлияний. Но этот широкоплечий бородач, опровергая все, что Архонт знал о жителях этого мира, упрямо стоял, обливаясь потом. Или у него огромный скрытый магический потенциал, или жители Гипербореи куда сильнее, чем считали атланты.

Он снова уверился в своем решении не допустить возвращения этого героя в Олимпийскую цитадель. Конечно, Лорд-Протектор должен утвердить это решение, но вряд ли он будет спорить — подготовка к вторжению в Гиперборею еще не закончена, и вступать в конфликт с олимпийцами преждевременно, но природа непредсказуема. Корабли тонут — даже великолепные, надежные и практически безупречные корабли, построенные на верфях Посейдониса. Что уж говорить о корыте, на котором прибыли эти, с позволения сказать, послы.

Да, решено — на обратном пути кораблю суждено пойти ко дну. Нужную бурю обеспечить не так уж сложно. Быть может, кому-то из экипажа даже удастся спастись — так будет даже лучше, они смогут свидетельствовать о том, что атланты ни в малейшей степени не повинны в кораблекрушении. Потом, конечно, соболезнования... пусть этот Геракл и известный воин, он не принадлежит к правящей элите Гипербореи, а потому вряд ли Олимп жесткоотреагирует на его гибель. Лорду-Протектору нужно еще немного времени... а потом мнение Олимпа уже никого не будет интересовать.

Пальцы Архонта пробежали по пульту, снижая напряженность поля, а затем и вовсе его отключая. Геракл, ощутив, что тяжесть исчезла, трясущимися руками снял шлем. Волосы слиплись от пота, львиная шкура намочка так, словно он побывал в бане. Перед глазами стояли цветные пятна... он сделал пару шагов и, уже не в силах сдерживать слабость, тяжело сполз по стене на пол.

— Да, держать небо под силу не каждому, — снисходительно заметил Галас, не слишком достоверно натягивая на лицо маску сочувствия. — Тебе нужен длительный отдых, славный Геракл. Я позову слуг, они помогут тебе...

— Я уже... в порядке... — прохрипел гипербореец, с трудом подымаясь. — Может... Властитель Галас... покажет мне что-то еще?

— Если таково желание уважаемого гостя, — развел руками Архонт, — то я к твоим услугам, славный Геракл. Что бы еще ты хотел увидеть?

Тонкое полотнище ткани, заменявшее в этом доме дверь, заколебалось, выпуская наружу массивную фигуру. Покои, которые отвели послу, находились почти в самом центре Посейдониса, на верхнем ярусе одной из пирамид, откуда открывался великолепный вид на Город Золотых Врат. Внизу, у подножия пирамиды, все сияло огнями. Не только драгоценные окна — даже на улицах ночного города горели светильники, давая возможность поздним прохожим легко находить дорогу. Геракл не уставал поражаться такому расточительству — но нарочитое, выставляемое напоказ богатство столицы Атлантиды ни-

чуть не улучшало его мнение об атлантах в целом. Это был гнилой город, гнилая страна и гнилой народ. Раб всегда свободен хотя бы в праве избрать для себя смерть. Здесь же по улицам ходили, дышали, ели люди, которые были уже мертвы. Что толку в том, что тело способно двигаться, говорить, выполнять приказы? Если мертв дух, то и телу не жить...

Чуть слышно застонав, он тяжело опустился на парапет. Почти все тело было покрыто кровоподтеками, проступившими под кожей от чудовищной нагрузки. Но он не жалел о том, что сделал. Каждая капля знания, которое будет вынесено из-за этих белоснежных стен, поможет Гиперборее одержать победу. Может быть, в его жизни эта победа будет самой важной.

Позади раздался негромкий хлопок, и чья-то рука опустилась на плечо героя. Тот даже не пошевелился — он ждал появления ночного гостя.

— Радости тебе, могучий Геракл.

— И тебе радости, Гермес. Ты проделал большой путь.

— Я хочу есть, Геракл. После такого полета всегда ужасно хочется есть, — пожаловался Гермес. Дышал он тяжело, словно долго бежал в гору.

— Пойдем в дом, там в достатке еды. И, прошу, говори потише... атланты не стали выставлять стражу прямо у дверей, но внизу, у подножия этой пирамиды, наверняка толчется не менее двух десятков воинов.

Гермес, игнорируя изящный деревянный стул, завис в воздухе и, придвинув к себе большое блюдо с ломтями жареного мяса, кидал в рот куски, почти не жуя. Утолив первый голод и запив мясо чуть не половиной кувшина вина, он несколько успокоился, и теперь ел медленно, смакуя.

— Грубая пища, — сообщил он, не прекращая жевать. — Неужели тут не едят ничего более изысканного? Мясо жестковато, вино слабое, эти странные плоды горьки. Правда, козий сыр неплох.

— С плодов надо содрать кожуру, — не удержался от подначки Геракл. С Гермесом это было просто, вечный юноша не обижался на насмешки. — Что касается остального... они спросили меня, чего я желал бы. Откуда я знаю, чем здесь кормят? Потому и сказал — мол, мяса, сыра и вина. Они и расстарались.

— Ладно, сойдет и так, — вздохнул Гермес, изучая очередной кусок сыра, раздумывая, поместится ли он в желудке, или стоит завершить трапезу. С некоторым сожалением отложив аппетитный ломтик, он посмотрел на Геракла.

— Ты плохо выглядишь, герой.

— Ты тоже, гонец, — усмехнулся Геракл.

На самом деле, летать для Гермеса было столь же привычным делом, как, к примеру, дышать. И полет его нисколько не утомлял. Только вот лететь над холодным морем или же над столь же негостеприимными северными землями, чтобы добраться из Гипербореи в Атлантиду, было совершенной глупостью. Да и понадобилось бы на это слишком много времени. Магия позволяла Гермесу перемещаться на огромные расстояния — что и делало его совершенно незаменимым посланником. Магия была непростой, в совершенстве, кроме Гермеса, владел ею лишь Зевс и Арес. Но Громовержец считал ниже своего достоинства путешествовать таким образом, а Арес скорее схватился бы за меч, чем позволил бы кому бы то ни было помыкать собой. Пусть ни Зевс, ни надменная Гера, ни Афродита, интересующаяся в жизни только любовью во всех ее проявлениях, ни вечно погруженный в свои мысли Гефест никогда не признаются в этом вслух, но обойтись без помощи всемогущего Гермеса никто из них не сможет. Тем более что магия эта могла быть использована магом лишь для перемещения самого себя.

Но каждое такое перемещение выматывало юношу донельзя. Сейчас, осоловев от еды, он нуждался в отдыхе — а как раз этого Геракл позволить ему не мог. В любой момент сюда мог зайти посланник Архонтов, а то и сам Галас.

Герой коротко пересказал посланнику все, что ему удалось увидеть за этот день. Гермес слушал внимательно, на время отбросив свою маску непоседливого мальчишки. И сразу становилось видно, что несмотря на гладкую, без единой морщинки кожу, по-мальчишески лохматые светлые волосы и довольно-таки легкомысленный наряд, этот человек уже далеко не молод.

— Они слишком уж гостеприимны, слишком откровенны... — прошептал он, выслушав рассказ Геракла.

— Считают меня варваром и хотят поразить своими чудесами?

— Зевс был прав, признаю, — в голосе гонца звучало сомнение. — И все же... Геракл, друг, я бы на твоём месте поостерегся. В любой момент Архонты могут решить, что ты знаешь слишком многое. Ты говоришь, это их небо... оно неприступно?

— Снаружи — да. Пусть даже Галас в чём-то солгал, но я видел птиц, что в мгновение ока превращались в клубки пламени. Но тот, кто сумеет пробраться в башню, быть может, сумеет разрушить эту магию. Мне кажется, сила атлантов тесно связана с их странными вещами. Если сломать этот пьедестал со светящимися пластинками, возможно, это проклятое небо исчезнет.

— Я передам Зевсу твои слова.

— Есть нечто более важное, Вездесущий. Передай Зевсу вот что... ни один Архонт не должен быть допущен в Олимпийскую цитадель. Ни один из Высших Магов не должен встречаться ни с Архонтами, ни с Лордом-Протектором. Ни наедине, ни в толпе. Проклятые атланты делают с людьми что-то странное... и страшное. Я видел их, Гермес, видел людей, в которых нет больше жизни. Только покорность.

Гермес долго молчал, глядя в глаза собеседника, и его лицо становилось все более и более мрачным. Наконец он плеснул вина в чашу, одним глотком влил в себя кисловатое питье, затем, отвернувшись, тихо пробормотал:

— Они... тоже?

— Да, — буркнул Геракл, сразу догадавшись, о ком спрашивает юноша.

— А ты как же?

Герой лишь пожал плечами. Как бы там ни было, но рассказывать Гермесу или кому-то другому о беседе с Кроносом он не собирался. Хотя бы потому, что об этой беседе вскорости непременно узнал бы Зевс, а Громовержцу, как и атлантам, тоже может прийти в голову мысль, что один известный победитель чудовищ знает слишком много лишнего.

— Ладно, что нового на Олимпе?

Теперь пришла очередь тяжело вздыхать Гермесу. Новости, которые он принес, были не из приятных.

— Над Олимпом бушует гроза...

— С молниями, — понимающе усмехнулся Геракл.

— С ними...

— Кто на этот раз прогневил Громовержца?

— Один из твоих приятелей и дружок другого твоего приятеля, Хирона, — титан Прометей. Зевс и так не отличается долготерпением, а этот наглец посмел нарушить его прямой приказ.

Несмотря на довольно резкие слова, в тоне Гермеса слышалось не так уж и много осуждения. Прометея на Олимпе и уважали, и немного побаивались. Поговаривали, что Прометей обладал даром предвидения и что сам Зевс иногда обращался к нему, дабы узнать свое будущее. Но титан обладал еще одним даром — даром попадать в неприятности.

— Приказ? Зевс издает столько приказов, что не нарушить хоть какой-нибудь из них может только труп. Гера и Афродита часто игнорируют слова Зевса столь явно, что...

— Гера его жена, Афродита... ну, просто очень красива. Им многое прощается. А Прометей... он начал учить южных варваров.

— Он давно этим занимается, — пожал плечами Геракл. — Можно подумать, кто-то на Олимпе этого не знает. Да и кто из вас, олимпийцев, время от времени не снисходит до того, чтобы научить чему-нибудь людей.

В его голосе звучала искренняя горечь. Несмотря на чудовищную силу — дар гиперборейской крови, несмотря на некоторые, пусть и незначительные, магические способности, он всегда чувствовал себя ближе к людям, чем к олимпийцам. И несколько пренебрежительное отношение к простым смертным со стороны подавляющего большинства гиперборейцев, даже лучших из них — Афины, Гермеса, Гефеста и некоторых других — претило ему. Артемиду передавала людям свое непревзойденное охотничье мастерство, Гермес учил письму и счету, даже Аполлон делился кое-чем из врачебного искусства. Даже Афродита... хотя ее знания были весьма специфическими. Но все это было не более чем игрой, не более чем способом убить скуку бесконечной череды лет. Вполне вероятно, что и на развязывание войны с Атлантидой Зевс пошел имен-

но из тех же самых побуждений — интриги Олимпа остались в прошлом, могучий Кронос навсегда ушел в Тартар, и его сын устал заниматься мелкими, незначительными делами. Зевсу хотелось великих свершений — и война с сильным противником как нельзя лучше соответствовало его желаниям. Тем более что Посейдонис дал достаточный повод. А достаточным поводом Зевс счел бы даже косой взгляд в свою сторону.

— Пока дело касалось гончарного ремесла и прочих мелочей, Зевс смотрел на развлечения Прометея сквозь пальцы. Но этот наглец попытался обучать людей огненной магии.

Геракл присвистнул — да, это было серьезно. Вряд ли что-то могло вызвать больший гнев олимпийцев, чем попытка отдать людям самые оберегаемые тайны Гипербореи, стихийную магию. Прометея нельзя было назвать очень уж опытным магом, титаны никогда не достигали в этом искусстве особых высот, из-за чего и проиграли титаномахию, десятилетнюю войну, развязанную Зевсом. Позже Зевс неоднократно утверждал, что титаны первые взялись за оружие, якобы пытаясь защитить Кроноса от «неблагодарного сына». На самом деле непокорные и самолюбивые титаны с их интуитивным владением магией, основанным более на зове крови, чем на тщательном и долгом обучении, были угрозой Олимпу. И эту угрозу, как и многие другие и до, и после титаномахии, предусмотрительный Зевс успешно ликвидировал. Позже он «милостиво» простил уцелевших, допустив их до Олимпа, — но навсегда оставил за титанами не более чем третьи роли.

Веками кровь олимпийцев и титанов по каплям вливалась в кровь людей. Никто из Высших не интересовался последствиями своих любовных связей — по крайней мере связей со смертными. Мало кто, подобно Зевсу, приближал к себе своих детей. Но гиперборейская кровь, дававшая способность к владению магией, распространялась все шире и шире... И потому среди смертных, при желании, можно было найти немало таких, кому оказались бы подвластны запретные для них силы. Гиперборейцы не могли не понимать, что сотня могучих магов не способна устоять против тысяч пусть и плохо обученных, но все же кое-что умеющих. Так что большинство из гиперборейцев видели в людях-магах угрозу если не собствен-

ному существованию, то уж своему праву повелевать — наверняка.

Прометей, маг от крови, не владел навыками эффективного обучения магии — и потому мог научить немногому. Но даже то, что он мог и намеревался передать людям, было преступлением. Не с точки зрения самого Геракла, способности которого к магии были столь незначительными, что о них не стоило и говорить, — а потому он не видел ничего дурного в том, чтобы научить чему-либо полезному тех, кто способен научиться. Но он понимал, что его позицию разделяют немногие, а потому, вероятно, узнав о поступке Прометея, на дыбы поднялся весь Олимп.

— Прометей решил, что Зевс закроет глаза и на это? Вряд ли, он слишком мудр. К тому же он видит грядущее.

— Вот именно... — хмыкнул Гермес, снова потянувшись за вином. — Нет, Геракл, что ни говори, но атланты совершенно не понимают, каким должно быть хорошее вино. Вино, другой мой, это дар небес, дар солнца... а это — ослиная моча.

Он плеснул в чашу густую красную жидкость, сделал долгий глоток и сокрушенно покачал головой.

— Мда-а... так вот, Прометей, как обычно, полон дурных пророчеств. Он утверждает, что Гиперборею ждет скорая гибель.

— Гиперборею или гиперборейцев?

— А это не одно и то же? — фыркнул Гермес. — Я как-то не задумывался над этим, да и пророчества Прометея всегда туманны. Он и людей-то учить начал, дабы не утратилось древнее знание о магии. Как ты понимаешь, долго это не продлилось. Теперь титан прикован к скале... надежно прикован, говорят, Гефест плакал, когда надевал железные браслеты на его руки.

— Железные?

— Разумеется. Холодное железо успешно гасит магию, и преступник не сможет освободиться. Но знаешь, Геракл, самое печальное не в этом... там, в горах неподалеку, гнездо орлов. Они повадились... противно даже думать об этом, друг, но они жрут Прометея заживо. А тот... а тот использует те крохи магии, что пробиваются сквозь железо, чтобы лечить свое тело.

Геракл нахмурился, на скулах заиграли желваки.

— Никто... никто и никогда не смел так обращаться с титанами. Одно дело свергнуть их в Тартар, лишив бессмертия... и совсем другое — обречь на такие мучения.

Гермес некоторое время молчал, затем вздохнул.

— Мне кажется, Громовержец погорячился. И теперь рад найти подходящий повод, чтобы освободить Прометея, — увидев неприкрытое сомнение в глазах собеседника, он заторопился, — пойми, Геракл, чтобы Зевс отменил свой собственный приказ, повод должен быть достаточно веским. Но, повторяю, это только мое мнение. Многие олимпийцы недовольны наказанием... Зевсу не впервой идти против желания своих детей, но сейчас, накануне войны, Олимпу необходимо единство. Поговори с ним, Геракл, может, он внемлет просьбе сына?

3

Мачта скрипела, ветер гудел в канатах, натягивал парус с такой силой, что, казалось, в любой момент ткань может лопнуть, уступив дикому напору стихии. Это был непростой ветер, ветер, посланный братьями Бореем, Зефиром, Евром и Нотом... Здесь, на столь значительном удалении от Гипербореи, для управления ветрами необходимы были совместные усилия всех магов воздушной стихии, и братьям, не испытывавшим друг к другу особой любви, пришлось на время объединиться, уступив прямому приказу Зевса.

Геракл стоял у борта корабля и задумчиво смотрел на пронесившиеся мимо волны. Прошли уже сутки с тех пор, как корабль отошел от пристани, направляясь к родным берегам, — и все это время его не покидало чувство опасности. За дни, проведенные в Посейдонисе, он многое увидел, и теперь понимал, что не в интересах Архонтов позволить ему прибыть с этими знаниями в Олимпийскую цитадель. Он надеялся, что им неизвестно о Гермесе, который посещал Геракла каждую ночь... хотя, по большому счету, для уготованной ему судьбы это было безразлично.

Он посмотрел вверх, на небо... тучи, нависшие над морем словно толстое черно-серое одеяло, двигались неправильно, не так, как обычно. Да и ветер внезапно переменялся, закручиваясь вихрями, которые, сливаясь, постепенно образовывали смерч, обещавший набрать чудовищную силу. Это значит, в дело пошла магия высшего порядка, магия стихий. Сейчас гиперборейцы вступили в первую открытую схватку с Архонтами, пусть и не лицом к лицу, пусть лишь посредством могучих стихийных сил... Но до родного берега было далеко, а стихийная магия весьма чувствительна к расстоянию. Лишь четверо из гиперборейцев могли править могучими ветрами, умений остальных хватало лишь на легкий ветерок да на небольшой, короткий дождик. Даже Зевс мог вызвать не более чем небольшую грозу... правда, его молнии способны были дробить скалы. Геракл видел, что братья-ветры, как их часто называли, проигрывают схватку... и угроза, нависшая над его кораблем, становится все более серьезной.

Сквозь завывание ветра и рокот волн, беспорядочно хлещущих о борт корабля, послышался иной звук. Шаги... нет сомнений, Властитель Галас не ограничится одной лишь бурей, наверняка он принял и другие меры, чтобы уважаемый посол случайно не уцелел в буйстве стихий.

Мышцы напряглись, пальцы сомкнулись на рукояти меча. При таком ветре выстрел из лука, даже с нескольких шагов, не даст уверенности в исходе — шквал наверняка отклонит стрелу в сторону. Поэтому дело решат клинки.

Геракл скользнул в сторону, и в борт, где он только что стоял, врезалось отточенное лезвие, расщепив мокрые доски. Меч, великолепный дар Гермеса, коротко сверкнул, отразив вспышки сверкающих в небе молний, и начисто отсек руку тавроса... сотник пошатнулся, мгновение тупо смотрел, как струя крови бьет из обрубка, а затем ухватил меч левой, и снова атаковал. А на помощь к нему уже спешили другие — с мертвыми глазами, в которых не было ни ярости, ни злобы, ни ненависти... они казались ненастоящими, как порождение сна, как отголосок ночного кошмара. Люди с равнодушными лицами, которые шли убивать своего родича... не ради славы, не за золото, не из мести. Просто потому, что таков был приказ.

Гераклу приходилось убивать — и не раз. Но впервые ему предстояло поднять оружие на тех, кого еще не так давно считал своими соратниками. Биться с Лернейской гидрой или Немейским львом было много проще — там было ясно, кто враг.

«Они уже не люди, — мелькнула мысль. — Они рабы... нет, они много больше, чем просто рабы. Они живые мертвецы, и мой долг отправить их туда, где им самое место... во мрак Тартара». Он вновь почувствовал прилив безумия — не вовремя, ох как не вовремя. В порыве бешенства он переставал думать о защите, стремясь лишь убить. Это было опасно — но проклятый дар Геры побороть было невозможно. Красная пелена затягивала разум, отменяя прочь возможные мысли об осторожности... и о милосердии.

Его меч наносил короткие, злые удары — и каждый удар находил цель. Пару раз задела и его, длинный разрез пересек бицепс левой руки, заливая кровью плечо, бок пронзала острая боль. Таргос, мальчишка, взявший в руки оружие всего лишь несколько лет назад, которого Геракл вообще не считал серьезной угрозой, сумел подобраться к герою слишком близко, со спины, и нанести подлый удар. Теперь его тело лежало, перевесившись через борт, разрубленное почти пополам, но последствия подлого удара продолжали сказываться. От потери крови Геракл слабел, каждый следующий удар давался нелегко. Пока его спасало только то, что мертвоглазые нападали все сразу, изрядно друг другу мешая. Но они были опытными воинами, и Гераклу приходилось отступать.

Шаг назад... наклон... над головой со свистом проносится тяжелое бронзовое лезвие. Меч Геракла устремляется вперед — пусть броня воинов, что назначены были в свиту посла Гипербореи, и выкована в горне самого Гефеста, но и меч в руках героя вышел из-под того же молота. Сделанный Гефестом для его любимого сводного брата Гермеса, этот меч был одним из лучших творений хромого мага-кузнеца. Лезвие без труда проломило броню, вспороло кожу, рассекло внутренности... Воин словно бы даже не заметил смертельной раны, его меч обрушился на голову Геракла, и тому с огромным трудом удалось уклониться от убийственного удара. Другой клинок полоснул по боку — к счастью, жесткая львиная шкура удержала удар.

Наотмашь он ударил по толстому просмоленному канату. Даже меч Гермеса не смог бы перерубить скрученные жилы, но удар пришелся в мачту, и канат оказался между лезвием и мокрым деревом. Победно хлопнул почуявший свободу парус, удар тяжелой ткани смел сразу двоих мертвоглазых в сошедшее с ума море — а мгновением позже, затрещав, рухнула мачта, расплющив еще одного.

К несчастью, воинов, которые еще недавно служили Гиперборее, а теперь жаждали пролить кровь сына Зевса, было много, и все они, даже те, кто были юны годами, успели овладеть мастерством боя. Прошло немало времени, прежде чем Геракл тяжело рухнул на мокрые от крови и дождя доски, чувствуя, как медленно уходит прочь слепящий туман ненависти и злобы. На нем почти не было живого места. Две глубоких раны в правое бедро, распоротый бок, волосы слиплись от крови, сочившейся из резанной раны — опасный удар, лишь чудом не пробивший череп. Грудь его тяжело вздымалась от усталости, зубы скрипели, гася стон. Окажись на корабле еще один мертвоглазый, он мог бы без труда задушить Геракла голыми руками. Даринес пал последним, пал просто потому, что истек кровью, добить его у Геракла уже не было сил.

Но живых врагов более не осталось. Вся палуба была усыпана телами... большей частью, частями тел. Мертвоглазых приходилось рубить на куски, они не чувствовали боли ран, не обращали внимания на кровь, хлещущую из отсеченных конечностей. Даринес, лишившийся руки в самом начале боя, получивший страшный удар в ногу несколькими мгновениями позже, сумел нанести своему бывшему командиру последнюю рану в бедро... он полз по палубе, оставляя за собой кровавый след, а Геракл был уже слишком измотан, чтобы смотреть под ноги.

А буря набирала силу... Уже не один — три черных щупальца смерчей шарили по бушующим волнам, словно и в самом деле пытались нащупать корабль с одним-единственным пассажиром. Геракл не смотрел на небо — он медленно, с трудом ворочая ставшими вдруг непослушными пальцами, перетягивал раны обрывками одежды поверженных противников. Думать о том, что будет дальше, ему не хотелось... рано или по-

здно, но конец придет. Либо один из смерчей ударит в корабль, в одно мгновение превратив его в груды летящих в воздухе обломков, либо волна проломит борт. А может, корабль просто пойдет ко дну — там, под досками палубы, уже вовсю плещется вода. Так или иначе, но вряд ли ему суждено уверить берег.

Перед глазами мелькали какие-то образы... ехидно улыбающийся Властитель Галас сменился лицом Алкмены, седой, но по-прежнему красивой, затем почему-то появился Гермес, он выглядел обеспокоенным...

— Рад видеть тебя, друг, — пробормотал призраку Геракл, улыбаясь. — Вот как все получилось. Передай Зевсу... нет, ничего ему не передавай. Скажи, что последняя просьба... пусть освободит... Прометея...

— Сам ему это скажешь, — прохрипел Гермес, по совсем непонятной причине оказавшийся очень реальным. — Это корыто вот-вот пойдет ко дну. Вставай, герой, вставай, куча дерьма! Я не подниму твою тушу... Вставай!

Сквозь завесу дождя пробилось сияние, послышался знакомый вой — негромкий, более похожий на стон — и почти над самой палубой зависла огненная колесница Аполлона, таинственная вимана, так толком и не изведанный дар атлантов. Странной округлой формы дверь распахнулась, оттуда показалась рыжеволосая фигура, как обычно наряженная в изысканный белый хитон с золотым шитьем. Наверняка Аполлон, большой любитель богатой одежды, даже отправляясь на войну, не сочтет нужным сменить тонкую, почти невесомую ткань на грубые доспехи.

Почти в тот же момент огромная волна ударила в борт корабля, столб брызг окатил Аполлона, чуть не сбросив его в воду.

— Быстрее! — закричал в мгновение ока вымокший до нитки хозяин небесной колесницы. — Быстрее! Борей и остальные держатся из последних сил! Им не выстоять долго!

— А что я могу сделать? — заорал в ответ Гермес, отчаянно пытаясь помочь Гераклу встать на ноги. И верно... Гермес был магом, он был гиперборейцем по крови, но силы юному и шуплону телу не доставало. Окажись здесь могучий Гефест, даже хромота не помешала бы ему одной рукой зашвырнуть лишившегося сил героя в спасительное и безопасное нутро виманы.

Схватив меч, выпавший из руки Геракла, юноша в несколько ударов перерубил канат, едва успев поймать его — ветер чуть было не унес просмоленную веревку за борт. Накинув петлю на Геракла и затянув ее, он швырнул свободный конец Аполлону.

— Привяжи к чему-нибудь!

Тот понял, ненадолго скрылся внутри виманы, затем выглянул снова.

— Привязал... но если эта дохлая туша сломает что-нибудь важное, я лично помогу ему отправиться в Тартар!

Надсаживаясь, до крови срывая кожу с нежных, не привычных к труду ладоней, двоим гиперборейцам удалось втянуть непослушное, почти бесчувственное тело Геракла в виману. Выбившийся из сил Аполлон рухнул на сиденье, пятная все вокруг себя кровавыми следами. Да и под телом потерявшего сознание Геракла уже натекла немалая лужа, темная и липкая.

— Готово! — издал победный вопль Гермес, захлопывая дверь виманы, и одним прыжком влетел во второе сиденье. Лицо вечного юноши сияло. — Лети отсюда, Златокудрый!

Словно в ответ на эти слова длинный хобот смерча зацепил корабль. Даже сквозь грохот волн и вой ветра слышно было, как застонало раздираемое дерево, как затрещали ломающиеся доски. В мгновение ока корабль исчез, превратившись в вихрь обломков, волна тугого воздуха швырнула виману так, что та лишь чудом не рухнула в воду. Аполлон отчаянно дергал странный рычаг, пытаясь удержать обезумевшую колесницу в воздухе.

Наконец вимана устремила вверх. Вокруг били молнии, струи дождя хлестали по прозрачному окну, словно надеясь вернуть огненную колесницу в объятия океана. Когда буйство стихии, вызванное битвой магов двух великих государств, осталось позади, Гермес перебрался на корму виманы и приник к заднему окну, с совершенно мальчишеским восторгом разглядывая чудовищную тучу, поблескивающую голубоватыми вспышками, словно сам Зевс вступил в схватку, обрушивая на врага свое излюбленное оружие.

— Сильны Архонты, — прошептал он. — Я думал, нет ничего в Ойкумене, что может устоять перед объединившимися братьями-ветрами.

— Громовержец еще не сказал последнего слова, — чуть надменно ответил Аполлон, к которому вместе с уходом бури вернулась уверенность. — Ничто не способно противостоять мощи Гипербореи, тебе не следует этого забывать.

Гермес хмыкнул, чуть насмешливо, чуть печально. Аполлон слишком много интересовался искусствами, и слишком мало — истинным положением дел в Олимпийской цитадели. Даже вимана — чудо, которое он так до конца и не постиг — не могла убедить его в том, что есть нечто, недоступное пониманию гиперборейцев. А Гермес, немало выслушавший рассказов Геракла и кое-что успевший увидеть сам, прекрасно понимал, что Посейдонис будет страшным противником в предстоящей и уже ставшей неизбежной войне.

Внезапно его внимание привлекли две крошечные золотые искорки, вынырнувшие из-под черных облаков.

— Златокудрый, я вижу что-то странное... кажется, атланты преследуют нас.

Гермес оказался прав. Золотые искорки быстро увеличивались в размерах, превратились в две брызжащие светом виманы, точно такие же, как у гиперборейцев. Они приблизились, затем вдруг из них вырвались слепящие огненные стрелы, нацеленные в виману Аполлона. Гермес уже видел эту магию — именно благодаря ей Аполлон снискал прозвище «Стреловержец». Огненные стрелы несли разрушение, и страшно было подумать, что случится с виманой, если угроза не минует ее.

Аполлон отчаянно рванул свое правило, уводя виману от опасности. Может, он и не был мудрейшим из олимпийцев, но там, где атланты использовали свои виманы лишь в качестве летающих повозок, Аполлон наслаждался чудесной игрушкой, и теперь управлял ей уверенно и дерзко, швыряя утлый челнок из стороны в сторону. Огненные стрелы промчались мимо, ударили в воду, подняв столбы пара. Враг выпустил новые стрелы, и вновь не достиг цели — а гиперборейская вимана уже развернулась ему навстречу, и навстречу атлантам взметнулся веер огненных лучей.

Одна из виман выпустила нечто, оставляющее за собой тонкую струйку дымного следа. С таким оружием — а в том, что это именно оружие, сомневаться не приходилось — Аполлон еще не сталкивался. И сталкиваться не собирался... но небольшой предмет упорно следовал за виманой, повторяя все ее повороты, приближаясь с каждым мгновением. Несколько матовых пластинок слева от Аполлона, ранее безжизненные, вдруг вспыхнули раздражающе-алым светом, раздался женский голос, показавшийся Гермесу встревоженным. Женщина говорила, видимо, на языке атлантов, слова были непонятны, да и Аполлону некогда было их слушать, он полностью сосредоточился на управлении колесницей.

— Вниз, к самой воде! — крикнул Гермес. Ему приходилось играть с орлами и другими хищными птицами, и он умел обмануть их, не дать коснуться себя. — Вниз, потом сразу вверх!

Аполлон понял, и вимана устремила к бушующим волнам... Геракл покатился по полу, ударился обо что-то жесткое, застонал, приходя в сознание. Почти у самых пенных гребней суденышко развернулось и почти вертикально ушло в небо. Преследовавший ее по пятам предмет не сумел столь резко изменить курс, и ударился о воду — раздался грохот, сам океан, словно живое существо, взметнулся ввысь, чтобы ухватить уходящую добычу... но достать беглянку водяной столб не сумел.

Теперь уже сразу три дымных следа устремились к верткому гиперборейскому кораблику. Снова заговорил женский голос, его слова были иными, а тон — еще более встревоженным. Голос отвлекал Аполлона, который уже мысленно представлял себе чертоги Тартара — ему едва удалось увернуться от одной опасности, и надежды справиться сразу с тремя было немного. Он отчаянно хлопнул ладонью по алым пластинкам, надеясь заглушить говорящую... в ответ прозвучала короткая фраза, и вимана содрогнулась. Гермес вскрикнул от изумления — неподалеку, не более чем в трети стадии от виманы зажглось маленькое, но ослепительно яркое солнце — и тут же все три странных предмета изменили направление своего полета, устремившись к новой цели. Они достигли ее одновременно — полыхнуло так, что Гермесу пришлось зажмуриться от рези в глазах, по щекам потекли слезы...

А Аполлон уже разворачивал свою колесницу, посылая вперед сноп огненных лучей. Один из них краем зацепил врага, вимана атлантов дернулась, но выровняла полет...

Может быть, атланты весьма посредственно умели управлять своими колесницами, зато они прекрасно могли оценить угрозу для себя. Даже всесильный Архонт, попав под удар огненной стрелы, вряд ли сумел бы остаться в живых. Обе виманы развернулись, и, резко набрав скорость, в считанные мгновения затерялись среди штормовых облаков.

— Они опоздали, — процедил Аполлон, снова возвращая свою колесницу на прежний курс. — Если бы Архонты не стали играть с ветрами и громами, а сразу обрушили бы свои огненные стрелы на корабль нашего славного друга Геракла, нам осталось бы лишь оплакивать его.

— Ты прав, Златокудрий, — Гермес все еще не покидал своего наблюдательного поста, — ты прав. Но теперь поспешим, думаю, Лорду-Протектору не понравится, что его слугам не удалось ввергнуть нас во тьму Тартара.

Геракл лежал на полу, стискивая зубы, чтобы не стонать от боли. Он не очень понял, о чем говорили олимпийцы — но и сам мог бы сказать то, что стало ясно всем. Теперь война из некой отдаленной перспективы стала реальностью. Пройдет совсем немного времени, и войска Посейдониса двинутся к берегам Гипербореи.

— Кентаврос, славный Геракл просит тебя о встрече, — воин коротким движением отсалютовал Хирону и замер в ожидании ответа.

— Веди! — глаза кентавроса вспыхнули, он давно хотел увидеть старого друга, но пока над изрубленным телом героя колдовали лучшие лекари Гипербореей, включая даже — редкий случай — самого Аполлона, который слыл одним из лучших мастеров в части лечения воинских ран, о встрече не могло быть и речи. Раз Геракл приглашает, значит, целители признали его идущим к выздоровлению и избавили его от большей части своей опеки. Мысли о том, что так же лекари поступают и в отношении тех, чей уход в Тартар уже не вызывает сомнений, Хирон старался не допускать.

Армия Гипербореи, спешно создаваемая по типу той, что давно уже сформировали атланты, все еще была небольшой. Ранее Олимпу не требовалось много войск, чтобы держать в подчинении многочисленные варварские племена... да, признаться, Зевс и не особо стремился окружить себя бессловесными рабами. Многие варварские вожди предпочитали платить небольшую и не слишком обременительную дань могучим гиперборейским магам, но в остальном сохранить полную свободу. Это устраивало и олимпийцев — менее всего маги желали бы управлять невежественными и буйными дикарями. Искусство, наука... и, в немалой степени, непрекращающиеся придворные интриги занимали их куда больше, чем перспективы разбирать малозначительные споры, кого-то карать, кого-то одаривать милостями. Власть — особенно власть абсолютная, приблизиться к которой они могли без труда, немало требует не только от подданного, но и от властелина. Будучи неистребимыми индивидуалистами, каждый из гиперборейцев превыше всего ценил свою собственную свободу. Подчиняясь Зевсу, как доказавшему свое превосходство и, что тоже имело значение, как прародителя многих из них, они желали бы этим и ограничиться.

А потому уже довольно давно между хозяевами Олимпийской цитадели и закутанными в шкуры, кое-как вооруженными варварами, сохранялись довольно простые отношения. Одни приносили жертвы, другие не вмешивались в дела смертных. Иногда кто-то из олимпийцев снисходил до того, чтобы чему-то научить то или иное племя, но случаев этих было не так уж и много, и вызваны они были скукой, а не какими-то обязательствами.

Сейчас же ситуация изменилась. Угроза экспансии Посейдониса заставила Гиперборею ощетиниться оружием. Однако Арес и Афина вдруг не без огорчения обнаружили, что варвары, всегда охотно проливающие кровь соседей, не очень горят желанием вступать в армию Олимпа. И еще меньше желают подчиняться дисциплине — для каждого бойца единственным авторитетом был собственный вождь, с которым его связывали и узы крови, и просто привычка.

И все же желающие нашлись. Немного. Около десяти тысяч бойцов под руководством опытных тысячников-кентавров, вооруженные бронзовым оружием, могли без особого труда пройти из конца в конец всю Ойкумену, стерев в порошок крошечные отряды мелких племенных вождей. Но по сравнению с полками Атлантиды вся эта мощь выглядела довольно убого.

И все же Хирон и другие кентавросы делали все, чтобы укрепить границы Гипербореи, установить заслоны против врага. Повсюду возводились небольшие крепости, воины оттачивали свое мастерство — особенно в части умения биться строем, прикрывая друг друга, дабы не превращать сражение в массу одиночных схваток.

Хирон был первым, кто отказался от колесницы, пересев на спину коню — с высоты ему куда лучше было видно, что делают его бойцы. Спустя какое-то время верховая езда стала отличительным признаком кентавросов... среди варваров, особенно тех, чьи земли лежали достаточно далеко от Гипербореи, даже ходили легенды, что могучие северные кентавросы есть не что иное, как чудовища с телом лошади и торсом человека. Мечтой Хирона было посадить на лошадей всю или большую часть армии, дав ей возможность быстро перемещаться. Недостаток численности можно в некоторой степени компенсировать тем, что войска оказывались бы в нужном месте как можно скорей.

Пока что этим планам не суждено было осуществиться. Воины, вполне одобрявшие серпоносные колесницы, не желали и слышать о том, чтобы сесть на коней...

Хирон только что прибыл в цитадель с побережья, где небольшой, с гарнизоном всего в три десятка человек форпост Гипербореи подвергся внезапной атаке с моря. Кентаврос надеялся, что эта весть не оставит равнодушным Зевса, но Громовержец все время откладывал аудиенцию, будучи занят какими-то своими, видимо, очень важными делами. И Хирон откровенно скучал, одновременно понимая, что без толку теряет драгоценное время.

Он вихрем ворвался в комнату, где на постели, в окружении подушек и одеял, лежал Геракл. В глаза сразу бросилась

неестественная бледность, заливавшая смуглое лицо друга. Герой потерял много крови и несколько дней находился буквально на грани смерти. Целители прекрасно понимали, что цена их ошибки — жизнь. Не Геракла, разумеется, а их собственная... вряд ли Зевс оставит без последствий смерть сына, пусть даже полукровки. И потому старались изо всех сил.

Теперь же это могучее тело было вне опасности, и все же даже на то, чтобы улыбнуться старому другу, Гераклу потребовалось немало сил. Движением глаз он указал Хирону на небольшое кресло. Кентаврос, ничуть не уступающий герою шириною плеч и ростом, осторожно опустился на застонавшее от непомерной тяжести сиденье.

— Радости тебе, — прошептал раненый одними губами.

— И тебе, друг, — Хирон не сводил взгляда с многочисленных повязок, за которыми почти не было видно тела. — Это был славный бой, как я вижу.

— Ничего славного... — скривился Геракл не столько от пронизывающей тело боли, сколько от воспоминаний. — Расскажи... я уже слышал, тебе тоже довелось сражаться?

Понимая, что другу сейчас куда легче слушать, чем говорить, Хирон приступил к рассказу... Да, наверное, первым это должен был услышать Зевс, но раз уж Громовержец не считает нужным выделить для кентавроса время, нет смысла далее молчать. Тем более что несмотря на относительную незначительность стычки, это было первое настоящее столкновение регулярных войск Атлантиды и Гипербореи. Проба сил... и неизвестно, как будут оценены результаты инцидента.

— Крепость называется Йодль... называлась, — он поморщился, вспоминая дым пожарища, поглотившего бревенчатые стены укрепления. — Обычная пограничная крепость, тридцать воинов, один таврос. И я. Я приехал посмотреть, как идут тренировки. А поутру...

Два узких хищных корабля атлантов причалили к берегу, укрываясь промозглым утренним туманом. Это были корабли, предназначенные для пересечения океана, а потому вплотную к галечной косе они подойти не смогли. Но это не оставило воинов, что в полном вооружении прыгали прямо в

ледяную воду, тут же погружаясь по плечи, и уверенно брели к берегу.

Их было около сотни — одинаково одетых, одинаково вооруженных. Тусклая чешуйчатая броня — вождь любого из варварских племен за такие доспехи отдал бы и жен своих, и дочерей, да еще и приплатил бы стадом добрых коров — укрывала их от колен и до самой шеи, короткие бронзовые мечи, копья с длинными, в локоть, тонкими наконечниками, отменно приспособленные для метания. У каждого второго — лук.

Северяне, пребывающие в крепости, высадку врага прозевали. И кентаврос, позаботившись о страже на стенах, не подумал о том, чтобы послать патрули на берег. А потому, когда полусонные воины, разбуженные отчаянными воплями сигнальных труб, выбегали из спального дома полуодетые, едва схватившие то оружие, что попало под руку, на стенах уже шел безнадежный бой. Гиперборейской армии пришлось узнать, что такое штурмовые лестницы — не менее десятка воинов Атлантиды преодолели невысокую стену в мгновение ока, и бревна тут же окрасились свежей кровью.

Будь они лучше обучены, у захваченных врасплох защитников Йодля не было бы ни единого шанса. Но враги полагались больше на количественный перевес и на прочность бронзовой чешуи, чем на боевую выучку. Потеряв треть своих бойцов, Хирон все же сбросил штурмующих со стены. В этой, самой первой стычке погиб таврос Птолемис, многие из оставшихся в живых были ранены. Сам Хирон не получил ни царапины — он был с ног до головы залит кровью, но кровь эта была чужой.

— Мне стало страшно, друг, — на скулах кентавроса заиграли желваки, ему не часто приходилось признаваться в том, что и он, бессмертный, подвержен страху. — Мне было страшно... они шли на наши мечи, шли неумело, но на их лицах было полное равнодушие к смерти. Я видел одного, что продолжал драться, несмотря на комок кишок, что волочился за ним, выпав из разрубленного живота. А те, что не обращали внимания на отрубленную руку или выбитый глаз... Клянусь тьмою Таргара, это не люди! У них не человеческие глаза, поверь, я видел это, я знаю.

Геракл чуть заметно кивнул. Он уже понял, кем пожертвовали Архонты ради этого пробного, ни к чему не обязывающего боя. Проверить на прочность оборону Гипербореи, бросить на убой сотню мертвоглазых... Что им сотня, армия Посейдониса неисчислима, как с гордостью и ноткой угрозы говорил Властитель Галас. И вряд ли это было лишь пустой похвалой.

Хирон продолжил рассказ. Довольно долго осаждающие пытались поджечь крепость огненными стрелами — безо всякой магии, обычными стрелами, обмотанными горячей просмоленной паклей. Это ни к чему не привело — последние несколько дней стояла отвратительная сырая погода, холодный морозящий дождь время от времени сменялся столь же сырým неприятным туманом. Дерево частокола, стены и крыши казарм — все отсырело и теперь упорно не желало загораться. Но даже если бы дерево было сухим, Йодлю не стоило опасаться пожара — на частокол пошли мореные стволы, которые не так легко поддаются огню.

И все же лучники сделали свое черное дело — защитники потеряли еще двоих бойцов, луки у мертвоглазых были отменные и били далеко. Туман словно нарочно не рассеивался — напротив, становился все гуще, и уже почти не было видно, откуда летят стрелы... Сам Хирон взялся за лук, а он считался лучшим стрелком в Гиперборее, после, разве что, Аполлона — но и он не мог бы с уверенностью сказать, сумел ли поразить хотя бы одну цель.

А потом, убедившись в бесполезности огненных стрел, сквозь туман к кое-где закопченному частоколу двинулись с трудом различимые фигуры... Два десятка уцелевших воинов выдержали еще один штурм, после чего их осталось семеро. Но и мертвоглазых уцелело немного, от силы десяток. Хотя все гиперборейские солдаты — в том числе и Хирон — уже были ранены, они понимали, что выиграли этот странный, бессмысленный и жестокий бой. Кентаврос отдал приказ атаковать — все равно уцелевшие уже не могли надежно защищать стены. Но, словно ожидая этого приказа, и агрессоры пошли на штурм...

— Когда все закончилось, нас осталось трое, — кентаврос вздохнул, провел рукой по шее, которую пересекал свежий, только что затянувшийся шрам. У бессмертных раны зажива-

ют быстро, но даже бессмертного можно убить. Геракл видел — пройди удар чуть выше, и его старого друга не спасли бы уже никакие лекари. — Эти твари полегли все, до последнего.

— Вы победили... — Геракл попытался улыбнуться.

— Это была не победа! — рыкнул Хирон, и глаза его метнули молнии. — Это была бойня... и, клянусь тьмою Тартара, нас резали как свиней. Да, их было втрое больше, да, они все остались там, у стен Йодля. Геракл, ты должен понять... Там, где Гиперборея наберет тысячу бойцов, Посейдонис без труда выставит пять. Или десять. Я не знаю, что Архонты делают с людьми, но лучше сразиться с пятью живыми людьми, чем с парой этих ходячих трупов. И еще... я видел — там, чуть ниже облаков, висела вимана. Не думаю, что это была та, которой правит Златокудрый Аполлон. Я знаю, там сидели Архонты — и они смотрели на то, как умирают люди... просто смотрели.

— Я понимаю... — Геракл попытался приподняться, но тут же вновь откинулся на подушки, лицо его побледнело еще больше. — Я все понимаю, друг. Но ты должен знать...

Договорить ему не дали.

Дверь распахнулась, и вошел посыльный.

— Кентаврос, — он отвесил Хирону короткий поклон, — Зевс-Громовержец желает видеть тебя.

— Иди, — прошептал Геракл, — иди, скажи ему все. А потом возвращайся, нам надо кое о чем поговорить.

Хирон вернулся — но только для того, чтобы попрощаться. Приказ Зевса гнал его к границам Гипербореи, спешно укреплять заставы, усиливать гарнизоны. Гиперборея готовилась к войне — к войне, которую толком не знала, как вести. Ни кентавросов, ни даже Ареса и Афины нельзя было назвать стратегами, хотя двое последних всерьез на это звание претендовали. До сих пор стычки с полудикими варварскими племенами, из всех боевых приемов признававшими только прямой лобовой удар всей толпой, были более забавой, чем серьезными сражениями. Теперь же им противостояла настоящая армия — пусть каждый боец в ней уступал в выучке даже слабейшему из тех, кого муштровали Хирон и другие кентавросы, но их оружие и доспехи ни в чем не уступали, а кое-где и превос-

ходили снаряжение гиперборейцев. И главное — их было много. Никто не мог бы с точностью сказать, какие силы Посейдонис может двинуть на Олимп, но все — и Хирон, и, конечно, Зевс, прекрасно понимали, что силы эти будут огромны. Ни пограничные крепости, ни новые и новые сотни бойцов, спешно собираемые по окрестным племенам, лояльным к Олимпу, не смогут не то что отразить нападение, но даже сколько-нибудь существенно задержать продвижение войск Атлантиды.

Задача крепостей и воинов была не в том, чтобы героически пасть, задавленными толпами врагов. Гиперборейские маги, великие олимпийцы, сильны были отнюдь не своими мечами. И надежды Зевс возлагал прежде всего на магию. Не без оснований — если вдалеке от родных берегов маги воздушных стихий с трудом сдерживали неведомое, но весьма эффективное колдовство атлантов, то здесь, вблизи, их сила была непомерна. Архонты, конечно, понимали, что им предстоит столкнуться с серьезным сопротивлением, но истинные силы Олимпа им были неизвестны. Как, признаться, они были неизвестны и самим гиперборейцам — еще никто из них, никогда, даже в самых сложных ситуациях не выкладывался полностью, без остатка, до дна.

И все же крепости — маленькие, слабые, могучие не стенами, но духом своих защитников — были необходимы. Боевая магия хороша лишь против заметного врага, против большого войска, против сильного флота. Будучи рассеяна на маленькие, малозначительные цели, она быстро исчерпается... Маги устанут охотиться за врагами-одиночками — и вот тогда придет черед простых воинов и честной отточенной бронзы.

Все это Геракл понимал — как понимал и то, что в предстоящей войне ему не найдется места. Он уже видел, что времени героев приходит конец, пусть даже пока это было открыто немногим. Непобедимый боец хорош тогда и только тогда, когда ему противостоит другой герой — или чудовище, что иногда не такая уж и большая разница. Если же на поле битвы выходят армии, то каковым отточенным ни было бы воинское умение, какой силой ни наливались бы мускулы — в толпе все это не имело значения. Даже слабейший в давке сражения может подобраться к атлету, дабы чиркнуть выщербленным лез-

вием ножа по сухожилию. Теперь приходит время стратегов, умеющих обучить войска, найти выгодное место для сражения, правильно построить своих людей. Приходит время тех, чье достоинство не в отменном владении оружием, а в умении биться плечом к плечу с товарищами, не разрывая строй.

До времени, когда уйдут в небытие герои, полубоги, мастера одиночных схваток, которым поют песни, с которых создают скульптуры и которым — что уж греха таить — преклоняются, еще пройдет немало веков. Но оно непременно наступит — и Геракл втайне радовался, что ему не суждено увидеть времена, когда править бал станет не мастерство, честь и безудержная отвага, а серая масса, сильная своей сплоченностью. Он был создан для своего времени. Для битвы с гидрой. Для охоты на чудовищного льва. Для одиночества.

Он приподнялся на подушках и тут же опустился на постель снова, со злостью ощущая, как бешено колотится сердце, как катится по вискам вдруг выступивший пот. Да... его время уходит. Кем он станет, если все же достаточно оправится до начала войны, настолько, что сможет взять в руки меч? Кем? Еще одним бойцом в ряду? Пусть даже самым сильным — но не более чем еще одним...

А вот кентавросу в новой жизни самое место. Хирон прекрасно понимает то, что другим осознать предстоит еще долго. Тридцать его воинов уничтожили вдвое превосходящие силы атлантов — даже несмотря на то что были захвачены врасплох. Победили просто потому, что умели прикрывать друг друга. Они погибли почти все — но враги не сумели одержать верх ни за счет количества, ни за счет лучшего вооружения. Пусть Хирон клянет себя за допущенные жертвы — он просто еще не понимает, что эта битва, как и те, что за ней последуют, положат начало новому воинскому искусству. Герои еще будут — ищущие подвигов, стремящиеся к одиночным схваткам. И на них будут смотреть с восторгом, им будут кричать здравицы, их именами будут называть детей... а потом тихо ворчать, что, мол, не высовывался бы, глядишь, и пользы принес поболее... а так — пусть Аид будет к нему милостив.

Снова стиснув зубы, отчаянно преодолевая слабость, Геракл попытался сесть. Перед глазами поплыли черные круги...

Дверь распахнулась, словно от удара ногой, в комнату вихрем ворвался сияющий Гермес. Теперь его привычный хитон сменили легкие латы, явно носившие следы Гефестового молота, а значит, и наполненные магией старого мастера огня. Равным себе простых доспехов Гефест не делал — Геракл не удивился бы, сумей эти бронзовые пластины отразить даже его убийственные стрелы. На боку вечного юноши висел короткий меч. Пусть гипербореец и выглядел мальчишкой, но за прожитые века оружием он владеть научился. Гермесу нередко ударяла в голову идея податься к людям — и там, среди варваров, чтящих силу, тонкое лезвие не раз обгагралось кровью. Лишь немногие из чистокровных гиперборейцев относились к жизни простых смертных с уважением, не отнимая ее по пустякам. Афина, Прометей... пересчитать по пальцам. Гермес к этому числу не принадлежал. Геракла это не удивляло, но немало огорчало — ведь он и сам был смертным, пусть и сыном Зевса.

— Радости тебе, могучий! — рот Гермеса расплылся до ушей. — Кажется, я первым принес весть?

— Не знаю, о чем твоя весть, — пробормотал Геракл, — но догадываюсь. Посейдонис двинул корабли к нашим берегам?

Улыбка на юном лице угасла.

— Уже слышал... и кто посмел меня опередить?

— Никто, — улыбнулся герой, не делая попыток встать, дабы не срамиться в присутствии гостя. — Нетрудно сообразить.

— А говорят, у тебя провидческого дара нет, — хмыкнул вестник, парящий, по обыкновению, в нескольких ладонях над мраморным полом. — Но ты прав, славный Геракл, корабли Архонтов числом двенадцать сотен движутся через море. Им помогает ровный ветер, Борей говорит, что ветер этот есть порождение магии... правда, признает, скрипя зубами, что в магии этой не понимает ни единого образа.

— Прямо-таки двенадцать сотен? — Геракл чуть насмешливо улыбнулся.

— Ну, может, чуть больше или чуть меньше, — не стал спорить Гермес. — Я сам считал их... вместе с Аполлоном.

— И вам дали спокойно посчитать силы атлантов? — в голосе героя прозвучало явное недоверие.

Юноша зарделся — но не от смущения, а от сдерживаемой гордости.

— Как же... целых три виманы пытались сжечь нас своими огненными стрелами. И обычными, и теми... ну ты помнишь... ах да, ты же, друг, был без сознания. Есть у них такие странные дымящиеся стрелы, которые сами охотятся за дичью... вылетает такая и начинает гоняться за тобой по всему небу. И уж если догонит — все, вот он, Стикс, готовь обол. Один раз мы очень удачно увернулись, и эта дымная стрела попала в их же корабль. Поверишь ли, на воде остались лишь дымящиеся обломки и ни одного живого человека. А корабли большие, не меньше чем по сотне бойцов на каждом. Скажи, друг, как можно вести войну, посылая впереди себя такую смерть? Не лучше ли честный поединок, лицом к лицу?

Одним невероятно плавным движением Гермес выхватил из ножен меч, принял оборонительную стойку, а затем завертел перед собой клинок с такой скоростью, что лезвие слилось в один туманный диск. Герой улыбнулся — не зная он истинного мастерства вечного юноши в обращении с оружием, счел бы сие пустой похвалой. Но он знал, что из этого туманного облака в любой момент может ударить жало меча, смертельное и неотвратимое.

— Не лучше ли так? — у Гермеса даже не сбилось дыхание. — По крайней мере это честно.

У Геракла были некоторые сомнения насчет честности в поединке лицом к лицу с тем, чье умение оттачивалось веками и чьи доспехи, как и оружие, ковал сам Гефест. Но в целом он был согласен с Гермесом — и в этом была еще одна причина той тоски, с которой он смотрел в будущее. Даже лук — оружие охотника — все чаще и чаще использовали в бою. Даже мастер меча может пасть от случайной стрелы... мало чести в такой победе, но это война, не поединок. Тут ищут не чести — победы, любой ценой. Дрогнет ли у него рука, если придется послать стрелу не в горло быстрого оленя, не в развернутую пасть чудовища, а в грудь человека? Не дрогнет... но и победой он это не назовет. Да, он знал иных вождей, часто гордо именующих себя царями, что считали лук оружием трусов. Они верили, что лишь тогда победа имеет особый вкус, когда твой

клинок с трудом раздвигает ребра врага и пронзает его живое, бьющееся сердце. И потому они шли в бой с одним лишь мечом, даже не укрывая тело доспехами, не беря в руки щит. Гордые и смелые люди...

Только чаще побеждали другие. Те, кто не гнушался прибегнуть к услугам лучников, стрелы которых без труда входили в ничем не защищенные тела.

— Лучше, Гермес, лучше... Но атланты не ищут чести и славы.

— Мда... — стальной вихрь исчез, меч со стуком нырнул обратно в ножны. — Вот и я о чем... Им в пути еще несколько дней, Борей говорит, что чем ближе их корабли подойдут к нашим берегам, тем лучше. Сейчас все гипербореицы собираются на Олимпе. Все... говорят, даже Аид явится, хотя он не покидал Тартара уже неизвестно сколько веков.

— А Прометей?

Гермес нахмурился, разом утратив всю свою жизнерадостность.

— Друг, ты пойми... Прометей осужден, и Зевс... вчера он что-то сказал насчет того, что готов простить Прометея, если кто-то из гиперборейцев ради опального титана пожертвует собой. Своей жизнью и своим бессмертием.

Геракл с шумом выдохнул, скривился от боли.

— Тьма Тартара... это все равно, что обречь Прометея на муки, вечные, как сами скалы. Кто из олимпийцев способен на это, кто?

— Не знаю, — честно развел руками Гермес. — Мне нравится Прометей, но не настолько же. Так могла бы поступить Афина, она слегка помешана на благородстве и справедливости, но как раз Афина была в числе обвинителей. Она считает, что передать смертным магию огня есть тягчайшее из преступлений, которые вообще могут быть совершены на Олимпе.

— Это потому, что ей самой магия дается с трудом. Я безгранично уважаю Афины, но эта ее вечная зависть к магам...

— Возможно. Она, конечно, просила за Прометея — потом, когда увидела, каким может быть гнев Зевса. Клянусь Тартаром, друг мой, многие просили за него. И Зевс, как я уже говорил, в какой-то момент даже готов был уступить.

— Я бы не назвал это уступкой, — в глубине души нарастала злоба. Геракл намеревался потребовать у отца ответа, хотя и понимал, что шансов переубедить Громовержца у него практически нет. Зевс немало внимания уделял сыну, но не раз давал понять, что дела Олимпа смертного не касаются, независимо от того, чья кровь течет в его жилах. — Даже если найдется тот, кто выполнит условие Зевса, сам Прометей не примет этой жертвы. Я его достаточно давно знаю. Он, как и Афина, имеет свои представления о чести, многим недоступные.

Если Гермес и услышал в этой фразе выпад в свой адрес, он никак этого не показал. Да Геракл и не собирался оскорбить вестника, скорее просто сетовал на то, что и без того было у всех на виду — олимпийцы замкнулись в своих собственных проблемах и заботах, мало интересуясь не только делами смертных, но и жизнью своих же кровных родичей. Вдруг мелькнула мысль, что, несмотря на всю мощь гиперборейской магии, именно эта разобщенность может послужить поражению Олимпа. Если такое поражение вообще возможно.

— Мне жаль, что ты столь тяжело ранен, — Гермес покачал головой, и в глазах его Геракл и в самом деле увидел столь редкое для гиперборейцев истинное сочувствие. — Врачи говорят, что встать на ноги ты сможешь не раньше, чем через десять дней. И то... вряд ли. Боюсь, к этому времени все будет кончено, а ты так и не примешь участия во всем этом.

— Я и не хочу, — тихо сказал герой, вдруг осознав, что говорит истинную правду. — Это будет бойня...

Он оказался прав. Это и в самом деле была самая настоящая бойня.

За все время пути — это было невероятно, но не признать этого было нельзя — атланты потеряли всего четыре корабля, да и то лишь из-за того, что рулевые подвели свои огромные суда слишком близко друг к другу и не смогли избежать столкновения. И теперь более чем тысяча кораблей подошли к земле настолько близко, что с самых верхушек мачт уже виднелись облака, неоспоримо указывавшие на присутствие суши. Архонты понимали, что Олимп вот-вот нанесет удар, и пребывали в постоянном напряжении, ожидая хода Гипербореи.

Зато среди воинов на палубах царило оживление. Посейдонис выставил все, что смог — более ста двадцати тысяч воинов, это была немыслимая, невероятная, невозможная армия, равной которой не знала Ойкумена. И очень, очень не скоро узнает. Мертвоглазых среди этого воинства было не так уж и много, тысяч пятнадцать или чуть больше — они не поддались всеобщему веселью, они просто были готовы к бою, исход которого их ни в малейшей степени не волновал. Получен приказ — а приказ для тех, чей разум был раздавлен магией Архонтов, являлся чем-то более важным, чем сама жизнь.

Но и остальные бойцы рвались вперед, в схватку. О Гиперборее ходили разные слухи — но все сходились на том, что Олимп накопил немыслимые богатства, и те, кто сейчас на палубе натягивал броню и последний раз проводил точильным камнем по режущей кромке меча или топора, предвкушали отменный грабеж. О том, что до Олимпийской цитадели от побережья еще далеко, о том, что этот путь придется проделать по враждебной, ошетилившейся оружием земле, никто не думал.

Что ж, можно сказать, что думать об этом и в самом деле не стоило. Большинству не суждено было ступить на землю — а тем, кому все же повезло добраться до песчаного берега, не стоило слишком уж благодарить Мойр. Их нити жизни оказались очень короткими... но сейчас они еще не знали об этом. Они острили клинки, отпускали крепкие соленые шуточки, хвалились друг перед другом воспоминаниями о прежних победах и обещаниями побед будущих.

А тем временем к ровному, устойчивому ветру, что все так же уверенно гнал корабли ко все приближающейся земле, прибавился другой ветерок. Слабый, беспокойный — но усиливающийся с каждым мгновением. Взметающий крохотные смерчки, наполненные сорванной с волн пеной, весело разбивающиеся о борт то одного, то другого судна. Кто обратил на них внимание? Может, несколько пар глаз и скользнули по крошечным смерчам, и тут же уткнулись во что-то иное, более интересное. В мех с вином. В вырисовывающийся на горизонте берег. В тусклый блеск оружия.

Вот неожиданный порыв ветра заставил ранее туго раздутый парус заполоскаться, скрипнула невысокая мачта, кого-

то окатило водой — послышались ругательства и ехидные смешки. А ветер крепчал... Смерчи становились все больше, их число увеличивалось — казалось, что корабли продираются сквозь призрачные колонны. А потом вдруг все эти небольшие еще вихри слились в три чудовищных бурлящих столба. Небо стремительно затягивали черные мокрые тучи, и хоботы чудовищных смерчей искали себе жертвы. Искали — и находили, снова и снова. Под ударами тугих, как мышцы, хоботов щепками разлетались крепкие борта кораблей, как тонкие веточки ломались мачты и весла, калеча и убивая столпившихся на палубе людей, с оглушительным даже на фоне воя разбушевавшейся стихии треском рвались паруса — и удары мокрой ткани сметали в холодную воду неосторожных.

Сейчас Архонты в полной мере смогли оценить ту мощь, против которой Посейдонис посмел двинуть свои войска. Блеснула молния, заставив один из кораблей вспыхнуть факелом — огонь моментально охватил все, даже просоленное, мокрое дерево. Не заставил себя ждать и удар грома — немало нашлось тех, для кого этот звук стал последним, что было услышано ими в жизни — кровь фонтаном ударила из разорванных ушей, заливая и без того мокрые, усыпанные телами палубы.

Магия атлантов лишь в небольшой степени могла смягчить буйство сошедшего с ума неба. И это был еще не конец — только начало. Гиперборейские маги, повелители воздуха и воды, огня и земли, вздымали чудовищные волны, каждая из которых могла без труда опрокинуть тяжело груженный корабль, вихри разгулялись вовсю, дробя не способное противостоять им дерево и слабые, хрупкие людские тела. Молнии теперь били не переставая, а грохот громовых раскатов слился в непрерывный гул. Та, самая первая молния, вобравшая в себя немалую толику сил Зевса, что вместе с другими олимпийцами сейчас стоял на высоком скалистом берегу, шепча древние, как сам этот мир, слова, была самой сильной. Остальные уже не рвали людям барабанные перепонки, не превращали корабли в на глазах истайивающие угольями костры, но и тех голубых стрел, что обрушились с небес на беснующееся море более чем хватало. Во тьме то там, то здесь вспыхивали пожары — их уже никто не тушил.

Кто-то из кормчих, решив, что жизнь важнее и славы, и добычи, начал разворачивать суда, в надежде, что стихии сжалятся над ними, простят... Быть может, стихии так бы и поступили — большинство олимпийцев предпочитали скорее преподать атлантам хороший урок, которого тем хватило бы на много веков, чем отправить на морское дно всю огромную флотилию. Но за мечи схватились мертвоглазые — и, спустя какое-то время, сами стали у руля, даже не потрудившись сбросить за борт трупы тех, кто посмел воспрепятствовать исполнению полученного ими, верными рабами Архонтов, приказа. И корабли снова двинулись к берегу — навстречу своей гибели.

Две виманы, до этого отчаянно пытавшиеся увернуться от шарящих по воде хоботов чудовищных смерчей, развернулись и устремились к берегу. Двое Архонтов, управлявших летающими колесницами, решили, видимо, что смогут поразить гиперборейцев, творивших сейчас свою чудовищно убийственную волшбу... Первая машина выпустила сноп огненных стрел с предельно возможного расстояния. Залп можно было назвать удачным — в воздух взметнулся столб огня и дробленого камня, покатила по земле Афина — острый осколок ударил в незащищенное панцирем бедро, легко ломая кость. Зашаталась грозная Персефона, которую кое-кто из смертных чтит наравне с Аидом, властелином Тартара. Были убиты на месте двое или трое гиперборейских магов-полукровок, достаточно сильных, чтобы стоять в одном ряду с истинными олимпийцами. Бешено вращающийся обломок гранита, как ножом, срезал в локте руку Астрею, одному из старейших титанов. Зефир и Борей, оставив магию ветров, бросились к истекающему кровью отцу — и в черных тучах на мгновение образовались просветы, а ненасытные смерчи чуть ослабели.

Второй вимане не повезло. Взбешенный Зевс метнул молнию, вложив в нее всю свою ярость. Слепящий голубой разряд ударил в кажущуюся крошечной машину, в мгновение ока превратив ее и тех, кто находился внутри, в падающие вниз, в волны, оплавленные, обгоревшие обломки. Второй вимане — той, что сумела нанести олимпийцам первые, пусть и незначительные, потери удалось уйти от возмездия. Опаленная и искореженная, она прорвалась сквозь смерчи и умчалась на за-

пад — чтобы донести Лорду-Протектору Посейдониса весть о разгроме.

А разгром продолжался...

Один из кораблей вздрогнул от чудовищного удара в днище, с треском разлетелись доски, ударил фонтан воды... Несколько мгновений — и корабль вместе со всеми, кто в нем находился, исчез в стремительном водовороте, лишь несколько обломков кувыркались на волнах. На мгновение среди пенных гребней показалось юное лицо, обрамленное слипшими от воды золотистыми прядями волос. Бледная зеленоватая кожа уже в области шеи сменялась серебристой мелкой чешуей, огромные перепончатые руки ухватили цеплявшегося за обломок мачты солдата и мгновенно утанули его в глубину. Вскоре золотоволосое чудовище появилось снова — ударил по воде, поднимая фонтан брызг, могучий хвост, и Тритон, дитя морских владык, устремился к следующему кораблю, обреченному пополнить его хранящуюся на морском дне коллекцию.

И все же флот Посейдониса был слишком велик. Не менее половины кораблей уже ушли на дно, почти все уцелевшие потеряли мачты и паруса, но остальные, теперь уже вспенивая волны одними только веслами, рвались к берегу. Теперь уже мертвоглазым не нужно было убеждать сомневающихся в необходимости в точности исполнить приказы Архонтов... Весла гнулись в руках гребцов, осознавших, что единственный их шанс на спасение — земля. Земля, где можно встать на ноги, взяться за оружие и, может быть, опрокинуть проклятых гиперборейских магов. И корабли двигались вперед — то один, то другой шел ко дну, или разрушенный хоботом смерча, или пробитый ударом хвоста резвящегося в глубине Тритона, но остальные с каждым ударом весел пусть и ненадолго, но приближались к вождьленному берегу.

Там их ждали. Семь тысяч бойцов — жалкая кучка по сравнению с тем, что даже после столь чудовищных потерь могла высадить на берег армада Посейдониса. И все, кого могли сюда привести кентавросы, при этом не оставляя Олимп на разграбление всякому, желающему воспользоваться отсутствием хозяев. Большая часть воинов сидела на камнях, отдыхая, — их бой еще впереди. То там, то здесь среди воинов возвышались

огромные несуразные фигуры, кое-как замотанные в порядке изгаженные и отвратительно смердящие звериные шкуры. Длинные, до колен свисавшие руки могли без труда переломить или вырвать с корнем средних размеров дерево, а единственный глаз посреди лба был наполнен тупой, нерассуждающей злобой. Воины старались держаться от циклопов подальше, несмотря на то что присутствие гиперборейских магов в известной степени сдерживало чудовищ... никому не хотелось рисковать — циклопы отличались вздорным нравом, вечным голодом и полной неразборчивостью в пище. Превозмоги голод над страхом перед олимпийцами — и циклоп вполне мог подзакусить ближайшим к нему человеком.

Вот один из великанов встал, с кряхтением поднял большой обломок скалы и, насаживаясь, сопровождая действие звериным рыком, швырнул его в сторону моря. Особой ловкостью эти тупые, неуклюжие исполины никогда не отличались — камень, пролетев почти стадию, плюхнулся в воду, не дотянув до ближайшего корабля несколько десятков локтей. Неудача ничуть не расстроила гиганта — он наклонился, поднял другой камень, и повторил попытку. Еще раз, еще... Пятый или шестой валун все же достиг цели, проломив борт корабля ниже ватерлинии. Разом хлебнув огромную порцию воды, корабль завалился набок, с палубы в море посыпались солдаты... большинству уже не суждено было ощутить под ногами твердую землю. Циклоп радостно загоготал, воздев руки к небу, запрыгал — солдаты прыснули во все стороны, чтобы не попасть под тяжелые босые пятки веселящегося гиганта.

Зевс прекрасно понимал, что сумеет атланты высадить свои войска — и ни магам, ни их многочисленным солдатам не удастся остановить вторжение. Изрядно потрепать — возможно. Заставить заплатить за победу дорогой ценой — наверняка. Но не остановить... а вопрос о том, как дорого встанет атлантам победа, гиперборейцев не волновал. Как, собственно, и самих атлантов.

Вздрогнул, словно пронизанный судорогой, один из прибрежных холмов. С шумом распрямились огромные кожистые крылья, ударил по камням длинный, усеянный шипами хвост. От взмаха крыльев поднялись клубы пыли — здесь, на берегу,

дождя не было, магам совершенно не хотелось промокнуть. Огромное чудовище взмыло в воздух, клубок усеянных присосками щупалец, торчавший прямо из уродливой морды, развернулся — приготовившись хватать добычу и запихивать ее в необъятную пасть. Огнедышащего Тифона панически боялись все — даже олимпийцы. А само чудовище боялось... нет, не боялось, а несколько опасалось только Зевса. Его щупальца с круглыми присосками, издав далеко казавшимися многочисленными глазами, породили легенды о том, что Тифон стоголав... На самом деле голова, как и пасть, у монстра была одна — зато прожорливости хватило бы на десятерых. Даже Зевс понимал, что рано или поздно с Тифоном ему придется расправиться, относительно разумный, невероятно жестокий монстр был опасен... но пока тварь подчинялась его приказам, Зевс берег ее как чуть ли не самое сильное свое оружие.

Тифон поднимался все выше, высматривая добычу — добычи было много, невероятно много... сладкое мясо, пускай и сокрытое внутри деревянных корпусов кораблей. Он никак не мог выбрать.

С кораблей заметили чудовище, раздались наполненные ужасом вопли, более смелые тут же схватились за луки, к летящему монстру устремились стрелы. Немногие достигли цели — порывы ветра сбивали прицел даже лучшим лучникам, но несколько бронзовых наконечников все же пронзили кожу крылатого создания. Тифон был бессмертным, и при его размерах уколы стрел были для него не опасней, чем для человека — укусы комара. Но это не означало, что он был равнодушен к боли, даже незначительной. Уже очень давно никто не осмеливался напасть на Тифона, люди предпочитали просто уступить чудовищу часть своего скота или даже часть своих же соплеменников, но тем сохранить жизни большинству. Над морем пронесся гневный рев, заглушающий даже грохот бури и раскаты грома, тварь спикировала к ближайшему кораблю, из ее глотки вырвался поток пламени, от которого плавился даже камень. Корабль мгновенно превратился в огромное кострище, вокруг которого поднимались клубы пара — это кипело море там, где его коснулось обжигающее дыхание Тифона. Щупальца выдернули из воды двух или трех обгоревших лю-

дей, одним движением засунули их в пасть. Тифон сглотнул, а затем развернулся и атаковал снова...

— Корабли все еще идут к берегу, — Зевс чувствовал, как слабость наполняет тело, как пульсируют в висках раскаты боли. И он знал, что остальные гиперборейцы чувствуют себя не лучше. Магия, обрушившаяся на флот атлантов, была разрушительной, но и самим магам она далась нелегко.

— Мои братья устали... — Борей тяжело дышал, по лицу, несмотря на более чем прохладную погоду, катились струйки пота. — Мы не сможем долго удерживать вихри.

— Артемида, — он повернулся к дочери. Охотница стояла рядом с отцом, опираясь на большой, в ее рост, лук. Магией она владела слабо — больше той, что позволяла управлять животными и растениями. Девушка вскинула изящную головку, увенчанную короной золотых волос. Поговаривали, что даже Афродита меркнет рядом с юной дочерью Громовержца, хотя при самой Афродите такого никто вслух произнести не рисковал — стерва, мнящая себя первой красавицей Олимпа, вполне может отправить конкурентку в Тартар, даже не побоявшись гнева Зевса, тем более что за века своей жизни она обзавелась не одной сотней способов устранять со своего пути слишком красивых женщин.

— Попробуй увидеть...

Она кивнула, закрыла глаза, прошептала нужные слова. Это заклинание давалось ей лучше, чем кому-либо другому. К тому же она не устала — девушка не принимала участия в битве, лишь оказала помощь раненой Афине. Прошло совсем немного времени, и Артемида заговорила, вполголоса, старательно выговаривая слова...

— Я вижу глазами Тифона, отец. Флот еще велик. Не могу сказать, сколько кораблей, Тифон атакует одно судно за другим...

— Он еще может биться?

— Не знаю... — бормотала Артемида, не меняя интонаций, — он ранен, ему больно. Он уже сыт и хочет вернуться назад, на берег. Его крылья устали...

— Корабли, дочь, — мягко напомнил Зевс.

— Кораблей много. Очень много. И они приближаются.

Зевс провел рукой по лицу Артемиды, снимая с девушки наваждение. Она вздрогнула, затем пошатнулась — вхождение в разум животного, пусть даже полуразумного, как Тифон, было очень трудным делом. Да еще со столь большого расстояния. Чьи то руки тут же подхватили охотницу, не дали ей упасть, усадили на заботливо постеленный на камни плащ.

— Борей... — Громовержец повернулся к магу ветров. — Попробуйте отогнать корабли...

Тот склонил голову.

Встречный ветер усилился настолько, что, несмотря на все усилия гребцов, корабли не продвигались вперед ни на локоть — но стоило хотя бы нескольким воинам прекратить ворочать тяжелыми веслами, как суда тут же относило назад, в открытое море — и не было более никакой возможности вернуться хотя бы на прежнее место. Весла гнулись, протяжно и жалобно скрипели — а то и вовсе с треском ломались, калеча неосторожных и убивая вовсе уж несчастливых.

Удары молний, воронки смерчей... вопли исцарапанного, а оттого и вовсе обезумевшего Тифона... смерть, приходящая из-под воды... Все больше и больше кораблей разворачивались, стремясь уйти из этого проклятого места. Мертвоглазые слуги Архонтов пытались стоять на своем — и вновь кое-где на палубах пролилась кровь.

Армада потеряла более половины кораблей, да и большинство уцелевших были изрядно потрепаны рукотворной стихией. Прочные корпуса местами дали течь, мачты были изломаны, от парусов остались одни лишь лохмотья. И все-таки там, в открытом море, подальше от страшных гиперборейских магов у них был шанс. Никто из воинов не знал, что силы Гипербореи уже на исходе, что даже могучий Зевс не выдержит более получаса, что уже лежит без сознания Зефир, исчерпавший все свои силы, а Борей припал на одно колено и из последних сил гонит ветры, одновременно пытаясь удерживать смерчи... И опытный наблюдатель заметил бы, что убийственные вихри уже не столь могучи, уже лишь проламывают борта кораблей, а не разносят их, как ранее, в щепки.

Но никто уже не думал об этом. Каждый стремился спастись — одни рвались в открытое море, изрубив упрямых и непримиримых мертвоглазых, другие столь же отчаянно гребли к берегу. Нескольким судам удалось прорваться к кажущейся спасительной суше — в основном тем, что шли у самого края огромного флота. Здесь ветер был слабее, сюда не доходили смерчи, бесчинствовавшие ближе к центру армады, и не обрушивалось на палубы яростное дыхание Тифона. А в двух стадиях от берега ветер и вовсе исчез...

Вот киль одного из кораблей врезался в гальку, тут же в воду посыпались воины. Берег ошетинился отточенной бронзой, засвистели стрелы. Хирон всадил длинную стрелу в горло бегущего впереди бойца, тут же выстрелил еще раз — стрела ударила в чешуйчатый орихалковый доспех и с протяжным звоном отлетела в сторону. А мгновением позже загрохотали мечи и топоры...

4

— Мы потеряли почти четыре тысячи бойцов, — Зевс в своей обычной манере расхаживал по залу, с такой силой впечатывая шаги в мрамор, что, казалось, еще чуть-чуть, и во все стороны полетит каменное крошево.

За узкими стрельчатыми окнами шел дождь. Холодные тугие струи хлестали по мраморным и бронзовым статуям, наполняя воздух липкой, промозглой влажностью, недавно еще аккуратные, ухоженные цветники превратились в раскисшую смесь мятой зелени и жидкой грязи, и даже на сырых стенах цитадели вот-вот могли появиться пятна плесени. В иное время маги воздуха — обычно этим занимались Зефир или Нот — следили за тем, чтобы над столицей Гипербореи всегда было чистое небо. Кроме раннего утра, предрассветного... в это время всегда шел короткий ласковый дождик.

Но теперь Орфей, которого лекарям с трудом удалось вывести из беспамятства, не мог пошевелить и пальцем, да и остальные братья-ветры чувствовали себя лишь немногим луч-

ше. Гиперборейцы давно уже забыли, сколько сил высасывает магия, а потому и не сумели удержаться на той грани, за которой следует почти неизбежная потеря сознания. Лишь Борей — самый сильный и, возможно, самый осторожный из детей титана Астрея, все еще был на ногах. Но лицо его осунулось, седобородый маг тяжело опирался на посох, казался усталым и меланхоличным, и все время норовил сесть.

И холодный осенний ливень, словно веками ожидавший удобного момента, спешил выплеснуть на цитадель всю накопленную ярость, обрушивая на мрамор величественных сооружений одну ледяную волну за другой. Скоро маги придут в себя, скоро к ним вернется толика сил — и тогда он, ливень, будет изгнан из этих мест. Но это будет потом...

Афина, никогда не отличавшаяся особой выдержкой, выглядела взбешенной. Сломанную кость ей зарастили, но крови она потеряла немало, а потому тоже вынуждена была искать опору для раненной, все еще ноющей ноги. Конечно, опираться на палку воительнице не привиделось бы и в страшном сне — а потому, в очередной раз проигнорировав неоднократно высказанное нежелание Зевса видеть в этом зале оружие, она явилась на совет с недлинным копьем, которое сейчас использовала как посох. Несмотря на боль, она не могла усидеть на одном месте и, прихрамывая, слонялась по залу, то слушая Громовержца, то встречая в разговоры других олимпийцев — в те редкие мгновения, когда Зевс выдыхался и подходил к столу, дабы глотнуть немного подогретого вина.

Сейчас здесь, в самом сердце Олимпийской твердыни, собирались те, кому предстояло принять решение — что делать дальше. Гефест по своей обычной манере ушел в лабораторию с явным намерением не показываться оттуда без острой необходимости. Право решать государственные проблемы он оставлял тем, кто получал от этого хотя бы тень удовольствия. Отсутствовали и многие другие. Аполлон, осунувшийся от усталости и растерявший немалую толику своей ослепительной красоты, уже несколько дней не вылезал из виманы, наблюдая за возвращением избитой, изгнанной, но все еще сохранявшей огромную мощь армады Посейдониса. Исчез куда-то Гермес... впрочем, его присутствие ни в малейшей степени не

повлияло бы на принимаемые здесь решения. Персефона, ранение которой было не слишком опасным, но очень неприятным для женщины — осколок камня рассек щеку, оставив уродливый рваный разрез, — удалилась к лекарям, явно не намереваясь показываться на глаза другим олимпийцам прежде, чем от раны не останется и следа.

— Почти четыре тысячи... — повторил Зевс, и в голосе его звучала скорбь. Слишком явственная, чтобы быть неподдельной.

— Если бы до берега добралось не жалких семь десятков кораблей, а хотя бы сотня, — мрачно заметил Арес, лишенный меча, а оттого пребывавший не в настроении, — они бы смели нас.

— Не ты ли, знаток войны, говорил, что любой воин Гипербореи стоит трех варваров и четырех изнеженных теплым солнцем атлантов? — недобро прищурился Громовержец.

На грубом, словно высеченном из камня лице Ареса не дрогнул ни один мускул.

— Говорил, скажу и впредь, — пророкотал он. — Но эти твари... не уверен, что могу назвать их людьми, не боятся ни боли, ни смерти. Мои воины умеют драться с живыми.

Геракл, все еще бледный и слабый, был весьма удивлен приглашением на этот совет. Обычно ни полукровки, ни даже младшие из гиперборейцев не допускались в тронный зал — святая святых Олимпийской цитадели. Хотя причины этого неожиданного приглашения были очевидны. Магия Архонтов уже ни для кого не являлась тайной, и накануне, в ходе беседы, весьма напоминавшей допрос, Геракл вынужден был рассказать отцу правду. Он умолчал только об одном — о том, что и Хирон обладает этим же бесценным даром, защитой от поражающего разум колдовства. Зевс мог пощадить собственного сына, но вот отпрыска Кроноса он бы не пощадил.

— Твои воины показали, что Гиперборея почти беззащитна, — Громовержец некоторое время помолчал, затем мрачно продолжил: — И чтобы устранить угрозу вторжения раз и навсегда, мы... ударим первыми.

В зале повисла тяжелая, гнетущая тишина. До сих пор Олимп ни разу не начинал войн... если, конечно, не считать внутрен-

ние конфликты, которые рассматривались как внутрисемейные дела. Никому не приходило в голову бросить вызов магам, а самих их настолько мало интересовали дела смертных, что в войнах попросту не было необходимости.

Но все когда-нибудь происходит впервые.

— Атлантида все еще сильна, — с сомнением в голосе протянула Гера, одна из немногих, кто вообще осмеливался прямо перечить Зевсу. Многие гиперборейцы проявляли недовольство тем или иным решением Громовержца, но высказать свои сомнения вслух означало по меньшей мере впасть в немилость. А Зевс умел выражать свое недовольство так, что потом долго не находилось желающих снискать на свою голову его гнев.

— Атлантида сильна, — кивнул Зевс, словно ожидавший этой реплики. — Ее флот все еще способен на многое... но флот этот в море, и пройдет немало дней, прежде чем воины Посейдониса смогут ступить на землю Атлантиды. Корабли потрепаны, им нужно время на хоть какой-нибудь ремонт, наверняка нужна и провизия, а значит, они будут где-то приставать к берегу. Посейдонис остался беззащитным, хотя и чувствует себя в безопасности.

— И они не ошибаются, — прогудел Арес. — Чтобы штурмовать Посейдонис, нужны войска... хотя бы немного. Но все наши воины здесь. Допустим, Аполлон может перебросить сколько-то бойцов к стенам Посейдониса... десяток, два?

Зевс смотрел на Ареса, но, вопреки обыкновению, его лицо не искажал гнев. Напротив, сейчас в глазах Громовержца плескалась мудрость и снисходительность... так все знающий отец смотрит на дитя, терзающееся вопросами, давно отцом решенными.

— Да. Ты прав. Ты даже более прав, чем думаешь... Вчера Аполлон вновь столкнулся с виманами Архонтов, их огненные стрелы зацепили нашего Златокудрого. Вимана почти цела, но сам Аполлон еще не скоро сможет хотя бы самостоятельно ходить. Так что и вимана не поможет доставить войска в Атлантиду. И я рад, что ты сказал все это... всю эту чушь. Потому что если даже ты, посвященный во многие тайны Олимпа, веришь в то, что говоришь, то и Архонты не пойдут дальше.

— Клянусь Тартаром! — на скулах Ареса заиграли желваки. — Я не понимаю, о чем ты говоришь...

— Еще бы... — Зевс хотел было добавить, что самое большее, что удалось в своей жизни понять Аресу, это за какой конец надо держать меч. Но удержался, иначе совет неминуемо вылился бы в склоку... Арес не боялся ничего и никого, и в силу своей воинской сущности, и в силу не слишком острого ума.

Он медленно оглядел собравшихся, словно раздумывая, все ли здесь присутствующие имеют право услышать то, что он намеревался им сказать.

— В Ойкумене есть много путей... — Зевс погладил бороду, нахмурился. — Да, много. Есть путь, что позволит нашим солдатам достигнуть Посейдониса за считанные часы. Я хотел бы, чтобы это осталось тайной. Все знают, что, покидая этот мир, и люди, и бессмертные уходят навсегда во тьму Тартара, отдавая Харону последнюю монету за перевоз. Но люди умирают по всей Ойкумене... и нельзя сказать, что путь к ладье Харона для тех, кто живет возле Олимпа, короче, чем для всех других. Путь всегда одинаков.

Вниманием собравшихся в этом зале Зевс завладел целиком и полностью. Все взгляды были устремлены на него, затихли даже неизбежные при таком количестве гостей перешептывания. Каждый пытался сообразить, что прозвучит дальше — и еще у каждого было странное чувство, что тайна, которую намеревался огласить Громовержец, несет в себе нечто ужасное.

А Зевс, словно желая поддержать эти мрачные чувства, даже не говорил — вещал, тяжело роняя каждое слово.

— Тартар — вот путь, через который можно добраться до любого места Ойкумены. Но законы Тартара суровы, и даже Аид, властитель подземной тьмы, не в силах преступить им же установленные законы. Те, кто попадают в мир мертвых, не могут вернуться в мир живых.

— Это известно всем, — фыркнула Афина, уже догадавшись, о чем речь пойдет дальше. — Как известно и то, что из любого правила бывают исключения.

— Это так, — Громовержец не стал спорить, тем более что Афина была совершенно права. — Это так, когда речь идет об одном... герое. Но сейчас через чертоги Тартара предстоит про-

вести армию... Аид готов дать каждому из тех, кто перейдет через воды Стикса, десять дней. Десять дней славы. И еще кое-что... Силу и мужество. Нечувствительность к боли.

— А потом?

— Потом Харон вновь примет их в свою ладью. И более не возьмет монеты... ему уже заплатят за перевоз.

— Значит... — медленно протянула Афина, — мы отправим людей на верную гибель?

— Смерть со славой, смерть ради жизни Гипербореи! — напыщенно произнес Зевс, грохнув кулаком по подлокотнику трона. — Разве истинный воин не должен быть готов к этому?

— Воин готов к битве, если есть шансы на победу! — отрезала Афина. — Я не...

— Те, кто пойдут, сделают это добровольно, — вдруг пробасил Арес. — И будут знать, что их ожидает. Но даст ли Тартар защиту от этой омерзительной магии Архонтов?

Зевс покачал головой.

— Нет.

— Тогда к чему все это? — передернул плечами Арес. — Пополнить армию Посейдониса еще одним отрядом? На короткий срок, правда.

— Магия Архонтов не всесильна, — Зевс сделал многозначительную паузу. — Есть те, на кого эта магия не оказывает никакого воздействия. Например, мой сын...

Все взгляды словно по команде обратились на Геракла, и тот вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок. Да, он не боялся ни чудовищ, ни людей. Но войти живым в Тартар, войти, зная, что с этого момента тебе остается жить всего лишь десять дней — и ни сила, ни мужество, ни удача не позволят хотя бы на мгновение отсрочить печальный конец... это было по-настоящему страшно. И все же он понимал, что без помощи хотя бы одного бойца, не боящегося магии Архонтов, вся идея штурма Посейдониса обречена на провал.

— Я готов вести войска... — он с трудом встал, но голос звучал твердо.

— Я тоже предпочел бы, чтобы войска повел ты, сын мой, — голос Зевса звучал мягко, и все же в нем, помимо доброты и понимания, звучала тщательно прикрытая, но все же замет-

ная фальшь. — Я хотел бы этого, но сейчас ты, Геракл, не годишься для боя. И все же в Олимпийской цитадели есть еще один воин, который может взять на себя эту трудную миссию.

Вот теперь Геракл испытал даже не страх — ужас. Он понял, о ком говорит Зевс, и проклял тот час, когда рассказал Хирону о своем разговоре с тенью Кроноса. Но как мог Зевс узнать? Или здесь, в цитадели, за каждым гобеленом стоят шпионы Громовержца?

Дверь распахнулась, и в зал твердым шагом вошел Хирон. В доспехах, с оружием — небывалый случай. Печатая шаг, он подошел к трону и склонил голову перед Зевсом. Громовержец медленно поднялся и — по залу пронесся удивленный вздох — тоже склонил голову.

— Кентаврос Хирон. Мы все в долгу перед тобой за то, что ты готов пожертвовать столь многим ради Гипербореи...

Да, Зевс был мастером красивых слов — но все, и Геракл в том числе, уловили в голосе Верховного Мага и иные нотки. И каждый понимал, что сейчас этот могучего телосложения человек с седой бородой и мудрыми глазами ведет свою игру, устраняя еще одного потенциального врага — сына Кроноса, который, может, и смирился с гибелью отца, но ничего не простил и ничего не забыл. Конечно, в борьбе с Зевсом у Хирона не было никаких шансов, но все же воин и герой, пользовавшийся уважением и даже любовью большинства олимпийцев, мешал Верховному Магу. Мешал одним своим существованием.

Это понимал и Хирон — но он также осознал, что кто-то должен принять участие в этой аванюре. Он или Геракл, искать еще кого-то не было ни времени, ни возможности. Кронос, видевший будущее из тьмы Тартара, наверняка знал, во что выльются сказанные им Гераклу слова. Знал... значит, это было необходимо. Пусть Кронос и был низвергнут в Тартар, пусть он и не испытывал ни капли теплых чувств к Зевсу, но судьба Гипербореи была ему небезразлична.

— Я готов, — коротко отчеканил он.

В это самое время за многие тысячи стадий от цитадели, среди других мраморных стен протекала другая беседа. Неспешная и не наполненная переживаниями. Архонты вообще

любили обсуждать насущные проблемы без торопливости, взвешивая варианты и выбирая из них лучший. И если решение было принято, то Архонты шли к нему без сомнений и колебаний... не считая оставляемых за собой жертв и разрушений.

Если же цель оказывалась недостижимой — что ж, всегда можно вернуться на прежние позиции и попытаться отыскать новый, более перспективный путь.

Эта комната не походила на тронный зал Олимпийской цитадели ни размерами, ни убранством. Скорее, это место можно было назвать кабинетом. Мягкие удобные кресла, камин, в котором пылали дрова, распространяя приятный аромат, ковры с высоким густым ворсом, небольшие столики, уставленные напитками... Архонты любили комфорт.

Сейчас одно из кресел пустовало. Тело Архонта Биленжеса, или, вернее, то, что от него осталось, покоилось теперь на дне океана... Потеря одного из соратников огорчила Архонтов — все они были законченными индивидуалистами, не испытывали друг к другу ни любви, ни дружеских чувств, но они были соратниками, и потеря одного из десяти несколько снижала шансы на общий успех дела. Исполнив короткий ритуал в память об ушедшем, они приступили к пересмотру своих планов, делая поправку на то, что теперь их осталось только девять.

Они были похожи друг на друга — настолько, насколько люди, принадлежащие к одному роду, кажутся похожими путнику, пришедшему из неведомого далека. Высокие, серебряно-волосые, в золотистой чешуе природных доспехов. Ни одна человеческая женщина не назвала бы атлантов красивыми, несмотря на то что черты их лиц были правильными. Было в этих странных созданиях что-то, сразу дающее понять — это не люди. Что-то змеиное... не злое, но преисполненное того равнодушия, которое зачастую страшнее чистого, неприкрытого зла.

Один из атлантов носил на груди массивную золотую цепь с кулоном, в центр которого был вплавлен камень небесно-синего цвета. Камень, светившийся собственным мягким светом, притягивал взгляд, завораживал и даже немного пугал. Это был знак Лорда-Протектора, одного из высших чинов на далекой, а теперь и вовсе не существующей Атлантиде, погиб-

шей родине этих созданий. Но синий камень был не только символом — он был наполнен чистой силой магии, многократно усиливая возможности своего хозяина. Будь атланты людьми — меж ними непременно началась бы борьба за власть, за право обладать этим медальоном, за право быть первым. Но у атлантов были иные правила, иное отношение к власти. Каждый из них имел право на собственное суждение, право высказывать и отстаивать его, но если следовал приказ — он подлежал безусловному исполнению. Лорду-Протектору подчинялись беспрекословно.

— Мы потерпели поражение, — голос Архонта Галаса был ровен. Можно было подумать, что он не испытывает никаких отрицательных эмоций, ни гнева, ни даже раздражения. Впрочем, примерно так оно и было. — Сила Гипербореи была недостаточно хорошо оценена. Их магия оказалась много сильнее, чем мы предполагали.

— На данный момент уцелело около двадцати трех процентов армии. Корабли прибудут в Посейдонис через четыре дня.

— Для повторной атаки на Олимп этих сил недостаточно, — Лорд-Протектор Биззар отпил глоток терпкой зеленоватой жидкости из своего бокала, ощущая, как приятное тепло начинает распространяться по телу. Алкоголь, содержащийся в земных винах, нравился атлантам, но даже лучшие вина солнечного юга не шли ни в какое сравнение с напитком, который был произведен еще в благословенной Атлантиде. Его осталось совсем немного, и каждая капля была для Лорда-Протектора истинным наслаждением.

— Воины у гиперборейцев неплохи, — не согласился Властитель Берг, — но когда дело доходит до рукопашной схватки, их превосходство не столь уж и велико, и в немалой степени компенсируется лучшим оружием и доспехами наших людей. По предварительным оценкам, в бою на берегу они потеряли от трех с половиной до четырех тысяч бойцов. Наши потери лишь немногим больше.

— Но к берегу удалось подойти лишь немногим кораблям. Мы более не можем рисковать, принимая непосредственное участие в бою, а отсюда, из Посейдониса, наших сил не хватит

ни на нейтрализацию магии гиперборейцев, ни даже на сколько-нибудь существенное ее ослабление.

— Вы предлагает прекратить экспансию, Лорд-Протектор?

— Нет, — качнул головой Биззар, — экспансия должна продолжаться. И я должен заметить, что потери не имеют особого значения лишь тогда, когда они способствуют достижению цели.

— Нам известна природа магии гиперборейцев, но способов эффективно ей противодействовать пока не найдено.

— Это не совсем так... — Властитель Пеллистер был занят какими-то расчетами на своем портативном компьютере, поэтому подал реплику даже не поднимая головы.

Все замолчали, ожидая, пока он продолжит свою мысль. Пеллистер был единственным ученым среди Архонтов, и только он в полной мере разбирался в их технике. Фактически, в иерархии Посейдониса он занимал второе место после Лорда-Протектора, его слова имели немалый вес.

Минуты тянулись томительно долго, но никто не высказывал нетерпения. Раз Пеллистер молчит, значит, он еще не готов объявить свое мнение. Прошло не менее четверти часа, и Лорд-Протектор намеревался уже спросить, что именно имел в виду ученый, когда тот наконец оторвался от экрана компьютера и обвел взглядом собравшихся.

— Мои расчеты завершены. Удалось проанализировать структуру местных магических энергопотоков. По-прежнему остается много непонятого, однако могу сказать, что причина наших неудач в попытках открытия большого портала связана именно с ними. Говоря упрощенно, происходит наложение магических энергопотоков на поле, вырабатываемое генератором портала, при этом происходит деформация структуры и поля, и...

— Безусловно, это важная информация, — голос Лорда-Протектора не выражал неудовольствия, но сейчас Архонты собрались здесь для обсуждения иной проблемы. — И все же мне хотелось бы вернуться к...

— Я еще не закончил, — прервал его Пеллистер. — Таким образом, магия этого мира не дадут открыться большому portalу. В то же время, каждый запуск генератора вызывает искажения в структуре энергопотоков планеты. Я произвел расче-

ты, которые убедительно доказывают, что если вывести генератор большого портала на определенную, практически запредельную мощность, а затем выпустить всю накопленную энергию в предельно короткий отрезок времени... я не имею в виду взрыв, генератор, безусловно, не пострадает, зато в этом случае возможен коллапс всех магических потоков планеты. Лишившись источника магии, гиперборейцы не смогут эффективно противодействовать нашим войскам.

Некоторое время Архонты обдумывали и взвешивали услышанное. Первым вопрос задал Властитель Берг, которому, в случае успеха, предстояло вести войска на Олимп.

— А наша техника? Виманы и оружие созданы исключительно технологическими методами, но защитное поле опирается на магию.

— Вероятно, на время степень надежности защитного поля несколько снизится, — кивнул Пеллистер, ожидавший подобного вопроса. — По моим расчетам, напряженность магического поля планеты должно упасть до четверти процента от нынешнего. Этого достаточно для функционирования защитного купола. Кстати, контроль над подчиненными аборигенами тоже сохранится, изменения в их психике необратимы.

Галас скривился — мысленно, сомнение на его лице не отразилось. Они уже столкнулись с тем, что подчинение не оказывает на чистокровных гиперборейцев того же действия, что и на местных дикарей. Несколько дней — и разум приходит в норму. Причин этого явления установить так и не удалось... хотя одним из вероятных объяснений было то, что олимпийцы в этом мире такие же гости, как и атланты. Просто они пришли сюда раньше.

— Как долго продлится снижение мощности магических потоков?

— Речь идет не о снижении, скорее, о тотальном разрушении их структуры. Временном, разумеется. Сделать достоверный прогноз сложно. Я бы сказал, что воспользоваться энергией в прежнем объеме будет невозможно минимум четыре месяца.

— А максимум? — настаивал Берг.

— Несколько лет, может быть, до десяти. Одна из вероятных линий прогноза — коллапс станет почти необрати-

мым. В этом случае пройдут тысячелетия, прежде чем мощность потоков поднимется хотя бы до сотой доли нынешнего уровня, но, должен отметить, для реализации этого прогноза необходимо стечение обстоятельств, вероятность которых исчезающе мала. Прошу прощения Властителей, более точный прогноз на данный момент невозможен.

— Чем коллапс может угрожать нам?

— Под защитным куполом, насколько показывают расчеты, — практически ничем. Но эксперименты такого рода никогда не производились, возможно, какие-то факторы не учтены. Поэтому я бы советовал использовать стасис-коконы. Они гарантируют необходимую степень защиты от любых внешних воздействий.

Генераторы стасис-поля были одним из наиболее важных открытий атлантов. Внутри стасис-кокона время останавливалось, тем самым защищая заключенного в кокон человека от любых опасностей. Будучи раз активированным, стасис-кокон мог существовать бесконечно долго — и отключить его можно было только своего рода ключом — сложнейшей комбинацией силовых полей. Отключающий генератор, разумеется, должен был находиться вне кокона... в этом был самый существенный недостаток стасис-обороны. Несмотря на многократное дублирование систем деактивации кокона, оставалась незначительная вероятность их отказа — и тот, кто укрылся в коконе, навеки мог стать его пленником.

— Значит, в нашем распоряжении будет не менее четырех месяцев, в течение которого гиперборейцы будут бессильны что-либо противопоставить нам, — задумчиво протянул Лорд-Протектор. — Это хорошее решение. Без магии Олимп будет практически беззащитен.

— Думаю, мы вновь, как это уже один раз случилось, недооцениваем противника! — заговорил Властитель Галас, встав в кресле и даже чуть повысив тон, чем заслужил несколько удивленные взгляды соратников. — Гиперборея — сильный и опасный враг!

Властитель Галас вообще временами был излишне, почти по-человечески эмоционален. Может, поэтому он часто занимался контактами с аборигенами этой планеты. Ему же доста-

лась обязанность сопровождать посла Гипербореи, этого знаменитого Геракла. И он же принес атлантам весть о том, что среди людей появились особи, иммунные к подчиняющему психовоздействию. Очень нерадостную новость. Галас выступал за то, чтобы уничтожить Геракла прямо здесь же, в Посейдонисе — но Лорд-Протектор все же принял решение отпустить посла, с тем, чтобы устроить ему несчастный случай в пути.

Галас считал это решение ошибочным... но, в силу традиций, не стал оспаривать решение Лорда-Протектора. Сейчас же он вновь не сдержался, хотя и понимал, что подобное поведение не прибавит ему уважения среди соплеменников.

— Без магической защиты Гиперборея не устоит перед нашей армией, — заметил Лорд-Протектор, ставя точку в обсуждении. — И хватит об этом. Я принимаю решение использовать генератор для ликвидации магической угрозы. В зависимости от результатов его применения мы решим вопрос о времени второй волны вторжения на территорию Гипербореи. Теперь надо обсудить сроки подготовки генератора. Властитель Пеллистер, как скоро мы сможем приступить к операции?

Властитель Галас тяжело опустил в кресло. Традиции призывали его молчать — приказ Лорда-Протектора, пусть и выраженный в мягкой форме, не допускал двоякого толкования. И все же в душе он понимал, что от его слов просто отмахнулись. Да, Гиперборея понесла немалые потери — но ведь и Посейдонис сейчас остался практически без защиты, если не считать синего купола. Армия в пути и прибудет нескоро. Конечно, у Олимпа нет возможности спешно перебросить сколько-нибудь существенные войска к берегам Атлантиды, но маги Гипербореи доказали, что с ними стоит считаться. Кто знает... может, они найдут какой-то способ.

Он уже открыл рот, намереваясь сказать все это, потребовать дополнительных мер безопасности — и тут же напоролся на тяжелый, ничего хорошего не обещающий взгляд Лорда-Протектора. Этот немигающий взгляд снова напомнил Галасу о том, что обсуждение темы завершено и ничто не способно изменить принятого решения.

И Галас проглотил вертевшиися на языке слова. Второй раз он, переступая через себя, смирился с мнением Лорда-Про-

тектора. Второй раз интуиция подсказывала ему, что это решение ошибочно и что последствия этого решения могут быть катастрофическими. Сам Галас не мог бы толком объяснить, почему в этом простом, обещающем быстрый эффект плане он видит угрозу... Он просто чувствовал это.

И предчувствия его не обманывали.

Путь через тьму Тартара запомнился Хирону, как сплошная череда ночных кошмаров. Кошмаров, от которых просыпаешься в холодном поту, с бешено бьющимся сердцем и предательски дрожащими руками, но потом никакие усилия не помогут собрать воедино ускользающие от разума туманные картины. И остается только ощущение, что картины эти были ужасны.

Он задавал вопросы — но никто из воинов не мог толком рассказать, что именно они видели там, в царстве Аида. Бесвязная череда воспоминаний, с каждым мгновением становящаяся все более тусклой. Но воинов это и не волновало — каждый из них знал, на что идет. Кто-то польстился на невероятно щедрую награду, предложенную Зевсом семьям, которым предстояло потерять кормильца. Кто-то, увидев силу атлантов, увидев гибель друзей и соратников, вознамерился отомстить любой ценой. А кто-то верил в свою счастливую звезду и был убежден, что никакие силы Тартара не способны справиться с мужеством и силой.

Немногим более четырех сотен человек. Серьезная сила — если вести речь о незащищенном городе, все воины которого находятся далеко и не успеют защитить свои жилища. Приказ был прост — уничтожить Архонтов. Если для этого придется вырезать мирных жителей, сжечь прекрасный город, обрушить колонны великолепных храмов — пусть. Пусть будет так. Но если для достижения цели надо отказаться от убийств и грабежа — они найдут в себе силы и на это.

Огромная пещера — и из ее темного зева открывался великолепный вид на Посейдонис. Окажись неподалеку кто-то из местных жителей, он был бы весьма удивлен — в этих местах никогда не было пещер. Впрочем, даже если бы кто-то и прошел сейчас мимо, ему не суждено было увидеть вход в темные

недра земли. Тартар не любил отпускать свои жертвы под свет солнца — но если все же делал это, то делал по-своему. Пещера могла вместить в себя даже не несколько сотен — тысячу воинов. Но когда последний из гиперборейцев покинет ее сырое, холодное нутро, пещера исчезнет. Хирон знал это — хотя не мог бы сказать, откуда пришло это знание. Как и знание того, что первый же шаг на солнечный свет положит начало отсчету десятидневной отсрочки — времени, после которого придется заплатить Тартару страшную плату.

И вдруг, неожиданно для самого себя, Хирон понял, что предстоящий уход в царство теней не заботит его. Сейчас ему казалось, что предстоящие десять дней — срок невысказанно долгий. Кто из его четырех сотен воинов доживет хотя бы до завтра? Кто сможет продержаться половину отведенного срока? Скольким предстоит встретить последний, десятый день? Скольким доведется увидеть последний закат? Никому не интересные, бессмысленные и нелепые вопросы. Воины негромко беседовали о вещах обыденных и простых. О своих победах — и истинных, и выдуманных. Об оставленных дома женщинах — и о других, незнакомых женщинах, нежные тела которых ждут их совсем рядом, всего в нескольких стадиях. О вине, которое наверняка найдется в ухоженных домиках.

Хирон стоял у самой кромки пещеры. Один шаг — и где-то в темных глубинах Тартара упадет первая капля времени. За его спиной толпились тавросы — среди добровольцев их оказалось семеро. Все — ветераны, испещренные шрамами, умеющие не только владеть оружием, но и преподавать эту науку молодым воинам. Будь воля Хирона, он отказал бы этим бойцам, которые очень нужны были там, в далекой теперь Гиперборее. Но они шагнули вперед первыми — и он уважал их выбор.

Хирон снял с плеча мешок, и принялся выкладывать из него одежду, сделанную по описаниям Геракла. Быть может, Архонты и не ждут нападения — но стоит хотя бы одному из них оказаться в той самой башне, о которой рассказывал Геракл, и любая, самая яростная атака будет обречена на провал. А потому ему придется проникнуть в город и сделать так, чтобы защитное небо не опустилось на Посейдонис... хотя пока что не имел ни малейшего представления, что будет делать.

Прошло совсем немного времени, и на дорогу к воротам Посейдониса вышел человек. Высокий, мощного телосложения, он неизбежно привлекал к себе взгляды людей. Но мало у кого возникли подозрения насчет этого мужчины, одетого неброско, немного бедно — но вполне пристойно. Аккуратно подстриженная бородка и ухоженные, тщательно расчесанные волосы не имели ничего общего с обликом северян-гиперборейцев. К тому же мужчина что-то весело насвистывал, поглядывая на величественные городские стены с каким-то детским изумлением. Не иначе, зажиточный фермер из мест, от столицы Атлантиды далеких, впервые решил посетить Посейдонис...

На плече мужчина нес сверток — судя по тому, что его шаг был легкий, сверток не содержал в себе ничего тяжелого. Может, что-то на продажу? Или дар Властителям от дальних селений? Властители были равнодушны к дарам, принимая их как должное — особенно произведения искусства, драгоценные камни, иные редкости...

Хирон шагал, глупо улыбаясь и откровенно глаза по сторонам, одновременно высматривая башню, о которой рассказывал Геракл. Если она пуста — что ж, он войдет в башню и разрушит в ней все, до чего сможет дотянуться. Если же нет... тогда останется только уповать на удачу.

Башню он увидел довольно скоро — описание старого друга было совершенно точным, и Хирон сразу узнал ее. И тут же понял, что опоздал. К башне шли двое — высокие, в золотой чешуе доспехов, с волосами, сверкающими серебром. Почти одновременно из врат верхнего города, где располагались самые прекрасные дворцы Посейдониса, вышла странная процессия — три Архонта в сопровождении двух десятков воинов, также затянутых в золотистую чешую. Воины несли короткие копья с льдисто мерцающими наконечниками — их действия Хирон так и не знал, там, на смертном берегу Гипербореи, бой шел лишь обычным оружием. Но он, как и ранее Геракл, понимал, что вряд ли Архонты вооружили свою элитную стражу обычным оружием.

В самой середине процессии двигалась странная повозка — она плыла над мощеной дорогой, не касаясь камней. Несмотря на то что повозка двигалась легко, чувствовалось, что груз, ко-

торый она несла, был невероятно тяжел. Странная конструкция из стекла и сверкающего серебром металла — Хирон не имел ни малейшего представления, что видят его глаза, зато вдруг всем своим существом почувствовал иное — что бы ни намеревались сделать Архонты, им необходимо было помешать.

Процессия уже миновала цепь шпилей, поддерживающих магическое небо атлантов — но до пещеры, где притаились гиперборейские бойцы, было слишком далеко. Начнись штурм сейчас — и атланты успеют вернуться, укрыться за несокрушимым куполом.

Значит, план остается прежним — купол должен прекратить свое существование.

Хирон неспешно свернул на боковую улицу, подобно остальным жителям города, уступавшим дорогу блистательной процессии. Затем свернул еще раз, еще — с каждым шагом приближаясь к башне. Двое Архонтов давно скрылись внутри, не подозревая, что чужак уже рядом. Скинув с плеча сверток, кентаврос одним движением развернул плотную ткань, открывая блеск оружия. Меч, пояс с метательными ножами, составной лук — не такой сильный, как тот, к которому Хирон привык, но все же неплохой. Но главное — два десятка стрел. Необычных — Геракл сделал другу прощальный подарок, бритвенно-острые наконечники стрел были смазаны самым страшным из известных ядов — кровью Лернейской гидры. Даже бессмертные олимпийцы были бы вынуждены встретиться с вечной мглой Тартара, получи они хотя бы легчайшую царапину.

Позади раздался испуганный возглас. Рука Хирона метнула нож прежде, чем он сам осознал опасность. Горожанин, которого нелегкая занесла в этот переулок, захрипел и рухнул на камни — бронзовое лезвие пробило горло. В руках его не было оружия... впрочем, это кентавроса волновало мало. Закинув меч за плечи и схватив лук, он бегом бросился к близкой уже башне.

Неизвестно, было ли это упущением или забывчивостью, но дверь, ведущая в башню, была не заперта. Двое Архонтов удивленно обернулись на шум — и тут же их руки потянулись к оружию. Кентаврос выпустил стрелу в упор, он не промахнулся бы и с сотни шагов, а тут расстояние было мало. И все

же Архонт увернулся от стрелы... почти. Наконечник царапнул щеку, и стрела унеслась дальше, врезавшись в прозрачную пластину стены... Этот выстрел пробил бы бронзовые доспехи, и Хирон ожидал, что стена разлетится веером сверкающих осколков, но стрела отскочила, не оставив и царапины. Почти сразу вслед за первой, с тетивы сорвалась вторая стрела — но этот выстрел уже не достиг цели. Второй Архонт закрылся рукой, и острое жало соскользнуло со сверкающей чешуи.

Из изогнутого предмета, который Архонт сжимал в руке, вырвалась молния. Хирон покатился по полу, чувствуя, как онемела левая рука — а правая, словно живя своей, самостоятельной жизнью, метнула нож.

И все закончилось... Хирон сел, застонав. Перевел взгляд на свою левую руку и застонал снова — от локтя и ниже руки просто не было. А было что-то черное, обугленное, и на мраморный пол сыпался жирный липкий пепел. Его губы прошептали заклинание, убирающее боль... несколько мгновений, и его лицо чуть расслабилось. Рвущие тело спазмы ушли.

— Кажется, Аид, мы встретимся раньше, чем я думал, — прошептал Хирон.

Один из Архонтов сидел, привалившись к стене. Из его глаза торчала рукоять ножа, глубоко проникшего в мозг. Второй, оцарапанный ядовитой стрелой, бился в конвульсиях. Раненый не интересовал Хирона — Архонту уже ничто не могло помочь, а подарить ему милость быстрой и легкой смерти... Хирон не был уверен в том, что ему хочется преподнести Архонту этот щедрый дар.

Кентаврос поднялся на ноги, чувствуя, как все плывет вокруг. Магия, отнимающая боль, отнимала и многое другое — сейчас его тело охватывала предательская слабость, лоб заливал пот, колени дрожали, а перед глазамиплыли черные пятна. Стиснув зубы, Хирон поднял меч и с силой обрушил его на постамент, украшенный — и в этом подтвердился рассказ Геракла — разноцветными пластинками. Взвизгнул металл, брызнули искры... пара полупрозрачных пластинок надкололись — но этим успех и ограничился. Еще удар, еще... на остром лезвии появились глубокие щербины.

Слова, которыми Хирон помянул Аида и его Тартар, наверняка вызвали бы жестокую месть властителя подземного мира теней, услышь он их. Но Аида не было здесь...

Наклонившись, Хирон поднял оружие Архонта, выпавшее из его мертвой руки. Опытному воину не составило труда догадаться, куда именно надо нажать для того, чтобы оружие исторгло из себя голубоватый луч, пробивший в мраморном полу каверну, размером с голову человека. Криво усмехнувшись, он нацелил оружие на постамент... Вспышка, еще одна, еще... Постамент развалился, испуская едкий дым и снопы искр. Хирон не успокоился, пока не превратил странное сооружение в обгорелую грудку хлама.

Передачик в ухе Галаса вдруг издал вой — так не могло кричать разумное существо, так мог взвыть смертельно раненый зверь. Архонт резко обернулся, ища источник этого вопля боли и страдания — и успел заметить голубую вспышку, на мгновение осветившую прозрачный купол башни контроля защитного экрана.

— Там! — крикнул он, вытягивая руку. — В башню, быстро!

Стражники, не говоря ни слова, рванулись к башне. В замешательстве Архонт отдал приказ на своем родном языке, но повелительный жест и тон приказа не оставлял сомнений в его содержании. Воины с энергетическими копьями были уже у самой башни, когда купол вновь озарился светом, затем опять и опять... Кто-то непрерывно стрелял из излучателя, наверняка в контрольном центре сейчас стояла невероятная жара. Удивительно, как стрелявший еще не потерял сознания. Затем — и это можно было ожидать, голубой луч ударил снова, на этот раз в сторону стремительно избегающих по лестнице воинов. Архонт вздрогнул, увидев, как сразу трое стражей рухнули, обугленные. Остальные вскинули копья, с белых наконечников сорвались крошечные, не более ореха, мерцающие шарики...

— Галас, Берг, у меня плохие новости!

Архонты дружно обернулись. Пеллистер, склонившийся над генератором, лихорадочно вертел верньеры настройки.

— Что случилось? — голос Берга был напряжен.

— Прибор выходит из-под контроля, — сухо ответил ученый, и Галас увидел на висках Пеллистера капли пота. — Вышел из строя блок защиты от перегрузки.

— Ты же должен был вывести генератор на предельную мощность...

— Да, просто перенастроив систему защиты на большую погрешность. Где-то я ошибся, теперь ограничитель вообще не работает.

Голос ученого немного дрожал. Галас почувствовал, как по спине пробежал холодок страха.

— И что теперь?

— Подождите... — пальцы ученого летали над панелью управления, перебирая возможные варианты возвращения оплоумевшего прибора под контроль своих создателей. Судя по все более мрачающему лицу Пеллистера, эффект от его усилий был нулевым.

Генератор начал мелко дрожать, над ним появилось дрожащее марево — металл стремительно нагревался.

— Уходим под защиту купола, — одними губами прошептал Пеллистер. — И уходим быстро. Скоро генератор взорвется.

— У меня тоже плохие новости, — негромко ответил Галас.

Два десятка стражей продолжали штурмовать контрольную башню. Вернее, теперь их осталось куда меньше — тот, кто захватил зал управления защитным полем, умело пользовался оружием.

— Похоже, мы лишились защитного экрана.

— И это не последняя плохая новость на сегодняшний день, — Галас с удивлением услышал в голосе Властителя Берга нотки паники. — Здесь гиперборейцы.

Галас бросил короткий взгляд туда, куда указывал Берг. К городу бежали воины — сейчас они казались крошечными, но расстояние было не так уж и велико, и не было ни малейшего сомнения, что скоро, очень скоро гиперборейцы будут здесь. Берг привычно включил имплантированный в левый глаз компьютер, изображение послушно увеличилось. Огромная толпа, несколько сот человек — бородатые, в легких, не мешающих сражаться доспехах, с оружием наперевес.

— Сейчас в Посейдонисе примерно пять сотен воинов, — сказал Властитель уже более спокойным тоном. — И тридцать стражей. У гиперборейцев нет ни единого шанса.

— Ты, видимо, недостаточно внимательно слушал меня, — Пеллистер отдернул руку, теперь жар раскаленного генератора стал совершенно невыносим, и кожа на не защищенных чешуей пальцах ученого покрылась волдырями. — У них нет шансов, но и у горожан их не больше. Взрыв генератора, видимо, неизбежен, и вряд ли... вряд ли здесь, без защиты купола, выживут хотя бы бактерии. Надо уходить, немедленно. В бункер. Хорошо, что остальные уже там.

Галас сорвал с пояса излучатель.

— Может, разрушить его?

— Невозможно, — дернул головой ученый. — Раньше надо было... Но можешь попробовать.

Галас нажал на спуск, ожидая яркой голубой вспышки, но вместо этого излучатель издал свистящий звук, а затем вдруг стремительно раскалился. Архонт отбросил оружие, стремительно превращающееся в комок оплывшего металла.

— Генератор вступил во взаимодействие с магическим полем планеты, — сообщил Пеллистер спокойно, как будто бы к городу не приближались с каждым мгновением гиперборейские воины. — Нарушаются законы физики и магии. Пока это заметно только вблизи генератора, но скоро...

— Пеллистер, бункер в безопасности? — прервал ученого Галас, увидев, что первые варвары достигли внешних ворот города, и теперь режут стражников. Те отчаянно сопротивлялись, но видно было, что долго им не продержаться.

— Да, он глубоко под землей.

— Тогда нам пора бежать.

Хирон выругался и застонал от боли. Заклинания почему-то больше не помогали, чудесное оружие Архонтов уже давно перестало выплевывать голубые молнии. Но и копья воинов, что пытались проникнуть в башню, более не выбрасывали из себя жгучие шары. Оказалось, что эти воины, сильные и умелые, слишком полагались на силу своих магических копий. К

тому же без магии эти копы оказались на удивление плохим оружием.

Оглядевшись по сторонам, кентаврос усмехнулся — что ж, это была славная битва. Правда, и ему досталось — рука, сожженная лучом, пульсировала болью. В боку зияла обугленная рана — один из ярких шариков, выпущенных магическим копьем, все же достал его. Зато все, кто пытался проникнуть в башню, теперь мертвы. Половину он сжег, а остальных достал меч. Он снова прошептал заклинание — боль на мгновение утихла, а потом словно в качестве мести ударила с новой силой.

Вокруг все носило следы разрушений. Пол был залит кровью, повсюду лежали тела. Хирон бросил взгляд на улицу — отсюда, с высоты башни, хорошо было видно как там, у ворот, идет отчаянный бой. Сложно было определить, кто победит в этой резне, но защитники Посейдониса явно сумеют если не остановить, то надолго задержать гиперборейцев. А по мощной улице вверх, не оглядываясь, бежали трое Архонтов. Странная повозка, которую они сопровождали, осталась стоять без присмотра. Возможно, в повозке было нечто ценное, но сейчас груз был брошен на произвол судьбы.

Покрепче перехватив рукоять меча, Хирон, скрипя зубами от боли, вышел из башни. Сначала он шагал медленно, затем побежал.

— Аид! — орал он на бегу. — Аид! Ты же обещал! Ты обещал!

Может быть, всемогущий властитель подземного царства услышал этот призыв. Говорили, что Аид, при желании, способен услышать зов любого смертного. А может, просто магия Тартара, магия последнего предсмертного дара вдруг сработала — и боль стала уходить. Его бег вновь стал стремительным и ровным, легкие мерно втягивали воздух, из-под обугленных корок на ранах перестала идти кровь.

Впереди маячили спины Архонтов... несмотря на то что Хирон был одним из лучших атлетов Гипербореи, ему никак не удавалось сократить расстояние — напротив, трое в золотой чешуе двигались явно быстрее. Более всего кентаврос боялся потерять их из виду — если Властители найдут убежище, в котором смогут дождаться идущего к берегам Атлантиды флота, все жертвы будут напрасны.

Центральная часть Посейдониса была сосредоточением великолепных храмов. Уходящие вверх белоснежные колонны, кажущиеся невесомыми купола, строгие изящные пирамиды, многочисленные фонтаны и цветники... Казалось невероятным, что вся эта красота создана за немислимо короткий срок. Олимп строился долгими веками... Хирон не был ни знатоком, ни ценителем архитектуры, но и не требовалось навыков архитектора, чтобы понять — сердце Гипербореи сочетает в себе новизну и древность. Здания, сияющие белоснежным мрамором, соседствовали с другими — попроще. Некоторым из храмов порядком досталось от времени, безжалостного ко всему в Ойкумене, кроме, разве что, бессмертных олимпийцев. Некоторые, самые старые, здания больше походили на крепости, чем на жилища величайших магов мира. А здесь... здесь весь город казался — и наверняка так оно и было — спроектированным одним человеком, продуманным и потом воплощенном в камне.

В другое время Хирон не удержался бы от соблазна неспешно пройтись по широким улицам, посмотреть на людей, на здания... Но сейчас на все это не было времени — и он бежал, бежал что есть сил. И успел в самый последний момент увидеть, как золотистая чешуя мелькнула у огромных — в пору проехать всаднику, не нагибаясь, — врат одного из храмов.

До него донесся вой сигнальной трубы. Атланты наконец опомнились и стягивали к воротам города подкрепления. Не прекращая бега, Хирон усмехнулся — поздно, поздно спохватились. Его воины уже внутри, и теперь их можно остановить, лишь забросав телами. К тому же если они сейчас чувствуют то же, что и он... защитникам Посейдониса придется несладко. Мышцы кентавроса наливались силой, боль исчезла, и даже культя сгоревшей руки не беспокоила его. Уцелевшая кисть крепко сжимала меч. Сейчас бы пригодился лук и знаменитые на половину Ойкуменкны стрелы Геракла... но, видать, воспользоваться подарком друга ему уже не суждено. И все же колчан, плотно притянутый ремнями, покоился на спине Хирона. В умелых руках... в умелой руке отравленная стрела даже без лука может быть страшным оружием.

Вот и нужные врата. Кентаврос на мгновение замер у высокой, украшенной мозаикой из полупрозрачных камней двери. Осторожно заглянул внутрь.

Двое Архонтов стояли на небольшой круглой площадке из серебристого металла, еще один в стороне. Они о чем-то говорили — слов Хирон, разумеется, не понял, язык атлантов не знал никто, кроме них самих. Его больше беспокоило другое — сейчас, после длительного бега, его грудь вздымалось заметно чаще, чем обычно. А Архонты казались свежими и ничуть не уставшими, словно и не было этой стремительной пробежки. Тех двоих, в башне, он застал врасплох — просто повезло. С этой тройкой справиться будет сложнее, если вообще возможно. Они настороже, видели бой у ворот города, понимают, что враг близко.

Тем временем Архонты разделились. Круглый диск дрогнул, негромко жужжал и вдруг стал опускаться в круглый колодец, унося с собой две фигуры, укрытые золотой чешуей. Третий Архонт легко взбежал по узкой лестнице и скрылся на верхнем этаже храма.

Хирон задумался. Двое ускользнули, но третьего еще можно попытаться перехватить. Лучше, чем ничего, но хуже, чем хотелось бы. Он сунул меч в ножны, извлек последний метательный нож и медленно вошел в храм... Внезапно послышалось знакомое уже жужжание. Хирон метнулся за ближайшую колонну, рука напряглась, готовясь к броску.

Жужжание усилилось. Серебристый диск вынырнул из колодца и замер на том же уровне, где находился и ранее. Он был пуст — Архонты исчезли.

Хирон смотрел на металлический диск, и безумная идея забрезжила в его мозгу. Там, в неведомых глубинах этого колодца, притаились Архонты. Двое... а может, и больше. Они не ждут вторжения. Может ли представиться более подходящий шанс. А тот, третий — он наверняка придет туда. И Хирон будет ждать его.

Диск упорно не желал опускаться. Хирон пару раз подпрыгнул — тщетно. Площадка чуть качнулась под его немалым весом — и не более того. Он огляделся — ушедший вверх Архонт мог появиться в любой миг, и тогда его, Хирона, нож вряд

ли будет надежным подспорьем против испускающего смертельные лучи оружия атлантов. Взгляд кентавроса упал на невысокий столб, украшенный... он вполголоса выругался. Ну конечно, как он мог забыть про эти прозрачные пластинки. И Аполлон, и Геракл рассказывали, что нужно правильно прикоснуться к этим пластинкам, чтобы магия Архонтов заработала.

Он взгляделся в рисунки на прозрачных пластинках. Некоторые были непонятны, смысл других был очевиден. Рисунок стрелы — простой, без оперения, так рисуют дети, — направленной вниз, наверняка заставит упрямую площадку сдвинуться с места. Хирон осторожно ткнул в пластинку кончиком ножа — и чуть не упал, лишь чудом сумев сохранить равновесие. Диск двинулся вниз, все ускоряя и ускоряя ход. Мимо проплывали стены, гладкие, словно тщательно отполированные. Спуск длился невыносимо долго, несколько раз кентаврос задирал голову — отверстия уже не было видно, и все равно он ожидал, что вот-вот что-то тяжелое может свалиться ему прямо на голову.

Наконец скорость спуска замедлилась. Хирон снова изготавил нож к броску — и напрасно. Открывшийся его взгляду небольшой зал был пуст. Догадаться, куда исчезли Архонты, было несложно — в стене виднелись двери. Закрытые. И ни у одной двери не было даже намека на ручку или замок.

Ни на мгновение не утрачивая бдительности, Хирон шагнул с магической площадки на пол, тоже сделанный из сплошного металла. Диск, словно ожидавший этого, дрогнул и плавно устремился вверх. Если Архонт уже там, наверху — ждать его осталось не так уж и долго.

Осмотрев двери, Хирон с сожалением убедился, что открыть их он не сумеет. В тонкую щель не вставить даже кончик ножа — попытка едва не стоила ему сломанного клинка. Нашлись и прозрачные пластинки, испещренные рисунками, — множество, и возле дверей, и на высоких, по грудь кентавросу, постаментах. Некоторые светились разными цветами, перемигиваясь словно живые — другие казались мертвыми. Но сколько ни тыкал в них Хирон сначала ножом, а затем и пальцем, ни одна дверь не шелохнулась. Рисунки были непонятными... правда, от его прикосновений некоторые пластинки сменили

цвет, затем в помещении зазвучал какой-то голос — как показало Хирону, женский... Слова были непонятными, но интонации показались воину встревоженными, а затем и угрожающими. Он ожидал нападения — но его не происходило. Зато послышалось жужжание — сверху спускался диск, наверняка неся на себе Архонта. Следовало готовиться к бою.

Подумав, Хирон сменил нож на одну из отравленных стрел. Один укол — и схватка будет завершена. Он прижался к стене так, чтобы Архонт, шагнув с диска в зал, заметил его не сразу...

Берг услышал голос компьютера задолго до того, как подъемник стал замедлять ход — сигнал пришел через имплантированный передатчик. Бархатный голос робота доложил о многочисленных попытках неавторизованного доступа. Охранная система, проанализировав обращение к контрольным устройствам бункера, выдала заключение о проникновении чужака и подняла тревогу, одновременно активизируя защитные контуры.

Потратив мгновение, чтобы бережно опустить на пол нежное оборудование — приборы опасно было оставлять там, наверху, где в любой момент могла разыгаться буря, вызванная неумолимо приближающимся взрывом генератора, — Берг схватился за оружие. И тут же отпустил рукоять излучателя — пара выстрелов в контрольном блоке бункера, и последствия могут быть хуже, чем от неуклюжих действий злоумышленника. Кто бы ни проник в шахту, пока что он не сумел причинить вреда. Охранные контуры заблокировали управление статис-коконами, но вернуть их в исходное состояние несложно, достаточно подтвердить свое право отдавать приказы. Берг сейчас проклинал лень Пеллистера, не озаботившегося вмонтировать в пульт управления подъемником хотя бы элементарную систему безопасности. Простейший сканер сетчатки глаза — такой же, как тот, что контролировал доступ во внутреннее пространство убежища — надежно защитил бы бункер от любых посягательств извне. В этом мире пройдут долгие века и тысячелетия, прежде чем появятся специалисты, способные обмануть системы безопасности.

Использовать оружие нельзя... но любой истинный атлант, закованный в несокрушимую чешую, был убийственным

оружием сам по себе. Скорость его реакции была много выше, чем у обитателей этого мира, дополнительные преимущества давало вживленное оборудование — правда, оно не было предназначено для использования в бою. Имплантированные датчики послушно усилили звуки — стрекот подъемника стал почти оглушающим, но сквозь этот звук и сквозь панические вопли системы безопасности пробивались и другие звуки. Шаги... там, внизу, был враг. Он двигался почти беззвучно, но Бергу удалось уловить, что шаги замолкли слева от шахты. Дикарь приготовился к броску... что ж, ему предстоит испытать немалое удивление.

Сейчас Берг жалел, что Архонты, привыкнув к своим излучателям, так и не изучили весьма распространенное и уважаемое в этом мире искусство фехтования. Имей он сейчас меч или хотя бы нож... Что ж, придется обойтись голыми руками.

Одним стремительным прыжком Берг покинул платформу еще до того, как она коснулась пола, и почувствовал порыв ветра — над его головой промелькнула чья-то рука, раздался звон и короткий хруст, словно что-то сломалось, ударившись о стену. Берг перекатился, уходя от следующего удара, — проклятый варвар был быстр, невероятно быстр. А затем атаковал сам, с наслаждением ощутив под пальцами пусть и жесткую, мускулистую, но вполне живую плоть. Пока живую.

Варвар отпрыгнул к стене, зажимая рану — пальцы Берга практически вырвали из его бока кусок мяса. Только вот из-под ладони этого северянина не сочилась кровь, словно рана была нанесена уже мертвому телу.

Несколько мгновений оба стояли, разглядывая и оценивая друг друга. С точки зрения Берга, варвар не представлял особой угрозы, несмотря на его невероятную быстроту и странность в полученной ране. Перед Архонтом стоял грязный, покрытый кровью и копотью человек. Его рука была страшно изуродована — несложно было догадаться, что рана нанесена энерготоразрядом. Остальному телу чужака тоже порядком досталось, и можно было счесть чудом, что он не только жив, но и может стоять на ногах.

Лицо варвара исказилось, губы растянулись в улыбке, обнажая ряд желтоватых, но крупных и крепких на вид зубов. Оскал хищника.

— Я убью тебя, Архонт, — голос северянина был хриплым и грубым.

Берг знал язык гиперборейцев — не так хорошо, как Властитель Галас, но достаточно, чтобы понять фразу и сформулировать достойный ответ.

— Это ты был в... башне?

— Где? Ну да, я. Твоим приятелям не повезло, Архонт. А теперь не повезло тебе.

— Много мнишь о себе, дикарь, — усмехнулся Берг.

Все это время он отчаянно пытался подавить разум дикаря — но каждый раз словно наталкивался на глухую стену, испытывая от этого столкновения почти физическую боль. Наконец он смирился с мыслью, что рукопашной схватки не избежать. Впрочем, это его не беспокоило. У гиперборейца всего лишь одна рука. Меч — опасное оружие, но он слишком длинен, в небольшом помещении орудовать им непросто. Тут бы лучше подошел нож, но нож на поясе, и чтобы однорукому достать его, придется или бросить меч, или попытаться засунуть его в ножны. А это — потеря пары мгновений. Вполне достаточно.

Берг медленно двинулся вбок, намереваясь занять более выгодное положение. Меча он не особо опасался, но лицо, кисти рук и частично шея были не защищены чешуей, а значит — уязвимы. Он уже знал, какие нанесет удары. В кадык. И в сердце. У дикаря мощный мышечный каркас, но пальцы Архонта сумеют пробить его... или сломают ребра, что тоже неплохо.

Они прыгнули одновременно. И уже вложив всю силу в удар, который должен был стать для варвара смертельным, Властитель Берг вдруг понял, что противник вовсе не атакует. Окровавленный, искалеченный гипербореец устремился не навстречу врагу, а в сторону, в угол... И в одно страшное мгновение Берг понял, куда устремился дикарь.

К его, Берга, излучателю, выпавшему во время первого прыжка.

Он еще пытался извернуться, пытался дотянуться до дикаря — но ослепительно-яркая голубая вспышка ударила в лицо. В последний миг своей жизни Берг очень огорчился, что гипербореец выстрелил ему в лицо, а не в грудь. Чешуя выдержала бы и не такое.

А потом свет для Берга померк. Навсегда.

Он уже не видел, что большая часть разряда, оказавшегося странно мощным, пришлась в пульт. Не слышал, как взвыли охранные системы, переквалифицировав попытку несанкционированного доступа в прямое нападение. Как уже умирающие контрольные цепи отдали приказ об изоляции злоумышленника — тяжелая стальная плита перекрыла лифтовую шахту, а из узких щелей у самого потолка поползли струйки токсичного газа.

Он был уже мертв, когда Хирон, выронив излучатель и разрывая пальцами уцелевшей руки отказывающееся дышать горло, бессильно сполз по стене. Газ разрушал дыхательные пути и кожные покровы, тело кентавроса стремительно покрывалось красными пятнами.

Кентаврос умер всего лишь за пятнадцать минут до того, как пал последний из защитников Посейдониса. Остальные горожане — и мужчины, и женщины — уже не представляли никакой угрозы для опьяненных кровью гиперборейцев. Но не было обычного в таких случаях грабежа, не было насилия и многочисленных бессмысленных убийств. Ничего этого не было. Потому что оставленный без присмотра генератор все же взорвался.

Взрыв... нет, это вряд ли можно было назвать взрывом.

Пеллистер был почти прав в своих расчетах. Активация генератора, предназначенного для прорыва пространства и построения портала в параллельную вселенную, стягивала к нему магические потоки мира, разрушая их — но, одновременно, разрушались и формируемые генератором поля, воздействующие на невидимые и неосязаемые границы, разделяющие миры. В отсутствии дестабилизирующего действия магической энергии, рано или поздно граница не выдержала бы, лопнула — и открылся бы портал, ведущий в один из параллельных континуумов. Здесь, на Земле, магия не давала portalу раскрыться — но строго контролируемый взрыв генератора создал бы поля такой мощности, что они полностью разрушили бы всю магию мира. Если бы все пошло так, как было запланировано.

Но контрольные цепи генератора вышли из строя. Началось лавинообразное нарастание мощности полей, воздействующих на границы миров, одновременно вся магическая энергия планеты устремилась к Атлантиде — сейчас над Посейдонисом бушевал настоящий шторм чистой магии. Любой, кто обладал хотя бы ничтожной долей магических способностей, мог бы творить невероятные чудеса, сумей он прикоснуться к этой силе. Но таковых не нашлось. К моменту, непосредственно предшествующему взрыву, живых в Посейдонисе — и в сотне стадий от него — не осталось. Ни людей, ни животных, ни птиц. Ни один биологический организм не мог вынести чудовищную пульсацию вышедшей из-под контроля энергии.

В какой-то момент мощность полей преодолела возмущения, вносимые магическими вихрями, — и граница миров не выдержала. Произошло локальное слияние пространств...

Планета содрогнулась. В мгновение ока исчез Посейдонис, и не только он — на многие сотни стадий от города исчезло все — дома, деревья, холмы... образовалась чудовищная впадина, в которую с ревом устремились морские воды. Небо над материком затянули черные тучи, смерчи шарили по земле, чудовищные удары молнии поджигали все, что могли, — и пожары тут же гасли под потоками низвергающейся с небес воды. По всей планете прокатились чудовищные волны, у берегов достигавшие высоты в сотни, в тысячи локтей. Под ударами стихии ничто не могло устоять... Просыпались вулканы, извергая из своих жерл потоки раскаленной лавы. Сотрясалась земля, расходясь трещинами, в глубине которых бился живой огонь...

Прошло не менее десяти дней, прежде чем унялось буйство стихии.

Бункер Архонтов уцелел. Глубоко под землей, изолированный от бушующей воды толстыми броневыми плитами, он почти не пострадал — во всяком случае, стихия не нанесла ущерба разрушений. Но контрольный пульт, разрушенный неточным выстрелом Хирона, вызвал цепную реакцию, погубившую большую часть компьютерного оборудования бункера.

Атланты давно не вели войн с себе подобными. Во всех мирах, куда вторгались их экспедиционные корпуса, высокотехнологической... техномагической цивилизации атлантов

противостояли народы, находившиеся на куда более низком уровне развития. Техника атлантов была надежна — и компьютерная система легко защитила бы себя и от холодного оружия, и от чего-нибудь более действенного. Но выстрел из боевого излучателя... такого никто не мог предусмотреть.

Большая часть систем прекратила свое существование. Действовало лишь кое-какое оборудование, обладавшее высокой степенью автономии. И тускло сияли в нишах Убежища — самого защищенного помещения бункера — коконы стасис-поля. Для них с гибелью контрольных цепей компьютерной системы началась вечность. Генераторы, которые, по сигналу таймера, должны были погасить стасис, вышли из строя. Остался лишь один — резервный, полностью автономный, который должен был активироваться в одном-единственном случае. При вторжении в Убежище чужака, которого не смогут остановить защитные системы.

Но у этого автономного генератора-ключа был один маленький недостаток.

У него не было таймера.

Сейчас над бункером бурлила мутная, грязная вода. Тонна за тонной оседали на дно песок и напивавшееся водой дерево, мертвые животные и рыбы, камни, снесенные бушующими потоками со своих привычных мест... Все это укрывало последний приют атлантов, обломков древней цивилизации, прочным и толстым саваном забвения.

И все же пройдут тысячи лет, прежде чем от великой Атлантиды останутся лишь обрывочные, неясные воспоминания. Зато останется кое-что другое. Некоторые из слуг атлантов уцелели — те, что в момент катастрофы находились на дальних форпостах. Их было несколько — этих станций, разбросанных по планете, имеющей связь с Посейдонисом посредством технологий, вновь открыть которые людям доведется еще очень не скоро. Полуостров, который в будущем назовут Испанским. Жаркая, пустынная земля, которой суждено породить правителей-фараонов. Земля иная, наполненная жизнью — и людьми с чуть красноватой кожей, чьих далеких потомков уничтожат жестокие конкистадоры.

Уцелевшие не были ни учеными, ни даже учениками. Они были не более чем слугами — и все же донесли до потомков кро-

хи, жалкие крохи наследия атлантов. Пиктографическое письмо, оказавшееся удобным и на удивление понятным даже совсем разным народам. Преклонение перед Пирамидой — именно такую форму имел центральный дворец Посейдониса. Некоторые зачатки знаний о земледелии, ирригации... обо всем том, чему не успели толком научить своих слуг атланты, решившие поставить на первое место войну. Где-то воспоминания об атлантах скоро ушли в забвение, а в иных местах тысячелетиями из уст в уста передавались легенды о мудрых сильных светловолосых богах, которые ушли, но обещали вернуться.

Но не только гибелью Посейдониса окончилась катастрофа, вызванная прорывом границ меж мирами. Магические потоки, пронизывающие и атмосферу, и воду, и каменную толщу земли, почти погасли. Магия умерла... олимпийцы, некогда повелевавшие стихиями, сохранили лишь крошечные частички былого могущества. Великолепная цитадель, оплот силы и величия Гипербореи, скоро пала под ударами... нет, не варваров, а силы куда более опасной, хотя и лишенной злобы, жестокости или жажды наживы. Холод — именно холод заставил всесильных магов искать путь в более теплые края. Теперь их сил не хватало на то, чтобы обеспечить вечное лето на Олимпе. Они ушли на юг, отыскав себе новый дом — много позже эта земля породит одну из высочайших культур человечества, культур, у истоков которой стояли гиперборейские маги, снискавшие славу богов. Но и от них, от гиперборейских богов, вскоре останутся лишь легенды, при пересказе приобретающие все новые и новые оттенки и уходящие при этом все дальше и дальше от реальности.

Все это будет. А пока...

5

Шум крыльев заставил высокого человека, прикованного к скале, медленно поднять голову. Он был страшен... он и ранее не отличался красотой, теперь же его лицо, исполосованное недавно зажившими шрамами, было ужасно. Но куда ужас-

нее старых рубцов и свежих ран было выражение лица прикованного — вечная мука. Боль, длящаяся уже невыносимо долго и обещающая повторяться снова и снова, в бесконечной череде лет.

— Подлети поближе, — чуть слышно прошептал он спеющимися губами. — Во имя Тартара, ближе. Дай мне схватить тебя...

Орел кружил над прикованным, выискивая удобный момент для нападения. Для него это был не более чем кусок свежего, вкусного мяса, оставленный в непосредственной близости от гнезда, где ждали голодные птенцы. Птица была осторожна — один раз это существо, уже раненое, сумело причинить ей боль. У орла была хорошая память.

Прометей сжался, насколько позволяли железные цепи. Он чувствовал, что если не сумеет свернуть шею проклятому хищнику, то вскоре будет обречен на поражение и уход в Тартар. В последнее время его сила таяла, и он не понимал, что с ним происходит. Даже простейшую царапину теперь удавалось затянуть лишь с огромным трудом, а если орлу снова удастся располосовать ему живот, а то и выдрать кусок мяса — тогда останется только молча истечь кровью.

Птица атаковала. Титан рванулся вперед, вывернутые руки пронзила боль, но щелкнувшие челюсти захватили лишь перо — орел издал возмущенный клекот, отпрянул, и снова закружился над добычей, выбирая подходящий момент для нового нападения. На этот раз он избрал своей целью ноги несчастного. Прометей застонал от бессилия — отразить эту атаку ему, вероятно, не удастся.

Раздался негромкий хлопок, за ним последовал отчаянный вопль птицы. Длинная стрела с белым как снег оперением пронзила орла на вылет. Он еще бил крыльями, еще пытался держаться в воздухе, не осознавая, что мертв, — и падал, падал вниз, на острые камни.

Прометей проводил взглядом своего мучителя, затем попытался разглядеть стрелка. Далеко внизу, едва видимый отсюда, с высоты, двигался человек.

— Отменный выстрел, — хрипло пробормотал титан, вдруг почувствовав странное успокоение. Не оттого, что проклятая

птица нашла свой конец. Появление здесь этого стрелка было Знаком. Добрым Знаком.

Человек тем временем, быстро перепрыгивая с камня на камень, поднимался по уступам к прикованному титану. Прошло несколько долгих мгновений, и Прометей узнал неожиданного спасителя.

— Радости тебе, Прометей, — широко улыбнулся стрелок. Но улыбка тут же увяла, когда он разглядел изможденного, изуродованного друга.

— В этом мире мало радости, Геракл. Смотрю, ты все еще великолепно владеешь луком. Это те самые стрелы, о которых ходят легенды?

— Нет, — покачал головой герой. — Эта тварь не заслуживает капли яда гидры. Но... Прометей, я принес новости, которых ты, думаю, ждал.

Прометей обладал провидческим даром, которого опасался даже Зевс. Но тут не стоило быть провидцем, чтобы догадаться, о чем идет речь. Сколько он думал об этом, сколько раз представлял себе... как явится кто-то из гиперборейцев, дабы объявить о том, что он, Прометей, свободен. И тут же понял... понял и скрипнул зубами от бессильной ярости.

— Я думаю, Зевс не переменял своего решения, ведь так?

— Так, — опустил голову Геракл. — Его слова все еще в силе.

— Значит... кто?

— Хирон.

Из горла Прометея вырвался горестный стон.

— О, тьма Тартара! Зачем!

— Мне тоже больно вспоминать об этом, друг, — Геракл некоторое время помолчал. — Может быть, даже вдвойне больно. Ведь это из-за меня он ушел в Тартар навсегда.

— Из-за тебя? Или все же из-за меня?

— Я сказал... лишнее. Слишком много лишнего. Мои слова заставили его пойти на это. Ради Гипербореи... ради всех нас. Он ушел в Тартар... Знаешь, я никогда не думал, что слова могут убивать. То, что я рассказал ему, принесло ему вечную мглу царства Аида ничуть не менее верно, чем если бы я вонзил в него стрелу, отравленную ядом гидры. Но об этом потом, а пока протяни руку, я перерублю цепи.

— Эти оковы создал сам Гефест, — вздохнул Прометей.

— Меч тоже вышел из-под его молота.

Геракл размахнулся, нанес удар. Фонтаном брызнули искры, одно из звеньев не выдержало и распалось. Потребовалось совсем немного времени на то, чтобы освободить титана от цепей.

— Мне пришлось напомнить Зевсу о его обещании, — мрачно сказал Геракл. — Не благодари... это самое малое, что я мог сделать в память о Хироне. Теперь тебе надо вернуться в цитадель. Только сам Гефест сможет избавить тебя от этого, — он указал кончиком меча на толстые железные браслеты, сжимающие запястья титана.

Тот лишь покачал головой.

— Нет. Я не хочу расставаться с ними... по крайней мере с одним. Пусть это будет напоминанием.

Освобожденный от оков, Прометей чуть не упал — если бы не могучая рука друга, он бы рисковал мгновением позже очутиться внизу, на острых обломках скал, рядом с изломанной птицей, которая доставила ему столько мучений. Геракл сдернул с плеча сумку, достал хлеб, круг сыра, флягу с вином.

— Поешь. А я пока расскажу тебе о Хироне. И об Атлантиде. Есть много такого, о чем я должен тебе рассказать...

А в глубине моря, в месте, которое тысячелетия спустя назовут заливом Нортон, под слоем камней и ила, под прикрытием несокрушимой брони, тускло светились коконы. И заключенные в них Архонты, последние осколки великой и жестокой цивилизации, в безвременье ждали своего часа.

Алексей Фомичев

СЛЕД ОТРАЖЕНИЯ

Предисловие к серии

Серия «Отражения» посвящена теме перемещений во времени и пространстве. Герои книг по стечению обстоятельств попадают в другие измерения. Что ждет там: беда или счастье, горе или радость? Все зависит от их способности противостоять трудностям и опасностям. От ума, мудрости, хитрости, изворотливости. И наконец просто от удачи.

Чтобы заслужить улыбку Фортуны, надо приложить массу усилий и не бояться рисковать жизнью. Своей и чужой.

От автора

Для реализации проекта были сделаны следующие предположения фантастического характера. Первое — к двадцатым годам XXI века Россия еще существует как единая держава. В пределах прежних границ. Второе — общая ситуация в стране нормализовалась относительно начала века.

Пожалуй, и все. Остальное — вещи более или менее реальные. Их воплощение в жизнь вполне вероятно в ближайшие десятилетия. В чем вы сможете убедиться сами.

Итак, к делу...

СЛЕД ОТРАЖЕНИЯ

*...у меня тоже был один такой изобретатель,
...на бочку с порохом его посадил, пуцай полетает...*

из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»

ФРАГМЕНТ 1

...За два дня до эксперимента испытательный корпус и полигон взяли под усиленную охрану. К штатному взводу добавили две роты из близлежащей части, они оцепили район испытаний цепью постов и дозоров. Все дороги, дорожки и тропинки были взяты под наблюдение.

Представитель госбезопасности (начальник по-прежнему особого отдела) за последние сутки выслушал около двух десятков приказов, наставлений, рекомендаций и советов. Звонки шли большей частью из Москвы, поэтому он не мог просто бросить трубку и уехать с места. Поэтому когда в день испытаний ему позвонили из местного отдела КГБ, он едва не послал их по прямому назначению. Но сдержался...

...Руководитель проекта профессор Шепелев Михаил Андреевич — среднего роста седовласый старик шестидесяти шести лет — приехал на полигон во второй половине дня, за час до прихода трейлеров с установкой. Вместе с ним приехала группа наладчиков и операторов, а так же техники, монтажники и еще куча народу, непосредственно работавших на полигоне и в цехах корпуса.

Чуть позже прикатили наблюдатели. Представители Министерства обороны, госбезопасности, заводов — поставщиков комплектующих. Их с трудом разместили в небольшой гостинице, единственной на весь город. Причем в условиях, далеких от понятия «нормальный». Но они не жаловались.

— ...Осторожненько, осторожненько! За уголки не хватайтесь! Осторожненько! Главное не уроните.

- Оттаскивайте быстрее, чего ждете? Следующий несут.
- Куда тележки подевали? Кто за них отвечает?
- Я отвечаю.
- Где тележки?
- Где-где?! В п...е! С утра здесь стояли. Их, наверное, техники забрали. Свои коробки в корпус перевозят.
- Как так? Они же на нас записаны! Немедленно вернуть! Слышите, немедленно!
- Слышу, не глухой... Сейчас схожу.
- Ну, кто там принимать будет? Долго еще держать?!
- Остороженько! Ради бога остороженько! Уголки...
- Слышь, иди ты на хрен со своими уголками! Заботливый какой! Сами знаем, за что держать.

Шепелев наблюдал за разгрузкой из окна своего кабинета на третьем этаже корпуса. На суету грузчиков и техников, крики и ругань он не обращал внимание. Привык. Во времена его молодости такой бардак при разгрузке стоял всегда. Не важно, что испытывали — агрегаты нового оружия массового поражения или щипцы для завивки волос.

И он сочувствовал своему заместителю по матчасти Ивану Бутягину, который носился среди этого бедлама, требовал, указывал, поправлял, получая в ответ матерки со всех сторон.

Монтировать установку начали ближе к ночи. Две бригады под руководством помощника профессора Дениса Гудкова работали над главным блоком, еще одна — над выносным. В первом часу основной монтаж завершили. И сразу группа наладчиков приступила к тестированию установки.

К этому моменту наблюдатели уже покинули сборочный цех. Кто-то поехал обратно в гостиницу, а кто-то улегся в холле корпуса на широких диванах.

Шепелев почти засыпал на ходу, но упорно проверял работу подопечных, иногда заставляя переделывать уже законченные расчеты и вносить изменения в программы. Его опека слегка достала техников и наладчиков, но никто не посмел возражать.

Авторитет профессора среди персонала был непоколебим. А созданная им установка вообще возносила Шепелева на вершину Олимпа. Поэтому наладчики, услышав приглушенную скороговорку, торопливо кивали и выполняли все приказы руководителя.

— ...Двенадцатый, двенадцатый. Что у вас за движение в двадцатом секторе?

— Это двенадцатый. От леса к лугу пробежала лиса. Одна. За курами в деревню пошла.

— Отставить разговоры, двенадцатый. И усилить наблюдение. Обо всех лисах, курах и воронах докладывать сразу. Не дожидаясь вопроса.

— Есть.

— Так-то. Шестой, шестой. Не слышу доклада. Почему молчите?

— Шестой на связи. Все спокойно. Никакого движения в секторе не наблюдаю. Доклад через семь секунд.

— Хорошо, шестой. Продолжайте наблюдение. Двадцать второй. Двадцать второй.

— ...

— Двадцать второй, блин! Где тебя носит?

— Виноват. Двадцать второй докладывает. Ведем наблюдение за группой лиц в секторе А-сто два.

— Что вы там забыли? А-сто два вне зоны контроля. Что там?

— Там... Кхм... люди... Кхм.

— Точнее.

— Двое. На берегу родника...

— Что делают?

— Это... кхм...

— Не понял?

— Лежат. Вместе... Один на другом. На другой...

— Двадцать второй, прекратите заниматься ерундой. Следить за обстановкой в своем секторе!

— Есть!

— А ну как рванет эта штуковина?

— С чего это?

— Да хрен ее знает! Сдуру.

— Сдуру только неопытный любовник на бабе одежду рвет. Шепелев пять лет работал над установкой. Он ее с закрытыми глазами без инструмента соберет. И запустит от батарейки.

— Если сработает, заказами НИИ будет обеспечен лет на сто. Денег выделяют без лимита.

— Выделят. Шепелеву.

— И нам перепадет. От нас комплектующие идут.

— Да. Если конкуренты не отнимут. Сейчас не совковые времена, рынок диктует условия.

— Обойдутся конкуренты. Наша аппаратура лучшая в России.

— Здесь — да. А в мире?

— А никто не позволит иностранным компаниям участвовать в создании супероружия. Дабы чего не подглядели и не напакостили.

— Поживем — увидим. Надо ложиться, завтра с утра пораньше на полигон. Посмотрим на это супероружие.

Утром к корпусу потянулись машины и автобусы с наблюдателями, гостями и сотрудниками полигона. Длинная вереница машин встала у КПП корпуса, где десяток бравых парней в форме проверяли у всех документы. Контроль был строгий и занимал немало времени. Но никто не роптал. Понимали, что такой режим создан неспроста.

Через час все уже были в корпусе. Большая часть в холле, где установили три огромных монитора. Остальные в просторном кабинете Шепелева. Здесь стояли два монитора, одновременно показывающих главный блок и выносной, стоящий в пяти километрах в центре полигона.

— Все готово? — спросил профессора представитель военного ведомства, статный бритый наголо генерал-лейтенант со Звездой Героя России и трехрядкой колодкой орденов под ней.

— Да. Установка собрана, отлажена и готова к испытаниям.

— Когда же начнем?

— Еще немного. Звонили из Москвы, просили подождать одного высокопоставленного чиновника. Он будет наблюдателем от высшего руководства.

Генерал недовольно взглянул на часы и кивнул. Высшее руководство на то и высшее, что может опаздывать, сколько ему угодно.

За час до испытаний в небе над полигоном появились четыре самолета. Они начали выписывать сложные фигуры, оставляя за собой широченный след из желтоватой газообразной субстанции.

Субстанция растекалась по небу, заполняя собой огромный кусок пространства. Благодаря почти полному отсутствию ветра гигантское облако зависло прямо над полигоном, закрыв тем самым обзор со спутников. Иностранные разведки могли отдыхать. Аппаратуры, способной смотреть сквозь такое облако, у них не было.

Чиновник прибыл за пятнадцать минут до заявленного начала испытаний. Черный низкопрофильный «Мерседес» 910-й модели миновал КПП и мягко затормозил возле подъезда корпуса. Из передней правой дверцы вышел здоровенный парень с бычьей шеей и широкими плечами, одетый в черный костюм. Он спокойно оглядел двор сквозь черные очки, потом открыл правую заднюю дверцу.

Оттуда вышел тот самый высокопоставленный чиновник. Стоявшие у окна шепелевского кабинета гости смогли рассмотреть его, пока тот шел к дверям корпуса.

Молодой. Непростительно, непозволительно для чиновника такого ранга и наделенного такими полномочиями. Вряд ли ему больше тридцати. Дорогой, стильный, со вкусом подобранный костюм серо-стального цвета, ослепительно белая шелковая рубашка, светло-серый в черную полоску галстук с золотой булавкой. Легкие черные туфли, надраенные, как медная труба.

Вид у чиновника холеный, ухоженный. Сразу видна кропотливая ежедневная работа стилиста.

Рост высокий, фигура подтянутая. Тренажеры, бассейн, солярий, личный тренер, индивидуальная программа. Такие, как он, тщательно следят за своим здоровьем и всемерно берегут его.

Манеры, которым позавидует английская королева, и взгляд, достойный принца короны. Каждый шаг, каждый жест полны чувства собственного достоинства и значимости. Ходячий образец элиты общества, эталон совершенства, с детства воспитанный на птичьем молоке и никогда не слышавший странных и непонятных слов «нужда» и «бедность».

Он возник на пороге кабинета, на миг замер, осматриваясь, потом вычленил из толпы Шепелева и подошел к нему.

— Здравствуйте. Меня зовут Дементьев Павел Николаевич. Я приехал по поручению сената, чтобы наблюдать за ходом испытаний вашего... изделия.

Речь его была плавной и до тошноты правильной. Хорошо поставленный тенор, без интонаций и эмоций.

Он пожал руку только профессору, остальным холодно кивнул и спросил:

— Когда вы приступите к испытаниям?

— Через пять минут. На этих экранах вы сможете наблюдать за ходом эксперимента.

Шепелев указал гостю на собственное кресло. Тот кивнул, опустил свой высокопоставленный зад на холодную кожу и опять обвел всех взглядом.

— Надеюсь, вы введете меня в курс дела?

— Да, конечно. Я буду комментировать все, что будет происходить на экране.

Вид и манеры чиновника пришлись всем не по вкусу, но никто не посмел высказать это вслух. Только генерал фыркнул под нос и отошел подальше в сторону. Таких холеных мерзавцев из «элиты общества» он презирал. Этот мальчик в жизни не видел автомат и не знает, с какой стороны подходить к вертолету. Что может представлять собой человек, не прошедший суровую школу жизни?!

Шепелев тронул кнопку селекторной связи и сказал:

— Внимание всем. Начинаем!

Команду руководителя сдублировали несколько диспетчеров. Через пять секунд в испытательном цеху мигнул свет. Большой куб, стоявший в центре цеха на пластиковой подстав-

ке, начал немного подрагивать, вибрируя и издавая негромкий гул.

— Что это? — спросил чиновник, указывая на куб.

— Это главный блок установки энннзотрона. Он состоит из двух основных частей. Накопитель накачивает плазменные до...

— Нельзя ли попроче? — поморщился чиновник. — Я не понимаю ваших терминов. Попробуйте рассказывать нормальным языком.

В дальнем от кресла углу раздался короткий смешок. Один из представителей смежных заводов не сдержался, слыша откровенный бред из уст высокопоставленного гостя. Да и другие специалисты взирали на того с явным недовольством.

Здесь собрались люди, неплохо знающие технику. Хотя бы ее азы. И присутствие дилетанта на сугубо технических испытаниях вызывало у них недоумение и раздражение.

— Что ж, — вздохнул Шепелев, понимая, что от этого типа ему не отвертеться. — Попробую по-простому. Хотя некоторые термины опустить не смогу.

Гость кивнул. Он сидел с прежним выражением лица, не обращая внимания на обстановку в кабинете и явную враждебность остальных гостей.

— Итак. Главный блок установки состоит из двух частей. В накопителе... пучки плазмы получают энергию... — профессора коробило от примитивности объяснения, но он мужественно терпел себя, ведя рассказ так, будто бы перед ним сидел дошкольник. — И с помощью генератора поля попадают в выносной блок. Он виден на правом экране. Выносной блок отстоит от главного на пять километров.

Взгляд гостя переместился на правый экран. На нем был видна конструкция, по своему виду похожая на гигантский пылесос, соединенный с тарелкой спутниковой связи. Высота конструкции достигала полутора метров, ширина — полметра.

Оболочка из темной стали и черного пластика. Ни одной блестящей детали, ни одного острого угла или выступа. Все сглажено, прилизано, словно устройство старательно обрабатывали напильником.

— Кхм!.. — откашлялся Шепелев. — Это выносной блок установки энннзотрона. Он включает в себя приемную антен-

ну, усилитель сигнала, добавочный ускоритель, разгонный блок и растр.

— А что такое эннзотрон?

До начала эксперимента оставалось всего три минуты, а профессор тратил время на разжевывание элементарных вещей. Но делать было нечего. От этого чиновника во многом зависело, как примут эннзотрон в верхних эшелонах власти, и будет ли продолжена работа над установкой в последующем.

— Эннзотрон — это установка, создающая особое поле, в котором частицы плазмы, получая ускорение, преобразуют...

— Я же просил попроче, — скривил губы чиновник.

— Да, конечно. Суть действия установки следующая. В разгонном блоке под воздействием... особого электромагнитного поля атомы плазмы получают мощный заряд энергии. После чего покидают выносной блок и летят в заданном направлении на скорости приблизительно в одну пятую от скорости света. При этом их температура достигает порядка пятнадцати тысяч градусов.

— И что?

— А дальше, встречая на своем пути препятствие из любого материала, пучок плазмы пробивает его насквозь. Не важно, что перед ним — лист бумаги, броня танка или железобетонная. Пучок пробьет все.

— А потом?

— Ну, если это танк — то он исчезнет.

— Как это? — судя по всему, гостя заинтересовали последние слова Шепелева, и он немного утратил высокомерный вид и снисходительность.

— Просто. Внутри танка образуется необычайно высокая температура, в которой сгорят люди, сдетонируют боеприпасы. Да и сама броня потечет, как вода.

Гость недоверчиво покосился на установку. Она не выглядела опасной и способной на такие фокусы.

— Итак, впущенный пучок плазмы способен пробить любую броню. Причем не одного танка, а трех, пяти, двадцати. Все зависит от заданной энергии пучка. Уровень энергии регулируется оператором в зависимости от поставленной задачи. На

минимуме пучок пробьет лист бумаги. На максимуме — обогнет земной шар раз десять. Снося все на своем пути.

Впервые на лице чиновника проступило обычное человеческое чувство. Чувство тревоги. Он поверил профессору.

— А... а зачем этот...

— Выносной блок?

— Да. Зачем он стоит на полигоне?

— Грубо говоря — это ствол. А казенник — это главный блок. Здесь пучки-снаряды получают энергию и попадают в «патронник».

— А как же они перемещаются туда?

— По наведенному полю, которое создает генераторный блок установки. Здесь это поле поддерживает усилитель. С передающей антенны главного блока пучки попадают на приемную антенну выносного блока, проходят через добавочный усилитель, который компенсирует потерянные проценты мощности при передаче, и вылетают через растр. Точно в цель. Это тоже наше ноу-хау. Таким образом, мы, расставляя выносные блоки, грубо говоря, на передовой, обстреливаем противника, а сердце установки и людей прячем в тылу.

Чиновник внимательно слушал объяснение, пытаясь уловить хоть что-то из того, что ему говорил профессор. И лихо-радочно соображал, как и что будет докладывать начальству, когда приедет обратно в Москву.

— А... — напрягая мозги, подбирал он слова для следующего вопроса.

— Вы хотите спросить, какое максимально возможное расстояние от главного блока до выносного? — не скрывая насмешки, подсказал Шепелев.

— Да. Да, именно это я и имел в виду.

— На сегодняшний день расстояние — семь километров. Но мы планируем довести до ста.

— Центральный, — раздался над головами голос диспетчера. — Все готово. Просим разрешения на старт.

Шепелев оглянулся, глянул на гостей, увидел нетерпение на их лицах и чуть севшим голосом скомандовал:

— Старт!

Несколько секунд ничего не происходило. Монитор увеличил изображение выносного блока и мишеней на полигоне. Это были старый бронетранспортер, установленная вертикально железобетонная плита и дзот.

Потом раздался приглушенный рев, после чего мелко завибрировал главный блок, замигали индикаторы, подтверждая нормальную работу узлов и частей. Потом над установкой возникло марево розоватого цвета.

Через полминуты оператор произнес:

— Есть пятьдесят процентов накачки пучка.

Еще через двадцать секунд:

— Есть сто процентов!

И тут же диспетчер выкрикнул:

— Генератор включил поле. Возможна передача на выносной блок.

— Передачу начать, — внезапно осевшим голосом скомандовал Шепелев.

— Передача идет.

Внешне ничего не произошло. Только сгустилось марево над установкой, а гул генератора перешел на пониженный тон. В этот момент выносной блок тоже мелко завибрировал, заиграл индикаторами и легонько завыл.

— Передача завершена, пучок готов к старту, — доложил оператор.

Шепелев на миг оторвал взгляд от экрана и повернул голову к чиновнику. Тот сидел, сжав подлокотники, и не мигая смотрел на монитор. Нижняя челюсть немного отвисла и придавала лицу комическое выражение.

— Огонь! — по-армейски скомандовал профессор, переноса взгляд в верхний правый угол монитора. Там была картинка мишеней.

А потом все произошло одновременно. В один миг исчез каркас бронетранспортера, железобетонная плита и амбразура дзота. На их месте полыхало пламя. Пучок плазмы имел запас энергии только на три цели, поэтому, преодолев последнюю, долетел до земляного вала, стоящего метрах в трехстах позади дзота и угас в его недрах.

— Цели поражены. — Разорвал тишину голос оператора. — Выносной блок разряжен, установка готова к генерации новых пучков. Все системы работают нормально, отклонений нет.

— Получилось! — выкрикнул кто-то из гостей и от избытка чувств зааплодировал.

Его почин подхватили все. Чиновник покрутил головой, глянул по сторонам и довольно кивнул. Вид пылающих мишеней не оставил равнодушным и его.

«Получилось! — Вытер мокрый лоб Шепелев. — Все как планировали. Пять лет каторжного труда увенчались успехом. Плазменная пушка готова...»

— Фиксирую угасание энергии пучка, — подал голос диспетчер.

— Михаил Андреевич, поздравляю! — вклинился в переговоры чей-то голос. — Это победа!

«Да. Это победа... — жадно глядя на горящие мишени, думал профессор. — О которой еще недавно мы и не мечтали...»

— Поздравляю, Михаил Андреевич, — подошел к профессору генерал. — Это потрясающе. Если армия получит такое оружие, мы оставим позади весь мир. Области применения такого оружия необычайно велики...

Шепелев склонил голову, принимая поздравления, и хотел, было ответить, но в этот момент раздался голос оператора:

— Генератор главного блока не выключается! Сработал основной разгонный блок! Поле напряженности растет! Михаил Андреевич, поле растет! Я не могу отключить установку!

Шепелев мгновенно развернулся к монитору, нашел взглядом главный блок, увидел, как тот опять начинает вибрировать, вырабатывая энергию. Заработал генератор поля, розоватое марево, почти исчезнувшее, вновь начало окутывать установку.

— Отключайте питание! — Шепелев узнал голос Гудкова. — Вырывайте кабели!

— Выносной блок работает в режиме приема! — опять подал голос оператор. — Пучка нет, но он забирает энергию от генератора поля.

Шепелев стукнул по кнопке общей связи и прокричал:

— Обесточьте выносной блок! Немедленно!

— Что происходит, — спросил чиновник, глядя на суету вокруг. — Что?..

— Фиксирую трехкратное превышение энергии генератора поля! — искаженный голос оператора.

Раздался отчетливый хлопок. Что-то шелкнуло, треснуло, и с экрана монитора один за другим исчезли все три костра горевших мишеней. А затем исчез выносной блок.

Через час, когда силы безопасности оцепили не только полигон и корпус, но и все прилегающие районы, а персонал и приглашенные были временно изолированы в холле и кабинетах корпуса, дежурная смена зафиксировала остаточную напряженность поля в том месте, где стоял выносной блок. Установка до сих пор продолжала держать связь с пропавшим блоком. Однако обнаружить тот никак не могли.

К вечеру Шепелева хватил удар, и его увезли в больницу. С ним поехала бригада из шести человек — охранять.

Через час после этого высокопоставленный чиновник отбыл в Москву. Остальных задержали для дачи показаний. Руководство объявило режим повышенной секретности и наложило на все разработки гриф недоступности.

Из показаний профессора Шепелева М.А.

«...Генератор поля создает коридор в пространстве, по которому пучок плазмы от главного блока попадает к выносному. В основе его положен процесс пробоя электромагнитных, магнитных и торсионных полей Земли. За счет генератора пучок в «законсервированном» состоянии почти без потерь энергии долетает до выносного блока.

В чем причина сбоя программы, я не знаю. На предварительных испытаниях генератор вел себя нормально...»

Из показаний старшего группы наладчиков Гудкова Д.А.

«...Генератор поля должен был выключиться сразу после передачи пучка плазмы. Время затухания активности около двух секунд. Но обычно он работал несколько дольше. Однако всегда прекращал работу в течение пяти—семи секунд. Чем объяснить странный режим работы, я не знаю...»

* * *

Из доклада специальной комиссии по расследованию происшествия на полигоне НИИ.

«...Эксперимент можно считать успешным. Учебные цели поражены в заданное время с заданным результатом.

...Исчезновение целей, а затем и выносного блока установки произошло по неустановленной причине...

...Главный блок установки до сих пор продолжает функционировать в режиме ожидания, подпитываемый энергией собственного генератора.

...На месте выносного блока сейчас облако розоватого цвета диаметром две тысячи миллиметров. Попытки ввести в облако зонд из высокопрочной стали не принесли результата.

...Никаких иных катаклизмов на полигоне и в испытательном корпусе не произошло...»

Из рапорта начальника пятнадцатого управления КГБ председателю Комитета.

«...На объекте «Т» установлен особый режим охраны. Задействованы силы местных органов и милиции. Дежурная смена инженерной группы работает под постоянным контролем...»

Специальная комиссия работала на полигоне шесть дней. Они проверили всю документацию по эксперименту, еще раз опросили участников испытаний, но не пришли к какому-нибудь определенному выводу.

НИИ, в котором работал Шепелев, получило задачу выяснить, что конкретно произошло во время испытаний и куда исчезли мишени и выносной блок.

Сам Шепелев, перенесший микроинфаркт, временно был отстранен от работы. Его помощник Денис Гудков возглавил вновь сформированный отдел и вплотную занялся проблемой исчезновения блока.

...Президенту, бывшему в курсе всего хода испытаний и придававшему им особое значение, в подробностях доложили о результатах эксперимента и показали видеозапись.

Посмотрев, как исчезают в огне мишени и как потом буквально на глазах тает выносной блок, президент высказал свое

мнение в выражениях, которые пресс-секретарь в последующем интерпретировал как: «серьезная озабоченность и неудовлетворение, а так же уверенность в конечном успехе исследований...»

Приблизительно столько слов высший государственный деятель и произнес. Но в печати можно было привести только несколько союзов и междометий.

Потом, чуть остыв, он добавил:

— Хотя год сидите около этого... облака, но установку починайте! И чтобы работала как часы! Этому профессору создать все условия. На руках носите, только лишь бы дал нам пушку!

Таким образом, Шепелев был реабилитирован и допущен к работе. Что самым положительным образом сказалось на его самочувствии. Но, к сожалению, не на результатах. Выносной блок никак не хотел возвращаться.

...Среди голосов и мнений солидных ученых затерялась идея одного инженера-практика, только пришедшего в НИИ. Как-то в небольшой компании на кухне за столом, он, приняв двести грамм коньяка (русские ученые таки дождались того дня, когда их оклад позволил покупать не самый плохой коньяк!), высказал в пылу спора:

— Эта ваша установка, мать ее... и так!.. и эдак!.. и этот ваш генератор поля, и его мать!.. и так же!.. Задели то, чего задевать было никак нельзя!

Один из его изрядно опьяневших товарищей, работавший в группе наладчиков, с некоторым трудом протолкнул слова сквозь язык.

— Что ты... имеешь в виду?

— То, что блок провалился либо в другое пространство... либо в другое время! Сделать-то его сделали... а на что он способен, так и не поняли!

По ночам облако на месте исчезновения блока светилось изнутри ярко-розовым светом. Пугая охрану и разгоняя сновавших по лугу мышей. Чтобы вражеские спутники не засекли странное свечение, авиация продолжала распылять газообразную субстанцию в небе. Но теперь на гораздо большей площа-

ди. И не в одном месте. Дабы не привлекать внимание странными маневрами.

А из соседнего леса почему-то сбежали все зайцы. И волки. Зато поселились люди. Из группы прикрытия полигона. Розоватое облако их тоже пугало...

Как ни странно, но догадка безымянного инженера была близка к правде. Генератор поля в совокупности с генератором накачки, сумели пробить пространственно-временной континуум. И изменить вектор времени. Проще говоря, горящие мишени и выносной блок ухнули в прошлое. Причем их разнесло по разным векам и годам.

Бронетранспортер, точнее то, что от него осталось, возник посреди ночного бивака казачьего отряда, до икоты перепугав следившего за лошадьми молодого казака. И лошадей конечно.

Горящий столб пламени возник всего на пять секунд, а потом исчез. Казак потом доказывал товарищам, что видел ангела, сошедшего с небес в столбе огня, но походный атаман и другие подняли его на смех. И посоветовали меньше пить горилку.

В шестнадцатом веке к чудесным явлениям относились с известной толикой скептицизма. Особенно такие сорвиголовы, как донские казаки.

А бронетранспортер продолжал путешествие вглубь веков, успев напугать по пути отряд крестоносцев, возвращающихся из крестового похода, римскую когорту, двух охотников из племени протославян, стадо мамонтов, саблезубого тигра и детеныша стегозабра.

Дабы не возникло впечатление, будто все перечисленные представители фауны в разное время оказывались в одном и том же месте, добавим, что бронетранспортер совершал скачки не только по временной шкале, но и в пространстве.

Приблизительно так же сложилась судьба и у железобетонной плиты и бывшего дзота. Свидетелями их окончательного сторания стали люди разных эпох, а так же звери и птицы и даже гигантские бронтозавры.

Наконец бывшие мишени сгорели окончательно и закончили свой путь где-то в середине юрского периода. Каждый совершил по полтора десятка скачков, оставив иногда неизгладимый, а иногда и незаметный след в эпохах.

Сложнее вышло с выносным блоком. Его сразу кинуло на сто миллионов лет назад. А потом еще на триста. Он застрял на вершине горы, впаянный в лед.

Отличная сталь, защищенная от коррозии и не подверженная деформации, помогла сохранить ему начинку во время перемещений. Блок угнезвился на горе и продолжил работу, связанный с установкой невидимыми узами даже через столько лет. И пока работала установка, работал и блок, получая достаточно энергии для поддержания режима ожидания.

Но исчезновением мишеней и выносного блока дело не ограничилось. Одновременно в разных точках планеты возникли аномальные зоны неустойчивого континуума. И в разное время.

Эти дыры появлялись и исчезали с неравными промежутками времени. Часть из них никто никогда не обнаружил, потому что возникали они в малозаселенной местности. Но часть возникала в городах, поселках, полях. А там было довольно много народа.

И люди начали исчезать среди бела дня. С тем, чтобы потом вернуться или застрять в другом времени навсегда. Это уже было не смешно.

Это была трагедия...

ФРАГМЕНТ 2

Октябрь 2000 года. Чечня, Грозный. 21:30.

...Султан Камхоев, бывший полевой командир одного из отрядов защиты ислама, пробирался по заваленным улицам разрушенного дома, выбирая самые темные и безлюдные места. Впрочем, темными в Грозном были почти все улицы. А вот

безлюдными — только часть. В самых неожиданных местах можно налететь на разведгруппы федералов, кого-нибудь из местных жителей или бойцов из отрядов братьев по оружию. Встреча с последними, понятное дело, не грозила ничем, но Султан не хотел, чтобы его вообще кто-либо видел.

Он крался вдоль погруженных во мрак полуразрушенных коробок домов, преодолевая завалы на дорогах, и время от времени зажимая нос рукой. Трупы людей и животных, давно сгнившие, издавали непереносимый запах, выдержать который мог далеко не каждый человек.

В другое время Султан без крайней необходимости и не подумал бы лезть в этот город, где полным-полно проклятых федералов, где улицы и дома нашпигованы смертоносными ловушками в виде мин, растяжек и неразорвавшихся снарядов. Или в крайнем случае попросил бы помощи у братьев из других отрядов. Но нужда заставила его рисковать собственной головой. Нужда и ненависть.

Еще пять дней назад он командовал отрядом из пятидесяти человек. Пятидесяти закаленных, опытных воинов, прошедших с ним не один бой и сражавшихся с оккупантами еще с девяносто пятого года. Еще пять дней назад его имя уважительно произносили самые влиятельные командиры Сопротивления, и даже сам Шамиль с похвалой отзывался о Камхове, как талантливом воине и командире.

Но пять дней назад все рухнуло в один момент: Его отряд, посланный командованием для выполнения важного задания, попал в засаду. Как потом понял Султан, тут не обошлось без предательства кого-то из своих, слишком уж плотно обложили их гяуры*.

Султан, как опытный командир, сумел вывести часть людей из-под обстрела, но они почти сразу попали под удар еще одного отряда русских. В результате из пятидесяти воинов к своим вышло всего девять человек. Половина из которых была ранена. Пуля настигла и Султана, ужалила в плечо, но он, убитый горем, даже не обратил на нее внимания.

Такого провала он не знал и теперь от стыда и ужаса готов был переступить Коран и пустить себе пулю в висок. Его ав-

* неверные.

торитет резко упал и никто не теперь не доверит неудачнику не то что отряда, а даже двух человек.

Отряд Камхоева напрямую подчинялся Басаеву и от него Султан ждал решения своей участи. Но Шамиль не спешил с вынесением приговора, видимо не знал, как поступить с ним. Или был занят.

И вот в этот момент Султан узнал, что предатель Ичкерии и всего чеченского народа, его кровник сейчас приехал в Грозный. Причем обнаглел до того, что поселился в своем старом доме.

Сказав своим уцелевшим людям, куда он отправляется, Султан в тот же день поехал в Грозный. Два дня у него ушло на то, чтобы доехать до окраин города. Здесь он встретил дальних родственников и от них узнал обстановку. А вечером пошел в Грозный. Один. Не взяв с собой проводника, хотя родственники настаивали.

Султан шел на смерть. Он хотел умереть, чтобы искупить вину перед братьями по оружию, Аллахом и собой. Но только после того, как предатель будет убит. Тогда все скажут: «Он поступил, как мужчина, и не опозорил свой род. Он выполнил священный обычай кровной мести. Он заслужил прощение...»

Об этом и мечтал бывший полевой командир, а ныне просто чеченский воин, защитник веры Султан Камхоев, подходивший сейчас все ближе к дому предателя.

Улица большей частью уцелела, по крайней мере четыре дома на левой стороне дороги выглядели почти целыми. И, как ни странно, кое-где в окнах горел свет. Видимо, жильцы пользовались дизель-генераторами.

В этом районе сейчас жили те, кто предал свой народ и служил неверным. И сами неверные из числа федералов. Здесь же было наибольшее количество блокпостов и комендатур. Султан давно бы попал им в руки, если бы не подробные указания родственников, тщательно обрисовавших путь.

Нужный дом он нашел сразу. Угловая пятиэтажка с аркой в центре здания и уцелевшими дверьми в подъездах. Потратив двадцать минут на наблюдение, Султан выяснил, что вокруг дома никого нет, федералов не видно и что в доме по крайней мере в семи квартирах кто-то живет.

Искомая квартира во втором подъезде. Очень удачно, отметил Султан, рядом с аркой. Если что — можно уйти через нее. По привычке он проверил оружие — автомат, пистолет «ТТ», гранаты и кинжал. С таким арсеналом, имея достаточно патронов, с его опытом, он мог противостоять десятку врагов.

Осторожно, то и дело глядя по сторонам, он дошел до подъезда. Прислушался. Из одного окна, где горел свет, слышна музыка. Пел женский голос на русском языке. «Гяуры, — с ненавистью подумал Султан. — Устроились с комфортом, пьют, слушают музыку, отдыхают! И думают, что они захватили наш город. Ничего, им еще подыхать под нашим огнем. И проклинать тот день, когда они решил придти сюда!»

Повесив автомат за спину, он достал пистолет и навернул глушитель. Работать лучше им, чтобы не создавать шума. А еще лучше кинжалом. Чтобы насладиться видом истекающего кровью предателя...

Он осторожно потянул на себя дверь и шагнул вглубь коридора. В крошечной темноте нашарил ручку второй двери и дернул ее. В этот момент пол ощутимо тряхнуло. Словно землетрясение качнуло дом.

Не понимая, что происходит, Султан замер на месте, прислушался к своим ощущениям. Все было нормально. И дом вроде стоял крепко. Повторных толчков не последовало.

Наверное, от усталости, решил он. Двое суток подряд он спал по полтора часа и устал до предела. Вот слабость и дает о себе знать. Но у него хватит сил свершить задуманное!

Он опять потянул дверцу на себя и сделал шаг вперед. И тут же остановился. В подъезде горел свет. Неяркая лампочка ватт на сорок, слабо освещала лестницу и пролет между этажами. Однако и этого света хватало, чтобы разглядеть обстановку.

Султан прошел один лестничный пролет, потом второй. На следующем этаже тоже горела лампочка.

Вот так дела! У них даже в подъезде проведено освещение. Шикуют русские. Совсем обнаглели. Думают, что теперь все можно!

Султан поднимался по лестнице, обращая внимание на хорошо сохранившиеся двери квартир. Даже номера на месте. И

вообще здесь очень чисто. Даже стекла не выбиты. Или русские специально их вставили?

Дойдя до четвертого этажа, он остановился. Нужная ему дверь крайняя слева. Именно там живет его кровник. Султан подошел ближе, встал напротив, унимая дыхание и успокаивая нервы. Вершить правый суд надо с холодной и ясной головой. Гнев — плохой помощник.

Султан вспомнил лицо предателя. Хорошо знакомое лицо. Ведь когда-то тот был близким другом отца Султана. Знал их семью, даже знал его самого, правда, тогда будущий полевой командир был совсем ребенком.

В прежней жизни предатель был районным начальником, уважаемым человеком. И до своей измены пользовался авторитетом в городе. Даже странно думать, что теперь он — отступник.

Султан вздохнул, поправил ремень автомата на плече и решительно постучал в дверь. И только сейчас заметил кнопку звонка с правой стороны. Даже она уцелела...

Аллах явно был на стороне Султана. Потому что дверь открыл предатель собственной персоной. В свете лампочки Султан отчетливо разглядел его лицо. И увиденное немного смутило мстителя.

Когда Камхоев последний раз видел предателя, тот выглядел сильно постаревшим, с покрытой сединой головой. И фигура была сгорбленной, и взгляд потухший.

А сейчас перед Султаном стоял еще не старый мужчина с гордо расправленными плечами, прямо посаженной головой и твердым взглядом. И волосы были черные, только виски едва припорошены белым. На нем темно-серая в полоску двойка, белая рубашка, галстук...

Как такое могло быть, Султан не понимал. Неужели прислужник гяуров сделал пластическую операцию на омоложение?

Султан все рассматривал врага, на миг забыв о цели прихода. И враг смотрел на незваного гостя. И в его взгляде было больше непонимания, чем в глазах визитера.

Странная форма с разноцветным рисунком. На голове черная спортивная шапка. На ногах странные ботинки наподобие коротких сапожек. В руке пистолет, на плече автомат, на

поясе две гранаты. Взгляд недобрый и немного растерянный. Лицо как будто знакомое...

— Кто ты? Что тебе надо? — спросил предатель. Спросил на русском.

И от звучания чужой речи Султан очнулся. И забыл о странностях. Он пришел мстить, а не рассматривать врага. Пусть тот проведет хоть сто операций, от праведного суда ему не уйти.

— Я пришел за твоей жизнью, шакал! — громко сказал Султан, поднимая пистолет. — Я хочу, чтобы ты ответил за предательство и смерть моего родственника.

Хозяин дома, напуганный странными речами и направленным в грудь оружием, отступил назад, в коридор. Визитер явно пришел не с добром. Но что ему надо?

Впрочем, хозяин был чеченцем, мужчиной, а они привыкли встречать опасность с прямой спиной. Честь и гордость обязывают.

— Кто ты? — повторил он вопрос. — Что тебе надо в моем доме?

— Твоя жизнь. Твое сердце, сердце шакала! Я вырежу его и скормлю собакам, что бегают по разрушенным улицам города!

Султан надавил глушителем на грудь предателя, и тот отступил еще дальше. Испуг с его лица исчез, глаза полыхнули огнем, а ноздри вздулись. Он явно пришел в себя.

— Я не знаю, кто ты. За что ты хочешь меня убить? За какое предательство? Назови себя, если ты мужчина.

— Назову! — продолжал толкать врага в грудь Султан. — Я назову себя в тот момент, когда начну вырезать твое сердце! Чтобы ты знал, от чьей руки подыхаешь!

Хозяин дома все отступал под напором визитера и, в конце концов, они вышли в большую комнату, залитую ярким светом. В центре комнаты стоял длинный стол, а за ним сидело десятка полтора человек. Причем не только мужчины, но и женщины.

Султан от неожиданности опустил пистолет и взглянул на людей. Он сразу отметил женщин, что не лезло ни в какие рамки. Но еще более в эти рамки не лезли четверо русских. Причем один из них был в милицмейской форме с погонами капитана. Еще один мент — майор — был чеченцем.

Но самое большое потрясение ждало Султана дальше. Рядом с окном сидел... его собственный отец. Ахмед Камхоев. Спутать отца с другим человеком Султан не мог ни при каких обстоятельствах. Хотя он и родителя не сразу узнал.

Ахмед Камхоев сейчас был в дальнем горном селении. Он с трудом ходил и редко покидал дом. Его лицо изборождено шрамами, на левой руке нет двух пальцев, а правая нога плохо гнется. Отец Султана попал под бомбардировку федералов и чудом уцелел. Его вытащили друзья и после полугодового лечения переправили к дальней родне.

А здесь Султан увидел отца таким, каким помнил с детства. Здоровым, сильным, молодым. И улыбающимся. После начала войны отец ни разу не улыбнулся, а сейчас растянул губы и что-то говорил сидящему с ним русскому.

Вид одетого в странную форму вооруженного человека привел сидящих за столом в замешательство. Разговоры стихли, взгляды сошлись на визитере.

— Что происходит? — спросил русский милиционер. — Кто ты такой?

Султан почувствовал сильную дрожь, пистолет заплесал в руке, стало неудобно. Он ощутил, что сходит с ума. В этот момент встал его отец, подошел к хозяину дома и строго произнес:

— Зачем ты пришел с оружием в мирный дом? Ты бандит?

Ствол заплесал еще сильнее, глаза Султана заволокло туманом. Непослушными губами он сказал:

— Отец! Отец! Я пришел покарать изменника! Он... стал псом у русских... он предал наш народ!

Ахмед Камхоев злым взглядом смерил незнакомца, что посмел назвать его отцом, резким движением руки отвел оружие от груди хозяина дома и воскликнул:

— Как смеешь ты так говорить о хозяине дома и о наших друзьях?! Ты спятил? Где ты взял оружие?

Мир рушился на глазах Султана. Этого не могло быть, отец не должен здесь сидеть, русские не могли так спокойно вести себя, а... а... О Аллахе, что происходит?..

Взгляд лихорадочно метался по квартире, встречая взгляды гостей, и скользил дальше. Султан вдруг заметил телеви-

зор. На экране было лицо, знакомое по той, прежней жизни. Лицо главы государства. Горбачева. Тот что-то говорил о перестройке. И о мирных переговорах с США.

Русский капитан встал, подошел к хозяину дома и Ахмеду Камхоеву и, строго глядя на Султана, сказал:

— Отдай оружие и сядь. С тобой разберутся в отделе.

— Нет! — пистолет уперся в грудь капитану. Султан всхлипнул и взял себя в руки. — Нет, русская собака! Я тебе его не отдам. Не для того я убивал вас, чтобы отдавать оружие.

— Что ты мелешь? — закричал его отец. — Ты, недостойный шакал! Как ты смеешь?..

— Отец! — едва не плача, закричал Султан. — Отец, я твой сын, Султан! Ты меня не узнаешь?

— Спятивший кретин! Моему сыну Султану тринадцать лет! Он дома учит уроки! А ты, шакал, пришел в мирный дом с оружием! Как ты посмел нарушить закон и обычаи нашего народа?!

— Отец!..

Слезы душили Султана. Его голова раскалывалась от тщетных попыток понять происходящее. Этого не могло быть! Этого не могло быть никак! Но это есть. Здесь и сейчас...

— Сдай оружие! — милиционер-чеченец тоже встал из-за стола, вытащил из кобуры пистолет и направил его на Султана. — И не делай лишних движений!

— ...Встреча с американским президентом показала насколько близки могут быть взгляды двух сторон на проблемы безопасности в мире... — вещал с экрана давно покинувший свой пост президент. — И сейчас, за три месяца до нового, восьмьдесят восьмого года, мы можем договориться не только о запрете на ядерные испытания, но и...

Султан уловил последние слова президента, судорожно схватил воздух ртом и отступил на шаг. Он перестал вообще что-либо понимать.

— Отец! Я твой сын, Султан. Это ты мне выстругал саблю, ты посадил первый раз на коня! Я...

Он взглянул на отца, и почувствовал, что не может больше говорить. Рванул ворот куртки, вздохнул и вдруг, ни слова не говоря, бросился прочь из квартиры.

Когда за странным визитером захлопнулась дверь, хозяин дома, белый, как полотно, повернул голову к милиционеру и просипел:

— Что это было? Какой-то бандит...

— Этот подонок назвал себя моим сыном! — не успокаивался Ахмед Камхоев. — Он спятил!

— Да, — милиционер потер шею и странно взглянул на Камхоева. — Но я бы сказал, что он похож на тебя, Ахмед. Не очень сильно, но похож. Глаза те же и нос.

— Что будем делать? — спросил коллегу милиционер-чеченец. — Надо вызвать наряд и сообщить в отдел о вооруженном бандите. Откуда он только появился?

— Я позвоню, — сказал капитан. — Пусть разошлют ориентировку.

...Султан бежал по ступенькам вниз, то и дело врезаясь в стены. Глаза застила мутная пелена, в голове стучало, словно работали отбойные молотки. Грудь ходила ходуном.

Он тщетно искал объяснение произошедшему и не мог найти. Такое впечатление, что он нырнул в прошлое, заглянул на тринадцать лет назад. И увидел своего отца. Отец!..

Перед дверью подъезда он остановился, вытер лицо рукавом и попробовал привести мысли в порядок. Но ничего не вышло. В голове по-прежнему шумело, мозги закипали в тщетной попытке понять, осознать.

Двигаясь на автомате, он шагнул за порог, и в этот момент его опять тряхнуло. На этот раз сознание не выдержало удара, и Султан рухнул прямо на порог.

...Здесь его и нашли утром выехавшие на патрулирование омоновцы. Форма, оружие и внешний вид красноречиво говорили, что им в руки попал боевик. Загрузив его в БТР, они поехали обратно в комендатуру.

Когда его выводили из бронетранспортера, Султан пришел в себя, понял, куда угодил, и попробовал бежать. Отчаяние придало силы, он смог свалить с ног двух омоновцев и даже сорвать у одного с пояса гранату. Но вытащить чеку не успел. Пуля настигла раньше. Она пробила лопатку, чуть изменила направление и вошла точно в сердце. Султан умер сразу, не успев толком почувствовать боль.

А перед глазами все стояло молодое лицо отца. И его добрая улыбка...

...Июль 2020 года. Средняя полоса России. Полдень.

В последний день полковых учений в Энской мотострелковой дивизии были запланированы стрельбы танкового батальона. На это мероприятие приехали посмотреть не только дивизионное и корпусное начальство, но и представители танкостроительного завода и администрации региона. Ну и, конечно, журналисты. Правда, военные. Ожидаемое зрелище было достойно, чтобы на него собралось столько народу.

За последние пять лет новыми танками Т-90М были полностью укомплектованы две танковые дивизии постоянной готовности, а так же несколько мотострелковых дивизий в разных округах страны. У государства наконец нашлись деньги и на армию.

Танк по своим совокупным характеристикам превосходил любые модели иностранных танков. Огневая мощь, броня, мотор, маневренность, спектр решаемых тактических задач... Он превосходил даже свой базовый прототип, не говоря уж о старых Т-80 и тем более Т-72.

Потенциальные противники (за последние годы так и не ставшие друзьями) готовы были заплатить любые деньги за техническую документацию по нему. Но возрожденный КГБ стоял на страже секретной информации. Последнего шпиона обезвредили буквально за месяц до учений. Тот нес уэсбишку* на пять гигабайт с данными по танку. Донес и почти отдал английскому дипломату. Тут их и скрутили. Съемка, сенсация, дипломатический скандал, высылка представителя посольства и пожизненный срок предателю. Так-то. Теперь с этим строго...

В общем, ажиотаж с учениями не шуточный. Штаб дивизии по этому случаю разработал свой сценарий. С утра учебный бой роты танков, потом показ конечной фазы наступления полка — атака пехоты за огневым валом при поддержке танков. Со стрельбой боевыми патронами и снарядами. Кто в этом понимает, знает — небывалое дело в первые полтора

* Съемный носитель информации.

десятилетия после развала СССР. И даже не финансовые возможности поражают. А выучка личного состава. Топать вслед за стеной взрывов в минимально допустимой отдаленности от нее!..

На закуску оставили боевые стрельбы двух рот на полигоне. С места, с ходу, при преодолении водных преград, по нескольким целям и т.д.

...Взвод лейтенанта Кравцова шел от деревни, где стояла рота к исходным позициям на полигоне. Подходила их очередь показывать класс стрельбы. Три танка пылили по грунтовой дороге, обходя по дуге чащу, чтобы потом миновать вброд мелкую речушку и по условиям учений выйти к рубежу со стороны курганов. Посредники специально выбрали этот маршрут, чтобы проверить умение механиков-водителей управлять танком на сильно пересеченной местности.

Следом за танками шел БТР-96 с отделением разведки из мотострелкового батальона. Разведчики должны проверить дорогу, а при необходимости помочь отразить внезапную атаку противника, когда танкисты так же по условиям учений будут устранять внезапную поломку одного из танков.

Как и танкисты, пехота имела полный боекомплект. На этой фазе учений стрельба шла только боевыми. Разумеется, в определенных местах и по мишеням. На гигантском (почти сто двадцать квадратных километров) полигоне таких мест было около тридцати.

Головной танк с бортовым номером 118 миновал мелкий овраг, вышел к опушке чащи и встал. Володя Кравцов поднял верхний люк и наполовину вылез из башни. Глянул назад. Машины сержантов Пестрикова и Лапшина только подходили к оврагу. За ними метрах в ста пылил бронетранспортер. Комбат мотострелков майор Васнецов перестраховался и вместо нового командира отделения послал с броней старшину Завадского — опытного разведчика, контрактника третьего срока. Старшине было за тридцать. Хотя на вид и не дашь столько. Строен, подтянут, заряжен энергией.

Это он посоветовал Кравцову срезать дорогу и пойти по краю чащи. Лейтенант сразу принял предложение. Старшина

местность знал как свои пять пальцев, давно излазил полигон вдоль и поперек. А Кравцов прибыл в часть всего полгода назад. После училища.

Подождав, пока танки и БТР подъедут ближе, лейтенант включил радиостанцию.

— До цели три кэмэ. Ротный приказал не выходить на главную дорогу, мол, она заминирована. Пойдем вдоль чащи. Не исключено, что там засада. Поэтому разведка должна проверить соседние с дорогой кусты и все подозрительные места. При обнаружении условного противника — сигнал три девятки. С ними должен быть посредник, он отведет засаду, а нам засчитает очки. Пока пехота работает, мы прикрываем. Всем ясно?

— Ясно, командир, — откликнулся старшина, на правах старожилы полка и самого опытного здесь опуская звание лейтенанта.

— Так точно, товарищ командир, — вторили ему сержанты.

— Тогда по местам. БТР вперед, Лапшин — левый фланг, Пестриков — правый. Я — тыл. Пошли.

Три танка разошлись веером, беря под наблюдение ответственные сектора, а БТР пополз вперед, забирая вправо, чтобы подойти к кустарнику, что шел вдоль края чащи на всем ее протяжении.

Пройдя метров триста, машина сбавила ход, и из задних дверей десантного отсека начали выпрыгивать разведчики. И тут же разбегаться в стороны, в свою очередь, беря на прицел чащу, кустарник и небольшой луг с другой стороны дороги.

Разведка никого не обнаружила. Условный противник не решился устраивать здесь засаду. Проверив для очистки совести все подходы к краю чащи, старшина отдал приказ осмотреть дорогу на предмет противотанковых мин. Чем черт не шутит, пока посредник спит!

Но и мин не нашли. Чисто. Так Завадский и доложил лейтенанту. Тот обрадовался и дал приказ на выдвижение. Пропустив танки вперед, разведчики двинули за ними следом, бдительно следя за тылом. Вдруг кто да вынырнет...

Взвод проскочил подозрительный участок дороги и уже выезжал к давно брошенному хутору, когда под танками дрогнула земля.

Кравцов как раз рассматривал в бинокль полуразваленный дом с выбитыми оконными рамами, оторванной дверью и разрушенной трубой на крыше. Удар едва не вышиб у него оптику, левый локоть больно ударился о край люка, а зубы громко лязгнули.

— Ты что, Колька, совсем охренел?! — крикнул он в шлемофон механику-водителю. — Рулить разучился?

— Да это не я, товарищ лейтенант, — отозвался тот. — Мы вроде как на мину наехали. Учебную.

— «Восьмой» — я «двадцатый», — вызвал лейтенанта сержант Лапшин. — Нас что-то ударило снизу. Словно противопехотная сработала!

— И меня тоже, — подал голос Пестриков.

— «Двадцатый», не видел, под нами ничего не рвануло?

— Нет. Не видел ничего.

— Командир, — вышел в эфир Завадский. — Нас тоже тряхнуло. Как кувалдой по днищу врезали. Но на мины не похоже. Ни на пехотные, ни на учебные.

Старшина знал о минах достаточно, чтобы утверждать, поэтому Кравцов поверил сразу. Помедлив, спросил своего механика.

— Как движок? И ходовая?

— Все в норме. Никаких отклонений.

— «Двадцатый», «двадцать первый», «сороковой», доложите о состоянии техники и личного состава.

Кравцов потер локоть. Наверное, синяк будет. Что же так ударило? Если не мины, что могло потряхнуть сорокадевятитонную машину? Землетрясение? Здесь, в центре России?

Доклады подчиненных успокоили. Техника в норме, личный состав отделался двумя синяками, одним прикушенным языком и ссадиной на лбу.

— Ладно. Продолжаем движение. До исходного рубежа полтора кмэ. Посему предельное внимание. Как выходим к ориентиру пять, боевое построение. Всем ясно?

— Так точно.

— Пошли.

Отдаленный гул канонады он слышал сразу, едва танк перевалил через взгорок. Судя по всему, работали стволы дивизионной артиллерии — самоходки «Прима-1М». Правда, грохотало слишком сильно, словно бил не один дивизион. А потом над головой послышался странный шум. Кравцов слышал такой всего пару раз. Когда, будучи курсантом, ездил на аэродром прыгать с парашютом. Так ревели моторы спортивных винтовых самолетов. Но откуда эти самолетики здесь? В учениях принимала участие только армейская авиация — вертолеты Ка-52-1 и транспортники Ми-18М.

И еще одну странность отметил лейтенант. С экрана командирского компьютера исчезла карта местности. По ней через спутник он отслеживал свое перемещение и весь маршрут. Сейчас же на экране мерцала надпись: «сбой связи».

Новая навигационная система только поступила в войска, и к ней пока привыкали. Возможно, Кравцов по неопытности сбил настройку? Но тогда бы комп выдал сигнал ошибки.

— Командир, — вызвал его Завадский. — У меня пропала связь с комбатом. Не могу докричаться. И вообще на наших частотах тишина. Попробуй по своей станции выйти на кого-нибудь.

— Сейчас, — ответил лейтенант, щелкая тумблером. Ему вдруг стало неудобно. Странный сбой программы, тишина в эфире — что это значит?

Около минуты он вызывал сначала ротного, потом комбата, потом своего друга, Гришку Кольцова — командира первого взвода. Но никто не отвечал. Словно все исчезли.

Чувствуя легкую панику, Кравцов, вытер внезапно взмокший лоб и нажал тангетку.

— Всем. Я не могу связаться со штабом. Все молчат. Не знаю, что произошло, возможно, сбой связи. Поэтому до выяснения обстановки приказываю отойти обратно к чаще и встать там.

— Командир, — откликнулся Завадский. — Это может быть работа станций глушения. РЭБ*. Я такое видел. Вдруг это входит в условия учений? Как вводная от командования?

* Радиоэлектронная борьба.

Кравцов наморщил лоб. Об этом он не подумал. Старшина прав, руководство учениями вполне могло усложнить обстановку, чтобы посмотреть, какотреагируют исполнители. А могло и «ядерным ударом» уничтожить весь штаб. Тогда на плечи младшего офицерского состава ложится весь груз ответственности. Стрельбы должны быть проведены в любых условиях.

Но о применении ОМП* должны были предупредить. Хотя бы провести имитационный взрыв. Или это еще что-то?

Думай, лейтенант, думай. Ошибиться нельзя. За ошибки наказывают. И за отсутствие инициативы теперь тоже. В новой армии к этому подходят строго.

Кравцов снял шлемофон, опять вытер лоб и, глядя на приближающуюся стену чащи, оценивал обстановку. Связи нет. Комп молчит. Километрах в десяти—пятнадцати грохочет канонада. Значит, учения идут своим ходом. Правда, грохот почему-то слышен слева, а танковая директриса наоборот справа от дороги. Поменяли? Сомнительно... И эти назойливые жужжания винтовых машин. Сейчас они исчезли, но пару минут назад еще были над ухом. И еще...

Лейтенант в очередной раз глянул по сторонам. Все было как прежде. Только словно что-то не так... Что именно, он понять не мог, но ощущение изменения продолжали давить на нервы. Куда, например, исчез тот полуразрушенный домик? И сгнивший сарай? И пять или шесть яблонь, что росли рядом с упавшей оградой? Когда ехали сюда, он видел все сам. А сейчас... Ни-че-го.

Ничего себе фокусы!

Танки встали звездой, занимая круговую оборону. БТР заехал в центр узла обороны, заняв небольшую выемку. Кстати, очень похожую на воронку от бомбы или крупнокалиберного снаряда.

Кравцов вылез из танка и прыгнул на землю. Прошел несколько шагов, разминая ноги. К нему подошли командиры танков и Завадский. Его разведчики успели покинуть БТР и теперь занимали позиции, беря под наблюдение окрестности.

— Что будем делать, командир? — спросил старшина.

* Оружие массового поражения.

— Не знаю. Похоже, что действительно заработала станция РЭБ. Только... у меня такое чувство, что мы заехали куда-то не туда.

— Куда? Я постоянно сверял курс по GPS*. Мы на полигоне, в двух километрах от стрельбища. Правда...

Старшина показал небольшой прямоугольник устройства. На его экране мелькала надпись «ищу спутник».

— Потух, — констатировал Завадский.

Лейтенант вздохнул и повернулся к сержантам.

— А вы что думаете?

Те глянули друг на друга и одновременно пожали плечами.

— Мне кажется, — сказал Лапшин. — Все наши проблемы начались после того странного толчка. После него...

Сержант замаялся, словно не зная говорить или нет, потом поднял глаза на командира и продолжил:

— Сашка, мой наводчик, слушал радио по плееру. Я разрешил, пока шли...

Кравцов нахмурил брови, собираясь сделать нагоняй за нарушение дисциплины на марше, потом махнул рукой.

— Продолжай.

— Так вот. Как он говорит, сразу после толчка радио вырубилось.

— Если глушат, так и должно быть, — сказал старшина.

— И еще, — подал голос Пестриков, — я в детстве увлекался моделированием. Ну, самолеты собирал, танки, корабли. Знаете, такие игрушки продавали? Склеивать надо.

— И что?

— А то, что пять минут назад я видел Ла-5. Это советский истребитель времен Великой Отечественной.

— Точно? — с сомнением спросил старшина.

— Точно. Он шел на шести сотнях метров, не ошибусь. «Лавочкин» это.

— Во черт! — потянул руку к затылку Лапшин. — Кто это пустил реликвию летать над полигоном? Неужели эти... из исторического общества обкатывают раритет?

* Портативный прибор для навигации. Показывает местоположение и выдает карту местности.

* * *

Полгода назад, принимая взвод, Кравцов был сильно удивлен, узнав, что его командиры танков имеют среднетехническое образование. То есть оба — парни довольно образованные. Еще больше он удивился, узнав, что Пестриков заочно учится в физмате.

Поэтому сейчас, слыша такие слова из уст своих подчиненных, он принимал это как должное.

Лейтенант привык с детства слышать, что в армию идут только дети беднейших слоев общества и среднее образование там считается, чуть ли не вершиной знаний. Дело действительно так и обстояло... до недавнего времени. Когда, наконец, закончили реформу в вооруженных силах. И комбинированная контрактно-призывная армия начала постепенно повышать общий уровень образования личного состава.

Оба сержанта были контрактниками, а механики-водители и наводчики — срочниками. За год службы они успевали неплохо освоить воинскую специальность и уходили на гражданку прилично подготовленными солдатами.

Так вот, сержанты имели опыт не намного меньший, чем у их командира, так что мнение обоих Кравцова весьма интересовало.

— Ладно, дело ясное, что дело темное. Связи со своими нет, спутник молчит. Радио тоже. В небе шастает истребитель-ветеран. Но канонада гроыхает. А значит, учения продолжаются. Посему... — лейтенант сделал паузу, обводя подчиненных взглядом. — Принимаю решение. Идем к стрельбищу. Но! Предельно осторожно. Обнюхивая буквально каждый куст. И не отвлекаясь на музыку и прочие забавы.

Лапшин хмыкнул — камень был в его огород. Лейтенант не мог пропустить факт явного нарушения приказа, однако в такой обстановке ограничился шпилькой в адрес виноватого. На первый раз.

Вот за что сержант уважал Кравцова — за справедливость и чувство меры. В части он мог Сашке дать наряд вне очереди, но здесь и сейчас устраивать разнос считал не ко времени. Лап-

шин это знал, в противном случае никогда бы не сказал о нарушении.

— Порядок следования такой: я первый, за мной Пестриков. Потом старшина. Замыкает Лапшин. Сержант. Башню развернуть назад, следить за тылом. В случае появления условного противника, дать красную ракету — обозначить обнаружение и открытие огня. Ясно?

— Так точно. Башню назад, следить за тылом, в случае появления противника — красная ракета.

— Верно. Вопросы?.. Нет. По машинам.

Чужой танк он заметил, когда его машина вырулила из-за крайних деревьев на очередной взгорок. А через секунду увидел еще один. И еще.

— Стой! — машинально подал он команду.

Танк вздрогнул и замер. Метрах в сорока за ним остановился танк Пестрикова. А следом и БТР и замыкающая машина.

— Вижу... — лейтенант хотел, было сказать «условного противника» или «наших» в зависимости от наличия синего или зеленого выпела на башне, но его смутил странный вид машин.

Что-то смутно знакомое было в них, но сейчас Кравцов не мог сказать, что именно. Угловатый силуэт, никаких наклонных плоскостей, калибр пушки маловат, гусеницы довольно узкие. И выпелов не видно.

Мало того, Кравцов насчитал три типа странных машин. Первый (три танка) — довольно большие, тяжелые. Второй (четыре танка) — не намного уступают первым в размере, но явно легче. И третий (два танка) — приземистые, низкие. С длинной пушкой.

Девять машин неизвестно каких серий медленно ползли со стороны стрельбища к чаще. Впереди самые большие, потом те, поменьше, и в конце приземистые. Замыкали колонну два грузовика неизвестной модели.

Кравцов их видел спереди, и не мог точно разобрать опознавательных знаков на бортах.

— Что за черт? Что это такое?

Неизвестные танки между тем сокращали расстояние. До позиций взвода Кравцова им оставалось пройти чуть больше полутора километров.

— Товарищ лейтенант, — позвал его по радиостанции Пестриков. — Это немецкие танки! Я узнал их. Я ведь занимался моделированием...

— Да, ты говорил. Какие немецкие, Витя? — назвал своего сержанта по имени Кравцов. — Откуда посреди учений немецкие танки? И потом, у немцев «леопарды». А не это... железо. Ты посмотри, броня гомогенная, однослойная, никаких намеков на разнесенный вариант или активную. Калибр пушек явно меньше ста миллиметров. И эти прямоугольные силуэты...

— Товарищ лейтенант, это немцы! Точно! Впереди «тигры». PzVI. За ними PzIV серии «G». А следом два штурмовых орудия StuGIII серии F.

В знаниях сержанта Кравцов не сомневался. Но как это немецкое ретро появилось здесь?

— Может быть, ты подскажешь, откуда они вползли?

— Н-не знаю, товарищ лейтенант.

— Командир, — влез в разговор Завадский. — Это точно немцы. Я помню по кино.

Ах, кино! Теперь и лейтенант вспомнил, где видел подобные танки. Но это ничего не объясняет.

— Товарищ лейтенант, — подключился к разговору Лапшин, — может, командование устроило шоу? Пригнали старые танки, самолеты? К финалу учений? Раз приехало столько гостей, решили показать представление...

Мысль, не лишенная здравого смысла. По крайней мере она объясняет, откуда здесь древняя техника. Но как объяснить пропажу связи? И другие нестыковки?

Между тем опознанные немецкие «панцеры» так же медленно ползли по дороге, постепенно приближаясь к танкам Кравцова. Если это шоу, они подойдут ближе и разъяснят наконец обстановку.

Кравцов хотел отдать приказ выйти навстречу, чтобы встретить странных гостей, но в этот момент передний танк повернул направо по ходу движения, и взгляду лейтенанта предстал борт машины. Украшенный большим крестом.

Пройдя метров сорок, танк вернул прежний курс и пошел по лугу. Его маневр повторил третий «тигр», только он свернул налево. Таким образом «тигры» образовали цепь. Следовавшие за ними PzIV повторили маневр, только разошлись дальше по флангам. А штурмовые орудия встали в промежутки между «тиграми».

В голове Кравцова крутилось сразу несколько догадок относительно странного появления на полигоне немецких танков, и он как-то упустил из виду маневры чужих машин. Зато Пестриков среагировал сразу.

— Товарищ лейтенант, они собираются нас атаковать! Они встали углом!

Действительно, немецкие машины образовали некое подобие угла острием вперед и теперь катили прямо на танки Кравцова. До них было около километра.

— Что происходит, командир? — спросил Завадский. — Они спятили, эти историки? Прут на нас.

— Не знаю.

Он лихорадочно искал частоту, на которой работали немецкие танки, но эфир молчал.

— Командир, спрячься в танке! — рявкнул старшина. — Убери голову! Не то снесут.

— Кто снесет? Ты спятил, старшина! С чего это они станут стрелять?

— Не знаю... Показалось... Чего они прут на нас?

Над головой опять застрекотали моторы старинных самолетов. Кравцов вскинул голову и увидел сразу два силуэта, кружившиеся почти над ними. Только теперь это были другие машины.

— «Мессершмидт BF 109», — передал по радиостанции Пестриков. — Кажется серии G.

— Командир, они прут на нас, — сказал Лапшин. — Расстояние — девятьсот сорок метров. Это не похоже на учения и парад техники.

— А что, по-твоему, они воевать хотят? На этих гробах?

— У меня есть одна версия... шальная, — неуверенно произнес Завадский.

— Давай свою версию.

— Это... настоящие немцы. Из того времени.

«Он же трезвый, — подумал лейтенант, — а бред несет не-сусветный...»

Но высказать эту мысль вслух не успел. Первый «тигр» вдруг встал, повел башней, навоя ее точно на танк Кравцова, и выстрелил.

Лейтенанта спасло то, что в момент выстрела он инстинктивно пригнулся, и над люком торчала только макушка. Снаряд рванул прямо перед танком, большая часть осколков ударила по лобовой броне, несколько долетели до поднятой крышки люка и срикошетировали от нее.

«Осколкочно-фугасный, — пронеслось в голове в тот момент, когда он нырял в нутро танка и закрывал люк. — Что, черт возьми, происходит?»

Два других танка выстрелили по машине Пестрикова. На этот раз болванками*. Одна пролетела рядом с танком. Вторая попала. Точнее, должна была попасть. Но сработала активная защита. Автоматика отследила приближение снаряда, и когда тот приблизился почти вплотную, навстречу ему выстрелил заряд из специальной пусковой установки.

Взрыв произошел в тридцати сантиметрах от башни. Болванка, получив встречный удар, сменила направление, потеряла скорость и ушла в сторону.

— Мать вашу за ногу! — выругался Пестриков. От неожиданности он забыл отключить связь, и его мат услышали все. — Командир, что делать?

В этот момент открыли огонь другие танки немцев. Активная защита машин сработала еще дважды.

Ошарашенный видом старых танков и их внезапным падением, Кравцов растерялся. Этого не могло быть в принципе. Откуда на полигоне в двадцать первом веке немцы? Почему они стреляют?

Не зная, что предпринять, он лихорадочно обдумывал ситуацию, не решаясь отдать приказ стрелять.

— Лейтенант! — нарушая субординацию, проорал старшина. — Они нам гусеницы побьют к херам собачьим!

* Целнометаллический снаряд для поражения бронетехники.

В подтверждение его слов рядом с левой гусеницей танка взметнулась земля. И тут же вновь сработала активная броня, спасая от попадания болванки в лоб башни.

— Ну, суки! — прошипел лейтенант. — Хрен с вами! Самы полезли!

Он отчетливо понимал, что если ошибся и принял своих за противника — его ждет трибунал и пожизненное. Но и стоять и спокойно смотреть, как расстреливают его машины, больше не мог. И поэтому скомандовал:

— Взвод! Слушай команду! Лапшин — три левофланговых танка, Пестриков — три правофланговых. По машинам противника... Огонь!

И чувствуя, как охватывает азарт боя, крикнул своему наводчику:

— Мишка! «Тигры» наши. С левого — начинай!

— Есть, командир! — откликнулся тот, готовя орудие.

— Огонь!..

...В танке Т-90М стояла новая система наведения орудия. Она самостоятельно распознавала обнаруженные цели и отмечала их в соответствии с заданным приоритетом. Таким образом, наводчик только задавал последовательность уничтожения и количество снарядов для каждой цели, а потом нажимал кнопку «пуск». Все остальное автоматика делала сама: наводила пушку, стреляла и после подтверждения поражения переносила огонь на другую цель. И так до полного уничтожения противника.

После команды «огонь» прошло неполных пять секунд, как танки Кравцова открыли ответный огонь. И машины противника начали погибать один за другим.

Командир танковой роты капитан Эрик Даргель вел сводную группу от ремонтной базы в расположение своего батальона к деревне Вискосино. Батальон получил задачу совместно с пехотным батальоном атаковать позиции противника южнее высоты 101,2, обозначенной на картах русских как «высота Зеленая».

Почему «Зеленая» Даргель не знал. На высоте не росло ни единого дерева или куста. И вообще после бомбардировок и артобстрелов там даже травы не было. Но русских понять невозможно, он это давно уяснил.

Выполняя полученный приказ, Даргель прямо с ремонта своим ходом вел танки на позиции, не став дожидаться тягачей. Те были заняты эвакуацией подбитых самоходок с другого фланга полка.

Капитан спешил на передовую. Он хотел, наконец, испытать в бою новые, только полученные машины. Тем более что наступление шло уже пять дней, а его рота так и не поучаствовала ни в одном сражении.

Причина столь неудачного начала — потеря сразу шести машин. И это еще до боя, при выходе на исходные позиции. Его рота налетела на заброшенное и никем не обнаруженное минное поле. Три «тигра» потеряли гусеницы почти одновременно. Остальные — через час, когда шли по только что проверенной саперами дороге. Но саперы пропустили вражеские мины, и танкисты потеряли еще три машины.

Видя это, командир полка приказал Даргелю отвести роту в тыл и устранить неисправности. Таким образом, капитан остался в резерве, в то время как батальон успел повоевать.

Три танка ремонтники восстановили за сутки, и Даргель отправил их в расположение батальона. А сам с тремя остальными выехал на следующее утро. За полчаса до выезда он получил приказ: забрать из ремонта уже восстановленные танки PzIV и штурмовые оружия StuG и возглавить сводную танковую группу. На выезде с рембазы к капитану присоединились два грузовика с взводом пехоты. Лейтенант Гарвиц, командир взвода, имел приказ идти вместе с танкистами.

Вот так, одной колонной они и пошли к Вискосино краем чащи, не рискуя выходить в открытое поле. Хотя на этом участке фронта в небе было преимущество на стороне люфтваффе*, русские штурмовики иногда совершали дерзкие и молниеносные налеты.

...Чужие танки Даргель заметил, когда выезжал к лугу. Три странные машины незнакомой конструкции стояли у опуш-

* Военно-воздушные силы Германии.

ки. Даргель хорошо знал все типы русских машин. В сорок первом видел чудовищные КВ, воевал с Т-34, легкими Т-60 и Т-70, жег присланные англичанами «Валентайны».

Но те, что стояли в полутора километрах от него, опознать не смог. Приземистые, с плавными обводами. Со странными коробками на сплюснутой башне и огромным пулеметом, смотрящим в небо. Чувствовалась в них скрытая мощь. Огромная мощь.

Это никак не могли быть свои. Все новые машины капитан видел. Вживую или на рисунках. И новый PzV «пантера», и штурмовые оружия «Элефант»*, и, конечно, его собственный «тигр». Так что без сомнения — это танки противника. Но какие?

На башне каждого из странных танков был небольшой выпел зеленого цвета. Вроде как опознавательного знака. Дополнительный символ? Или это отличие?

Капитан на всякий случай попробовал вызвать эти танки по связи, но те молчали. Между тем появление противника в тылу передовых частей его полка ни к чему хорошему привести не могло. И капитан отдал единственно верный в этом случае приказ: «К бою!»

Девять машин выстроились клином. На острие «тигры», по бокам PzIV, штурмовые орудия, как обычно — по флангам, готовые прикрывать атаку танков. Пехота осталась позади. Если к противнику подойдет его пехота, взвод Гарвица вступит в бой.

Перед тем, как дать команду «огонь», Даргель связался со штабом и предупредил о появлении в тылу русских машин.

Танк капитана выстрелил первым. Вышел недолет. Потом выстрелил танк унтер-офицера Кранке. Тяжелая болванка шла точно в цель и должна была поразить башню передовой машины противника. Но тут произошло нечто странное. Рядом с башней раздался взрыв и... все. Танк спокойно стоял на месте, словно ни в чем не бывало.

Потрясенный Даргель скомандовал вести беглый огонь и попытаться поразить гусеницы. Еще пять выстрелов не принесли никакого результата. Каждый раз, когда снаряд шел в

* Более известен как «Фердинанд».

цель, следовал взрыв рядом с корпусом машины. А танки стояли целыми и невредимыми.

«Мистика, — подумал Даргель. — У русских появился неуязвимый танк. Его не берут даже снаряды из пушек «тигра». Этого не может быть...»

А русские почему-то не открывали огня. Боялись или заклинило башни?

Даргель решил подойти еще ближе и ударить наверняка. Перед его восьмидесятивосьмимиллиметровой пушкой не мог устоять ни один танк на свете.

«Тигры» двинули вперед, намереваясь сократить дистанцию, когда русские наконец открыли огонь. Даргель увидел сотрясение вражеского танка, частые хлопки выстрелов и... что-то яркое и горячее ударило его в лицо, стало нестерпимо больно, а потом все померкло. Сознание отключилось. Навсегда...

Первыми взорвались две левофланговые машины, Пестриков обозвал их PzIV. Потом исчезли в огне одновременно все «тигры» и приземистые штурмовые орудия. За ними еще одна немецкая «четверка». Последний вражеский танк успел спрятаться за огромным факелом, еще несколько секунд назад бывшим грозным «тигром». Пестриков двинул свой танк вправо, заходя во фланг, чтобы расстрелять немца в борт.

Кравцов потрясенно смотрел на восемь костров, пылавших посередине луга. Впервые столь наглядно его танк продемонстрировал свою мощь. Пусть даже на старых консервных банках. Но это зрелище потрясало до глубины души. Весь бой шел какой-то десяток секунд.

Лейтенант даже не сразу расслышал крик Завадского:

— Воздух! Атака с неба.

На них с высоты падали две юркие машины. Это были «Мессершмидты».

— Все нормально, командир, — добавил Завадский. — Я займусь ими.

...Новый БТР-96 являл собой совершенный образец бронетранспортера. По своей сути, изначально БТР — легкобронированное такси для перевозки отделения пехоты, доставле-

ния его на поле боя, подвоза боеприпасов и эвакуации раненых. И его вооружение — только для самозащиты от внезапной атаки пехоты врага. Хотя, надо признать вооружение довольно сильное — два пулемета, крупнокалиберный и ПКТ.

Однако с конца двадцатого века бронетранспортер пытались переделать в колесный вариант боевой машины пехоты. Усиливали броню и вооружение, модернизировали ходовую часть. В результате и появился БТР-96. Его броня выдерживала попадание снарядов из двадцатитрехмиллиметровой автоматической пушки, специальная установка защищала от подрыва на минах.

Вооружение сильно изменилось. Для поражения живой силы и легкобронированной техники установили спарку крупнокалиберных пулеметов «Корд» и автоматический гранатомет АГ-36. Для поражения бронетехники — ПТУР «Долина-1», способный пробивать любую броню любого танка. Для уничтожения авиации в комплект бронетранспортера входил ПЗРК «Игла-10».

Всем комплексом вооружения наводчик управлял с помощью бортового компьютера, подобного тому, что стоял на Т-90М.

Таким образом, новый БТР стал вполне самостоятельной боевой единицей, способной противостоять любому противнику. Конечно, только если ведет бой с закрытой позиции. В открытый бой с авиацией и танками ему лучше не вступать.

...И Завадский занялся «мессерами». Первый исчез в огне, когда выходил из пике. В его хвост врезалась ракета из ПЗРК. Второй получил свое от пулеметной спарки, проходя почти на бреющем над танками Кравцова. Немецкие летчики не принимали странную машину всерьез и не знали, откуда придет смерть.

Тем временем Пестриков достал последний вражеский танк и отошел обратно на свою позицию. Не успел он доложить об успехе, как в шлемофоне лейтенанта раздался крик Лапина:

— Слева вижу танки! Шесть машин! Немцы!

Теперь все разбирались в классификации немецкой бронетехники.

— Еще три «тигра» идут от заброшенного хутора, — доложил Завадский. И после паузы добавил: — Которого вроде как и нет.

Дело принимало новый оборот. Невесть откуда взявшиеся танки времен Великой Отечественной атаковали взвод со всех сторон. Да еще авиация...

Следовало срочно разобраться в ситуации и принять решение. Пора прекратить этот нелепый бой и найти своих.

И Кравцов решение принял.

— Слушать меня! Судя по всему, мы стали свидетелями некой аномалии. Либо нас забросило в прошлое, либо немцев кинуло к нам. Судя по характеру местности и канонаде — более вероятен первый вариант. А посему — идем обратно к хутору. К тому месту, где он должен быть. Если нас не вернет обратно, занимаем круговую оборону у края рощи и... стоим до конца. Когда закончатся снаряды — рвем танки и уходим на БТРе. Вопросы?

— Что будем делать потом, командир? — спросил старшина. — Куда идти. К нашим... в смысле, к русским?

— Не знаю. После решим.

Больше вопросов не было.

— Тогда пошли. Лапшин, Пестриков — на вас «тигры». Я беру «четверки». Завадский — замыкаешь. В тылу осталась вражеская пехота — она на тебе. И следи за небом. «Игла» еще есть?

— Одна.

— Понял. Вперед.

Отдав приказ, Кравцов почувствовал некоторое облегчение. В самом деле, все сомнения и непонимание осталось позади. Ситуация стала ясной. И что с того, что произошло невозможное? Ну, произошло и ладно. Есть конкретный план, есть цель. Остальное зависит только от них самих и... от количества боеприпасов. А если так выйдет, что они все погибнут...

Володя был готов к этому с того самого дня, когда давал присягу служить Родине до последнего вздоха. И если совсем недавно эти слова были пустым звуком, то теперь они вновь звучат гордо и грозно.

Его прадед погиб в сорок третьем, форсируя Днепр. И получив посмертно Звезду Героя. Неужели правнук будет слабее?

* * *

Получив странное сообщение от Даргеля, майор Рундштед, командир танкового батальона, сперва принял его за неуместную шутку. Какие «странные русские танки»? Да еще в тылу наступающей дивизии. Но когда авиаразведка подтвердила факт боя группы Даргеля с какими-то танками, он перестал сомневаться. Окончательно внес ясность лейтенант Гарвиц. Его машины только что прибыли в распоряжение батальона.

Выглядел лейтенант неважно. Бледный, руки дрожат, глаза вылезли из орбит.

Опорожнив флягу с водой, он сбивчиво рассказал майору, как три русских танка буквально за считанные секунды разнесли машины Даргеля в пух и прах, а потом подбили два истребителя.

После этого Гарвиц посчитал, что вступление в бой его взвода ничего не даст, и на всей скорости покинул поле боя.

— Можете отдавать меня под суд, господин майор. Или расстрелять лично. Но я сам видел, как снаряды «тигров» отлетали от брони русских танков. И как вспыхивали наши машины. А башня танка капитана улетела метров на двадцать от корпуса. И раскололась еще в полете на две части. Это... это невозможно передать...

— Успокойтесь, лейтенант! — безразлично поморщился Рундштед. — Я не обвиняю вас в трусости. Против танков ваш взвод ничего не мог сделать. Но вам придется идти в составе группы, которую я пошлю уничтожить русских.

И майор отдал приказ — оставшимся танкам из роты Даргеля под командой его заместителя обер-лейтенанта Видлинга и взводу PzIV выйти на перехват танков противника. Им майор придавал взвод пехоты Гарвица, еще один взвод из подчиненной пехотной роты и два противотанковых орудия.

— Если русские будут отступать, доложите в какую сторону. Я вызову авиацию, — наставлял Рундштед командира сводной группы обер-лейтенанта Видлинга. — И не лезьте на рожон. Похоже, русские использовали здесь какие-то новые машины. Я не хочу терять технику накануне наступления.

Отправив группы, майор поспешил в штаб, чтобы передать информацию командиру полка. Необходимо было согласовать действия с авиацией и соседними частями.

«И все же, что это за новые танки? — думал майор, идя к штабу. — И откуда такая неуязвимость? Неужели они придумали что-то особое?... Или это болезненное воображение Гарвица? Но Даргель погиб. И его группа... Значит, все правда...»

Терзаемый сомнениями, Рундштед поднял трубку и попросил соединить его с командиром полка...

...Взвод лейтенанта Кравцова медленно продвигался к месту, где должен быть заброшенный хутор. Впереди по-прежнему шел командирский танк, за ним уступом справа двигались танки Лапшина и Пестрикова. А БТР разведчиков шел слева, по карюю дороги, контролируя чашу.

Только что они отразили уже третью атаку противника, и хотя немцы отошли, но еще не оставили мысли уничтожить странные танки русских.

Второй бой вышел более долгим по времени. Немцы на этот раз шли гораздо осторожнее и не спешили выходить на открытую местность. Но такой маневр не принес ожидаемого результата. Как и свой прототип, Т-90М мог бить с закрытых позиций ПТУРами А-12. Не зря его называли ракетнопушечный.

Вдовольно короткий срок с танками противника было закончено. Больше хлопот доставила пехота. Один взвод немцев успел добраться до края чащи и исчезнуть в ее буреломах. А вот второй промедлил, и разведчики накрыли его огнем.

Потом Завадский спешил своих людей и повел наступление на врага. Кравцов приказал Лапшину поддержать их.

Силы оказались неравными и немцы в конце концов отступили, оставляя убитых и тяжелораненых. Конечно, будь у обеих сторон одинаковое вооружение, численное преимущество позволило немцам зажать разведчиков.

Немцы, что ни говори, были солдатами умелыми, дисциплинованными и хорошо подготовленными. Тем более на их стороне огромный опыт войны.

А в отделении Завадского только сам старшина, наводчик БТРа и двое солдат-контрактников имели за плечами по не-

сколько лет службы и участия в локальных конфликтах. Остальные — срочники девятого месяца службы.

Впрочем, они держались хорошо, не паниковали и не теряли головы от волнения. Да и старшина не давал скисать.

Давя противника огнем пулемета, подствольных гранатометов и автоматов, разведчики постепенно оттеснили немцев к краю чащи, под стволы БТРа.

Поняв, что дело швах, немцы бежали. Оставив на поле боя девять танков, две разбитые пушки и не менее тридцати солдат.

Не успел Кравцов дать команду на отход, как сверху навалилась тройка самолетов. На этот раз Пестриков опознало в них многофункциональные «фокке-вульфы». Они могли нести бомбовую нагрузку и имели сильное вооружение.

Незваных гостей встретил Завадский, используя последний ПЗРК. Ракета развалила на части первый самолет. Второй попал под огонь спарки и, с трудом выйдя из пике, задымил и пошел к земле.

Третий самолет, видя участь своих собратьев, отвернул в сторону и исчез в небе.

— Побегал жаловаться, — сплюнул Завадский и вызвал лейтенанта. — Командир. Они сейчас сюда авиаполк пригонят. У нас патронов не хватит.

— Попробуем уйти к хутору. Должна же эта чертова игрушка сработать!

Завадский не ответил. В исправном состоянии «игрушки» он сомневался, но высказывать свое мнение вслух не хотел. И так тошно.

Третий раз немцы атаковали уже на подходе к хутору. Точнее — к месту, где он должен быть.

На этот раз на них шли семь машин. Пять «тигров», «четверка» и странная махина, опознанная Пестриковым как «Фердинанд». Мощная неуклюжая самоходка ползла позади танков, с трудом преодолевая мягкий грунт луга. За бронетехникой шли пять машин с пехотой. У трех на прицепе были пушки.

— Серьезно за нас взялись, — закончил подсчет Кравцов. — Экипажам доложить о боекомплекте.

— Израсходовано восемь снарядов и два ПТУРа, — доложил Лапшин.

— Девять снарядов, один ПТУР, — ответил Пестриков.

— Семь снарядов, — закончил переключку наводчик лейтенантского танка.

— А у меня «иглы» — ёк! — подал голос Завадский. — А выстрелов к гранатомету и патронов навалом. Но если еще часок нас потрясут, останемся на нуле.

— Ясно. Слушай приказ. Снаряды беречь. Работать ПТУРами. Старшина — ты с танками не воюешь, на тебе пехота. Не дай развернуть пушки.

— Есть.

«Закончатся снаряды, будем рвать танки и уходить на броне Завадского, — опять начал подсчет лейтенант. — А когда у него баки опустею — рванем и БТР. А потом...»

Дальше он планировать не стал. Надо еще дожить до «потом». Поправив шлемофон, он поймал в оптику передний танк и скомандовал: «Огонь!»

...За схваткой немцев с неизвестными танками наблюдали три пары посторонних глаз. Наблюдение велось с заболоченного, заросшего камышами берега мелкой речушки. Там в засаде сидели три бойца из полковой разведки советской дивизии, державшей оборону у Зеленой высоты.

Они сидели здесь уже час, имея задание подсчитать силы противника и попробовать узнать направление предстоящего удара. Командование дивизии не без оснований подозревало, что сил удержать позиции не хватит, и хотело знать, имеет ли смысл стягивать артиллерию и танки к высоте, чтобы встретить врага всеми средствами.

Вот и забрались сюда разведчики, отыскав удобное место для наблюдения. И уже приступили к работе, когда откуда ни возмись, возникли три странных танка и еще более странная машина аж на восьми колесах.

А потом они стали свидетелями невероятного боя. Неизвестные машины за какие-то считанные секунды разделили немецкие танки. Командир разведчиков, сержант Опанасенко, даже глаза протер. Горят фрицы! Да как горят!

— Шо це таке, Петро? — спросил его земляк, ефрейтор Горботенко. — Шо мы бачили?

— Ох, не х... себе! — сбил пилотку на затылок Гришка Добренков, третий разведчик. — Неужто наши?

Опанасенко во все глаза следил за странными танками, вспоминая модели советских машин, а так же немецких, которые видел или о которых слышал. Эти чудовища не были похожи ни на один из них.

— Тикать надо, Петро. Не то они нас найдут и в пыль сотрут.

— Сиди, — ответил, наконец, сержант. — У нас задача — сосчитать немцев. Вот и будем выполнять.

— Их и без нас сосчитают, — кивнул на поле боя Гришка.

Там как раз началась вторая схватка. После нее разведчики и вовсе остолбенели. Странные танки поражали немцев из-за взгорков, не видя их. Из стволов вылетали странные огненные снаряды, похожие на ракеты «катюш». При попадании в танк они взрывались со страшным грохотом, отрывая башни, проламывая броню и выжигая все живое.

А потом разведчики увидели пехоту, вылезшую из восьмиколесной машины. Нормальные парни в камуфляжной форме, как и у них самих, только другой расцветки. И оружие чудное.

Сержант внимательно смотрел за действиями неизвестной пехоты. Потом его отвлек Гришка, тыкавший пальцем в противотанковые пушки, что развернули немцы на краю дороги.

— Может, поддержим? До пушек метров триста. А ну как они подобьют танки?

— Сиди. Помогальщик! Без нас справятся.

— А если нет?

Сержант кашлянул, прочищая горло и про себя раздумывая над вопросом.

— А тогда и влезем. Постреляем обслугу.

Влезать не пришлось. Разведчики видели, как один из танков, заметив угрозу с фланга, быстро развернул башню (быстро, невероятно быстро) и плюнул огнем. Первая пушка исчезла в облаке взрыва.

Со второй разобрался пехотинец с помощью какой-то странной трубы. Он присел на колени, положил трубу на правое пле-

чо, а потом оттуда вылетел длинный снаряд с дымным хвостом. Снаряд быстро понесся навстречу пушке, ударил ее в щит и...

И все. Ни пушки, ни обслуги.

— Мать моя женщина, — зашептал Гришка. — Что же творится?! Неужели это наши? Ведь фрицев положили неслитано.

Он повернул красное от волнения лицо к сержанту и, сверкая глазами, повторил:

— Что же происходит, сержант?

— Не знаю. Но чую, тикать нам надобно отседова. Вон еще немцы прут. Как раз через нас пойдут. Не ровен час, засекут. Уходим!

И сержант первым пополз вдоль берега, уходя из опасного места. Разведчики уже не видели, как третья волна немцев накатилась на неизвестные танки и разбилась о грозное оружие чужаков. И как вспыхнул «Фердинанд», когда в него угодил снаряд.

Теряя технику и людей, немцы опять отступили. Командир немецкого танкового полка, оставив на поле боя двадцать пять машин, решил отвести свои силы и предоставить действовать авиации и артиллерии.

Он и так из-за незапланированного боя сорвал наступление на высоту. И теперь вынужден будет брать ее ослабленными батальонами.

Третья атака вышла самой затяжной. Удачный выстрел немецкого танка повредил гусеницу на машине Лапшина. Правда, ремонт не занял много времени, но сам факт тревожил. У Завадского были потери. Во время перестрелки у чащи одного из его разведчиков ранили в ногу. Пуля из карабина прошла навылет, не задев кость.

Один из контрактников имел смежную специальность санинструктора. Он обработал рану, наложил повязку и вколол промедол. Раненый был в сознании и в общем-то чувствовал себя нормально.

Немецкие пули не брали бронжилеты разведчиков, но вот ноги оставались открытыми.

— Лейтенант, — вызвал Кравцова старшина после перевязки. — Надо уходить отсюда. Нас сейчас накроет авиация и гаубицы. Не станут немцы больше технику терять.

Кравцов и сам так думал, поэтому и приказал после второй стычки отходить. Но если от артиллерии можно уйти, то как скрыться от авиации? Правда, у них есть зенитные пулеметы, здешние штурмовики и истребители отогнать можно. Но если навалятся все разом, будет трудно. Достаточно разбить гусеницу и танки встанут.

Лейтенант провел перекличку, проверил боезапас и уровень горючего в баках, а потом приказал идти к хутору.

— Если там ничего нет, уходим на восток. К нашим... Если примут, — добавил он после паузы.

Неизвестно как еще отнесутся к ним советские войска. Пестриков успел просветить командира относительно политического строя в прежнем СССР и характера отношений с чужаками. Не известно еще, оставят ли им жизнь...

По дороге к хутору они дважды замечали вражеские танки, но те не подходили ближе трех километров и не выказывали желания атаковать. Три километра не дистанция для Т-90М, но тратить снаряды лейтенант не хотел.

В следующий раз немцев засекли уже на подступах к месту, где должен быть хутор. На этот раз те подошли ближе.

Кравцов отдал приказ готовиться к бою, привычно (уже привычно!) распределив сектора наблюдения и огня. А когда Завадский доложил о появлении в небе трех самолетов, решил сам идти на сближение с противником, чтобы затруднить работу авиации и артиллерии (если немцы решат обстрелять их).

Танки свернули с дороги пошли по полю. Оно только со стороны выглядело ровным и гладким. Под высокой травой скрывались рытвины, колдобины и выбоины. Танки запрыгали на неровностях местности.

Кравцов старался удерживать в поле зрения танки немцев, не обращая внимания на рывки машины. Поэтому не среагировал на ощутимый толчок снизу. Только на миг оторвал взгляд от перископа, а когда приник к нему опять, то увидел прямо перед собой сруб сарая.

— Куда катишь, сворачивай! — заорал он, на миг забыв, что для его танка эта груда бревен не опаснее листа фанеры.

Но механик автоматически свернул влево, обходя препятствие, и крикнул в ответ:

— Он как из воздуха появился. Не заметил.

А лейтенант вдруг видел у края дороги два бронетранспортера и три танка. Не отойдя еще от недавнего боя, он едва не скомандовал «огонь», но потом узнал силуэты машин и понял, что видит такие же танки, на каком ехал сам.

И тут же в шлемофоне разделался раздраженный голос его рётного.

— Кравцов, мать твою за ногу! Где тебя носит! Ты уже сорок минут как должен быть на стрельбище!

— Ур-ра! — заорал вдруг Лапшин. — Свои! Вышли!

Взгляду разозленного странной пропажей своего взвода капитана Макарова предстала несусветная картина. Из вставших у полуразваленной избы танков и бронетранспортера вылезают обалдевшие от радости танкисты и разведчики, прыгают, кричат что-то невнятное, обнимаются. Глаза у всех шальные, лица красные. И на начальство совершенно не обращают внимания.

Когда капитан подошел к ним, на него отчетливо пахнуло гарью из стволов пушек.

— Что, черт возьми, происходит? Кравцов? Вы где стреляли?

К нему подошел сияющий от радости лейтенант, вскинул руку к шлемофону и дрожащим голосом произнес:

— Разрешите доложить, товарищ капитан. В бою вверенным мне взводом и приданым отделением разведки были уничтожены двадцать пять немецких танков и самоходных орудий, четыре противотанковые пушки и около шестидесяти человек пехоты. Потерь нет, ранен один разведчик. Докладывает командир взвода лейтенант Кравцов.

Первой мыслью капитана было, что лейтенант спятил. Потом пришла мысль, что спятили все. Но затем он увидел хромающего разведчика с таким же радостным лицом, довольную физиономию старшины Завадского, которого неплохо знал, и понял, что дел тут явно запутанное. И темное.

Поэтому не нашел ничего лучшего, как приказать:

— Всем в расположение части. Там разберемся. А раненого заберет вертолет. Все. Выполнять!

* * *

...Происшествие наделало шуму. Командир полка и командир дивизии сначала хотели отправить Кравцова и остальных «пропавших» в больницу. Но потом в часть приехала комиссия, состоящая наполовину из сотрудников госбезопасности и наполовину из врачей и ученых.

Они забрали всех участников с собой и подвергли их десятидневному обследованию. А потом отпустили, предупредив, чтобы те особо не распускали языки. И даже взяли подписки.

— Пойми, лейтенант, — объяснял Кравцову чин из КГБ, — это дело такое деликатное, что нужно быть очень осторожным. Не стоит пугать всех рассказами о провале в прошлое.

— Но это же правда!

— Да, правда. И мы вам поверили. Потому что совершенно определенно это знаем. Но болтать все равно не надо. Рано пока.

К моменту возвращения группы Кравцова сотрудники проводившего эксперимент НИИ с помощью коллег из других институтов и того самого инженера (докричался все-таки неугомонный выдумщик, услышали), высказавшего оригинальную догадку, уже отыскиали следы выносного блока. Как и следовало ожидать — в далеком прошлом.

И хотя вернуть его пока не смогли, зато разобрались в причине странного феномена. Так что работой НИИ теперь был обеспечен по самое горло...

Кравцов и его товарищи вернулись в часть и продолжали служить. А через две недели после этого пришел приказ из Москвы. Наградить всех участников провала орденом Мужества третьей степени.

Всех, кроме Кравцова. Его высокая комиссия представила к Звезде Героя России. «За умелое и грамотное руководство вверенным подразделением в сложной обстановке, быструю адаптацию в незнакомых условиях, нанесению крупного урона врагу и сохранение техники и личного состава».

Так и было написано в приказе. Надо сказать — заслуженно. Как ни крути, а воевал с врагом. Пусть и в прошлом. И не важно, что техника у него была отсталая. Воевал-то он всерьез!

А еще через месяц Кравцову досрочно присвоили следующее звание и назначили командиром роты разведки танкового полка. Это уже по представлению командования дивизии. Заслужил.

Уже потом эксперты исследовали всю документацию, относящуюся к периоду лето-осень 43-го года в поисках любого упоминания о странном бое в тылах немецкого танкового полка, но ничего не нашли. Видимо, в тот момент, когда Красная Армия после оборонительных боев переходила в наступление, и в штабах немцев при отступлении царил бардак, никто не отметил данный факт в дневнике боевых действий. Так что с немецкой стороны все было тихо.

Впрочем, как и с советской. Что стало с теми разведчиками: погибли ли при выходе к своим или просто не рискнули докладывать об увиденном — неизвестно. Но никаких записей нигде не обнаружено.

И то хорошо. Меньше хлопот...

ФРАГМЕНТ 3

Август 2004 года. Средняя полоса России. 13:15.

— Так, пацаны! Смотрим еще раз, все ли загрузили. Ничего не оставили? А то влом возвращаться...

— Все в норме.

— В норме? Лады. Проверим. У кого там список? У тебя, Витька?

— Угу.

— Читай.

— Угу.

— Че — угу?! Читай, а не жуй.

— Тьфу! Чего читать? Загрузили все. А чего нет — значит, забыли дома. Туда теперь никто не поперет. Давайте лучше двигаться. Не то местные ненароком забредут, тогда будет шум.

— Лентяй ты, Витька. Скажи, читать не охота.

- Ну не охота. Потому как бестолку.
- Эй, сверяльщики. Давайте на броню. Не хрена ждать.
- Ладно, пошли. По пути проверим...

При взгляде вниз с высоты птичьего полета можно увидеть стоящую неподалеку от леса большую машину странной конфигурации и четверых молодых парней, одетых в одинаковую военную форму. Тоже довольно странную.

В полутора километрах от дороги маленькая деревенька, в которой большая часть домов брошена. В остальных еще теплится жизнь, но довольно вялая. Однако деревня никого не интересует, а вот машина и парни...

Им около тридцати. Все как на подбор высокого роста, мощного, можно сказать богатырского сложения, с короткими спортивными стрижками. Есть некоторые схожие черты во внешности, хотя родственниками друг другу они не доводятся.

Одеты парни, как уже было сказано в военную форму. Давно не существующей структуры. Черные бродяжки и кителя, черные сапоги, белоснежные рубашки, черные фуражки с высокими тульями. На рукавах — свастика, на погонах знаки различия. Специалист их легко назовет. Не будем скрывать и мы. Пожалуйста. Трое гауптштурмфюреров и один штурмбанфюрер. В переводе на армейский язык — капитаны и майор.

Кто еще не догадался — это форма гестапо. Пояснять не стоит, в России об этой организации все знают. И никогда не забудут.

Четверка парней загружала сумками, упаковками, ящиками, рюкзаками и баулами большую машину. Издалека ее можно принять за импортный джип, но при более пристальном взгляде мнение менялось. Длинный корпус, багажное отделение скрыто за металлическими бортами, причем сталь явно не та, что шла на легковые машины. Шесть колес, три двери. Две впереди, одна двойная сзади.

Большинству марка машины незнакома, но люди военные, особенно в возрасте, без труда назвали бы не только модель, но и ее ТТХ. Это был советский бронетранспортер БТР-152,

созданный на базе ЗИЛ-131. Внешне машина немного походила на немецкий бронетранспортер «Ганомат» времен Второй мировой войны. С которого в принципе и была содрана.

БТР давным-давно сняли с вооружения, но некоторое количество машин все еще стояли на складах армии. Один такой экземпляр, разумеется, без вооружения, и был выкуплен неким гражданским лицом для собственного пользования.

Сделка была полулегальной, но так как рассекать по улицам города новый владелец не собирался, до сих пор никто не предъявлял никаких претензий.

Впрочем, у блюстителей порядка, появившись они вдруг здесь и сейчас, претензий было бы навалом. А у владельца БТРа — навалом проблем с законом.

Машина была выкрашена в зелено-коричневый цвет, на бортах опознавательные знаки немецкой армии времен Третьего рейха. Над кабиной, на турели — пулемет MG-42. Настоящий пулемет в хорошем состоянии, с заправленной лентой, в которой тускло поблескивали патроны.

Кроме него четверка имела на вооружение три пистолета-пулемета MP-40, штурмовую винтовку StG-44*, винтовку Маузера со снайперским прицелом и три пистолета «Вальтер Р-38». И еще десятка полтора гранат. Как «лимонок» Ф-1, так и немецких, прозванных «колотушками».

Если кто-то решил, что здесь идут съемки фильма о войне, то он ошибается. И клип не снимают. Тут дело совсем в другом...

— Шарики воздушные взяли? — спросил самый рослый среди четверки — Герман, когда машина тронулась с места.

— Взяли, взяли, — успокоил его Артем, тот, кто требовал проверить имущество. — В крайнем случае используем гондоны. А девочки надуют...

Сзади раздался смех. Сидевшие возле багажа Виктор и Олег скалили зубы.

* Штурмовая винтовка StG-44 первоначально имела наименование Mkb-42(H). Потом выпускалась под названием MP-43. Свое окончательное название получила в 1944 году. Здесь приводится именно этот вариант наименования.

— Ну, смотрите, — показал парням кулак Герман. — Будете по газетам и коробкам стрелять.

— Было бы из чего, а мишени всегда найдем, — примириительно сказал Олег и протянул Герману открытую банку пива.

Тот кивнул и сделал глоток, разом опустошивший половину банки. Глотка у Германа безразмерная.

Загадка. Едут по лесу на бронетранспортере четверо одетых в нацистскую форму бритоголовых парней, увешанных немецким оружием. Кто они? Нет, не скинхеды. И не неонацисты. Не баркашовцы из РНЕ или прочих минипартий нацистского толка. Бандиты? Верно. Но в прошлом. А сейчас вполне порядочные, местами легальные бизнесмены средней руки. Те, чей ежемесячный доход превышает двадцать тысяч долларов. Впрочем, сейчас модно считать в евро.

Зачем им маскарад, не очень уместный в стране, шестьдесят лет назад пережившей ужас нашествия гитлеровцев и их прихлебателей? Ответ — это такая форма отдыха. Релаксация после дел насущных, проблем бизнеса и прочих неурядиц, которыми богата жизнь в России начала двадцать первого века.

Каждый отдыхает на свой лад. Кто-то лезет в горы, кто-то едет на курорт, кто-то участвует в новомодных ролевых играх, бегают по лесам и полям с «толкиенистами», «викингами», «рыцарями» и прочими «героями». Есть еще любители пощекотать себе нервы в перестрелках пейнтбольной или страйкбольной войнушки.

Кстати, эта четверка тоже увлекается войнушками. Но у них есть еще одна фишка. Во время отпуска (в основном, летом и ранней осенью) едут они в западные области России, подальше от городов и поселков, где еще шумят бескрайние леса и чащобы, заезжают в самые уж глухие районы и там отрываются на всю катушку.

Натягивают гестаповскую форму, берут оружие (настоящее) и устраивают что-то навроде полевых сборов. Со стрельбой, купанием, рыбной ловлей по-военному (то бишь с гранатами), поеданием шашлыков, поглощением довольно большо-

го количества водки. Ну и с общением с прекрасным полом. Куда ж без него?

Проходит все более или менее мирно и безобидно. Из оружия палат в глубоких оврагах, чтобы ненароком кого не задеть, водку пьют в меру (спортивный режим-с), баб... ну с ними тоже мирно. Но много.

Местный народ не трогают. Да и мало осталось здесь, кого трогать. Разве что шальные охотники или грибники.

Вот такое развлечение у парней. Нравится им подобный отдых и все тут. А что немецкая форма... Уж очень она красивая. Видная. Это давно все признали. Особенно когда Вячеслав Тихонов в ней одиннадцать серий расхаживал, образ Штирлица передавал. Да и Табаков в ней выглядел вполне презентабельно. И даже вечный комик Куравлев смотрелся предствительно. А кому она не идет?

Да, немецкая, запятнавшая себя кровью сверх всякой меры. Но ведь и язык немецкий многие ветераны до сих пор спокойно слушать не могут. Так ведь никто не запрещал его. И Берлин до сих пор стоит. И Германия существует.

Вот такой юридический парадокс. Особенно с запрещением демонстрации эмблемы третьего рейха — свастики. Хотя любой начинающий историк знает — этому символу больше трех тысяч лет. И к гитлеризму он имеет такое же отношение, как и истинные арийцы, то бишь арии. Никакое. Ладно, не будет о грустном.

Словом уже пятый год приезжают они сюда, оставляют свой транспорт в соседней деревне, переодеваются, достают из схронов оружие, выкатывают бронетранспортер и едут отдыхать на всю катушку. Артем, Герман, Олег и Виктор. Четыре друга, четыре кореша, партнеры по бизнесу и вообще — неплохие парни.

— Ты с Генкой связывался? Когда они приедут?

— К вечеру. У них были небольшие проблемы, потому и запоздают.

— А девок захватят?

Артем глянул на озабоченное лицо Германа, фыркнул. Успокаивающе подтвердил.

— Конечно. Их очередь.

— Это хорошо, — кивнул Герман. — Недельку без баб — я не выдержу.

— Да ты и два дня не выдержишь! — влез в разговор Виктор. — Побежишь по здешним деревням искать бабусю помоложе.

— Но-но! — показал ему кулак Герман. — Я не геронтофил. К старым испытываю почтение, а не влечение.

Артем бросил хитрый взгляд на Витьку, подмигнул и очень серьезным тоном произнес:

— Да мы знаем. Ты у нас на другое западаешь. Небось и форму для девок прихватил самую что ни наесть подходящую? Чтобы все как в кино.

Витька дернул головой, зажал ладонью рот, но потом не выдержал и заржал во все горло, невольно вырывая из полудремы Олега. Артем тоже прыснул, на миг упустил руль, и тяжелая машина вильнула в сторону.

Герман привстал на месте, ткнул ладонью Витьку в бок и пообещал:

— Приедем — голову сверну! И тебе тоже, водила хренов!

Артем вжал голову в плечи, спасаясь от разгневанного коreshа, а сам все скалил зубы. Это была старая шутка в их компании, и Герман всегда на нее попадался...

Лет в восемнадцать посмотрел Герман один порнофильм, где фигурировали девчонки в военной форме. Особенно запала ему в душу блондиночка, затянутая в гестаповскую форму, в черной кожаной миниюбчонке. И все. С тех пор Герман любил секс с переодеваниями. Сколько он перетрахал подружек и проституток, одетых в немецкую, милицмейскую, советскую военную или медицинскую форму.

Со временем у него даже развился условный рефлекс. Как увидит девчонку в форме, сразу бежит знакомиться. Братва офигевала от такой активности. Любвеобильный Герман успел уложить в постель трех милиционерш, пять сверхсрочниц, с десяток медсестер и врачей.

Дошло до того, что с другими подружками у него не выходило. Когда не видел обтянутых мини стройных ножек, не ласкал упругих грудей под белоснежными рубашками, его агрегат давал сбой.

В конце концов, потерпев подряд два фиаско, Герман побежал к врачу. Тот, проведя обследование, переправил его к психиатру. А врачеватель душ поставил диагноз — фетишизм. И назначил лечение. Поэтапное. С привлечением гипноза, просмотром определенных фильмов и участием девочек. Одетых несколько иначе, чем привык Герман.

За полгода душевный недуг прошел, и стал Герман опять «всеяден». Фетишизмом больше не увлекался, хотя тяга к женщинам в форме до конца не прошла. Но благо теперь не мешала.

Сзади в кузове шел разговор на другую тему.

— Парни из Смоленска предлагают две самозарядные немецкие винтовки в хорошем состоянии, — рассказывал Виктор. — Их «черные следопыты» постарались.

— Какие не уточнил? — спросил Олег.

— Нет. Можно узнать.

— Было два вида винтовок. «Вальтер» G-41 и G-43. Первые — сырые, слабые. Вторые лучше, но тоже не ахти какие...

— Думаешь, не стоит брать?

— Надо уточнить. Посмотреть, пострелять. Если цена приемлемая — почему бы одну не взять? Но лучше еще один StG. Кстати, как там дела с поставками патронов и гранат? Мой канал иссяк.

— Будут, — успокоил Виктор. — Знакомые обещали.

— Только проверять поеду я сам.

— Само собой. Как обычно.

В вопросах оружия и военной техники в их компании лучше всех разбирались Олег и Артем. Что совсем не удивительно. Артем служил срочную в спецназе ГРУ. А Олег — в спецназе внутренних войск. И оба успели повоевать...

В армию Артема отправила, как ни странно, братва. В девятностом году его, еще семнадцатилетнего бойца одной из бри-

гад, старший решил определить в армию, чтобы тот научился работать с оружием, взрывчаткой и усвоил специальные тактические приемы. В общем, прошел профессиональную подготовку.

Слово старшего — закон. Для молодого пацана такое внимание со стороны бригадира было лестно. Тем более тот брал на себя все заботы о семье новобранца.

Благодаря связям братвы угодил Артем сначала в ВДВ, а потом и в спецназ. Тем более данные у него были подходящие. Кандидат в мастера по дзюдо, второй разряд по биатлону. Рост метр восемьдесят пять, вес восемьдесят три.

Таких — выносливых, сильных и ловких — и отбирали в элитные войска тогда еще Советского Союза. Служба Артему нравилась, проблем с «дедовщиной» в части, только недавно вышедшей из Афганистана, не было, а вот боевой учебы наоборот — вдоволь.

И он учился. Старательно, упорно, как и привык. Помня наказ старшего и конечно по собственной инициативе.

Полученные навыкигодились ему, когда их часть стали бросать из одной горячей точки в другую. Карабах, Армения, Азербайджан... За полтора года почти непрерывных боевых действий стал Артем опытным воином. Не обошли его награды и звания. На дембель пошел сержантом, заместителем командира группы. С медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Служба кое-что изменила в мозгах парня. Возможно, он и ушел бы из бригады, но общий бич страны — нищета — ударила по его родителям. Заводы и фабрики закрывались, работы не было, денег тоже. И бывший защитник родины стал тем, кем должен стать. Боевиком.

Через год после его возвращения в бригаду пришел Олег. Он отслужил срочную в ОБрОНе*, тоже повоевал. К концу службы исполнял обязанности командира взвода. Старшина. Такие спецы бандитам были нужны. А стране — нет. И встал Олег в стройные ряды братков...

* Отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск.

Лес был огромным, прямо таки гигантским. Буреломы, завалы, заросшие травой и кустарником овраги, на дне которых журчали холодные ручьи. Среди этой глухомани встречались островки, свободные от деревьев и кустарников. Залитые солнцем опушки, лысины, небольшие озера. К ним вели узкие едва заметные тропки и наезженные грунтовки. Если опять забраться на высоту птичьего полета, можно увидеть сложный рисунок лесных дорог, напоминающий паутину.

По одной такой к небольшому лесному озеру и ехал бронетранспортер. На берегу было удобное место для палаточного лагеря. А неподалеку, в длинном и глубоком овраге — импровизированный тир. Словом, все удобства рядом. Отдыхай, не хочу...

— Не надо! — резко мотнул головой Витя. — Тот раз мы сунулись к шоссе, и что вышло? Хорошо ночью. А если бы днем? Да за нами все менты района рванули бы! Выехали, блин, фрицы на большую дорогу пострелять.

— Ну и ладно, — пожал плечами Герман. — Нет и нет. Обойдемся. Только за шоссе удобное место. Лощина длинная, глубокая. И прямо к реке выходит. Можно спокойно отстреляться. А до ближайшей деревни километров пять.

Пацаны обсуждали, где удобнее пострелять из пулемета. В лесу расстояние до цели не превышало ста метров, что для автоматов и пистолет-пулеметов достаточно. А вот для пулемета и винтовок маловато. Вот и искали подходящее место.

— Можно махнуть через реку. Там удобно.

— И там засечь могут. Тем более поля колхозные рядом. Не хрена вообще вылезать из леса. В крайнем случае на опушке постреляем.

— Всего-то сто пятьдесят метров! — фыркнул Артем.

— Хватит.

— Да ладно. Обойдемся.

Герман недовольно поморщился, но дальше спорить не стал. В самом деле, рисковать ради того, чтобы лишний раз пострелять с дальних дистанций не стоило. Они и так часто ездили на стрельбище армейского полка и там отводили душу.

* * *

Кстати, позвольте представить. Герман Круглов. Конкретный пацан, нормальный браток. Впрочем, нет. Так не пойдет. Круглов Герман Максимович. Семьдесят второго года рождения. Рост — метр девяносто. Вес — сто десять кэгэ. Плечи — в дверь не пролазят, кулаки пудовые. От груди лежа жмет сто семьдесят, на бицепс берет сотку. В шестнадцать получил первый разряд по боксу. Потом перешел в кикбоксинг и стал кандидатом в мастера. В бригаде с восьмьдесят девятого года. Начинал, как и большинство, с вышибания дани из кооператоров и «теневиков». Был рядовой «торпедой», потом поднялся до бригадира.

Когда пик бандитских разборок пошел вниз, а народа в их команде сильно поубавилось, вместе с друзьями решил двигаться в легальный бизнес. Иначе говоря — повзрослел, поумнел и отошел от активных действий. Впрочем, это не значит, что позабыл о прошлом совсем. Просто не лез сам.

После вышесказанного Герман предстает в роли эдакого туповатого богатыря, главное достоинство которого — крушить черепа налево и направо. Поэтому следует добавить — год назад он с успехом окончил заочный факультет престижного вуза и получил диплом экономиста. Вот такой браток.

В заключении еще одна деталь. От природы светловолос и кареглаз. В сочетании с ростом и статью это создает убойный эффект, что положительно сказывается на бешеном успехе у слабого пола. Это и понятно. Не силком же он тащит их в постель.

По пути дважды делали остановки. Первый раз дорогу перегородили два поваленных дерева. Да еще стволы цеплялись за корни. Пока отпилили, пока оттащили — прошел час.

Вторая остановка — из-за мелькнувшего среди кустов силуэта зайца. Первым среагировал Олег. Жажнул из карабина. Промазал. Это его разозлило, и он выстрелил еще раз. Его поддержал Виктор. В результате заяц был убит. Двумя пулями. Добычу отыскали и торжественно доставили на броню. Будет чем похвастаться перед корешами и телками.

После этого поехали медленнее в надежде обнаружить еще кого-нибудь.

Виктор в кузове на расстеленном куске целлофана снимал шкуру с убитого зайца. Делал он это умело и быстро. Закончив со свеживанием, поднял голову.

— Моя пуля пошла в сердце. Твоя — разворотила кость.

— Молоток, — кивнул Олег. — Я же говорил — тренируйся и станешь хорошим стрелком.

Довольный подначкой, он улыбнулся и подмигнул другу. Тот в ответ оскалил зубы.

Да. Несколько слов о Вите.

Виктор Бурлимов. Самый молодой в компании, семьдесят четвертого года. Ростом и габаритами подстать друзьям. С пятнадцати лет занимался рукопашным боем. В соревнованиях не участвовал. Не хотел. Зато на его счету несметное количество уличных сшибок. Схватки одни на один и против группы, с палками, цепями, ножами. А то и с пистолетами.

В криминальных войнах принимал самое активное участие, но как только они немного стихли, тут же переключился на легальный бизнес. Сначала «крышевал», а потом и сам перешел в него. Не забывая, впрочем, о лихом прошлом.

Словом, компания подобралась один к одному. Все опытные бойцы, отменно владеющие оружием и кулаками, у всех хватило ума в свое время свернуть со скользкой дорожки криминала и начать зарабатывать вполне пристойно. Хотя понятие «пристойно» в России трактуется очень вольно. Олигархи вон тоже «пристойно» свои миллиарды зарабатывали. Кто в бегах, кто на нарах, кто сухари сушит. С крой.

Другой командой, приезжавшей сюда отдохнуть, были трое парней из Питера. Так сказать, коллеги по прошлому и настоящему. Ушедшие в бизнес бандиты. Один даже стал депутатом городской думы. Это хорошее прикрытие от нескромного интереса милиции.

Питерцы предпочитали форму немецких егерей. И ездили на настоящем раритетном легком бронев автомобиле с непро-

износимой аббревиатурой SdKfz.222. Его несколько лет назад отыскиали «черные следопыты», подремонтировали и продали питерцам.

Машина полностью в рабочем состоянии, только без автоматической пушки. Зато с пулеметом.

Была у команд договоренность: одни привозят выпивку и продукты, другие — девок. А в следующий раз наоборот. Сейчас продукты, спиртное и прочие снаряжение везла четверка «гестаповцев». Соответственно питерцы-«егеря» — девчонок.

До встречи оставалось неполных два часа...

БТР клюнул носом, когда до озера было метров двести. Артем вывернул руль, выравнивая машину, и вполголоса помянул все лесных жителей скопом.

— Ты чего? — спросил Герман, с трудом поймав выпавшую из руки банку пива.

— Да хрен его знает! Дернуло что-то.

— Может, налетели на кочку?

— Не знаю.

Машина свернула налево и пошла вдоль взгорка, на котором росли елки. По идее отсюда уже видно озеро — ближние к воде деревья вырубili еще три года назад, чтобы сделать хороший подъезд. Но впереди была сплошная зеленая завеса и никаких признаков озера.

— Что за черт! Не там свернул что ли?

Артем остановил БТР, вылез на дорогу и огляделся. Местность была незнакомая. Вместо редколесья — чащоба, вместо накатанной дороги — едва заметная колея, причем явно не от колес машин. Хотя по-прежнему тянет свежестью от воды. Значит, озеро близко, а они каким-то образом вывернули не туда.

— Заплутали? — перегнулся через борт Олег. — Куда ты нас завез?

— Да хрен его знает! Ехал правильно, дорога-то знакомая. А как сюда попал — не знаю.

Парни вышли на дорогу, встали перед машиной, крутя головами и недоуменно глядя на деревья.

— Ты у родника куда сворачивал? — спросил Виктор.

— Налево. Как обычно.

— А не спутал?

— Да ну тебя! Я что, правую сторону от левой не отличаю?!

— Что-то я не вижу обратно дороги... — протянул Олег. Он обошел машину и присел возле задних дверей. — Тропинка какая-то... словно здесь телеги ходили. Причем они сворачивали направо. Вон дорожка идет. А мы проехали прямо и уперлись в заросли.

Артем подошел к Олегу, внимательно осмотрел колею, сплюнул и присел рядом.

— И как это понимать? Мы же ехали по нормальной дороге. А потом вдруг оказались здесь. Ладно, я ослеп, но вы-то все видели. Не могли пропустить поворот.

Олег почесал затылок, глянул на друга.

— Кто у нас главный следопыт? Кто топографию изучал? Ты и объясняй, куда мы попали.

— Куда бы мы ни попали, — подал голос Виктор, — вперед нам точно не проехать. Надо обратно поворачивать. Доедем до развилки, посмотрим, где напутали.

— Ага. Но сначала надо развернуться. А здесь это невозможно.

Артем обошел БТР, убедился, что Витя прав, и вздохнул:

— Придется задом...

Парни залезли в машину, и Артем начал осторожно сдавать задом, стараясь не задеть росшие впритык к дорожке деревья. Нижние ветки били по бортам, царапая краску и забивая щели сорванными листьями...

Развернуть машину удалось только у небольшой вырубки. Как раз на том месте, где должна быть развилка. Но ее не было. Площадка десять на двадцать, низкие пеньки со светлыми верхушками, сорванные или срубленные ветки под ногами и та же колея. И все. А вот родник в неглубоком овражке был. Только более сильный. Он даже образовал ручеек, что стекал к зарослям кустарника.

Заглушив мотор, Артем вылез из машины. Следом остальные. Молча осматривались, соображая, что произошло и как они могли заплутать в знакомом лесу.

— Ну? — минут через пять спросил Герман. — Какие сообщения?

— Никаких. Дорогу мы потеряли, это факт.

— Хорошая мысль. А еще?

— А еще, — Олег поставил ногу на пенек, постучал носком. — Надо выезжать обратно. Там разберемся, куда нас занесло. Здесь делать нечего. Все равно пути не найдем. Артем.

— А?

— Ты у нас спец по лесу. Что это за место?

— Я такой же спец, как и вы. Судя по пням и веткам — вырубку проводили недавно, дней пять—семь назад. Работали пилой и топорами. Человек пять, не больше.

— Это почему?

— Иначе бы мешали друг другу. И потом, смотри — стволы подрубали с двух сторон. С каждой — по-своему. То есть одно дерево валили два человека. Еще двое — с пилой. А один помогал сваливать и обрубал сучья.

Герман добросовестно осматривал пни и ветки, но особой разницы в способах рубки не видел.

— Говорил же — ты спец. Ну что — выезжаем из леса?

— Да.

— Надо позвонить пацанам, сказать, что мы заплутали.

— Это идея, — Витя достал мобильник, поиграл пальцами по кнопкам, поднес трубку к уху. Через несколько секунд опустил ее и растерянно произнес. — Нет доступа...

— Ну позвони по другому.

Второй звонок тоже не принес результата. И третий. Виктор попробовал связаться с домом. Не вышло. Потом звонили остальные. Результат нулевой. Сотовая связь не действовала.

Олег залез в БТР, включил радио. Из динамиков поносилось шипение и треск.

— Не понял, — протянул Герман. — Это, типа, накрылась связь?

— Не нравится мне эта тишина в эфире, — сказал Виктор. — Подозрительно.

— Сотовую связь могла сбить магнитная буря. Но вот радио... Я такое не встречал.

— Я видел, — буркнул Артем. — У нас на учениях как-то врубали передвижную станцию РЭБ. Даже проводная связь глохла.

— Думаешь, неподалеку учения? — подхватил мысль друга Олег.

Тот пожал плечами.

— Хрен его знает!

— Ладно, — Витя спрятал телефон в карман. — Поехали к дороге. Там разберемся.

— ...Ну ладно, дорогу мы могли перепутать. Ну, свернуть не в том месте. Даже мобилы и радио могло сдохнуть. Это худобно можно объяснить. Но как объяснить это!

Герман ткнул в просвет между деревьями, в который была хорошо видна большая деревня с полусотней дворов, широкой дорогой у околицы и мост через реку.

— Могли выехать с другой стороны леса, — хмыкнул Олег.

— Ты че — типа прикалываешься? — нахмурил брови Герман. — Возле леса нет таких деревень. Скажи еще, забыл.

— Забыл, — покорно кивнул Олег.

Герман плюнул и треснул кулаком по стволу дерева.

— Полная херня!

Рядом с кипящим от злости Германом стоял Олег. Он рассматривал деревню из бинокля. Неподалеку Артем тоже в бинокль наблюдал за другой стороной.

Десять минут назад они кое-как выползли из леса по узкой дороге, сопровождаемые треском ломаемых веток и шелестом срываемых листьев. Но вместо ожидаемой трассы увидели скрытую в редколесье проселочную дорогу, а в нескольких километрах большую деревню. И реку.

Герман правильно говорил, в окрестностях леса нет таких больших деревень, да еще плотно заселенных. И вдобавок река... Ту, что они помнили, скорее напоминала ручей. Узкая, мелкая. Вот-вот пересохнет.

По всем прикидкам, они заплутали настолько, что их вынесло вообще в другой район. И будь они меньше знакомы с местностью, так бы и подумали.

Но сюда компания приезжала пятый год и изучила район вдоль и поперек. Парни знали, что лес нигде не выходит к населенным пунктам крупнее села. Парадокс!..

— По деревне ходят люди, — выкладывал результаты наблюдений Олег. — В основном, женщины и подростки. Одежды... черт знает, как они одеты. Линия электропередач есть, опоры деревянные. Только слабая линия. Или это радио? Кстати ни одной машины я не вижу. Но колея на дороге накачанная.

Олег опустил бинокль и почесал переносицу.

— Видимо, придется ехать туда.

— Или не туда, — перебил его Артем. — Километрах в восьми—десяти от деревни крупный населенный пункт. Вроде райцентра. Вижу водонапорную башню, что-то вроде мельницы и еще какие-то строения.

— Вить, карта у тебя?

— Да.

— Давай, — вздохнул Герман. — Будем разбираться, что все это значит.

Виктор достал из планшета карту. Не ту, что обычно продается в киосках «Роспечати», а настоящую, военную. Причем довольно свежего изготовления. Две тысячи первого года.

Несколько минут они рассматривали карту, отыскивая свое местоположение и ориентируясь на местности.

— Мы здесь, — ткнул концом веточки в место, помеченное зеленым цветом Артем. — Деревня, что мы видим, — Липатовка. Та самая, где у нас перевалочная база. Та, из которой мы утром выехали. И та, которую наблюдаем.

— Но этого не может быть, — возразил Витя. — Не могла она за сорок минут отстроиться. И народ непонятно откуда пришел.

— Левее действительно райцентр, — не обратил внимания на замечание Артем. — Новодолгино. Мы туда несколько раз заезжали. По периферийным меркам вполне приличный городишко. Торфяные разработки, ТЭС*, ликероводочный завод. Неподалеку озеро Великое. Разводят осетров, карпов и еще

* Теплоэлектростанция.

что-то. Да. Фабрика по изготовлению консервов. Два санатория. Природа классная, любят местные бонзы из области приезжать.

— То есть там есть связь, — сделал вывод Герман. — Можно позвонить пацанам и домой.

Артем побарабанил пальцами по корпусу бинокля. Глянул на друга.

— Честно говоря, не разглядел я там следов цивилизации. Даже и не узнал сразу райцентр.

— Ближайший город в пятидесяти километрах от леса, — сказал Олег. — Если только туда ехать...

— Никого ничего не смущает? — спросил Витя. — Мы вдруг попадаем в незнакомое место... точнее, в знакомое, но чужое. Не наше. Как это понимать?

Повисла пауза. Парни осмысливали услышанное. Их размышления прервал гул самолета. Над противоположным краем леса довольно низко над землей промелькнула быстрая тень и исчезла за кронами деревьев.

— Хотите шальную идею? — вдруг сказал Витя.

— Ну, давай. Шальную.

— О внезапных провалах во времени слышали? Ни с того, ни с сего бах! И в прошлом. Или будущем.

Герман демонстративно принялся к Вите, скривил губы.

— Либо пиво паленое, либо он в одну харю водку жрал!

Олег усмехнулся, покачал головой.

— И на что, по-твоему, это похоже? На будущее или на прошлое?

— На дерьмо! — рявкнул Герман. — В которое мы точно угодили.

Витя поморщился, отступил от кореша и высказал мнение:

— Судя по унылой картине райцентра и по странной, явно не суперсовременной одежде жителей деревни мы в прошлом.

— Интересное мнение, — подал, наконец, голос Артем. — Но мы можем гадать до потери пульса. Надо съездит и выяснить. Только осторожно.

— Верно, — поддержал его Герман. — Бляха-муха! Мы че, забыли, кто есть? А осторожно будут ежики сношаться!

* * *

Вообще-то после отхода от криминала парни потихоньку позабыли и бандитский сленг. Положение обязывало, с партнерами не будешь ведь на пальцах объясняться. Так что там, дома, они давно перешли на нормальную речь. Но здесь, вдали от цивилизации, вспоминали былое и опять обогащали свою речь яркими эпитетами и сравнениями.

С ностальгией вспоминали старые горячие времена и невольно переходили на «конкретный базар». Атавизм, блин!

— Все по коням! — скомандовал Олег.

— Да, — подхватил Артем. — Только давайте на всякий случай оружие достанем.

Витя подарил ему тяжелый взгляд и спросил:

— Думаешь, встретим неласковый прием?

— На всякий случай, — улынулся краем губ Артем. — Вспомним былое. Как на стрелки приезжали.

— Увешанные стволами, как новогодние елки, — довольно прогудел Герман.

— Вот именно. А пулемет прикроем тряпочкой. Чтобы не светить раньше времени.

Через пять минут БТР начал осторожно пробираться к выезду из леса. А парни спокойно и деловито разбирали оружие, осматривали его, вставляли магазины и обоймы и загоняли патроны в патронники. Словом, занимались привычным делом...

Дорога шла по самому краю леса, отделенная от поля небольшой посадкой. Видимо, здесь не часто ездили, колея успела зарастить травой, а кое-где росли лопухи. БТР, получив свободу, споро двигался по грунтовке, приминая траву.

Машина уже миновала посадку и свернула к деревне, когда навстречу выскочили два мотоцикла с колясками. Увидев бронетранспортер, они затормозили, перекрыв тому путь.

— Ух ты, мать твою двадцать! — удивленно присвистнул Герман. — Вот это номер!

Сидевший сзади Виктор привстал, бросил взгляд вперед и усмехнулся:

— Наши коллеги по маскараду?

В мотоциклах сидели немецкие солдаты. Один за рулем, один в коляске. Летняя форма, кителя с расстегнутыми пуговицами у горла, пилотки. Вооружены карабинами, у одного МР-40. Обычные солдаты. Слегка небритые, форма не очень свежая. Сапоги не чищены по крайней мере сутки.

Видимо, встреча вышла обоюдно неожиданной. Мотоциклисты удивленно разглядывали странную машину с опознавательными знаками немецкой армии и не знали, как реагировать на ее присутствие здесь.

Первым пришел в себя Олег. Привычным жестом подкинув в руке пистолет-пулемет, дернул ручку двери.

— Надо поговорить с ними. Заодно выясним, что происходит.

— Думаешь, они тоже приехали поиграть в немцев? — спросил Артем.

— Сейчас выясним.

— Все выходим?

— Останься за пулеметом. Прикрой.

Олег глянул на пацанов, убедился, что они готовы к разговору и к тому, что за ним может последовать, и скомандовал:

— Пошли.

В их команде в случаях возникновения нештатной ситуации именно Олег брал руководство на себя. Как наиболее опытный.

Вид трех гестаповцев в униформе и с оружием привел мотоциклистов в замешательство. Они явно чувствовали себя неуверенно. Быстро соскочили за землю и встали по стойке смирно.

Не успел Олег задать вопрос, как рослый ефрейтор шагнул вперед и четко оттрапортовал:

— Господин штурмбанфюрер, докладывает ефрейтор Винтке. Следуем из комендатуры в населенный пункт Ящеево.

Олег с трудом удержался от довольно глупого в данной ситуации вопроса: «Вы кто такие?» Вместо этого спросил:

— Где комендатура?

— В Новодолгино. Там же стоит наша рота.

— Кто кроме вас еще в Новодолгино?

— Охранный батальон майора Рихтера и взвод шуцполи-
цаев.

Парни опешили. Ситуация явно выходила за рамки нормальной. Откуда в райцентре могут быть немецкие подразделения и полицаи, когда после войны прошло почти шестьдесят лет? Что делают в русском лесу мотоциклисты в гитлеровской форме?

Немецким очень прилично владел Олег. Ходил в специализированную школу. Неплохо, хотя и с акцентом разговаривал Артем. Герман и Виктор знали слов по сто, могли художественно объясниться, но не более того.

Поэтому переговоры вел Олег. Остальные внимали в меру своего знания языка. Однако слова ефрейтора все поняли. Поэтому лица парней понемногу бледнели. Этого просто не могло быть!..

Видя, что гестаповцы молчат, ефрейтор осмелился спросить.

— Разрешите продолжать путь, господин штурмбанфюрер? Нас ждут.

Последние слова он добавил, повинувшись интуиции. Что-то странное было в этих гестаповцах. Непонятное и тревожное одновременно. Все офицеры, но только у двоих кобуры с пистолетами. Пистолет-пулеметы держат в руках, сами напряженные какие-то. Может, партизан бояться? Тогда это все объясняет. Но все равно... непонятные они.

Олег не спешил с ответом, размышляя, как быть. Информации очень мало, мотоциклисты по сути ничего не сказали. Впрочем, они сказали главное — здесь хозяйничают немцы. А значит, шальная догадка Вити оказалась правильной. Хотя и невозможной.

Но одного главного было мало. Сейчас требовалась более подробная информация. Какой год, какой месяц и число. Где проходит линия фронта. Сколько сил в деревне и комендатуре (точные данные). Какие силы в городе. Какова обстановка... Да много чего надо узнать.

С другой стороны исчезновение двух мотоциклов с экипажами вызовет ненужную активность со стороны немцев. Вдруг они вышлют поисковую группу?

Вот и думай, братан, соображай! И быстро. Фрицы и так насторожились. Глядят недоверчиво. Форма, конечно, их пугает, но не до смерти же. А ну как по приезде доложат о странной встрече, и начальство решит выяснить, что за гестаповцы шарят по лесам?

Последняя мысль показалась Олегу важной, и он уже хотел подать знак, но тут влез Герман.

Столь глубокий анализ обстановки он не делал, зато интуитивно оценил всю опасность от разглашения информации об их присутствии. Поэтому шагнул вперед, вскидывая МР-40, и рывкнул:

— А ну хенде хох, мать вашу!

Немцы опешили. Огромный рост гестаповца, оружие и приказ, произнесенный на русско-немецком языке, заставили их остолбенеть. Но только на несколько секунд. О партизанах, иногда надевавших немецкую форму, они слышали. И после первого испуга могли открыть огонь.

Олег, сам сраженный внезапным вступлением в дело Германа, упредил немцев буквально на несколько мгновений. Стоявшему почти вплотную ефрейтору он всадил нож в горло, второй рукой подхватил падающее тело и швырнул на второго мотоциклиста. А сам шагнул в сторону, вскинул одной рукой пистолет-пулемет на уровень бедра и дал очередь. В тот же миг открыли огонь Виктор и Герман.

Дружный залп из трех стволов с дистанции четыре-пять метров уложил мотоциклистов на месте. Они даже не успели приготовить оружие.

А дальше все происходило по давно отработанной методике. Трупы свалили в овраг. Туда же откатали мотоциклы и быстро закидали ветками. Трофеи забросили в машину.

— Дергаем отсюда! — крикнул Артем, внимательно наблюдавший за обстановкой. — Пока не засекли!

Мысль здравая, но вот куда дергать? Обратно в лес невозможно, они едва оттуда вырвались. В деревню? А если там немцы? В райцентр нельзя — там они наверняка есть. Куда?

— Давай вдоль края леса! — предложил Герман. — Сбросим трупы и поищем нормальную дорогу. Вдруг влезем?

Вариант не лучший, но другого нет. БТР понесся по дороге, поднимая за собой столб пыли.

— Мать твою! Мать твою! Твою мать!

— Вить, ты чего?

— Да ни х...! Че за непонятки! Че за фокусы! Мы где, ети ее в пень!

— Сам же сказал — в прошлом.

— Че я сказал?! Я так... двинул тему. Типа версия. А тут конкретный попадон! Так влипли!

Олег, теперь сидевший рядом с водителем, обернулся назад и сказал:

— И что теперь? Нервы тратить? Первый раз на разборках?

— На каких разборках? Это на войне разборки?

— Эх, Витя, Витя... Как маленький. Любая война — разборки. Только другого уровня. Власть делят паханы государственного масштаба! И братков с каждой стороны побольше. А так все как обычно.

Виктор хмыкнул, покосился на трофейный карабин и вздохнул.

— Нервы поехали. Никак не соображу, куда нас занесло. И главное — как!

— Хрен его знает, Вить, — отозвался Герман. — Но Олег прав. Будем считать это большой разборкой. На чужой территории. Поэтому действовать надо осторожно и без шума.

— Ага, — подколот его Олег: — Как ты на дороге. Я едва зайкой не стал от твоего крика.

— Ну... — Герман кашлянул, виновато развел руками. — Извини. Сорвался. Тоже нервы сдали.

— Ладно, пацаны, — вклинился в разговор Артем. — С нервами покончено. Давайте думать, что дальше делать?

— Дорогу домой искать.

— Где?

— В лесу. Больше негде. По всем законам, откуда нас выбросило, туда же и вернуть должно.

— Что?

— Что — что? — не понял Олег.

— Что вернет?

— А хрен его знает! Главное — где вернет. Поэтому будем нарезать круги вокруг леса, пока не отыщем нормальную дорожку. Только теперь при встрече с немцами разговаривать буду только я. Вы прикрываете.

— Я еще могу, — сказал Артем.

— Не надо. Твой немецкий отдает славянским акцентом. Раскусят.

— А твой?

— Баварским. Мне говорили.

— «Язык» нам нужен, — высказал мнение Герман. — А то так и будем в слепую ездить.

— Хорошая идея. Только где взять?

— Вот еще идея, — подал голос Виктор. — Те немцы говорили о полициях. Найдем их и поговорим. Уж нашей формы они точно испугаются. И акцент не уловят.

Олег уважительно кивнул.

— Верно. Молоток, Свист. Соображаешь.

Витя довольно улыбнулся.

Свист — его погоняло в бригаде. Обычно драку он начинал с того, что оглушительно свистел, приводя тем самым противника в небольшое замешательство. Когда над ухом гремят такие децибелы, невольно вздрагиваешь и на секунду теряешь контроль. А секунды Вите хватало, чтобы свалить одного, а то и двух врагов. Удар-то у него нокаутирующий.

Впрочем, кроме свиста были у Вити и другие прибаамбасы для отвлечения внимания. Но больше всего запомнился свист.

Кстати, по ходу дела. Погоняло, то бишь клички были у всех. Обычно их дают, отмечая какую-нибудь яркую черту внешности или характера. Либо сокращают имя или фамилию. Просто и надежно.

Герману придумали погоняло, сократив имя, — Гера. Артема звали Тём. Олега — Град. От фамилии Градов.

Опять же в последнее время они редко называли друг друга по погонялам. Но здесь, на отдыхе, вспоминали старое...

Проскочив километров восемь, они уперлись в шлагбаум. Дорогу преграждал пост охраны. Два солдата и один полицейский из местной комендатуры. Несомненно, поставленный для разговора с гражданскими, что ходили через пост.

БТР с гестаповцами пропустили сразу, как только разобрали, кто сидит внутри. Машина проехала мимо, почти не снижая скорости. Артем кинул взгляд на застывших по стойке смирно немцев, кивнул и порулил дальше.

Сзади Герман шептал Олегу.

— Если в деревне никого не найдем, можно того лоха прихватить.

Олег кивнул.

— На крайний случай. Не то фрицы хватятся.

— Кто?

— Фрицы. Ты че, забыл, как их зовут?

Герман почесал затылок и пожал плечами. Забыл.

Согласно карте вокруг леса стояло пять деревень. Одни ближе, другие дальше. Но карта показывала состояние на начало двадцать первого века. То есть реальные размеры населенных пунктов. А здесь-то прошлое. И деревни все большие, многолюдные. Как выбрать подходящую?

Действовали так. БТР подъезжал километра на три к деревне. Олег и Артем рассматривали ее в бинокли. Если видели немцев или не видели полицейских, то ехали дальше. К следующей деревне. А там опять все сначала.

Таким образом они проскочили три деревни. Были подходящие моменты, в одной деревне вообще видели сразу пять полицейских, но там же были и немцы. Человек десять. То есть лезть опасно.

Заодно искали более или менее нормальную дорогу в лес. Но пока глухо. И с «языком», и с дорогой.

— Пацаны, не мешало бы перекусить, — подал идею Герман, когда они отъехали от третьей деревни. — Эдак до утра будем кататься, а желудок уже воеет.

— Он у тебя всегда вое, — рассеянно произнес Артем. — А до утра никак не покатаемся.

— Почему?

— Если еще пару раз проскочим мимо поста, немцы решат, что мы спятили или заблудились. А нам лишний интерес ни к чему.

— А-а... Верно. Но пожать все равно надо.

— Давай, — согласился Виктор. — Вон место неплохое.

Он показывал на крохотную полянку на окраине леса, что была отгорожена от дороги редким кустарником.

— Идет. Олег, сворачивай.

Олег (он сейчас вел машину) глянул в указанном направлении и молча повернул руль.

БТР поставили за молоденькой березкой, тем самым скрыв от мимолетного взгляда с дороги. Сами сели неподалеку, в тенике деревьев. Расстелили брезент, вытащили припасы и начали готовить обед. С продуктами у них был полный порядок, так как везли припасы на себя, питерцев и девчонок (а тех должно быть никак не меньше пяти). Даже шашлык в термоупаковке. Словом, на автономном питании они могли протянуть недели три.

С шашлыка и начали. Достали, выложили на саморазогревающиеся тарелки и стали ждать, пока он дойдет до кондиции. Попутно резали помидоры и огурцы, мыли зелень, выкладывали лаваш. В придачу к мясу вытащили бастурму и фасованную буженину. Последнее по своей инициативе достал Герман.

Немного поспорив, вытащили и бутылку водки.

— По сто грамм, — предложил Витя. — Как на фронте. Мы как раз...

— Как раз мы за линией, — перебил его Артем. — Но ты прав, принять надо. Для расслабления.

Выпили, закусили. Подождали, пока чуть остынет шашлык, и принялись за еду, не забывая поглядывать по сторонам. Артем, воспитанный на спецназовских традициях, вообще хотел одного выставить в дозор. Но пацаны отговорили. Нечего перебирать. Артем сдался. Нет, так нет.

Выпили еще. Опять закусили. Настроение пошло вверх. Ситуация больше не казалась катастрофической. Всяко бывает. Главное живы, а там посмотрим.

— Эх, хорошо! — заявил Герман, падая на брезент и хлопая себя по пузу. — Как на пикнике. Природа, солнышко, ветерок... Теперь бы для счастья бабу. И хрен с ним, с прошлым.

Витя фыркнул, подмигнул Олегу. Елейным голосом произнес:

— А ты поищи. Тут же настоящие эсэсовочки есть. В полной форме. Найдешь — трахай, не хочу!

Герман приоткрыл один глаз, смерил взглядом насмешника, буркнул:

— Ты чего так запал на моих баб? У самого не стоит, так завидовать начал?

Олег упал на брезент, задыхаясь от смеха. От бессилия выпустил из руки помидор. Его крупное тело сотрясали спазмы хохота.

Витя тоже смеялся, смахивая слезы с ресниц. Гера таки уел его. Подловил. Артем тоже смеялся, а, закончив, не меняя голоса, сказал:

— Пацаны, за нами секут. Только не дергайтесь.

Олег чуть повернул корпус, пододвигая ближе МР, и прошептал:

— Откуда? Кто?

— Из леса. От раздвоенной березы. Трава высокая. Шевелится сильно, а ветер слабый.

— Мать! — Виктор качнул корпус, словно падая вбок, а сам снял рычаг затвора с выреза.

— Сколько их?

— Понятия не имею. Не больше четырех.

Герман сидел лицом к месту предполагаемой засады, поэтому, почти не разжимая губ, прошипел:

— Что делать будем?

Пацаны торопливо соображали, как быть. Они сидели на открытой местности, как на ладони. Чтобы растерять их из засады, достаточно одного автомата. Или пистолет-пулемета. При желании можно и гранатами закидать. До кустов метров тридцать. Вот так влипли.

* * *

Все четверо имели огромный опыт скоротечных схваток на коротких и средних (до сорока метров) дистанциях, причем в разных условиях. Город, лес, замкнутое пространство. Все умели работать как в составе группы, так и в одиночку.

Артем и Олег вообще прошли специальную подготовку. Помимо этого все много раз участвовали в страйкбольных боях именно в составе четверки. То есть были сыграны как единый коллектив. И пусть страйкбол — игра, но она дает неплохое представление о тактике боя.

Так что они понимали друг друга с полуслова, а точнее и вовсе без слов. И сейчас, несмотря на расслабленное состояние, на некоторую степень опьянения и весьма невыгодную позицию, они были готовы к немедленным действиям. Только к каким?..

— По сигналу в стороны, — шептал Артем. — Я бросаю гранату, после мы с Герой давим огнем, а Свист и Град с двух сторон обходят их.

— Я один, — поправил его Олег. — Вы давите втроем. И две гранаты.

— Да. На счет три. Раз... Два...

Парни, вроде продолжая пир, на самом деле готовились к сшибке. Отлично понимая, что могут не успеть...

Всю жизнь Степке Корнюхину везло. И когда его, только родившегося, вынесла из горящей избы мать. И когда она же спасала его от голодной смерти в разгар гражданской, скармливая паршивый, испеченный из соломы и отрубей хлеб. И когда семилетнего отпаивала лекарствами, добытыми у бело-гвардейского фельдшера, платя за пилюли и микстуры своим телом.

И потом Степке везло. Его не свалил тиф, не свел в могилу голод. Его, десятилетнего, вытащил с помойки, где он с приятелями-голодранцами искал чего пожрать, молодой парень из ЧК и отвел в приют. Повезло в тридцатом году, когда семнадцатилетний Степка чуть не погиб в заводском цеху, где взлетела на воздух цистерна с бензином.

Судьба и дальше щадила удачливого парня. И в армии, где уберегла от осколков не долетевшего до цели снаряда. И в колхозе, на горящем складе зерна.

Даже война пока берегла Степана. Его не успели призвать в армию. Держали бронь до последнего, как трактористу. А когда пришли немцы, то не забрали сразу. И в партизанском отряде Степан воевал пока нормально. Не получал ран, хотя за спинами других не прятался.

Словом, есть за что благодарить и родителей и судьбу и себя. Жив ведь и ладно.

Судьба ограждала его долго и упорно. Но в этот день то ли забыла о своем баловне, то ли на миг отвернулась. И неугомонный Степка Корнюхин едва не влетел в холодные объятия смерти. По своей глупости.

Командир партизанского отряда приказал провести разведку подходов к Новодолгино и выяснить, как охраняется райцентр и где казармы немцев. В принципе подобная информация у него была от добровольных помощников — жителей Новодолгино. Но в разведке какой главный принцип? Верно — не полагаться на данные одного источника. Тем более если источник — гражданский.

Напарник Степана — Семен Гнедых. Окруженец. Бывший ефрейтор, заместитель командира отделения стрелкового взвода. Топал, топал от границы и дотопал до здешних мест. Дальше ходу не было — немцы ушли вперед и перерезали дороги. И стал Семен партизаном. Второй год воюет.

Разведчики затемно вышли в дорогу, незаметно пересекли шоссе и оказались в Жуковицком лесу. Отсюда можно дойти до Галкино. Там живет партизанский связной. Он поможет попасть к райцентру. А дальше — само дело. Искать, наблюдать, считать. И чем больше, тем лучше. Командир дал им неделю срока. С запасом.

Немецкую машину, смахивающую на бронетранспортер, они заметили, когда только выходили из леса к Галкино. Немцы медленно ехали по дороге, словно что-то выискивая.

— Чего они здесь шарятся? — размышлял вслух Семен. — Что-то пронюхали о нас?

— Тогда бы не здесь в Семиникинском лесу искали.

— А они могут и не знать точно, где отряд.

Партизаны напряженно следили за вражеской машиной, гадая, куда она поедет. Но та, как подслушав их мысли, вдруг свернула к лесу. И встала неподалеку от того места, где сидели разведчики.

Изумленным взорам партизан предстала четверка гестаповцев, решивших устроить завтрак на природе. Бойцы, отнюдь не избалованные разносолами на скудном лесном рационе, с завистью и злостью следили, как немцы расстилали большой кусок брезента и доставали продукты.

Особенно их поразило, как те разогревали мясо. На каких-то странных тарелках.

— Вот гады! — шептал Степка. — Жратвы натащили, весь отряд можно неделю кормить. Даже водка есть.

— Странные они какие-то... Словно не знают, что здесь партизаны есть. Или вовсе не боятся...

— А давай у них жратву отнимем, — предложил Степан. — И сами поедим и нашим отнесем.

— Да ты спятил?! — раздраженно зашипел Семен. — У нас приказ командира провести разведку. А мы что? За едой полезем?

— Почему? — не уступал Степан, которому запахи жареного мяса кружили голову. — Мы их в плен захватим и допросим. Они-то о райцентре больше знают, чем другие.

Семен с сомнением посмотрел на немцев и промолчал. Идея Степки не так плоха. Но захватить фрицев в плен будет нелегко. Все как на подбор здоровенные, откормленные. Плечи широкие, шеи толстые. И рожи такие... Семен повидал за свои двадцать четыре года разных людей. И научился немного разбираться в них. Так вот, эти четверо своими повадками, внешностью и манерами походили на очень сильных людей, облаченных огромной властью. Таких трудно чем-то испугать. Скорее сами испугают до заикания.

— Не будем их трогать... — высказал он свое мнение. — Подождем, пока уйдут, и сами пойдем.

Но Степан решил наказать зажавшихся гадов и не думал отступать. Да и поймать сразу четырех гестаповцев... командир за это не только не будет ругать, но и может, наградит.

— Ты отползи метров на двадцать и держи их на прицеле, — шептал Степан. — А я выйду вперед. Будут рыпаться — стреляй. Не всех, так одного захохотаем...

Семен подумал и согласился. Действительно, надо брать этих выродков. До этого гестаповцев в плен никто не брал...

— ...Четыре, три, два... — едва шевеля губами, считал Олег оставшиеся до рывка мгновения.

Парни уже замерли в готовности прыгнуть в разные стороны и открыть ураганный огонь. И вот когда Олег тихонько произнес «один!», кусты у раздвоенной березы шевельнулись, и на открытое место вышел молодой парень в полувоенной форме с пистолет-пулеметом наперевес и громко скомандовал:

— А ну хенде хох, фрицы!

Вдругой ситуации они, может быть, и замешкались — больно неожиданно тот вылез и заговорил по-русски. Но сейчас никто не обратил внимания на слова. Перед ними был враг, и следовало действовать как можно быстрее...

Олег уже допрыгнул до ямки и проворно полз вправо, обходя противника с фланга. А остальные разлетелись по сторонам, заняли заранее выбранные позиции и открыли ураганный огонь.

Дружный залп из трех стволов заставил вылезшего врага нырнуть обратно, за спасительную толщю дерева. Справа вдруг ударил карабин. У противника было прикрытие.

— Граната! — рывкнул Артем.

И Герман запустил по дуге стальной овал РГД: Рвануло в метре перед деревом. Волной и осколками сорвало листья и мелкие ветки. Они засыпали Степана, на миг засорив глаза.

Поняв, что засада не удалась, он попробовал сменить положение, но очереди из МР заставили его вжаться в землю и замереть. Пули стригли траву у самого носа. О маневре следовало забыть.

Олег перекатом достиг крайних деревьев, оттуда короткими перебежками добрался до удобной позиции и засек второ-

го противника. Тот лежал за кустами, паля по пацанам из немецкого карабина.

Стараясь не шуметь, Олег зашел ему в тыл, взял на прицел и крикнул:

— Замри!

...Степан лихорадочно искал выход из положения, слушая свист пуль над головой. Немцы оказались очень шустрыми и успели ответить на нападение. Теперь не о трофеях и жратве надо думать, а о том, как спасти свои шкуры. Но фрицы прижали его крепко. И Семен куда-то исчез. Неужели подстрелили?

Стрельба вдруг стихла. Степан осторожно поднял голову, пытаясь разглядеть немцев. И тут услышал крик.

— Эй, парень! Твой кореш у нас в руках! Если не хочешь, чтобы его пристрелили, выходи с поднятыми руками.

Если бы немцы вдруг обернулись медведями, он не был бы так ошарашен. Гестаповцы говорят на русском! Как так? Не может быть...

Еще не веря своим ушам, Степка опять выглянул из-за дерева и увидел Семена, стоящего с поднятыми руками, а рядом с ним одного из фрицев.

Выходить ему не хотелось. Но и оставлять друга в руках врага не гоже. Ладно, погибать, так вместе.

Степан вытащил гранату из-за пазухи, разогнул усики и чуть выдернул чеку. Взяв гранату в левую руку, а пистолет-пулемет в правую, встал и сделал шаг вперед.

Трое немцев стояли метрах в двадцати, нацелив оружие на него. А четвертый встал за Семеном. Того поставили на колени и велели заложить руки за голову.

— Брось оружие! — скомандовал самый большой из них.

Степан отбросил МР в сторону.

— А гранату осторожно положи на землю, — насмешливо попросил другой фриц.

Степан выругался про себя, помедлил, не зная как быть. Рвануть гранату сейчас. Но враги, несомненно, успеют залечь, предварительно нашпиговав его свинцом. Погибнет только он и Семен. Бестолково и бессмысленно. И зачем только они полезли в этих фрицам, говорящим на русском как на родном?..

— Живее.

Степан вернул чеку на место и даже опять согнул усики. Положил гранату, катнул ее носком сапога и сделал два шага вперед.

— Ваша взяла, ублюдки фашистские! Ничего вам не скажу, стреляйте!

Артем подошел к парню, развернул его спиной, поставил на колени и быстро охлопал, ища оружие. Потом толкнул в спину, заставляя парня упасть лицом вниз, и криво усмехнулся:

— Как в кино — режь, не скажу! Герой, ети его мать!

Олег привел второго, уложил рядом, отступил назад иглянул на своих.

— Пуля просвистела над головой. Взял бы чуть ниже и все. Каюк!

— Мужики, — проговорил один из пленников. — Вы свои что ли?

— Закрой пасть, мудила! — пнул его сапогом Герман. — Не то язык вырву.

После боя, как это всегда бывает, наступил отходняк. Пацаны стояли неподалеку от пленных, глубоко дышали, успокаивая нервы, и смотрели на лежащих в траве.

— Партизанен! — с ярко выраженным немецким акцентом сказал Артем: — Руссишь швайне! Потцтаузенд!*

Немецкая речь не добавила оптимизма партизанам. Семен повернул голову к Степану и прошипел:

— Жратва, жратва! Доигрались! Конец.

— Надо уходить! — так же негромко говорил своим Артем. — Если немцы услышат стрельбу, пришлют сюда отряд. Нам лишние проблемы ни к чему.

— А с этими что? — спросил Витя.

— Допросим и отпустим.

— Заложат, — несогласно покачал головой Герман.

— А ты что предлагаешь? Завалить? Это же свои.

— Эти свои нас чуть на тот свет не отправили.

— Приняли за немцев. Не забывай, где мы. Это война.

* Тысяча чертей (нем.).

Герман сердито хмыкнул, но настаивать на расстреле не стал.

Олег подошел к пленным, присел рядом. Резким, не допускающим увиливаний и запираний голосом произнес:

— Значит, так! Вы нам не нужны. За нападение на офицеров великой Германии вас надо расстрелять. Но мы сохраним вам жизнь, если вы ответите на наши вопросы. Малейшая неточность или молчание — и вам не жить. Ясно?

Партизаны молчали. Не знали что говорить. Предать своих нельзя. Но если не отвечать — убьют. Вот и думай.

Это только в кино отважные советские партизаны гордо вскидывают голову и презрительно кривят губы в ответ на предложение немцев сдать своих. На самом деле молчать, зная, что тебя сейчас шлепнут, могут только очень и очень немногие. Еще меньше будет молчать, зная что его станут пытать. Зачастую это хуже немедленной смерти.

И не надо спешить осуждать их. Лучше представьте себя на их месте. Это вам сейчас начнут сдирать кожу и загонять иголки под ногти. Вам ножом будут ковыряться в животе. Вам состругивать с пальцев кожу и мясо до кости.

Перетерпеть такое могут только те, кто заранее психологически сумел отстроить себя от своего тела и погрузиться в своеобразный транс. Да, такое возможно, хотя из ста человек один-два терпят до конца. Остальные срываются. И потом. Перенести пытку — одно. А перенести отходняк после нее и после транса — другое. Нервную систему еще никто не пробовал отменить. И болевое воздействие ломает самых стойких...

...Олег, не меняя положения, врезал пистолет-пулеметом по шее партизана. Тот охнул и ткнулся лицом в землю.

— Ясно или нет?

— Дай-ка я, — Герман подошел ко второму и носком сапога поддел того под ребра.

Партизан скривился и заорал.

— Захлопни пасть, щенок! Тебя спрашивают — говори.

— Да, — сквозь всхлипы выдавил Степан. — Мы... скажем.

— То-то, — удовлетворенно хмыкнул Олег. — Какое сегодня число, месяц и год?

— Чего? — удивленно поднял голову Семен.

— Повторить?

— Нет! Я понял. Семнадцатое июля сорок третьего года.

— Уже лучше. Поехали дальше.

За пять минут он вытянул из партизан все, что те знали. Где какие немецкие части стоят, какими силами располагают. Где комендатуры, где районная управа. Сколько полицейских из вспомогательных подразделений. Где базируется партизанский отряд. Сколько человек, каковы задачи перед ним стоят. Где проходит фронт.

Партизаны, окончательно переставшие понимать, что происходит, и подгоняемые подзатыльниками и пинками, говорили искренне. Или почти искреннее.

Получив информацию, Олег оставил партизан лежать, а сам отошел с парнями чуть в сторону.

— Ну что, данные у нас есть. Конечно, не самые точные, но и этого хватит. Надо уезжать.

— А этих отпустим?

— Не с собой же тащить. Возьмем оружие...

— И одежду, — предложил Виктор.

— Зачем?

— Чтобы не очень шустро к своим бежали. Нам еще хлопот с партизанами не хватало.

— Угу. Идея. В общем, заберем все и отпустим.

Когда гестаповцы (партизаны на этот счет имели сомнения, но как же еще их называть?) объявили, что отпускают их, Семен сперва решил, что они так шутят. Дадут отойти метров на двадцать, а потом выстрелят в спину. Доверять врагам нельзя.

— А оружие? — несмело спросил Степан.

— Мы его заберем. Как трофеи. И еще — скидывайте одежду. Штаны и куртки.

— Зачем?

— За тем! — рявкнул светловолосый гигант. — Делай, а не п...ди!

Мат окончательно уверил партизан, что перед ними свои. И эти свои требуют отдать оружие и одежду?!

— Не дам, — дерзко ответил он. — Что же нам, голыми по лесу идти?

Судьба, как было сказано, отвлеклась на миг, предоставив Степана самому себе. Чем он немедленно и воспользовался, попробовав вскочить на ноги...

— Ах ты, лох! — взъярился Герман. — Зубы скалить вздумал!

Чудовищной силы удар опрокинул Степана на землю. Второй удар выбил из него дух. И сознание.

Семен, вздумавший помочь товарищу, получил удар в челюсть. Бил нокаутер Витя, и результат можно было предсказать заранее. И счет не нужен.

Хлопки по щекам привели партизан в себя. Чувствуя себя паршиво, они больше не пытались перечить странным немцам. Покорно сняли бріджи и куртки, стащили обувь, отбросили все в сторону и замерли в ожидании новых приказов.

Артем и Герман к тому моменту сорвали по паре тонких веток с деревьев. Опробовали их, несколько раз ударив по воздуху, и подошли к дрожащим (не от холода) партизанам.

— Кругом! Живо! Вот так! А теперь... — Герман замахнулся и опустил прут на зад Семена, — марш вон!

Подгоняемые самодельными розгами, партизаны развили максимально возможную скорость, подпрыгивая и крича от боли. Тонкие прутья без жалости секли кожу на ногах, спине и... чуть ниже...

...Большую толпу жителей они увидели еще на подъезде к деревне. Человек сорок женщин, детей, стариков медленно шли вдоль домов. Судя по всему, этот поход не был добровольным. Потому что многие кричали и плакали, а кое-кто падал на землю.

Сопровождали странное шествие семеро полицаев, одетых в комбинированную форму: сапоги и бріджи советского образца,

а кителя и головные уборы — немецкого. Вооружение состояло из карабинов Маузер 98К. У старшего полиция — МР-40.

— Это че такое? — недоуменно протянул Герман, разглядывая толпу в бинокль. — Типа, на работы ведут?

— Думаю, их или в заложники взяли или увозят в Германию, — ответил Олег. — Я о таком слышал. Да и в кино видел.

— Так то кино.

— Не все что там показывают — вранье.

Парни наблюдали за деревней с развилки дороги. Отсюда населенный пункт был виден как на ладони. Как был виден и соседний лесной массив. Правда, только его край — черный угол на фоне безоблачного неба.

— Что делать будем? — задал вопрос Виктор. — Если брать «языка», то лучше ситуацию не найти. Полицаев семеро, немцев не видно.

— А зачем нам «язык»? — сказал Герман. — Что надо, мы узнали от этих придурков. Лезть на рожон нет смысла.

Артем опустил бинокль и почесал лоб. Глянул на своих.

— Мы до сих пор не нашли дорогу в лес. Партизаны ничего толкового не сказали. Их тропинки и дорожки нам не подходят. Местные знать должны. И потом, надо точно знать планы полиции и немцев на ближайшие дни. Вдруг они собираются проводить операцию в лесах? Попадем под раздачу.

— Вот сука! — выругался Герман. Он все смотрел в бинокль. — Бабу беременную прикладом в живот. Урод! Слышь, пацаны, этих легашей надо валить! Суки беспредельные, со всем берега потеряли!

— Ну что? Едем?

Олег глянул Артема и Виктора. Те молчали.

— Как?

— Да поехали. Только после этого — в лес. Если не найдем нормальной дороги — бросим машину. Хер с ней! Ноги бы унести.

— А не найдем место перехода?

— Найдем. Весь лес перероем, но найдем. Здесь куковать влом!

Сенька Хмырь, бывший налетчик, вор со стажем, а нынче командир взвода полиции Новодолгинской комендатуры был

зол сверх всякой меры. Мало того, что его выдернули из теплой постели и заставили ехать в Залескино обеспечивать отправку очередной партии рабочих в Германию, так еще и пригрозили — не соберет нужного количества людей, сам поедет. Со своими полициями.

Начальник комендатуры капитан Хрункель недвусмысленно намекнул Хмырю, что его судьба висит на волоске. А после событий недельной давности, когда партизаны почти беспрепятственно сожгли склад с мукой и выкрали помощника коменданта, доверие к полиции и вовсе было утрачено.

Коменданта Сенька боялся. Тот умел заставить подчиняться любого, не взирая ни на что. Полгода назад Хрункель расстрелял старого Сенькиного кореша и подельника Ивана Длинного. Только за то, что тот не вывел взвод на усиление к железной дороге. Правда, мела метель, мороз был под тридцать. Но капитана это не интересовало. Ивана вывели во дворик комендатуры, зачитали приказ и шлепнули. А Сенька стоял неподалеку в строю взвода и молча смотрел, как расстреливают кореша. И все полицаи смотрели. И тоже молчали.

С того дня Сенька стал взводным. И теперь получал все плюхи от начальства.

И настала у Сеньки черная полоса жизни. Если раньше его все устраивало: и служба, и возможность развлекаться по своему желанию, и власть над людьми, то теперь все было плохо.

За то, что его ребята поиграли с двумя пятнадцатилетними девочками из райцентра (между прочим, дочерьми партизан!) капитан велел тех выпороть и посадить в карцер. А Сеньке сказал, что в следующий раз прикажет пустить насильников в расход.

Этого Хмырь понять не мог. Для чего они шли в полицию? Чтобы мстить советам за себя и делать, что хочется! Ну и еще служить новым хозяевам. А что выходит?

Этого нельзя, то запрещено, за это наказание! Можно четко и беспрекословно выполнять приказы, лезть под пули партизан, проводить запланированные конфискации у населения и участвовать в мероприятиях комендатуры. Под строгим надзором со стороны немцев. Братцы, где воля?!

Сенька этого не понимал, впрочем, как и его взвод. Воевать, конфисковать, усиливать, ловить — понятно. А отдохнуть хорошенько? Попить, погулять, девочек помять — это нет? Не справедливо.

Не раз и не два думал Сенька уйти от немцев. Но ничего путного не надумал. К партизанам нельзя — тут же шлепнут. За былые подвиги. Бежать в Германию? Шлепнут по пути. Везде его ждало одно — пуля. Оставалось одно — продолжать слушать и ждать подходящего момента.

Сенька и ждал, постепенно наливаясь дикой, необузданной злобой. На немцев, на советы, на людей. Даже на своих корешей. Никому нельзя верить, никому доверять. Рассчитывать только на себя. И драться за кусок до последнего.

Невесела участь предателя, нелегка. Нигде не найти ему приюта. Никто не любит изменников. Даже немцы...

По списку следовало отобрать для отправки пятнадцать человек в возрасте от четырнадцати до тридцати лет. В основном, это были подростки и молодые женщины. Мужчин в селе давно нет. Кто в армии, кто в партизанах.

Сенька заранее знал, что в Залескино не наберет нужное количество, и загодя отправил десяток человек в соседнее село. Хрунkelю не все равно, откуда рабочая сила?

Остальных следовало отправить в райцентр. Хмырь точно не знал, но слышал, что гестапо решило ликвидировать деревню, потому что та была близко к лесу и почти не контролировалась. А это значит, что она наверняка помогает партизанам.

В планах немцев на это лето было полное уничтожение партизан не только в районе, но и в области в целом. В области две крупные железнодорожные станции и от их бесперебойного функционирования зависит график поставок на фронт. Нельзя позволять партизанам срывать стратегические замыслы немецкого командования...

После подсчета Сенька насчитал в деревне сорок семь человек. Двенадцать шли по списку, остальных надо гнать в Но-

водолгино. Заранее представляя себе, сколько времени уйдет, пока толпа доползет до места, Хмырь кривил губы и вполголоса матерился.

Причем надо гнать через соседнее село. Туда собиралась приехать команда из гестапо, проводить предварительный отбор подозреваемых в связях с партизанами. Тех увезут сразу. Остальных — гнать пешком.

С гестапо Хмырь связываться не хотел ни при каких обстоятельствах. Слишком легко из союзника стать арестантом. Но приказ есть приказ.

Как и следовало ожидать, добровольно уходить из дома не хотел. И незваных гостей встречали крик, причитая, плач и вой. Бабский. Мальчишки лет двенадцати—четырнадцати молчали и смотрели на полицаев с нескрываемой ненавистью.

Приходилось действовать силой. Прикладам и пинками вышвыривать на улицу, гнать по дороге к месту сбора, приглядывая, чтобы никто не ускользнул. И так в каждом доме. Неудивительно, что через полчаса подобной работенки полицаи озверели и уже не разбирали, кого бить — старуху, пацана или бабу.

Ту ясноглазую девицу Хмырь заметил сразу, когда толпа усилиями полицаев была выставлена на дороге. Стройная, с длинной косой, высокой грудью и плавной походкой, она привлекала к себе внимание даже в наряде старухи. Наверное, специально вырядилась, чтобы не заметили.

Но Хмырь заметил и теперь шел сбоку от нее, поглядывая на гордый профиль и прикидывая, как бы оставить дивчину себе. Его прежняя любовница — Настька, окончательно спилась и больше походила на высохшую каргу, чем на женщину. А Хмырь баб любил и долго без них не мог.

Следовало только скрыть от Хрункеля этот факт и задобрить своих гавриков, чтобы держали языки за зубами. Вот Сенька и соображал, не обращающая внимания на крики и плач, висевший в воздухе. Не впервой...

Бронетранспортер он заметил только после того, как его окликнул помощник Коля Хват. Машина незнакомой модели

вырулила из-за крайнего дома и встала на дороге, перегорев толпе путь. Сенька разглядел на бортах кресты и пулемет на турели.

Из машины не спеша вышли четверо немцев в форме гестапо.

«Мать моя! Явились! Неужели решил здесь провести фильтрацию?» Сеньку прошиб холодный пот. Слишком уж страшно выглядели гестаповцы. И где таких откопали? Огромные, широкие, лица как на подбор мрачные. Больше подходящие громилам, чем офицерам гестапо.

Немцы подошли ближе, с интересом разглядывая полицаев и жителей. Те, кстати, тоже притихли. Испугались. Да и как таких не пугаться. Головорезы.

Почувствовали себя не уютно и остальные полицаи. О гестапо ходило слишком много слухов, чтобы сохранять спокойствие поблизости от них.

— Was machst du hier? — спросил старший — высокий, коротко стриженный брюнет. Он небрежно цедил слова, словно делал одолжение.

Сенька почувствовал, как потек холодок между лопатками и как враз пересох язык. По-немецки он знал несколько слов: хайль Гитлер, Сталин капут, яволь, найн, я. Его подручные — и того меньше. И что говорить, не знал.

— Каспадин штурмбанфюрер спрашивает, — на ломаном русском перевел стоящий справа от начальника гестаповец. — Что вы делаете?

— А-а... — Сенька едва выговаривал слова. — Мы это... по приказу коменданта проводим отбор из местного населения для отправки в Германию. Арбайтен.

Сенька на пределе возможного вспомнил еще одно слово и покрылся испариной. Черт побери, этих гестаповцев! Заставляют трепетать его — вора!

— O! Ich verstehe*... — дернул краем губ штурмбанфюрер. И закатил длинную фразу. Переводчик поучительно выслушал и перевел.

* Я понимаю (нем.).

— Каспадин штурмбанфюрер хочет знать, что еще приказал комендант?

— Еще? Остальных отвести в село Портягино. Там они должны быть допрошены сотрудниками гестапо. А потом все вести в Новодолгино.

Позади в толпе слышали крики. Люди все слышали и заранее оплакивали свою судьбу. Ничего хорошего не ждали.

— Наверное, мы должны отвести всех к вам, да?

Переводчик зашептал на ухо штурмбанфюреру, тот согласен закивал, опять что-то сказал.

— Кто должен проводить допрос?

— Э-эти... ваши... с города. Я толком не знаю.

— Они сейчас в Портягино? — по собственной инициативе задал вопрос переводчик. Акцента в его голосе стало заметно меньше.

— Д-да...

Гестаповцы смотрели на полицаев, на толпу и что-то обдумывали. Потом двое обошли толпу и встали в позади полицаев. Те чувствовали себя все более неудобно.

Герман не спеша обошел стоявшего на дороге полицая (тот поспешно отступил в сторону), и встал напротив женщины, к которой жались трое маленьких детишек. Им было лет по пять-шесть. Одеты плохо, худые, глаза смотрят испуганно. Женщина прижимает детей к себе, взгляд затравленный. Ничего хорошего от немца не ждет.

Взгляд Германа скользнул по толпе и вдруг наткнулся на молодую девушку, одетую в старое, до предела заношенное платье и какой-то жакет. На голове платок, на ногах стоптанные ботинки непонятно какого фасона. Но даже в этом страшном наряде она выглядела переодетой королевой.

Синие глаза, яркие губы, мягкие черты лица. Платье уродует вид, но не в силах скрыть ладной фигуры.

Хмырь заметил оценивающий взгляд гестаповца, когда тот рассматривал ту красивую дивчину, и недовольно покривил губы. Если немец захочет, он увезет девчонку с собой. А ему ничего не достанется.

Такая перспектива ему не понравилась, и Сенька неожиданно для себя раскрыл рот:

— Господин штурмбанфюрер, вы разрешите вести людей дальше?

Немцы не спешили с ответом. Трое ходили вдоль толпы, с интересом разглядывая детей и стариков, а старший гестаповец с каким-то любопытством смотрел на самого Хмыря и на его подчиненных. Что он хотел увидеть?

— Господин штурмбанфюрер...

— Умолкни, урод! — вдруг раздалось за спиной.

Хмырь круто развернулся и с разинутым от удивления ртом взглянул на того высоченного немца. Это он заговорил на чистом русском языке.

— Н-не понял?..

— Че ты не понял, лох? Сказал захлопни пасть.

Пистолет-пулеметы, до этого висевшие на плечах двоих немцев, в мгновение ока оказались в руках. Еще один выставил вперед оружие странного вида. Хмырь такого никогда не видел и не мог опознать в нем штурмовую винтовку StG. Главный немец стоял, по-прежнему заложив руки за спину. МР висел на плече, но Сенька понимал: перехватить его для стрельбы — дело одного мгновения.

— Оружие на землю, — проговорил стоявший слева от лица гестаповец. И тоже на русском. — Живо.

— П-постойте... — заикаясь, проблеял Игнат Забитюк, подручный Хмыря. — В-вы не немцы?

Ближе к нему стоял широколицый немец с небольшим шрамом на подбородке (Витька получил его в одной из схваток). Немец подшагнул ближе и неуловимо быстро пнул Игната в пах. Того скрючило. Немец добавил кулаком по шее и Игнат рухнул ему под ноги.

— Вы че, мудаки, не поняли? Оружие на землю, руки вверх! Кто рыпается — нафаршируем свинцом! Ну?!

Полиции медлили, не зная, что делать. Сопротивляться бесполезно, им это только что показали. Но бросать оружие?..

Хмырь, услышав русскую речь, а главное словечки из блатного жаргона, моментально сообразил, что перед ним не гестаповцы, а кто-то из своих. В смысле — из русских. Сенька

слышал, что на фронте воевали штрафбаты, куда с зоны брали тех, кто хотел кровью выкупить свободу. Может, это штрафники, попавшие в партизаны?

В принципе, от этого не легче, но все равно, иметь дело с красными уголовниками и блатными лучше, чем с гестапо.

— Че за треп, братва? — спросил он, лихо сплевывая сквозь зубы и делая шаг вперед. — Не по закону расправу творите. Без толковища, без...

Договорить ему не дали. Старший «гестаповец» без размаха выбросил кулак, и Сенька рухнул на землю. Нокаут.

Когда Олег уложил главного полица, Артем чуть повел стволом МР, скашивая сразу двух, стоявших почти вплотную к нему полицаев. А потом снес и третьего, пытавшего снять с плеча карабин.

Герман уgomонил еще одного. Последнего убрал Витя. На глазах испуганной и удивленной толпы четверо немцев уложили всех полицаев, причем пятерых насмерть. На земле лежали Сенька и Игнат. Они слабо шевелились, издавая стоны и проклятия, и пробовали встать. Но выходило плохо.

— Ой, господи! — запричитала седовласая старушка в цветном зипуне, одетом не смотря на теплую погоду, поверх кофты. — Сыночки... Вы кто?

— Молчать! — рявкнул Артем. — Ртов не разевать! Стоять тихо. Кто пискнет — пожалее!

Нет, он их не страшал. Не собирался убивать или наносить какой-либо вред. Просто пацанам сейчас нужна была тишина и полное невмешательство толпы. Без паники и радости из-за неожиданного избавления.

— Сейчас вы разойдетесь по домам. Молча. И быстро. А потом соберете вещи и уйдете отсюда, — продолжал объяснять Артем.

— Куда?

— Куда хотите. Вам не простят убийства полицаев. Ясно? Толпа молчала.

— Ясно или нет? — рявкнул Олег.

— Ясно, ясно! — заголосила толпа.

- Понимаем.
- Сейчас соберемся...
- Все! Хватит звиздеть! Разошлись!

Жители бросились по домам, спеша забрать самое ценное и уйти. В том, что их не оставят в покое, никто не сомневался.

— Постой... — Герман положил руку на плечо девушке, на которую засмотрелся.

Та остановилась, испуганно глядя на огромного гестаповца снизу вверх. Сейчас, вблизи он не выглядел таким уж и страшным, но все равно ей было не по себе.

— Как тебя зовут?

— Нина.

— Нина, — Герман расплылся в улыбке. — Красивое имя. Скажи, красавица, ты местная?

— Да, — робко кивнула Нина.

— Отлично. Может быть, знаешь, есть ли нормальная дорога в лес. Такая, чтобы могла пройти машина.

Герман указал на БТР. Девушка повела глазами на машину, потом опять на гест... впрочем, вряд ли он и его друзья гестаповцы. Но кто? Переодетые партизаны?

— Дорога есть. Надо доехать до Липатовки, до развилки и свернуть в лес. Дорога сначала идет плохая, но метров через пятьдесят будет шире. Ваша машина пройдет.

— Молодец, — улыбнулся ей Герман. — Это важно.

— А... — набралась храбрости Нина. — А вы не немцы?

— Мы? — Герман глянул на себя, похлопал по груди. — Мы самые настоящие, всамделешние фрицы. Прямо из Берлина.

Девушка вдруг улыбнулась и опустила глаза. Всамделешние немцы больше ее не пугали. Совсем.

Пока Герман развлекался разговором с девчонкой, парни быстро перетаскали оружие полицейев в БТР, туда же забросили, предварительно связав, Хмыря и Игната. Артем успел выяснить у одноногого деда дорогу в лес. Теперь пора было сматываться. В любой момент сюда могли нагрянуть как полиция, так и немцы. Устраивать бой в деревне, в явно невыгодных условиях, в планы братвы не входило...

* * *

— Гера, по коням! — крикнул Олег уже из БТРа. — Время.

— Ну, пока! — вздохнул Герман, глядя в блестящие глаза Нины. — Будь здорова, красавица. И не попадай к... нашим коллегам из гестапо.

— Да...

Герман еще секунду смотрел на нее, потом вдруг шагнул вперед, притянул за плечи и впился губами в ее губы. Девчонка ахнула, зажмурила глаза, но из объятий не вырывалась. Когда Герман ее отпустил, она судорожно вздохнула и отступила назад. Лицо постепенно становилось красным. В глазах, против ожидания, не было и намека на злость.

— Прощай! — Герман махнул рукой и побежал к машине.

Девчонка еще минуту стояла на дороге, глядя, как бронетранспортер исчезает за домами, оставляя за собой облако пыли.

— Ну, ты артист, Гера, — насмешливо протянул Олег. — И здесь сумел девчонку закадрить! Разглядел под тряпками!

— Хороша девка, — мечтательно вздохнул Герман. — Тряпье скинуть, отмыть и приодеть — королева красоты!

Артем колдовал над картой, прикидывая расстановку сил в районе и отмечая силы немцев. Делал он это по старой спецназовской привычке, на тот случай, если в лесу они не найдут дорогу обратно. Тогда знание обстановки будет весьма кстати.

На миг, оторвав голову от карты, глянул на Германа и сказал:

— Гера. Сколько ей лет?

— Да не больше семнадцати. Свеженькая еще, молодая. Зуб даю — целка...

— А теперь, — прервал его излияния Артем, — прибавь к семнадцати шестьдесят один.

— Это ты к чему? Ну семьдесят восемь.

— Так вот, — на губах Артема заиграла улыбка, — когда вернемся, загляни в эту деревню. Встретишь свою любовь. Может, и узнаешь в семидесятивосьмилетней старухе.

Олег и Виктор прыснули, глядя на растерянное лицо Германа. Тот набычился, меряя Артема свирепым взглядом, потом плюнул (прямо на лежащего под ногами Хмыря) и хмыкнул:

— Я говорил — геронтофилией не страдаю. Так что бабусю оставим в покое. Зубоскалы! Давайте лучше думать, что делать?

Ответил Олег.

— А делать одно — держать курс в лес. Устроим поиски того места, где нас перекинуло.

— И если не найдем, то...

— То будем думать, что делать дальше, — закончил за Германа Артем. — Хотя лучше бы этого «не найдем» не было...

Дважды мимо них по дороге проскакивали немцы. Первый раз это был мотоцикл с коляской. Несколько секунд он ехал рядом с БТР, внимательно его разглядывая, а потом прибавил скорость.

После того как мотоцикл исчез за поворотом, Олег сказал:

— Наши катания в открытую надо заканчивать. Немцам захочется узнать, что за машина разъезжает по их тылам.

— Подумаю, что новая модель, — отмахнулся Витя.

— Не считай их дурнее себя. Они свой транспорт знают.

Витя пожал плечами и промолчал. А сидящий за рулем Герман толкнул Артема:

— Сколько еще до той дороги?

— Семь километров.

— Может раньше свернуть? В натуре засекут.

— Некуда.

Машина продолжила путь, но теперь парни внимательно посматривали по сторонам и на дорогу. Предостережение Олега восприняли серьезно.

Через пару километров навстречу им выехала легковушка. Поднаторевшие в немецкой технике парни без труда опознали «Опель-кадет». Юркая машина, не доехав метров тридцать до бронетранспортера, встала, перегородив путь. Из машины выскочил солдат, за ним неторопливо вышел офицер.

— По нашу душу, — процедил Герман и остановил БТР метрах в десяти от легковушки. — Накаркали.

— В машине три, максимум четыре человека, — сказал Олег. — Если дое...ся, будем валить.

Он глянул на Артема.

— Мы с тобой выходим, Витя — за пулеметом. Смотри по сторонам. Герман — будь готов стартовать в любую секунду. Если что — отрываемся с шумом и тикаем. Все, пошли.

Немецкий офицер с раздражением и удивлением смотрел на незнакомый бронетранспортер, узнавая и не узнавая одновременно. Раскраска, опознавательные знаки — все как положено. И пулемет на турели стоит. Но все равно — странная машина.

Когда из нее вылезли и пошли навстречу два офицера гестапо, немец мысленно чертыхнулся и пожалел, что остановил машину. Там, где гестапо, любая странность становится закономерностью. Наверняка прихватили новую разработку, еще не вошедшую в серию и теперь раскатывают по своим делам.

Кстати, а что за дела? Районное отделение гестапо сейчас в полном составе в деревне Портягино, офицер это знал, так как сам отправлял грузовик с взводом пехоты для прикрытия. Кто тогда идет к нему?

— Говорю я, — шептал Олег. — Ты приветствуй и молчи. Если что — контужен.

— Угу.

— Надо подойти ближе к машине, узнать, сколько внутри сидит. Если что: водитель и кто еще внутри — на тебе.

— Да.

Они подошли к немцу почти вплотную и разглядели погоны майора. А так же Железный крест и нарукавную нашивку «Afrika». Этот фриц успел поучаствовать в африканской кампании.

— Хайль Гитлер! — одновременно вскинули руки парни, и Олег сразу спросил. — Что случилось, господин майор? У вас проблемы?

Немец ответил на приветствие, настороженно разглядывая гестаповцев. Оба здоровые, откормленные и сразу видно отменно тренированные. И наглые. Привыкшие к привилегированному положению. Но что-то в них было непонятным.

— Прошу извить, господа. Я хотел узнать, откуда вы?

— Это все? — иронично спросил Олег. — Больше ничего вам, господин майор, не хочется узнать?

Майор заиграл желваками. Он жалел, что вылез со своей подозрительностью, но отступать теперь не хотел. В конце концов, это его район, и он обязан быть в курсе всех дел.

— В этой области действует партизанский отряд, — попробовал объяснить он свое любопытство. — Русские диверсионные группы проникают сюда, чтобы вести подрывную деятельность...

— И вы решили, что мы — русские диверсанты? — усмехнулся Олег. — Это интересная мысль, господин майор. Я обязательно поделюсь ей с руководством, когда вернусь в Берлин. Оно оценит юмор. Вы действительно хотите проверить наши документы? Так?

На всех стрелках, разборках, переговорах, которые вел Олег, у него было ключевое слово, которое он произносил, когда ситуация выходила из-под контроля. Это слово «понятно». После него стрелка плавно переходила в стадию боя. Да, а сигнал тревоги — слово «так».

К моменту, когда «так» уже прозвучало, Артем успел разглядеть сквозь стекло водителя пустое сиденье за его спиной. В машине был только один. А вот сопровождающий майора солдат стоял в трех шагах в стороне от машины и страховал начальство по всем правилам. Пистолет-пулемет, правда, держал опущенным, но палец лежал на спусковой скобе. Если что — в доли секунды оружие перейдет в горизонтальное положение и изрыгнет пламя.

Артем стоял, заложив руки за спину. В правой уже был пистолет. Самый опасный среди немцев — солдат. Поэтому расклад немного меняется — он будет работать сначала по тому.

— Я не имею права проверять документы у сотрудников тайной полиции, — спокойно продолжал майор. — Я только прошу представиться. А лучше всего — проехать к вашим коллегам в Портягино. Простите, господин штурмбанфюрер, но бдительность еще никто не отменял...

* * *

«Он что-то подозревает, — соображал Олег. — В чем-то мы прокололись. Конечно, БТР вызывает вопросы, но не только он. Либо наша одежда... либо тот факт, что мы вообще появились здесь. В любом случае, если он не отстанет, надо их валить!»

— Заканчивайте свой цирк, майор, — повысил голос Олег. — Если вы не забыли, сотрудники гестапо не подотчетны армейским офицерам. И вправе не отвечать на их вопросы. Вам все ясно?

Немец явственно скрипнул зубами, но сдержался. Спорить с представителями влиятельной структуры не хотел. Но то, что, приехав на место, доложит о странной встрече — это точно. Выскочек из гестапо он не любил...

Олег все видел. Видел, что в машине кроме водителя никого. Что Артем уже переминает пальцы на рукоятке пистолета. Видел, что на дороге и вокруг нее пусто. Не видел, но знал, что в БТРе Витя готов в любой миг открыть огонь, снося все живое.

В ситуацию, говоря на сленге братвы, «въехал» и, что самое паршивое, понимал — иного выхода кроме как валить нет. Этот гад немец все равно сдаст. Пустит по следу «коллег». Так что тянуть нет смысла. Дальнейшее промедление приведет тому, что майор решит, будто перед ним партизаны. Любой, самый невинный вопрос поставит самозванцев на грань провала.

...Нож у него всегда был под рукой. Достать — дело мгновения. Пустить в ход — другое мгновение. Олег мог отправить на тот свет человека меньше чем за секунду.

На счет оружия и его применения было у Олега собственное мнение. Пистолет — часто говорил он — реально работает на дистанции до пяти метров. А зачастую и до трех. Это если не в тире, а в бою, где в тебя тоже лупят почем зря. И ты не стоишь, заложив руку за спину и выпрямив спину.

Так вот на такой дистанции нож бывает опаснее пистолета. И человек, владеющий им, способен расправиться с вооруженным стволом противником.

На дистанции от трех до тридцати метров главенствует пистолет-пулемет — высокая скорострельность, малые габариты, удобство управления одной рукой. От тридцати до ста пятидесяти лучше работать автоматом. До четырехсот — пулемет, снайперская винтовка. А дальше — АГСы, крупнокалиберные пулеметы, минометы и т.д. Такой расклад подсказывал богатый опыт последних лет. И Олег его четко усвоил.

У него был фирменный нож, сделанный по заказу. Работал он им филигранно, показывая настоящие чудеса. Кстати, пистолет не носил. По вышеуказанным причинам. Хотя стрелять умел. Особенно любил снайперку.

Артем Олеговы объяснения принимал, но предпочитал пистолет. И работал не менее ловко, чем Олег ножом. Витя и Герман предпочитали автоматы. А больше тяготели к рукопашке. Словом, вся четверка прилично владела оружием и успешно пускала его в ход.

— Так что, майор, вам все понятно? — громко спросил Олег, нащупывая нож в руке. — Или у вас еще есть вопросы?

Услышав сигнал, Артем переступил с ноги на ногу, прикидывая порядок действий и внимательно наблюдая за солдатом. Он ждал, когда начнет Олег.

— Мне все ясно, господин штурмбанфюрер! — отчеканил майор, сверля лжегестаповца злым взглядом. — Разрешите следовать дальше?

— Да, пожалуйста. И не держите на меня зла. Я только действую по порядку.

Олег шагнул к немцу, протягивая правую руку, вроде как для рукопожатия. Немец невольно сделал ответный жест. При всей злости правила хорошего тона он не забыл.

Крепко сжав руку немца, Олег чуть дернул его на себя, а сам ударил левой, в которой был зажат нож. Лезвие легко пробило китель и вошло в печень. Проворот, рывок в сторону — и печень развалена на части. С такими ранами живут от силы минуту.

Олег еще удерживал майора около себя, закрываясь им от солдата. А Артем уже сделал шаг в сторону, вскидывая пистолет и беря на прицел врага.

Два выстрела бахнули почти одновременно. Солдат, получив пулю в лоб, уже падал на землю. А водитель со свинцом в груди упал на руль. Немежими пальцами попытался завести двигатель. Но еще один выстрел пригвоздил его на месте.

— Артем, глянь в машине! — крикнул Олег, быстро обшаривая китель майора в поисках документов. Он действовал на автомате, как его учили в армии.

— Пусто, — вылез из машины Артем. — Только портфель.

— Машину и трупы в овраг!

Братва второй за день повторяла привычную операцию, пряча следы. На этот раз замаскировали получше.

— Все! Уходим!

Олег затоптал кровавые пятна на дороге, спрятал документы майора и его ствол и побегал к машине. Артем успел первым и уже залез на броню. Через минуту БРТ исчез за поворотом.

Следующий раз они остановились в двух километрах от поста охраны. Перед тем, как проехать его, следовало избавиться от пленных полицаев. Ничего интересного они сказать уже не могли, а вот мешали здорово. Хмырь и его сообщник, понимая, что их ждет, пытались договориться, взывая к воровскому закону, но Артем, вытаскивавший главного полицая из машины, треснул ему по скуле и гаркнул:

— О законе и не вспоминай, падла! Не для тебя, ублюдка гитлеровского, он!

Через минуту оба гитлеровских прихвостня лежали в зарослях кустарника и перерезанными глотками. Братва не стала стрелять, справедливо опасаясь быть услышанными.

— Если на посту тормознут, что делать будем? Валишь? — спросил Виктор.

— Да. Больше церемониться нет смысла. Немцы могли обнаружить пропажу мотоциклов, отряда полицаев и этого майора. Так что двумя больше, двумя меньше...

Олег положил на пол трофейный карабин, вытер руки о тряпку и глянул на кореша.

— Ясно. Идем с шумом.

— Ага.

Гестаповская форма теперь больше мешала. В ней хорошо ходить, фасонить, ну иногда пострелять из стационарных положений. А для активной работы она непригодна. К сожалению, другой нет. Так что придется пачкать и рвать эту, если мирно доехать до места не дадут.

Не дали. Мирно доехать и уйти не дали. Слишком уж много они на шумели за три часа в чужом времени. И засветились по самые небалуйся...

На посту охраны в этот раз было много народу. У будки стоял крытый грузовик «Opel-blitz» и мотоцикл с двумя солдатами. Чуть дальше — легковая машина «Kubelwagen» — немецкий вариант джипа. На комитет по встрече дорогих самозванцев это не походило. Но и случайным появление картежа не назовешь.

Поняв, что сшибка неминуема, парни приготовили оружие.

— Первыми не начинаем, — говорил Олег. — Посмотрим, что они приготовили. Если все еще принимают за своих — поиграем. Если нет... играем, но другим правилам.

— Не нравится мне грузовик, — проговорил Герман, деловито рассовывая гранаты по карманам. — Там человек двадцать может сидеть. Тогда весело будет.

— Грузовик в первую очередь. Гранатами. А потом как выйдет.

— Может первыми начать? — передоложил Виктор. — Фактор внезапности на нашей стороне. Глядишь, и грузовик прихватим и тех, в машине положим.

— Не стоит. Может проскочим...

БТР подъезжал к шлагбауму, постепенно замедляя скорость. Парни заканчивали последние приготовления к бою, внимательно наблюдая за обстановкой...

...Между тем специально встречи никто не организовывал. Просто стечение обстоятельств свело в одном месте и БТР с братвой, и две группы немцев. И все это как назло произошло на контрольном пункте. Возможно, будь у парней больше времени на размышление и не опасайся они потенциальной по-

гони, встреча и прошла бы — кто знает? — мирно. Но взведенные последней схваткой и заряженные на действие, они готовились к бою. И на другой исход встречи не рассчитывали.

Специальная группа из районного отделения гестапо работала в прилегающих к Новодолгину деревнях второй день. Группа проверяла отправляемые в Германию партии рабочей силы и по возможности выявляла партизанскую агентуру, сидящую в населенных пунктах. Впрочем, эту задачу начальство ставило как второстепенную. Все же сил и возможностей у группы маловато. Тем не менее гауптштурмфюрер Вензель, его помощник унтершарфюрер Нойленг под охраной четырех солдат старательно просеивали местное население, проводя опросы и беседы. Впрочем, опросами и беседами это называли немцы. У местных было другое определение — допрос с пристрастием. И хотя кулаки в ход никто не пускал, люди от самого вида гестаповской формы бледнели и теряли самообладание.

Большая часть контингента — женщины. С ними работать особенно тяжело. Темные, забитые, малообразованные, они пугливо косились на свастику на рукаве, закатывали глаза и невнятно бормотали себе под нос. Нойленг, хорошо знавший русский язык, с трудом их понимал.

Хорошо хоть к группе прикрепили женщину. Унтершарфюрер Эльза Мангейм, только недавно приехавшая из Германии, немного знала русский язык и вообще была полезна в работе. Единственный недостаток, по мнению Вензеля, — ее красота. Не то чтобы он не любил красивых женщин, просто не хотел, чтобы личные симпатии как-то мешали работе.

Сведения о случаях нападения на немцев поступили к ним буквально перед выездом из Портягино, где они работали с утра. После обеда должны были привести группу отправляемых в Германию колхозников из соседней деревни. Но к назначенному сроку никто не пришел. Вензель, зная, что за ними послали отряд из местной полиции, опозданию не удивился. Щуцполициям он не доверял. Подождав час, он решил сам захватить в Залескино.

Там и застал картину разгрома. Убитые полицейские лежали на обочине дороги. Их оружие исчезло. А в деревне не было

ни одного человека. Решив, что здесь поработали партизаны, Вензель срочно связался с комендатурой и объяснил суть дела. Судя по реакции коменданта, тот решил устроить облаву.

Не став спорить с ним, Вензель приказал проехать к Липатовке, а заодно предупредить пост охраны на дороге о возможном появлении партизан.

На посту он застал машину из охранного батальона. Те разыскивали пропавшего майора из штаба расположенного в областном центре полка. И вновь прозвучала версия о нападении партизан. Как раз в этот момент к посту подъехала машина незнакомой конструкции с опознавательными знаками германской армии...

БТР медленно подъезжал к посту, теряя скорость, и в двух метрах от шлагбаума затормозил. Витя поставил машину так, чтобы его дверца оказалась напротив будки охраны, а грузовик впереди. Как раз под стволом пулемета.

— Работаем спокойно, без суеты, — давал последние наставления Олег. — Все как обычно. Как на разборках. И не подставляться...

Парни молчали. Они уже готовы, дополнительная накачка не нужна. Олег больше говорил для порядка. По привычке...

Из БТРа вышли Артем и Олег. Они лучше других знали немецкий, отлично работали в ближнем бою и имели большой опыт совместных действий. Причем именно в такой ситуации — при численном перевесе противника, в его окружении. Олег с ножом и пистолет-пулеметом. Артем — с пистолетом. Через минуту оружие пускать в дело...

Вензель никак не ожидал увидеть своих коллег, да еще на такой машине. Причем целого штурмбанфюрера. Только начальник областного отдела гестапо имел такое звание, а Вензель и еще двое сотрудников — на ступень ниже.

Он вытянулся в струнку, вскинул руку и четко произнес:

— Хайль Гитлер! Гауптштурмфюрер Вензель, районное отделение гестапо.

— Хайль, — небрежно, как и положено старшему по званию и наверняка по положению, откликнулся штурмбанфю-

рер. Его товарищ тоже вскинул ладонь на уровень плеча. — Что здесь происходит? Проверка работы поста? Силами гестапо?

— Нет. У нас проблемы. Ведем расследование. А вы, господин штурмбанфюрер, откуда?

— А как раз с проверкой. Но кого и где, — Олег чуть покривил губы, — позвольте утаить. Служба.

Стоявший рядом с Вензелем лейтенант-армеец указал на БТР братвы.

— А что это за машина, господин штурмбанфюрер? Я такую не видел.

— Это новая разработка. Колесный бронетранспортер. Планируется поставлять его в охранные части, работающие в тылу. А старую технику вернуть на фронт, ее там не хватает. Мы как раз обкатываем опытный образец.

— Неплохо, — оценил Вензель. — Это поудобнее грузовиков. А то мы до сих пор катаемся на них. Даже на борьбу с партизанами.

Он показал на свой грузовик и добавил.

— А зачем такой небольшой группе?!

Олег отметил жест и последние слова немца и сообразил, что в машине не солдаты, как они первоначально предполагали, а всего двое-трое человек. Тратить на машину гранаты нет смысла. Как же сообщить своим? Герман будет работать в первую очередь по грузовику. Видимо, придется кричать после начала: «Не трогай машину!»

Он напрасно переживал. Витя и Герман, звавшие на двоих немногим больше двухсот слов, уловил главное — в машине мало людей. А значит, терять время на ее уничтожение не надо. Теперь главное — легковушка, мотоциклисты и охрана поста.

Пока шел разговор, Вензель мысленно оценивал обстановку. И находил ее не очень хорошей. Появление странной группы сотрудников гестапо здесь, в глухой дыре, на незнакомой машине выглядело подозрительным. И потом, за рулем бронетранспортера он разглядел еще одного офицера. С каких это пор офицеры сидят за рулем? Даже опытного образца техники. Почему о появлении группы не предупредили их? Если это

негласная проверка, то опять же почему не в гражданском? Эти двое... держатся естественно, вроде бы спокойно, но вместе с тем и несколько напряженно. Почему?

С другой стороны — высокое начальство при планировании каких-то операций руководствуется иной логикой, чем подчиненные. Так что негласная отправка офицерской группы могла быть санкционирована Берлином. А настороженное поведение — нормальной подозрительностью к встречным. В конце концов, незнакомцы имели те же основания подозревать Вензеля и остальных.

Все это так, но проверить документы у них надо. И свои предъявить. Тогда вполне понятная бдительность будет обоснованна. И еще. Почему все время молчит подчиненный штурмбанфюрера?..

«Два гестаповца, лейтенант, мотоциклисты и сколько-то в легковушке. Плюс трое охранников. Плюс водитель грузовика и еще несколько в крытом кузове. Итого: десять—пятнадцать человек. Минус четверо в первые две секунды. Еще минус пять — в следующие три. После чего уцелевшие не только придут в себя, но и откроют ответный огонь. За это время надо обезопасить грузовик и легковушку. Остальные — не в счет».

Так думал Олег Градов. Бывший старшина, командир взвода разведки бригады оперативного назначения. Имевший на счету два десятка операций и приблизительно столько же сшибок в ближнем бою. И около полусотни скоротечных схваток на гражданке. Сначала в качестве рядовой «торпеды», потом как старший группы, потом — как бригадир.

Никогда прежде ему не приходилось вести бой с противником, не только превосходившим количественно, но и таким опасным. Таким опытным и умелым. Немцы (это в большей степени касается боевых подразделений) отменно готовили своих солдат. В том числе и к ближнему бою. А если вспомнить, что у них за плечами почти пять лет войны (с тридцать девятого года), бесчисленное количество боев и огромный опыт, то станет понятно, насколько они сильны.

На войне выживают лучшие. По всем показателям (если, конечно, забыть о трусах, приспособленцах и вечных тылови-

ках). А значит тех, кто дожил до середины войны, убить очень и очень сложно.

Даже самый слабый и неподготовленный солдат-пехотинец после месяца боев (если выживал) становился хорошим бойцом, умеющим и стрелять, и бегать, и прыгать, и гранаты кидать, и при необходимости в штыковой поработать.

Все вышесказанное в двойной степени относилось к офицерам гестапо. Отбор туда шел очень строгий и придирчивый. Обязательна спортивная подготовка, высокий уровень знаний, и конечно личные показатели: отвага, мужество, сила духа, преданность делу. И опять же, до середины войны дожили самые-самые...

...Так рассуждал Олег, понимая, что противостоять им будет противник посильнее боевиков и даже быкообразных «торпед» конкурирующих бригад. А права на поражение у них нет. Значит, надо превзойти самих себя.

Артем столь далеко в рассуждения не залазил. Но его оценка ситуации мало, чем отличилась от оценки Олега. Впрочем, приблизительно так же думали и Виктор и Германом...

— Простите, господин штурмбанфюрер, — козырнул Вензель. — Как представитель местного отделения гестапо, я хотел бы посмотреть на ваши документы. Вы знаете, таков порядок. Я, в свою очередь, тоже готов представить документы.

— Конечно, гауптштурмфюрер, — кивнул Олег. — Вы правы. Я приношу свои извинения, что не показал документы сразу. Надеюсь, вы не в обиде. Это понятно, не так ли?

Последнее предложение он произнес, делая шаг к немцу и улыбаясь. И поднимая руку, будто лезет во внутренний карман. На самом деле эти слова служили сигналом к действию. Командой: «Сразу после меня!» Поэтому и прозвучали они несколько громче, чтобы слышали все.

Артем, выполняя свой маневр, тоже шагнул вперед, но чуть вбок, к лейтенанту. И тоже улыбнулся.

В БТРе Герман вытащил чеку гранаты и чуть присел перед броском. А Виктор уже трогал приклад пулемета.

* * *

Вензель, обманутый согласием и явной приязнью старшего коллеги, дал тому сократить дистанцию и не заметил движения внутри бронетранспортера.

Охранники на посту вообще в разговор не лезли. Они узнали гестаповцев, проезжавших здесь раньше, и не смотрели на них.

— Прошу!

Олег протянул Вензелю бумажник с водительскими правами, деньгами и визитными карточками. А когда немец взял его, левой рукой схватил за воротник кителя и правой нанес удар ножом в сердце. Потом подшагнул к стоявшему рядом унтершарфюреру и ударил его. В горло. Пока оба гестаповца падали на землю, Олег успел вскинуть МР и дать очередь по мотоциклу...

В тот же момент произошло сразу несколько событий. Артем выстрелом в упор уложил лейтенанта и двумя выстрелами убил водителя легковушки. Герман закинул гранату в будку охраны, где стояли сразу два солдата, а третьего свалил из пистолет-пулемета. Виктор дал очередь по грузовику, метя сперва в водителя, а потом по центру кузова...

Внезапность — тот фактор, который зачастую определяет окончательный расклад на поле боя. Особенно если этот бой — скоротечный, на коротких (до десяти метров) дистанциях. Здесь побеждает тот, кто начинает, кто быстрее действует, причем больше на рефлексах, чем логически осмысливая ситуацию. И тот, у кого время между первоначальным ступором и приходом в себя наименьшее. То есть — у самых опытных.

Фактор внезапности действует на всех! Оцепенение, ступор, испуг, шок — как не назови, это естественная реакция человека. Только опытный воин приходит в себя за доли секунды, а новичок — иногда и за часы. А иногда вообще не приходит. Вот в принципе и вся разница между ними. Но один живы, а за вторых пьют третий тост.

* * *

...Олег скользил по дороге между стоящими и падающими противниками со скоростью и ловкостью змеи, прячась за одними и стреляя в других. Заставляя противника медлить с открытием огня, чтобы не попасть в своего. Тем самым давая себе время на маневр.

Артем сразу начал смещаться вправо, работая только по легковой машине и мотоциклистам. Стрелял на бегу он хорошо. И что самое главное — попадал. А если нет — то давил огнем, заставляя замолчать вражеское оружие.

Герман, покончив с охраной, рванул к грузовику вдоль обочины. Над ухом грохотали выстрелы, кто-то истошно визжал, кто-то кричал запоздалые команды. Гремел голос Олега:

— Свист, бей по легковушке!

У заднего колеса сидел немецкий солдат и водил стволом пистолет-пулемета, выцеливая метавшегося между немцами Олега. Но выстрелить так, чтобы не зацепить своих, не мог. Герман всадил ему в спину две пули. А когда тот упал — еще две в голову. Потом поднял глаза на машину.

Очередь из пулемета продырявила кузов грузовика насквозь. В задней дверце было три пробоины на уровне пояса. Герман рванул ручку двери на себя, при этом, отпрянув в сторону, потом бросил внутрь гранату, не вытаскивая чеку, а следом залетел сам.

В свете неяркой лампочки разглядел на полу два тела. Одно принадлежало солдату. У того на спине расплывалось пятно крови. А второе тело принадлежало... женщине.

Самой настоящей женщине в форме гестапо. Она лежала между откидными скамейками, закрыв голову руками и поджав ноги.

На ней была форменная юбка до колен, небольшие, явно не форменные сапожки, китель, а под ним белая рубашка. При падении пилотка слетела с головы и обнажила роскошную белокурую шевелюру.

Гера от удивления даже не стал стрелять. Рывкнул: «Лезть!» и выпрыгнул из кузова. В голове вдруг зашумело. От внезапно нахлынувшего возбуждения.

* * *

На дороге все было закончено. Немцы уничтожены, братва цела и почти невредима. Только Артем морщился, поглаживая правую ногу выше колена. Вскользь укусила пуля. А Витя платком стирал со лба кровь. Очередь, выпущенная мотоциклистом, разбила стекло БТРа, и один осколок вошел под кожу. Мелочи.

— Проверить трупы, — командовал Олег. — Раненых добить. Оружие, документы с собой.

— Времени нет, — крикнул Витя. — Надо сваливать.

— Успеем. Сюда скоро никто не нагрянет.

— Братва! — сказал Герман. — В машине баба. Гестаповка. Я посмотрю, что с ней.

Парни переглянулись. Герман в своем репертуаре. Даже в самом пекле сумел отыскать бабу.

Олег, чувствуя, что его разбирает смех — отходняк после сшибки, — пробурчал:

— Надеюсь, одна? Не то мы отсюда не скоро уедем...

— Или лучше бери их с собой, — поддержал его Артем. — Там пересчитаем...

Герман покачал головой и рванул к грузовику.

Когда гроыхнула очередь, а потом по стенке кузова будто ударили молотком, она впала в прострацию. Ошалелыми глазами смотрела, как падает ефрейтор Грендшит, как, сильно пригибаясь, выскакивает наружу рядовой Бернгер, взводя на ходу затвор МР.

Мир вдруг наполнился какофонией громких и резких звуков. Сквозь треск очередей и грохота гранат, она расслышала чей-то истошный вопль, бывший по ушам сильнее выстрелов.

Она упала на пол, поджимая ноги и закрывая уши, чтобы не слышать предсмертного хрипа Грендшита. И глаза закрыла. Чтобы не видеть круглой дырочки на спине его кителя, сквозь которую начала вытекать темно-красная кровь...

Эльза Мангейм прожила на свете двадцать три года. Успела окончить школу, ускоренные курсы медсестер, едва не вый-

ти замуж и чуть не погибнуть под бомбежкой. Именно после этого она решила послужить фатерланду* в рядах его лучших защитников. Благодаря связям своей подружки — любовницы одного чина из гестапо, попала сначала в тыловое управление, а потом и сюда, в проклятую Россию. Она немного знала русский язык благодаря школьной учительнице — бывшей графине, беглянке из страны Советов. Видимо это и стало настоящей причиной ее перевода, а не неудачная интрижка с одним штандартенфюрером из Берлина.

До сегодняшнего дня служба ее, в основном, устраивала. Даже общение с местным населением, казавшимся сплошь состоящим из партизан, не мешало испытывать удовлетворение от работы.

Но сейчас, впервые в жизни попав в бой, Эльза вдруг решила, что совершила ошибку год назад и очень сожалела, что время не повернуть вспять...

Когда чья-то сильная рука подняла ее с пола, она немного пришла в себя и смогла рассмотреть огромного человека в форме гестапо. Его китель был расстегнут, галстук исчез, а сквозь расстегнутые верхние пуговицы рубашки проглядывала волосатая грудь. Лицо искажено яростью и... в общем, Эльза видела такие лица. У мужчин, распаленных желанием. Сильным желанием.

Мало что понимая, она задала вопрос:

— Все закончилось?

Незнакомый офицер странно мотнул головой, вроде как кивая, и вдруг гаркнул:

— Deuchland uber alles!** В натуре!..

Последние слова она не разобрала, хотя поняла, что сказано это было по-русски.

— Что вы хотите? — пролепетала Эльза, увидев, что его рука тянется к ее груди. — Что вы делаете?

Офицер ухмыльнулся, притянул к себе, сжал в объятиях и впился губами в ее губы. От неожиданности и боли Эльза застонала...

* Искаженное от немецкого Vaterland — отечество.

** Германия превыше всего! (нем.)

Герман не мог оторвать от нее глаз. Гестаповка! Самая настоящая. Не ряженая куколка из его неофициального гарема, не размалеванная девка-проститутка, а реальная немка! Белокурая, фигуристая, в униформе, в короткой юбке, задравшейся до середины бедер. Мечта бывшего фетишиста!

Он почувствовал небывалый прилив сил и неумеренную страсть. Не в силах сопротивляться зову плоти, Герман схватил немку в охапку и начал целовать и мять одновременно. Она стонала и извивалась, только сильнее распалая его.

Потеряв всякое терпение, Герман развернул ее спиной к себе, наклонил, опуская на заваленный бумагами небольшой стол, рывком задрал юбку, с рычанием разорвал колготки, стащил белье и раздвинул ноги.

Наверное, немка сопротивлялась, но для Германа сейчас это сопротивление было не более заметно, чем дуновение ветерка. Он вошел в нее буквально с разбегу, заставив издать громкий стон, начал качать, ускоряя темп. Руками разодрал рубашку на груди, нащупал теплые упругие полушария и сжал их, испытывая непередаваемое наслаждение.

Сбылась его сокровенная мечта. Под ним была настоящая немка в настоящей форме!

Распаленный желанием мозг совершенно потерял счет времени. Герману казалось, что прошло около часа в полной страсти борьбе. Хотя на самом деле разрядился он очень быстро — меньше, чем за две минуты. Слишком велико было возбуждение.

Изнemoженную и обессиленную немку Герман оставил на столе. Накинув китель, он выскочил наружу как раз в тот момент, когда парни заканчивали осмотр трупов.

— Наигрался? — встретил его вопросом Артем.

Герман кивнул, чувствуя себя несколько неуютно. Парни подчищали хвосты, пока он тешил плоть.

— Что еще надо сделать?

— Сматываться. Что ты с ней сделал?

— Трахнул. Убивать не стал.

Артем покачал головой, но промолчал. Баба вряд ли сможет внятно описать, кто устроил бойню на посту. Не в том состоянии.

К ним подошел Олег, неся на плече два пистолет-пулемета и карабин. Следом за ним Виктор с трофейным пулеметом. Снял с мотоцикла.

— Все, потешились, а теперь валим! До цели немного, думаю, проскочим. Гера — на тебе новый пулемет. Осмотри и подготовь к стрельбе.

— Хорошо.

— По коням!

БТР, чуть сдав назад, объехал трупы, грузовик, изрешеченную легковушку и поваленный на бок мотоцикл. А потом помчался прочь, поднимая высокий столб пыли.

Шел четвертый час пребывания в другом времени...

...Сообщение о пропаже мотоциклистов пришло в комендатуру Новодолгино почти одновременно с донесением об исчезновении машины офицера штаба охранного батальона.

Комендант не спешил предпринимать какие-либо шаги, по опыту зная, что зачастую пропавшие спустя некоторое время находятся сами. А причины исчезновения могут быть самыми тривиальными.

Он сделал запрос в часть, где служили мотоциклисты, потом позвонил в штаб батальона и довел до тех свое мнение. А сам на всякий случай отправил в район взвод под командованием обер-лейтенанта Уншлихта. Приказал проверить соседние деревни и прояснить обстановку.

А еще через час ему доложили — в Отвырево уничтожена группа щуполицеев, обеспечивающих отправку партии рабочих в Германию.

Поняв, что ситуация явно выходит из-под контроля, комендант приказал выслать подкрепление взводу, а потом позвонил начальству. На тот случай, если партизаны начали крупномасштабную операцию, он хотел получить поддержку авиации и бронетехники.

Если бы высланная из райцентра усиленная разведгруппа обнаружила разгромленный пропускной пункт минут на пять позже и хоть немного промедлила с сообщением начальству, братва смогла бы вполне спокойно проскочить оставшиеся

километры до поворота на лесную дорогу и мирно разминуться с взводом Уншлихта, ехавшим навстречу на грузовике.

Но на беду обер-лейтенант уже был осведомлен о нападении на пост и гибели специальной группы гестапо. Он получил приказ проверять любой транспорт на дороге и задерживать всех, кого обнаружит неподалеку от леса.

Поэтому, когда БТР на полной скорости вылетел из низины, парни увидели стоящий поперек дороги грузовик и десятка два солдат возле него. Еще несколько человек окружили высокого офицера, что-то объясняющего подчиненным.

Вид немцев, их количество и действия говорили об одном. Это — комитет по встрече. И выехать за счет формы и наглости больше не удастся. А раз так...

— Гранатами! — предложил Артем. — Потом давим огнем и отходим к лесу.

Олег хлопнул сидящего за рулем Виктора по плечу.

— Притормози, но не останавливайся. Как вдарим, сразу сворачивай на обочину и гони вперед.

— Угу.

Из группы стоявших ближе всех солдат отделился один, с погонами унтер-офицера, и поднял руку, предлагая бронетранспортеру остановиться. Витя послушно сбавил скорость, немного выворачивая влево, чтобы было удобнее уйти в сторону.

Артем оценил расстояние до немцев, нашел его подходящим и крикнул:

— Давай!

Он и Герман разом швырнули по две гранаты, метя в стоявших кучкой солдат. А потом еще по две. Серия взрывов отстучала, как очередь из автомата. Не ожидавшие такого, немцы попадали на землю. Большая часть — убитыми и ранеными, остальные — в страхе прячась от осколков. И тут же Олег выдал длинную очередь, полосуя машину вдоль борта.

Ему помог Артем со своим StG, а чуть позже присоединился Герман со вторым пулеметом. Ошалевшие от внезапного нападения немцы толком не смогли организовать ответный огонь,

и БТР беспрепятственно погнал вперед. И только когда он миновал грузовик, вслед ударили несколько очередей.

Обер-лейтенант уцелел случайно — стоял за грузовиком и когда начали греметь взрывы, упал в канаву. Рядом с ним попадали трое солдат. Они-то и открыли огонь по удиравшему БТРу, но безрезультатно. Противник ускользнул.

Уншлихт выскочил на дорогу, выпуская из МР весь магазин, потом громко выругался и приказал вызвать комендатуру. На лежавших тут и там солдат внимания не обращал. Подсчитать потери будет время.

— Господин обер-лейтенант, — окликнул его солдат. — Радиостанция разбита. Связи нет. И машина сломана.

Уншлихт помянул чертей. Не зная, что предпринять, переводил разъяренный взгляд с машины на дорогу и лихорадочно искал решение. Немногие уцелевшие солдаты оказывали раненым посильную помощь и сносили в одну кучу убитых.

— Куртц, — приказал Уншлихт. — Бегом на пост. Доложишь о нападении. Скажешь, бронетранспортер странной конструкции поехал в направлении деревни Липатовка. И вызови медиков.

— Но господин, обер-лейтенант, — попробовал возразить солдат, — до поста пять километров.

— Бегом, я сказал! У нас нет другой возможности вызвать помощь.

— Есть, — нехотя ответил тот и стащил с головы каску. Бежать в ней тяжело.

— Оставь оружие. Мешать будет.

Куртц отдал МР товарищу, вздохнул и вышел на дорогу. Но бежать никуда не пришлось. Из-за поворота выскочил грузовик с высланным комендантом усилением. Они слышали шум боя и поспешили сюда, но немного опоздали.

Уншлихт оставил с убитыми и ранеными двух солдат, а сам с остальными присоединился к погоне. Кроме чувства долга его вела ненависть к врагу и злость на себя за столь явную ошибку.

...Комендатура и командование расположенных в области немецких частей, получив одно за другим несколько сообще-

ний о нападении на посты, деревни и разгроме отдельных групп солдат и сотрудников гестапо, всполошилось. Налицо была явная спланированная акция партизан и диверсантов русских. Какую цель те при этом преследовали, не было ясно, но позволять противнику свободно действовать на подконтрольной территории немцы не могли.

Сразу после последнего донесения о гибели взвода оберлейтенанта Уншлихта, командир охранного батальона выдвинул в тот район пехотную роту, усиленную огнеметным танком и двумя минометами. Из областного центра к лесу уже шла сводная группа в составе двух пехотных рот и пяти танков. Командант Новодолгино вдобавок к ранее высланным силам добавил остатки взвода щуцполицаев.

По заявке наземных частей в воздух были подняты два самолета-разведчика с целью обнаружения отрядов партизан.

Немецкое командование вполне справедливо опасалось крупной диверсии на железной дороге и станциях. Бушевавшая на восточном фронте битва под Курском требовала все новых сил, и нарушение графика поставок могло сильно сказаться на снабжении воюющих армий.

В результате к лесу и окружавшим его деревням стягивались все наличные силы, чтобы воспрепятствовать действиям партизан.

Кстати, партизанская разведка, отметив стягивание немцев к соседнему лесу, немедленно поставила в известность штаб соединения. Там долго ломали головы в тщетной попытке понять, что же происходит, и кого немцы собираются бить?

Дело окончательно запутала пара разведчиков, посланных в райцентр. Они вернулись без одежды и оружия, исполосованные с ног до головы и покрытые синяками. По их словам, расправу учинили гестаповцы, сумевшие не только отразить внезапное нападение, но и захватить партизан живьем.

Командир соединения, начальник штаба и комиссар долго выпытывали у них подробности схватки, а потом чесали затылки. Или разведчики что-то напутали, или гестаповцы попались очень странные. Вместо того чтобы захватить партизан

в плен и допросить, они отстегали тех, как нашкодивших под-
ростков, и прогнали взашей. Перепили что ли?

Сложив полученные данные, командование партизан решило отложить проведение операции на несколько дней. Пока все не успокоится.

...БТР застрял на самом краю леса, угодив задним левым колесом в узкую яму у обочины. Парни, оглашая округу дикими матерками, минут пять вытаскивали машину с помощью домкрата и сделанных наспех из толстых веток ваг. Когда БТР вроде как начал вылезать, вдали, на дороге показался немецкий грузовик.

Олег в бинокль разглядел в кузове солдат, замершего у пулемета стрелка и перекошенную от злости рожу офицера, сидевшего в кабине. Это по их душу, сомнений нет.

— Фрицы! — крикнул он. — Гера, Свист, вытаскивайте вдвоем. Тём! Придержим их!

— Угу, — отозвался тот, вытаскивая трофейный пулемет.

— Да хер с ним, с бэтээром! — заорал Герман. — Уматывать надо!

— Ни хрена. Если нас обратно не вернет, машина пригодится.

— Если нас не вернет, — негромко буркнул Артем, — нам уже ничего не пригодится.

— Не каркай, — осадил его Олег. — Давай сюда пулемет. Я их встречу у тех березок, а ты зайди справа. И попробуй свалить офицера.

— Лады.

Они побежали вперед, стремясь до подъезда немцев занять удобные позиции. А Герман и Виктор с удвоенным рвением продолжали вытягивать машину.

Обер-лейтенант Отто Уншлихт был очень зол. Очень. А еще — очень молод (двадцать два года) и не имел боевого опыта. По протекции отца поступив в военное училище, он окончил его год назад. Благодаря связям попал в штаб расположенной в Германии дивизии, где и служил до недавнего времени. И даже получил очередное звание. А потом решил, что проти-

рать штаны в тихих штабах далеко в тылу не дело для молодого честолюбивого офицера. И вопреки воле отца и родни подал рапорт о переводе на восточный фронт.

Неделю назад он приехал в Новодолгино на должность помощника коменданта. Это был не совсем фронт, но для оберлейтенанта и этого пока хватало.

Комендант, зная, кого именно ему прислали, ставить на должность новичка не спешил. Как бы не завалил дело. Однако и отказать не мог. Вот и промаялся Уншлихт почти и неделю без дела. Он жаждал подвигов ратных дел, славы и почести, а получил уйму свободного времени и вынужденное безделье.

Приказ возглавить взвод он принял без особого восторга (вроде как понижение), но молча. Надо, так надо. Дело казалось не трудным — выехать, проверить, отыскать. Но когда по связи передали о нахождении в районе партизан, Уншлихт решил что пробил его час. Приказал перекрыть дорогу и проверить всех подряд, не взирая на чины.

Упоение властью и работой длилось недолго. До появления бронетранспортера незнакомой конструкции. А потом была бойня. Летели гранаты, строчил пулемет, падали раненые и убитые. Надо отдать должное, Уншлихт не впал в панику. И когда к ним подоспела помощь, решил возглавить погоню, отставив от командования старого опытного унтер-офицера.

Противника они заметили еще с дороги. Оберлейтенант приказал спешиться, развернуть цепь и незамедлительно атаковать. Рассуждал он в принципе логично. Занятый ремонтом транспорта, противник не успеет организовать оборону. И его можно прихватить без особых хлопот.

Уверенный в себе, Уншлихт отмахнулся от предостережений унтера, не стал подгонять ближе грузовик с пулеметом и погнал цепь вперед.

Комендантская рота, как тыловое подразделение, была вооружена карабинами. Во взводе только один пулемет и три МР, у командиров отделений. Имея такое вооружение, идти даже на малочисленного противника можно только при под-

держке артиллерии и танков. Как уже известно, усиленные группы шли на помощь, но ждать их Уншлихт не хотел. Он был очень зол...

Когда с левого фланга неожиданно ударил пулемет, цепь немедленно залегла. А потом, повинуясь окрикам обер-лейтенанта, начала медленно ползти вперед. Используя неровности местности и деревья в качестве укрытия, волнами, прикрывая друг друга огнем, солдаты постепенно охватывали пулеметчика с флангов. Тот работал очень четко. Короткими очередями придавливал к земле, заставлял лежать с уткнувшимся в траву лицом, не давая подойти. И после двух-трех очередей менял позицию.

На земле уже лежало с десяток убитых и раненых, поэтому солдаты несколько снизили темп продвижения. А Уншлихт торопил их, ему не терпелось захватить пулеметчика. На потери он не обращал внимания.

А еще он упустил из виду правый фланг. Там было тихо и обер-лейтенант не оставил даже наблюдателя. Поэтому ни он, ни его солдаты не заметили изредка мелькавший за деревьями силуэт метрах в ста от них. И когда очередная группа под прикрытием товарищей попробовала переползти вперед, за спиной вдруг раздалась длинная (в полмагазина) очередь.

Солдаты немедленно попадали в траву, те, кто был сзади, развернули стволы и открыли неприцельный огонь, чтобы спугнуть стрелка. Но тот исчез. Чтобы через несколько секунд опять дать очередь с другой позиции.

Но Уншлихт этого уже не видел и не слышал. Первые же пули разворотили спину, превратили внутренности в фарш и переломали несколько ребер, добавляя осколки костей к кровавой каше.

Потеряв командира, немцы замерли на месте, а потом начали отползать назад. А когда в дело вступил второй пулемет, и вовсе побежали. Атака захлебнулась...

Второй пулемет снял со станка БТРа Герман. И пока Виктор выводил втащенный, наконец, БТР на дорогу, он поспе-

шил к друзьям на помощь. Его огонь окончательно расстроил немецкую атаку.

Выпустив по убежавшим фрицам пару очередей, Герман крикнул Олегу:

— Ну что, соберем трофеи?

— Уё...ваем!! — проорал тот, вскакивая на ноги и хватая пулемет.

— Атас, братва! — подхватил вылетевший из-за березы Артем. — К фрицам помощь идет!

Он ткнуло пальцем за спину. По дороге от деревни в их сторону ехали танки.

— У ё! — прошептал Герман, перекидывая пулемет с руки на руку. — Точно пора тикать. Ты чего?

Вопрос адресовался Олегу. Тот, кривя губы, ковылял к нему.

— Ранило? — первым сообразил Артем. — Куда?

— В ногу. Вроде несильно. Кость не задета.

— Гера, хватай его на руки. Я пулеметы возьму.

Герман кивнул, шагнул к Олегу, легко оторвал от земли девяносто пять килограммов живого веса и почти бегом понес к БТРу. Следом бежал Артем с двумя пулеметами на плечах. Его StG болтался на ремне, ударяя в такт шагам по бедру.

Немцы, увидев, что к ним идет подкрепление, повернули обратно. Ставший опять командиром унтер-офицер приказал одной группе открыть беглый огонь по противнику, а с остальными бросился в погоню.

Пули свистели, в основном, в стороне от машины, только изредка пролетая рядом (все-таки расстояние было около километра). Но на нервы давили.

Подождав, пока парни залезут внутрь, Виктор тронул БТР с места и погнал по узкой, но вполне проходимой дороге вглубь леса, моля всех чертей и богов, чтобы только ничего на пути не оказалось.

Герман, осторожно усадив Олега на сиденье, положил пулемет на борт и бил короткими, отгоняя не в меру ретивую

погоню. Артем спешно разрывал штанину и готовил аптечку. Кровь из раны уже капала на пол. Надо срочно перевязывать.

Они проскочили развилку дорог, два поворота и подъехали к небольшому взгорку. Дальше дорога сужалась. Можно проехать еще метров сорок.

— Что встал? Гони! — крикнул Герман.

— Куда? Мы на месте. И дороги больше нет.

Герман опустил пулемет, тяжело дыша вытер лоб и огляделся. Место вроде знакомое. Но где же проклятый переход?

— Давай до упора. Встанет машина тогда...

Виктор послушно повел машину вперед. Вдалеке раздались выстрелы. Погоня шла по пятам. Еще немного и она будет здесь.

Последние метры машина шла, стесывая бортами кору с деревьев. Дорога сужалась. Виктор хотел был уже глушить мотор, когда Герман ухватил его за плечо.

— Смотри, впереди! Просвет. Может опушка? Давай туда.

— Машина встанет.

— Попробуй.

Возражать упрямому балбесу не было сил. Витя резко дернул машину, втискивая ее в узкую щель между деревьями, и поддал газу. Мотор заревел на высоких оборотах, колеса начали пробуксовывать.

— Да что тебя разорвало, тварь ты эдакая! — непонятно в чей адрес выговаривал Герман. — Что ты, сука долбанная, подохла! Чтоб...

Что еще хорошего хотел пожелать Герман неизвестному адресату, осталось неизвестным. Деревья вдруг исчезли. Машина, взнуданная до предела, получила свободу и рванула вперед. От неожиданности Герман не устоял на ногах и рухнул на мешки и тюки.

— Блядь!

Ошарашенный Виктор удивленно разглядывал возникшую буквально ниоткуда опушку леса, дорогу и маленькие черные домики деревни. А потом вдруг заголосило радио:

— Ой, Чита-чита, дрита! Танец заводной! Ой, Чита-чита, дрита! Ты потанцуй со мной!..

И тут же запищал мобильник, докладывая о полученных SMS-сообщениях. Витя глянул на магнитола, потом на мобильник, и вдруг заорал:

— Пацаны! Мы вылезли! Вылезли!

К нему подскочил Герман, и, потирая затылок, глянул на дорогу.

— Епона мать! В натуре вылезли!

Шедшая к подруге старушка с удивлением смотрела на большую машину, стоявшую на краю леса и на плясавших вокруг нее парней. Из-за слабости зрения она не разглядела их одежды и решила, что это туристы. Прошептав под нос что-то о молодежи, старушка пошла дальше, привычно переставляя палку и приволакивая левую ногу.

Стара стала Нина Семеновна. Совсем плоха. Не то что шестьдесят лет назад, когда спасли ее от неминуемой гибели странные парни в гестаповской форме. Столько лет прошло, а до сих пор перед глазами молодое веселое лицо того богатыря, что смотрел на нее восхищенным взглядом. И даже имя помнила. Герман...

Минут двадцать после перехода они только и делали, что отвечали на звонки и послания. Встречу у озера отменили, сославшись на срочные дела. Быстро доехали до перевалочной базы, где сняли гестаповскую форму, спрятали оружие и БТР, а потом на своих машинах рванули к городу. Там жил знакомый врач, способный провести хирургическую операции в домашних условиях. Олегу срочно требовалась помощь.

Через два дня, когда их товарищ немного отошел от операции, они поехали домой. О странной истории с провалом в прошлое никому не говорили, справедливо опасаясь быть обвиненными в злоупотреблении спиртным.

А отпуск на следующий год решили провести в другом месте. И без маскарада. После пережитого расхотелось щеголять в нацистской форме. Слишком ярки были воспоминания о невероятном вояже.

Но оружие сохранили. И правильно сделали. Оно национальности не знает. И может пригодиться в любое время и в любом месте. Тем более в этой стране...

— ...Я бы назвал этот эффект отражением.

— Почему отражением?

— До сих получая энергию от главного блока, выносной блок как бы отражает генерируемое поле в разные стороны. Таким образом, образуются «дыры» во времени. Куда, по нашим сведениям, уже угоди кое-кто.

— Интересно, — потер кулаком подбородок Михаил Андреевич. — Я бы сказал — оригинально. Научно совершенно недоказуемо, но оригинально.

— Возможно, — улыбнулся автор идеи. — Но то, что недоказуемо сегодня, завтра станет истиной.

— Поддерживаю коллегу, — подал голос Денис Гудков. — Тем более именно он сумел отыскать пропавший блок и дать объяснение произошедшему.

— Кхм!..

Шепелев откашлялся, вытер платком губы и кивнул. Упоминание о бывшей катастрофе при эксперименте задело его, но, будучи человеком справедливым и необидчивым, он сразу забыл об этом.

— Что ж. Примем вашу версию, как рабочую. И станем думать, как достать этот блок обратно.

— Думаю, для этого нам придется сначала создать постоянно действующий канал, по которому мы сможем переправить в прошлое специальную группу. Чтобы она приволокла блок обратно.

— Что? Но это же значит — создать машину времени! Вы это понимаете?

— Понимаю, профессор. Более того — знаю. Ведь вы ее уже создали.

— Как?

— Создав генератор поля и тестовый снаряд. Они — прототип того аппарата, который нам предстоит собрать.

Шепелев и Гудков переглянулись и почти синхронно покачали плечами. Этот инженер-самородок умел ставить в тупик.

— Допустим, мы создадим такую машину, — осторожно начал профессор. — И даже отправим в прошлое людей. Но как мы отыщем выносной блок?

— Элементарно, дорогой профессор, — улыбнулся инженер. — По следам того самого отражения.

— По следам отражения... — повторил профессор. — Оригинально. И вынужден признать — вполне правдиво.

Инженер благодарно склонил голову. Впрочем, что это все — инженер да инженер. Пора его представить. Владимир Ильич Ленин. Чтобы снять все вопросы относительно его отношения к *тому* Ленину, скажем — просто однофамилец. Полный тезка. И никаким боком не родственник.

Так вот, Володя Ленин принял похвалу знаменитого ученого и довольно улыбнулся. А профессор, чтобы молодой коллега не особо задирал нос, тут же огорошил:

— Но отсидеться в стороне не рассчитывайте, молодой человек. Раз ваши революционные идеи находят подтверждение практикой, то вы и будете руководить группой по разработке аппарата с условным названием «машина времени». Чтобы на себе познать, насколько горек хлеб ученого.

— Я согласен, профессор, — опять склонил голову Володя. — И даже рад.

— В таком случае — за работу. Нечего тратить время на лозозубности. Пора, как пелось в одной песне, сказку делать былью. Пока другие не опередили...

Шепелев встал с кресла и первым вышел из кабинета. За ним последовали помощники. Через пять минут они выехали со двора дома и поехали в институт. Делать сказку былью...

Содержание

Владимир Васильев. NO PAST (цикл «Ведьмак из Большого Киева»)	5
Юлия Остапенко. ЖАЖДА СНЯЩИХ	54
Денис Юрин. РЦК678	98
Элеонора Раткевич. Из цикла рассказов «ТАМ, ГДЕ БУДЕТ МОЙ ДОМ»	195
Евгений Малинин. ИЗВЕРЖОНОК (Отрывок из романа «Волчья Звезда»)	265
Дмитрий Воронин. АТЛАНТИДА. ПАДЕНИЕ ГРАНИЦ ...	378
Алексей Фомичев. СЛЕД ОТРАЖЕНИЯ	479

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000**

**Справки по телефону: (095) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>**

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Атлантида

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор Т.В. Сафаришвили

Младший редактор Е.В. Демидова

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»

143900, Московская область,

г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.

РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,

д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 5-17-033166-5

9 785170 331666

Мастера отечественной фантастики приглашают вас в путешествие по мирам!

Мирам, уже давно вам полюбившимся, — и мирам, с которыми вам еще предстоит познакомиться...

Мирам далекого и недалекого будущего — и мирам фэнтези и литературных легенд, классических и не очень...

Среди этих миров есть добрые — и жестокие, страшные — и откровенно СМЕШНЫЕ.

Но в каждом из этих миров СТОИТ ПОБЫВАТЬ!

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДАНЫЙ